ТАЙНА
ЛЬВА ГУМИЛЕВА

Дмитрий
АБРАМОВ

Ордынская броня Александра Невского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛГОРИТМ»

ТАЙНА
ЛЬВА ГУМИЛЕВА

Дмитрий
АБРАМОВ

Ордынская броня Александра Невского

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2006

УДК 94(100)"653"
ББК 63.3(2)4
А 16

С великой благодарностью и признательностью своим вдохновителям и консультантам:
Т.В. Де-Коннор, Г.Я. Мокееву, И.С. Красовскому, Е.П. Маматовой

Оформление А. Новикова

Абрамов Д.М.
А 16 Ордынская броня Александра Невского / Дмитрий Абрамов. — М.: Алгоритм, 2006. — 752 с. — (Тайна Льва Гумилева).

ISBN 5-9265-0278-0

Имя национального русского героя и святого князя Александра Ярославовича Невского известно всем. Однако знания о нем чаще всего ограничены блистательной победой над псами-рыцарями на льду Чудского озера. А как жил Александр до этого подвига? Как прошло его детство и отрочество? Об этом рассказывает увлекательная книга Дмитрия Абрамова. Автора отличают глубокие познания исторических реалий того времени. В книге подробно описывается воинское снаряжение, тактика военных действий средневекового русского воинства. Широк и географический диапазон событий, описанных в книге, — от монгольских степей до византийской столицы. Политические интриги, война, юношеская любовь молодого княжича и его боевые подвиги — все это не оставит равнодушным никого из любителей русской истории.

УДК 94(100)"653"
ББК 63.3(2)4

ISBN 5-9265-0278-0

© Абрамов Д.М., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

ОРДЫНСКАЯ БРОНЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Часть первая

«СОКРОВЕННОЕ»

Сокровища летописанья,
С веками давними в свиданье
Откроем кончиком пера.
Вещает в жилах кровь: «Пора...»

Бурная весна 1223 года встревожила и разбудила южные степи Восточной Европы топотом тысяч лошадиных копыт, боевыми криками, предсмертными стонами, пожарами горных селений и степных кочевий, запылавшими от Дербента и предгорий Северного Кавказа до Крыма и Южного Поднепровья. Здесь на восточных границах западного мира даже в ту тревожную и грозящую нашествиями эпоху редко видели люди столь хорошо организованных и жестоких завоевателей.

«В лето 6731 по грехам нашим пришли народы незнаемые... Пришла неслыханная рать, безбожные моавитяне, рекомые татары, их же никто ясно не знает,

кто они и откуда пришли ...» — так звучала бы в современном переводе запись древнерусского летописца, сделанная в тот год.

Уже были залиты кровью и покорены Армения и Грузия, оказавшие сопротивление татаро-монголам в горных долинах Закавказья. Уже пали казавшиеся неприступными стены Шемахи — столицы азербайджанских ширван-шахов. Уже были разбиты горцы Дагестана, не сумевшие задержать завоевателей в узких ущельях Кавказского хребта, когда стремительная монгольская конница вырвалась на степной простор и разметала племенные дружины обезов и касогов[1]. Монголы выжгли их селения, пленили их женщин и детей, угнали табуны лошадей и стада скота. Лишь аланы*, сражавшиеся в предгорьях не на жизнь, а на смерть, смогли большой кровью отбиться от завоевателей. Они уходили высоко в горы, уводили с собой свои семьи, угоняли скот и укреплялись в горных крепостях.

Часто меняя уставших коней, откармливая их весенней молодой травой, монголы быстро продвинулись к низовьям Дона. Передовые отряды монгольской конницы совершали переходы до 80 верст в день. Обозы конного войска со стадами скота и запасными лошадьми двигались намного медленнее, но находились под надежной охраной. Как крылья орла по обе стороны от главной части войска разлетались конные отряды, разорявшие окрестности, возвращавшиеся с полоном и менявшие друг друга.

Узнав о приближении завоевателей, забеспокоились и стали сниматься с насиженных мест по берегам степных рек бродники*. Они прятали свои семьи и скот в глухих урочищах, собирались в небольшие конные

[1] Значение слов, отмеченных знаком * см. в словаре-приложении.

дружины и ватаги. Днем отсиживались в глубоких логах, ночью стояли в степи на стороже. Выйдя к Дону, монголы обрушились на кыпчаков, кого на Руси знали как «безбожных половцев». Засвистели меткие монгольские стрелы, зазвенели монгольские сабли, запылали половецкие кочевья, завыли и запричитали половецкие жены, оплакивая своих мужей и сыновей, заплакали дети и старики, угоняемые в полон*. Оставляя родные степи, половцы побежали к рубежам Руси — к Суле и Днепру.

Глава I

На берегах Словутича

Белые чайки тревожно кричали и кружились над Днепром. Теплый южный ветер гулял в волнах вольной и широкой реки и в волнах молодой степной травы. С реки на берега несло свежестью воды, запахом камыша, осоки и рыбы. Весна заканчивалась и медленно уступала лету. Шумно было на малообжитом правобережье Днепра в нескольких днях пути на юг от Киева. Уже три дня подряд вдоль берега вниз по течению под парусами и на веслах шли полки с Южной и Средней Руси. Вешняя вода быстро катила в море. Днепр все заметнее входил в свои берега после весеннего разлива. Все явственнее определялись далекие острова посреди широкой реки. Несмотря на грозное движение ратей, здесь на правом берегу еще было мирно и спокойно.

Русские полки встали у небольшого прибрежного городка Заруб напротив острова на реке, известного как Варяжский. В сухое время года у острова появлялся брод. Войска разбили стан. Истомленные долгими переходами и греблей на веслах, воины отдыхали, купались, купали и холили боевых коней, ловили рыбу. Вечерами у костров собирались ватагами, варили уху, кашу, понемногу бражничали, играли в зернь и судачили о том, что творилось окрест.

— Виждь, колико воев совкупиша ся суть зде и пеше и комонно? А колико лодей и насадов пришед? Числом суть полъвътора ста,— молвил бородатый немолодой княжеский

кметь* из Козельска, сидевший, поджав ноги на щите в одной из ватаг. Он обращался к своему усатому соседу помоложе, сидевшему на бревне.

— Любо велико обстояние приближило ся есть, аще убо и погании половци со своима князми прибегли по ны, — ответствовал усатый. — Чи видел еси половци, Гориславко? — спросил усатый у еще более молодого и безусого гридя* в белой рубахе с подпояской и в портах.

— Видел есьм. Чудни суть погании, — отвечал гридь. — Почто же сии потщили ся суть под стязи християнские? Нешто неции погании по другом брезе Словутиця сиим злы недруги, Твердислав? — спросил он у бородатого кметя.

— Попущением Божиим ступили суть половци под християнские стязи. Не быти ту добру, бо посреде християн погании суть, аки волци середь овчатъ. И во Святем Писании глаголемо: «Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекают е и во огнь вметают», да еще глаголемо: «Жатва убо многа, делателей же мало», — заключил он.

Беседа продолжалась. Твердислав не спеша рассказал товарищам о том, что сам слышал от своего знакомого из челяди князя Мстислава Удалого. А тот повествовал, как половецкий хан Котян прискакал со своими князьями и остатками разгромленной рати к Половецкому валу, что на левом берегу Днепра у реки Сулы, и поставил там свои шатры. Этот Котян был тестем Мстиславу Мстиславичу, князю Торопецкому, прозванному на Руси Удатным (Удалым). Мстислав сидел на Галицком столе*. А позвали его туда галицкие бояре из Новгорода Великого, ибо были они в распре с молодым наследным галицким князем Даниилом Романовичем. Но не врагом стал Мстислав Удалой Даниилу, а помощником и тестем — дочь свою отдал за молодого князя. Котян прибыл в Галич и поклонился зятю своему Мстиславу и Даниилу, и брату его Василько, и одарил русских князей и конями, и верблюдами, и быками, и невольницами, и говорил так:

— Нашу землю татары отняли сегодня, а вашу завтра возьмут. Приходите, обороните нас. Если не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы завтра.

Долго думали князья и поехали в стольный Киев и сотворили совет с великим князем Мстиславом Романовичем. Призвали и других русских князей. На совет прибыли: князь Мстислав Святославович Козельский, сидевший тогда в Чернигове, князь Смоленский Владимир Рюрикович и их бояре. Были на совете и молодые князья — сын Мстислава Киевского Всеволод и наследник черниговского стола Михаил Всеволодович. И решили князья: лучше встретить татар на чужой земле, нежели на своей. Собрали войска и пошли в Поле.

— Зде у Поля и обретохом ся есте днесь, — закончил Твердислав.

— А велико есть число воев, совкупиша ся по зову княжеску? — опять спросил Горислав.

— Два-десять тысящ, не менее есть, — высказал предположение усатый кметь, кого звали Боримиром.

— Не право речеши еси, Боримирко, — возразил Твердислав, — поменее есть, чти менее два-на-десяте тысящ.

Воины заспорили. Боримир упирал на то, что с половцами в русском войске набиралось до двадцати тысяч воинов. Твердислав же, более опытный, побывавший не в одном походе, хорошо знал, как собирались полки. Он спокойно и без пыла убеждал, что русская рать и с половцами не имела двенадцати тысяч. Вздохнув, он с сожалением добавил, что на княжеский совет в Киеве не приехал великий князь Владимиро-Суздальский Юрий Всеволодович. И хотя обещал в грамоте послать в помощь свой полк, но видимо с этим не торопился. По слухам, владимирские и суздальские вои были еще где-то на пути к Чернигову.

До полуночи шел разговор у костра. Постепенно усталые воины устраивались поудобнее и засыпали. Не спала только сторожа по краям русского стана и на левом берегу Днепра.

В прибрежных кустах ракит и в Заднепровской ивовой лозе защелкали соловьи. Синяя, ночная, теплая дымка укрыла воинский стан.

* * *

Ранним утром на восходе солнца береговая русская сторожа зажгла костер на холме и подняла сполох*. С высокого правого берега Днепра было видно, как к степному левому берегу быстро наметом шел отряд верхоконных воинов числом до полусотни. Русская конная сторожа*, собравшись заедин, готовилась к соступу*. Воины быстро натягивали тетивы на луки, поудобнее перехватывали копья и сулицы*. При подходе к русичам татары, а это были они, остановили коней на расстоянии полета стрелы. Бой не начинался. Какое-то время с той и с другой стороны было совсем тихо. Затем от татар отъехали двое, высоко подняв копье с бунчуком*, укрепленным на конце древка у лезвия наконечника. Завязались переговоры. Татары дали понять, что они — послы, направленные к русским князьям. Русская сторожа отправила трех воинов в лодке на правый берег Днепра с этим известием. Скоро многие в русском стане узнали о посольстве. Как прошел незамеченным небольшой татарский отряд мимо Половецкого вала и сторожевых русских городов у Дикого Поля — Воина, Горошина, Сакова, Песочена, и почему никто не подал вестей с рубежа, было непонятно.

Русичи смотрели за реку, ожидая, что князья отправят ладьи на левый берег. Князья держали совет. В напряженном ожидании прошел час. Томилась русская сторожа, ожидая исхода событий. Молча ждали татары.

Вдруг раздался громкий гортанный клич на неизвестном русичам языке. Татары, как один, сошли с коней, и, ведя их в поводу, двинулись к берегу, обойдя сторожу стороной. У берега многие из них стали снимать кожаные вьюки, закрепленные у задней луки седла. Какое-то время татарские ратники с потемневшими от натуги смуглыми лицами

надували кожаные мешки. Русичи из сторожи с интересом наблюдали за этим. Потом последовал новый гортанный приказ на татарском. Ратные, ведя коней в поводу, неся мешки перед собой, прямо в одежде пошли в воду и поплыли. Вскоре весь татарский отряд вместе с лошадьми достиг стремнины. Отдельные смелые пловцы, держась за лошадей, плыли без мешков. Кони фыркали, ржали, борясь с сильным течением Днепра. На отмели у Варяжского острова татары недолго передохнули и вновь пошли в воду. Часа не прошло, как почти весь татарский отряд на глазах оживившейся русской рати выгреб на правый берег немного ниже по течению от русского стана. Отдельных течение отнесло еще дальше. Такая переправа удивила русичей. Правда, у нескольких татар стремнина унесла коней, двое не дотянули до берега, и их вечным пристанищем стало речное дно.

Какое-то время пришельцы разжигали костры, приводили себя в порядок, обсыхали, надевали доспехи и прилаживали их, успокаивали и обтирали попонами лошадей. Русские, кто посмелей, спускались с крутого берега и, подходя ближе, разглядывали неведомых ранее степняков. Каждый татарский воин имел два или три лука. Татарский лук сильно отличался от половецкого или русского — был больше и тяжелее. У каждого воина было два или три колчана, наполненных стрелами. У каждого седла были приторочены веревки и арканы. Большинство воинов имело копья, у наконечников которых крепились крючья. Многие были вооружены небольшой секирой, притороченной у пояса или седла, иные имели кривые мечи или сабли. За спиной у всех были небольшие круглые щиты. Как правило, одеты они были небогато — в нагольные тулупы, плотные кожаные рубахи или панцири, кожаные штаны. На голове часто можно было увидеть шапку, шитую из меха степного волка или лисы. Видимо, более знатные и родовитые носили кольчуги и островерхие шеломы как у русичей. Шею и плечи у них покрывали бармицы*. Поверх

мягких сапог крепились поножи. У двоих — самых знатных, что было заметно по манере властно вести себя, даже лошади со стороны груди и боков были одеты в кожаные доспехи.

Вскоре эти двое в окружении десятка всадников отделились от остального отряда и, подняв бунчук, двинулись в гору. Великий князь Мстислав Киевский выслал навстречу послам сопровождение. Русские князья и несколько священников собрались в шатре киевского князя принять татарских послов. Туда же прискакал половецкий хан Котян со своими князьями. В шатер вошло семь человек из посольства во главе с широкоплечим монгольским батыром, в ком внешность и поведение выдавали представителя знатного рода. На нем была длинная до колен кольчуга с разрезами у бедер, отливавшая тусклой синевой не так давно кованной стали и островерхий шелом с бармицей. У кожаного пояса с левого бока висела кривая сабля в ножнах, которую он властно придерживал левой дланью*. На ногах были мягкие сапожки. Многим русичам бросилось в глаза то, что на груди батыра поверх кольчуги на кованой цепочке висел деревянный наперстный крест хорошей резной работы. Сняв шелом, обнажив при этом пышную шевелюру с прядями седых волос, посол без всякого подобострастия, с достоинством и уважением сделал поклон перед великим князем, восседавшим в центре окружавших его сподвижников. Князь и его окружение склонили головы в ответ. Затем он обратился к княжескому совету и поклонился дважды. Князья, встав с лавок, взаимно поклонились.

Посол говорил недолго. Толмач* из татар стал пересказывать слова посла по-половецки. Половецкий толмач из свиты Котяна переводил эти слова по-русски. Смысл их сводился к тому, что воеводы-темники: Джэбэ, Субутдай и Тугачар, ведущие конные татарские рати, передавали поклон русским князьям и желали дружбы и мира. Великий князь Мстислав Киевский через толмача попросил посла рассказать, из каких земель пришли татары, кто они и волю какого царя выполняет

их посольство. Посол отвечал, что земля их лежит далеко на Востоке, более чем в полутораста днях конного пути. Там многими народами правит покоритель Хиновского* царства и державы Хорезмшахов великий каан Темуджин, чью волю исполняют темники и он — посол. Среди русских князей пронесся шепот. Великий князь склонил голову и выслушал тихие слова своего священника. Наверное, с его слов он снова задал вопрос о том, почему у посла на груди крест и какой веры придерживается каан Темуджин и подвластные ему народы. Посол отвечал, что великий каан и монгольский народ поклоняются Вечному Небу и матери — Земле и приносят им жертвы. Что покоренные хины поклоняются Будде, а покоренные хорезмийцы следуют слову Магомета. Но многие сильные и большие народы Великой Степи и гор: найманы, кераиты, кара-кидани, уйгуры и другие подданные великого каана исповедуют Христа. Сам же он — посол принадлежит к народу найманов, который держится христианской веры уже много веков. Новая волна шепота прошла среди русских князей. Тогда из окружения Мстислава Киевского на шаг вперед выступил княжеский священник и, обратясь к послу, громко спросил:

— Яко веруете? — Посол отвечал через толмача, с трудом переводившего его речь, что веруют они во единаго Бога Отца, Творца небу и земли. И в Сына Его единосущнаго, Спасителя людей — Христа, воплотившегося Духом Божиим в человеке Исусе, рожденном от простой девы Марии и распятом на кресте во спасение прибегающих к нему.

— А яко же почтите есте Пресвятую Деву Богородицу? — вновь громко и настороженно спросил священник.

— Деве ли родити Бога? Богу ли вкушати млеко? — вопросом на вопрос отвечал посол.

— Нечестивые христьяне суть! Глаголюще яко же лжеучитель Несторий, иже предасте анафеме древнии отьци Църкви третиим Вселенским събором. Не есте на вы покрова

и заступничества Пресвятыя Богородицы, — воскликнул священник, перекрестясь и отступив назад в окружение князя. Толмачи молчали, видимо не находя слов для перевода трудных богословских понятий, или из осторожности, так как обстановка в шатре великого князя накалилась после резких слов княжеского духовника. Князья громко заговорили, что-то обсуждая. Мстислав Киевский шепотом успокаивал священника, который слишком резко выказал свою неприязнь послу. Молча стояли монголы, не понимая, в чем причина шума.

Малое время спустя шум в княжеском шатре стал стихать, и монгольский посол, так и не дождавшийся перевода того, что последним изрек священник, вновь заговорил. Слова летописца, донесшего речь посла, в современном русском языке прозвучат примерно так:

— Слышали мы, что идете вы против нас, послушав половцев. Но мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел. На вас не приходили, но пришли, посланные Богом, на холопов своих и на конюхов, на поганых половцев. Возьмите с нами мир, а нам с вами войны нет. Если бегут к вам половцы, то вы бейте их и добро их берите себе. Слышали мы, что и вам они много зла сотворили. Поэтому и мы бьем их... — закончил посол, указав на Котяна и его окружение.

Лицо Котяна исказилось. Брызгая слюной, хан стал по-половецки извергать оскорбления в адрес посла и вырвал из ножен саблю. Толмачи молчали, но посол видимо понял все и без перевода. Началось волнение и среди русских князей. Послышались угрозы. Князь Мстислав Удалой сжал рукоять меча и потянул его вон из ножен. Но ни один мускул не дрогнул на скуластом и загорелом лице посла, только сузились и стали хищными, как у рыси, зрачки его раскосых глаз. Князь Мстислав Киевский, подняв вверх длани рук, пытался успокоить других князей, но тщетно. Поняв, что переговоры не удались и его миссия окончена, посол развернулся спиной

к княжескому совету и вышел вон из шатра со своим сопровождением.

Котян с налитым кровью лицом призвал русских князей перебить монгольское посольство как разведчиков и соглядатаев, засланных в русский стан. Его зять Мстислав Удалой и князь Даниил поддержали хана. Мстислав Киевский не смог ни остановить, ни сдержать их. Тут же было послано за лучниками и кметями.

Не успело монгольское посольство спуститься с береговой кручи к отряду сопровождения, как за спинами монголов запели тетивы половецких и русских луков. Сотни стрел, пущенных с высокого откоса, градом рассекли струившийся и игравший, как искривленное стекло, теплый воздух у прибрежных холмов. Со свистом и треском, нарушившим гармонию природы и мирную тишину, стрелы обрушились на людей и лошадей, поражая их со спины. Стоны и предсмертный храп разнеслись над берегом. Новый поток стрел достал и татар, стоявших у воды. Десятка полтора татарских воинов, успевших выхватить луки из колчанов и пытавшихся отбиться, послало редкие стрелы в ответ. Другие успели добежать до прибрежных кустов и также стали стрелять уже прицельно. Этих стрелков, попрятавшихся в кустарнике, половецкие и русские лучники поразили не сразу. Но организовать оборону и отход татары не успели, слишком неожиданным и предательским для них оказалось нападение. Слишком значительным был перевес сил со стороны половцев и русских. Многие татарские кони разбежались вдоль берега. Крытые цветастыми ортмами *, отнятыми у половцев, эти кони долго не давались в руки чужакам.

Бой был скоротечным. Половецкие лучники, в запальчивости приблизившиеся к татарам, пронзенные меткими стрелами, падали вниз с откоса. Но и почти все татарские воины легли под стрелами на берегу или уже в воде. Лишь нескольким из них удалось с лошадьми достичь отмели и

брода, тянувшегося по реке от Варяжского острова, а оттуда, с трудом миновав русскую сторожу, отстреливаясь, достичь левого берега Днепра и уйти в Поле.

Мстительные половцы, ранее разгромленные татарами и пострадавшие от них, добивали у реки раненных и вместе с русичами снимали оружие и доспехи с убитых. Половецкий воевода — могучий и рослый князь Ярун, сидевший верхом на вороном жеребце у кручи над спуском к Днепру, с удовольствием причмокивал губами. Затем, подозвав движением руки нукеров, велел им принести голову посла. Нукеры тотчас исполнили приказ. С отвращением подняв отсеченную, окровавленную голову за волосы, Ярун всмотрелся в искаженные смертью черты некогда благородного лица и с нескрываемым ужасом отбросил ее. По его приказу голову насадили на острие бунчука и отвезли к шатру Котяна, воткнув бунчук у шатра.

А у воды заканчивался последний акт разыгравшегося побоища. Были добиты все раненые и раздеты все побитые татары. Еще отлавливали разбежавшихся татарских коней. На прибрежных камнях бился в смертельных конвульсиях буланый монгольский конь, пронзенный в шею и в пах несколькими стрелами. Черная кровь, загустевая, все еще текла из смертельных ран. Конь бил задней правой, поднимал голову и, испуская розовую пену, дико и хрипло ржал. Подошедший половец мстительно, несколькими ударами длинного ножа добил его, перерезав ему горло, и, скликая своих сородичей, стал потрошить коня и снимать с него шкуру.

* * *

Несколько дней простояло русское войско против Варяжского острова. На княжеском совете решено было идти южнее. Все пешее войско на ладьях и в насадах и часть конницы должны были спуститься вниз по реке и ее правобережью к порогам. Конным княжеским дружинам и половцам предстояло пройти через степи к низовьям Днепра, чтобы собрать

рассеянные по степи половецкие отряды и кочевья и встретить судовую рать, шедшую на веслах и парусах по Русскому морю* в Днепр из Галицко-Волынской земли. Войска, свернув стан, двинулись в поход.

* * *

Прошло полторы седмицы, когда конные княжеские дружины подошли к Олешью — крупному селению в низовьях реки. Солнце стояло в зените, играя как в зеркале на широком, сверкающем разливе Днепра. Но не было уже прежней безмятежности и спокойствия. Вои, все чаще прикрывая глаза дланью от яркого солнца, с тревогой всматривались в заднепровскую даль. Оттуда от раза к разу и все чаще теплый ветер доносил запахи гари и далекие пугающие и непонятные звуки. Иногда там, далеко, на восточном горизонте появлялся дым, и зоркий глаз русского дружинника улавливал, как передвигались отряды верхоконных. Ночами горизонт на востоке полыхал заревом пожаров. К Днепровскому лиману ушла сторожа из козельского и путивльского полков встречать судовую рать, шедшую морем из Галицко-Волынской земли. Через день русские дружины увидели более ста ладей и насадов, шедших на всех парусах и веслах с воинами и лошадьми вверх по течению реки им навстречу. С ними пришла и большая дружина князя Мстислава Удалого.

Здесь же, у Олешья, к великому князю Мстиславу Киевскому вновь пришли татарские послы, но уже без сопровождения. Великий князь принял послов тайно, со своим окружением. Половецкий толмач перевел с их слов, что татарские темники не желают воевать с Русью, но если русские князья послушали половцев, то Бог рассудит русичей и татар. Чтобы излишне не накалять обстановку, великий князь отпустил послов с миром.

Тайное вскоре стало явным. Узнав об этих переговорах, Мстислав Удалой приехал на совет к Котяну, где и высказал свое негодование. Но Котян был в хорошем настроении,

радушно принял и успокоил князя. К Олешью подходили новые половецкие отряды и кочевья, избежавшие татарского погрома.

И все же радость Котяна оказалась преждевременной. Половцев действительно было немало, но в основном это были старики, женщины и дети, бросившие добро и скот за Днепром. Ратных же было мало — не более трех тысяч, да и те были потрепаны в боях и в отступлении или чудом вырвались из окружения и полона. Объезжая половецкие кочевья, подходившие к Олешью, с удивлением и разочарованием взирали Котян и Мстислав на обедневшие половецкие возы с поклажей, драные юрты и шатры, редкие стада и гурты скота и табуны коней. Подлинное богатство половцев — огромные отары овец, большие шатры и юрты, множество возов были брошены за Днепром во время бегства. Молча и с горечью смотрел Котян на голодных и плачущих половецких детей, покрытых пылью, потускневших женщин, ослабевших стариков. Во взглядах уцелевших половецких воинов сквозили неуверенность и тревога.

Вечером в шатре галицкого князя собрался малый совет: Мстислав Удалой, молодой князь Даниил со своим братом Васильком и Котян со своими ближними князьями. Сидели на кошме, поджав ноги, пили вино, ели баранину, жаренную на костре. Угнетенный дневными впечатлениями, Котян молчал и много пил. Русские князья и половцы негромко переговаривались. Вскоре хмель развязал хану язык и, понемногу горячась, он стал все громче говорить о том, как отомстит татарам. Молодой Даниил вторил хану. Мстислав Удалой больше отмалчивался. Обтерев руки от бараньего жира шитым половецким убрусом*, он пригубил еще вина и внимательно посмотрел на хана. Ни один мускул не дрогнул на породистом и жестком лице Мстислава, лишь недобро прищурились холодные глаза, когда он, пытаясь успокоить тестя, наконец изрек:

— Хощу есмь, хан, спокоить тя. С зарания завтра поиду язъ за Словутич со свои полцем, дабы позрети силу татарскую во стороже. В моем пълце ти сведоми кмети: пути имь ведоми, яругы* имь знаеми. Время есть дело начати, да съвершати. А Господь Бог въздасть по делом нашим.

Услышав о задуманном от Мстислава, Котян воспрял, привстал и обнял князя за плечи. Выпивший, разрумянившийся Даниил также стал проситься с князем Мстиславом перейти Днепр и сходить в сторожу. Но Мстислав отказал молодому зятю и урезонил его. Уже пожилой, но все еще жадный до славы и гордый Торопецкий князь первую победу в этом походе решил взять только сам. Посидев еще недолго, князья разъехались спать в свои шатры.

Однако изрядно подгулявший торопчанин — слуга Мстислава Удалого — знакомец Твердислава — заявился заполночь к своему закадычному другу. Устроившись у костра и угостившись еще ковшом медовухи, он рассказал Твердиславу и его сотоварищам о том, что его князь собирается заутро перейти со своим полком на левый берег реки и разведать татарскую силу. Так Твердислав и козляне узнали о разговоре в княжеском шатре. Правда, те не поверили подгулявшему торопчанину, сочтя его слова за хмельное бахвальство. Но посерьезневший Твердислав усадил своего друга в седло и спровадил в галицкий стан, дабы тот проспался и не болтал невесть что.

* * *

В предрассветной утренней дымке более тысячи русских воинов с лошадьми и оружием, приторочив доспехи у седельных лук, спустились в тишине к реке и стали переправляться, кто на лодках, а кто и вплавь по броду на левый берег Днепра. В русском стане спали, ничего не зная о происходящем.

Полк Мстислава Удалого — князя Торопецкого и Галицкого — представлял собой одну из наиболее многочисленных и опытных дружин не только на Руси, но и в Европе. Под рукой

своего предводителя воины ее прославились как в междоусобных братоубийственных войнах и сражениях на своей земле, так и успешными боевыми действиями в сражениях с западными соседями. На счету этой дружины была и самая кровавая, печально известная на Руси Липецкая сеча*, где Мстислав вместе с новгородцами и смолянами разгромил владимиро–суздальские рати под руководством великого князя Юрия. Словом, опыта кровопролития кметям Мстислава было не занимать.

С зарею воины князя Торопецкого сначала десятками, а потом сотнями стали высаживаться и выходить на левый берег Днепра. У воды, не разводя костров, они облачались в доспехи, прилаживали оружие. Звеня уже вздетыми доспехами, бряцая оружием, княжеские кмети поднимались на пологий берег, вели в поводу коней. Миновав прибрежный песок и ил, они подтягивали подпруги седел и садились верхом. Затем эта большая дружина, руководимая старшими и ближними княжескими боярами, построилась клином, обращенным острым углом на восток. Ускакала в Поле быстрая сторожа. Пропели рога, подняли стяги с крестами. Взошедшее солнце засверкало на остриях поднятых копий и пик, на яловцах* и островерхих шеломах. Затем вновь пропели рога. Конница, сотрясая землю тысячами кованых копыт, тяжело и медленно, но все ускоряя ход, как единая, железная, но живая машина, покатилась, сминая все на своем пути, на восток.

Татары были недалеко. Сторожа донесла о них уже у берега. Полк князя Мстислава не прошел и трех поприщ*, как из-за большого кургана юго-восточнее русичей показались многочисленные верховые ратники. Обтекая курган с обеих сторон, татары останавливали коней и строились двумя отрядами. Полк Мстислава, замедляя ход, двигался все ближе к татарам, слегка поворачивая угол клина в разрез этих отрядов. Татар, видимо, было вдвое меньше, чем русичей. По команде они сдвоили ряды, и стало видно, как они готовились к соступу*,

доставая из колчанов тяжелые луки. У выезжающих в первый ряд в поводу шло по второй свободной лошади.

Видя все это, Мстислав Удалой, бывший в самом челе клина под червленым крещатым стягом, велел своему гридю трубить в рог. Русские стрелки, услышав сигнал, достали луки из налучий. Затем русская дружина быстро пошла вперед, ускоряя ход. Татары, тронув коней с места в карьер, покатились лавой*. Зычный, гортанный боевой клич монголов:

— Урра-гха! — потряс воздух.

Русичи неслись в соступ молча. Когда между катящимися друг на друга ратями осталось около полуста саженей, запели тетивы татарских луков. Князь Мстислав поднял левой рукой большой овальный щит перед собой, закрыв свою голову и голову коня. Почти как один то же повторила и дружина...

Удары и треск обрушились сверху на щиты и шеломы, стоны и ржание разорвали гулкий галоп русской конницы. Десятки пронзенных стрелами людей и лошадей повалились под копыта скакавшим позади. Раненые кони валились на бок, вставали на дыбы, сбрасывая всадников. Благо, что дружина Мстислава не успела набрать быстрого хода, иначе половина ее пришла бы в смятение и смешала строй. Но слишком опытны были и предводитель дружины, и княжеские бояре и кмети. Задние успели расступиться и обойти впереди павших.

Когда передние ряды русичей опустили щиты, то стало видно, как татары передовых рядов поворачивают коней: одни — налево, другие — направо, уходя по дуге на плечи (фланги) рати. А перед русичами на освобождающемся челе (фронте) появлялись ряды, шедшие следом за первыми. Те тоже готовили луки и стрелы. Но здесь опередил князь Мстислав. По сигналу рога поток русских стрел накрыл монголов. Ответная стрельба татар оказалась вдвое слабее первой. Русская дружина, шпоря коней и грозно опустив копья, летела на татар, неумолимо сближаясь с ними. Вторые ряды татар успели выставить копья встречь русичам. Дружина, рассекая

встык два татарских отряда, ударила в спину, догнала и смешала татар, уходивших по сторонам.

Зорко всматриваясь вперед в щель железной личины* и крепко сжимая длинную тяжелую пику, Мстислав Удалой наметил ударить видного, одетого в железную кольчугу, татарского предводителя в круглом шеломе. Тот, пытаясь отразить удар, загородился до подбородка круглым щитом и махнул наотмашь секирой, но лишь задел пику. Мстислав вложил в таранящий удар всю силу, на какую был способен. Скользнув по краю щита, лезвие наконечника попало в щель между подбородком и бармицей. Татарин вылетел из седла, хватаясь руками за пику, просадившую его горло и шею. Кровь залила ему кольчугу. Хрипя, он падал навзничь на землю … Больше Мстислав на него не взглянул. Сзади, слева направо от шелома до седла по стальным кольцам бармицы, стальным клепкам и пластинам его дощатого доспеха*, скрежеща и вспыхнув тупой болью между лопаток, хлестнул жесткий сабельный удар. Рванув харалужный* меч, князь ударил им наотмашь, вдогон и, кажется, достал бившего сзади. В следующее мгновение он увидел, как налетевший на него татарин, видимо нукер поверженного им татарского воеводы, с криком обрушивает ему на голову кривой и острый меч. Закрывшись щитом, князь отразил скепающий по металлическим пластинам удар. Но не дремали и княжеские отроки*, берегущие князя, как псы, готовые защитить хозяина в любых условиях. Княжеский отрок, трубивший в рог, косым ударом сабли срубил татарскому нукеру десную руку и свалил его с коня. Но и сам не уцелел. Татарская стрела вошла ему прямо в левый глаз и он, отпустив повод, выпал из седла и повис на стременах.

Сражавшиеся с обеих сторон кололи, рубили, шеломили врага, чем было сподручнее. Отбросив тяжелый щит, Мстислав Удалой обжал рукоять харалуга обеими дланями. Шпоря храпящего коня, уже пускающего кровавую пену от узды, вставая на стременах, он с остервенением опускал сверка-

ющий как молния тяжелый меч на головы и плечи татар. Его гриди, действуя, кто копьем, кто сулицей, кто саблей, не давали окружить князя, бившегося в самом центре — на острие сечи и довершали дело, начатое двуручным княжеским мечом.

Вот слетел с коня слева от князя его ближний боярин, сдернутый монгольским копьем с крюком. Тяжелый удар кривого меча ошеломил его, а следующим ударом ему разрубили шелом и голову. Вот княжеские кмети, мстя за боярина, покололи сулицами татарских коней. И, сбив всадников вниз тяжелыми булавами, положили их насмерть.

Вот новый поток татарских стрел сразил двух княжеских гридей справа от князя. Освирепевший Мстислав вновь рванул коня вперед. Ударом длинного меча он достал одного лучника и срубил его от правого плеча до луки седла. Гриди, не отставая, рубились рядом.

Озверевшие от боли, ужаса, ярости люди с искаженными лицами кружились в вихре смерти. Доспехи воинов заливала своя и чужая кровь. Отрубленные руки и головы катились под копыта коням. Кто-то, сломав копье, потеряв клинок или секиру, грудью бросился на врага и, сбив его с седла наземь, катался с ним в пыли, пытаясь достать из-за пояса или из-за сапога нож и всадить его под кольчугу ворогу. Другой, потеряв уже и нож и сорвав кольчужные рукавицы, сжимал окровавленные персты на горле супротивника. А третий, истекая густой кровью, в бессилье понимая, что он уже чужой в этом вихре жизни и смерти, попираемый коваными копытами коней, обращался к Богу с последней просительной и покаянной молитвой.

Но все больше русичей вступало в битву и, прорываясь за князем, теснило татар. Сила и число были на стороне Мстислава Удалого. Не прошло и часа от начала боя, как татары стали подаваться назад. Предводитель монгольского отряда и три уцелевших сотника криками и ударами плетей

пытались уже вывести своих остервеневших от крови воинов из неравной схватки.

Князь Мстислав, заметив, что татары поворачивают коней, осипшим, срывающимся голосом прокричал одному из детских*, чтобы тот дал сигнал лучникам. Казалось, схватка продолжалась еще несколько минут. Но вот все слабее и реже стали сыпаться удары клинков, все чаще летели стрелы и разрыв между бьющимися стал увеличиваться. Князь понимал, что татарские кони резвее русских, и стрелы их бьют точнее, и что преследовать татар опасно. Сечу должны были завершить стрелки. И верно, кмети, погнавшиеся за татарами «на плечах», тут же поплатились за это кто ранами, кто конем, а кто и жизнью. Зато вдогон татарам полетели русские стрелы. Татарские лошади и всадники задних рядов стали валиться на землю. Но главная часть татарского отряда вышла карьером из боя и оторвалась от преследования. На месте схватки осталось лежать до полутораста татарских ратников. Наиболее меткие лучники с обеих сторон недолго еще пытались достать противника стрелами. Но вскоре и то прекратилось.

Полк князя Мстислава в считанный час потерял более ста воинов. Мало из того, что видел Мстислав в своей ратной жизни, могло сравниться с тем, что пережил он в сей день за этот краткий час. Почему-то вспомнил он свой прошлогодний поход на угров, когда пришлось ему схватиться с наемными рыцарями-немцами. Здесь же, за Днепром, более всего поразило князя то остервенение, с каким дрался вдвое меньший по числу враг, поразили его выучка и боевой порядок. Действительно, половцы — те же степняки, не шли с этими ни в какое сравнение. Молча обозрев поле боя, он окончательно убедился в своих сомнениях. Опытный глаз и шестое чувство подсказывали, что приметы прошедшей схватки были не в его пользу.

Слезая с коня и утирая поданным убрусом пот с лица и чужую кровь с доспехов и рук, князь был насторожен, мол-

чалив и задумчив. Но тут прискакал посыльный половец от Котяна, заискивающе улыбающийся и поздравляющий князя. Мстислав отбросил на время свои сомнения, гордо поднял чело, расправил сильные плечи. Обращаясь к окружающим его кметям и подняв меч клинком вверх, он закричал:

— Слава!

— Слава есть князю! — подхватили верные кмети.

Глава II

Наследники «Большого Гнезда»

Четырехлетнего внука Мстислава Удалого, сына его дочери Ростиславы и князя Переславля-Залесского Ярослава Всеволодовича уложили почивать в кроватку в спаленке переславского княжьего терема. Мальчик при крещении был назван Александром*, что по-ромейски*, точнее по-эллински значило «Мужественный защитник». Мать его Ростислава получила прекрасное для той эпохи образование. Она хорошо знала ромейскую историю и эллинский язык. Потому и не любила своего славянского имени, данного ей в честь прадеда — князя Ростислава Смоленского, сына Мстислава Великого. Напоминали ей славянские имена эпоху еще языческой, непросвещенной Руси. Да и здесь — в Суздальской земле сколь еще было их — двоеверов, что прилюдно приходили в храмы и молились, а втайне поклонялись идолам, большим камням и древним дубам в священных рощах. Корила и мужа своего Ярослава, когда звал ее Ростиславушкой. Просила, чтобы звал, как окрестили, — Феодосией. И всех сыновей своих называла только по-эллински. Знала она также хорошо историю Руси и княжеского рода. Знала и гордилась тем, что рожает, нянчит и растит потомков великих князей Киевских: Владимира-Крестителя, Ярослава Хромого (Мудрого), Владимира Мономаха, Мстислава Великого, Юрия Долгорукого. Да разве только их? Ведь и Ярослав Хромой женат был на Ингигерде — дочери Олава, конунга Шведского. Внуком их

был Владимир Мономах, что по женской линии приходился внуком ромейскому императору Константину Мономаху. Сам же Владимир Мономах женат был на Гиде — дочери англосаксонского короля Харальда. А Мстислав Великий взял в жены дочь шведского короля Инге Стейкельсона Христину. Знала, что сыновья ее — второе поколение «Большого Гнезда», что правило всей Северной Русью, заставляя склонить и выю* Господина Великого Новгорода.

Старшой — Федя, спокойный и послушный ребенок, кому шел уже восьмой год, давно спал в кровати. Меньшой — Андрюша засыпал в люльке, посапывая и двигая губешками, будто сосал грудь. Этот был еще мал. Зато средненький — Алексаша был уж больно смышлен и боек, знал молитвы, задавал вопросы и любил играть с детками из княжеского двора. Подражая старшим, неугомонно бегал, зажав жердь между ног, будто скакал верхом на коне. Сейчас он тревожно засыпал в кроватке-качалке, хмурил бровки и что-то бормотал. Феодосия подошла к Алексаше, склонилась. Легкой рукой погладила вспотевший лобик и русую головку. Тихонько пропела несколько слов колыбельной песни, убаюкивая дитя и качая кроватку. Затем поправила на заснувшем ребенке багряное покрывало. Любила она этот цвет. Знала, что наиболее достойных и благородных кесарей ромейских прозывали Порфирородными, ибо цесарская порфира была багряной. Потому и заказывала купцам, чтоб привозили левантийские, никейские да трапезундские красные ткани и паволоки, алую фряжскую* парчу и бархат. И сыновей своих старалась одеть так, дабы знали и понимали, что неизбежно придется носить им алый княжеский корзн*.

Вспомнив о княжеском долге, деле и княжеской чести, княгиня вздохнула. Она волновалась — уже две седмицы не было вестей от мужа. Князя Ярослава позвал в стольный Владимир-на-Клязьме старший брат Юрий Всеволодович. По велению старшего брата в днепровский поход из каж-

дого удела Владимиро-Суздальской земли пошли полки. В Южной Руси давно каждый князь «держал отчину* свою», и все меньше и меньше находилось тех, кто повиновался воле великого князя Киевского. Здесь, в Северной Руси, каждый удельный князь по законам того времени, слушая «старшего брата» — великого князя Владимирского, выделял из своего удела воев, дабы приняли участие в большом общерусском походе. Тех, кто противился, могли сообща принудить силой. Расправа с непослушниками была здесь скорой и крутой, как заведено было еще князем Юрием Долгоруким и сыном его Андреем Боголюбским. Тесть ее Всеволод «Большое Гнездо» держал ту же руку. Правда, на несколько лет при старшем сыне его Константине настала замятня*. Но как сел после смерти Константина на княжеский стол Юрий Всеволодович, все вернулось на круги своя.

Каждый князь этой большой и богатой земли, каждый город посылал в поход кто сто, кто двести, а кто и триста воев, смотря по тому, кому какое место, достоинство и честь. Из стольного Владимира ушла в поход тысяча комонных*. И то мало было для великого князя. Да уж долго помнил Юрий Всеволодович Липецкую сечу — лихую беду, что совершилась из-за крамолы ростовских и суздальских бояр, за коих вступились новгородцы с батюшкой ее князем Мстиславом Мстиславовичем Удатным да его двоюродным братом князем Владимиром Рюриковичем со смольнянами. И родной братец Юрия — Константин Всеволодович, князь Ростовский — молитвенник, а тоже пролил кровь братнюю. Вся земля Владимиро-Суздальская стояла тогда против Мстислава Удатного, новгородцев и смольнян. Только Константин с ростовскими боярами да их чадью* и челядью стояли против всей своей земли. А когда плакала кровью и слезами и стенала вся Владимиро-Суздальская земля — в Ростове Великом радовались. Вот потому днесь и велел Юрий Всеволодович своему сыновцу* — нынешнему князю Ростовскому Василько да

ростовским боярам выставить в поход осемьсот ратных, не менее. Де Ростов Великий — старейший град в Суздальской земле, вот пусть и покажет сие на брани. А все другие города пожалел. Лишь князю Переславскому — мужу ее и восприемнику великого стола Владимирского велел отпустить в поход триста воев. Уже две седмицы прошло, как ушел сопроводить свой полк и обоз князь Ярослав.

На осьмый день прискакал из Владимира отрок с вестью от мужа. Ярослав писал, что в поход на Днепр старший брат его не отпустил, да и других своих молодших братьев удержал. Рати к Днепру повели Василек Константинович Ростовский да воевода великого князя Творимир. Феодосия, прочитав письмо, поняла, что старший брат опять что-то задумал, потому и не отпустил ее мужа от себя. Владимиро-Суздальская Русь и после Липецы могла собрать рать числом и в двадцать, и в тридцать тысяч воев, а то и более. Не торопился Юрий гнать своих воев к Днепру. И четырех тысяч, поди, не отпустил в этот поход. Москвичи да дмитровцы и без переславцев смогли бы собрать такую силу. Хитрил Юрий Всеволодович. Знала Феодосия, не любил великий князь Владимирский ее батюшку Мстислава Удатного. Потому и было так много непонятного и тайного во всем том, что порой окружало ее в этой северной Русской земле. Княгиня вздохнула. Села на стульце у кроватки.

Вспомнила, как натерпелась и намаялась, ожидая известий о той страшной сече, что была на Липеце. Тогда могла потерять и мужа, и отца, что стояли волей Божией по разные стороны бранного поля. Вспомнила, как подступил к их вотчине — Дмитрову в ту пору младший Всеволодович — Владимир с московлянами. Перепугались все в Дмитрове, но ударили в сполох, затворились в кроме и послали с вестью в Переславль. Переславцы собрали малый полк на подмогу. Владимир-то сел в Москве без воли «старшего брата», хотя еще покойный свекор завещал Москву ему, но он решил и Дмитров себе

урвать у Ярослава. Пока старшие братья рядились и воевали меж собой да с новгородцами, этот как тать*, полез на стены дмитровского крома с дружиной и москвичами. Да получил по зубам. Сам еле остался жив, чудом уцелев от стрелы. А тут муж ее Ярослав поспел на подмогу дмитровцам, и побежал Владимир с москвичами восвояси.

Потом ненадолго, волей победителя, разлучил Феодосию отец с любимым мужем. Наказал за Новгород, за Липецкую сечу. Но тут уж Феодосия проявила свой нрав. Убедила родителя, что тот берет грех на себя, разлучая дочь с законным, Богом данным ей мужем. Да и тяжела была тогда уже первенцем. Любит она своего Ярослава, хотя и знает, что был женат до нее на другой. Та первая была половчанка. Наверно, жадная была до любовных утех. Кровь-то горячая, кочевая, а детей ему родить не смогла. Знала, что и сам князь характером непокладист, вспыльчив, горяч. Никогда не спускает обиды никому, кроме нее — Феодосии. Да еще как отца почитает старшего брата Юрия. Но во всякой брани норовит быть первым. Правда, и бит бывал часто, но умеет отступить и устоять на своем. Брату своему Юрию всегда первый помощник. А ей — жене — надежда и опора. Закрыла глаза, чтобы увидеть образ мужа, и тут всколыхнулось сердце, когда вспомнила, почти ощутила, как страстны и нежны поцелуи и ласки ее желанного... Ведь в любви родила ему сыновей. Вот и сейчас вновь понесла от него... Растут сыновья. Вырастут, поведут свои полки...

Вспомнилось, как три лета назад великий князь Юрий собрал всю Владимиро-Суздальскую и Рязанскую Русь на булгар*. Волжские булгары, пользуясь слабостью русичей после Липецы, разоряли русские земли по реке Унже, сожгли даже северный русский город Устюг. Вспомнила, как она и все переславские жены с плачем провожали воев в далекий поход на Волгу. Тогда, правда, великий князь не отпустил от себя Ярослава в поход. Вместо него переславских воев повел их

ближний боярин. А во главе войска поставлен был брат Юрия и Ярослава Святослав Всеволодович. Русские полки побили магометан, пожгли их грады, взяли дань. А болгарский каган дал Юрью мир, «якоже было при отце его Всеволоде». С той поры перестали булгары разорять русские погосты и села на Унже и у Городца на Волге. Но более пятидесяти переяславских кметей не вернулось из того похода — легли в далеких Поволжских землях, на Каме-реке, когда «брали копьем»* булгарский град Ошелье.

Не просохли слезы у жен и матерей, как на другое лето князь Юрий вновь созвал полки. Теперь уже просили помощи рязанские князья. Мордва-эрзя* разоряла и грабила земли у приокских городов — Мурома, Гороховца. Мордовские князья были язычниками и народ свой держали во тьме. Православные подвижники, священники, уходившие к мордве проповедовать слово Христово, часто пропадали в их диких лесах. Их находили прибитыми к деревянным столбам, повешенными на «священных», идольских дубах. Мордовские князья водили разбойничьи рати вверх по Оке и Клязьме до Ярополча и Стародуба, избивая и уводя в полон христиан, грабя и подбивая на войну против Руси уже крещеных мурому и мещеру*. По княжескому зову из Переславля к Оке уходило большое войско. Жены и матери со слезами и тревогой прощались с мужьями и сыновьями. Федя махал тогда рукой отцу и держался за ее сарафан, а маленький Алексаша был у Феодосии на руках, когда она, утирая слезы краем одеяла, коим был укрыт младенец, все крестила со спины мужа, только что севшего в седло и верхом выехавшего со двора. А Алексаша улыбался, пускал пузыри и тянул ручки в рот, где резались первые острые зубки.

Великий князь разбил мордву у Оки. За Окой прошел огнем и мечом по мордовской земле, жег городки, где оказывали сопротивление. Тех же, что смирялись, крестил и облагал данью. А чтобы вовсе усмирить мордву, на высоком

мысу, в том месте, где Ока входит в Волгу, поставил крепкий град Нижний Новгород. Далеко замыслил — переять славу Великого Новгорода и утвердить ее в Низовской земле — на краю Руси, на Волге, на Востоке. Всем сердцем изболелась Феодосия, пока ждала мужа. Как возвратился Ярослав, все глаз с него не спускала. А он все рассказывал, что Волга там шире Днепра-Словутича, широка, как море. А по берегам ее и за ней — приволье и простор, не меренные ни глазом, ни человеческим деянием. Все обнимал ее — свою Ростиславушку, целовал, нянчил детей, да говорил, что повезет их в Нижний Новгород гулять и Волгу смотреть.

Недолго побыл князь Ярослав дома в покое с женой и детками. Не усидел на княжеском столе Новгорода Великого старший сынок Юрия. Бежал молодой княжич Всеволод Юрьевич со своим двором. Видно сильно притесняли его новгородские мужи. Новгородцы отправили посылов к великому князю, но Юрий им сына не дал. Тогда те просили на стол к себе ее мужа — князя Ярослава, хотя боялись и недолюбливали его. Вот и пришлось Ярославу ехать в Новгород, хотя и не надолго. Днепровский поход русских князей возвратил ее мужа домой в Переславль. А уж отсюда он поехал отправлять полк во Владимир. Между тем недобрые вести шли из Новгорода Великого да из Плескова. Взмястилася чудь, зовущаяся эстами, что живет за Чудским озером и за Наровой-рекой у Варяжского моря*. Ранее эта чудь дань платила Новугороду да торговала с Русью. За Чудским же озером стоит русский город Юрьев, где мирно жили русичи и эсты. Сроду не было там которы, при* или войны. Да вот уже более пятнадцати лет, как пришли в Чудскую землю латыняне* — немцы и датчане. Крестят чудь силою по латинскому закону, а всех противящихся побивают и жгут. Не было такого николи*, чтобы Русь силою чудь крестила. Латыняне же всех обложили десятиною, настроили градов своих и кирх. Силою погнали всю чадь — и старых, и малых на пашню и на работы, об-

ложили податью тяжелой. Эсты не выдержали, взялись за оружие, стали бить латынян, а вятшие мужи* их совещались и послали за подмогой во Плесков и в Новгород. Собралось вече в Новгороде, где решили воевать латынян. Засобирались на брань плесковичи и новогородцы да по совету своего князя Ярослава обратились за помощью и к великому князю Юрью. Мол, позабудь, княже, прежние которы, сниди в мир и любовь. Почуяли, что грозен враг — латынство.

Юрий Всеволодович был наслышан уже о делах в Чудской земле от брата. Думали все — быть скорому походу и войне. Но старший брат отложил поход на Запад. Может, Новугороду в отместку вспомнил Липецкую сечу, а скорее тревожные вести с юга отвлекли. В Новгород же отвечал, чтоб ждали, будут к ним низовские полки. С тех пор все не было спокойно у Феодосии на душе.

Уже в апреле во Владимир, Суздаль, Переславль и другие грады Северной Руси пришли вести о том, что великий князь Киевский Мстислав созывает всех русских князей под свои стяги для похода в Дикое Поле. Там-де объявился новый грозный ворог — татары, что побили поганых половцев. Откуда пришли и кто суть — един Господь ведает. Великий князь Владимирский стал собирать войска в поход. Вот и ушел в который раз князь Ярослав в стольный Владимир сопроводить переславский полк. Истомилась Феодосия от ожидания, а вдруг как передумает старший брат да пошлет Ярослава на Днепр всугон Василько Ростовскому. Вздохнула громко и тяжело. Огладила уже заметный круглый живот. Шестой месяц была она тяжела. Дитя уже шевелилось и давало о себе знать.

Заплакал меньшой сынишка, видимо во сне почуяв материнское волнение и тревогу. Феодосия, склонясь над люлькой, перекрестила и стала качать дитя. Потом, перекрестив старших, поправила на их постельках покрывала. Позвала горничную девку-сиделку и ушла молиться перед

сном. Теплая июньская ночь пришла на землю. Окутала дымкой белокаменный Спасо-Преображенский собор, кольцо земляных валов, рубленые стены и воротные вежи, боярские и купеческие терема, княжеские хоромы Переславля-Залесского. Где-то за стенами града — на посаде или у Трубежа запел соловей.

* * *

На другой день — в пяток* к обеду возвратился из стольного Владимира князь Ярослав. Весть о приезде князя сообщил отрок из княжеского двора, что обкашивал молодую траву на градском валу у моста через реку. Заметив еще далеко за рекой многочисленных верховых, он прибежал на двор княжьего терема и всех поднял на ноги. Не дремала и сторожа на градских стенах.

Феодосия уже успела накормить и занять детей. Федя и Алексаша бегали по двору и играли с дворовыми детьми под присмотром дядьки. Миша сидел в горнице на ковре и играл с деревянным конем. Услыхав шум, княгиня накинула поверх шитого жемчугами повойника алый плат из паволоки и, взяв меньшого сына на руки, вышла на высокое гульбище* терема. Яркое солнце било в глаза. Феодосия, закрывшись от слепящего света дланью, посмотрела с высоты на воротную вежу града, закрывавшую Владимирскую дорогу. Теплый ветерок подул с юга. Где–то на звоннице ударили в церковное било. А сердце княгини встрепенулось от радостного ожидания.

Вскоре стало слышно, как по мосту через реку и обводной ров дробно застучали многочисленные кованые копыта коней. Когда стало видно въезжавших, то княгиня разглядела среди передних своего милого, сидевшего на серебристо-голубом, в яблоках, жеребце. Следом, на рысях, въезжали ближние бояре, челядь и кмети. Проехав по деревянной мостовой, ведущей к Спасскому собору, князь Ярослав остановился на площади перед храмом. Не дожидаясь стремянного, легко сошел с коня. Затем развернулся к храму, снял шапку с алым

верхом и перекрестился. Следом за князем сошли с коней и сопровождавшие его. Крестясь и прочтя краткую молитву, все склонились в поясном поклоне. Затем, ведя коней в поводу, тронулись в сторону княжеского подворья, что располагалось поблизости.

Феодосья уже сошла по ступенькам крыльца вниз и, поймав за руку бегавшего по двору и расшалившегося Алексашу, пошла к распахнутым воротам княжеского подворья. Подбежал к матери Федя. Вся челядь высыпала встречать князя. Как только Ярослав показался в воротах, дюжий бородатый привратник снял шапку и поясным поклоном приветствовал своего господина. Следом дворовые радостно приветствовали его и кланялись ему. Подбежал конюший, взял повод коня. Ярослав ответствовал всем глубоким поклоном. Но тут, узрев жену с сыновьями, быстро пошел к ним. Не дав Феодосии поклониться, обнял и расцеловал и ее, и детей. Целуя, незаметно погладил ее по животу, назвал Ростиславушкой и княгинюшкой. Княгиня на радостях и осерчать не смогла, уж больно натерпелась, пока ждала своего желанного. Подошедший огнищанин*, поклонившись, спросил, готовить ли трапезу. Но князь отказался сразу идти за стол, а велел скорей топить баню себе и гридям, что ходили с ним.

Старшая дружина* вскоре разъехалась по своим дворам, а те из молодшей дружины*, что жили при дворе княжеском — в гриднице, стали распрягать и разводить коней, сносить торока*, седла, оружие. Затем снимали верхнее дорожное платье, отдыхали, присев где-нибудь в тени, рассказывая дворовым о дороге, об ушедших в поход на Днепр, о стольном граде Владимире. Время, ранее медленно тянувшееся в ожидании, теперь, казалось, побежало. В предвкушении хорошей бани и княжеской трапезы, встретившись наконец с родными и близкими, многие в Переславле были в тот день в добром и веселом расположении духа. Незаметно приближался вечер.

После бани, переодевшись в чистую белую рубаху с вышитым воротом, князь уселся на стульце в горнице терема. Дружина еще парилась и домывалась, прибирала баню. Во дворе, у поварни и изредка в покоях сновали прислуга и челядь, накрывавшие столы в гриднице. Ярослав после бани был в благодушном настроении, разговаривал с княгиней, играл с сыновьями. Сначала он качал их по очереди то на колене, то на ноге. Потом стал подбрасывать высоко под потолок горницы заливавшегося хохотом старшего княжича. А вторак с восхищением смотрел на это, тянул руки и просился к отцу.

Наигравшись с детками, князь стал облачаться для трапезы. Он переоделся в кафтан синего цвета с атласным воротником и золотой обшивкой от шеи до пояса. Обвил вокруг стана пояс, шитый серебром, надел легкие сапожки с острыми носками. Расчесал гребнем усы и русую бороду. А затем с семьей вышел трапезовать в гридницу. Там уже были ближние бояре и дружина. Князь и семья заняли место во главе стола. Все остальные стали рассаживаться по чину, старшие — ближе к князю, молодшие — далее. Затем все бывшие за столом и прислуга развернулись лицом к образам. Настоятель Спасо-Преображенского собора прочел молитву и благословил трапезу крестным знамением. Все крестились, тихо вторили молитве.

Красное фряжское вино, налитое в большую братину, пошло вдоль всего стола, не миновав ни одного из сидевших мужей. Трапеза началась. К столу подавали тушеные, вареные, соленые овощи, грибы, каши с конопляным и подсолнечным маслом, свежеиспеченный пшеничный хлеб, красную и белую рыбу, черную икру, пиво, заморские вина, крепкие меды. Князь много, но неторопливо ел, орудуя то ложкой, то двузубой вилкой. Изредка отпивал крепкого меда из кубка, только один раз отпив из братины. На левом колене держал княжича Александра, напросившегося к отцу. Шел негромкий неторопливый разговор. Говорили о делах во Владимире, о

Днепровском походе, о восстании эстов в Чудской земле, о латынянах. Когда бояре, не ходившие во Владимир, стали спрашивать князя Ярослава, думает ли великий князь послать помощь Новугороду, Ярослав помолчал и, задумчиво глядя голубыми глазами куда-то поверх стола и сидевших за ним, молвил:

— *Мыслю есмь, братие, ити сей год с полки в землю* Чюдцкую, *к Варяжскому морю.*

Феодосия услышала эти слова, и ее сердце тревожно забилось. Ужели ненадолго возвратился домой ее желанный, ее князь. Вновь придется ждать его и молить Бога о том, чтобы оборонил, спас и сохранил его и все русское войско.

А застольный разговор все продолжался. Захмелев, все стали громче говорить о княжеских которах на Руси и спорить. Следом пошел разговор о далеком, но не чужом для русичей Цареграде*, захваченном латынянами, о ромейских царствах* и болгарах, что дрались против латинской империи Романии*. Потом вновь заговорили о своих делах: о скором покосе, цене на хлеб, соль, рыбу, о торговле, о мытных пошлинах. Пили меды, вино, пиво, произнося здравицы князю, княгине и деткам, великому князю Юрию, всему княжескому роду Большого Гнезда, настоятелю Спасского собора, именитым боярам. Пили за своих суздальских, владимирских, переславских, да и за всех русичей, ушедших в далекий Днепровский поход.

Глава III

За Днепром

Весть о победе Мстислава Удалого быстро разнеслась в русском войске на правом берегу Днепра. Только для великого князя Киевского стала она горше ложки дегтя. Обида и раздражение за то, что Мстислав Торопецкий повел свою рать в бой самовольно, без княжеского совета, без его воли, досаждали ему. Но более всего жгла его зависть. Были и до се между Мстиславом Киевским и Мстиславом Удалым неприязнь и которы, как ложбина между двух холмов. Но последняя победа за Днепром, как весенний поток в разливе, размыла ее и превратила в глубокий яруг, а потом в пропасть.

Тогда уже мало кто из русских князей внимал слову и помыслу «старшего брата» — великого князя Киевского. Разве что оказывали почтение «по старине». Услышав о случившимся за Днепром, все русские князья стали поспешно готовить свои дружины и полки к переправе. Более других торопились и горячились молодые — Даниил Волынский с братом Васильком, Олег Курский, Михаил Черниговский. На берегу звенели секирами умелые плотники. Они сшивали и крепили большие плоты. На плоты грузились пешие вои со снаряженьем и походным припасом. Конные кмети и гриди грузились в ладьи, заводили по сходням на борт боевых коней. Первыми через Словутич пошли галичане и волынцы. Следом — трубчевский, путивльский и курский полки. Затем — козельская и черниговская дружины во главе

с князьями Мстиславом и Михаилом. Ветер надувал паруса. Дружно ударяли веслами гребцы.

На левом берегу вновь спускали сходни, сгружали снаряжение и припасы, сводили коней. Пешие рати пересаживались в ладьи и насады и на веслах, на парусах поднимались вверх по Днепру. Конные полки как в походе шли вдоль левого берега на север. Все эти силы двигались к броду у острова Хортич (Хортицы), туда, где, по словам сторожи, уже стали станом русичи, ушедшие из Заруба, проведшие мимо порогов корабли по волокам, и куда уже направлялся полк Мстислава Удалого.

* * *

Шел июнь. Через седмицу после событий у Олешья большая часть соединившегося вновь и переправившегося через реку русского войска числом до десяти тысяч человек уже стояла станом у брода напротив острова Хортицы. Плавни, низкие берега, кустарники и холмы Хортицы тянулись далеко вдоль реки. Еще выше по течению берега острова одевались камнем, а еще далее прямо из реки поднимались огромные валуны и скалы, где вода ревела и бушевала или падала с большой высоты, разбиваясь в мелкие брызги и водную пыль, сверкавшую на солнце множеством радуг. То были пороги. Ни одна ладья, ни один насад не могли пройти там рекой. Не зря в старину прозваны были эти пороги один — «Беспощадным», второй — «Ненасытцем», а другие такими же грозными и звучными именами.

По правому берегу у Хортицы встала и другая часть русского войска во главе с князем Мстиславом Киевским. Туда же подошли и половцы. Все были в ожидании. Второй день стояли русичи по обеим сторонам брода. Русская сторожа рыскала далеко в Поле — в десяти, а то и двадцати поприщах (верстах). Неожиданно от сторожи пришла весть, что татарский передовой полк идет к русскому стану, а татарские лазутчики хотят сжечь русские ладьи и насады. Дали сигнал

готовиться к битве. В русском стане воцарилось возбуждение и оживление. Дружинники и кмети вздевали брони, готовили коней и оружие. Пешая рать готовилась к обороне, укрепляла стан, окружая его возами и частоколом. Дали знать киевскому князю и половцам на правый берег. Половецкая рать во главе с князем Яруном по Хортицкому броду стала переходить Днепр.

К полудню молодой волынский князь Даниил по велению Мстислава Удалого вывел конный полк галичан и волынцев в Поле. Конница двинулась на восток. Следом вышел со своей дружиной князь Олег Курский. За курянами пошли путивличи. Князь Михаил отпустил в Поле с конным отрядом своего боярина и воеводу Юрия Домамерича. Последними оставили стан еще два конных полка — Мстислава Удалого и Мстислава Козельского. Пройдя пять поприщ, русские остановились. Перед боем надо было дать передохнуть коням и осмотреться. Князь Даниил въехал на высокий курган и озрел Поле окрест. На первый взгляд более двух с половиной тысяч вершников шло под его водительством. Ветер дул с востока, поднимая легкую пыль. Днепра уже не было видно. Вскоре с запада подошел еще один отряд — это была черниговская конная дружина числом до трехсот воев. Князья стали съезжаться к Даниилу. Вскоре подошли и черниговцы. Юрий Домамерич в окружении нескольких дворян въехал на курган. Это был уже седовласый бородатый человек, известный воевода, водивший много раз рати и на угров, и на суздальцев, и на Киев. Но среди русской феодальной знати он был более всего известен как знаток военной тактики и обычаев кочевых племен и народов, обитавших в Великой Степи, прозываемой на Руси «Диким Полем». Говорили о нем, что, переодевшись купцом, побывал он в степи за Яиком* и даже в Хорезме.

Боярин был одет в тяжелый чешуйчатый доспех, закрывавший руки до локтя и ноги до бедра. Под доспех была вздета тонкая кольчуга до колен. Кованые поножи поверх сапог

защищали голени ног. Руки были в кольчужных рукавицах до локтя. Длинные седые волосы спадали на плечи. Шелом с бармицей он прижимал ошеей рукой и локтем к поясу, окольчуженой дланью той же руки держал и повод коня. Поклонившись князьям и приложив десную длань к сердцу, Юрий Домамерич с почтением обратился ко князю Даниилу:

— Дозволь еси, княже, совкупити свое копие* с твои полци. Под твою руцею хощу ся соступити с ворогом.

Князь Даниил, поклонившись в ответ, с благодарностью посмотрел на Юрия и молвил:

— Добро, боярин.

— Аще знаеми есми ти татарове, боярин? — спросил у Юрия подъехавший ближе к нему князь Олег Курский. Этот еще молодой, но уже опытный в военном деле князь явно хотел расспросить черниговского воеводу о малоизвестном и видимо грозном противнике.

— Знаеми ми, княже, татарове. Велми добрая стрелки суть, — отвечал Юрий Домамерич.

Князь Олег промолчал в ответ. Но близко стоявшие верхи молодые князья недоверчиво переглянулись. Кто-то, ссылаясь на недавнюю победу Мстислава Удалого, стал оспаривать мнение воеводы. Кто-то, усмехаясь, молвил, что татары — простые люди, дикие кочевники хуже половцев. Но Юрий Домамерич, серьезно посмотрев на молодого шутника, негромко повторил:

— Верь, княже, слову. Ратници суть, добрая вои.

Не заводя более об этом речи, боярин обратился ко князю Даниилу:

— Постои еси, княже, един час. Пожди. Имаши ти весто. Всугон со свои полкы идуть князи Мстислав Торопецкой, да Мстислав Козелской.

— Спаси тя Христос за весть. Пожду,— отвечал Даниил.

Воевода отъехал в сторону. Все обратили взоры на запад. Там поднималась пыль — шла конница. Обратившись в про-

тивную сторону, князь Даниил заметил, что запылило и на востоке. Истек час. Подошли полки, ожидаемые Даниилом. Мстислав Удалой принес весть, что половцы всем войском перешли Днепр и идут вслед русичам. За половцами через реку пошел великий князь Киевский.

Татары были недалеко. Сколько их, сказать пока было трудно. Галицкий князь молчаливо и долго осматривал с кургана окрестную степь, считал и сравнивал в уме силы русичей и подходивших татар. Молодые князья с почтением и в молчании ожидали его слова. Когда Мстислав понял, что татар не более трех тысяч, и они не собираются нападать первыми, то решил бросить свои силы в соступ. Сказав об этом вслух, он посмотрел на Мстислава Козельского, который молча склонил голову в знак согласия. С приходом его и козельской дружин русское конное войско достигло четырех тысяч воинов. Перекрестясь и прочитав тропарь святому Христофору, князь велел готовиться к бою.

Галичан, волынцев и свой конные полки он приказал поставить в чело. На правое плечо отправил князя Олега Курского и путивльский полк. На левое пошли князь Мстислав Козельский и воевода Юрий Домамерич с черниговцами. По его замыслу плечевые полки выдвинулись саженей на сто впереди чела. С высоты кургана ему было видно, что они стали подковой, развернутой внутрь по отношению к врагу. Этим строем Мстислав замыслил обезопасить большую часть русского войска от татарских стрел и создал возможность охвата противника с флангов.

Татарская конница построилась лавой в три ряда. Сколь позволяли Мстиславу видеть его зоркие глаза, татары готовили луки. Князь велел трубить в рога, и вскоре русские лучники выехали в первые ряды. Легкая пылевая дымка повисла в воздухе и скрывала всю картину начинающегося боя. С малой дружиной князь Мстислав оставался на кургане. Русские полки медленно двинулись вперед.

Когда русичи разогнали коней и те пошли рысью, татары двинулись встречь. Рати быстро сближались. Оставалось менее ста саженей, как вдруг, на удивление галицкого князя, русичи первые пустили стрелы. Мгновением позже ответили и татары. Ветер донес до кургана дикое ржание лошадей и крики. Князь увидел, как падают и кувыркаются с обеих сторон кони и воины. Но ворог не вступал в сечу. Татары первого ряда, повернув коней и разделившись пополам, стали уходить по сторонам, освобождая пространство следующим за ними. Вот уже новые ряды татар быстро пустили стрелы. Но и русские стрелки не терялись. Повисшая в воздухе пыль скрыла картину схватки. Лишь ветер донес неистовый вой начавшейся сечи.

Козельский конный полк шел у левого плеча черниговской дружины, опережавшей козельцев на десяток саженей. Молодой гридь Горислав в кольчуге, вздетой поверх кожаной рубахи, в островерхом шеломе, с круглым щитом и луком в ошеей руке, держа поводья десной дланью, уже почти не гнал своего гнедого коня. Конь, чувствуя и слыша гулкий топот копыт своих собратьев и неукротимый поток всего войска, летел вперед в едином боевом порыве. Впервые юноша вступал в смертельную схватку, и сердце его наполнялось священным ужасом, неистовым дерзновением и острым чувством Неизвестного, нараставшим с каждым мгновением. Впереди Гориславa был ряд княжеских лучников, скакавших близ князя. Как все вокруг, он успел поднять свой щит над головой, когда смертельным градом начали сыпать и шеломить сверху татарские стрелы. Во рту пересохло. Казалось, дышать по-прежнему стало невозможно. Сердце бешено колотилось. Юноша с силой вздохнул и вытолкнул воздух из груди. В ушах зазвенело и затрещало. Это разорвали аэру предсмертные крики и ржание. Горислав опустил щит, потянув поводья, придержал коня. Это спасло его от падения, так как скакавший впереди него кметь полетел через голову своего сивого

жеребца, а сверху на него, брыкая задними ногами, рухнул его конь. Гридь с силой ударил правой ногой в бок своему гнедому. Шпора сильно уязвила коня, и тот резко пошел правее от места падения сраженного кметя. Удары тетивы и свист пускаемых стрел заставили вновь напрячься молодого гридя. Горислав, злясь на бившего передом и дрожавшего коня, рванул стрелу из тула* из-за спины. Подняв лук немного выше шелома кметя, скакавшего впереди, с силой натянув тетиву и отпустив оперенный конец стрелы из пальцев, выдохнул и быстро сплюнул.

Передовые отряды русской конницы утонули в пыли и сумятице, пронзающей железным лязгом и криками. Горислав все с той же злостью рванул из-за спины сулицу и поднял ее над головой, готовясь метнуть в недруга. Перстами левой длани он придерживал саблю, висевшую на поясе, вздетом поверх кольчуги. Это придавало ему уверенность. Сам того не сознавая, но повинуясь многолетней выучке, он левой же дланью приторочил древко лука к крюку у седельной луки и высвободил длань для поводьев. Резкий запах конского пота, пыли и крови ударял в ноздри. Сердце колотилось в груди. Слепая ярость затмевала разум. Вдруг опомнившись, Горислав обратился к Богу. Он молил Творца о спасении, молил истово, горячо, продолжая гнать и шпорить коня. Перескакивая через павших, конь нес его вперед. Русская конница, рассыпав строй, уже преследовала татар.

Ведомые своими сотниками, татарские воины развернули коней. Работая плетьми и отстреливаясь из луков, они пытались оторваться от преследователей. Но удалось это не всем и не сразу. Слишком большая масса конницы не могла быстро развернуться и поскакать вспять. Кони налетали друг на друга, теснились, взбрыкивали или сбивали один другого с ног. Всадники кричали, секли плетьми и понукали лошадей, пытаясь усидеть в седле и ускакать прочь. В отдельных местах татарские ратники, понимая, что им уже не успеть уйти

от настигавших их русичей, сбивались в кучи и вступали в рукопашную схватку. Русские воины, пользуясь численным превосходством, быстро сминали эти малочисленные отряды. Оставшиеся в окружении врага татары остервенело защищались, дорого продавая свою жизнь и встречая смерть лицом к лицу.

Горислав видел, что его оттеснило ошую дружины, сверкавшей серебром чешуйчатых и дощатых доспехов. Над ними плыл червленый стяг с Крестом и Голгофой. Один из всадников, привстав на стременах, грозно вознес поднятый над головой длинный меч. Посребренный шелом его с золотым образом на челе играл бликами на солнце. Гридь понял, что это был их козельский князь Мстислав со старшей дружиной. Налетев на кучу татар, секущихся кривыми мечами, князь выбил одного из седла грудью своего жеребца. Другой был зарублен первым же ударом тяжелого меча и выпал из седла под ноги своего коня.

Впереди, чуть правее от Гориславa дико заржал чей-то конь. Поднявшись на дыбы, он стал заваливаться набок, пронзенный стрелами, как и его всадник. Юноша, встав на стремена, огрел своего гнедого концом сулицы и усидел в седле. Впереди, в десятке саженей Горислав увидел круп невысокой татарской лошади и щит на спине всадника в мохнатой лисьей шапке. Тот развернулся и, не целясь, но очень точно, с криком пустил стрелу прямо в лицо гридю. Мгновение… и стрела с треском ударила в круглый щит, который юноша успел поднять, защищаясь от удара. Внутри у Гориславa на миг натянулась какая-то невидимая струна, готовая порваться. Но не порвалась… Кровь ударила гридю в лицо и зарделась румянцем. Злость и ярость вспыхнули с новой силой. Он дал шпоры коню. Гнедой, слушая хозяина, сделал несколько больших прыжков и нагнал татарина. Горислав, готовясь нанести удар, инстинктивно закричал. Татарин в ужасе обернулся. Молодое, круглое лицо с раскосыми, узкими глазами и тон-

кой ниткой усов было искажено злобой и ненавистью. Гридь потянулся вперед и, напрягая силы, нанес противнику удар сулицей в неприкрытый щитом бок. Татарин, схватив руками за древко оружия, поразившего его, стал вываливаться из седла и упал под ноги коня. Горислав, упустив сулицу, тут же потянул из ножен саблю. Но не успел он натянуть повод и вспятить коня, чтобы взглянуть на поверженного, как мгла затмила ему очи. В голове зазвенело. Почудилось ему, что большая птица на сильных крыльях подхватила и понесла его над полем брани...

На самом деле один из сородичей сраженного татарина, увидев гибель его, с маху пустил стрелу в лицо русичу. Но то ли конь взбрыкнул, то ли крыло ангела-хранителя отвело смертоносный удар, но татарская стрела ударила по самому краю шелома, оставив большую зазубрину там, где крепилась бармица. Как тяжелым камнем ошеломило молодого гридя промеж височной и лобной кости. Не теряя повода, припал Горислав к шее коня. А Гнедой, чувствуя, что случилась беда с хозяином, резко сбавил ход и медленно остановился. Это и спасло Горислава от верной смерти. Ибо другая стрела пропела в вершке от его лица и ударила в щит русича, который скакал следом за юным гридем.

Большая часть русской конницы уже вступила в схватку. Князь Мстислав Удалой видел с высоты кургана, что татарская рать пытается оторваться от русичей, а те охватывают татар с левого и правого плеча. Уже пошли в соступ галицкий, волынский полки и его дружина. Перед тем, как самому принять участие в преследовании врага, Мстислав снял тяжелый меч с пояса и передал его вместе со щитом своему отроку. Следом перекинул через острие шелома ремень, на котором за спиной крепился тул со стрелами и взял в руки лук. Велев гридю трубить в рог, он пустил коня с кургана вниз. Конь, чуя волю хозяина, понес его к месту схватки. За князем пос-

ледовала ближняя дружина с поднятым крещатым стягом и опущенными копьями.

Молодой князь Даниил, услыхав трубный звук рога Мстислава Удалого, пришпорил коня и повел волынский полк наметом. Рядом, опустив копья и пуская стрелы, с гулом катился галицкий полк, а дале полк самого Мстислава. Редкие татарские стрелы встречали тяжелую конницу русичей, почти не причиняя ей вреда. Правее князя Даниила, там, где Олег Курский вошел в соступ с татарами, брань уже заканчивалась. Русские воины добивали последних сопротивлявшихся, сдирали с убитых и раненых татар доброе оружие и доспехи. Раненые русичи рвали подолы льняных рубах и перевязывали раны. Кто-то звал и искал своего друга или сородича. Но основная масса русской конницы гнала татар впереди. Даниил, понимая, что теперь главное — погоня, еще раз пришпорил коня и ударил его плетью.

Медленно, но неодолимо татарская конница все более отрывалась от тяжелых, кованных русских полков. Отдельные русские лучники в легких доспехах и на быстрых конях еще доставали татар стрелами. Но потом и сами сдерживали коней, ибо отступающий враг, как убегающий степной волк, огрызался и показывал зубы. В ответ на две - три удачных русских стрелы татары пускали десяток и вновь бежали прочь. Вот на полном скаку татарские сотни миновали глубокий лог. Для преследовавших все отступавшие сначала будто пропали, уйдя под землю. Затем десятки, а потом сотни всадников показались на другом краю лога. И вновь после нелегкого подъема стали набирать ход, убегая в бескрайнее Поле.

Русской тяжелой коннице этот лог дался труднее. Кони пошли осторожнее, медленнее. На спуске бился и храпел монгольский конь, сломавший ногу и брошенный здесь же. Когда миновали небольшой кустарник и ручеек, а затем преодолели подъем, то оказалось, что татары ушли еще далее. Но погоня продолжалась. И в следующей низине, не столь глубокой,

как предыдущая, в трех полетах стрелы от первой, русичей ждала удача. Огромный стан с юртами и возами, большими табунами лошадей, гуртами скота растянулся вдоль низины почти на три поприща. Некоторые татары или их пастухи замешкались в стане, видимо, пытаясь урвать какое-то добро или угнать лошадей. Этим и пришлось туго. Тех, которые пытались сопротивляться или бежать, сразу посекли и побили стрелами. Остальных брали в полон и вязали.

Солнце садилось за дальний курган. Вскоре стало смеркаться. В логу темнело быстро. До утра погоню оставили. Выставили сторожу. Всю ночь жгли костры, резали овец, пировали, чем Бог послал. Дали знать в русский стан на берегу Днепра, звали всех русичей праздновать победу.

* * *

Лишь с утра стали подходить полки со стороны реки. Первыми пришли половцы, хищно озиравшиеся окрест, быстро принявшиеся рыскать по большому логу в поисках добычи. Здесь, за Днепром, были их родные, хорошо знакомые степи. Но даже после победы разгромленные и плененные татары вызывали у них опасение и ненависть.

Следом подошли пешие отряды волынцев, галичан, курян, черниговцев, козлян, трубчан, путивличей. С ними были и обозы. В разных частях захваченного татарского стана священники начинали служить благодарственные молебны и возносить здравицы. Когда с запада к стану подходили киевский, смоленский и другие русские полки, от лога по степи разливались, чередуясь или вторя друг другу молитвы и песнопения. Подъехав к пологому спуску в лог, Мстислав Киевский услышал одесную от себя: «Аллилуиа!», а ошую: «Кирие элейсон!» Далее и прямо от него в галицком полку пели:

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!..

Великий князь почувствовал себя чужим на этом торжестве, но приветственно улыбался встречающим его и прятал

досаду и зависть в глубине души. Только молодые князья во главе с Олегом Курским пришли встретить его. Расспросив князей о прошедшей брани и потерях, великий князь поинтересовался, послано ли всугон за татарами. Отвечали, что за татарами вслед ушла большая сторожа числом до тысячи кметей. Великий князь спросил о полоне. Ему отвечали, что полон огромен, но пока не считан.

Жадные и скорые до наживы и грабежа половцы ранее других стали осматривать богатства стана и табуны. Кто-то узнавал свои кибитки, юрты, повозки. Другие высматривали в табунах своих лошадей, быков и просили русских воевод вернуть им их скот и достояние, не включая все это в общую добычу. Но и без того лошадей и скота было так много, что всем воинам хватило или по две лошади, или по два-три быка. Рослых, мохнатых верблюдов, которые также были среди скота, отдали половцам. Во время дележа добычи к русскому стану подошла небольшая конная рать бродников, дружественных русичам. Жившие по диким берегам Дона и его притокам, бродники помогали ранее русским в войнах против половцев. Они были христианами и порой сами страдали от грабежей и набегов кочевников. Но бывало, что и они нападали на купеческие караваны, ходившие из Булгара в низовья Волги и Дона, но русских трогать боялись. Привел бродников их воевода Плоскиня. Осматривая богатую добычу, доставшуюся русичам, Плоскиня с завистью сверкал серыми раскосыми глазами и хвалил русских князей.

Уже ближе к вечеру русские конные полки стали выступать один за другим вслед уходившим татарам. Многие брали с собой в поводу по второму коню. Другие, начинавшие поход пешими, теперь сами садились на конь и увеличивали число комонных. Пешцы, не желавшие принимать участие в походе в составе конницы, готовились выступить утром. Для охраны всего захваченного полона и скота оставляли большой отряд.

Татары уходили на восток Залозным* путем. Русская сторожа шла по их следу в пяти поприщах. Лето вступало в силу, становилось все жарче. Ручейки и речушки в низинах пересыхали. Вместо них русичи находили полувысохшие, полузатоптанные болотца. Степь подсыхала и все чаще курилась пылью. Лишь редкий ветерок освежал людей и коней.

Троица застала русское войско в походе двенадцатого июня. С утра кмети наломали молодых ивовых побегов с редких кустарников в низинах. С трудом наполнили большие котлы водой из мелеющих ручейков. Убрали молодыми ветками иконы, хоругви и стяги. Потом в полках священники служили литургию. Предчувствуя скорую брань, многие причащались, переодевались во все чистое и новое. Следом служили водосвятные молебны. Кропили святой водой иконы, стяги, людей, лошадей, оружие. Отслужили литургию и молебны, но никто не думал бражничать, да и воеводы придирчиво смотрели за людьми.

Полки спешно собрались и после быстрого обеда тронулись в поход.

Впереди всей конницы шел галицкий полк, за ним — дружина Мстислава Удалого и волынцы, следом — куряне и путивличи, а уж потом — козельский полк и черниговцы. Несмотря на жару, русичи были в доспехах, но без шеломов. Многие повязали головы белыми рубахами или кусками холста. Горислав, уже почти оправившийся от контузии, намотав мокрую тряпку на голову, ехал бок о бок с Твердиславом. Старый, опытный кметь долго корил гридя за неосмотрительность на брани. Зачем де хотел глядеть на поверженного, — в бою гляди в оба на живого ворога. Горислав, пожалуй, и соглашался, да вот лик убитого им татарина все не выходил у него из памяти. Боримир подсмеивался над молодым гридем, хотя и понимал его задумчивость. А юноша, не обижаясь на опытных кметей, в душе просил Господа о прощении и примирении с душой убиенного им врага.

Впрочем, для подобных размышлений оставалось немного времени. Полки шли уже пятый день. Все дальше уходили от границ Руси в Дикое Поле. Сторожа постоянно давала знать об отступлении и передвижении татар. Часто поднимали сполох и готовились отразить напуск вражеской конницы. Войско растянулось почти на полдня пути. Значительная часть конницы шла в охранении пеших отрядов и обоза. К вечеру пятого дня в головном полку, левее дороги, на расстоянии пяти полетов стрелы воины заметили гряду курганов, у которых кружили стаи диких птиц. По словам одного половца, там татары разгромили большую половецкую рать. Лишь немногим удалось уйти оттуда живыми. Русская конница замедлила ход.

Съезжая с дороги, многие направляли коней посмотреть место побоища. Горислав и его товарищи отправились туда же. Гряда курганов протянулась с обеих сторон вдоль большого яруга, поросшего чахлыми ракитами и кустами. Меж курганов и по всему яругу лежали уже исклеванные птицами и объеденные волками костяки людей и лошадей. Много потребовалось времени, когда бы кто-то захотел пересчитать павших. Все целое оружие, доспехи, одежда были уже сняты с поверженных. Обломки копий, разрубленные шишаки, щиты, рваная, почернелая от крови и земли одежда были рассыпаны меж костей или прикрывали их. В черепах павших торчали древки обломанных стрел. Узрев это скорбное место и недолго постояв, русичи скоро отъезжали к войску. Половцы, вставая на колени, плакали, вспоминая своих сородичей и вознося молитвы своим языческим богам. Кто-то из них рассказывал, что татары, искусно заманив их рать в этот яруг, окружили почти всех и побили стрелами. Те, кто успел вырваться, ускакали к Днепру. Видно было, что у многих костяков посечены шейные позвонки и плечевые кости. Попавших в полон и раненых секли мечами и секирами без пощады. По словам половцев, в этой брани, что была около двух месяцев назад, полегло до десяти тысяч половецкого войска.

Сотворив крестное знамение, Горислав и его спутники поворотили коней к своему полку. Мрачная картина побоища охладила многие горячие головы в русском войске. Тем, кто еще не успел повидать татар в соступе, пришлось всерьез задуматься о том, что ожидает их в Диком Поле, вдали от родных городов и сел.

* * *

Все следующие дни отступающие татары уходили на юг, оставляя ошую себя древний Залозный путь. Русская сторожа доносила, что уж близко Сурожское море*. На восьмой день пути русское войско вышло к неширокой извилистой степной реке Калке. Мстислав Удалой, уже признанный всеми как глава конных полков, повелел молодому князю Даниилу перейти реку с конницей. Сам же со своей дружиной и половцами стал поджидать пешие отряды и идущие позади полки князя Киевского. Не успел Даниил вывести всю конницу на левый берег, как сторожа донесла, что в шести поприщах навстречу русичам идет не менее пяти тысяч татар. Срочно послал он с этой вестью к Мстиславу Удалому. Мстислав велел подходившим пешим полкам скорее идти к переправе и перейти реку до того, как начнется брань. Сам он с дружиной и князь Ярун с тремя тысячами половцев быстро пошли через реку. Река была неглубокой. На броде вода доставала коням до груди. Местами было еще мельче. Перейдя реку, князь послал Яруна с половецкой ратью еще раз проверить и оценить силу татар, не ввязываясь с ними в бой. Ярун ускакал в сторожу.

Подходившие к реке русские полки быстро переправлялись на левый берег. Великий князь Мстислав со своими полками перешел Калку и встал левее всей русской конницы на высоком каменистом кургане. Мстислав Удалой, казалось, не обратил на это внимания, а смотрел вдаль — на восток, ожидая вестей от Яруна. Так, прождав полчаса и не получив вестей, он с дружиной сам пошел вслед за половцами. Вместо себя за старшего оставил Даниила. И полчаса не ждал Да-

ниил, как вновь запылило в степи на востоке. Кони в полку тревожно ржали, били копытом. Со стороны Сурожского моря и низовьев Дона поднимался сильный ветер, гнавший пыльные вихри над степью.

Обогнув неглубокую степную балку, дружина Мстислава Удалого вернулась к русским полкам и встала в челе всего войска. Следом подходили половцы и русская сторожа, вставшие за полком Мстислава. Подъехавший Даниил осадил коня рядом с галицким князем. Тот был строг ликом, но с трудом сдерживал возбуждение. Не тратя лишних слов, он велел всем собравшимся у него князьям скорее вздевать брони, вооружаться и готовить луки. На вопрос о числе татар, сверкнув очами, скупо молвил:

— Зело грозен есть ворог.

На вопрос Даниила: послать ли ко князю Киевскому, галицкий князь лишь махнул рукой. Затем посмотрел на реку. Калку переходили войска князя Владимира Смоленского. Оборотившись на восток, он увидел, что у балки показалась татарская сотня. Там узрели русские полки и замедлили ход. Степь на востоке по всему горизонту покрылась пылью. Это шла татарская конница. Солнце входило в зенит и еще слепило русичам глаза. Южный ветер сносил пыль ошую русских полков. Вскоре многочисленная татарская рать как будто вылилась из-за холмов на востоке, развернулась вдоль балки и встала у края спуска. Каждый татарин был «о дву конь». Князья обратили взгляды на Мстислава Удалого. Тот не отрываясь, молча и долго смотрел на татар, потом повернулся к Даниилу, кивнул головой и негромко молвил:

— Дерзай, сыне!

Даниил пустил коня к своим полкам. Князья отъезжали к своим. Воеводы равняли в полках строй, вои готовили оружие. Лучники выезжали вперед. На самом левом плече встал полк князя Владимира Рюриковича Смоленского. Левее и позади его на кургане стояли киевляне во главе с великим князем. Там

скрепляли вместе возы и ладили к ним тын. Внизу у кургана стояла конница галичан, волынян, курян и путивличей. В челе всего войска стоял конный полк Мстислава Удалого и половцы. Правее расположились черниговский, козельский и трубчевский полки. На самом правом плече была дружина князя Михаила Черниговского. Пешие отряды все еще переходили реку и строились в задних рядах за конницей.

Даниил, не останавливая коня, прорысил вдоль строя своих кметей и дружины и призвал их первыми пойти в соступ на татар. Вои, подняв копья и сулицы, дружно приветствовали своего князя и кричали:

— За ти идем, княже!

Князь перекрестился. Приняв длинное копье из рук своего отрока, Даниил развернул коня на восток и сорвал его с места, заставив подняться на дыбы и сделать прыжок вперед. Полки галичан и волынцев пошли в соступ за своим князем напрямую — через балку. Их смелость и дерзость обескуражили татар. Лишь редкие стрелы были пущены встречь русичам. Так началось одно из самых трагических событий в истории Киевской Руси, оставивших тяжелую память многим поколениям русских людей.

На татарскую рать числом до пяти тысяч человек было брошено не более полутора тысяч воинов. Увидев, что русичей пошло в соступ почти втрое меньше, чем татар, вывел вперед свою конницу Олег Курский. Но и после этого силы русских не превысили половины татарской рати. Место, освободившееся в строю конных полков, занимали пешцы, ощетиниваясь рогатинами и копьями, поднимая червленые стяги.

Топот тысяч кованых копыт сотрясал землю. Нацелив пики и копья на врага, загородясь щитами от стрел, как бурный поток понеслась русская конница по спуску балки. Татары не выдержали. Опустив копья и понукая коней, основная сила татарской рати, не дожидаясь русичей наверху, покатилась вниз встречь им. Глухие таранящие удары, треск и ломление копий,

ржание и храп коней огласили балку. Даниил первым ударом длинного копья выбил из седла татарина в лисьей шапке с круглым щитом. Тот рухнул под ноги лошадей и, наверное, был затоптан копытами. Но в следующий же миг сам молодой князь, не успевший увидать летевшего на него врага, получил удар в грудь монгольским копьем. Приученный с детских лет держаться в седле при любых ударах, Даниил удержался, хотя и был сильно ошеломлен. Княжеские гриди сразу загородили своего князя щитами и отбили второй удар, направленный на него. Вражеское копье, казалось, сломило и просекло лишь железную скрепу меж двух чешуйчатых* пластин брони. Под бронью была тонкая кольчуга. Молодой князь быстро пришел в себя и отбросил свое надломлённое ударом копье. Быстрым движением выпростал из ножен длинный меч и, кружа им над головой, вновь ринулся в сечу. Меньшие числом русичи напирали на врага. Казалось, таранящий удар копьем, которому так хорошо учили европейские дружины с XII века, явил свое превосходство над тактикой степняков.

Татарский полководец-темник Субутдай наблюдал с вершины холма за разворачивавшейся сечей. Под темником был чистокровный молодой и горячий арабский скакун серой масти, которого привели своему полководцу воины после разгрома Тавриза. Жеребец слегка ржал и волновался, прядал ушами, слушая топот тысяч копыт и нарастающий гул битвы. На Субутдае были прочные кожаные доспехи, кожаный панцирь, стеганный железной проволокой и железными пластинами. Островерхий шелом с бармицей защищал голову. Рядом, верхом на хорошем крупногрудом жеребце, облитый тяжелой кольчугой, сидел другой темник — чингизид* Джебе. На голове его красовалась нарядная шапка из светлого волчьего меха. Чуть ниже, на спуске с холма также верхом на непослушном гнедом гарцевал третий темник — Тугачар. Вокруг холма верхами, с копьями в руках стояло более двух

десятков нукеров. Восточнее холма, в низине полукольцом расположилась пятнадцатитысячная конная рать, колыхавшаяся как сверкавшее под лучами солнца и порывами ветра озеро. Кони тихо ржали, били копытом и отмахивались гривами и хвостами от мух. Как стебли высоких трав, камыша или осоки, поднимались вверх и клонились по сторонам безбрежные ряды копий, островерхих шеломов и мохнатых шапок. Ветер почти не доносил до вершины негромкого говора этой многоязыкой степной рати. Все эти люди давно были готовы к битве и ожидали приказа. Но от русичей все это было скрыто грядой невысоких холмов.

Сеча между русичами и пятью тысячами татар развернулась на расстоянии трех полетов стрелы в балке. Сражавшихся было почти не видно. Но были хорошо видны русские войска, построившиеся для битвы у реки. До них было пять, может быть шесть полетов стрелы. Однако, вскоре стало заметно, как меньшие числом русичи выбивают татарскую конницу из балки. На склоне заметались верховые с луками и копьями, усилились крики и топот. Основная масса сражавшихся стала медленно и неуклонно сдвигаться в сторону холма, ближе к татарским темникам. Вскоре у реки, в челе русского войска началось движение. И еще один конный полк отделился от остального войска и покатился в сторону татар. Зоркий глаз татарского темника Субутдая разглядел, что это были не русичи, а половцы.

Со стороны балки по направлению к холму на всем скаку приближалось несколько всадников. Все, за исключением одного, остановились у подъема. Лишь один влетел на вершину и, спрыгнув с коня за десять шагов до темников, подбежал к Субутдаю и Джебе. Это был тысячник Урянхай — сын Субутдая. Склонившись в поклоне, он по-монгольски обратился к чингизиду:

— Позволь, господин?

— Говори, — ответил тот.

— Отец, урусуты давят нас копьями. Кыпчаки идут им на помощь. Долго мы не устоим,— с жаром выпалил Урянхай, обращаясь к обоим.

— Поворачивайте коней. Пусть урусуты и кыпчаки крепче ухватятся за хвост дикого монгольского жеребца, а тот уж сам сделает свое дело, — молвил Субутдай, не дрогнув ни одним мускулом лица. Джебе и подъехавший Тугачар негромко одобрили сказанное самым опытным из них. Жестом руки Субутдай отпустил Урянхая. Затем махнул рукой одному из нукеров. Тот стремглав влетел на вершину.

— Скачи к Чегирхану. Пусть выводит пять тысяч навстречу кыпчакам. А впереди гоните этих собак, — сказал темник и указал плетью на несколько сот связанных и скованных колодками половцев, среди которых в основном были юноши и старики. Джебе, услышав это, усмехнулся одними губами и одобрительно кивнул головой.

Через несколько минут навстречу половцам, которых вел князь Ярун, во фланг сражающимся в балке татарам вышла из-за холма и стала разворачиваться лавой пятитысячная татарская рать. Впереди себя татары гнали пленных половцев. Татарские воины готовили луки. Половецкая конница шла наметом. Но вдруг в передних рядах кыпчаков произошло замешательство. Степняки увидели пленников, гонимых впереди. Воины передних рядов осаживали коней, задние стали налетать на скачущих впереди. Этим и воспользовались татары, пустившие через головы пленников тучу стрел. Тяжелые и дальнобойные татарские стрелы побили сразу сотни верховых и их лошадей. Половцы нестройно и недружно отстреливались.

Развернувшаяся широким веером татарская лава набрала ход. Погоняя и сминая пленников, пуская убийственные потоки стрел, татары дружно ударили по кыпчакам. Охватив с плечей половецкую рать, монгольские воины беспощадно секли и избивали врага. Половцы сопротивлялись недолго, и

вскоре уцелевшие в этом побоище стали поворачивать коней и убегать от наседавших татар. Князь Ярун с выпученными от напряжения глазами кричал сорвавшимся голосом, пытаясь собрать для отпора своих воинов. Он истекал кровью, так как в левой руке его у плеча торчала стрела, пробившая кольчугу. Правой он еще держал саблю и отбивался от наседавших татар с кучкой своих нукеров. Но силы их таяли с каждой минутой. Нукеры валились с коней, пронзенные стрелами, сбитые копьями, связанные арканами. Слетали с плеч их отсеченные головы и руки, а кровь заливала коней и землю. Понимая, что приближается конец, Ярун крикнул нукерам, чтобы бежали, а сам, отбив очередной удар, все же сразил саблей в лицо наседавшего монгольского батыра. Огретый плетью, еще сильный и крепкий половецкий конь уносил Яруна от окружавших его врагов.

Не давая оторваться кыпчакам, татары «на их плечах» неслись на русичей у реки. Эта многотысячная конная масса отступавших и преследовавших катилась прямо на чело русского войска. В полках русской конницы произошло замешательство. Но князья и воеводы что-то еще пытались сделать и как-то собрать людей, когда вал степной конницы врезался в самый центр русского войска, сминая и сокрушая его строй. Памятуя эти события, русский летописец запишет: «Тъгда же Ярун съступи ся ними, хотя бити ся, и побегоша не успевъше ничтоже половьци назад, и потъпташа бежаше станы русьскыхъ князь, не успеша бо исполчитися противу имъ, и съмятоша ся вся, и бысть сеча зла и люта».

Еще несколько тысяч татар, вылетев из-за холма, ударили по правому плечу русской конницы, что дралась под рукой князя Даниила. Русичи, успевшие к тому времени выбить татар из балки, вновь были отброшены туда и оказались под угрозой окружения.

Чело русского войска, где стояли пешцы, конница Мстислава Удалого, полки трубчан, путивличей, козлян и чернигов-

цев, было смято. Козельский князь Мстислав, понимая, что пришел и его черед, повел уцелевшую от сумятицы часть полка в соступ на татар. Горислав, бывший в первых рядах вместе с Твердиславом и Боримиром, увидел, как князь вылетел вперед, направив тяжелое копье на врага. Шелом его со златым образом святителя Пантелеймона сверкал на солнце. Слегка откинувшись станом назад, наклонив вперед голову и упираясь выпрямленными ногами в стремена, Мстислав налетел на одного из передовых монгольских воинов. Удар его копья пробил щит и оказался смертельным для врага. Но тут же князя со всех сторон окружили татары. Он успел слишком далеко оторваться от своей дружины. Рядом с ним было всего несколько отроков и дворян. Копье уже не годилось для ближнего боя, и, отбросив его, Мстислав выхватил из ножен длинный франкский меч. Все бывшие с князем русичи пали от стрел и ударов копий. Вражеские копья с крюками тянулись к князю, чтобы сорвать его с коня. Вот татарин бросил аркан, пытаясь стянуть руки князя у плечей. Но тот успел увернуться, и аркан пришелся на голову коня. Мстислав отсек петлю.

Княжеский боярин Косьма, собрав молодцов — гридей, среди которых был и Горислав, кричал князю:

— Не давай, княже ся, еси пожди! — и, круша большой двуручной секирой татарские головы, плечи и руки, прорубался на пределе сил к своему господину.

Но тщетно! Вот две новых петли стянули руки и предплечья Мстиславу. Вот кривым мечом татарин ошеломил князя сзади. Вот татарские копья прободили чешуйчатый доспех на плече и груди. Меч выпал из рук Мстислава. Арканом сдернули его с седла, да не отпустило тесное стремя. Князь не упал на землю, а лишь завис над ней. Да уже рядом был княжий боярин со своими молодцами, от которых, правда, и трети не осталось. Боримир получил в бок удар копья, что пробило ему кольчугу, и пал с коня. Твердислав, хоть и де-

ржался в седле, но из левого бедра его ниже кольчуги торчала татарская стрела. Лишь Горислав пока был цел, но потерял щит, и кольчуга на нем была сильно посечена. Он, и еще четверо кметей с боярином отбили князя у татар, всадили его в седло и привязали к шее коня. Окружив своего господина со всех сторон, заслоняя его от стрел и копий, гриди и отроки рубились с остервенением. В этой сумятице Горислав успел заметить краем глаза, как над его челом чья-то рука занесла кривой татарский меч. Свист и просверк клинка над головой заставил юношу мгновенно податься в седле корпусом назад и выставить свою саблю вперед. Но сабля лишь ослабила тяжелый, заранее намеченный удар меча. Тот все же достал самым острием лицо юноши и пришелся наискось от десной надбровной дуги к носу и ошеей щеке. Боли Горислав не почувствовал. Казалось, что будто обожгло лицо, а десное око стало заплывать чем-то густым и липким. Но юный гридь удержался в седле и из последних сил сам ударил в ответ саблей наотмашь. Он не посмотрел и не оглянулся туда, куда пришелся его удар, ибо конь уже унес его от того места, а надо было смотреть только вперед и по сторонам, защищая от ударов беззащитное тело князя. Вырвавшись из вихря конной сечи, остатки козельской дружины сопроводили своего князя сквозь строй расступившихся пешцев и, поддерживая его под руки, стали съезжать в реку. А козельский полк, вступивший в бой, смог лишь на малое время сдержать татар.

С левого плеча вывел в соступ часть конной черниговской дружины воевода Юрий Домамерич. Но полки черниговские стояли на месте, ощетинившись копьями, рогатинами и пуская стрелы. Князь Михаил выжидал. Полностью смешав строй русских, стоявших в челе, половцы князя Яруна как вода сквозь песок просочились к реке и в панике переправлялись через Калку. Град стрел и сабельный смерч обрушили монгольские воины на смятые русские полки. Князь Мстислав Удалой, пытаясь перестроить свой полк, стал уводить его

к переправе, чтобы встретить татар на правом берегу реки. Татары вклинивались между русичами, рассекая войско на части. Устилая землю павшими, укрываясь щитами от свистящих, бьющих и разящих стрел, отбиваясь копьями и секирами, отходили к реке и пешие русские полки. Подняв железную личину, Мстислав Удалой посмотрел на большой курган, где, загородясь возами и тыном, не трогаясь с места, стояли киевляне. Смоленский полк Владимира Рюриковича, отстреливаясь из луков, лишь кое-где переходя в копейные сшибки, медленно отходил левее большого кургана. Там же, вслед за смоленцами и правее кургана отступали вырвавшиеся из балки галичане, волынцы и куряне. Их сильно поредевшие и истекающие кровью полки еще как-то бились под рукой князя Даниила, хотя людей потеряли больше других. Даниил, понимая, что сдерживает более двух часов со своими людьми втрое превосходившие их силы татар, уводил к реке своих почти обессилевших и израненных воев. Вся его челядь или потерялась, или была побита. Он не знал, где его брат Василек, где князь Олег Курский. Лишь старый боярин Борислав Несторович, что служил еще его отцу князю Роману, да несколько кметей помогали князю. Уже третий по счету гридь сменился под княжьим золотым стягом. Чувствуя страшную жажду, молодой князь пустил коня к реке. Разбрызгивая воду, загнал его по грудь. Свесившись с седла и сбросив тяжелые кольчужные рукавицы, он горстями черпал и жадно пил речную воду, плескал ее себе в лицо и на грудь. Вдруг он увидел, что у самой воды лежат побитые стрелами люди и кони. Вода у берега окрашивалась кровью. Грудь сильно саднило от боли. Он осмотрел себя. Вода, стекавшая по железным чешуям панциря, на кожаной рубахе у бедер и седла окрашивалась багряными и розоватыми разводами. Даниил понял, что во время брани из-за дерзости, храбрости и юного возраста не заметил он раны. С детских лет от головы до ног не знал он в себе порока. Но сейчас силы медленно уходили из его могу-

чего тела. Отрезвление пришло сразу. Увидев, что киевские полки так и стоят на горе, не вступив в сечу, Даниил выбрался на берег, велел боярину уводить полк за реку и отрываться от наседавших татар.

* * *

Сводный пеший полк числом до двух тысяч воев, собранных воеводами, истекая кровью, бился у большого холма ввиду стоявших на холме киевлян. Конные полки уже ушли за Калку или были побиты. Давно перешли реку дружины князей Михаила Черниговского, Мстислава Удалого и Владимира Смоленского. Князья не смогли организовать отпора за Калкой и бежали со своими полками. За ними, отбиваясь и отстреливаясь, уходили конные: козельская дружина, уносившая с собой убитого князя Мстислава, немногие кмети курского полка с раненым князем Олегом, да изрядно поредевший галицко-волынский полк князя Даниила. Последним оставил левый берег реки храбрый боярин Юрий Домамерич, пять раз водивший своих воев в соступ с татарами у правого плеча пешего полка. Но вот уж и его кмети, последний раз окатив татар потоком стрел с правого берега реки, развернули коней и пустили их в Поле на запад.

Здесь же, на левом берегу, русские пешцы еще сопротивлялись. Тяжелыми рогатинами и копьями они кололи татарских коней, валили их наземь. Добивали кистенями и палицами слетавших на землю татарских всадников. Напуски татарской конницы были бессильны против упрямо стоявших насмерть пеших русичей. Только стрелами и били татары русский полк. Но у многих пешцев были щиты и луки со стрелами, многие имели брони и шеломы. Монгольским темникам казалось, что уже давно было пора посечь, рассеять и растоптать их. Но пешцы не поддавались, срывая общее преследование русской конницы, а татары все несли и несли потери. У тех, кто дрался в пешем полку, еще оставалась надежда на помощь киевлян, стоявших на вершине горы. И люди не хотели бежать, по-

нимая, что это неизбежная смерть. В смертельном отчаянье все осознавали, что если предстоит умирать, то лучше стоя и сражаясь плечом к плечу со своим русичем, не оставляя надежды на спасение. Пощады тоже никто не чаял.

Монгольский темник Субутдай разделил свою конницу и отправил ее большую часть преследовать бегущих к Днепру. Меньшую оставил здесь, чтобы окружить и побить русских, стоявших на горе у реки. Что же касалось не желавших бежать и сдаваться пешцев, то он велел подтянуть из обоза метательные машины, которыми умело пользовались хины, и побить урусутов из них. Вскоре пешцы увидели, как татары подтаскивают все ближе к ним пороки* и услышали гулкие удары, вой и свист больших камней и снарядов, взрывавшихся огнем. Здесь уже не могли охранить ни брони, ни щиты. Как пожаром и смерчем выжигает и ломает лес, так ударами камней и потоками смрадного, нестерпимого пламени выбивало и жгло десятки и сотни оборонявшихся русичей.

И часу не прошло, как все было кончено. Среди тысяч поверженных, среди догоравших огней и дыма одиноко стояли на большом кургане, оградясь возами и частоколом от окружавших их татар и жуткого побоища, так и не вступившие в сечу полки киевлян.

Глава IV

Большое гнездо

Оранжевое вечернее солнце проливало свой красно-золотой свет на бескрайние поля, холмы и перекаты Залесского Ополья. То здесь, то там, как полосы зрелого арбуза, тянулись от дороги в разные стороны зеленевшие поля озимых и темнели черной землей поля яровых. В воздухе и на земле уже не было дневного жара, но стояло тепло. Редкие перелески и овраги с кустарником лещины встречали путников еще свежей зеленью листвы, прохладой и щебетаньем птиц. Июньский день завершал свой круг. Где-то в низинах, в кустах у воды слышен был соловей.

По древней, наезженной дороге из Суздаля во Владимир на рысях двигалась группа всадников числом до пятидесяти верховых. Впереди на серебристо-голубом жеребце ехал человек лет тридцати пяти в распахнутом дорожном зеленоватом кафтане с подолом и поручами, шитыми золотом. От всех остальных его отличали властные манеры и царственная посадка в седле. Черты его лица также были отмечены властностью и спокойствием. Седина недавно, но уже уверенно пробилась в его светлой коротко остриженной бороде и усах. Это был великий князь Владимиро-Суздальской земли Юрий II Всеволодович. Он приходился сыном покойному великому князю Всеволоду, прозванному на Руси Большим Гнездом. Уже более шести часов всадники держали путь во Владимир-на-Клязьме, лишь ненадолго останавливаясь на отдых.

Дорога становилась труднее, так как пошла по высотам и спускам Клязьминской гряды. Владимир был уже близко. Наконец последовал очередной, самый трудный подъем, и перед всадниками открылся вид стольного града, раскинувшегося на высотах между реками Клязьмой и Лыбедью. С горы и с холмов, по которым спускалась с востока дорога от Суздаля, город представлялся царственным престолом, воздвигнутым на ступенях многоярусной пирамиды. Впереди, в самом низу этой пирамиды стояли Серебряные ворота, сиявшие на фоне темно-зеленого вала и рубленых стен белокаменной кладкой, серебристыми створами и куполом надвратного храма. Вдоль главной улицы, шедшей от ворот вверх по склону внутрь Нового города, тянулись деревянные дома горожан и невысокие рубленые храмы. Выше их вдали лежал зеленый пояс второго вала и деревянных стен Печернего города с башней Ивановских ворот. А еще выше и левее виднелись каменные стены и воротная башня детинца — кремля, рядом с которым и внутри которого поднимались столпами белокаменные стены Рождественского, Воздвиженского, Дмитровского соборов. Венчал же весь град, воздвигнутый на самой круче Клязьминской гряды, огромный, стройный и белоснежный собор Успения Пресвятой Богородицы. На фоне вечернего заката главы храмов горели красным золотом и голубоватым серебром.

Заметив приближение княжеской свиты, сторожа Серебряных ворот ударила в било. Но, несмотря на усталость, князь Юрий не пустил коня к мосту над Лыбедью. Он любил уезжать из Владимира этой дорогой. Но возвращался в столицу через Золотые ворота, что были в западной части города. Знал он, что Золотые ворота и в Цареграде, и в Киеве — главные врата столицы. Но не понимал, почему и те, и другие, и третьи расположены были в западной стене града, а не в какой-то другой. Чутьем лишь угадывал князь, зачем так созиждено. Но все же думал, что сподручнее было бы поставить Золотые

ворота Владимира на востоке — на дороге, ведущей в Суздаль и Боголюбов, или на севере, — на пути, ведущем в Ростов и Ярославль. Как-никак, но Ростов и Суздаль старше Владимира. Но, наверное, какую-то другую думу вынашивал его дядя князь Андрей Боголюбский, отворотив перси и чело стольного града не только от Ростова, но и от Суздаля.

Дорога пошла вдоль левого берега быстрой Лыбеди и стоявших над ней по правобережью рубленых стен Нового и Печернего города. Лошади неспешно рысили. Мысли князя переключились на суздальские дела. Вот уж более года прошло с тех пор, как он велел разобрать обветшавший Успенский собор в Суздальском Кроме. Собор был поставлен его дедом — князем Юрием Долгоруким на месте еще более древнего собора прадеда Владимира Мономаха. С той поры уже сто тридцать лет прошло. Но и старый дедовский собор со строгими и голыми кирпичными стенами не нравился князю Юрию. Он, как и дядя Андрей, и как отец хотел прославить свое имя, воздвигнув церковь из белого камня, изукрашенную резьбой, «красивейшею первыя». Однако старый храм был еще очень прочен, и его стены пришлось подсекать в основании и обрушивать. Теперь уже на старом основании стали класть новые белокаменные стены. И в прошлом году владимирский летописец по воле князя записал:

— Великии князь Гюрги* заложи церковь каменьну святыя Богородицы в Суждали.

Подковы коней застучали по деревянному настилу у спуска к Медным воротам Печернего города. Но княжеская свита не повернула налево, а погнала коней туда, куда уже направился князь — вверх и на подъем вдоль реки и рубленых стен Нового города.

В вечернем закате за стенами града брызнули и заиграли красным золотом главы Княгинина монастыря. Вскоре лошади вновь пошли под уклон. Князь и сопровождение спустились к мосту над Лыбедью и услышали, как зазвонили

в било в Княгинином монастыре, около Успенского собора и на Ирининых воротах. Под копытами лошадей задрожал бревенчатый настил невысокого моста над рекой. У Ирининых ворот, несмотря на вечернее время, еще сновал городской люд, задержавшийся вне градских стен по торговым или загородным делам. Встречая князя, люди почтительно расступались, приветствовали его и кланялись.

Миновав рубленую вежу Ирининых ворот, князь и его люди продолжали ехать снаружи рва, вала и градской стены. Дорога шла вверх к Золотым воротам. Вечерний закат красил последними неяркими лучами золотой крест и главу надвратного белокаменного храма и белокаменных ворот, освещая стены розовым светом. Когда князь Юрий подъехал к самим воротам, то сторожа и городской люд, живший рядом, вышли встречать его. Окованные красной медью массивные створы ворот были распахнуты. Князь остановил коня. Обратившись ликом на крест храма, перекрестился и склонил голову. Затем поклонился людям, встречавшим его. Навстречу князю прискакал его тиун*, спрыгнул с лошади и, кланяясь, сообщил, что княгиня с детьми который день ожидает его здесь поблизости на старом княжеском подворье у Спасского храма. Усталый князь легко кивнул головой в ответ и в душе обрадовался, что не надо ехать далеко — в Детинец. Подобрав поводья и тронув коня стременами, он въехал в главные ворота стольного града. Сверху — с бревенчатого настила, из бойниц сруба, умостившегося под сводом высокого проема, на него с любопытством и уважением глядели глаза сторожей. Гулко застучали копыта коней по деревянному настилу, отражаясь эхом от каменных стен и свода огромного здания. Миновав ворота, князь немного проехал по бревенчатой мостовой главной городской улицы и свернул направо к старому княжескому двору.

Встреча с семьей, баня, ужин отвлекли князя от забот. И уже после ужина, перед вечерней молитвой, князь Юрий

сказал, что будет завтра — в субботний день, стоять литургию в Дмитровском соборе в Детинце*.

* * *

Субботняя литургия не была пышной и продолжительной. Шел Петров пост. Однако как только закончилось причастие, князь Юрий пошел на воздух, не дожидаясь водосвятного молебна. За ним тронулся и его слуга-отрок. Жена и дети еще оставались на службе. Несмотря на субботу, в храме было много народа. Стояли ближние бояре со своими домочадцами и слугами, люди княжеского двора, гриди. Пропуская Юрия Всеволодовича, все почтительно расступались. Князь вышел через распахнутый западный портал и сразу почувствовал, что недавно окончился небольшой июньский дождь. Было пасмурно, но тепло. В воздухе легко пахло теплой и сырой землей, свежей листвой и смолистым запахом тополиных почек. Он глубоко вдохнул пахучий и свежий воздух, облегченно выдохнул и, развернувшись лицом ко входу, перекрестился и склонился в поясном поклоне. Распрямившись, князь повел плечами, посмотрел по сторонам и решил полюбоваться белокаменной резьбой любимого им с детских лет храма. Слишком много было связано в его жизни с этим небольшим домовым собором, построенным его отцом на княжеском дворе близ массивных, рубленых княжеских хором.

Он помнил, что в тот год родился младший брат Владимир, окрещенный Дмитрием. Сам он был еще мал, но видел, как закладывали постройку и рыли недалеко яму для извести. Помнил, как зимой смерды и работные люди везли на санях с берега Клязьмы в Кром тяжелые белокаменные глыбы. Помнил, как жарким летом, запорошенные известковой мукой мастера-каменосечцы секли камень резцами и молотками, помнил, как ставили леса, как поднимали стены. Собор рос на глазах княжича Юрия, рос вместе с ним и закончен был тогда, когда ему было десять лет. Князь опять глубоко и легко вздохнул и, по привычке, огибая лествичную башню

у северного угла, пошел «посолонь», как ходят вокруг храма крестным ходом.

Держа в руках легкую шапку с собольей опушкой, Юрий Всеволодович медленно шагал и смотрел вверх. Вот колончатый пояс северной стены с фигурками святых. Еще выше в центральной закомаре фигура царя-псалмопевца и пророка Давида. А вот там, в дальней — самой восточной закомаре дорогой его сердцу рисунок в камне. Князь неспешно подошел, остановился и воззрел зоркими глазами под верха собора. Чем-то далеким, по-детски светлым, пронзительным и дивным опахнуло князя. Вот оно, любимое им изображение — его отец с пятью сыновьями, среди которых и он сам. Нет только шестого, самого младшего, не родившегося тогда еще Ивана. Мастер хорошо поработал резцом. Отец, бывший еще в расцвете сил, изображен сидящим на княжеском столе с маленьким четырехлетним Дмитрием на колене. У отца стриженные под горшок волосы, большие глаза, длинноватый нос греческого типа. Волосы, помнится, были русые, да и нос не был столь длинен, но мастер специально выделил эту черту, чем усилил схожесть. И еще мастер изобразил отца без бороды. Таким отец был в домашней, мирной жизни. Брился, как брились, по его рассказам, дядья и двоюродные братья по матери, греки. Ведь всю свою юность и молодость провел отец в далеком Цареграде и в Солуни, которые он, великий князь Владимиро-Суздальский, Юрий Всеволодович знал лишь по рассказам. Помнит князь Юрий, как возвращался отец из походов, с обветренным лицом, заросший густой бородой с проседью, пропахший дымом костров. Возвращался с победой. Вся Северная Русь трепетала пред ним и знала, что слово его твердо. А вот уже одиннадцатый год пошел, как нет его. А как бы он был нужен, сколько за эти годы было которы, слез и крови между братьями.

Вот они братья. Младший — самый любимый отцом Владимир умостился у отца и огражден княжеской дланью

от всяческих бед и невзгод. Мал, да удал. Наделал дел в годы замятни. А сейчас по общему согласию сидит, как у отца на колене, в любимой им Москве. Первый московский князь...

Справа от отца Константин и Святослав. Константину, ныне уже покойному, было тогда тринадцать лет или более. Святославу, помнится, было семь. Как угадал мастер, поставив их вместе! Внешне они похожи. И что покойный Константин, что Святослав — оба «мягкие», усердные богомольцы, правдолюбцы, богоискатели. Константин в своих городах — Ростове, Ярославле и Угличе сколь храмов понастроил. Всех мастеров каменных дел и артели великокняжеские к себе переманил. Но своим правдолюбием попустил ростовским и суздальским боярам влезать в княжеские дела. Вот и началась котора, закончившаяся кровавой Липецкой сечей. По сей день помнит князь Юрий, сколь унижений и горя пришлось претерпеть им тогда с Ярославом. Слава Богу, сыновец Юрия, сын Константина Василек, слушает дядю, не перечит. А что до Святослава, то этот еще более кроток. Сидит в своем Юрьеве-Польском, молится Богу и никуда не лезет. Того гляди так замолится, что уйдет от него горячая красавица-жена.

А вот и он — Юрий, а рядом с ним Ярослав. Они слева от отца. Ярославу здесь восемь, а ему — Юрию, десять лет. Позднее, уже после постройки собора, немало потрудился мастер над их ликами, высекая их в камне. Единственно, что всегда смущает князя, так это то, что мастер как-то резко «отделил» его голову от шеи, зато подчеркнул похожесть ликов — его и Ярослава. Да, с Ярославом с детских лет понимают они друг друга лучше всех остальных братьев. Дружат крепко, по-мужски. Ярослав и с мальства был задирист. Влезал в драку с Константином за него — Юрия. Не только родные, но и все двоюродные братья в детстве боялись их обоих. Вырос, таким и остался. Сейчас настоящий воин. В княжеских делах спуску не давал и не дает никому — ни новгородцам, ни рязанцам, ни переславцам. На него как на себя можно положиться и послать

с войском в любой конец Руси защищать дело Владимиро-Суздальской земли.

Князь продолжал еще смотреть на каменный рельеф дорогого его сердцу изображения семьи, но мысли уже витали далеко, рисуя картины малознакомого и чужого ему Поднепровья. Туда ушло войско, ведомое сыновцом Васильком. Князь представил, что там далеко, в тысячах поприщ от Владимирской земли движутся в походном строю, а может быть, уже дерутся и гибнут дорогие и близкие ему люди и кмети. Князь вспомнил, что давно не было вестей от племянника, поморщился. От этих мыслей отвлек его отрок, прибежавший от княгини. Та отстояла водосвятный молебен и искала князя. Дело шло к трапезе. Юрий Всеволодович встретил княгиню у западного портала и проследовал с ней, с детьми и слугами в свой высокий рубленый терем, стоявший между Успенским и Дмитровским соборами.

* * *

Постный обед с ближними боярами был непродолжителен. Но и тот не был закончен молитвой, как сообщили, что прибежали во Владимир с какой-то спешной вестью посылы от князя Василька Ростовского. Судя по всему, вести были плохие, так как посылы, редко отдыхая, гнали коней из Черниговской земли всего двенадцать дней. Князь Юрий и бояре спешно собрались в большой палате княжьего терема. В палату ввели пятерых запыленных и смертельно усталых ростовских и суздальских гридей, незнакомых великому князю. Те поклонились, и старший передал Юрию краткую грамотцу от князя Василька. Тот писал о страшном разгроме русских дружин за Днепром. Василек сообщал, что их владимиро-суздальские полки Бог уберег от разгрома, ибо они не успели соединиться с русским войском, ушедшим за реку ранее. А сейчас полки следуют домой — в Суздальскую землю.

Встревоженный князь долго выведывал у посылов известия о событиях за Днепром, и перед княжеским советом все

яснее рисовалась страшная трагедия, совершившаяся впервые «от начала Русской земли». Союзное войско русских князей и половцев было наголову разгромлено 16 июня у степной реки Калки. Сам же великий князь Мстислав Киевский не принял участия в битве, а стал станом на каменистой горе у реки и устроил там «город» из кольев и возов. Там он бился с татарами три дня. Город осаждали два воеводы Чегирхан и Тешухан с силами, вдвое превосходившими киевские полки. Три дня татары «приступали ко граду», пускали стрелы и били град «пороками» — метали в русичей камни и огненные снаряды. Но высокое каменистое место не позволило им разбить город. Камни и снаряды лишь редко и на излете доставали до русского стана. Русичи отвечали татарам градом стрел. Обороняли град вместе с Мстиславом Киевским еще два князя — его зять князь Андрей и князь Александр Дубравский с дружинами. Но были там с ними бродники со своим воеводой Плоскиней. Эти окаянные целовали крест князю Мстиславу и двум другим князьям, что татары не убьют их, а отпустят за выкуп. Доверившись Плоскине и бродникам, князья повели переговоры с татарами и вышли из стана. Окаянные бродники напали на них, побили гридей, связали князей и предали их врагу. Тут же, в сполохе, татары ворвались в русский стан, людей посекли, князей же положили под доски, а сами на досках устроили пир и задавили их.

Другая часть татарской рати гнала и била отступавших русичей до Днепра. Из князей, бежавших к Днепру, шестеро было убито, а из простых кметей только десятый дошел до реки. Первым к Днепру прибежал князь Мстислав Мстиславович Удалой и велел жечь ладьи, а другие рассечь и оттолкнуть от берега, боялся, видать, погони от татар. Быстро перешел он на правый берег и едва убежал в Галич. Князь Юрий Всеволодович вспомнил смелое и гордое лицо своего старого врага — Мстислава Удалого и, с трудом осознавая сказанное посылом, подивился этому известию. Посыл, пе-

речисляя страшные потери, помянул, что был убит тогда же известный русский богатырь — боярин Александр Попович, а с ним легла вся его дружина — семьдесят храбрецов, что стояли насмерть у Днепра, обороняя переправу. Молодые же князья прибежали к Днепру с малым числом людей и переходили реку под стрелами татар, кто, как и где мог. Козельская же дружина не бросила своего убитого князя, а принесла с собой и с покойником ушла через Днепр восвояси. А князь Владимир Рюрикович Смоленский прибежал с дружиной в Киев и сел там, на княжеском столе.

Не переправляясь через Днепр, татары пошли в земли Переяславля-Южного и дошли до Новгорода Святопольческого (Новгорода-Северского). Люди, не знавшие коварства татар, выходили им навстречу с крестами и пением молитв. Татары же убивали всех. Но по слухам, вскоре они обратились вспять — вернулись в Поле, а далее ушли к Волге или в землю Таноготскую.

Сказанное потрясло воображение князя и бояр, и долгое молчание воцарилось в большой палате княжеского терема. Первым нарушил молчание великий князь Юрий, приказав созвать к вечеру большой княжеский совет для обсуждения важных известий, полученных из Южной Руси.

* * *

Лето 6731 года (1223 год от Р. Х.) прошло в военных тревогах и заботах. В начале июля князь Юрий посылал большую сторожу на Оку — к Мурому и Коломне. Отдельные сторожевые полки доходили даже до реки Воронежа и верховьев Оки. Стояли там, ожидая возможного прихода татар со стороны Поля. Но все было тихо. К середине июля возвратилось войско, посланное к Днепру во главе с князем Васильком, так и не увидевшее татар. И казалось, все вернулось на круги своя. Юрий Всеволодович строил собор в Суздале, куда наезжал несколько раз, проверяя, как шло дело. Ярослав был занят своими делами в Переславле и пествовал свою чадь. Жена ро-

дила ему в очередной раз сына. Однако он заметно тяготился спокойной домашней жизнью, все писал Юрию, советуясь о делах в Великом Новгороде. Святослав тихо жил и молился в своем Юрьеве-Польском, но у него явно не ладилась семейная жизнь. Владимир сидел в Москве, охотился в дремучих лесах да бражничал с ближними боярами и дружиной. Он редко посещал церковные службы, но гордостью его был белокаменный собор св. Димитрия Солунского, недавно построенный в Москве артелью мастеров, работавших еще у покойного брата Константина. Младший — Иван был здесь же, во Владимире и, подчиняясь воле старшего брата, тихо ожидал, когда наступит его час, и он примет в удел Стародуб, завещанный ему покойным отцом. Пока же Стародуб оставался в руке Владимира Московского. Тихо было и в северных уделах у племянников Константиновичей. И в Ростове Великом, и в Ярославле, и в Угличе, и в Белоозере поутихли боярские которы. То ли князь Василек утихомирил бояр, то ли сами боялись усилившейся власти Юрия Всеволодовича, то ли угроза общей беды всех примирила.

В августе стало известно, что татары пришли на Волгу к Булгару. Но там их полки попали в засаду и были сильно потрепаны. Из Булгарии татары ушли за Волгу и как дым растаяли в бескрайних степях. Будто и не было их у границ Руси на Днепре, будто и не было половецкого погрома, будто приснилось русичам страшное побоище на Калке и разорение Северской земли.

Но неспокойно было на душе у великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Убедившись, что затихает на Востоке, он все беспокойнее ожидал вестей с другой стороны. И вот, в августе во Владимир пришли посылы от брата Ярослава и из Новгорода. Они сообщали, что в Чудской земле разгорелось большое восстание эстов против латинских рыцарей и датчан, что крещеные в латинство эсты обратились вновь в язычество, что орденским мейстером * и датским

королем Вальдемаром II был заключен союз «против русских и против язычников». Война развернулась у самых границ Новгородской земли. Латинские братья-рыцари разбили эстов на реке Имере, а затем взяли град эстов — Феллин. Эсты призвали на помощь новгородцев и плесковичей. Те прислали небольшие дружины, которые встали в градах Медвежьей голове (Дорпате) и Вилиендэ. Но латинский епископ Бернгард собрал восьмитысячную рать и осадил Вилиендэ. Братья-рыцари умело использовали давнюю вражду между эстами и ливами. Ливь и летьгола* уж второй десяток лет пошел, как приняли крещение по латинскому закону и охотно вступали в войска Ордена, чтобы драться против эстов и грабить их. Осада Вилиендэ была налажена по всем правилам военного искусства. Рыцари построили пороки (патэреллы) и громили деревянные стены града камнями, затем возвели крепкую, высокую бревенчатую башню и подтянули ее ко рву, чтобы вести подкоп под крепость. Эсты долго не сдавались. Били латинян камнями из метательных машин, пускали в них стрелы из луков, но когда увидели рядом со стеной своего града огромную башню, сдались на милость рыцарей. Эстов простили и вновь обратили в латинство. Русских же пленников, что добровольно пришли на рать в помощь эстам, рыцари повесили перед стенами града на страх другим русичам. Мало кто вырвался оттуда, принеся в Новгород страшную весть. Вскоре рыцари взяли городок Пале. Тогда эсты из Саккалы и с острова Эзеля прислали своих именитых мужей в Новгород с деньгами и многими дарами, чтобы призвать большое русское войско на помощь. Князь же Ярослав Всеволодович и новгородцы обращались с этим к великому князю Юрию и просили в помощь низовские полки. Сам же Ярослав Всеволодович обещал быть у Юрия в конце августа.

Глава V

Чудская земля

Холодный осенний ветер гулял по полям и лесам Чудской земли. Гнул и осыпал несжатые, брошенные хлеба, рвал с деревьев и кустов еще зеленую листву, как по морю, гнал большие серые волны по бескрайнему простору Чудского озера. Гарью и дымом несло то с северо-востока на юго-запад к берегам Варяжского моря, то от моря к Чудскому озеру. Изредка моросил легкий дождь. Редкие дороги становились мягкими и медленно раскисали под коваными копытами тысяч лошадей, тележными колесами и ногами людей, тревожившими тогда еще девственную Чудскую землю.

Осенью 1223 года пятнадцатитысячное русское войско погрузилось на ладьи и насады в устье реки Желчи у восточного берега Чудского озера и, пройдя мимо острова Порки, вошло в устье реки Эмайыги, которую немцы называли Эмбахом. В составе его были полки новгородцев и псковичей, но главную ее силу составляли войска Владимиро-Суздальской земли, возглавляемые переславским князем Ярославом Всеволодовичем. В этот далекий поход на западные рубежи Руси он привел из Залесской земли восемь тысяч воинов. Суда подходили к песчаному берегу, кованые дружины сводили по сходням коней и далее двигались верхом по правому берегу реки. Пешие полки продвигались в глубь Чудской земли вверх против течения Эмбаха на ладьях и в насадах. Псковичи и новгородцы ладно правили судами и шли на веслах и парусах.

Река хорошо была известна им, ведь издавна вели они бойкую торговлю в Юрьеве — Дорпате. Эмбах тихо катил свои воды в Чудское озеро. Солнечный луч редко озарял небосвод. Перед залесскими русичами медленно проплывали песчаные берега и отмели, заводи в зарослях камыша и плакучей ивы. Изредка у берегов можно было увидеть жилье. Бесстрастно раскрывала свои холодные объятья и показывала свои желтеющие нивы земля эстов-язычников.

Конная сторожа часто выходила к берегу реки и давала знать кормщикам о том, что творилось впереди за поворотом реки. К исходу второго дня после захода в устье Эмбах повернул на север, и русские полки встали на привал у его излучины. Мирно и неярко горели костры русского стана под мелким сеющим дождем, в стане было тихо, как будто никто и не собирался воевать. С утра русская сторожа донесла, что была у стен Юрьева, что рыцарей поблизости нет, а юрьевцы ожидают русское войско. К полудню русские уже стояли у деревянных стен небольшого города и разбивали стан. В тот день вышло яркое осеннее солнце, игравшее сквозь легкую дымку на небосводе. Навстречу войску из ворот выходили сотни обрадованных, лопочущих на непонятном языке эстов, что несли русичам теплый хлеб, крынки с молоком и копченое сало. Два здоровых белобрысых молодца привезли и скатили с телеги большой бочонок медовухи. Русичи, что побогаче, предлагали деньги, но мало кто брал их. Эстов больше интересовали русские мечи, секиры, щиты, шеломы и кольчуги.

У своего шатра, разбитого на холме среди стана, в окружении воевод, новгородских и псковских бояр с князем Владимиром князь Ярослав Всеволодович принимал именитых юрьевских мужей и воеводу русской дружины, стоявшей в городе. Стража подвела к холму и поставила на колени до пятидесяти пленных латинян, среди которых видны были священники и мнихи в ризах с обритыми на маковке голова-

ми. Эсты передавали русским более пятисот боевых коней, взятых у рыцарей, тридцать баллист и других метательных машин, построенных немцами. Юрьевцы просили увеличить русскую дружину в городе до трехсот воинов, а взамен вверяли князю Ярославу ополчение унгавийских эстов числом до тысячи человек.

Два дня простояло русское войско под Юрьевом, разгружая речные суда, запасаясь продовольствием и собирая ополчение эстов. Затем, после военного совета, князь Ярослав двинул свои полки на юг — на город Оденпе, прозываемый русскими Медвежьей Головой. Двигаясь лесными дорогами, через два дня русское войско подошло ко граду, стоявшему на высокой горе. Посад вокруг города был брошен населением. Оденпе не открыл ворота русичам. Были в городе латиняне или нет, осталось неизвестно. Соблюдая нейтралитет, эсты сообщали, что рыцари ушли из окрестностей уже три дня назад. Лишь раз за это время южнее города на опушке леса видели их конный отряд. Здесь к русским присоединилось еще около пятисот эстов. После короткого отдыха князь Ярослав двинулся далее на юг.

Еще два дня русские полки шли безлюдными сосновыми лесами. На третий день в полдень они вышли к городку Пуидизэ на рубежах Ливонии. Русская сторожа дошла до реки Койвы (Гауи) и доносила, что по реке построено много латинских градов. Пуидизе был малым градом, построенным на высоком мысу среди леса. Лес близко подходил к замку лишь с востока, там, где склон возвышенности был довольно крут. Через этот лес от крепости вела дорога в Ливонию. С запада и с юга подходы к замку преграждал глубокий овраг с ручьями. Лес по склонам оврага был вырублен. Дорога на Оденпе, подходившая к крепости с севера, шла также лесом. Но и здесь лес был вырублен на два полета стрелы, ибо склон возвышенности был пологим. Поэтому с севера перед замком простиралось небольшое поле, кое-где уже используемое под

огороды и пашни. С востока и с севера мыс, на котором стоял замок, был отрезан от поля глубоким, но сухим рвом, соединявшим овраги. Ширина рва на глаз достигала трех саженей. Видно было, что в строительстве крепости принимали участие немецкие каменных дел мастера, так как высокий насыпной вал и внутренняя сторона рва — «перси града»* были вымощены мелким камнем-дикарем. Бермы* между валом и рвом не было. Подъем со дна рва до гребня вала достигал на глаз двенадцати саженей. Северные крепостные ворота были устроены в веже, сложенной в основании из массивных валунов, а верха были бревенчатые. Крыта она была шатром из темно-красных керамид*. Бревенчатая же вежа с воротами закрывала и восточную дорогу. Стены замка были рублеными но невысокими. Верхний боевой ход защищал тын. За стенами видны были деревянные постройки и высокая двускатная крыша с высоким деревянным крестом латинского образца, воздвигнутым над бревенчатой кирхой. Когда русская конница появилась на опушке леса, в городке ударили в било, тут же стали на цепях поднимать мост, перекинутый через ров. Ворота были закрыты. Видно было, что там давно уже ждали непрошеных гостей. На стенах сновали люди с дымившими факелами и оружием, на поднятых древках пик колыхались знамена. Зазвучал тревожный призыв боевого рога. Русское войско остановилась.

Князь Ярослав выехал из леса по дороге и приложил десную длань в кольчужной рукавице к глазам, загородясь от яркого солнца, что сияло сквозь серебристую дымку на юго-востоке и било в глаза русичам. Был светлый, сухой, прохладный день. Золотистые стволы сосен отсвечивали красноватой медью. На фоне их вечнозеленого наряда ярко выделялся редкий желтеющий березняк. Изумрудная трава выстилала поле перед небольшим, но красивым градом на возвышенности. И представив, что эта мирная красота и гармония скоро будут нарушены, князь поморщился и сдвинул

брови. Однако мысль о том, что ясный и сухой день без дождя на руку русичам, порадовала его.

Внимательно осмотрев все подходы к городку и выслушав воевод, Ярослав Всеволодович послал большой сторожевой отряд к яругу, что был с правой руки от русского войска. Затем велел пешцам — псковичам, новгородцам и эстам — выдвигаться ближе к граду. В первых рядах полков шли лучники числом до пятисот человек. За ними эсты по двое несли щиты, сколоченные из нескольких толстых кольев высотой с копье. Следом с копьями, секирами и щитами шли пешие псковичи и новгородцы, набранные в новгородских и псковских посадах и пригородах. В полках, вышедших на приступ, было не менее двух тысяч воев. Поле перед замком заполнилось пешцами, которые еще не подошли к стенам на полет стрелы. Русские конные дружины и другие полки с обозом оставались в лесу на дороге и были невидимы для вражеского глаза.

Постепенно, определяемая лишь опытным глазом лучника, невидимая граница, разделявшая противников, была нарушена. Почти одновременно воздух рассекли десятки стрел, пущенных с обеих сторон. Но они не нанесли урона ни той, ни другой стороне. Воеводы пеших полков заторопили эстов, и те стали быстро устанавливать переносные щиты вдоль линии упавших латинских стрел, оставляя между двумя поставленными рядом щитами промежутки для стрелков. Русские пешцы с копьями и секирами остановились позади в тридцати саженях.

Вдруг град стрел со стен замка обрушился на головы, идущих на приступ. Стрелы ударили в поставленную только что деревянную преграду. Но часть стрел, среди которых были длинные и железные, перелетела ее и накрыла десятки русских стрелков и эстов. Кто-то упал замертво, кто-то, воя и корчась от боли, катался по земле. Стрелы были пущены искусно — навесом и потому нанесли немалый урон. Эсты в спешке стали сдвигать щиты назад. И в этот момент новый

поток стрел обрушился на них. Урон оказался еще значительнее. Правда, и русские стрелки к этому времени уже пристрелялись, и ответный поток понесся смерчем в сторону замка. Было видно, что там — на стенах кто-то упал вниз, кто-то, вывалившись через тын, покатился в ров, а кто-то укрылся за ограду.

И все бы ничего. Но гулкие удары и резкий свист усилили нарастающий шум схватки. Крупные камни, пущенные из нескольких пороков, установленных и скрытых до времени на стенах, с грохотом обрушились на деревянные щиты и людей в русских полках. Многие камни не долетели до цели, но те, что были легче, ударили в гущу русских лучников и эстов. Треск сокрушаемых щитов смешался с криками раненых и изувеченных людей. Увидев это, князь Ярослав посуровел лицом и велел быстро подгонять возы с тяжелыми бревенчатыми щитами для защиты лучников и пешцев. Следом было велено ставить за щитами пороки, переданные русским в Юрьеве. Тылы русской рати пришли в движение, и скоро пешие полки стали расступаться и пропускать возы, груженные тяжелыми щитами, и метательные машины, которые устанавливали там, где на излете падали латинские стрелы. Несмотря на потери, русские лучники повели убийственную стрельбу по стенам замка. Численность и умение русских стрелков стали все заметнее влиять на ход боя. Стрелы со стен сыпались все реже. Отслеживая на стенах прислугу метательных машин, стрелки били прицельно, и это значительно ослабило очередные удары камнеметов. Однако медленно русские лучники все же отступали назад, а эсты оттягивали за ними щиты. Вскоре в десяти саженях от первой линии щитов была установлена вторая из небольших бревен и возов. За ними поставили десять камнеметов. Эсты, давно научившиеся у немцев и датчан обслуживать пороки, умело взялись за дело. В стены замка полетели десятки камней, выламывая тын и громя рубленые постройки. Потоки камней и стрел летели то в одну, то в

другую сторону. Потери с обеих сторон исчислялись уже сотнями. Преимущество русской стороны становилось все более явным.

Неожиданно из леса с восточной стороны от замка выехал отряд числом до двухсот верховых. Это была немецкая доспешная конница. Выставив перед собой длинные копья, всадники пустили коней наметом, намереваясь ударить по левому плечу русских пешцев. Стрелы и камни перестали сыпаться со стен. Мост на цепях стал опускаться, ворота града открылись, и оттуда потекла пешая рать ливов.

Увидев это, князь Ярослав перекрестился и махнул ошеей рукой в сторону леса за спиной. Через минуту оттуда выкатился конный переславский полк. Ярослав протянул уже было руку, чтобы принять тяжелое копье, поданное ему отроком, как к нему подъехал псковский князь Владимир и молвил:

— Пожди, княже. Даждь ми сводити комонные пълчи в соступ с ворогом.

Ярослав кивнул в знак согласия головой и ответил:

— Веди, брате.

Владимир велел своему гридю дважды трубить в рог, и из леса по дороге стала выходить кованая псковская дружина. Пока русская конница выдвигалась из леса и строилась, рыцари вошли в соступ с пешим полком у замка. Эсты и лучники сдвинулись одесную, осыпая стрелами рыцарей и пешую рать, предпринявшую вылазку из замка. Пешие псковичи и новгородцы приняли на себя главный удар конницы. В начавшейся свалке немцы и ливы потеснили русских, нанеся им урон. Но те не побежали, а, отступив саженей на двадцать, еще плотнее сомкнули ряды и, отбиваясь копьями и тяжелыми рогатинами, начали валить рыцарей и оруженосцев с коней, добивать их на земле секирами и шестоперами. Переславский и псковский полки сшиблись ошую с немцами. Видя численное превосходство русских, те стали разворачивать коней и отступать к лесу. Тем временем латиняне-ливы, подвизавшиеся в вылазке

из замка, понесли немалый урон. Их воевода, поняв, что его отряд в соступе с русскими потеряет больше половины людей, приказал отходить к воротам.

Загнанные в замок латиняне пытались вновь начать стрельбу. Но русские стрелки и эсты обрушили на них поток камней и стрел и сбили немцев со стен. Увидев это, князь Ярослав велел быстро подогнать из тыла несколько возов с просмоленной паклей и бить по граду огнем. Вскоре возы были доставлены в линию стрелков. Те умело накручивали паклю у наконечников и поджигали ее. Затем сотни дымивших и сверкавших языками огня стрел полетели в сторону крепости. Камнеметы, бившие по стенам правее от воротной вежи, смогли обрушить в двух местах рубленое прясло* стены. Разбитые камнями бревна бесформенно обваливались и катились в ров... Здесь русские лучники близко придвинулись к городу. В провалы стен понеслись сотни стрел с огнем. Вскоре на сеновале замка, на деревянных и крытых камышом кровлях заполыхал огонь. Казалось, что сначала пошел густой желто-белый и едкий дым. Но затем все вдруг вспыхнуло. Какое-то время в замке пытались потушить пожары, но тщетно. Деревянные постройки града и часть стены охватила шальная огненная стихия. Ярко полыхала латинская кирха и крест над ней. Стало слышно, как в огне пожара стенали и кричали люди, дико ржали кони, лаяли и выли собаки, ревели быки и коровы. Русские лучники и пешцы пытались еще ближе подойти к городу, но там начинался такой жар, что даже за десять саженей невозможно было подойти к внешней бровке городского рва.

Вскоре восточные ворота града открылись, опустился мост надо рвом, и в сторону леса из ворот повалили верховые и пешие латиняне. С воями рядом бежали женщины и дети, что волокли или несли какой-то скарб, тянули на поводке коров, быков и лошадей. На опушке леса со стороны восточных ворот строились конные рыцари и пешие кнехты, готовые в

любой момент прикрыть бегство своих людей из города. Там же — на мосту и у рва явно царила паника, слышны были крики. Кто-то, спасаясь от нараставшего жара, кидался в ров, и тому скидывали вниз веревки с противоположной стороны, кого-то в дымившейся уже сряде поливали водой из ведра, кто-то срывал с себя раскалившиеся от жара железные доспехи и шелом, бросал оружие и катался по земле.

Князь Ярослав велел русским полкам не трогаться с места и не преследовать бежавших из города. Погода стояла сухая и тихая. Небо еще было ясным, но тускнело, так как наступали вечерние сумерки. В этих сумерках горевший замок превращался в пылавший факел, отбрасывавший зловещие блики и разливавший зарево по всей округе. Жар становился нестерпимым даже на расстоянии двадцати саженей от крепостного рва. Головни размером с бревно выстреливало из пламени и переносило через ров, как огненные заряды. По приказу князя Ярослава русские полки относили своих раненых и убитых к опушке леса, сдвигали туда же метательные машины и передвижные щиты. Подъехав к линии стрелков, князь увидел десятки убитых и раненых людей. Двое эстов в последних проблесках дневного света и отблесках горевшего града склонились над своим сородичем и бережно пытались поднять его на воз. Тот стонал и верно просил их не трогать его. Подъехав ближе, Ярослав увидел, что из груди раненого белокурого и рослого эста торчит большая железная стрела, пущенная из самострела со стен. Эст видимо уходил и о чем-то просил своих ближних мертвевшими, с трудом шевелившимися губами.

* * *

Озаряемый зловещими всполохами горевшего ливонского городка, русский стан той ночью почти не затихал. В вечерних сумерках потемнело небо, стал накрапывать, а потом пошел дождь. Стонали и кричали раненые, кому-то, как могли, оказывали помощь товарищи. Кто-то посыпал пеплом рану,

кто-то прикладывал снадобье и перевязывал ее, кто-то поил раненого друга крепкой медовухой. Были среди раненых и полоненные латиняне, кому тоже давали испить глоток-другой хмельного. Грелись и дремали, укрывшись попонами и полстями, у затухающих под дождем костров вои. Бражничали и пели свои песни эсты, грозившие кулаками и плевавшие в сторону замка. Через каждые два часа менялась многочисленная комонная и пешая сторожа, охранявшая в дозоре стан со всех сторон на полет стрелы. Затяжной, монотонный дождь обильно изливался на Ливонскую землю.

Серым и влажным осенним утром князья Ярослав и Владимир объезжали бодрствующее войско и вели разговоры с кметями. С их слов было видно, что орденские немцы и ливь хорошо знали ратное дело. Во вчерашнем соступе против русичей и эстов на брани стояла латинская рать числом до пятисот воев. Оружие латинян было почти таким же, как и у русичей, оприч самострелов, которые били со стен железными стрелами-болтами. Но доспехи у латинян явно были хуже. Далеко не каждый рыцарь, оруженосец или кнехт имел кольчугу или горшкообразный железный шелом. У многих вместо шелома был кольчужный капюшон. Немецких воев в панцирях из чешуи или пластин, как говорили на Руси в «доспехе», вообще не было видно. Правда, у многих в немецкой коннице были небольшие железные щиты треугольной формы, что, наверное, были прочнее русских. В соступе побили немцев и ливов до полутора ста. Потери в русских полках были такими же. Но за счет раненых и убитых эстов число это было почти вдвое большим. Сколь же латинян побили на стенах или сколь погорело в городке, можно было только догадываться. Ливонский городок все еще чадил едким дымом пожарища и чернел на фоне зеленого поля и леса пепелищем, обгорелыми с напольной стороны пряслами куртин, остовами почернелых веж и стен домов. Там царили зловещая тишина и пустота, и даже птицы не летали над ним. И все же град сгорел не весь.

Сторожа доносила, что рядом в лесу собирается рать латинян и готовится к брани. Князь велел удвоить сторожу и готовиться к отражению напуска, но самим соступ не начинать и к лесу полки не подвигать.

Когда совсем рассвело, и сквозь туманную пелену осеннего утра и дым догоравшего града стало пробиваться солнце, князю Ярославу дали знать, что в русский стан прибыло большое посольство от эстов с острова Эзель. Слегка подкрепившись крепким медом, холодной дичиной, хлебом с яйцами и салом, Ярослав вышел из шатра и принял послов в окружении бояр и старшей дружины. У него было хорошее настроение, из-за того, что во вчерашнем соступе русичи и эсты одержали победу, а замок был пожжен. Князь в тяжелом чешуйчатом панцире, в красном корзне, свисавшем с правого плеча, и в шапке с алым верхом держал ошую длань на рукояти тяжелого меча. В окружении одетых в сверкавшие доспехи бояр и старшей дружины он выглядел грозно, но располагающе. Голубые его глаза высвечивали лазоревым светом и выражали снисходительность. Солнце сквозь дымку ласково сверкало на небе и́ играло серебром и золотом на доспехах и шеломах русичей.

Около двух десятков эстов были подведены к княжескому шатру под охраной комонных переславских кметей. Эсты принесли дары — пушной товар и несколько бочонков меда. Все посольство сняло шапки и поклонилось князю и его окружению. От имени посольства говорил одетый лучше других рослый и седовласый эст. Толмач из эстов переводил на русский. Эзельцы просили князя направить войско против ревельских датчан, что построили свои грады на морском побережье Чудской земли и постоянно нападали и грабили острова Сааремаа (Эзель) и Хийумаа. После победы над датчанами эсты обещали помощь и ладьи с воями для вторжения в Ливонию. Между тем, по их словам, в главном латинском граде Риге было большое количество рыцарей и других воев,

готовых дать отпор князю Ярославу в настоящее время. После расспросов о силе и численности орденских и датских латинян князь Ярослав отпустил посольство. Затем был собран военный совет, где решено было идти на северо-запад.

Весь следующий день русичи простояли у сгоревшего замка и готовились к продолжению похода. Было видно и слышно, как немцы и ливь валили окрестный лес. В полдень они уже смело стали выдвигаться на пепелище и, видимо, готовились принять бой, так как начали укреплять куртину града новыми бревнами, недавно срубленными и привезенными из леса. Но на следующий день рано утром русское войско свернуло стан и двинулось в землю эстов Саккалу западной дорогой.

* * *

Холодным утром долго курится туман вдоль просек и лесных дорог Чудской земли. Этими дорогами третий день шли русские полки на северо-запад Ливонии в землю в Саккалу. На полпоприща впереди продвигалась конная сторожа, внимательно осматривавшая дорогу, опушки леса и небольшие поля, предостерегая полки от засады и неожиданного напуска латинян. На открытых пространствах, по берегам рек и на перекрестках дорог еще встречались дворы-фактории немецких купцов или подворья с хозяйственными постройками Ордена и латинских монастырей, огражденные тыном и рвом. Как правило, все они были брошены на произвол судьбы перед приходом русского войска или эстов. Крупный рогатый скот и лошади были угнаны, продовольствие вывезено или спрятано. Однако русским и эстам оставалось, чем поживиться. Кололи или угоняли брошенных овец, коз, свиней, били домашнюю птицу, грузили на возы брошенный скарб и платье. Почти пустыми были небольшие деревни ливов, где оставались лишь старики, пытавшиеся сохранить дома и хозяйство. Разграбляя дочиста деревни, подворья и фактории, эсты и русичи жгли все подряд, не милуя никого и ничего. По селеньям скакали

верховые, выгоняли стариков из добротных рубленых домов, подносили факел или пучок горевшей пакли под стреху соломенной или деревянной крыши и отъезжали в сторону. Постояв близ селения и подождав, пока займется хорошее пламя, скакали дальше по дороге и вновь палили хутора и деревеньки, оставляя за собой выжженную и истоптанную землю.

Князь Ярослав скакал в челе войска в окружении комонных кметей переславского полка. Переславцам строго наказано было не съезжать с дороги и не оставлять князя и старшую дружину без ведома. В других полках люди по очереди распускались «в зажитье»* на поприще и далее в сторону от дороги, как только расступался лес. Эсты не только следовали за русичами, но первыми начинали грабить селения ливов, лишь только появлялась такая возможность. Обдирали все до нитки. Русичи старались взять самое ценное, чтобы не перегружать возы. Все понимали, что впереди предстоял еще немалый путь.

К вечеру третьего дня князь съехал ошую с дороги в окружении ближних бояр и тридцати кметей. В полете стрелы от дороги у реки располагалась немалая немецкая фактория, где можно было остановиться на ночлег. Смеркалось, когда князь и сопровождавшие въехали в ворота подворья. Небольшая площадь, выстеленная щебнем, окружена была высокими рублеными постройками. У одной из построек стояло несколько возов, возле которых собралось человек шесть пожилых эстов. Возы грузились мешками с солью и мукой, бочонками с медом, головками воска и другим товаром, оставленным немецкими купцами. Дверь в одну из построек была распахнута, и оттуда доносились раздиравшие душу женские крики и стенания, громкий мужской хохот и грохот опрокидываемой утвари. В проеме дверей показался крепкий и рослый молодой эст, подвязывавший порты. Увидев комонных в добрых доспехах, он быстро развернулся и пропал в темном проеме входа.

Сразу поняв в чем дело, князь Ярослав тут же послал кметей пресечь бесчинства. Вскоре переславцы вытолкали на двор древками копий троих молодых русичей и четверых эстов. Следом за ними вышло четыре женщины разного возраста. Две из них были еще совсем юные. Обе они дрожали и плакали. Белые нижние рубахи на них были порваны. Младшая, которой было лет двенадцать, не более, пыталась убрать распущенные золотистые волосы. Та, что постарше, белокурая, совсем была растеряна и еле держалась на ногах. Князь заметил, что у той, с распущенными златокудрыми волосами, было явно разбито лицо, но она держалась увереннее. Две другие женки были старше и, казалось, легче снесли насилие и оскорбление.

Увидев все это, князь Ярослав осерчал и велел дать хороших плетей насильникам, а затем в сопровождении комонных развести их по полкам. Следом он дал наказ воеводам, чтобы отныне не распускали воев в зажитье без старших, чтобы старшие смотрели за порядком и не давали воям чинить насилия над стариками, чадами и женками. Всех полонянников велено было сводить в полковые коши (обозы) под охрану сторожи. Князь понимал, что все равно насилия не избежать и за всем не усмотреть, но то, что он волей своей мог облегчить участь кого-то из полоненных, немного успокаивало его. Женщин он приказал сопроводить в обоз переславского полка. К тому времени совсем стемнело, и он велел располагаться на ночлег в брошенной немецкой фактории.

Еще три дня русская рать шла на северо-запад в направлении к граду эстов Вилиендэ, захваченному латинянами еще в августе. В полдень третьего дня войска вышли к большому озеру Вирцерв (Выртсъярв), песчаные берега которого поросли густым сосновым бором. Полкам дали недолгий отдых. Вечером возвратилась русская сторожа, доскакавшая до стен града и вернувшаяся с известием о том, что латиняне оставил

град, перед этим разорив его и все окрестности. Город был наполовину выжжен и почти пуст. Недалеко от стен Вилиендэ русичи видели страшную картину — поле с десятками виселиц. Там латиняне казнили через повешенье более ста плененных русских воев, так и не снятых до сего дня для устрашения. На ночь полки остались у озера, выставив большой дозор. На ранней заре они двинулись к городу и, пройдя более двадцати поприщ, вышли к его стенам за полдень. Стены града были местами сожжены или порушены, вокруг было запустение и безмолвие. Изредка лишь где-то выли собаки. В двух полетах стрелы от западных стен находилось мрачное поле виселиц. Оттуда юго-западный ветер доносил сладковато-горький, порой очень сильный запах тлена. Стоял тусклый, но сухой и ветреный день.

Князь Ярослав велел, не мешкая, снимать казненных и рыть скудельницу*. Затем подъехал к месту казни и всмотрелся в убиенных. Смерть давно уже стерла их лица. Кто-то, сорванный ветром, уже лежал на земле. Скрипнув зубами, князь Ярослав велел разослать в загон кметей псковского и новгородского конных полков и тот же час согнать все оставшееся население города, окрестных деревенек и хуторов к месту готовившегося захоронения. Это было непросто, так как, по словам эстов, мор опустошил окрестности. Но к вечеру все было исполнено. Большую толпу в две с лишним тысячи человек окружили комонные русские кмети. На глазах испуганных вильяндцев и саккальцев казненных сняли и отпели. Затем посуровевший лицом и глазами князь Ярослав велел старейшинам выдать всех мужчин, кто в августе сидел в городе в осаде, а потом сдался латинянам и принял их крещение. Это было исполнено. Из толпы вышло несколько десятков человек. Следом велено было вывести тех, кто был свидетелем казни русских воев после взятия града. Таковых вместе взятых не набралось и ста человек. Видно было, что эсты не хотят выдавать своих сородичей. Тихо рассвирепев, князь

почти шепотом велел воеводам хватать мужчин в возрасте от старейших мужей до юношей семнадцати лет. Псковские и переславские кмети, работая древками копий и мечами в ножнах, стали выбирать и выталкивать из толпы таковых. В толпе раздались крики и стенания женщин. От толпы женщин и детей воины отделили около двухсот мужчин и погнали их копьями и кнутами к скудельнице, вырытой сажени на две в глубину. Там эстов заставили опускать покойников на дно могилы. Когда это было исполнено, то по велению князя восьмерых старейшин отвели от общей кучи и отправили туда, где стояли виселицы. У виселиц им связали руки и ноги, надели на шеи веревочные петли и заставили смотреть на то, что творилось у скудельницы. Громко запричитали женки и дети на своем непонятном чудском языке. Князь Ярослав, подозвав к себе одного из бояр, багровея лицом, что-то прошептал ему на ухо. Тот направил коня к скудельнице. Через пять минут раздумий князь махнул боярину десной рукой. Боярин повелительно крикнул, и русские кмети опустили копья, обнажили мечи.

— Язви их, — молвил боярин.

Не разбирая старых и молодых, кмети послушно и быстро стали колоть эстов, толкая их к краю могилы. Предсмертные крики и стоны лишь усилили стенания женщин и плач детей. Какая-то простоволосая и босая женка пыталась пробиться сквозь строй русских кметей к скудельнице, но, отброшенная сильным ударом древка, упала на землю без чувств.

Когда все было кончено, обрызганные кровью русичи сбросили тела казненных в скудельницу и стали засыпать ее землей. Последними были вздернуты на виселицу старейшины, которых по велению князя запрещено было снимать столь же долго, сколь висели казненные латинянами русские вои. Женщины и дети были отпущены по домам. Но страх, наведенный на эстов, был так велик, что вскоре вся округа опустела, все население Саккалы попряталось по лесам.

Оставаться под Вилиендэ далее не имело смысла. На княжеском совете решено было идти на Гервен. Двухтысячное ополчение эстов из Юрьева и Медвежьей Головы не решалось выступать с русскими. Ряды ополчения таяли. Эсты оставляли войско ночами, возвращаясь восвояси. Держать их силой князья и воеводы не хотели, и вскоре Ярослав Всеволодович велел отпустить всех желающих по домам. Нагруженные награбленным скарбом возы эстов табором оставляли русское войско. Обоз заметно уменьшился. На следующий день русские полки двинулись на запад и через два дня подошли к небольшому граду эстов Гервену. Там русских уже ожидали послы из разных земель, и собиралось новое ополчение.

Пять дней стояли русичи под Гервеном, пока ополчение, набранное из гервенцев, эзельцев, виронцев и варбольцев не достигло пяти тысяч человек. Оружие и доспехи эстов были намного хуже русских. Зато они могли бить из камнеметов, и у них было желание драться с латинянами. От Гервена полки двинулись на северо-запад и подступили к датскому граду Линданизэ. Вновь русичи и эсты пошли в зажитье и разоряли латинские фактории и подворья, вновь заполыхали зловещие пожары по берегам Варяжского моря в Чудской земле.

* * *

Войска плотно обложили замок, стоявший на высоком каменистом холме-кекуре возле моря. Лес был вырублен датчанами на три полета стрелы вокруг замка, который был окружен глубоким и сухим рвом, проходившим у подошвы кекура. Валы града представляли собой сплошную каменную кладку из валунов и дикого камня. На валах стояли стены, сложенные из камня средних размеров, плохо обработанного, но подогнанного один к другому и скрепленного известковым раствором. Стены имели высоту в десять локтей. Поверх каменной кладки были положены рубленые стены высотой в шесть локтей. Общая высота укреплений от бермы рва до гребня «куртины»* была более двадцати локтей. В град вело

трое ворот, устроенных в каменных вежах без шатров. В центре града стоял высокий, массивный, круглый каменный «столп» с бойницами*, что был выше воротных вежи достигал высоты в пятьдесят локтей. Видимо, он был поставлен датскими немцами для того, чтобы бить с его высоты окрест града. Князьям и воеводам сразу стало ясно, что град этот вряд ли можно «взять копьем» без множества хороших камнеметов или без хитрости.

На второй день осады русичи выставили с юга и востока небольшие тыновые ограждения против замка немногим далее, чем на полет стрелы. Между тыновыми щитами на расстоянии двадцати локтей друг от друга поставили все двадцать камнеметов, что были у русских. Пороки установили именно в том месте, где скаты холма были пологими и удобными для приступа. В ближней округе эсты собрали и сложили в кучи у метательных машин камни, пригодные для стрельбы. Для обстрела града решено было каждый день выделять не более пятисот эстов и тысячи русских лучников. Ежедневно в полдень князь велел проводить полную замену людей, бывших в приступе, а на ночь выставлять надежное охранение у пороков и тыновой стены из лучников и копейщиков. Остальным воям не велено было приближаться ко граду даже на два полета стрелы.

Уже на второй день с обеда эсты и русские лучники стали прицельно бить по стенам замка. Со стен редко отвечали стрелами и то лишь тогда, когда неосторожные лучники выходили из-за щитов и открыто били по защитникам града. Ближе к вечеру подвезли просмоленную паклю, и русские лучники попытались пустить в замок стрелы с огнем. Но прясла стен были высоки, и редкие стрелы перелетали их. Стрелы, ударившие в верхние бревенчатые венцы куртины и застрявшие там, датчане сбивали длинными шестами и копьями. Но иногда стрелы доставали датчан над верхним венцом сруба и сбивали их вниз. К вечеру пошел дождь, и от

поджога замка пришлось отказаться. Пороки русских били издалека, редко, и эсты не успели до вечера определить, где у датского града слабые места. Из замка в сторону русских не было пущено ни одного камня из метательной машины. К ночи стрельба прекратилась.

Всю ночь и следующий день дождь не переставал и лил, то усиливаясь, то ослабевая. Дороги раскисли и превратились в месиво. Большой русский стан располагался по опушке леса, где подлесок и корни деревьев держали почву. Но возле орудий и укреплений люди тонули в грязи по щиколотку. Серая пелена дождя, темные и неприветливые облака закрыли небо. Ветер все гнал и гнал со стороны моря тучи с дождем, проливавшимся над Чудской землей. Лишь на пятый день пребывания русских у замка стало ветром разгонять облака и прояснело.

Уже с утра лучники и прислуга камнеметов повели обстрел града. Около полутора тысяч человек было под стенами замка в тот день. Когда пустили первые стрелы, все по-прежнему было еще спокойно. Но следом гулкие удары камнеметов со стен и с двух ближайших веж нарушили тишину округи. Десятки камней и сотни стрел обрушились на изготовившихся к приступу русичей и эстов. Крики сотен раненых и умиравших огласили поле боя. В сторону замка полетели ответные стрелы и камни. Но там потери явно были меньшими. Несколько минут спустя ливнем сотен небольших камней вновь накрыло русских стрелков. За ними обрушились большие дальнобойные камни, громившие русские тыновые ограждения и камнеметы.

Князья Ярослав и Владимир с тревогой наблюдали за разворачивавшимся боем с большого валуна у опушки леса. Было видно, что русские стрелки несут большие потери. Длинные железные стрелы-болты, пущенные из арбалетов, установленных в верхних ярусах каменного столпа, убивали, калечили людей и лошадей за два полета стрелы от стен.

Становилось ясно, что за несколько дождливых дней датчане подтянули все свои метательные машины в юго-восточный сектор оборонительных сооружений и хорошо подготовились к бою с русскими.

Ярослав Всеволодович послал на подмогу к осаждавшим еще пятьсот лучников и двести эстов. Русские стрелы стали густо осыпать стены датского града. Это ослабило удары латинян. Но все равно, те имели явное преимущество в метательных орудиях и продолжали упорно громить русские тыновые ограждения, разбивать русские камнеметы, убивать и калечить людей.

Эсты, сдерживаемые присутствием и окриками русских лучников, пытались противостоять датчанам, но тщетно. К вечеру из двадцати камнеметов, выставленных против замка, шестнадцать были разбиты датчанами. Русичи и эсты потеряли в этом бою около четырехсот убитых и раненых. О потерях датчан можно было только догадываться. Явно, что они были, так как эсты все же смогли разбить и обрушить деревянные куртины стены в трех местах.

Перед тем, как стемнело, князь Ярослав велел отвести от замка всех людей и четыре оставшихся целыми порока. Перестрелка прекратилась. Лишь редкие железные болты длиною в сажень, пущенные латинянами с высокого градского столпа, со страшным свистом рассекали воздух и разгоняли скопления людей, отступавших от замка. Еще днем одним из таких смертельных снарядов был убит суздальский боярин. Страшная стрела пробила ему щит, железный дощатый доспех, просекла насквозь ребра и грудь. Силой удара боярин был выбит из седла и отброшен почти на две сажени от коня. Никто уже сам не появлялся у стен ближе чем на два полета стрелы.

Еще двое суток конные отряды русских и эстов грабили и разоряли окрестные подворья и фактории датчан. Дожди

прекратились, дороги стали подсыхать. Вновь зарево пожаров заполыхало по округе.

Русские пригоняли стада крупного рогатого скота, небольшие табуны лошадей. Эсты не отставали от них, накладывая свои возы еще и награбленным скарбом. На море русские видели большие ладьи и насады датчан, шедшие в Колывань на помощь осажденному датскому граду.

Октябрь подходил к концу. Ветер рвал редкую желтую листву в лесах, рощах и гнал ее с востока на запад. Леса пустели и становились холодными и прозрачными. В ночь ударяли заморозки, а к утру лужи и небольшие озерца покрывались тонким ледком. Люди не могли отогреться у костров, и в полках появились вои, слегшие от простуды.

На военном совете решено было снимать осаду и уходить на восток. Было послано в Юрьев с приказом о том, чтобы русские ладьи и насады шли в Чудское озеро, а оттуда в реку Нарову. Ополчение эстов распускалось по домам. В полдень следующего дня русское войско, перегруженное большим полоном, двинулось на восток. На шестой день пути русские полки уже переправлялись через Нарову у Переволока, где их ждали ладьи и насады. Далее русские разделились. Полки Низовской Руси и Великого Новгорода повели свои суда по волоку и двинулись на восток к реке Плюсе. Псковичи же; конный полк — посуху, а пешцы — на парусах и веслах, двинулись на юг вдоль восточного берега Чудского озера домой в родной Плесков.

Еще через полторы седмицы Великий Новгород крестным ходом и благодарственными молебнами встречал русские полки. Тогда же под 6731 годом (1223 г. от Р. Х.) новгородский летописец записал: «Приде князь Ярослав от брата и иде с всею областию к Колываню, и повоева всю землю Чудьскую, а полона приведе без числа, но города не взяша. Злата много взяша, и придоша вси здрави».

* * *

Октябрьским вечером 1224 года ливонский монах брат Генрих пребывал в долгой коленопреклоненной молитве в одной из келий Динамюндского монастыря перед небольшой деревянной статуи св. Девы Марии. Он неторопливо и с чувством прочел молитву «Аве Мария» и Богородичный антифон, читаемый всеми братьями Ордена ежедневно хотя бы раз. Затем, сделав земной поклон перед «Царицей земли Марианской» (о чем свидетельствовала латинская надпись на постаменте), он встал с колен, перекрестился всей правой дланью слева направо, накрыл капюшоном своей шерстяной рясы голову с выбритой маковкой. Следом зажег три свечи над небольшим письменным столом, развернул пергаментный свиток, уже наполовину испещренный записями на латыни, и стал писать. Сам епископ Рацебургский Филипп, друг и благодетель отца Генриха, за хорошее знание латыни и немецкой грамматики благословил его составлять хронику Ливонии. Сейчас брат Генрих писал о том, как прошлой осенью, когда за Нарову ушло большое русское войско, разорившее орденские и датские владения в землях эстов, епископ Бернгард вновь призвал всех людей Церкви — братьев-рыцарей, ливов и леттов, купцов и пилигримов* собраться в войско и наказать отвергших святое крещение эстов. Тогда же в начале зимы семитысячная орденская рать, разгромив малое ополчение эстов, с ходу взяла и разорила Гервен. Затем «тевтоны» осадили Дорпат, но эсты, имевшие хороший град, отчаянно дрались, и латиняне, не взяв его, отступили.

Тем временем некто «русский король» Вячко, оставивший свои владения Кукенойс и Герцике, захваченные тевтонами у Полоцкого княжества, был направлен новгородцами в Дорпат. Его приняли там с радостью. Со своим полком Вячко «избивал и гнал латинян» в землях эстов.

Тогда после Рождества 1223 года Орден собрал вновь огромное войско в Риге. Датчане прислали им свои отряды в помощь. Войско двинулось на восток, громя непокорных эстов

и сжигая их замки. К Пасхе, наступившей 14 апреля 1224 года, большая часть эстов была покорена. Взят был и Оденпэ (Медвежья Голова). Орден заключил с датским королем договор о разделе Эстонии. Эсты, не принявшие латинской власти, сбегались в Дорпат.

Брат Генрих оторвался от написанного и, раздумывая о недавних событиях под Дерптом, стал чистить перо. Очистив его, скинув капюшон и почесав бритую маковку головы оперенным концом, он продолжал излагать события. «Сверх того, у короля Вячко там (в Дорпате) было множество его русских лучников, строились еще там и патерэллы, баллисты и прочие военные орудия», — свидетельствовал монах. Он рассказывал, как на предложение крестоносцев оставить эстов князь Вячко отвечал отказом. Следом, в день Успения Богородицы христиане осадили Дорпат. Они начали постройку множества орудий, среди которых монах называл «ежа» и «свинью»*. Затем воины стали приступать к замку, и начались ожесточенные перестрелки. «Многих на верху вала ранили стрелами из баллист, других перебили камнями метательных орудий, бросали в замок из патерэллов железо с огнем и огненные горшки... и бились так много дней», — писал брат Генрих.

То, что эсты побили многих латинян камнями метательных машин, монах решил оставить в забвении, ведь все равно тевтоны одержали верх. Единственно отметил, мол «бились так много дней». После некоторого раздумья он вскользь добавил, что русские лучники сильно досаждали рыцарям. Тогда за восемь дней тевтоны построили крепкую осадную башню из бревен высотой в уровень с замком. Затем башня была надвинута поверх рва. В том месте, где башня накрыла ров, был начат подкоп, копала который половина войска. Когда подкоп продвинулся в глубь оборонительных сооружений Дерпта, вал обрушился и, тевтоны смогли продвинуть башню вплотную к стенам замка. Тогда, эсты в замке зажгли большие огни и, разломав часть бревенчатого прясла стены, открыли

пролом, через который «стали скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню». Но тевтонам в доспехах удалось сбить огонь и разломать колеса. Понимая, что начался решающий момент приступа, русские все сбежались к воротам и к пролому для отпора тевтонам.

Рыцарь Иоанн из Аппельдерина — брат епископа — взял факел в руку и первый стал подниматься на вал. Многие рыцари устремились за ним вслед. Другие прорвались в пролом, через который осажденные скатывали колеса с огнем. В ожесточенной рукопашной схватке рыцари копьями и мечами сбили эстов с вала. «Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись летты и некоторые из ливов. И тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого, так, что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их выбили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек», — закончил монах, перекрестился и поставил точку.

Затем брат Генрих аккуратно свернул и убрал свиток пергамента, достал из каменной ниши в углу кельи немалый кувшин доброго вина и, отпив несколько глотков, вновь перекрестился на деревянный скульптурный образ св. Девы. Тут ему пришла мысль о том, что, пожалуй, в Ливонии не было больше ни одного языческого замка эстов. Но сразу же за этим брат Генрих вспомнил про остров Эзель, где еще оставалось последнее гнездо язычества и свободы, пока не покоренное тевтонами латинскому кресту. И тогда он подумал, что в свое время ему. рабу Божьему Генриху, еще придется вернуться к этой теме.

Глава VI

Наука отрочества

Прошло немногим более двух лет с тех пор, как князь Ярослав Всеволодович увел русские полки за Нарову. Много поменялось с той поры. Вскоре после похода князь оставил новгородский стол и возвратился в родной Переславль-Залесский. Потихоньку менялось все и в его семье. Росли дети.

Федя уже давно был отроком. Алексаша входил в отроческий возраст. Оба подросли, вытянулись, как молодые дубки. Сыновья наливались, расправляли детские плечики, плотнели в груди. Федя стал светло-русым. Алексаша оставался белокурым, но взгляд его голубовато-лазоревых глаз стал серьезнее и осмысленнее. По сравнению с детски - наивными, васильковыми глазами маленького Андрюши глаза старших казались хитровато-любопытными и взрослыми. Феодосья гордилась сыновьями, приставила к ним грамотного дьякона из Спасского собора Переславля и стала учить детей письму, счету и Закону Божьему. Радовалась она своим сыновьям и благодарила Бога за них. А сама уже вновь была тяжела.

Стояло тусклое, холодное утро, что часто приходит поздней осенью. Лужи сковало льдом. Ранее раскисшие дороги замерзли. Леса, рощи и сады сбросили пожухшую листву, которой шелестел пронизывавший холодом ветерок. Нет-нет, да и наносило легкую снежную пелену, что белой крупой посыпала землю. Редко-редко тусклое солнце просвечивало

на небесах. Начиналось предзимье. Недавно прошло Филиппово заговенье.

Алексаша и Федя сидели в натопленной светлой горнице княжьего терема. Над небольшим непокрытым столом, несмотря на утреннее время, горело несколько свечей в подсвечниках. Жарко и ярко светили лампады в углу перед большими образами. Где-то в покоях изредка поскрипывала половица под легкой босой ногой горничной девушки. В массивной дубовой кладке терема неутомимо потрескивал сверчок. Пахло терпким дымным теплом большого деревянного жилья, горьковато-сухим веником полыни, чем мели в тереме полы. Заспанный и уставший еще с заутрени дьякон посадил детей учить и прописывать слова Рождественского тропаря, а сам присел на стульце, прислонился к каменной кладке печи и слегка подремывал. Княжичи, раскрыв в большой богослужебной книге страницу с тропарем Рождеству, читали и, тщательно прописывая пером буквы на обрезках пергамента, негромко и вразнобой шептали слова молитвы:

— Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума…

Для семилетнего Алексаши эти слова значили уже очень много. Прописывая их, он вспомнил, как в прошлом году перед Святками батюшку позвал во Владимир с семьей его братец великий князь Юрий. Как дружно тогда вся семья, дворовые и гриди собирались во Владимир-на-Клязьме, как укладывали на сани поклажу и подарки. Прислуга носила сундуки с нарядами и бельем, связки пушистых шкурок серебристых лис, темно-рыжих бобров и белок, что привез батюшка из Великого Новгорода. И вскоре большой санный караван в окружении одетых в полушубки конных гридей, у которых были копья и мечи, утонул в бескрайних лесах, полях, потек по дороге, ведущей из родного Переславля на восток.

Тепло одетый, в крытых санях, Алексаша порой сквозь сон слышал окрики комонных гридей и возниц, щелчки конских

плетей, ржание и храп лошадей. Когда он просыпался, они вместе с Федей иногда выглядывали из-за полсти, укрывавшей их от ветра, снега и мороза, и пытались смотреть вперед или по сторонам. Бескрайние, малообжитые просторы, утонувшие в снегах, сливавшиеся вдали с сиреневыми зимними небесами, восхищали и подавляли детское воображение. Зимний холод, снег, скрывавший все живое на безмерном просторе, и это бездонное, то темно-синее, то фиолетовое небо — дыхание бесконечного Космоса, вдруг охватывали мальчиков. Возница и дядька, сидевшие на передке саней, начинали бранить их и грозить плетью. И они с Федей, сделав вид, что испугались, откидывались назад под полог, а затем сговаривались, как вновь выглянут наружу и будут дразнить дядьку и возницу, чтобы тот показал кнут или грозно ударил им по воздуху перед самым носом.

Несколько дней санного пути совсем не утомили ребят. Напрасно беспокоилась их мать, ехавшая с младшими детьми впереди в таких же крытых санях, боявшаяся, что без ее присмотра старшие не дай Бог померзнут или заболеют. Запомнилось Алексаше, что на их пути был большой град Юрьев-Польской с такими же валами и стенами, замкнутыми в кольцо, как и в их родном Переславле-Залесском. И сам град, и княжеский терем, и возвышавшийся неподалеку белокаменный храм, и другие постройки в граде, все занесено было снегом. Гостеприимный, добрый и набожный их дядя Святослав — батюшкин молодший братец, княживший в Юрьеве, одарил сыновцов щедрыми подарками — сладостями, игрушечными деревянными конями и свистульками. Все выспрашивал, хорошо ли знают они грамоте, учат ли Святое Писание, да все трепал их с Федей легкой рукой по вихрастым головам.

А потом был великий град Владимир. Великий град среди градов. Сколь же съехалось тогда люду в большой княжий терем старшего батюшкиного братца Юрия, что стоял на

высокой горе, окруженный белокаменными стенами Детинца среди белокаменных соборов. Многим сродственникам и гостям тогда не хватило места в Детинце, и князь Юрий разместил их на другом подворье близ высокой и красивой каменной вежи, названной Золотыми воротами. Вот тогда и узнали Алексаша с Федей, сколь у них еще двоюродных братьев и сестер. Правда, сдружились Алексаша и Федя только со старшими сверстниками — сыновьями князя Юрия — Владимиром и Мстиславом. Были там и совсем взрослые братья, сыновья умершего уже давно дяди Константина — Всеволод и Владимир. Но те больше походили на дядю Ивана, самого младшего батюшкиного братца, да с Алексашей и Федей общались свысока. Понравился княжичам дядя Владимир, что приехал из Москвы. Золотоволосый, кудрявый, рослый и красивый лицом, тот часто бывал навеселе, и от него крепко пахло медовухой или вином. Но он показался Алексаше добрым и смелым и подарил ему и Феде охотничьи луки со стрелами.

Алексаша вспомнил о луке, положил перо концом на чернильницу, представил, как натягивает его очень тугую тетиву, пускает стрелу и … у него вспотели ладони. Он заерзал на скамье и потер ладони о парчовые порты. От этого движения проснулся дьякон, утер нос рукавом стихаря*, прокашлялся и посмотрел на детей. К тому времени Алексаша уже успел схватить перо и сделать вид, что тщательно выводит буквицы. Дьякон опять закрыл глаза и через минуту уже всхрапнул. Княжич, шепча себе под нос, вывел на обрезке пергамента слова: «В нем бо звездам служащии, звездою учахуся…».

Перед его мысленным взором появилась большая звезда, что взошла в тот Сочельник вечером на небосводе. А следом пришло Рождество, которое они с матушкой пошли встречать и молиться в большом соборе Успения Пресвятой Богородицы. Когда они прошли через красивый резной портал и вошли внутрь, княжича удивил огромный храм, весь расписанный

голубовато-зелеными, коричневыми и светло-желтыми фресками. Алексаша знал, что все эти изображения рассказывали о жизни, деяниях и подвигах пророков, Христа и святых. Огромное паникадило довольно ярко освещало верха храма и отбрасывало на сверкавший пол и нижние части стен яркие световые блики и полутени. Подсвечники, наполненные свечами, также излучали потоки яркого света. Но внутреннее пространство храма было столь велико, что даже несколько тысяч свечей, зажженных той ночью, не позволяли рассмотреть всех фресок, икон алтарной преграды и людей, что во множестве стекались в храм на Всенощное, праздничное богослужение. Светоносные потоки, лившиеся сверху вниз и поднимавшиеся снизу вверх, рассеивались легкими волнами, будили и оживляли образы, написанные на стенах и иконах и словно ветром шевелили их одежды. Служба еще не началась. Тихий говор и шепот сотен людей, негромкое чтение молитвы на хорах*, отраженные каменным сводом и стенами храма, погружали в состояние сказочного ожидания.

Федю и Алексашу мать взяла за руки и повела на хоры. Они пошли по узкой и крутой каменной лестнице в толще серых и глухих каменных стен. Феодосья, как будто нечаянно, прикрыла за собой дверь в проход, и они оказались в темноте. Свет в этот проход почти не проникал, и мальчики, поднимавшиеся впереди матери, держали друг друга за руки. У Алексаши от страха и любопытства замирало сердце. Вскоре впереди, на подъеме опять просветлело. Затем яркий свет вновь озарил их, и они очутились на небольшой каменной площадке почти под сводами собора.

Прошло немного времени, и хор молодых юношей в светлых одеждах дружно и красиво запел рядом с ними. Началось тихое и светлое, но все более нараставшее нотами торжества богослужение. Алексаша, часто выстаивавший в храме литургию вместе с матушкой, был привычен к долгим службам. Но в ту ночь он потерял счет времени и понимал,

что эта служба необычная, длинная и праздничная. Теплый воздух волнами поднимался снизу под купол собора, и час от часу на хорах становилось все жарче. Алексаша и Федя упросили матушку отпустить их вниз, где было прохладнее, и, держась за руки, как при подъеме, осторожно спустились по темному проходу вниз. Взрослые пропустили мальчиков вперед — ближе к солее*, и они очутились рядом с двумя десятками других детей прямо под огромным, медленно вращавшимся паникадилом*. Алексаша внимательно снизу вверх рассматривал незнакомых ему взрослых, стоявших сзади полукругом, с любопытством присматривался к детям, стоявшим у солеи. Взирал на праздничные светлые одежды священников. Смотрел на то, как дьяконы входят и выходят через алтарные двери жертвенника* с большим Евангелием и свечами, как владыка* Кирилл благословляет паству, как ветхий годами, седой как лунь епископ Симон открывает и закрывает алтарные Царские врата*. Многое было еще непонятно и загадочно для него в богослужении.

Когда же на хорах негромко запели:

— Иже херувимы тайно образующе и животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, — из двери жертвенника на солею вышел дядя Владимир Московский, крещенный Дмитрием.

Он был одет в чешуйчатый воинский доспех, покрытый золотом. За плечами его подобно двум крылам струился серебристый корзн. Златые кудрявые власы его ниспадали на доспехи, голубые глаза лучились. И Алексаша подумал, что этот красивый воин может быть и не его дядя, а только похож на него. Однако тот, углядев сыновца среди других детей, кивнул ему, улыбнулся так загадочно и еле заметно, как улыбаются взрослые, когда хотят сделать чаду подарок, и пошел прямо к Алексаше. Тогда-то и увидел княжич в его десной длани легкую дугу серебристого лука, и сердце его вспорхнуло и застучало от счастья.

Понимая, что дядя идет к нему, Алексаша сделал вперед два шага и вышел из кучки детей. Повернувшись, он посмотрел на Федю, желая получить от него кивок одобрения, но брат явно не замечал происходившего, а во все глаза смотрел на Царские врата храма. Обернувшись вновь лицом к жертвеннику, княжич увидел дядю прямо перед собой и, оглядев его, понял, что этот воин только похож на Владимира Московского. Так, как бывают похожи друг на друга все смелые воины. Похож каким-то особым мерцанием глаз, застывших на мгновение с выражением предельного напряжения, сосредоточенности и необоримой твердости. Поняв, что это не дядя, Алексаша было заколебался. Но тот протянул ему навстречу десную руку, и Алексаша с удивлением узрел в руке не серебристую дугу лука, что казалось ему ранее, а светящуюся белым огнем дугообразную молонью, в виде сабельного клинка.

Потаенно улыбнувшись одними губами, златокудрый витязь подал рукоять клинка княжичу, и тот, решительно сделав шаг вперед, всей десной дланью с радостью схватил и обжал перстами ее, мерцавшую белым огнем. В тот же миг боль заставила вскрикнуть Алексашу и закрыть глаза. Что-то горячее и липкое сжимали его длань и персты. Когда через мгновение княжич открыл глаза и посмотрел вперед, то успел увидеть только полы серебристого корзна, мелькнувшие в проеме входа в жертвенник. А молившиеся вокруг люди с удивлением смотрели на белокурого княжича, сделавшего во время херувимского пения несколько шагов к алтарю и поймавшего на лету большую свечу, выпавшую из паникадила. То ли паникадило закрутилось быстрее обычного, то ли сквозняком подуло со стороны западного портала внутрь храма, только свеча выпала и угодила в маленькую длань Алексаше и обожгла ее кипящим воском и огнем.

Княжич вспомнил это и покраснел всем лицом. Вспомнилось, как на следующий день он справился у Феди, видел ли тот, как из двери жертвенника выходил златокудрый воин

в доспехе и с извитым клинком в руке. Но Федя уверял, что этого не видел, а думал, что Алексаша вместе с ним смотрел на Царские врата алтаря и на женщину в темно-вишневом мафории*, что вышла на солею из среды молившихся, открыла створу врат и тихо прошла во святая святых. Затем, по словам Феди, створа вновь приоткрылась, и эта женщина подала Феде знак перстами, приглашая его войти в алтарь. Сначала Федя, как положено было, засомневался, но потом вдруг решился. Только уж собрался он сделать первый шаг, как вскрикнул Алексаша. Федя и остался на своем месте.

Ожог у Алексаши вскоре прошел, но красное пятно на длани у большого перста оставалось и по сей день. Алексаша посмотрел на свою правую длань и, хмурясь, сдвинул брови. Сосредоточив свое внимание на тексте тропаря, он решил больше не отвлекаться, и продолжил писать: «Тебе кланятися, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи! Слава Тебе!»

Занятие с дьяконом заканчивалось. Тот, проснувшись, проверил устное знание и прописи тропаря у княжичей и довольный ушел. Следом появился дядька Федор Данилович и велел княжичам «поисти» наскоро да одеваться и собираться для верховой езды и обучения навыку верхового боя копьем. Легкий обед — миска пшенной каши с конопляным маслом, краюха свежеиспеченного каравая да кисель — то, чем кормили мальчиков перед верховой ездой. Облаченные в плотные, прочные поддоспешные рубахи и порты из бычьей кожи, заправленные в сапоги, одетые в полушубки и мохнатые шапки, Алексаша и Федя вышли на двор. Гриди и конюхи выводили из ворот конюшни крепких жеребцов. Двух из них серебристо-серой масти, уже взнузданных, подвели к мальчикам. Алексаша взял за поводья обоих и погладил по шее своего Серка. Тот доверчиво косил радужным глазом в сторону хозяина и негромко всхрапывал, подрагивая на холодном ветре мускулами груди и передних ног. Этот красивый

двухлетний жеребец с черными подпалинами на бабках и темным храпом, кого помнил княжич еще жеребенком, явно ожидал от Алексаши подачки. Более светлый жеребец Феди бил задней правой и вертел головой, так как Федя отправился в гридницу за седлами. Не слушая успокоительных слов Алексаши, этот жеребец пошел уже было за хозяином, но Алексаша дернул его за повод и негромко прикрикнул:

— Тпрру! Стоялый.

Затем княжич оглянулся и незаметно достал из-за ворота полушубка небольшую краюху каравая. Разломив ее пополам, он дал обоим жеребцам по куску. Потом погладил по храпу своего коня, а Фединого похлопал по шее и успокоил. Федя тем временем вышел из гридницы, неся на правом плече два небольших, тяжелых седла. Вместе мальчики положили и расправили потники на спинах коней, закинули седла, тужась изо всех сил, стали затягивать нагрудные и подхвостные ремни и чересседельные подпруги.

Тем временем вооруженные и снаряженные в доспехи гриди, подняв копья, выезжали со двора. Дядька Федор Данилович вышел из гридницы в полушубке, одетом поверх тяжелой кольчуги, закрывавший ноги почти до колен. Мохнатая шапка была надета поверх кольчужного капюшона. В руках у него было тяжелое копье. Тяжелый меч висел на поясе с левого бока. Конюх подвел ему уже оседланного буланого жеребца. Дядька, поставив в широкое левое стремя обутую в твердый сапог ногу, легко подняв свой девятипудовый вес, птицей влетел в седло. Конюх придержал коня, подавая боярину правое стремя. Тронувшись с места, дядька сделал три круга по большому княжескому двору, разогрел жеребца. Подъехав к княжичам, он остановил коня неподалеку и внимательно осмотрел седловку. Мальчики выжидающе смотрели на него.

— Потягни еси крепце чересседельну, Феодоре, на свои конь, — молвил дядька.

И Федя с Алексашей старательно исполнили приказ Федора Даниловича.

— Ты ж, Александре, поиди еси в гридницу да взъми двои сулицы, — добавил дядька.

Федя принял у брата повод коня, и мальчики вопросительно и с надеждой посмотрели на воспитателя. Тот, поняв, в чем дело, улыбнулся и вновь молвил:

— Да помяни еси, отроче, възяти налучья с луци и тулы со стрелы.

Алексаша стремглав побежал в гридницу. Быстро разыскав оружничего гридя с ключами от оружейной палаты, он передал ему приказ дядьки. Гридь открыл широкие двери, и княжич, взяв свою и братню сулицы да подаренные московским дядей Владимиром луки и стрелы, выбежал во двор. Федя уже был в седле. Алексаша отдал ему обе сулицы и тулы со стрелами, перебросил ремни обоих налучий с луками через голову и подвел своего коня к чурбаку, на котором ранее кололи дрова. Встав на него, княжич схватился дланями за переднюю и заднюю седельные луки. Не вступая в стремя, прыгнул, достав грудью седла, и лег на него. Потом умело подтянул правую ногу и перебросил ее через седло к правому боку коня. Умостившись в седле, он вдел ноги в стремена, тряхнул поводом и, поддав коню в бока каблуками, тронул его рысью со двора вдогон уже выехавшему Феде. Он быстро нагнал брата и дядьку, ехавших позади отряда вооруженных гридей. Подковы коней застучали по бревенчатому настилу мостовой. Вскоре княжеский двор и белокаменный Спасский собор остались позади. Ворота в большой проездной веже, выводившие к дороге на Владимир, были открыты. Миновав их, воины съехали на мост над рекой Трубеж. Затем пересекли Владимирскую дорогу и поскакали по дороге на Ростов Великий. Слева и справа от них стояли терема, избы и дворовые постройки городского посада. Затем всадники свернули налево и выехали к Плещееву озеру, уже покрытому

некрепким льдом. Здесь в прибрежном лугу и находилось место постоянного ратного ученья переславского полка.

В Переславле и в окрестных селах жило предание, что еще задолго до крещения Руси, лет триста пятьдесят назад, побывала в этих местах дружина славянских витязей, поставивших здесь в лугу идола своего бога Святовита. Потом уже при князе Святославе киевская дружина руссов водрузила здесь же идола Перуна. Издревле завелся обычай проводить тут зимней и весенней порой военные игрища. В окрестных рощах над озером с давних времен кривичи и меряне этого края приносили жертву идолу Велеса. А ныне со всей округи на Масленицу и на Ивана Купалу стекались сюда люди со всей округи праздновать и жечь костры. Но Филипповым и Великим постом луг становился уделом ратного учения и мастерства. На несколько дней в неделю приезжали сюда кмети со всех окрестных сел. Все те, кто в случае военной грозы вставал под княжескую дружинную хоругвь переславского полка. После Пасхи луг успевал покрыться зеленой травой, так как многие кмети были заняты на пашне или на покосе. Только княжеские гриди по-прежнему приезжали сюда ради ратной выучки. Летом редко среди них можно было увидеть какого-нибудь молодого кметя.

Случалось, что в этом месте проливалась кровь. Поздно вечером или на зорьке приезжали в луг супротивники отмстить за личную обиду или обиду своего рода, за поруганную любовь, или лживый навет. Секлись мечами, саблями до смерти или до тяжелой раны. Бились с опаской, ибо боялись княжеских гридей и тиуна. Ведь за месть и кровопролитие по закону Правды Ярославичей и Пространной Правды грозила пожизненная кабала.

Кмети из ближних мест: из Слободы, Клещина Городка, Криушкина, Княжева, как из Переславля, приезжали сюда с утра или днем. К ночи возвращались домой. Те же, что были с другого берега озера или издалека: с Купанского, Соломидина,

из Дядькино, Сокольников или Яма, приезжали на два-три дня. Они, то и построили здесь постоялый двор: несколько курных изб, коновязь, крытую двускатной крышей, колодец и небольшую бревенчатую часовню в память святых воинов-мучеников Бориса и Глеба.

Когда княжичи с дядькой и гридями подъехали к лугу, то увидели, как то здесь, то там скакали комонные кмети в доспехах и шеломах, сшибались, загорадясь щитами, ударяли друг друга древками копий без наконечников и снова разъезжались. Посреди луга на толстых шестах на высоту верхового были поставлены в ряд в сажени друг от друга чучела, плотно связанные из прутьев и веток. Еще далее стояли столбы со щитами для стрельбы из лука.

При появлении княжичей в сопровождении дядьки и гридей кмети стали съезжаться к ним. Подъезжая, кланялись, не снимая шеломов и шапок, приветствовали словом. Хорошо знавший многих кметей и местные нравы Федор Данилович распорядился, чтобы все вои разделились на десятки. Делились так, чтобы среди опытных и бывалых в десятках оказалась молодь, кого особо надо было наставлять конному строю в соступе и копейной сшибке. Десятки построились рядами. Федя и Алексаша попали во второй десяток и встали в середине строя среди своих гридей. Федор Данилович отмахнул десницей, и первый десяток, разогнав коней, понесся в соступ, опустив и направив копья на чучела, поднятые на шестах. Хорошо знакомый княжичам гридь Мирослав был рядом и присматривал за мальчиками. Те уже хорошо знали, что при ударе самым важным было не вылететь из седла, успеть выдернуть копье из мишени и, не дай Бог, уронить его.

Алексаша держал сулицу правой дланью в кожаной рукавице, сжимая ее древко между предплечьем и подмышкой. Тупое лезвие наконечника лишь на пядь выступало перед головой коня. Во все глаза мальчик смотрел на дядьку. Тот вновь махнул рукой, и второй десяток тронул коней рысью, а

затем перешел в галоп. Конь набирал ход. Алексаша изо всех сил упирался стопами ног в стремена, а бедрами сжимал бока коню. Подлетая ближе к цели, он, как и учили его, метил «в перси или в выю». С тех пор, как началось Филиппово говенье, княжич уже не единожды учился скакать в строю и бить сулицей. Не раз он ронял оружие, за что получал выговор от дядьки. Еще большим позором было для него выпасть из седла и повиснуть на стремени, что, в свою очередь, могло привести к падению и удару о землю. Подобное случилось с ним два дня назад один лишь раз, чем он сильно перепугал дядьку. Правда, наземь Алексаша тогда не упал, а удержался ногой и руками за стремя. Федор Данилович крепко тогда его выругал, но потом пожалел и, похлопав по плечу, велел держаться в седле так крепко, сколь было силы в ногах и в руках. Умело править надлежало и конем, дабы не выбиться вперед или не отстать и не нарушить конный строй. В этом, правда, помогали скакавшие рядом гриди, порой хватавшие его коня за повод во время конного бега.

В этот раз удар сулицей чуть-чуть не выбил Алексашу из седла и стоил ему огромного напряжения сил. Затем всадники повернули коней вспять и вновь выстроились в ряд на исходном рубеже. Удары сулицей во втором и третьем соступах были для княжича также тяжелы, но постепенно улеглось волнение. В четвертом, пятом, шестом и седьмом соступах принял участие и Федор Данилович, что-то громко на скаку кричавший воям и самому Алексаше, о чем тот больше догадывался по движениям рук, чем слышал из-за гулкого топота копыт и храпа коней. Княжич понимал, что тот показывал ему, как надо быстро и ловко выпрастывать копье назад после поражения цели, чтобы не уронить его. К десятому соступу силы уже оставляли Алексашу. Но он видел, что нелегко и Феде, хотя тот старше его на три с лишним года. Старший княжич, напрягая последние силы, еще крепко держался в седле. В десятом соступе Федя все же выронил свою сулицу после

удара. Но посуровевший лицом дядька Федор Данилович все же заставил княжича скакать в строю и учиться копейной сшибке еще пять раз. Не остался в стороне и Алексаша. К пятнадцатому соступу руки княжичей окаменели от усталости, сулица, казавшаяся пудовым молотом тому и другому, выпадала из длани. Икры, бедра ног одервенели и дрожали от напряжения, и чудилось, что седло и конь такие же части человеческого тела, как ноги, седалище и спина.

Наконец дядька сжалился над княжичами и отпустил их из конного строя. Отъезжали в сторону и другие отроки — чадь окрестных кметей, кого те готовили на смену себе. Кто имел, доставал лук, натягивал тетиву и скакал учиться стрельбе, пока еще было светло. Другие, достав из-за спины щиты, учились биться с коня деревянной саблей или мечом. А неугомонный дядька Федор Данилович, разделив воев на два отряда, заставил их скакать в строю со щитами и, сшибаясь, биться копьями без наконечников. Это было опасное дело. По плечу оно было лишь опытным кметям и гридям. Молодь до такого учения не допускали.

Тем временем княжичи, достав лук и натянув тетиву, стали на скаку пускать стрелы в деревянные щиты, на которых были намалеваны черные и белые круги. Днем стреляли в черный круг, когда темнело — в белый. По заведенному правилу лучник должен был пустить три стрелы в щит, не доскакав до него двадцати саженей. Конечно, дело это было непростое, но все же это учение было более легким, чем скакать в строю и бить копьем. При стрельбе воин отпускал поводья и вертелся в седле как мог, клонясь с луком в руке то одесную, то ошую от коня. Многие, кто был постарше, кому было от четырнадцати до восемнадцати лет, кто хоть раз сходил в поход со старшими братьями и батюшкой, сказывали, что молодь с луками перед копейной сшибкой разбегается посторонь, а последние стрелы пускает в ворога, уже обернувшись, с конского хвоста. Федя давно уже обратил внимание младшего брата на то, что задняя

седельная лука у старых и опытных кметей и гридей высокая. Она помогала удержаться в седле при ударе копьем. Молодь же сидела верхи в седлах с низкой задней лукой. Молоди и отрокам не давали биться тяжелым копьем. Их делом было метать сулицы, пускать стрелы, а коль уж попал в соступе под копья, крутись, беги от копья и бейся саблей. Но уже с молодых ногтей учили биться копьем всех конных воев. И копье для боя обычно вручал отец сыну или старший мужчина в семье младшему лишь к восемнадцати — двадцати годам.

Княжичи учились стрелять из лука по очереди. Доскакав за двадцать саженей до цели, каждый из них успевал пустить лишь одну стрелу. За время ратной учебы Федя лишь дважды успел пустить две. Сей же день, из двадцати пущенных ими стрел лишь три Федины и одна Алексашина угодили в черный круг на щите. Остальные отроки стреляли лучше. Да и то правда, что из молоди здесь на лугу княжичи были самые младшие. Но так уж повелось, что княжичей начинали учить ратному делу ранее других детей. Чуть ли не с молоком матери — с пяти лет усваивали они эту науку, в то время как дети кметей, гридей и дворян приступали к ней с семи, а то и восьми лет.

Когда стало смеркаться и глаз уже плохо различал черный круг на щите в отдалении, и лук уже с трудом сжимала ошая длань, Алексаша заметил, что кмети постарше стали сходить с коней, привязывать их у коновязи и разводить костры. Другие, сойдя с коня, еще пробовали силу, скрещивая копья, мечи и сабли в пешем бою. Федор Данилович тоже отбросил копье, но, оставаясь верхи, размахивал своим тяжелым мечом в противоборстве с одним дородным кметем, что был в латинском шеломе с бармицей, с круглым щитом и булавой в руке. Уставший дядька все чаще отъезжал в сторону, отирал пот рукавицей и посматривал зоркими глазами туда, где разгулявшаяся молодь крутилась в седлах и пускала стрелы. На лугу то здесь, то там еще был слышен топот копыт и храп

коней, лязг и скепанье скрещиваемых клинков и удары древком копья, легкое пенье тетивы и посвист стрелы, когда вдруг в отдаленной стороне луга у рощи послышались громкие крики. В сполохах костров было видно, что там собралось десятка два-три воев. Федор Данилович, не раздумывая, вложил меч в ножны и тронул коня туда, где кричали. Гриди тоже оставили свое учение и пустились за ним. Перестали стрелять и княжичи, услышавшие крики и погнавшие коней вслед за остальными.

Подъехав, Алексаша и Федя увидели, что недалеко от одного из костров столпились конные и пешие вои. Двое из них склонились над лежавшим, с кого снимали кольчугу и шелом. Видно было, что тот был тяжело ранен и истекал кровью. Кто-то уже рвал старую рубаху, чтобы перевязать раны на плече и бедре лежавшего воя. Трое кметей держали за руки и плечи крепкого молодца, одетого в прочный кожаный панцирь, стеганный металлическими кольцами. Оружие и щит его лежали на земле, шелом был сбит с головы. Федор Данилович уже был среди столпившихся людей и выяснял, что случилось. Со слов воев, окружавших дядьку, становилось ясно, что в сумерках на Перунов луг приехали двое кметей из Сокольнической слободы. Сойдя с коней, они привязали их к березам и стояли в ожидании. Затем показались еще двое. Один из них сошел с коня и обратился к ожидавшим. В ответ последовала негромкая брань. Противники выхватили сабли и с ожесточением скрестили их. Поскольку оба были в доспехах и со щитами, то ближние к ним кмети почти не обратили на них внимания. Однако приехавшие схватились не на шутку. Звон сабель и грубая брань быстро встревожили окружавших. Вои, подъехавшие к дравшимся, узнали их. Схватка была скоротечной. Тот кметь, что был старше, по имени Вышеслав, изловчившись, ударил более молодого, по имени Любомир, клинком в нижний разрез кольчуги и поразил его в пах. Любомир припал на правое колено, но отразил щитом

новый удар. Тогда Вышеслав отбросил свой щит и выхватил из-за пояса небольшой клевец*. Следом он обрушил на противника сабельный удар справа, который Любомир вновь отбил саблей. Но тут же на голову Любомира пришелся удар слева. Клевец, ударившись о шелом, слетел с его покатой поверхности и, просадив кольчугу, впился острием в правое плечо Любомира. Тот закричал от боли и пал на землю, уткнувшись в нее лицом.

Подбежавшие со стороны вои окружили Вышеслава, но тот отбросил оружие и скрестил руки на груди. Его схватили за руки и заломили их за спину, но он не оказал сопротивления. Тогда-то и подъехал Федор Данилович с гридями. Он велел подогнать запряженную телегу, которая, к счастью, нашлась у постоялого двора, и, погрузив на нее раненого Любомира, гнать немедля в Сокольничью слободу. Вышеслава приказано было связать и доставить на княжий двор в Переславле. Уже совсем стемнело, когда Федор Данилович, расспросив воев, сопровождавших Любомира и Вышеслава, отпустил их восвояси. Оставшиеся ночевать на постоялом дворе уже готовили кашу в котлах над кострами, расседлывали, укрывали попонами, поили и кормили коней. Вои из ближних сел быстро разъезжались по домам. Княжичи и гриди давно проголодались и с жадностью ловили запах дымного варева. Кони ржали в ожидании корма и теплого стойла. Федор Данилович велел трогаться в обратный путь, и кони быстро понесли их знакомой дорогой к дому.

В дороге что и разговоров было только о произошедшем столкновении на лугу. Из того, о чем говорили гриди промеж собой, Алексаша и Федя поняли лишь одно, Вышеслав справедливо побил Любомира за то, что тот «увел» его любую, нареченную ему, а потом хвастал этим перед дружками. Но куда «увел» и почему «увел», об этом княжичи сколь ни говорили, но могли только догадываться.

* * *

Вышеслава заперли ночевать в холодной. Но на следующий день с утра приехали его сродники — дядья и старшие братья. Они кланялись Федору Даниловичу и долго упрашивали его не доводить князю о сем деле, коль Любомир остался жив. Они же обещали наладить за раненым уход и заплатить его родным «за обиду». Дядька велел отпустить Вышеслава, взяв с него крестоцелование, что тот никуда не сбежит, если князь назначит суд. Сродникам же его сказал, что лучше им самим довести князю Ярославу о случившемся, как только тот будет в Переславле, ибо от худой молвы ждать хорошего не приходится.

И все вновь пошло своим чередом. Утро княжичей начиналось с молитвы. Потом по-постному кушали крутой кисель с мягким пшеничным караваем. Затем следовало учение книжное и письмо. Учение сменялось обедом из каши или гороха с рыбой или с грибами. Потом одевались и седлали коней, брали оружие и скакали в Перунов луг. За эти дни сильно уставали княжичи. Не раз еще теряли они сулицы, учась копейной сшибке, не раз и тот и другой повисали на стременах, случалось, что по разу выпадали от усталости и ударов из седла, чем вызывали дядькину ругань и упреки. Сотни стрел, пущенных ими на скаку, прошли мимо цели, но десятки уже поразили цель. И с каждым днем все крепче входило, вживалось в их руки, ноги и отроческие головы это нелегкое, но необходимое будущим князьям ратное дело. Ибо князю надлежало не только познать и уметь все то, что познали, что умели простые гриди, кмети, но предстояло учиться еще и тому, что позволяло ему управлять сотнями воев, полками, войском. А вечером, возвратившись домой, Алексаша с Федей на конюшне расседлывали коней, укрывали их попонами, тайно подкармливая краюхой, сбереженной с обеда. Затем, усталые, сносили седла и оружие в гридницу, шли умываться и сытно ужинали постными щами, кашей, пирогами и чем Бог послал. Затем молились на сон грядущий

и шли спать. Спали крепко. Но с зарею Федор Данилович будил их и выводил на молитву. Так проходили дни. Но вот приблизился день субботний. Вечером в пяток возвратились из Клещина Городка князь и княгиня с младшими детками.

* * *

В субботу после литургии князь Ярослав позвал к застолью боярина Бориса Творимирича. Боярин недавно вернулся «из грек». Двадцать один год не был он в родной земле, да и не гадал, что возвратится когда-нибудь. Но как ударила седина в бороду, а латинская стрела в десное плечо, заскучал он по родному краю и с великими трудами возвратился домой. Застолье заканчивалось, со столов убрали пустую посуду, оставив лишь вина, медовуху, брусничный квас и сладости. С князем Ярославом в большой палате терема остались лишь ближние бояре, княгиня Феодосья и дядька со старшими княжичами. Лобастый седобородый боярин в греческой сряде — светло-пурпуровой тунике с цветным, вышитым золотыми звездами оплечьем, такими же клави* и каймой по низу, подпоясанный двумя поясами, в синих шерстяных штанах, заправленных в холщовые светлые чулки, коротких кожаных башмаках с узкими ремнями, оплетавшими голени и икры ног, солидно сидел на лавке за большим столом близ князя. Его воинский плащ — шерстяная трабея синего цвета — прикрывала плечи и закрывала спину. Два кожаных шнура, связанных между собой на груди боярина, стягивали верхние концы плаща. В ошеей руке боярин держал чашу с вином, стоявшую на столе. Десница была подвязана на уровне пояса и прикрыта тканью трабеи. Ярко горели свечи на столе и лампады перед образами.

Боярин рассказывал, как в лето 6711 двадцать четыре года назад был он зимой (конец 1203 г. от Р. Х.) в Торжке по своим делам. Там услыхал он от новгородских гостей, что в четвертый раз собрались латиняне в крестовый поход воевать за Гроб Господень в Святой Земле. Весть эта сильно

взволновала Бориса Творимирича. Вернувшись домой, прочел он «Хождение игумена Даниила в Святую Землю». Тогда и загорелось в его душе желание увидеть Вифлеем, Иерусалим и Гроб Господень своими глазами, и если нужно, то послужить там святому делу своим мечом. Съездил боярин в стольный Владимир и умолил князя Всеволода отпустить его за море. Один в дальний путь идти не решился. Небольшую дружину набрал из своих отроков и молодых, знакомых ему кметей, добровольно пожелавших пуститься с молодым боярином в дальний, полный опасностей путь.

Все присутствовавшие, включая старших княжичей, со вниманием слушали Бориса Творимирича. Тот продолжал рассказ. В месяц сечень (февраль) пристал он с малой дружиной в Киеве к большому купеческому каравану. С этим караваном и добрались они до Олешья санным зимним путем. Уже по весеннему льду — до острова святого Эферия в устье Днепра. Далее было Русское море, где льды топило весенним солнцем и разметывало ветром. Через две недели боярина и его малую дружину с небольшим товаром взяла на борт греческая галера, шедшая с грузом белой рыбы и воска до Цареграда. Лед уже сошел на Русском море, и быстро побежала их галера под парусами и на веслах к стольному граду Империи ромеев. В начале месяца березозола (апреля) был Творимирич со своей дружиной уже близ Цареграда на Босфоре. Неспокойно было в это время в Цареграде. У стен со стороны моря, называемого греками Пропонтидой (Мраморным), стоял многочисленный латинский флот. Встречавшиеся им греческие мореходы рассказывали, что крестоносцы-латиняне собрались у стен города, чтобы морем идти в Святую Землю. Обрадовался вначале тому известию боярин, однако скоро узнал, что вот уже год как стоят латиняне с флотом у стен града. Большие ладьи и насады (корабли) латинян: галеры, юисье и нефы ходили под парусами на море, перекрыли вход в залив Золотой Рог и с трудом впустили туда галеру с русичами. С грека — хозяина

галеры взяли большие деньги и часть товара за проход, да и то пропустили лишь тогда, когда узнали, что знатный русский муж идет в Святую Землю с дружиной. Небольшой латинский град Галата, что стоит через залив напротив Цареграда, был весь полон ратными франками — рыцарями и оруженосцами. Венецианские фряги со своими кораблями и войском были с ними заодно.

Галера высадила русичей на южном берегу Золотого Рога недалеко от того места, где находился русский квартал «Эмвол». Огромный и красивый каменный город, венчающий высоты над Босфором, уже издали поразил паломников своим видом. Но когда они оказались среди его величественных стен, башен, огромных каменных зданий, порой достигавших высоты церковных крестов, храмов, возвышающихся над этими зданиями, когда они смогли измерить своими ногами безмерную длину многочисленных улиц и площадей, вымощенных брусчатым камнем и плитами, то удивлению их не было предела.

Остановившись в одном подворье, владельцем которого был русич, живший в Цареграде и женатый на гречанке, Борис Творимирич и его содруги узнали, что более чем за два месяца до их прибытия в месяц просинец (январь) здесь была большая котора и пря. Что царей Алексея IV и его отца Исаака II Ангелов свергли со стола и убили. Власть взял новый царь Алексей V по прозвищу Мурзуфл (Нахмуренный). Он и отказал латинянам, собравшимся в Святую Землю, в уплате долга, что обещал выплатить Алексей IV в помощь за возвращение царского стола. Латинские рыцари стали готовиться к нападению на Цареград, а римские бискупы (епископы) и попы благословили их на это. Правда, часть латинских рыцарей не захотела воевать против православных греков, считая их своими братьями во Христе. Эти рыцари на нескольких кораблях ушли из-под Константинополя в Святую Землю. Про тех же латинян, что остались, говорили, что они

даже не считают православных за христиан. Ромейские вои и народ, видевшие со стороны морских стен латинский флот, рассказывали, что латиняне связывали корабли попарно и устанавливали на них деревянные башни. Борис Творимирич, думавший вначале добраться до Святой Земли с латинянами, понял, что мечта его может и вовсе не осуществиться. Тем временем русичи осматривали город и знакомились с ним. Особенно восхитил их собор Святой Софии, который они пока успели только обойти и осмотреть со всех сторон снаружи. Слишком велик показался он им в сравнении не только с Успенским собором Пресвятой Богородицы во Владимире, но и со Святой Софией в Киеве. Решили отстоять в нем литургию в неделю (воскресенье). Издали с восхищеньем обозрели они Акрополь, ипподром и древние царские дворцы, возвышавшиеся на холмах над лазурной Пропонтидой, где вдали под парусами ходили латинские насады. Долго бродили они по форумам, площадям и торгам Цареграда, удивляясь богатству его товаров, производимых здесь или стекавшихся сюда со всех стран мира. Приценивались, что-то покупали себе на память. Но замыслы Бориса Творимирича и его людей не смогли исполниться из-за дальнейших событий.

В пятницу утром 9 апреля тревожный гул колоколов с монастырских звонниц и оборонительных башен разбудил спавший Цареград, призывая ромейские войска и горожан дать отпор крестоносцам со стороны Золотого Рога. Первыми ударили в сполох и загудели колокола монастыря Пантэпонта, монахи которого ранее других заметили флот крестоносцев. Затем этот сигнал был подхвачен стражей и усилен звонницами Влахернского дворца. Следом забили набат колокола храма св. Хора и других храмов и соборов столицы. Боярин и его содруги раздумывали недолго и решили постоять за своих единоверцев. Оборужившись и вздев легкие доспехи, они быстро вывели и заседлали коней и тотчас поскакали к воротам у Влахернской гавани, ибо туда бежал вооруженный

чем попало народ и двигались отдельные отряды наемников и ромейского войска. Не только хорошо вооруженные мужчины из числа городских ремесленников и купцов примкнули к войскам, поднимавшимся на стены. Туда же спешили подняться женщины, старики и отроки. На стенах и башнях уже кипятили котлы со смолой. Наверх поднимали бревна и камни, заранее сложенные у основания стен на случай приступа. Множество камнеметов и орудий в виде медных труб, извергавших «греческий огонь», были уже приготовлены к бою. Борис Творимирич и его люди дали понять грекам, что хотят помочь им в обороне града, и их поставили в верхах воротной вежи у Влахернской гавани. С ее высоты был хорошо виден латинский флот, развернутый для приступа вдоль залива на несколько полетов стрелы. На галерах, баржах и юисье были установлены во множестве большие и малые камнеметы и башни. Многочисленные латинские воины и моряки стояли на кораблях у орудий, располагались на мачтах, у перекидных мостиков, готовые к бою. Легкий ветер играл в редких парусах, но корабли в большинстве своем шли к стенам на веслах.

Противоположный берег Золотого Рога уже был покрыт легкой зеленью виноградников и садов. Левее башни, на которую поднялись русичи, на высоком зазеленевшем холме близ Влахернского дворца был раскинут большой алый шатер императора Алексея V. Сам император пребывал поблизости в окружении свиты и охраны. Часть императорских людей трубила в серебряные трубы и била в барабаны. Войска на стенах готовились к отпору. Колокольный звон в монастыре Пантэпонта стал тише. Солнечные лучи засверкали над заливом и городом. Ласковое голубое весеннее небо, воды Золотого Рога и Босфора были лазурны и чисты. Ветерок тихо пел в высоте между бойниц, в каменных изгибах башен и стен.

Когда латинские корабли уже должны были вот-вот причалить, а венецианские моряки и франкские воины уже

взобрались на перекидные мостики для того, чтобы пойти на приступ, ударили камнеметы с латинских кораблей, а со стен на них полетели со свистом огромные камни и тучи стрел. Струи греческого огня вырвались из медных труб. Некоторые латинские корабли охватило пламя, и там людям стало не до приступа. Сотни крестоносцев оказались сразу ранены или убиты тысячами стрел и камней, множество людей, охваченных пламенем, бросалось в воду и тонуло под тяжестью доспехов. Десятки метательных орудий на кораблях были раздавлены, разнесены в куски или превращены в щепы, так что никто не отваживался оставаться с ними поблизости. Большинство латинских кораблей отошло на расстояние полета стрелы, и за дело взялись лучники и арбалетчики. Началась перестрелка с дальнего расстояния, которая не могла привести к приступу или большим потерям с обеих сторон. Фряжские моряки пытались еще несколько раз подвести корабли ближе к причалам, но тут вступали в действие камнеметы, которые, правда, не могли полностью разрушить корабли, хорошо укрытые настилом из толстых досок и сетями, сплетенными из виноградных лоз, но все же крушили мачты, весла и борта, убивали и увечили людей.

Бой заканчивался. Латиняне отошли к северному берегу залива. Воины оставляли корабли, спускаясь по сходням или рассаживаясь по лодкам там, где нефы и юисье не могли приблизиться к берегу из-за мелководья. Убитых и раненых сносили на руках и носилках. В стане западных воинов царили недоумение и уныние. На стенах, башнях и площадях Цареграда, у Влахернского дворца ликовали народ и войско, в храмах и монастырях города духовенство служило благодарственные молебны, лился праздничный перезвон колоколов. Императорское охранение победно трубило в трубы.

Ни в тот день, ни на следующий приступы не возобновлялись. Усилившийся ветер доносил со стороны Галаты и Босфора стук многочисленных секир, молотов и крики людей.

Галата как будто превратилась в муравейник. По Пропонтиде, Босфору и Золотому Рогу ходили большие волны, с гулом разбивавшиеся о береговые камни. Небо часто закрывали легкие весенние тучи. Солнце выглядывало редко. Из-за военной грозы русичи так и не собрались отстоять литургию в Святой Софии, но молились в храме Святых Апостолов, что был ближе к их подворью. В тот день в храмах Галаты и по другому берегу залива тоже было слышно пение и колокольный звон. Франки и фряги служили свою латинскую литургию. На третий день после боя у Влахернской гавани стало видно, как полки латинян двигались вдоль противоположного берега залива и грузились на корабли вместе с лошадьми.

Утром 12 апреля колокола и била Цареграда вновь подняли тревожный сполох. Боярин Борис Творимирич и его люди с легким оружием, с луками и тулами, полными стрел, в легких доспехах оставили подворье. Сбегавшийся народ и глашатаи дали понять, что теперь латиняне нападают со стороны Перы. Русичи двинулись к стенам в общем потоке. Поднявшись на стены, Борис Творимирич увидел, что они находятся на семь-восемь полетов стрелы южнее Влахернской гавани. Башни и стены Цареграда поднимались здесь местами прямо из воды. Порой их основания опирались на береговые валуны и камни. Высота башен была увеличена на несколько ярусов за счет деревянных надстроек. Их деревянные части были покрыты толстыми сырыми кожами. Галата располагалась восточнее и отсюда была в два раза ближе — в трех-четырех полетах стрелы. Да и залив был здесь почти в два раза шире, что предоставляло простор движению кораблей. Флот латинян вновь растянулся широким фронтом против стен и башен Цареграда. Казалось, что число кораблей увеличилось.

Корабли приблизились к крутому берегу и стенам насколько могли и бросили якорь. Потоки стрел, камни и струи греческого огня обрушились на град и его защитников. Греческий огонь не мог одолеть башни, покрытые сырыми кожами, но

люди, попавшие в этот шквал пламени, превращались в пылающие факелы. Стенания и вопли разнеслись по стенам. На горевших людей набрасывали мокрые кожи, сбивали огонь старым тряпьем и одеждой. Защитники Цареграда ответили сотнями стрел. Пустили свои стрелы и русичи в сторону фряжских кораблей. Более шестидесяти камнеметов метали в сторону латинян свои снаряды. Почти каждый удар попадал в цель. Но палубы кораблей были хорошо защищены дубовым настилом и виноградной лозой. Камни же были так велики, что один человек не мог бы поднять такой камень с земли. Они крушили мачты, реи и оснастку судов, но уже реже поражали и калечили латинских моряков и воинов. Тысячи стрел вспархивали как стаи смертоносных птиц то с кораблей в сторону града, то со стен в сторону латинского флота. Вот тогда и потеряли русичи своего первого товарища, кому стрела вошла прямо в горло, чуть ниже подбородка над скрепой бармицы. Тулы русичей вскоре опустели. Взявшись за мечи и секиры, они прильнули к заборолам* стен и притаились, ожидая сечи. Лишь Борис Творимирич стоял у бойницы и оглядывал все окрест, запретив своим людям показываться до времени.

Во всем латинском флоте имелось не более четырех или пяти нефов, палубные надстройки которых могли бы достичь высоты городских башен. Накал сражения нарастал. Усилился ветер и поднял большие волны. Вскоре боярин заметил, что большой неф ударило об одну из башен, поднимавшуюся правее прямо из воды. Крепкий корабль затрещал, но устоял от удара о каменную кладку. Он увидел, что этим воспользовалось несколько отчаянных латинских воев, сумевших прыгнуть с корабельного мостика на градскую вежу. Волны вновь отнесли неф, но через какое-то время он опять ударился кормой о башню, и смелый латинский воин смог уцепиться за деревянную надстройку вежи. Там явно завязалась схватка. Отчаянные латиняне отбросили греков и наемников на нижние ярусы. Тем временем фряжские моряки

смогли крепкими веревками привязать свой корабль к башне. Греки и их наемники англосаксы и датчане были разгромлены и оставили башню. Борис Творимирич пытался было указать ближайшему греческому протостату (начальнику) на опасность того, что происходило всего в полете стрелы от них, но тот в пылу схватки лишь отмахнул рукой. Осмотревшись, боярин увидел, что и в других местах крестоносцы прочно ставили свои корабли на якорь близ стен и перекидывали длинные мостики на каменные укрепления града. Несмотря на потоки стрел и удары камней, латинские вои овладели уже четырьмя береговыми башнями. Несколько десятков рыцарей, оруженосцев и пехотинцев, высадившихся с корабля на каменистый берег, укрываясь щитами от потоков кипящей смолы и огромных камней, низвергаемых со стен, ломами, секирами и мечами проламывали каменную кладку у основания стены, видимо в том месте, где был заложен небольшой лаз. Еще в одном месте латиняне смогли разбить башенные ворота у морских причалов. Их юисье подошли туда же, и крестоносцы стали сводить на землю коней. Рыцари садились верхом, хватали копья и с ходу въезжали через распахнутые ворота в город.

Борис Творимирич понял, что градская оборона ромейской столицы пала, и велел своим людям оставить стены. Русичи быстро связали ремнями два копья, покрыли их плащом и, уложив на эти носилки своего погибшего содруга, сошли со стен в город. Греческие войска и вооруженные горожане в панике оставляли береговые укрепления, бежали внутрь города или в его северные кварталы — туда, где располагались силы императора Алексея Мурзуфула. Многие раненые и убитые были оставлены на месте схватки. Сумятица была полная. Однако в этой сумятице русичи, двигавшиеся к своему подворью с покойником на руках, видели, что на одной площади, расположенной недалеко от стен, большой отряд ромеев и наемников был смят напуском рыцарской конницы. Русичи

смешались с отступавшими, но держались друг за друга и не потерялись в общем потоке.

Наступил вечер, темнело. К ночи стычки у оборонительных стен, протянувшихся вдоль залива, прекратились. Угомонился ветер, погасив гул прибоя. Крестоносцы, плохо знавшие город, боявшиеся ночных нападений, не двигались с места и разбили свой временный лагерь внутри города близ городских стен и башен.

Неспокойной была та ночь в Константинополе. На площадях, форумах и перекрестках улиц толпился народ разных сословий и разного рода занятий. Люди о чем-то громко говорили, спорили на своем языке. Крытые возки везли женщин и детей в сопровождении вооруженных всадников с факелами к западным воротам города. Это семейства знати и купцов покидали столицу, уезжали в свои отдаленные вотчины, поместья или Бог весть куда. По слухам, все ворота града были отворены; бежали, уходили все, кто куда мог и куда хотел. Хозяин постоялого двора — русич сообщил Борису Творимиричу и его людям, что цареградские динаты (знать) собираются в храме Святой Софии и хотят венчать на царство своего нового ставленника, так как Алексей Мурзуфл постыдно бежал, оставив царский стол, свой народ, войска и город на произвол судьбы. Русичей, взволнованных и остро переживших бой за стены града, заинтересовали эти известия. Исполнив краткую молитву, они отнесли своего покойного в подклет подворья, оставив его лежать у ледника. Следом решили сообща идти в храм Святой Софии, оставив коней у коновязи. Без тяжелых щитов и копий, но в шеломах и кольчугах, с мечами и секирами на поясах Борис Творимирич и его малая дружина вышли на улицу и двинулись в город. Хозяин подворья взялся сопровождать их. Встречавшиеся на пути с испугом и с осторожностью расступались, пропускали вооруженных русичей. Может быть, греки думали, что это идут латиняне, и потому издали их один раз осыпали кам-

нями. Однако проводник русских стал кричать на греческом и предупредил новые столкновения. Чем ближе подходили они в темноте к Святой Софии, тем больше народа с факелами встречалось им на площадях. Отдельные горожане были вооружены, но далеко не все решались на какие-то действия. Узнавая о том, куда двигались русские, греки небольшими группами присоединялись к ним.

На площади перед храмом все же было немало народа, но вооруженных было немного, да и те в большинстве своем являлись наемниками царской гвардии — англосаксами и датчанами. Все врата храма были распахнуты, но внутри него было немноголюдно. Храм был залит потоками света, излучаемыми тысячами огней от свечей и лампад. Перед входом в Святую Софию Борис Творимирич и его люди сняли шеломы и держали их в ошеей руке у пояса. Входя в храм, крестились двумя перстами, склоняли головы. Когда стали осматриваться, то всех сразу поразили невиданные размеры здания и огромный купол, утонувший, казалось, где-то в полутемной дымке ночных небес. Великолепные золотофонные мозаики, смальта которых искрилась тонами всех цветов мира, полы, стены, столпы и пилоны, отделанные разноцветным мрамором, богатейшее убранство из парчи и шелковых тканей, золотая и серебряная церковная утварь сияли и переливались отраженными огнями всех цветов радуги. Слышно было, как где-то читали часы. В пределах центрального нефа* находилось несколько сот человек в дорогих одеждах греческого покроя, многие были в доспехах и с оружием. Видно было, что все эти люди кого-то ожидали. Почти не привлекая к себе внимания, не расходясь по сторонам, русичи стали осматривать огромный храм, продвигаясь вдоль его стен и столпов. Много красоты увидел в ту ночь боярин. Но запомнилась ему более всего золотофонная мозаика в одном из приделов, где была изображена Богородица с младенцем Исусом и предстоящие перед ней цари — Константин Великий с Цареградом в руках,

и Юстиниан Великий, держащий Святую Софию на дланях. Все это по надписям пояснил ему русич — хозяин подворья. Боярин остановился ненадолго и залюбовался образом. Богородица в сиренево-синих ризах с золотыми крестами на плечах восседала на царском столе и держала на коленях двухлетнее Дитя в золотом гиматии, прижимая его к себе. Ее милостивые и добрые глаза обращены были на Бориса Творимирича. Боярин дрогнул всем сердцем. И тут в храме стало шумно, послышался гул многочисленных шагов. Русичи поспешили под своды центрального нефа.

Изумленная и взволнованная рассказом княгиня переспросила у боярина о Богородице. Но князь Ярослав, с нетерпением привстав из-за стола, нежно обнял княгиню за плечи, прося боярина продолжать. Борис Творимирич отхлебнул вина, внимательно обвел взглядом притихших слушателей и продолжил рассказ.

Он рассказывал, как в распахнутые врата Святой Софии вошло еще более ста человек во главе с невысоким, но крепким на вид человеком в доспехах, поверх которых была наброшена трабея темно-вишневого цвета. Он был темноволос, имел правильные и мужественные черты лица, большие голубые глаза и коротко остриженную бороду с легкой проседью. Рядом с ним было много знатных сподвижников и небольшая дружина с оружием и в доспехах. У врат собора встали на стражу греческие вои с копьями и мечами. Человека, вошедшего в собор во главе свиты, звали Константином Ласкарисом. Из полутемных глубин храма к нему навстречу вышло несколько десятков священников во главе с самим патриархом. Взятый ими за руки, отведен был он к аналою, где произнес на греческом какие-то слова и целовал Святое Писание, вынесенное из алтаря. Затем воины и знатные мужи принесли большой щит и положили к ногам Ласкариса. Тот вступил на щит и был поднят вверх знатными мужами и дружиной. Под крики своих сподвижников Ласкарис вновь громко произнес

какие-то слова и был опущен на пол. Русичам объяснили, что сей муж провозглашен императором и хочет призвать народ для отпора латинянам. Далее в сопровождении патриарха, священства и своих сподвижников Ласкарис вышел из храма через южный портал в сторону дворца. За ними последовали все, бывшие в храме. Сотни людей уже стояли на площади, ожидая Ласкариса. Царь обратился к народу, неотступно увещевая и поощряя его к сопротивлению франкам и фрягам. Хозяин подворья переводил его слова русичам. Народ волновался, люди громко обсуждали слова государя, не решаясь на какие-либо действия. Русичи с напряжением дерзновенно сжимали оружие, готовые драться. Вдруг среди толпы Борис Творимирич и его люди услышали родную речь:

— Не имуть грекы православного царьства и Цареграда от сего дни. Все имуть предасте в руцы латынянам!

Освещаемый отблесками факелов и первыми проблесками рассвета, громко и с горечью сказал эти слова дородный муж, одетый в русскую купеческую сряду. Его окружало человек десять молодцов с секирами и мечами в руках. Обрадованные присутствием земляков, русские кмети и боярин сразу же заговорили с ними. Те оказались новгородскими купцами во главе со своим сотским Всеславом Ядрейковичем.

Между тем Константин Ласкарис обратился за поддержкой к наемникам — датчанам и англосаксам, стоявшим отдельной группой в стороне от всех. Вооруженные копьями, секирами и мечами, одетые в хорошие доспехи и шеломы, те о чем-то долго переговаривались между собой. Наконец их предводитель вышел из толпы воинов и сообщил, что они могут оказать содействие лишь за деньги. Ласкарис махнул рукой и вновь обратился к народу. Но никто не поддержал его. Тем временем уже совсем рассвело. По толпе пронеслись волнение и шум. Вдали со стороны форума императора Феодосия показались ряды конных и пеших латинских воинов в полном вооружении и доспехах. Люди побежали от храма в разных направлениях.

Константин Ласкарис тяжело вздохнул, вновь махнул рукой и в сопровождении своих сподвижников и небольшой дружины поспешно тронулся в южном направлении в сторону гавани Юлиана. Недолго раздумывая, русичи также поторопились к своим подворьям. В городе начинались невиданные дотоле сполох, насилие и грабеж. По пути распрощались они с новгородцами и уже к раннему утру достигли своего подворья. Там заплатили хозяину за постой, дали денег, чтобы совершил молебен и отпевание за убитого земляка. Просили, чтобы положил покойного где-нибудь в ограде русского храма. Собрались быстро, нагрузили оставшимся товаром небольшой возок, купленный у хозяина. И тут один из молодых кметей предложил боярину не торопиться отъезжать далеко от Цареграда, а скрытно у дороги подождать его двое суток где-нибудь в пятидесяти верстах от города. Он задумал переодеться в греческое платье и сведать все, что сотворится в городе за день-два. Если же к утру третьих суток его не будет, то другим следовало уходить без него. Подумав, боярин одобрил кметя. Договорились, что будут ждать его на дороге, ведущий из города через Харисийские ворота.

Русичи оставляли город в тот час, когда утро уже уверенно вступило в свои права. Солнце заливало розовым светом улицы Цареграда. Огромный и прекрасный город целиком еще не был тронут рукой завоевателя, но, судя по доносившимся из древней его части крикам, гулу и начавшемуся колокольному сполоху, там происходило что-то невообразимое. Ветерок принес откуда-то первый дым пожара. Окраинными улочками и переулками с помощью проводника русичи миновали центральные улицы по пути к Харисийским воротам. Окраины были еще тихи. Улицы здесь были пустынны, и подковы коней звонко стучали по каменным мостовым. Беднота тревожно выглядывала из окон, недобро осматривая проезжавших. Голодные дети в лохмотьях подбегали и просили милостыню, но тут же возвращались обратно на окрик матерей. Во

Влахернском дворце уже были латиняне, и там начинался грабеж. Городские ворота были распахнуты. Башня ворот была пуста.

Попрощавшись со своим провожатым, русичи дали шпоры коням и поскакали по дороге на Адрианополь. Первые часы пути они нагоняли лишь небольшие кучки беженцев, но к полудню они догнали целый караван груженных кладью возов и повозок с детьми и женщинами в сопровождении вооруженных людей: господ, их воинов и слуг. Как умели, расспрашивали они встречавшихся и узнали, что большинство бежавших из города держит путь на Адрианополь, а оттуда в страну болгар к царю Иоаннице Асеню. По их словам, Иоанница был могучим православным правителем, имел большое, сильное войско и враждебно относился к латинянам. В полдень русичи остановились в небольшой оливковой роще, расседлали и напоили коней у старого колодца, испили воды и, слегка закусив, стали ожидать молодого кметя, оставшегося в Цареграде. Поднявшись на невысокий холм, у подножия которого разрослась заброшенная оливковая роща, Борис Творимирич воззрел на восток. Там в голубой весенней дымке у синевшего далеко моря раскинулся россыпью своих красных, розовых, белых стен и куполов огромный, величественный и прекрасный город — столица православного мира, отданная на разграбление и поругание еретикам. Ветер уже почти не доносил еле слышимый гул его колоколов и запах дыма с его пожарищ. Но Борис Творимирич, внимательно и долго всматривавшийся вдаль, как будто впитывал в себя эти еле уловимые звуки и запахи. Сердце щемило от великой скорби, словно как от неразделенной любви. Он осознавал, что никогда не забудет и не простит случившегося.

— Се град еси мой Иерусалим. Се еси мой хрест! — твердил он сам себе со слезами на глазах, понимая вдруг, что позвало его в дальний путь из отчего дома.

* * *

Русичи прождали своего соглядатая до вечера следующего дня. Уже смеркалось, когда прискакал их молодой содруг с обветренным и красным как от загара лицом, весь пропахший дымом пожара, испачканный черной сажей. Испив холодной, родниковой воды и ослабив коню подпруги, он начал сбивчиво, но с нарастающей злостью и красноречием рассказывать дружине о том, что творилось все последние сутки в Цареграде. Вот тогда и подивились русичи тому, что сотворили с древнейшей столицей христианского царства те, кто называл себя «Божьими пилигримами» и «рыцарями Креста».

Казалось, что вскрылись давно зарубцевавшиеся раны души, и пережитая боль снова овладела старым боярином Борисом Творимиричем, когда он рассказывал своим слушателям об увиденном и услышанном. По словам кметя, безудержное насилие творилось тогда в Цареграде. Население города, предавая себя в руки судьбы, вышло навстречу латинянам с крестами и святыми иконами, но это не смягчило души латинян, не умилило их и не укротило их мрачного и яростного духа. Под звуки труб их конница и пехотинцы заполнили улицы и дома. Молодых девиц и жен волокли по улицам за волосы из домов, чтобы надругаться над ними. Всех мужей и молодь кололи мечами и копьями, если те пытались вступиться за своих сестер, жен и матерей. Во всех домах двери и окна были распахнуты или выбиты, и внутри творился невообразимый грабеж. Женский вой и стенания, крики мужчин оглашали улицы и дома. Тех, кто пытался воспрепятствовать грабежу и защитить свое добро, выбрасывали из окон верхних палат высоких домов. Драгоценную утварь и одежды выбрасывали на улицы и увозили для дележа как добычу. Все, что было слишком тяжело для переноса или не умещалось на возы, разрубали не части не мешкая. Огонь, охвативший более половины города, лишь разжигал страсти и поспешность захватчиков. Почти никто не заботился о том, чтобы тушить пожары. Целые кварталы, оставленные людь-

ми, съедала огненная стихия. Начавшийся к вечеру дождь как-то остановил пламя.

Грабеж города продолжался. Разграблены были не только дома, но и дворцы, и храмы. Франки и фряги сокрушали искуснейшие изваяния святых и древних царей, лошадей и львов, великолепные столпы и колонны из мрамора и драгоценных камней и отвозили их на свои корабли. В домах и храмах срывали с икон золотые и драгоценные дары, не задумываясь, разрубали и святые иконы, расхищали мощи святых и богатейшую церковную утварь: книги, потиры, напрестольные кресты, дарохранительницы и ковчеги, срывали дорогие церковные завесы, громили церковные врата, вышибая из них золотые гвозди, засовы и петли. Святое причастие было разлито или разбросано по земле и топталось ногами грабителей. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши: их украшения прятали за пазуху, а из них пили вино как из бокалов. Разграблена была и Святая София. Святые налои необыкновенной красоты, затканные драгоценностями, были разрублены на куски и разделены между воинами. Когда им было нужно вынести из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которыми были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами. Животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но грабители били их, и те осквернили своим калом и кровью священный пол храма. Какая-то пьяная женка, преисполненная греха, была посажена латинянами на патриарший трон. Она пела неприличные песни и, ломаясь, скакала вокруг.

Грабители предавались диким пиршествам и увеселениям, осмеивали греческие обычаи и одежды. Другие носили письменные приборы, чернильницы и держали в руках тетради, желая осмеять греческих писателей и греческую мудрость. Большинство же забавлялось тем, что сажало на

лошадей задом наперед обесчещенных ими женщин, завязав им волосы в узел и откинув их назад. Все это сопровождалось безудержным бражничеством и чревоугодием, хохотом, ругательствами и другими бесчинствами.

Княгиня Феодосья громко всхлипнула и этим прервала рассказчика. Она подняла плат к лицу и стала вытирать катившиеся сами собой слезы. Борис Творимирич оторвался взглядом от сузившихся в зрачках и суровых глаз князя Ярослава и осмотрел присутствовавших. Княгиня плакала. Княжичи, открыв рты, как зачарованные, не мигая, слушали боярина. Кто-то из ближних бояр утирал платком или рукавом капельки пота, выступившие на лбу, кто-то пытался незаметно смахнуть накатившую на глаза слезу. Молчал посуровевший глазами и лицом князь Ярослав. Губы его были твердо и плотно сжаты, кирпичного цвета румянец играл на скулах и щеках. Молча он сделал боярину жест рукой, велев продолжать. Творимирич выпил вина и, видимо, сдерживая былую боль, напомнившую о себе, уже более сдержанно продолжал рассказ.

С ранней зарею русичи тронулись в Адрианополь. Через три дня пути они достигли его стен. Город был переполнен беженцами из Цареграда. Кто-то намеревался укрыться в самом граде, кто-то торопился в свою вотчину в Иллирии, Македонии, Эпире или в Южной Элладе. Кто-то направлял свои стопы в Болгарию под защиту царя Иоанницы Асеня, прозываемого Калоиоанном (Иоанном Добрым). Пять дней пробыли русичи в Адрианополе, хорошо осмотрели этот большой и красивый град, который все же вчетверо был менее Цареграда. Побывали в храмах и на торгу. Узнавая вести, решали, куда направить далее свои стопы. Вездесущие греческие купцы вели оживленную торговлю продовольствием: мукой, пшеницей, сыром, вином. Потолкавшись по торгу, русичи заметили, что там много болгар. Те бойко теснили греческую торговлю, предлагая покупателю неплохое

вино, мед, вяленое мясо, рыбу, сушеные фрукты, недорогой холст, льняные ткани, кожаную обувь и одежду. С болгарами можно было объясняться и разговаривать без толмача. Расспрашивая их, Борис Творимирич и его люди узнали, что царь Иоанница собирает войско для похода в ромейские земли против латинян, и многие знатные греки уже перешли к нему. Общим советом решили держать путь в стольный град Болгарии — Тырново.

* * *

Путь в Тырново лежал через горы. Двадцать с лишним дней добирались туда русичи. Наконец среди гор перед ними предстали два небольших болгарских града с каменными стенами, вежами и церквами. Грады стояли недалеко друг от друга на вершинах гор и были окружены неприступными скалами и пропастями. На подолах и в долинах между этих градов раскинулись многочисленные посады и селения. Народа в тех местах скопилось множество. Десятки тысяч людей съехались и сошлись в эти места. Царь Иоанница Добрый принимал всех: беженцев от латинян, воинов, торговый и ремесленный люд, землепашцев с семьями от стара до млада. Царь укреплял стенами грады и селения, строил в них христианские храмы, собирал войска. Рассказывали, что сам он был женат на половецкой княжне. И что в союзе с ним большая половецкая орда. И действительно, в одной из ближайших долин русичи вскоре встретили огромное кыпчакское кочевье с многочисленными шатрами и стадами скота. Половцы вели себя высокомерно, но не вызывающе. Болгарские селения бессменно охраняла большая стража. Видно было, что грабить мирных земледельцев здесь в горных долинах им не позволяли. Да и далеко ли уйдешь с награбленным добром, окруженный со всех сторон горами. Плату же от царя за службу в войске, по слухам, половцы получали немалую. Невольно вспоминались русичам рассказы о том, как вели себя половцы на границах Южной Руси в бескрайнем Диком Поле.

Борис Творимирич и его люди поселились близ града Трапезницы, заняв на краю селения половину большого и теплого овина. Спали на сене рядом с коновязью. Варили себе еду на улице на костре. Товар весь распродали, но деньги еще были. Благо, хоть и постель из соломы, но есть крыша над головой и горячая еда. Коней кормили травой, сеном да фруктами и овощами, что быстро зрели и долго держались в богатых болгарских садах и огородах, редко покупали им овес или пшеницу. Сами с удовольствием вкушали винную ягоду, яблоки, груши, сливы, арбузы и другие спелые и сладкие плоды этой богатой и теплой земли. Коней холили и мыли у бурных горных рек. Правили, чистили доспехи, точили оружие. Крепко помнили о ратном ученье, ежедневно бились то мечом, то копьем и пеше, и комонно, чтобы рука не забывала оружия, а нога стремени. Наполнили тулы, нарезав сотни стрел из ровной и длинной лозы, насадив на них железные наконечники и оперив их. Били в цель из луков с коня. Как и тысячи других воев, пришедших в эти долины, собирались русичи в поход на латинян, который объявил и готовил царь Иоанница.

Лето и осень прошли быстро и незаметно. Теплая дождливая зима тянулась долее. Все чаще доходили до Тырнова и Трапезницы слухи о том, что латиняне провозгласили и венчали на царство в Константинополе знатного франкского мужа по имени Бодуэн. Рыцарское войско захватило Адрианополь, Фессалонику и многие другие города Фракии, Северной Эллады, города и земли на восточном малоазийском берегу Пропонтиды. По рассказам болгарских и греческих купцов, бежавших от латинян из Фессалоники и Адрианополя, там, в Малой Азии, латинянам сначала сопутствовал успех. Но затем у Бруссы греки разгромили западных завоевателей и отбросили их от родного города. Там же близ города Никеи стали собирать войска и громить латинян знатные мужи братья Ласкарисы — Константин и Феодор. Услышав эти

имена, припомнил Борис Творимирич последнюю их ночь в Цареграде. Вспомнил Святую Софию, озаряемую блеском огней и лампад, и знатного ромейского мужа Константина Ласкариса, провозглашенного императором и призвавшего народ к отпору захватчикам-латинянам.

Купцы рассказывали, что на северо-западе Эллады — в горах Эпира укрепился и собрал войско другой греческий динат — Михаил Ангел, являвшийся родственником бывших ромейских царей Исаака II и Алексея III Ангелов. Он венчался и помазался на царство в Эпире, и его столицей стал большой город Арта.

Слухи волновали и настраивали людей на скорое выступление в поход. Между тем закончились зимние дожди. Наступила быстрая весна. Тырново и Трапезницу облетело известие, что Михаил Ангел двинул эпирское войско в земли Средней Эллады, стремясь захватить Фивы и Афины и противостоять там латинянам. Среди знатных франков и фрягов начались распри и которы из-за дележа добычи. Так фряжский князь Бонифаций получил в свои руки Фессалонику и был венчан там королем, но хотел захватить еще больше земель и городов, и потому был немирен с царем латинян. Правда, говорили, что латинский царь Бодуэн стал готовить войска и флот к походу на Бруссу и Никею. Но следом пришли вести о том, что во Фракии, Македонии и Фессалии взмястились против франков и фрягов греки, болгары и македонские славяне. Греки Адрианополя избили латинское войско в граде и попрали власть латинского царя. Царь Иоанн Добрый решил, что медлить далее нельзя, и объявил о выступлении в поход. Накануне в долине между Тырновом и Трапезницей был проведен смотр всех полков болгарского войска.

Вспомнил Борис Творимирич, что ярким мартовским утром не менее трех десятков тысяч копий, сотни стягов и знамен были подняты над полками. Десятки тысяч болгар, тысячи греков, половцев и валахов, пришедших с севера из-

за Дуная, встали тогда единым строем на смотру. Основной силой болгарского войска являлась конница. Творимирич и его люди стояли верхи в конном полку болгар. В окружении вооруженной челяди и бояр проезжал вдоль полков царь Иоанн Добрый. Творимирич хорошо запомнил этого еще молодого и рослого человека с красивым, мужественным лицом. Он был без шелома, и весенний ветер развевал его длинные и волнистые русые власы, ниспадавшие прядями на доспехи из чешуи и малиновый корзн. Выслушивая воевод, царь кивал головой и, приветствуя воинов, сильным голосом громко желал им здравия и победы, вздевая вверх могучую десницу, облитую кольчугой и в кольчужной рукавице, и сжимая в длани сверкавшую булаву. Молодой и грозной силой веяло от самого царя и всего его войска, всю мощь которого составляли православные болгары, греки и валахи. И войска громким рокотом тысяч глоток приветствовали своего царя и полководца. И казалось, что ожидает это войско скорая победа и освобождение Цареграда, захваченного западными завоевателями.

* * *

Спустя три седмицы болгарское войско, преодолевшее трудный переход через горный хребет, подступило к Адрианополю. Ровно год прошел с той поры, как крестоносцы ворвались в Константинополь и этим положили начало войне православных государств и народов против западных завоевателей-латинян. В болгарском войске все уже хорошо знали, что франки и фряги во главе со своим царем Бодуэном осадили Адрианополь, били в стены града камнями из метательных машин и готовили лестницы и башни к приступу.

Наступило утро 14 апреля 6713 года (1205 г. от Р. Х.), которое хорошо запомнилось боярину Борису Творимиричу. С утра гнал по небу весенний ветер облака и тучи, изредка моросил легкий дождь, но было тепло. Полк болгарской конницы был поставлен в засаду в большой абрикосовой роще

близ какой-то реки. Густой кустарник и деревья скрывали три тысячи всадников. Восточнее на три полета стрелы простиралось заброшенное земледельцами, истоптанное лошадиными копытами поле. По полю только что прошла пятитысячная конная половецко-болгарская рать. Юго-западнее, у речной переправы и дороги, уходившей на запад — на болгарский град Клокотницу, располагались болгарские, валашские, греческие полки и отряды во главе с царем Иоанном. За полем на востоке начинался сосновый лес, росший у подошвы дальних синеющих гор. В этом лесу укрывался еще один большой конный полк. А там, вдали на юге, на красивых высотах раскинул свои стены, башни, хоромы и соборы град Адрианополь, осажденный латинянами. Сквозь разрывы облаков стало высвечивать солнце. И по обеим сторонам этих высот и града засверкали воды большой реки Марицы. И совсем далеко на юге за рекой и ее притоком засинели вершины высоких Родопских гор.

Тем временем половецко-болгарская конница продвинулась уже близко к стану франков и, видимо, осыпала его стрелами. Слышно было, как сполошно пели рога и трубы латинян. Видно было, как выезжали из стана конные рыцари и воины, строясь перед напуском на половцев и болгар. Вот вновь истошно запели рога, франки опустили копья и тронули коней. В конной сшибке, развернувшейся у стана, латиняне опрокинули ожесточенно сопротивлявшихся болгар и погнали их и половцев к переправе. В первом напуске со стороны франков участвовало не более четырех-пяти тысяч всадников. Но когда те погнались за отступавшими, из их стана выкатился полк числом еще больший, чем первый. И вся эта громада конницы устремилась и обрушилась на войска царя Иоанна Доброго. Как стало известно потом Борису Творимиричу, этот полк возглавил сам латинский царь Бодуэн. Перед станом латинян строились ряды франкской и фряжской пехоты с копьями, луками и арбалетами. Болгарс-

кие войска, закрывавшие дорогу и переправу, по звуку трубы тронули коней и понеслись в соступ на приближавшихся рыцарей. Сотни людей и лошадей полетели на землю еще до того, как сблизились и обрушились друг на друга два ратных вала, бряцавших железными доспехами и оружием. Тысячи стрел, пущенных еще до сближения, вырвали из ратных рядов сотни жертв.

Огромные массы конницы разлились по полю перед Адрианополем, сминая еще не истоптанные озимые посевы и виноградники. Усиливался ветер, разгонявший облака. Все чаще выглядывало из-за них ласковое весеннее солнце. Топот копыт и гул сечи все громче доносились до людей, находившихся в засаде. Им было видно, как в бранном порыве тысячи воинов, стремясь одолеть супротивника, наносили удары копьями и сотнями валили и вышибали друг друга из седел. Многие падали замертво. Другие, будучи ранены, еще пытались подняться и сесть в седло, если конь не вырвал поводья и не бежал от них. Всадники, обломавшие копья и близко съехавшиеся с ворогом, выхватывали мечи и сабли и уже шеломили, рубили и кололи ими. Сотни других всадников, не успев нанести удара копьем или потеряв копья в общей свалке, поворачивали коней и под руководством своих старших и воевод двигались на фланги разгоравшейся сечи, чтобы разить врага с плеча или со спины. Но тут же сталкивались с такими же отрядами других полков своего войска и увлекали их за собой, или наталкивались на противника и этим расширяли место кровопролитного столкновения. Десятки всадников, оторвавшихся от своих полков и отрядов, оказывались отрезанными и окруженными противником. Они, крутясь в седле и поворачивая коней то в одну, то в другую сторону, вращали мечами, шестоперами, саблями над головой и наносили удары наотмашь, почти не замечая, что эти удары доставали не только чужих, но и своих. Стрелы летели все реже, ибо ряды противников смешались, и битва стала разбиваться и дро-

биться на сотни и тысячи небольших смертельных схваток и поединков. Здесь уже каждый мог показать всю свою личную удаль и ратную выучку. Казалось, что рыцари одолевали и теснили болгар, половцев, греков и валахов.

Сражение, как приближавшаяся на море буря, поднимая волны, все более и более накатывало на тех, кто ожидал в засаде в абрикосовой роще. Сначала верховые крутились и дрались в двух полетах стрелы от засады. Затем хорошо стали слышны яростные и смертельные крики людей, звон скрещиваемых мечей и оружия, скепанье оружия о доспехи и шеломы, ржание коней. Кони тех, кто был в засаде, стали нервно бить копытом и отвечать ржанием на призывы своих сородичей, принимавших участие в сече. Верховые замелькали уже на расстоянии полета стрелы. Болгарский воевода велел трубить в рог, и все, кто еще не был в седле, тотчас оказались верхи. Воевода выхватил булаву и указал ей в сторону брани. Ретивые, застоявшиеся кони борзо вынесли засадный полк из рощи и понесли его ветром туда, где разворачивалась кровавая сеча. Лишь зоркие и меткие стрелки, хорошо различавшие доспехи и сряду франков, рискнули пустить стрелы до столкновения с ворогом. Все люди Творимирича были с копьями и круглыми щитами. Когда неслись на франков конным строем, никто не выбился, не отстал, все были обучены хорошо. Но многим впервые пришлось участвовать в такой большой конной сшибке. Да и сам боярин, бывавший в боях, впервые видел такое. Засадный полк налетел с десного плеча на отряд числом до трехсот рыцарей. Те уже перестроились для очередного соступа и разогнали коней, чтобы ударить в спину или в десное плечо валахам, теснимым к реке близ абрикосовой рощи. Первым же ударом в правый бок Творимирич свалил франка с коня, но обломил копье. Обнажая меч, он видел, как его молодой кметь не успел ударить своего противника, ибо конь франка, поваленного Творимиричем, шарахнулся и налетел грудью на коня молодого русского дружинника.

Увидев это, франк, избежавший удара, начал поворачивать и шпорить коня, дабы не получить удара в спину или десный бок, не прикрытый щитом.

— Язви его! Насунь копием, дондеже конь не поворо-ти! — во все горло орал Творимирич своему кметю. И тот, изловчившись, привстав на стременах, со второго раза достал франка копьем, но не выбил его из седла, а, видимо, лишь ранил. Крепкая кольчуга не дала сразить его насмерть. Рыцари, застигнутые врасплох, поворачивали коней в сторону своего стана и, отбиваясь мечами, пытались оторваться от засадного полка. Болгары и валахи преследовали их. Конница с ходу влетела на небольшой холм, на склонах которого уже были смяты коваными копытами коней и посечены молодые виноградники. Их лозы и листва были обагрены кровью и стали последним ложем для десятков воинов. В общем крике и сумятице преследования Творимирич привстал на стременах и увидел с высоты холма, как со стороны леса по истоптанному полю почти в спину и ошее плечо франкам наносил удар налетающий на них засадный полк, ранее стоявший в сосновом лесу. У дороги и переправы еще кипела ожесточенная сеча. Но Творимирич увидел, что рать франков железной подковой уже сжимали полки царя Иоанна, и она вот-вот должна была оказаться в кольце.

Битва еще продолжалась около часа. Конные рыцари были окружены, иссечены или сдавались в полон. Франкская пехота у стана была смята болгарской и половецкой конницей, а из города в спину ей ударили греки. Латинский царь был ранен в сече и попал в полон к болгарам.

* * *

Все население Адрианополя и болгарское войско ликовало. Казалось, что теперь царь Иоанн Добрый поведет войска на Цареград и изгоном* возьмет его, прогнав оттуда латинян. Однако неутешительные вести приходили в стан болгарского войска. Еще в марте накануне битвы за Адрианополь франки

под рукой Генриха — брата латинского царя — разгромили в Малой Азии войско Константина Ласкариса, отряд греков из Филадельфии и захватили город Адрамитий. Говорили, что Ласкарис погиб в сражении. Затем Генрих по призыву царя покинул Малую Азию и с большим войском, к которому присоединились армяне, высадился в Цареграде. Феодор Ласкарис заключил перемирие с франками в Малой Азии, и теперь у тех были развязаны руки для войны против Иоанна Доброго. Болгарский царь не решился идти на Константинополь, и война стала затяжной, изнурительной. Несколько раз болгары и их союзники ходили в походы против латинян. В мелких боях и стычках прошло еще полтора года. Болгары завоевали Македонию вплоть до Родопских гор. Македонские славяне и греки оказывали им помощь и изгоняли франков. Тем временем у латинян нашлись союзники в Малой Азии — трапезундские правители Давид и Алексей Комнины. Они заключили союз с франками против Феодора Ласкариса. Генрих был венчан царем латинян в Константинополе. Но по этому поводу между франками и фрягами происходили которы. Фряги не хотели видеть Генриха царем, и взамен на это требовали себе прославленый чудотворный образ Богородицы Одигитрии, писанный еще самим святым апостолом Лукой. И уже после того, как Генриха венчали на царство, фряги-венецианцы ворвались в собор Святой Софии и силой забрали себе чудотворный образ.

Услышав об этом, княгиня Феодосья опять тяжело вздохнула и прикрыла лицо вышитым платом. Борис Творимирич ненадолго прервал рассказ, помолчал минуту-две и вновь продолжил свое повествование уже без жара.

Война с латинянами после тех событий, по его словам, возгорелась с новой силой. Ласкарис во главе войска малоазийских греков разгромил тарпезундских правителей и отряд франков, пришедший им на помощь. Франки вновь переправили свои рати в Малую Азию и захватили города

Кизик и Никомидию. Распри в стане латинян постепенно утихли. Фряжский правитель Фессалоники король Бонифаций примирился с царем Генрихом, и они решили вместе отнять Адрианополь у болгар. Бонифаций выступил первым, но в конце августа 6715 г. (1207 г. от Р. Х.) под городом Мосинополем в горах ночью болгары напали на дружину короля Бонифация. Часть фрягов бросила своего короля и бежала. Бонифаций был ранен в плечо и дрался с остатками фряжской дружины до последней капли крови, пока все они не пали под натиском болгар. Вот тогда болгарский царь Иоанн и решил захватить Солунь (Фессалонику) — второй после Цареграда город былой Ромейской империи.

Наступил сентябрь, и спустя одну или две седмицы болгары осадили Солунь. Изгоном взять град не удалось. Начали строить пороки и готовить осадные лестницы для приступа. Неожиданно наступили холода, и даже выпал редкий для тех мест снег. Борис Творимирич и его дружина были тогда в болгарском войске. Не все было ладно тогда в царском окружении. То ли известный греческий стратиг Монастыр, служивший в болгарском войске, организовал заговор против царя вместе с болгарскими боярами, чтобы поставить в цари его сыновца Борилу, то ли подстроила заговор жена Иоанна — родом половчанка, полюбившая Монастыра, то ли подослали к царю латинских убийц, только погиб в начале октября царь Иоанн Добрый. Войску покойного не показали, и видели его только ближние бояре да воеводы. После этого болгарские бояре провозгласили царем Борилу. Войску было велено снять осаду с Солуни и вместе с телом царя двигаться в Тырново.

Теперь рассказчика остановил князь Ярослав. С интересом стал он расспрашивать Бориса Творимирича о событиях под Солунью и просил высказать свое мнение о смерти царя Иоанна. С печалью в голосе поведал Борис Творимирич князю Ярославу о том, что было у него в мыслях и на душе. Не хотели болгарские бояре более воевать против латинян. Вот

потому и решили сторговаться с фрягами, получив за Солунь большой откуп. В ту пору ударили лютые холода, каких давно не помнили в этой земле. Русичам было не привыкать к тому, но многие люди в болгарском войске померзли тогда, и начался мор. Видно простудился и царь Иоанн. Видел его больным Борис Творимирич, когда тот объезжал воинский стан у города. Наверно тем и воспользовались бояре и дали яд царю. Увезли покойного в Тырново и положили в храме Сорока севастийских воинов-мучеников, пострадавших за Христа еще при римском императоре-язычнике Лициний.

Недолго решали русичи, что им делать далее. Они вместе с сотнями греков, воевавших в болгарском войске, решили более не возвращаться в Тырново, а заплатить купцам и плыть на их кораблях в Малую Азию, чтобы поступить на службу к Феодору Ласкарису, ставшему к тому времени государем Никеи и Бруссы.

* * *

Далеко забросила русичей война от родного дома. Через несколько месяцев трудного пути были они уже в Никее. Там поступили в дружину Феодора Ангела, что доводился родным братом эпирскому царю Михаилу, но верой и правдой служил Ласкарисам. В том 6716 году (1208 г. от Р. Х.) Творимирич и его люди были свидетелями венчания Феодора Ласкариса на царство. И венчал его новый вселенский патриарх Михаил Авториан в самом большом соборе Никеи. Венчал так, как всегда венчали «императора ромеев». Вновь тогда вспомнил Борис Творимирич ночь на 13 апреля в Святой Софии, когда провозгласили базилевсом Константина Ласкариса — покойного брата Феодора. Все теперь было по-иному. Десятки тысяч людей собрались тогда в Никее, чтобы приветствовать нового царя. Видно было, что никейские греки любят своего нового государя и верят ему. В глазах большинства греков Малой Азии он стал единственным законным представителем власти и преемником ромейских базилевсов.

Богатым было Никейское царство. Цветущие города с развитым ремеслом и торговлей находились под защитой могучих каменных стен и башен. В Никее длина стен с башнями и воротами достигала шести с половиной верст. Немалыми градами были Брусса, Нимфей, Филадельфия, Кизик, Антиохия на реке Меандре. Тысячи сел с тучными пашнями, садами и виноградниками, стадами скота и табунами лошадей были достоянием Никеийского владыки. Множество незнатных, но добрых мужей и бояр со своими дружинами служило ему, получая за это пожалованья землей до срока и деньгами. Были в боярских и государевых вотчинах холопы, как и на Руси. Немногие смерды в той стране были закабалены «рядом» или «купой»*. И наоборот, множество смердов не знало какой-либо кабалы, а вольно пахало землю и служило либо в конном войске со своим конем и оружием, кого по-гречески называли «стратиотами», либо в пешем строю охраняло рубежи, и те звались «акритами». На Эгейском море Феодор Ласкарис завел флот и стал возвращать острова, отнятые фрягами-венецианцами. Через города Эфес, Милет и Смирну начал вести морскую торговлю.

Между тем эпирский царь Михаил Ангел захватил большую часть Фессалии. Фряжское королевство Фессалоники оказалось на грани гибели. Михаил обратился к никейскому базилевсу с просьбой отпустить к нему Феодора Ангела, как ближайшего наследника Эпирского царства. И Ангел со своей дружиной ушел в Элладу. Но русичи тогда не пошли с ним, хотя он звал их с собой.

Тем временем стало известно, что цареградские латиняне заключили союз с иконийскими турками-сельджуками против Никейской империи. Перемирие с латинянами было нарушено, и Феодор Ласкарис заключил договор с киликийскими армянами, постоянно враждовавшими с Иконийским султаном. Обе стороны готовились к новой схватке. Войну против Никеи первыми начали турки. К ним бежал Алексей III

Ангел, свергнутый еще молодым Алексеем IV, приведшим латинян в Константинополь. Зимой 6719 г. (1211 г. от Р. Х.) султан перешел рубежи никейских владений и осадил город Антиохию на Меандре. Узнав об осаде, Ласкарис оставил обоз и большую часть войска под городом Филадельфией, и с тремя тысячами конницы устремился на помощь Антиохии. В этом полку, ушедшем с императором к Антиохии, была и дружина русичей.

В жестокой сече, что произошла у стен города в месяце сечене (феврале), полегло более половины конного никейского войска. Тогда погиб еще один кметь Бориса Творимирича, зарубленный турецкой саблей и затоптанный копытами лошадей в конной сшибке. Силы слишком были неравны. Вышедший на помощь Ласкарису отряд антиохийцев был разбит. Казалось, что уже никакая сила не спасет никейцев и Антиохию. Но не таков был Феодор Ласкарис. Борис Творимирич не раз видел и хорошо запомнил этого базилевса никейских ромеев. Тогда ему еще не было и сорока лет. Это был человек невысокого роста, смуглый, с глазами разного цвета, с острой небольшой бородкой. Во многом он походил на своего брата Константина, которого Творимирич видел ночью в Святой Софии в канун захвата латинянами Константинополя. Но Феодор обладал еще большей настойчивостью, обаянием, неиссякаемой энергией и решительностью. Когда никейская конница оказалась уже зажатой в клещи и, осыпаемая стрелами сельджуков, отчаянно пыталась прорваться к воротам города, неожиданно ее движение было остановлено звуками труб, и перед строем полка показался выехавший из его рядов император в доспехах из чешуи, сверх которой была наброшена малиновая трабея. Не боясь стрел, он поднял знамя и громогласно что-то прокричал в сторону турок. Воин, бывший рядом с ним, прокричал слова базилевса по-турецки. Стрелы перестали лететь с обеих сторон. Через десять минут строй сельджукской конницы распался, и вперед выехал

султан Кей-Хюсрев в сверкавшей кольчуге и островерхом шеломе. Государи выхватили мечи и пустили коней друг на друга. Во время этого смертельного поединка не один воин ни с той, ни с другой стороны не шевельнулся, ни пустил ни одной стрелы. И десяти минут не прошло, как султан пал на землю в изрубленной кольчуге, истекая кровью, и испустил дух. Никейское войско воспряло и с остервенением бросилось на сельджуков, сминая их строй. Турки, превосходившие никейцев втрое, были разбиты наголову. Затем они заключили мир с Ласкарисом, а Алексей III попал в плен, был ослеплен и умер в Иакинфовом монастыре в Никее.

Тогда латиняне вновь начали наступление на Никейские владения. Они даже захватили Пергам и Нимфей. Но в мелких сражениях их рати были потрепаны и разбиты. Три года с переменным успехом шла эта война, в которой обессилели и греки, и латиняне. Лишь в 6722 г. (1214 г. от Р. Х.) был заключен мир в Нимфее. В тот же год никейские греки захватили города Ираклию и Амастриду у трапезундских царей и овладели частью побережья Русского моря. Правда, тогда же и турки захватили Синоп, во время осады которого погиб его государь Давид Комнин, а Алексей Комнин — государь Трапезунда — стал данником сельджукского султана. Вот тогда и призадумались русичи, что им делать. В Амастриде можно было сесть на купеческий корабль и, переплыв Русское море, прийти в Херсон или в устье Днепра к острову св. Эферия. А там, глядишь, доберешься до порогов, и Русь недалеко. Уже десять лет, как не видел Творимирич и его содруги Русской земли, все воевали «в греках». Душа истосковалась по родной земле и просилась домой. Но никого из них не ждали дома невесты, жены и дети. А от родителей не было вестей. Да уж и в греках-то привыкли. Двое из его дружины женились на гречанках и обзавелись семьей и домом в никейской земле. А также звал грамотой к себе на службу в Эпир ранее воевавших в его дружине воинов, Творимирича и его людей ставший

известным владетелем Феодор Ангел. Деньги и награды в сражениях его дружина получала немалые. Да и уж больно хотелось отобрать у латинян Цареград. И решил Творимирич с семью молодцами податься в Эпир и попытать счастья у Феодора Ангела. Лишь двое русичей из его дружины ушли в Амастриду и, наверно, сев на корабль, возвратились на Русь. С тех пор след их боярин потерял. Те же двое, что были женаты на гречанках, остались в Никее.

В августе 6722 г. (1214 г.) пришли русичи на торговом венецианском корабле из Эфеса в город Навпакт, что стоял на побережье в южных пределах горной страны Эпир. Там в Навпакте они и присоединились к войску Феодора Ангела. Пожалуй, что вдвое меньшим по своим владениям было это царство. Но сколько разных народов проживало там, на склонах гор и в горных долинах. На самом севере большими родовыми общинами жили албанцы, руководимые своими мужами-архонтами. В восточной части страны — македонские славяне, болгары и валахи. На побережье Адриатического моря, в Среднем и Южном Эпире — греки. Они же в основном исповедывали православие. Много было православных среди славян и валахов. Но всех их с трудом можно было назвать ревностными христианами, ибо в горных селениях многие были двоеверами, что поклонялись и Христу, и языческим богам. Во многом напомнил Борису Творимиричу Эпир родную Залесскую Русь. Но что отличало, так это то, что здесь же в горах проживало множество беглых еретиков-богомилов, в основном, болгар и македонских славян. И все это были свободные и вольнолюбивые люди, ненавидевшие западных завоевателей, несших с собой кабалу и гнет латинства. Чудной и дикой казалась чужеземцам эта страна виноделов, торговцев, воинов, пастухов и разбойников. Города здесь были небольшими, но хорошо укрепленными. Власть знатных мужей и динатов была намного сильней, чем в Никейской империи. Но правили они лишь в своих вотчинах — в горных долинах.

Царская власть чувствовалась лишь в крупных городах, царских селениях и землях. Но эпирский царь мог быстро собрать боеспособное войско и отразить нападение латинян. Благо, что и сама природа — неприступные горы, протянувшиеся с севера на юг, являлись естественной преградой для франков и фрягов, пожелавших подчинить эту страну себе.

Первые полтора года русичи почти не участвовали в боевых действиях, а лишь охраняли проходы в горах и подступы к городу Навпакту. Многие в дружине Феодора Ангела стали уже жалеть о своем уходе из Никейской земли. Но Ангел был человеком хитрым, осторожным и смелым. Он часто собирал дружину на пиры, где порой открыто и громко говорил о своей ненависти к латинянам и намекал на свои великие замыслы. Он был щедр и хорошо платил воеводам и кметям. И вот в 6723 г. (1215 г.) события вдруг понеслись и закрутились как вешняя вода в горной реке. Старший брат Феодора царь Михаил был убит заговорщиками ночью в постели в городе Арте. Обвинить Феодора в заговоре никто не мог, слишком далеко в ту пору был он от брата. Быстро собрав войско, Феодор двинулся на столицу и вошел в город без сопротивления. Там он принял царский венец, как и надлежало ему по старшинству и по договору с базилевсом Феодором Ласкарисом. Назначив следствие по убийству брата, он быстро выявил заговорщиков, которые оказались местными динатами, и казнил их без жалости. Быстро сплотив и подчинив себе эпирскую знать, он увеличил войско втрое. Главной целью его правления был разгром латинян и возвращение Константинополя.

Удача сопутствовала ему. Не прошло и года, как умер латинский царь Генрих. И царский стол в Цареграде латиняне решили передать знатному мужу, женатому на сестре покойного, франкскому князю Петру. В 6725 г. (1217 г. от Р. Х.) этот князь собрал войско в своем королевстве франков и прибыл в Рим, где был венчан на царство в Константинополе самим папой. Оттуда венецианские фряги переправили франков

под эпирский город Диррахий. Но албанцы и греки отбили латинян от стен города и с моря. Латинский флот двинулся вдоль побережья Эпира на юг. А франки двинулись долинами, пытаясь найти перевал и пройти из Эпира в Македонию. По горным дорогам скрытно вдоль побережья, следуя за флотом и за войском франков, шли полки и отряды Феодора Ангела. Хорошо запомнились Борису Творимиричу те осенние солнечные дни, когда франки попали в одном из ущелий в засаду, устроенную эпиротами. Тысячи стрел, камней и бревен полетели тогда на головы латинян с горных уступов. Войско их было перебито. Сам же князь Петр, многие знатные рыцари и папский бискуп попали в плен к Феодору Ангелу. Позднее этого князя уморили в царской темнице. Чтобы избежать крестового похода против своего царства, хитрый Феодор Ангел признал власть папы над своей страной. Но на самом деле ни один латинский рыцарь не смог бы появиться как господин, ни один латинский священник не смог бы проповедовать в Эпире. Тогда же пришли вести в Арту, что начался очередной крестовый поход в Святую Землю, что участие в нем приняли не только франки, англосаксы, фряжские нормандцы, немцы, но и угры во главе со своим королем Андреем (Андрашем II). По слухам, они совершали походы в глубь Палестины и громили сарацинов под Дамаском.

Тем временем до греков стали доходить вести, что в Болгарии сменился царь. На смену слабовольному и нерешительному Бориле пришел молодой и смелый Иоанн II Асень. Он погнал и стал теснить латинян во Фракии и Македонии. Вот тогда-то следующий свой удар царь Феодор направил против королевства Фессалоники. Город и его окрестности уже давно были почти отрезаны с суши от других латинских владений в Элладе. Городом правила вдова короля Бонифация Мария Венгерская. Главным препятствием на пути к Солуни (Фессалонике) была крепость Серры. Поздней осенью 6729 г. (1221 г. от Р. Х.) войска Феодора Ангела подошли к Серрам. Подвезли

камнеметы, построили осадные лестницы и стали готовиться к приступу. Еще только забрезжил рассвет, когда, положив осадные лестницы на плечи, отряды эпиротов бесшумно пошли на приступ. Казалось, что фряги на стенах и башнях града спали, лишь кое-где горели сторожевые костры. Греки успели приставить лестницы к стенам и укрепить их. Творимирич и его люди, укрываясь круглыми щитами, полезли наверх в первых рядах. И вдруг стража града подняла сполох. Сотни костров вспыхнули на боевых ходах вдоль стен и в вежах. Затрубили рога, ударили в барабаны. Бревна, камни и кипящая смола обрушились и полились на эпирских воинов. Сбитые с лестниц люди падали вниз и погибали под новыми ударами камней и бревен. Ни щиты, ни доспехи, ни шеломы не могли спасти от потоков огненной смолы и кипящего жира. Укрываясь щитом и сжимая меч, Творимирич упрямо лез вверх. Вдруг удар невероятной силы ожег его болью в десное плечо. Десная длань разжалась и выпустила рукоять меча, ноги ослабели, и боярин стал медленно сползать вниз, теряя сознание от боли. Он помнил только, что чьи-то руки не дали ему сорваться с лестницы на большой высоте, иначе бы он неминуемо упал вниз и был изувечен камнем или бревном.

Пришел в себя он уже в шатре, как ему сказали, спустя лишь трое суток. В том утреннем приступе получил он в плечо фряжскую короткую, но толстую стрелу из ручного самострела (арбалета). В том же приступе погиб и еще один русский кметь из его совсем небольшой дружины. Тогда эпирские вои были отбиты от града. Лишь с третьего приступа Серры пали под ударом греков, а фряги в граде сдались на милость победителей. Медленно оправлялся от тяжелой кровоточащей раны Борис Творимирич. Феодор Ангел хорошо наградил всех воев, в их числе и русичей, за взятие Серр.

Понимая, что в ближайшее время он воевать не сможет, Творимирич в сопровождении двоих русских кметей, получивших раны, отпросился из войска на Афон. Благо до Святой

горы было совсем недалеко. Там в русском монастыре святителя Пантелеймона он жил, лечился и молился полтора года. Русская монашеская братия и настоятель приняли соотечественников хорошо. Теперь русская речь постоянно радовала слух. Тяжелая рана боярина, часто сочившаяся кровью и гноем, благодаря стараниям монахов и монашеским травам и снадобьям затянулась и постепенно зажила. Много раз стоял на коленях Борис Творимирич перед ковчегом с чудотворной главой святителя, прикладываясь к нему то челом, то раненым плечом. Исцеление медленно наступало, но десная рука плохо повиновалась ему. Чудная природа — крутые горы, поросшие лесом и поднимающиеся прямо из морских вод, гул морского прибоя, пение птиц радовали души русских воинов, целебный морской воздух укреплял здоровье. В монастырь все чаще доходили известия из Руси. И все чаще задумывался раненый, постаревший и поседевший в походах и сражениях боярин о своей родимой Залесской земле. Но таков уж был кон его чести и верности. Понял тогда боярин, что не скоро возвернут греки Цареград, и что всей жизни его, к сожалению, для этого дела не хватит. Тоска по родине все более и более одолевала. Ее делил он со своими содругами-кметями, сопровождавшими его неотлучно в походах и бранях. Двое его сподвижников тоже давно хотели возвратиться на Русь и увидеть родной дом. Там в монастыре узнали они печальную весть, что умер никейский император Феодор Ласкарис, а императорский стол наследовал его зять Иоанн Ватац.

Осенью 6732 года (1224 г. от Р. Х.) наконец пришло радостное известие о взятии Фессалоники войсками Феодора Ангела. Возликовавшие русичи собрались в путь, отблагодарили своих молитвенников-монахов и распрощались с ними. Добравшись до Фессалоники, разыскали они там своих соотечественников и долго решали, что им делать далее. Сам боярин и двое его сподвижников по афонскому путешествию без оговорок собрались возвращаться на Русь. К ним примкну-

ло еще двое. Остальные уже обзавелись семьями в Эпире и пожелали остаться «в греках». Понимая, что расстаются, быть может, навсегда, просили передать поклоны своей родне и родителям, обещали подавать вести о себе через русских паломников на Афоне, монахов или проезжих купцов. Собрались пятеро русичей в дальний путь на родную Русь. Посетили они храм святого Димитрия Солунского, помолились у его раки и приложились к ней, отстояли обедню. Распрощались со своими содругами. Сели на фряжскую галеру, что шла через Цареград в Белгород на Днестровский лиман и пошли домой на веслах и под парусами.

Этим закончил свою долгую повесть Борис Творимирич. Был уже довольно поздний час. Ближние бояре разъезжались по домам. Вздыхая и крестясь, ушел в гридницу дядька Феодор Данилович. А княгиня и княжичи, совершив краткую молитву, отошли ко сну. Но долго еще горело несколько свечей в большой палате княжьего терема. Это князь Ярослав Всеволодович все выспрашивал и выведывал у мудрого и знающего боярина о том, что видел он и слышал в пути, возвращаясь в Залесскую землю через Южную Русь.

Глава VII

Погоня

Несколько дней Федя и Алексаша все вспоминали подробности повести о небывалом хождении Бориса Творимирича и его дружины. Все будили и будоражили отроческое воображение древние и почти сказочные, далекие города: Цареград, Солунь (Фессалоника), Арта, Никея, Амастрида, что живописно раскинулись среди высоких гор и долин или у берегов лазурных морей. Виделись им великолепные городские соборы и каменные терема высотой с храмы и царские дворцы невероятной красоты. Грезились им большие мощеные брусчатым камнем и плитами площади с возвышающимися статуями из мрамора и бронзы, наполненные народом с разным цветом кожи, глаз и волос, торги с разными диковинными товарами и животными, слышалась им разноязыкая речь, песни и дивная, незнакомая музыка. Представляли они себе греческих, болгарских, валашских и половецких воев на лошадях и с оружием. Во главе их были смелые воеводы, князья и цари. Спорили между собой Федя и Алексаша о том, кто же был самый лучший царь и воевода в рассказе Бориса Творимирича. Федя утверждал, что самый смелый, сильный и умный был болгарский царь Иоанн Добрый. Алексаша не соглашался. Ему тоже нравился болгарский царь Иоанн, но внутреннее чувство подсказывало ему, что все же, наверное, умнее Иоанна Доброго был эпирский царь Феодор Ангел или,

скорее всего, никейский император Феодор Ласкарис. С Федей Алексаша особенно не спорил, так как Федя был старше и, возможно, знал больше. Но никакие усилия Феди не могли заставить Алексашу согласиться с тем, что царь Иоанн был самым лучшим царем и воеводой.

В чем были едины братья, так это в том, что главным врагом православных греков были, конечно, не турки и не армяне, а крестоносцы-латиняне, захватившие Цареград и посадившие там своего латинского царя. Смутно помнил Алексаша и получше помнил Федя, как несколько лет назад их батюшка князь Ярослав уходил в поход к Новгороду Великому с переславским полком. Матушка тогда и позже рассказывала им, что воевал батюшка в Чудской земле латинян — немцев, датчан и ливь. Дрались тогда русские полки против латинян, защищая народ чудь, называемую эстами. Знали братья, что воротился батюшка с победой, но только потом начались в Новгородской земле которы. Не смогли сговориться между собой тогда русские князья и новгородцы. Вскоре латиняне вновь напали на эстов и захватили их главный град Юрьев. С той поры водворились латиняне у самых рубежей Русской земли.

Не один раз после рассказа Бориса Творимирича Федя и Алексаша подходили к батюшке и просили поведать им о том, каковы есть из себя эти латыняне и какое у них оружие и доспехи. Похожи ли они на тех фрягов и франков, о которых повествовал Борис Творимирич. Князь Ярослав вроде и не отмахивался от старших сынов, но второпях, за делами, рассказывать не любил, а только обещал, что расскажет потом. А следом, задумавшись на мгновение и посуровев глазами и ликом, ответствовал им строго:

— Аще ли не скажу, своима очами имата виждите и сведете.

Несколько дней подряд что-то сильно беспокоило князя Ярослава. Вечерами приезжали какие-то вестоноши, с кем князь вел беседы с глазу на глаз. Сильно волновали его

нестроения в Новгороде Великом. И вот, как миновали Святки, пришла из соседних, западных русских земель недобрая весть. Нагрянула на новгородский град Торжок литовская рать. Не ждали, не чаяли новоторжцы этой беды. Литва повоевала и выжгла все окрестности вокруг города, ограбила и перебила многих купцов, перехватила многие обозы с товаром и продовольствием, перекрыла все подступы и дороги к Торжку, взяла его в осаду. Еще хуже было дело в Торопце и Торопецкой волости. Град Торопец уже седмицу как был в осаде, а может быть, уже взят литовцами. Торопецкий князь Давыд с малой дружиной ушел к рубежам Новгородской земли и ждал от Новгорода помощи. Тысячи русских смердов с женами и детьми оказались полонены литвой. Но никакой помощи из Новгорода не последовало. Лишь прискакали из Торжка посылы, умолившие князя Ярослава не откладывая выступать в поход. Говорили, что у литвы рать под Торжком не менее семи тысяч комонных воев, а может, и того более. Могло статься так, что тысячи русских полонянников угонит литва восвояси, а там ищи ветра в поле.

Вот и засобирался князь Ярослав в скорый поход. Срочно послал вестоношей в Дмитров, чтобы собрали полк числом, какой могли. Просил помощи и у московского князя — брата Владимира. Послал весть во Владимир старшему брату Юрию. Выругал негромким матерным словом новгородские вольности, дождались де. Вздохнул, вспомнив прошлогодние которы из-за Новгорода, и велел скакать гридям по всем окрестным селам и за день и ночь к следующему утру собрать весь переславский полк под княжеским знаменем у южных ворот Переславского града.

* * *

Княжеская дружина выезжала со двора рано утром, когда первые проблески солнечных лучей еще не коснулись земли. Ночью ударил мороз, но было безветрие и стояла тишина. Кружились в воздухе снежинки. Как только развиднелось,

и привратник с тиуном открыли тяжелые створы ворот, конные княжеские гриди, благословясь у священника, стали быстро выезжать со двора на бревенчатую мостовую улицы во главе ближних бояр. Князь Ярослав в сопровождении княгини, дядьки и старших княжичей, одетых в полушубки и мохнатые шапки, сошел с крыльца терема. Княжеский меченоша Василий подвел коня, держа его за повод, и взялся за ошее княжеское стремя. Ярослав Всеволодович был одет в теплый полушубок, под которым позвякивал чешуйчатый панцирь. На голове его красовалась теплая княжеская шапка с малиновым верхом и бобровой опушкой. Привычным движением руки князь проверил седловку, заложив два пальца за подпругу и потянув на себя седло за переднюю луку. Конь был оседлан хорошо и бил копытом, предчувствуя дорогу. Отворотясь от коня, Ярослав еще раз обнял Феодосию и перекрестил ее. Затем, ступив кованым сапогом в широкое ошее стремя, придержанное меченошей, вспорхнул птицей в седло и легко поддал коню шпорами в бока. Конь, не торопясь, пошел со двора. Тем временем подвели серых коней княжичам и буланого дядьке Феодору Даниловичу. Те сели в седла и выехали проводить князя до южных ворот града. Лица княжичей были встревожены. Но если Федя был молчалив и жестко сжимал губы, то глаза Алексаши были красны и заплаканы. Быстро проскакав по улице, они проехали воротную вежу, и перед ними открылись заснеженное поле, дорога, уходившая на подъем, где гарцевало и стояло много конных воинов. Сотни копий были подняты вверх, и вои раскатистым эхом приветствовавших князя. Князь снял шапку, склонил голову и поднял десную руку вверх, приветствуя полк и дружину. Священник, стоявший у ворот града, осенил все воинство крестом, и полк начал выстраиваться в колонну вдоль дороги, ведущей на Москву. Обоз полка был невелик. На полторы тысячи конных переславских воев в поход было взято лишь два десятка саней с продовольствием.

Княжичи и дядька проводили Ярослава Всеволодовича, отъехав довольно далеко от ворот Переславля. Полк ушел вперед. В сопровождении десятерых гридей и старших сыновей с дядькой Ярослав скакал легкой рысью. Наконец пришло время расставаться. Князь остановил коня на горе, с которой Переславль виден был как на ладони. Остановились и все сопровождавшие. Ярослав подъехал ближе к княжичам, обнял и перекрестил Федю. Затем наступила очередь Алексаши. И тут, когда уже неблизко был град, и полк ушел довольно далеко, и мало кто видел и слышал княжича, он вдруг зарыдал, свесившись с седла и прильнув к отцовской груди, заголосил:

— Тату, възьми меня с собою! Почто не велиши еси ехати нам с Федей воевати литву? Не езди един. Възьми нас, уже ли мы не вои есве?

Князь Ярослав прижал сына крепче к себе и стал успокаивать, а сам дал знак дядьке, и тот, подъехав ближе, принял княжича в свои объятия. Затем, велев своему меченоше Василию проводить княжичей и дядьку, дал коню поводья и поскакал с гридями догонять полк, уходивший на Дмитров.

* * *

За два с небольшим дня, останавливаясь лишь на короткий ночлег и отдых, полк князя Ярослава прошел путь более чем в сто двадцать верст от Переславля до Дмитрова. Дмитровский полк числом более пятьсот воев во главе с воеводой уже поджидал князя. В городе дали отдых коням и кметям перед новым броском. Тем временем подошли и московляне числом в шестьсот воев во главе с московским воеводой. Князь же Владимир, услыхав, что литва воюет Торопец и Торжок, взялся укреплять град и собирать воев. Сам в поход не пошел. Извещал через своих московских мужей, что чувствует себя неважно и болеет. Ярослав не обиделся, так как слышал уже о нездоровье Владимира, но был благодарен ему за помощь.

Вести с запада приходили самые плохие — конные разъезды литвы видели уже в Тверской волости и у Волока на Ламе. Из Дмитрова полки князя Ярослава двинулись на запад малоизвестными дорогами по водоразделу Дмитровской гряды. Залесское Ополье осталось уже далеко позади. Высокие холмы и увалы тянулись цепью с востока на запад. Их вершины и склоны были покрыты дремучими еловыми и сосновыми лесами. Долгие и крутые подъемы изматывали лошадей. Благо что здесь снега было еще немного. К вечеру второго дня пути гряда стала уходить на юг, и полки вышли к реке Сестре, петлявшей между небольших высот. В одной ее луке, где река делала крутой поворот, образуя подобие клина, стоял небольшой торгово-ремесленный городок-слобода. Через него на северо-запад пролегала дорога из Москвы на Тверь и далее на Торжок. Другая дорога уходила на юго-запад — на Волок Ламский. Остановив полки у городка, князь выслал два больших отряда сторожи к Твери и на Волок. К полудню следующего дня сторожа воротилась. Из ее вестей стало ясно, что литва, ограбив все окрест Торжка, на Тверь не пошла, а двинулась на юг к Волге. Тут же князь Ярослав велел трубить сбор и двигаться прямиком к Ламе, чтобы отсечь литве дорогу на юг и на запад. Еще полтора дня шли русские полки заснеженной зимней дорогой среди густых сосновых лесов вдоль течения небольшой реки Яузы. К вечеру вышли к устью реки на высокий крутой берег Ламы. Молодой сосновый лес глухо шумел под ветром. Воины жгли костры, разбивали стан. Далекие окрестные деревеньки за рекой тускло мерцали оконцами рубленых изб. Сторожа перешла реку по крепкому льду и ускакала в ночь.

Утром часть сторожи воротилась. Кмети доскакали до реки Шоши и вызнали, что за рекой уже появлялись литовские конные отряды. По слухам, литовцы пытались изгоном взять град Микулин, но не смогли и встали станом окрест. Литва вела большой полон: смердов с женами и детьми,

купцов, ремесленный люд, множество лошадей и рогатого скота. Часть сторожи из переславского и московского полков осталась в дозоре у Шоши. Не мешкая, князь Ярослав велел полкам двигаться вниз по заледенелой и занесенной снегом Ламе. Снег ровно присыпал русло, и коням было легко идти по гладкой ледяной дороге, выстланной этим мягким, белым покровом.

Целый день до позднего вечера войско шло вниз по реке. Близко был уже Волок, от которого большая дорога вела на запад — на городок Зубцов и Торопец. Но тут от дозора пришли известия, что литва снялась и двинулась от Микулина со всем полоном на Зубцов. Вновь, не медля, князь повернул войско на запад. Полки шли без остановки всю ночь и окольными путями вышли на большую дорогу, ведущую к Волге. На рассвете с высоты холма русичи увидели зарево горящих вдали за рекой деревень и погостов. Ярослав Всеволодович понимал, что надо дать хотя бы небольшой отдых полкам перед грядущей схваткой. На два часа он остановил войска. Вот тогда-то и прискакали дозорные с вестоношами из Торжка. Те сообщали, что новоторжцы числом до тысячи кметей во главе со своим князем Владимиром идут следом за литвой и готовы совокупиться с Ярославом. Новоторжцы были уже где-то в двадцати верстах от его полков. Услышав эту радостную весть, князь перекрестился, ибо теперь он мог противопоставить многочисленной литве до трех с половиной тысяч копий, мечей и сабель. Когда совсем рассвело и встало солнце, полки вновь пошли вперед. Целый день северный ветер все сильнее наносил на людей запах дыма, гарь сожженных сел и деревень. Округа обезлюдела. Деревеньки и села вдоль дороги были брошены. Смерды прятались по окрестным лесам с семьями, скотом и скарбом. Лишь иногда двое-трое верховых, вооруженных рогатинами, секирами и луками, выезжали к опушке из леса и, увидев многочисленных конных воев, скрывались в чаще.

К вечеру Дмитровский полк, шедший впереди на несколько полетов стрелы в стороже, вышел к Волге. Небольшой град Зубцов стоял на высоком мысу между двух рек. Здесь река Вазуза с юга впадает в Волгу. Окрестные села, деревни и погосты еще догорали. Но небольшой град с запертыми вратами, ощетинившийся заостренными концами острожного тына, островерхими шатрами воротных веж, литва ни взять, ни сжечь не смогла. Чувствовалось, что враг был где-то рядом. С ходу дмитровцы направили коней к реке. Их лихой воевода повел полк с копьями наперевес. Конница сошла на лед. И тут из густого прибрежного кустарника и близко стоявшей рощи вспорхнули, запели и засвистели сотни стрел. Удар был неожиданным. Десятки пронзенных, сбитых стрелами людей и коней падали на лед и снег, окропляя их темной кровью и оглашая окрестности воплями, криками и ржанием. Стрелы били в спину, в ошее плечо, бок или грудь. Русичи не смогли пустить в ход щиты и луки. Напуск литовской конницы был еще более неожиданным и яростным. Не все русичи успели пустить в ход и копья, ибо многие были ранены стрелами. Поворачивая коней, дмитровцы пытались перехватить кто сулицу, кто меч, саблю или клевец, пытались устоять против стремительного напуска противника. Литовцев явно было вдвое-втрое больше, чем русичей. Сеча, развернувшаяся в сумерках на льду Вазузы, грозила окончиться печально для дмитровского полка. Но тут из-за поворота реки в двух полетах стрелы со стороны Волги показался еще один конный полк, шедший галопом в сторону сечи. Это были новоторжцы. Да и дмитровцы не успели далеко оторваться от переславского полка. Князь Ярослав уже вывел своих кметей к берегу реки, и те на скаку, выпрастывая из ножен мечи, сабли и, перехватывая топорики, пустили коней в сторону сечи. Ворота града отворились. Конное и пешее ополчение града Зубцова с факелами и оружием в руках спешило навстречу своим спасителям.

Четверть часа на льду реки еще кипела и кружилась как метель, поднимавшая снег, ожесточенная схватка. Под напором русичей литовцы стали поворачивать коней и выходить из сечи. Их воеводы криками и пением рогов собирали рассыпавшихся воев под свои стяги, уводили рать на левый берег Вазузы, отрываясь от противника. Истомленным дальним переходом русским полкам, по велению князя, воеводы и старшие не позволили преследовать отступавших. Было ясно, что в схватке у Зубцова русские столкнулись лишь с частью литовской рати. Преследуя ее в темноте, все русское войско могло попасть в засаду.

Более шестидесяти дмитровцев, десять переславцев и новоторжцев погибло. Немногим менее было ранено и не могло идти далее. Ночью пошел обильный снег, сменился ветер и потеплело. Раненых велено было оставить в Зубцове. Покойников отправляли домой. Санный обоз русского войска вырос в несколько раз, но без него двигаться далее было уже нельзя. Воеводы позаботились о том, чтобы хорошо покормить кметей и лошадей, дать им краткий отдых. Для долгого отдыха времени не было, ибо литовцы угоняли с собой большой полон, и все понимали, что полонянников бросать в беде нельзя.

Четверо суток нагоняли русские полки литву, уходившую на запад от Зубцова к Торопцу. Снега намело выше колен, а где и по пояс человеку, мороз вновь усилился. Но след литовской рати и хорошо утоптанная дорога показывали русским полкам, что они все быстрее настигают ворога. Все села и деревеньки в округе были давно сожжены или брошены людьми. То здесь, то там вдоль дороги встречались тела покойных полонянников, замерзших и померших от голода и простуды. Некоторые вои в русских полках стали обмораживаться, и если их не могли отогреть у костров в часы коротких привалов, то отправляли с небольшим обозом назад в Зубцов. Утром пятого дня полк московлян, шедший впереди, вышел к Торопцу. Этот большой торговый город не был захвачен

врагом. Торопчане сидели в осаде. Все окрестные погосты, веси и деревни были сожжены литвой. Когда войско подошло ко граду, стоявшему у озера Соломено, то с севера из-за леса показался небольшой полк торопецкого князя Давыда. До этого времени он стоял с дружиной и полком у реки Ловати в одном из новгородских погостов. Новгородцы все же сжалились и послали ему в помощь небольшой отряд. Но воев у торопецкого князя и теперь было не более полутысячи. Как только Давыд узнал о приближении низовских полков, он двинулся на юг, чтобы соединиться с ними. Здесь у города и произошел бой между торопчанами, вышедшеми навстречу стороже переславского полка, и литвой. Схватка была скоротечной, но жестокой. Сторожа подошла вовремя, и литва побежала. Русское войско вошло в город, и из окрестных лесов туда же стал возвращаться городской люд и смерды из сожженных сел. Торопчане — торговый и ремесленный люд — охотно брались за оружие и готовы были идти вдогон за литвой. Но воеводы брали только тех, что хорошо сидели в седле, остальных оставляли для обороны града. А град был немалый, и для его обороны нужно было много людей. Торопец имел Высокий Малый град — рубленый кром, воздвигнутый на валах, замкнутых в кольцо, как и в Переславле. Там же располагался княжеский двор. Второй линией укреплений были рвы, валы и стены Большого города*, почти кольцом охватывавшие посад, разросшийся у подножия крома. За полтора дня русское войско подготовилось к новому броску. Теперь под рукой Ярослава Всеволодовича было около пяти тысяч комоннных гридей и кметей, много лошадей и саней. По сведениям дозора, главная литовская рать была где-то в двух переходах от Торопца.

Русские выступили в полдень. Двигались полдня и всю ночь. К утру дозоры оповестили, что литовская рать неожиданно повернула на юг и пошла вверх по реке Кунье — притоку Ловати. Русские следовали неотступно. Шли за врагом

на расстоянии одного дневного перехода. Лошади и люди вновь стали выбиваться из сил. Мороз крепчал. Северный ветер гнал поземку. Стемнело, и русские полки разбили стан среди небольшого поля на перекрестье двух дорог. Одесную в десяти верстах была река Кунья, ошую чуть далее какие-то озера с рекой. По словам торопчан, именно в этом месте еще сто лет назад проходил волок великого торгового пути «из варяг в греки», стояли погосты и кипела жизнь. Но с годами усиливались княжеские которы, частыми стали набеги литвы и голяди*, Великий Новгород повел оживленную торговлю с немцами и Готландом вместо греков, и вот уже боле пятидесяти лет, как редкими стали здесь торговые караваны. Жарко горели костры. Бдительно несли службу дозоры, объезжавшие и охранявшие стан. Лошади, укрытые попонами и ортмами, тяжело вздыхая и фыркая, медленно жевали корм в торбах, подвязанных к мордам, и переступали с ноги на ногу. Большинство воев спало у костров: кто-то в санях, кто-то на соломе, содранной с крыш, кто на подстилках из еловых веток, кто на рогожах. Спали, не снимая доспехов, укутавшись в полушубки, тулупы, в мохнатых шапках. Оружие было под рукой.

Лишь в небольшом княжеском шатре было не до сна. Там были собраны все князья и воеводы. Шел военный совет. Сторожа доносила, что большая литовская рать с полоном стоит в тридцати верстах у истоков реки Усвяты. Похоже, литва не знала о том, насколько близко русское войско. Долго решали, как быть, идти ли к истокам Ловати и отрезать литве путь на запад, а затем встретить врага в открытом бою. Или преследовать противника и напасть неожиданно. В первом случае литовцы уже избежать брани не смогли бы, но, увидев перед собой русских, могли перебить полон или прикрыться им как щитом. Кроме того, у противника было преимущество в численности. Во втором случае неизвестно было, что предпримет литва, если узнает о приближении русичей. Могла

ведь ожидать и засада. И тогда последнее слово изрек князь Ярослав Всеволодович:

— Имам ити всугон литве! Другой час постоим ту и поидем. Велю есмь наказати крепце воеводам и боярам воев не останавливати, покуда отаи литву не переимем. Полон имам свободити. Ступайте вси к полкам. С Богом!

Князья и воеводы покинули шатер князя Ярослава. Княжий меченоша Василий внес большую жаровню с горящими углями и поставил ее в центре шатра. Постелил князю охапку ельника и укрыл ее тулупом. Не раздеваясь, князь Ярослав прилег вздремнуть на полтора часа перед новым броском, вдогон отступающему врагу. Прилег на правый бок и уснул, едва коснувшись головой овчины тулупа. Верный меченоша укрыл Ярослава полушубком и присел у жаровни на седло, обжал ноги руками и, положив на колени голову, закрыл глаза.

* * *

Еще задолго до того, как стало светать, русские полки двинулись на юг. Когда совсем рассвело, они прошли верховья реки Куньи. Днем преодолели несколько лесистых холмов и вышли к замерзшему озеру, образуемому рекой Усвятой. Здесь еще прошлой ночью располагался литовский стан. Войска пересекли озеро и пошли по замерзшему руслу реки, оставляя ошую себя дремучий лес, поднимавшийся на берегах. Более всего остерегались засады и напуска со стороны леса. Кони изредка тревожно ржали, пробуждая спавший под снегом лес. Кругом царили зимнее безмолвие, снег и мороз. Стемнело. В безмерном, сиреневом небе замерцала далекая звезда. Люди устали от бесконечного пространства и тишины. Изредка негромко посмеивались друг над другом осипшими от мороза и ветра голосами усталые кмети. Они словно приросли к седлам, вмерзли в них и рысили вперед за своими сотскими и воеводами, зорко поглядывая по сторонам. Сторожа от торопецкого полка шла впереди всех в пяти полетах стрелы. Наступила ночь, а люди все скакали и скакали в безмерную,

заснеженную и выжженную морозом даль. И им казалось, что более нет ничего в этом мире кроме бесконечного топота лошадей, полусонного дурмана и качания в седле, бряцания оружия и доспехов, мороза и погони.

Еще за час или два до того, как забрезжил рассвет, сторожа заметила огни большого стана. Дали знать воеводам, и полки остановились. Торопецкие кмети, прискакавшие к Ярославу Всеволодовичу, пояснили, что перед ними дорога, ведущая на град Велиж. У дороги же стоит слобода Усвяты, за которой озеро. Литовский стан видимо расположился в слободе и округе. Усвяты находились на десном берегу реки. С другого берега был лес.

Прошло еще полчаса. Русские полки пошли лесом и тихо вышли к дороге. Вои зажимали храпы коням, чтобы те не ржали. В полете стрелы у опушки стоял вражеский дозор и горел небольшой костерок. Князь Ярослав велел тихо спешить два десятка переславских и торопецких кметей, а затем привести их к нему. Воеводы быстро исполнили повеление. Князь приказал кметям снять тяжелые доспехи, сложить щиты и копья. Люди остались лишь в легких кольчугах с мечами, ножами и секирами. Все понимали, что из литовского дозора в живых нельзя было оставлять никого. Кмети ушли, низко пригибаясь к земле и прячась за стволы деревьев и кусты. Минут десять все было тихо. Не отрываясь, князь смотрел в сторону костра. Русские полки замерли в морозной лесной тишине, и лишь дыхание людей и легкий храп лошадей свидетельствовали о том, что здесь в лесу у реки Усвяты притаилось до пяти тысяч конного войска. Легкие сполохи пламени костра тонули среди мрака леса. Напряжение и тишина достигли предела. Князь тихо стал творить молитву Кресту. И вот у костра заметались тени. Стало видно, как задвигались люди, в сумятице затаптывавшие костер. Послышалось негромкое ржание, сдавленные людские крики и звон оружия. Минута, другая, и все стихло. Костер неярко продолжал гореть. Прислушиваясь, князь по-

нял, что с дозором покончено. Почти неслышно, замерзшими губами и указанием десницы велел он всем двигаться туда, где еще светился огонек. Без шума усталые кони вынесли сотни русских воев на дорогу. Соступиться с литвой у села со стороны дороги было велено московскому и торопецкому полкам. Возглавил их князь Давыд.

— С Богом, княже! — прошептал Давыду Ярослав, отпуская его на ворога, а сам повел переславских, дмитровских и новоторжских кметей краем леса, чтобы выйти к Усвятам со стороны реки и озера. Тихо было в лесу. Но вот затрещали старые сучья под копытами коней, все чаще стало слышаться ржание и легкий молодецкий посвист. Сначала полки шли на рысях, когда лес стал редеть, перешли в намет. На скаку выпрастывали сабли, мечи и клевцы. И вот уж опять берег реки, а за ней большой вражеский стан. Кони с трудом прыгали через сугробы, наметенные у берегов неширокой, замерзшей Усвяты. И снова молодецкий посвист, да только уже лихой, разбойный, беспощадный. Как смерч напустились русичи на дремавший предрассветным утром литовский стан.

Взмястилась литва у костров, проспавшая свой полон и саму жизнь свою. Взмястилась и стала хвататься за оружие, седлать коней... Куда уж там вздевать доспехи, когда вот он — беспощадный ворог. Редко слышались предсмертные крики и стоны. Все перекрывали крики негодования и ненависти. Не давая опомниться литве, с гиканьем русичи секли с коня у костров всех, кто был в доспехах или кто пытался оказать хоть малейшее сопротивление. Слетали отсеченные головы и руки, окропляя белый снег темной кровью. Падали на снег литовские мужи, распластанные клинками и секирами от шеи до пояса. Бежавших нагоняли и кололи копьями. Тех, кто успевал вскочить на коня и уже было поскакал в поле или к озеру, догоняла и била меткая стрела. Литовцев, что стояли кострами у реки, смяли в десять минут. Те же, что были далее и смогли сесть в седло, собрались в отряд и вырвались на

озеро. Но тут на озерный лед выкатился дмитровский полк и встретил литву копьями наперевес. И закрутилась, завертелась сеча. Вспомнили дмитровцы литве засаду и горячую, лихую схватку у Зубцова городка. Многие литовские мужи пали с коней на лед, колотые и сбитые русскими копьями. И следом вновь зазвенели и заскепали мечи, сабли и секиры.

Князь Ярослав был еще на ошеем берегу Усвяты, когда переславцы и новоторжцы смяли литву у береговых костров. Он понимал, что это только первая схватка, что брань еще впереди. Выехав на десный берег, он увидел, как дмитровцы погнали литовский отряд по озеру, устилая его лед и снег павшими. Медлить было нельзя. Светало. Князь приказал трубить в рог, собрать кметей и ворваться в слободу, так как по звукам москвичи и торопчане уже смели литовцев с дороги и прорвались к избам. Большая часть русского полона, видимо, располагалась там и за околицей. Рассыпавшиеся вначале схватки вдоль берега русичи быстро собирались под свои стяги. Десной рукой сжимая рукоять меча, князь указал воеводам и кметям туда, где уже явно слышался нараставший шум боя и поднимались первые дымы и языки пламени. Кто-то жег избы. Кони понесли русичей вперед. Из-за стен овинов, риг и бань в русских полетели сотни стрел, и тут появились первые серьезные потери. Но ждать было нельзя. Кони внесли кметей в слободу, и между рубленых построек, крытых соломой, дымившихся первыми всплесками пожара, началась новая схватка. Чья-то стрела летела из дверного проема или оконца и разила в ногу или чело конного воя. Кто-то, развернувшись в седле, бил стрелой из лука в дверной проем и также разил врага, падавшего в темноту клети. Кто-то, повернув за угол, копьем или сулицей колол прижатого к рубленой стене израненного ворога. Кто-то отмахивался секирой, пытаясь подсечь коню передние ноги. Другие, сбившись в кучи, копьями и рогатинами кололи коней в грудь, в пах и в брюхо и пытались сбить верховых кметей. Но тут налетали двое или

трое верховых со стороны и шеломили, разили пеших воев. Многие литовцы, что были на постое в Усвятах или стояли станом у околицы, успели сесть на конь, кто в седло, а кто и без седла. В руках у них были копья и сулицы, мечи и топорики. Эти небольшие конные ватаги, собравшиеся у деревянного храма, пытались отбить напуск русской конницы. Но слишком яростен был напор переславских и новоторжских кметей, возглавляемых князем Владимиром. Его гриди рассекли надвое отчаянно сопротивлявшихся литовцев, добивали их на церковной площади и у стен храма. Вот один ловкий и храбрый литвин, отчаянно крутясь в седле и поворачивая коня, срубил секирой сначала одного, выбив у него копье, а затем второго молодого новоторжского кметя. Но вот и на нем тяжелой рогатиной какой-то спешившийся русский гридь просек кольчугу снизу, а другие повалили храбреца-литвина на землю булавами. Вот переславский кметь выпал из седла, пронзенный копьем у церковного крыльца. А на площади какие-то пешие смерды, верно освобожденные полонянники, покололи тяжелыми рогатинами литовских коней, а литвинов избили дубинами и кистенями. И вот уже последние два литвина обмякли и выронили совни, пригвожденные копьями к рубленой стене храма. А тут с озера влетели в село дмитровские кмети, смяв последнее сопротивление литовцев. Та часть слободы, что располагалась у дороги, была запружена возами с награбленным добром и русскими полонянниками. Там московские, новгородские и торопецкие кмети уже разбивали колодки и цепи, рассекали веревки, чем были скованы и связаны пленные русичи. Те из них, кто мог, сам хватался за подвернувшуюся дубину, слегу или секиру.

Рассвело. Князь Ярослав, понимая, что бой еще не окончен, велел бросить все силы в сторону околицы и преследовать отступавших литовцев. Там была и значительная часть полона. Казалось, что всю литву выбили из слободы. Русская конница оставляла Усвяты и выходила в поле. Вдруг из-за одного

крайнего овина вырвались четверо вооруженных копьями всадников и бросились со спины на князя Ярослава и двух гридей, бывших с ним конь о конь. В некотором отдалении с десного плеча скакал княжий меченоша Василий. Он первый заметил смертельную опасность. Удар тяжелого копья в спину мог просечь не только бармицу, но и доспех. Птицей рванул он своего коня под копья разогнавшихся литовских воев и дико закричал:

— Оборотись, княже! — и этим предупредил Ярослава и его гридей. Те стали поворачивать коней. Одно литовское копье отбил Василий своим щитом. Другое пронзило грудь его коня. Но конь не повалился, а встал на дыбы, поднятый шпорами хозяина. Третье копье ударило в скрепу бармицы, рассекло ее и выбило верного меченошу из седла. Четвертое копье пришлось уже в щит княжескому гридю, успевшему повернуть коня вполоборота к ворогу. Но князь Ярослав был спасен. Как верные псы набросились на литовцев ближние княжеские гриди и бояре. И двух минут не прошло, как изрубили их в куски. А русская конница тем временем смяла последний литовский отряд у околицы и уже гнала литву по полю, освобождала полонянников и начинала потрошить литовский кош.

Князь Ярослав Всеволодович остановил коня, привстал на стременах и осмотрелся окрест. Русская конница уже отогнала литву на две версты от Усвят. Сопротивления не было. Литва ударилась в бега. Весь литовский обоз достался русичам. Тысяч шесть или семь русских полонянников были вызволены из холопства и неволи. Усвяты горели, но пожар уже начали тушить. К Ярославу подъехал торопецкий боярин и, утирая чьей-то разодранной рубахой пот на челе и кровь на кольчуге, дрожавшими губами поведал, что князь их Давыд погиб от литовских стрел на дороге у въезда в слободу. Князь Ярослав тяжело вздохнул, перекрестился и, нахмурив брови, пожелал убиенным Давыду, Василию и всем русичам, ныне живот свой положившим, Царствия Небесного.

В этом бою с князем Давыдом легло не менеее двухсот торопецких и сорока новгородских воев. Потери были немалые. К вечеру сочли всех. Переславцев и дмитровцев полегло более двухсот пятидесяти человек. В московском полку недосчитались девяноста шести кметей и одного боярина. Новоторжцы потеряли сто тридцать три кметя и десятерых гридей, дравшихся при князе Владимире у храма с конной литвой. Но уже и литве досталось. Триста с лишним человек было изранено, подобрано после боя или сдалось. Всех их ожидали кого холопство и неволя, кого выкуп. С двух тысяч павших литовских воев сняли доспехи и всю пригодную сряду, а затем снесли убиенных к околице. Там смерды разожгли большой костер, растопили снег, отогрели землю и вырыли две скудельницы. В одну положили всех, кто был без креста, и забросали землей, сделав небольшой холмик. Над оставшимися покойниками-христианами, кого было около двухсот, по велению князя Ярослава сотворили церковное отпевание и, предав земле, отметили это место православным крестом. Два дня стоял князь Ярослав «на костях», пока хоронили побитую литву, собирали оружие и доспехи, разбросанные на месте боя, залечивали легкие раны и отправляли под охраной обозом тяжелораненых. Всех погибших русичей заворачивали в рогожи и по несколько покойников укладывали в сани. Никто не хотел хоронить погибших друзей или сродников далеко от родного края, всех везли домой. Князь посылал на запад сторожу, ждал, вдруг литва воротится. Но литва не воротилась.

* * *

Прошло две седмицы с лишним, пока князь Ярослав Всеволодович со своим переславским полком воротился домой. Позади уже были охваченные ликованием, радостью, благодарственными молебнами и церковными звонами Торопец, Зубцов, Микулин, Торжок, Тверь, Дмитров, другие города и села. Встречали воев за несколько верст от города тысячи людей у окрестных сел и слобод: у Сокольников, Веськово,

Яма. Слезам и крикам радости не было конца. Но неизбывны были слезы и горе еще нескольких тысяч людей переславской волости, так как дорого заплатил Переславль-Залесский за спасение Волока Ламского, Торжка, Зубцова, Торопца, других русских волостей, земель и тысяч простых русских людей. Сто семьдесят три кметя, уснувших вечным сном, привезли в санях из этого похода их друзья и сродники. Но слезы горя лились не только в домах простых кметей. Безутешно плакали матери и сестры трех княжеских гридей, безутешно рыдала вдова и дети княжеского меченоши Василия. Но никого не забыл князь из своей дружины и полка. Щедро одарил всех подарками, деньгами и особо позаботился о семьях погибших.

Литургию торжественно стояли и молились при большом стечении народа в Спасо-Преображенском белокаменном соборе, священство величало князя-заступника и победителя «на супостаты». После литургии и водосвятия князь Ярослав созвал дружину, всех своих бояр и многих кметей из ближних слобод и сел на большой пир. Полтора дня пили и гуляли переславские вои, поминали павших на брани содругов, величали князя, княгиню и княжичей. Затем стали разъезжаться восвояси. Был на пиру и Борис Творимирич, управивший дела в своей вотчине и приехавший поздравить князя с победой. Гости разъехались, но Творимирича оставил Ярослав Всеволодович при себе, как ближнего боярина.

* * *

Вечерело. Сиреневые мартовские сумерки еще теплились за окном большой палаты княжеского городского терема. Князь Ярослав и трое ближних бояр во главе с Борисом Творимиричем сидели на лавах в красном углу под образами и вели беседу. Ярко светили лампады. Поблизости на поставце находился подсвечник, где горели пять свечей. В палате было довольно светло. Князь Ярослав был в приподнятом настроении, часто улыбался, и его голубые глаза лучились. Он и Борис Творимирич недавно вернулись из Твери. Там священство и

народ встречали греческого корсунского иерея Астафия. Тот привез из Корсуня (Херсонеса) по Русскому морю через Греческое и Фряжские в Варяжское море в немецкий город Кесь, а оттуда в Новгород чудотворный образ святителя Николая Корсунского. Говорили, что сам святитель Николай, епископ Мир Ликийских являлся Астафию трижды во сне и указывал иерею отвезти образ на Русь в Рязанскую землю и поставить его там. Князь Ярослав и его боярин видели чудесный образ и целовали его. Борис Творимирич беседовал с Астафием по-гречески и просил иерея от имени князя Ярослава проехать через Переславль и, если возможно, погостить, а то и остаться совсем в Переславле. Князь Ярослав обещал и храм поставить в честь образа Николая Чудотворца. Но только грек никак не соглашался, а торопился в рязанскую землю. Тогда Ярослав Всеволодович предоставил Астафию сопровождение, дал свежих лошадей, продовольствие, получил благословение от Астафия и отправил во Владимир к старшему брату и в Рязань ко князю Юрию Ингваревичу весть о прибытии греческого иерея и святого образа. В Новгороде же прибытие образа святого Чудотворца тоже вызвало немалый переполох.

Заговорили о новгородских делах. Припомнив последние годы, князь слегка помрачнел. Он вспоминал, как почти два года назад, уже после похода в Чудскую землю, он из-за котор с новгородскими боярами оставил Новгород Великий и уехал в Переславль-Залесский. Его старший брат великий князь Юрий волей своей посадил в Великий Новгород князем своего старшего сына Всеволода. Но где уж было молодому и неопытному Всеволоду справиться и уладить дела с новгородской вольницей, с его строптивым боярством, богатым купечеством, буйным ремесленным людом и непреклонным владыкой. Бежал Всеволод от новгородцев в Торжок. И тогда на помощь ему поспешил отец Юрий Всеволодович с владимирским и суздальским полками. Пришли и другие князья: их сыновец Василек Константинович с ростовцами, Михаил

Всеволодович с черниговцами и он — Ярослав с переславцами. Устрашилась новгородская вольница и отправила к великому князю послами двух именитых мужей. Те от имени новгородского веча просили, чтобы Юрий Всеволодович вернул им бежавшего сына, обещали «не творити разлюбия» против него и молили увести рати из Торжка. С гневом отвечал послам великий князь:

— Выдайте Якима Иванковича и Микифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Нездылу Савинича, Вячка, Иванка, Радка; аще ли сих не выдадите, ино поил есьм конь Тферью, а к тому еще Волховом напою.

Словом, требовал князь выдать всех зачинщиков смуты — бояр, именитых мужей, кто творил которы против Всеволода, да и против великого князя. Еще когда сидел на новгородском столе Всеволод и вел прю с «новгородской господой»*, немцы-латыняне захватили Медвежью Голову. Затем обложили Юрьев в Чудской земле. Но тогда никто, ни новгородцы, ни псковичи из-за этой при не потщились помочь юрьевским эстам и русичам с их князем Вячко. Вот и погубили Юрьев. А сколько он — Ярослав за эту Чудскую землю пота утер и крови пролил, а все почем зря.

Услыхав ответ Юрия, новгородцы по всей волости своей стали собирать рати, а вокруг града поставили острог, чтобы уберечь концы (пригород) от нападения. На дороги вывели сторожи, построили засеки и острожки. К великому князю отправили новое посольство, оповещая, что братьев своих не выдадут и готовы умереть за Святую Софию и своего посадника Иванка Димитриевича. Но тут же просили Юрия крови не проливать, а дать им нового князя. Понял старший брат, что силой это дело не решить, и пошел на попятную. Отдал новгородский стол своему шурину — Михаилу Черниговскому. Уходя из Торжка, пограбил город, забрав много товара с собой. Новгородцы приняли князя Михаила. Но видать и ему не пришелся Новгород. Полгода не прошло, как

напала на новгородскую волость литва, разорила многие села и погосты. Михаил против литвы полков не повел. Вышел навстречу литве новгородский посадник Феодор, и большой крови стоило новгородцам отразить литовский набег. Много тогда в боях с литвой погибло новгородцев и рушан (воинов из Старой Руссы). Правда, Михаил Черниговский смог вернуть новгородский и новоторжский товар, договорившись с князем Юрием, но сидеть на новгородском столе больше не хотел. Да и новый владыко новгородский — архиепископ Антоний, ранее руководивший епархией в Перемышле, видимо, не поладил с князем Михаилом. Возвратился князь Михаил восвояси — в Черниговскую землю.

Заговорил один из ближних бояр. Днями он возвратился из Торжка и узнал, что на площади у Святой Софии ныне буйствует новгородское вече, долго решают господа новогородцы, кого просить себе в князья. Много у князя Ярослава сторонников в Великом Новгороде. Но много и противников. Претит Ярославу «новгородская господа». Вот почему оставил Великий Новгород тогда после похода в Чудскую землю. Но большая часть купечества, ремесленного и черного люда за него. Знают новогородцы его решительный и твердый нрав, его крепкую руку и воинское умение, ценят его храбрость, отвагу и благородство. Последняя победа Ярослава над литвой, спасение Торжка, Волока Ламского и Торопца — вот та полновесная куна*, что сдвинула чашу весов в его пользу. Что-то решит старший брат Юрий — великий князь Владимирский? Князь Ярослав, не скрывая волнения, повел плечами и нахмурился.

Чтобы как-то отвлечь князя от неспокойных мыслей и погасить волнение, Борис Творимирич потихоньку завел разговор о новом новгородском владыке Антонии. Причина его неприязни к Михаилу Черниговскому была ясна. Он из Перемышля. Не любили в Галицко-Волынской земле черниговцев. Вечно разоряли черниговские и новгород-северские князья Юго-Западную Русь во время войн и котор за великий

стол киевский и Галичину. Постепенно разговор перешел на дела Южной Руси. Борис Творимирич рассказывал, что вот уже не первый год там шла пря между Мстиславом Удалым (Галицким) и молодым Даниилом Волынским. После Калки переругались они, как и многие южнорусские князья. Мстислав Удалой, как вернулся в Галич, опять окунулся в дела своих крамольных бояр. Уверяли они Мстислава, что его зять Даниил хочет его смерти, чтобы завладеть Галичем. В особое доверие к Мстиславу вошел бывший враг Даниила — князь Александр Бельзский. Так началась губительная усобица в Галицкой земле. Мстислав привел на Даниила половцев. Даниил навел на Мстислава свою родню — ляхов. Многие волости там разорены войной. Князья примирились. И все бы ничего, но вот слышно, собираются угры на Галицкую землю. Не иначе опять боярские которы. Угры — латиняне, как и ляхи, как немцы, франки и фряги, говорят все на разных языках, но молятся одинаково — значит суть у них одна. Не будет добра православной Руси от них, покуда они вмешиваются в дела русских князей. Не так ли пал Цареград и сгинула Ромейская империя?

Князь Ярослав и бояре стали выспрашивать, известно ли что о греческих делах. Борис Творимирич отвечал, что недавно получил вести из Никеи. Молодой никейский император Иоанн III Ватац (1222—1254 гг.) — зять покойного Феодора Ласкариса добился больших успехов. Теперь никейские греки переправили флотом свои войска из Малой Азии во Фракию и начали освобождать ее от латинян. В большой сече при граде Пиманионе (1225 г.) никейские греки и их союзники наголову разгромили франков из Цареграда. Большой силой стала Никея, флот ее господствовал в Эгейском море и на Геллеспонте, а сухопутные полки дошли до Адрианополя. Уже и Адрианополь был у никейцев в руках, но тут вмешался в дело эпирский царь Феодор Ангел. Он предложил адрианопольским грекам признать его господство и изгнать никейцев

из города. Адрианопольцы склонились к Ангелу, и войскам Иоанна Ватаца пришлось оставить город. Не иначе грядет война между Никеей и Эпиром. Такое на руку латинянам. Но, правда, ныне на Балканах уже не одно сильное православное государство. Большой силой владеет болгарский царь Иоанн II Асень. Выросла, поднялась и еще одна сила — Сербское королевство. При нынешнем короле Стефане Первовенчанном (1196—1228 гг.) в Сербии окончательно утвердилось православие. Уже скоро десять лет как он принял королевский венец по православному обряду. Все идет к тому, что изгонят рано или поздно латинян из Цареграда. Но не просто это будет. Много еще крови прольется в усобицах и в войнах с франками и фрягами.

Князь Ярослав вздохнул и вспомнил, что ныне уже и вся Чудская земля отдана латинянам — немцам и датчанам, а ведь еще двадцать — двадцать пять лет назад была эта земля вотчиной русских князей. И, наверное, немало еще русской крови прольется, пока остановят русичи латинян у своих рубежей и у Варяжского моря. Но для того нужна сильная власть — власть одного князя, чьей воле не противились бы Господин Великий Новгород и Псков.

Наступило молчание. Прервал его Борис Творимирич:

— Помяни еси слово мое, княже! Имаши ти яти нувогородский стол нонешнее лето.

Ярослав обратил взгляд на боярина, и голубые глаза его вновь наполнились теплотой и светом.

* * *

Не прошло и месяца, как весна нового 6734 года (1226 год от Р. Х.) вступила в свои права. В тот год новгородский летописец Юрьева монастыря записал:

— В лето 6734. Прииде князь Ярослав в Новгород и не положи того в гнев, оже не пошли по нем Новогородци. Того же лета заложиша церковь каменну святаго Иякова в Неревьском конци.

Глава VIII

Галицкий стол

Той же весной на Светлой седмице шумно было на Красном княжеском дворе, что располагался на холме вокруг белокаменного храма Спаса в нескольких верстах от древнего Галича. В отдалении восточнее княжеского двора протекал полноводный, быстрый, извилистый Днестр. Здесь же на холме вокруг храма стояли терема и клети. На спусках холма располагались многочисленные амбары, сеновалы, конюшни, где в стойлах стояло более тысячи лошадей. Вокруг этих построек возвышались рубленые стены и две вежи с воротами. На пряслах стен и в вежах стояла зоркая сторожа в доспехах и шеломах, вооруженная до зубов. Много было вина, медов, пива и всяческой снеди в погребах и клетях этого княжеского гнезда. Поодаль рубленых стен располагались риги, овины, хлева, полные всякого скота и птицы. Вокруг всего этого большого хозяйства, насколько хватал глаз, зацветали княжеские сады и покрывались первой зеленью поля озимых. И потому, казалось, весело и беспечно гулял и бражничал со своей прославленной дружиной и своими верными боярами галицкий князь Мстислав Удалой — тесть князя Ярослава Всеволодовича.

Мстислав давно уже оторвался от своего родного Торопца и всех дел, что творились в Северной Руси. Давно не получал он известий от своей дочери Феодосии, да и не стремился узнать, как она живет. Женатый вторично на половецкой

княжне, он имел от нее дочерей и не хотел вспоминать своей прежней жизни. Более всего волновали теперь Мстислава Мстиславовича дела Галицко-Волынской земли. Был он в разлюбии со своим зятем Даниилом — князем Волынским. Началась пря между ними уже тогда, когда возвратились они с Калки восвояси каждый своей дорогой. Может быть, не мог простить тестю молодой Даниил того, что тот, первым добежав до Днепра, велел рассечь ладьи, боясь преследования татар и обрекая этим на погибель другие русские полки, бежавшие к Днепру. С того времени не виделся с Даниилом Мстислав. Нашептывали ему угодливые галицкие бояре, что ищет Даниил смерти Мстислава и хочет переять Галич. Была между ними война, чему немало поспособствовал бельзский князь Александр. Тогда навел Даниил на Галицкую и Бельзскую земли ляхов и разорил их. Отбился Мстислав только благодаря помощи своего тестя — половецкого хана Котяна. И хотя примирились князья, мир этот казался хрупким. Да и ближние галицкие бояре Судислав и Глеб Зеремеевич, что сейчас сидели одесную рядом с ним, призывали не верить Даниилу. Вот оттого-то среди общего пира и веселья при мысли о Данииле сбегала с его лица добродушная улыбка, и суровел князь лицом и глазами.

За эти годы сильно постарел Мстислав. Не только бороду и усы, но теперь и голову покрыла седина. Взгляд суровых серых глаз потускнел. Огрузнел телом князь. Раньше мало пил он вина. Теперь же все более желал хмельного, и того веселья, что давало вино, и потому выпивал не одну большую чашу за столом и хмелел. Хмелел отчаянным, обманчивым весельем, чтобы хоть как-то на время избавиться от тяжелых мыслей и недоверия к самому себе.

Угнетало Мстислава еще и то, что в эту прю с Даниилом вот-вот готовы были ввязаться угры. Они уже много раз приходили из-за Карпат, сажали на галицкий стол своих ставленников-князей. Первый раз еще двадцать лет назад

(1206 г.) угров призвали галицкие бояре, чтобы защитить Галич от ляхов и половцев, наведенных черниговскими князьями. Город отстояли. Но как только угры ушли за горы, бояре изгнали княгиню Анну с ее малолетними сыновьями Даниилом и Васильком. Позднее Анна с сыновьями была принята во Владимире на Волыни. Бояре же призвали на галицкий стол сыновей Игоря Черниговского (героя «Слова о полку Игореве»). Но те перессорились друг с другом. Восемнадцать лет назад угров привел из-за гор черниговский князь Роман Игоревич и выгнал из Галича своего брата Владимира. Третий раз угры пришли сами по велению своего короля Андрея и пленили Романа. Воеводой и наместником Галича стал угорский князь Бенедикт Бор. Но того вскоре народ прозвал антихристом, ибо он «томил» бояр и градский люд, бесчестил их жен и даже монахинь. Тем временем Роман Игоревич бежал из угров в Путивль к брату Владимиру. К ним присоединился третий брат — Святослав. Вот тогда галичане вновь попросили Игоревичей освободить их от угров. Братья «поидоша ратью», без труда овладели Галичем, но следом стали сводить счеты с неугодными боярами. Более пятисот «великих» бояр было казнено, вотчины их разграблены и переданы сторонникам Игоревичей. Уцелевшие бояре бежали в угры и просили короля Андрея дать им в князья молодого Даниила Волынского. Король согласился, и в четвертый раз большое угорское войско пришло в Галицкую землю. Галич и Звенигород были взяты им. Роман и Святослав Игоревичи были захвачены в плен, бояре выкупили их и повесили. Тогда в прю вмешалась княгиня Анна со своими сыновьями — князьями Волынскими, но на Волынь напали ляхи. Власть в Галиче осталась в руках бояр.

Двенадцать лет назад (1214 г.) угры заключили союз с ляхами. Ляхи повоевали Волынь, угры получили Галич. Угорский королевич Коломан венчан был королем Галичины. Вернулся сюда и упомянутый Бенедикт Бор. Вот когда развернулись

гонения против православных, так как папа римский Иннокентий благословил унию. Начались те же дела, что творились латинянами в завоеванном Цареграде и в ромейском царстве. Пять лет угры владели Галичиной. Но потом папа объявил новый крестовый поход, и угорский король Андрей уплыл с большим войском воевать Святую Землю у сарацинов. Тайно обратились тогда галичане к нему — князю Мстиславу за помощью. Первый поход Мстислава на Галичину (1219 г.) с малым войском был отбит уграми. Но когда он пригласил на подмогу половцев, угры были разбиты, Галич освобожден. Король Коломан попал в плен, а угорские вои перебиты горожанами и смердами, никому из них не удалось бежать.

Галицких бояр Мстислав сумел привлечь на свою сторону, а молодого Даниила Волынского женил на второй своей дочери от первого брака, и тот стал его союзником. Удача сопутствовала Мстиславу. Был он признан первым героем всей Галицко-Волынской Руси. Как дружили они тогда с Даниилом, как доверяли друг другу. Но потом лихая беда, что случилась на Калке, породила трещину в союзе с зятем. Или просто возмужал Даниил, переживший, как и он, те страшные события, и уже не мог, не хотел терпеть никакой опеки со стороны тестя. И по сей день с чувством холодного ужаса вспоминает Мстислав ту страшную сечу, что развернулась в Диком Поле далеко за Днепром. Втайне корит себя тем, что он, столь опытный и много повидавший в жизни воинской брани и ратных хитростей, позволил далеко увести войско от рубежей Руси, попасть там в засаду, позволил погубить все русские полки, признавшие его, а не Мстислава Киевского своим главой.

Выпив большой глоток красного фряжского вина, Мстислав побагровел лицом и тяжело вздохнул. Пир продолжался и только входил в силу, но нерадостно было на этом пиру хозяину стола. Порой появлялась на его челе и улыбка, но затем быстро сходила с губ, оставляя на лице тревожную суровость и озабоченность. Скрытые бородой складки вре-

зались в щеки, у глаз появлялась сеть морщин. Не отступали от него тяжелые мысли, чуял он новую военную грозу и не знал, чем окончится она.

* * *

Гулким эхом отзывались горы на крики людей, топот десятков тысяч кованых лошадиных копыт, ржание коней, стук и скрип колес. Тысячи одетых в доспехи людей ехали верхом и шли, поднимаясь все выше в горы по петлявшей между громадных утесов и холмов дороге к Яблоницкому перевалу в Карпатах. Сотни телег, крытых возов и арб, запряженных волами и лошадьми, везли оружие, снаряжение, доспехи, продовольствие для войска. Горы, покрытые дремучими лесами, казалось, сурово и неприветливо встречали людей. Иногда среди гор встречались более высокие, на вершинах которых выше лесов светились полонины*. А порой люди замечали, что показывалась синяя каменная вершина самой высокой в этих местах горы, часто укутанная дымом облаков и туманов. Эту вершину называли Говерлой. Подъемы становились труднее, дорога уводила все выше, а навстречу войску катила свои быстрые бурные воды река Тиса. Десятитысячное угорское войско в очередной раз шло на Галичину, чтобы посадить там на галицкий стол своего королевича и доказать русским, кто там хозяин.

Мстислав быстро узнал о новом нахождении угров. Сторожи, стоявшие у больших и малых перевалов на Карпатах, зорко несли службу. Ворог еще не миновал седловину Яблоницкого перевала, а в Галиче церковные била уже вызванивали сполох, созывая горожан и смердов из окрестных весей на соборную площадь галицкого «Крылоса». Так называли галичане свой град-крепость, воздвигнутую на большом плато, окруженном со всех сторон глубокими яругами, по дну которых среди кустов и камней протекали небольшие речки. Только с напольной стороны — с востока глубокий ров отрезал «Крылос» от посада. Три вала с рублеными стенами и

воротными вежами на расстоянии до двухсот локтей один от другого поднимались уступами и являлись «персями» града. По бровке плато также были насыпаны невысокие валы и поверх них стояли рубленые стены, но они были все же ниже валов и стен, устроенных с напольной стороны. Высота горы, на которой располагался «Крылос», от дна оврагов достигала более двухсот локтей. Но и сам «Крылос» был только основанием еще более высокого холма, на котором расположился древний галицкий кром, называемый «Золотым Током». Там в «Золотом Токе» за рублеными высокими стенами стояли каменные и деревянные боярские клети, амбары и оружейные палаты. Не счесть там было закромов с зерном, бочек с вином и медом, запасов вяленой и соленой рыбы, связок пушнины и разных мехов, конской упряжи и снаряжения, да и много чего другого, но главное, много там было оружия и доспехов. Охраняли кром боярские вои.

Княжеские воеводы, гриди и кмети, явившиеся в Галич, призвали народ взяться за оружие и открыли княжескую оружейную палату, что стояла на княжеском подворье в «Крылосе» близ вечевой площади и соборного храма Успения Пресвятой Богородицы. Вооруженные княжескими воеводами ремесленный, торговый люд и смерды подошли к воротам «Золотого Тока» и потребовали открыть их, чтобы получить снаряжение, оружие и доспехи, хранившиеся в боярских клетях. Многие бояре со своими дружинами в ту пору были в своих вотчинах далеко от Галича. И сторожа открыла ворота галицкого крома. Пока народ сбивал замки и засовы, разбирал оружие, седла, упряжь и доспехи, кто-то заглянул в винные погреба и отведал хмельного, кто-то стал грабить боярское добро. Княжеские кмети, гриди, воеводы и сторожа «Золотого Тока» с трудом остановили начавшийся разгул и татьбу, вытеснив силой всех пьяных из крома и выставив охрану у клетей и воротных веж. Но все, кто хотел сражаться против угров, получили оружие и снаряжение.

До четырех тысяч конных и пеших воев смог вооружить и собрать Мстислав под свои стяги. Немедля двинулся он на юг, чтобы успеть соединиться с полками, вышедшими ему на помощь из Коломыи, Звенигорода, Василева и Торческа. Тем временем угры перешли верховья реки Прут и двигались по дороге вдоль его правого берега. Не останавливаясь, за два дня войско Мстислава Удалого прошло более семидесяти поприщ по предгорьям Карпат и остановилось на развилке дороги близ Прута. Конницу догонял пеший полк и большой обоз, пришедшие на несколько часов позже. С востока сюда подходила дорога из южных городов Галицкой земли. Во второй половине дня оттуда подошло трехтысячное войско, собранное в Коломые, Звенигороде, Василеве и Торческе. Далее на юг дорога, петляя, уходила вверх. Там поднимались горные хребты. Этой дорогой шла на Русь угорская рать. За спиной у русичей были горные отроги с крутыми и пологими склонами, высокие холмы. Князь решил ожидать угров здесь на развилке дорог. На наиболее крутых и поросших лесом склонах вдоль дороги на Галич велел он тотчас же начать строительство четырех засек, где бы пешцы могли противостать конному врагу. Конницу, которой в его войске было не более двух тысяч, разделил он на два полка, поделив также надвое и свою дружину. Большой полк числом до полутора тысяч копий и лучников поставил князь прикрывать дорогу на Галич. Рядом на склонах холмов перед засеками, скрытыми лесом, ошую и одесную дороги поставил он две тысячи пехоты со щитами, копьями, луками и секирами. Еще три тысячи пешцев с луками, сулицами и пращами посадил в засеки. И лишь небольшой полк конницы спрятал в лесу за поворотом дороги, ведущей на Коломыю. Так прошла вторая половина дня. Сторожа тем временем донесла, что угры вторично перешли Прут, и их передовой полк находится уже в пяти-шести верстах от развилки дороги, занятой русским войском. Медленно наступил вечер, а затем быстро опустила

свое покрывало ночь. Костры разрешили жечь лишь у дороги, чтобы вои могли сварить пищу, а враг не мог определить, как встали русские, каково их число. Полку, ушедшему в засаду по дороге на Коломыю, вообще не велено было разжигать костров.

Ночь прошла тихо. Но наутро, как только рассвело, в утренней майской дымке при первых лучах солнца, сверкнувших на востоке среди покатых вершин, русские увидели большую угорскую рать, вытекавшую из-за склона горы на юге. Князь Мстислав был верхи в челе большого конного полка и внимательно следил за действиями супротивника. Угры подошли на два полета стрелы и остановились. В передние ряды стала выезжать конница. Перед нею тонкой цепью в два ряда выстраивались лучники. Они первыми начали движение по направлению к русичам. Поняв намерения противника, князь велел русским лучникам из конницы и пехоты выдвинуться в первые ряды, и всем воям держать наготове щиты. Прошло несколько минут, и угры приблизились настолько, что пора уже было пускать стрелы. Враг не опередил. Князь вовремя заметил, как его стрелки разом подняли луки. По мановению руки Мстислава две тысячи русских стрел взмыли в воздух. Угры пустили стрелы следом. И тут же оба войска укрылись щитами. Подняв большой круглый щит над головой, князь видел из-под его обреза, как ошеломило сверху русичей смертным градом стрел. Опустив щит, он различил среди ржания лошадей и общего шума, что воевода, бывший ближе других к нему, кричал:

— Княже! угри имуть луци силнии, тузи, самострелнии. Отводи еси пълки к засеке.

И действительно, князь уже успел заметить, что многие угорские стрелки били в русичей из ручных арбалетов. Правда, таковых на первый взгляд было не более двух сотен. Но многие русичи в большом полку и в пехоте были насмерть поражены толстыми самострельными болтами. В ответ на сло-

ва воеводы князь отрицательно покрутил головой. Вражеские стрелки вновь доставали и накладывали стрелы. Тотчас князь велел бить из луков по уграм без останову, затем трубить в рог и готовиться к конному соступу. Стрелы стали вспархивать как стаи птиц. Конница опустила копья и сорвалась с места. Угорские лучники расступились как смогли, ибо тяжелая конница, стоявшая позади них, тоже пошла в соступ. Князь и ближние гриди не тронули коней, а остались на месте. Через пять минут все пространство у развилки дороги перед ними закружилось вихрем сотен верховых, скрестивших копья, мечи и сабли. Стрелы еще продолжали лететь над головой князя и его ближней дружины, но теперь они могли разить не только врага, но и русича. Поднятием руки и звуком рога Мстислав остановил потоки стрел, пускаемых пешцами. Еще пять минут он ждал и смотрел на то, как кованая угорская конница сминает большой конный полк русичей. Вот уже совсем недалеко замелькали угорские рыцари в круглых шеломах, в тяжелых кольчугах, чешуйчатых панцирях и надетых поверх шерстяных и матерчатых «сюрко»* с красными латинскими крестами, нашитыми на десном плече. Князь приказал трижды трубить в рог, и русские воеводы, а за ними кмети стали поворачивать коней, выходить из сечи и устремились по дороге на Галич — к засекам. Пешие русские полки, подняв копья и щиты, твердо стояли по обеим сторонам в ста шагах от дороги. В проход между ними и пронеслась убегавшая русская конница. Угорские рыцари катились широким валом и обрушили всю силу своего удара на эти небольшие пешие полки, ощетинившиеся копьями. Значительная часть угров погналась за русской конницей по дороге, но через полпоприща та вдруг рассыпалась по сторонам и скрылась под защиту лесных засек. Угорские воины, пытавшиеся преследовать русичей на лесных склонах, вдруг оказались под градом камней, стрел, копий и сулиц. Сверху на них повалились вековые сосны, липы и осокоры, заранее подрубленные и подпиленные русскими.

Князь Мстислав тем временем доскакал до ближайшего пешего полка, стоявшего у дороги, и дрался под его стягом среди галичан. Верные гриди рубились рядом с ним. Полк занял круговую оборону. Тяжелыми копьями, рогатинами и секирами галичане валили угорских воинов и их коней на землю, не давая рассечь строй полка. С высоты склона, на котором стоял полк, Мстислав видел, что уже вся угорская конница вошла в соступ с русичами. Не желая тратить время на упорно дерущуюся и стоявшую на склонах холмов пехоту, угорские рыцари все более сдвигались к дороге и устремлялись вслед ушедшей русской коннице. Место угорской конницы теперь занимали лучники и копейщики. Драться против них означало для пеших русских полков медленную и неизбежную гибель. Князь Мстислав поворотил коня из переднего ряда пешцев, снял кольчужную рукавицу, утер пот и капли чужой крови десной рукой с чела, отмахнул отроку, чтобы тот трубил в рог двукратно по два раза, как было условлено с воеводой засадного полка. Тем временем приближались плотные ряды пешего угорского войска. На русичей посыпались стрелы и тяжелые арбалетные болты. Десятки людей пали, сраженные насмерть их ударами. Оставалось еще шагов десять-пятнадцать, и пешцы уже были готовы скрестить копья. Но вот в рядах угров где-то позади произошло волнение, а затем смятение. Ряды их рати поломались, рассыпались. Вои стали разворачиваться, пятиться и поднимать копья.

Удар, нанесенный угорской пешей рати русским засадным полком, пришелся прямо в спину. Русские пешцы, стоявшие насмерть по сторонам от дороги поняли это, и сами бросились на угров. Тем временем множество конных рыцарей полегло в схватке у засек под ударами стрел, сулиц, камней и поваленных деревьев. Кмети большого конного полка и пешцы вновь бросились в соступ на угров из засек и опрокинули их. Многие угорские рыцари, бежавшие вспять по дороге, попали под стрелы пеших русских полков. Угорская конница врезалась в

ряды своей пехоты и произвела еще больший переполох среди ошеломленной и откатывающейся вспять рати. Противник побежал и оставил развилку дороги, покрытую сотнями сраженных насмерть и раненых. Сеча длилась еще полчаса. Русичи преследовали врага не далее, чем на поприще. Затем угры отступили еще на три полета стрелы и стали перестраивать свои смешанные и смятые ряды. Но нового соступа так и не последовало. Войска стояли друг против друга более двух часов. К вечеру начались переговоры. Угры просили взять своих раненых и отойти восвояси. Князь Мстислав не препятствовал им. Собрав раненых до темноты, они ушли к перевалу, а русские полки простояли всю ночь без сна «за щиты, на костях». Утро русские вои встретили криками радости и победы. Угры отступали и были уже в двадцати верстах от них. Галичина была в очередной раз спасена от угорского нахождения и латинского господства.

* * *

Прошло около года. Шумно и многолюдно было в Галиче. Гулко ударяли в било на церковных звонницах. Звонили у свв. Кирилла и Мефодия, у св. Михаила, у св. Анны на Цвинтарисках, звонили в других храмах и в белокаменном Успенском соборе, построенном князем Мстиславом Удалым несколько лет назад. А князь гордился своим детищем. Много родовитых бояр и знатных угорских рыцарей съехалось в Галич и пришло в соборный храм, чтобы присутствовать при венчании юного угорского королевича Андрея и младшей дочери князя Мстислава Елены. Торжественным и пышным было венчание молодых. Не менее пышным и богатым был брачный пир, устроенный князем. Но самым дорогим стало приданое. Юный королевич получал за своей супругой древний Галич и Галичину. Уговорили Мстислава верные бояре Судислав и Глеб Зеремеевич отдать угорскому королевичу младшую дочь и свой град. Уговаривали долго. Говорили, что бояре не станут терпеть Мстислава. Уверяли, что если отдаст Галич

королевичу, то сможет вернуть его, когда захочет. Если же отдаст его своему зятю Даниилу, то уже не вернет его никогда, потому что черный люд крепко любит Даниила. Клялись бояре и целовали крест в том, что будут верны князю Мстиславу, если все исполнит, как просят. Уступил князь. Теперь путь его лежал в Понизье (в Подолию) в удельный град Торческ.

* * *

Прошло немногим менее года. Вокняжившись в Торческе, скоро раскаялся Мстислав в своей недальновидности. Быстро пошатнулось его ранее крепкое здоровье. Поседел он как лунь. Сильно исхудал. Мучила его какая-то тупая и тяжелая боль в легких. Стали приходить к нему тяжелые мысли о скором конце. Догадывался он, что не иначе как верные бояре позаботились об этом. Слег князь.

Уже будучи на одре, послал он сказать Даниилу:

— Сыне! Согрешил есмь язъ, зане не дал ти Галича, по совету льстеца Судислава. Он есть обольстил мя. Но аще ли угодно Богу, то дело не у ли мочьно поправити.

Чувствуя, что что-то надо предпринять, он велел двору собираться в дорогу. Веление князя было исполнено, больного его усадили в крытый возок, и княжеский двор направился в Киев. Посреди дороги Мстислав Мстиславич сильно занемог. Князя перенесли в хорошую чистую избу, напоили его отваром трав, чтобы укрепить здоровье. Однако смерть уже стояла у него в головах. И он чувствовал и видел, как черная пустота раскрывает ему свои неумолимые и властные объятья. Понимая, что поправить уже ничего невозможно, а осталось только время позаботиться о душе, Мстислав принял схиму. Через несколько дней после пострижения, в полдень, мучаясь от невыносимой боли в груди, он лежал на спине. Глаза его были закрыты. Почувствовав, что кто-то приблизился к нему, он открыл очи. Яркий свет разлился вокруг. Прямо перед ним стоял светящийся белыми одеждами красавец-юноша. Он протягивал руки к нему и звал его подняться так, будто подавал

надежду на исцеление. Мстислав тяжело, медленно, глубоко вздохнул и сделал усилие, чтобы встать. От невероятного напряжения тело его окаменело, очи вылезли из орбит, губы плотно сжались, и он всем своим существом рванулся туда, куда звал его прекрасный юноша. Через минуту князь медленно и так же глубоко выдохнул и больше не дышал. Верный княжеский отрок приблизился к Мстилаву и, крестясь, закрыл глаза на холодеющем челе. Удалой князь, великий воитель, известный всей Руси, а ныне раб Божий Мстислав отошел в мир иной, так и не увидившись больше в сей бренной жизни с любимым своим зятем и сыном Даниилом Волынским.

Глава IX

Охота

Уже почти полтора года прошло с тех пор, как сел на новугородский стол Ярослав Всеволодович. С того времени всего один раз он был дома в Переславле-Залесском. Тем временем Феодосия медленно увядала, а дети росли. Росли, тянулись вверх. Заметно вырос и окреп Федя, обогнав младшего Алексашу. В отроческий возраст входили Андрюша и Конста. Уже остригли детские волосы и сажали верхи на конь маленького Афоню. Бегал своими ножками и начинал лопотать малыш Данилка. А сама Феодосия держала на руках и нянчила крохотного грудного Мишу. И была уже в который раз тяжела с последнего приезда своего желанного мужа Ярослава.

Но не все было так просто в Большом Гнезде владимирских князей. В том 6734 году (1227 от Р. Х.) в начале Святок пришла из Москвы печальная весть, что скончался князь Московский, младший брат Юрия и Ярослава Всеволодовичей Владимир. Собирались недолго, добирались санным путем, гнали коней без останову и через день утром были уже в Москве. Тогда же приехал и старший брат Юрий. Ярослав же приехать и попрощаться с покойным братом не успел, слишком далек был путь из Новгорода. Отпевали Владимира 10 января в храме святого Димитрия Солунского, но хоронить повезли в стольный Владимир, где и положили близ батюшки Всеволода Юрьевича в Успенском соборе. Московский стол оказался

свободен. Но со слов старшего брата стало ясно, что отойдет он его юному сыну Владимиру. Тому шел двенадцатый год, и был он не по летам умен, начитан и боек.

Но и старшие сыновья Ярослава уже умели хорошо читать и писать, знали наизусть много молитв и цитировали изречения из Закона Божьего, чему научил их дьякон Спасо-Преображенского собора. Дети спокойно выдерживали и отстаивали длительные богослужения в храме вместе с матерью, не забывали о вечерних и утренних правилах. Не оставлялось и воинское учение. Дядька Феодор Данилович по три-четыре раза в неделю выезжал с ними в Перунов луг и наставлял своих воспитанников верховой езде, конному бою и стрельбе из лука. Но теперь он все чаще рассказывал Феде и Алексаше, куда и зачем высылается сторожа, как строятся полки перед бранью, как делаются засады и засеки, какие воинские хитрости используют половцы, литва и булгары. Какие у булгар крепкие грады с многими линиями валов, и как брали их русские полки. Большой интерес у ребят вызывали рассказы дядьки о том, как строятся и вступают в сечу латыняне: немцы, свеи и датчане. Рассказывал Феодор Данилович, какие доспехи и оружие у латинских рыцарей, какие грады и замки они строят, и как тяжело их брать.

Появилась и забава у старших княжичей. В прошлом году, когда приезжал батюшка из Новагорода, то в конце осени выезжал княжеский двор на охоту. Тогда охотились в дальних лесах за селом Княжевым. Загнали, постреляли и покололи тогда княжеские ловчие и гриди четырех волков. Хотел Ярослав загнать и взять медведя, но тот, которого подняли, оказался матерым, проворным, хитрым и чуть сам не убил под одним из гридей коня. Были на той охоте и старшие княжичи. Федя и Алексаша почти на равных с гридями скакали верхом и травили по опушкам леса, перелескам и полям стаю волков. Не одна стрела была пущена ими по серым лесным зверям. Но никто из них не попал в волка стрелой. Лишь гриди, изра-

нившие стрелами уже рослого, но молодого и обессилевшего щенка, дали Феде добить его большим охотничьи ножом. С той поры загорелась в душах молодых княжичей вечно живущая у большинства представителей мужского пола страсть к преследованию и схватке с диким зверем, называемая охотой или ловом. До Успения по традиции редко выходили тогда на лов. Да и Церковь не благославляла. Все чаще, якобы прогулять коней, тайком выезжали княжичи в поле летней порой и, спугнув где-нибудь подалее от ближайшего села лису или зайца, гнались за добычей, пытаясь стоптать ее или достать стрелой. Тут и пригодились охотничьи луки со стрелами, подаренные им дядей Владимиром Московским. Многому научились за эти месяцы княжичи, и уже не раз стрела то одного, то другого ложилась рядом с дичью, но самим достать зверя им пока не довелось. Вот потому и ждали они праздника Успения Пресвятой Богородицы, чтобы поучаствовать в очередной большой княжеской охоте.

Князь Ярослав уже не раз присылал грамотцу-письмо и передавал на словах о своих делах в Новгороде. Этим летом и осенью приехать не обещал. Но княжеский двор после Успения все же стал собираться на охоту. Всем заправлял дядька Феодор Данилович. Он проверил, хорошо ли подкованы лошади, как натасканы молодые охотничьи псы. Проверил охотничье снаряжение, оружие: рогатины, луки со стрелами, ножи. Осмотрел возы, колеса, упряжь, шатры, съестные припасы, запас питьевой воды, котлы и прочее. И, наконец, княжеский двор тронулся на охоту. Решили охотиться далеко от дома — в дремучих лесах за озером у реки Вексы.

Весь первый день с утра охотники двигались из Переяславля дорогой, что лежала вдоль восточного берега озера. Заночевали у небольшой речушки, протекавшей у опушки большого леса за селом Криушкино. Рано утром свернули с большой дороги ошую и углубились в лесную глухомань, продвигаясь на запад малоприметными лесными дорогами к

реке. Через два часа они уже были у Вексы. Довольно широкая и полноводная река несла свои чистые воды из Плещеева озера в озеро Сомино среди дремучих вековых лесов. У реки разбили небольшой стан, поставили четыре шатра, велели нескольким дворовым готовить пищу на костре и ожидать охотников. Затем на север от реки пустили вперед ловчих с собаками. Комонные княжичи, гриди и другие дворовые во главе с Феодором Даниловичем, охватив подковой в треть поприща сосновый бор, тронулись за ними.

Солнце подходило уже к зениту и начинало пригревать сквозь игольчатые ветви сосен. Под коваными копытами коней хрустели старые сучья и подлесок. Ноги лошадей порой утопали как в перине в розовый, зеленоватый и серебристый мох, достававший им до бабок. Из-под копыт выскакивали мелкие лесные зверушки: ежи, мыши, лягушки. Серебристые, золотистые и шоколадные бабочки еще кружились над последними летними цветами. Шипя и извиваясь, расползались по сторонам лесные гадюки. Все чаще попадались старые поваленные временем и ветрами деревья, с вывернутым корневищем, покрытым землей, песком и мхом. Заросли черники и ежевики доставали до колена коням и сдерживали их ход. Еще сложнее было продираться сквозь заросли дикой малины, что сплошь покрывала небольшие низины. И вдруг в одном таком малиннике, разросшемся на склонах небольшой песчаной балки, собаки подняли громогласный с прозвизгом лай. И следом взорвал возникшее напряжение рев огромного мохнатого бурого зверя, поднявшегося на дыбы с раскрытой пастью и показавшего огромные кривые клыки. На глазах опешивших ловчих и подъезжавших гридей медведь взмахом одной лапы сбросил с себя трех собак, вцепившихся ему в грудь и шею. Собачий визг остановил стаю, но два крупных волкодава вновь вцепились в хозяина лесной чащи. Страшные когти полоснули воздух, и псы с воем и визгом разлетелись посторонь. Пришедшие в себя ловчие уже спешили на по-

мощь собакам. Стая, пытаясь окружить медведя, держалась в нескольких саженях от него. Но зверь резко развернулся и с небывалой для его размеров и веса ловкостью и быстротой стал уходить вверх по откосу балки. Собаки преследовали, но, видимо, зверь порвал самых заядлых и сильных. Он выбрался наверх почти напротив того места, куда выехали Федя и Алексаша. От медведя до княжичей через балку было саженей двадцать — двадцать пять. Федя, не раздумывая, выхватил из тула стрелу и, вложив ее разрезной конец в тетиву, почти не целясь, пустил в медведя. Стрела угодила тому прямо в массивный горбатый загривок. Зверь поднялся на дыбы и яростно взревел, но тут же бросился в чащу наутек.

С боков подъезжали княжеские гриди, по противоположному склону балки бежали ловчие с собаками. Алексаша и Федя молча переглянулись и без слов пустили коней вниз. Через минуту-другую они уже выбирались из балки. Направив коней туда, куда ушел зверь, они достали стрелы и приложили их к тетивам луков. Медведь оставлял малозаметный кровавый след. Минут десять княжичи гнали коней по сосновой чаще. Кони с ходу перескакивали поваленные стволы деревьев, небольшие ямы, низкий кустарник. Сзади разливался собачий лай, гиканье, посвист ловчих и гридей. Вскоре лошади вынесли отроков на небольшую лесную поляну, покрытую местами невысоким кустарником. Княжичи приостановили коней и стали осматриваться вокруг. В пяти саженях от них кусты зашевелились, и раздался грозный рык раненого медведя. Лошади тревожно заржали и закивали головами. Позади усилился собачий лай. Кусты вновь зашевелились и раздвинулись. Мохнатый хищник со стрелой в загривке вышел на княжичей, и те увидели маленькие свирепые глазки и клыки, торчавшие из раскрытой черной пасти. Вновь, не раздумывая, но уже вдвоем, они натянули тетивы луков и отправили стрелы туда, где, выбираясь из кустов, вставал на дыбы зверь. Его рык, перешедший в рев,

свидетельствовал, что стрелы попали в цель. Как на стрельбище руки княжичей сами потянули из тулов новые стрелы и приложили их к тетивам. Но медведь уже не ждал их и вновь бросился, ломая кусты, в чащу. На поляну выбегали ловчие с собаками, выскакивали гриди. И все они вместе с горевшими страстью охоты княжичами бросились преследовать уже крепко подраненого хозяина леса. Зверь уходил быстро, но оставлял все более заметный кровавый след за собой. В этот раз собаки и двое гридей обогнали княжичей. Один из них в поприще от поляны вновь ранил зверя четвертой стрелой. Вконец загнанный медведь остановился у какого-то буерака и встал на дыбы, чтобы принять последний смертельный бой. Собаки окружили его, но не осмеливались приблизиться и на две сажени. Все ближе подъезжали гриди и подбегали ловчие. Никто не хотел пускать лишних стрел и портить шкуру зверя. Все понимали, что наступил момент брать его с рогатиной в честном бою один на один, но никто не осмеливался на это. Княжичи были рядом и умоляли гридей и ловчих не упустить хищника. Один из старых опытных ловчих, сжимая большую рогатину, выступил вперед. Медведь, почуяв противника, развернулся всей массой к нему. Тем временем к охотникам подъехал дядька. Окриком Феодор Данилович остановил старого ловчего, сошел с коня, перехватил руками рогатину, протянутую ему, поправил на голове шапку и медленно пошел в сторону зверя. Тот, почувствовав угрозу, сам пошел на дядьку. Медведь был огромен — на две головы выше человеческого роста. Первый удар рогатиной в грудь не остановил его. Ударом лапы он выбил копье из рук Феодора Даниловича. Но тот успел увернуться от нового сокрушительного удара лапы, огромных медвежьих когтей и вонзил ему большой охотничий нож между ребер. Двое гридей и ловчий бросились на помощь дядьке, но тот уже подобрал рогатину, отступил на три шага от зверя. Кровь на груди и загривке почернила бурую лохматую шерсть хищника. Тот шагнул в сторону

Даниловича, навалился всей массой тела на его рогатину, а затем зарычал, застонал, захрипел и стал обмякать.

Охота удалась на славу. Три стрелы, пущенные княжичами и попавшие в медведя, стали их большой гордостью. Отроки давно уже стремились к тому, чтобы княжеские гриди и дворовые видели в них не только княжеских чад, но и достойных наследников своего батюшки, воинов и мужей. Отрочество и юность всегда торопятся утвердиться среди взрослых, не осознавая того, что всему свое время. Не понимая того, что за быстро ушедшим отрочеством последует стремительная юность, а затем как вешний ветер налетит и отшумит молодость, и очень скоро придет и остудит голову затяжная, полная скорбей и трудов зрелость. И что где-то во второй половине третьего десятка лет вдруг задумается человек и с горечью осознает, что растаяли мечты и отшумела, как русская весна, лучшая пора его неповторимой и скоротечной жизни.

Между тем пора было возвращаться к реке и подкрепить силы обедом. Солнце уже давно перевалило за полдень. Дворовые и ловчие соорудили волокушу, впрягли в нее двоих коней и уже грузили на нее тяжелую добычу. Старший ловчий, хорошо знавший леса за Плещеевым озером, уверял, что проведет к реке более коротким путем, ибо в поиске и преследовании охотники ушли верст на восемь-девять от своего стана у реки. И действительно, ловчий скоро нашел малозаметную лесную тропу, по которой все тронулись к стану. Через полчаса езды тропа раздвоилась, и ловчий уже не мог точно определить, по которой из двух им нужно двигаться. Решили пойти по той, которая уходила западнее. Лес постепенно стал меняться, и вместе с хвойными деревьями все чаще встречались березы, ольха и кое-где на больших полянах редкие дубы. Затем путники миновали небольшой лесной лог, поросший кустарником, и выбрались на большую поляну, залитую вечерним солнцем. То, что они там увидели, было для них полной неожиданностью. Где-то в

полете стрелы от них возвышался старый дуб, под огромной кроной которого собралось до сотни людей в белых нарядных рубахах и с венками на головах. Среди них было много женщин и детей. Все ветви дуба были увешаны какими-то цветными лоскутами и другими предметами незатейливого сельского быта. На нижних, могучих ветках умостилось даже около десятка бычьих, коровьих и бараньих черепов с рогами. Недалеко горел костер, над которым на вертеле жарился освежеванный баран. Его голова и шкура уже висели на ветках могучего древа. Увидев всадников, неожиданно появившихся из-за кустов, люди испуганно сгрудились у мощного ствола лесного богатыря, толщина которого была поболее, чем в три охвата. Феодор Данилович нахмурился, увидев сборище, и направил коня к дубу. Все остальные последовали за ним. Когда всадники были уже в трех десятках саженей от сборища, из среды собравшихся вышел высокий седобородый старец с длинной гривой седеющих, не подвязанных волос с посохом в руке. Одет он был в белую длинную рубаху с вышитым воротом, спускающуюся ниже колен и подпоясанную тонким ремешком. Из-под рубахи виднелись холщовые порты и босые ноги. Протянув десную руку открытой дланью вперед, он как бы преградил дорогу верховым и попытался остановить их. Феодор Данилович и сопровождавшие его невольно и из чувства осторожности осадили коней. Седовласый старец с посохом не на очень чистом русском языке обратился к дядьке с вопросом, чего хотят княжеские люди. Видимо, старик знал или догадался, кто перед ним. В ответ Феодор Данилович спросил, зачем собрался здесь у дуба весь этот хрестьянский люд. Старец отвечал, что у собравшихся здесь праздничная трапеза. Посуровев ликом, Феодор Данилович велел немедля разойтись. Он уже было поднял руку, чтобы указать гридям, как старец что-то громко сказал не по-русски, и несколько стрел пропело рядом с дядькой и княжичами, и одна со звоном вошла в ствол ближнего дубка, мелко дрожа своим

оперением. Собравшиеся у дуба смерды дружно выставили вперед себя тяжелые рогатины, загородив собой женщин и детей. Феодор Данилович опустил руку, перекрестился и велел поворачивать коней. Всадники вернулись на тропу, не проронив ни слова. Никто из собравшихся у дуба ничего не прокричал вдогон всадникам. Не зазвенела ни одна тетива, не пролетело ни одной стрелы, не шевельнулась ни одна рогатина. Прошло минут десять, как в полном молчании охотники миновали поляну. И лишь тогда все стали обсуждать, что произошло. Федя и Алексаша без разъяснений тоже поняли, что они впервые видели какую-то требу поганых, хотя ранее об этом только слышали из рассказов старших. По словам гридей и ловчих, большинство людей, собравшихся у дуба, были меряне из села Купанского. Село стоит на Вексе среди дремучих лесов в нескольких поприщах от их охотничьего стана. Но, судя по всему, на языческой требе были и русичи из села Соломидина, что у леса за озером.

Феодор Данилович хранил молчание, да и княжичи не расспрашивали его ни о чем увиденном. Но в разговоре между собой они вспомнили, как в последнем послании домой их батюшка рассказывал, что в Новегороде «изожгоша волъховъ четыре, творяхуть я потворы деюща, а Богъ весть; и съжгоша на Ярославле дворе». В том же письме Ярослав Всеволодович повествовал, что «ходи он с Новгородци на Емь и повоева ихъ». Емь была северным языческим племенем, жившим за Водским (Ладожским) озером, и после этого похода стала платить дань Новугороду. Этот поход принес большую славу князю Ярославу.

В том же походе князь крестил языческий народ корелу — северных соседей новгородцев, кто давно платил дань Новгороду и дружил с ним. Дикая, языческая емь часто грабила корелу и ходила на них войной. Новгородцы много раз защищали корелу от воинственных пришельцев. Многие из корелы, как и их соседи ижоряне*, давно уже сами приняли

крещение от русичей. Силой ко Христу русские своих соседей не водили.

Тут Федя вспомнил, как слышал от матушки, принимавшей многих странствующих монахов и паломников, о том, как в княжеском городке Осетре, что в Рязанской земле, объявился чудотворный образ святого Николая Угодника. Правит в Осетре князь Феодор Юрьевич — сын рязанского князя Юрия Ингоревича. Матушка рассказывала, что привез этот чудный образ какой-то гречин из Корсуня. Когда ехал он из Новгорода в Тверь, то батюшка встретил и просил его погостить в Переславле или вообще остаться там с образом. Батюшка даже обещал гречину построить в Переславле храм в честь образа святителя Николая Чудотворца. Но гречин отказал, так как очень торопился в Рязанскую землю, отговариваясь тем, что велено ему было доставить образ именно туда. А рязанский князь Юрий Ингоревич вместе с епископом Ефросином Святогорцем встретил образ у княжеского городка близ села Красного, что на реке Осетре. Многие больные исцелились тогда у образа. И князь Юрий создал храм во имя образа святого Николы Корсунского. Таинственная история была как-то понятна княжичам, но неясным было одно, почему местопребыванием образа стал какой-то небольшой городок порубежной Рязанской земли, а не Новгород, Владимир, Переславль, Ростов или Суздаль.

Уже спускались сиреневые сумерки, когда охотники наконец-то добрались до своего стана у реки. Их ждала обильная еда, меды и пиво. До полуночи люди сидели у костров и вспоминали все, что произошло на охоте. Умельцы взялись готовить на костре медвежатину. Много было съедено, много выпито. Уставшие княжичи лишь за полночь ушли спать в свой шатер. А дядька еще оставался у костра с гридями. Подвыпившие отроки, гриди и ловчие пели удалые молодецкие песни. Потом языки у многих стали заплетаться, а головы поникли долу. Кто-то заснул прямо на лапнике у костра,

кто-то дополз до воза и упал туда, кто-то по достоинству занял свое место в шатре. Только человек пять дворовых, что стояли в стороже, по очереди прохаживались возле костров, подкидывая в них дрова и понемногу потягивая княжескую медовуху. Холодными стали ночи, близилась осень.

На следующий день княжеский двор продолжал охоту. Выехали уже поздним утром. Но ловчие и гриди смогли все же загнать и подстрелить двух волков недалеко от реки. Кроме того, дворовые наловили силками с десяток зайцев, постреляли на реке немало диких гусей, наловили рыбы и сварили чудесную уху. Всем двором ночевали у реки еще одну ночь и на следующий день утром тронулись восвояси. Удачной была эта охота на исходе лета в августе.

* * *

Через неделю пришло еще одно послание от князя Ярослава из Новгорода. Он кланялся всем и справлялся о здоровье детишек и княгини. Феодосия, услыхав о себе, улыбнулась, порозовела и погладила живот. Князь справлялся о хозяйстве, об урожае, о ценах на хлеб и мясо. Передавал поручения тиуну, дядьке Феодору Даниловичу, ближним боярам и воеводам переславского полка. В конце послания Ярослав отдельно кланялся боярину Борису Творимиричу и передавал для него известия, полученные от ганзейских и готских купцов. С его слов выходило, что латинские немцы собирались в новый крестовый поход в Святую Землю во главе с римским кесарем Фридрихом. Кесарь вступил в сговор с египетским султаном против дамасских сарацин и хорезмийцев с целью отвоевать Святой Град Иерусалим и взять в жены дочь короля иерусалимского Иоланту. За это римский папа Григорий предал римского кесаря анафеме, как врага Христовой веры. Но было похоже, что кесарь нисколько не боялся римского первоепископа и Святой Град достанется ему. Князь также сообщал, что орденские немцы выгнали датчан из Чудской земли и забрали все их грады. Орден заметно осильнел, и уже

вскоре после Рождества немцы и ливь взяли последний оплот эстов — остров Эзель.

* * *

Вечерело. Косой свет солнца пробивался сквозь мутноватое стекло небольшого окна нижней сводчатой палаты Венденского замка и тускло высвечивал на старых подсвечниках, стоявших на небольшом столе. Там же лежали свитки свежего пергамента, несколько отточенных перьев, стояла медная чернильница. В подсвечниках горели свечи. Витая желтая свеча была зажжена перед деревянным изваянием Святой Девы Марии. Перед ним стоял на коленях орденский монах брат Генрих и усердно молился, произнося на латыни с детства заученные и знакомые слова. Закончив молитву, он поднялся на ноги, троекратно осенил себя крестным знамением всей длани слева направо, поклонился образу Девы и сел за свою хронику. Ему предстояло написать об очередном подвиге братьев-рыцарей и разгроме градов язычников-эстов на острове Эзель. Он стал писать о том, как на Рождество 1227 г. множество рыцарей-братьев, пилигримов и купцов съехалось в Ригу. Туда же пришли многочисленные отряды ливи и леттов. Двадцать тысяч воинов собралось тогда в главном городе Ливонии. Стояли сильные морозы. Льдом сковало Даугаву и Рижский залив. Но снега было немного. Зимние, солнечные дни, выдавшиеся на Святки, радовали христиан. Лошади были хорошо подкованы. Собран был большой санный обоз. Люди были прекрасно вооружены, имели щиты и доспехи. В конце января войско двинулось по крепкому зимнему льду на Эзель. К полудню оно миновало устье Даугавы и вышло на ровный лед залива. Прозрачный и гладкий как стекло, он звенел и крошился под коваными копытами лошадей и ногами людей.

Монах сам участвовал в том походе и вспомнил, что местами сквозь толщу льда хорошо были видны водоросли и огромные валуны, лежавшие на недоступной глубине

сумеречного морского дна. Стаи крупных и мелких рыб медленно двигались или стояли в толще вод. В более глубоких местах потоки воды под прозрачным ледяным панцирем будили рыбные косяки, сгибали морскую траву, вытягивая и извивая змеями ее длинные стебли. Солнечные лучи преломлялись толщей льда, переливались радужными потоками и рассеивались в неведомых серо-зеленых глубинах. Гирлянды мелких пузырьков, поднимавшихся оттуда наверх, останавливались где-то в полусажени от лошадиных копыт и человеческих ног. Иногда люди видели печальные остовы древних кораблей и норманских дракаров, наполовину занесенных илом или песком и обретших в этих глубинах вечный покой. Дремлющее подо льдом зимнее море раскрывало людям свои тайны и встречало их своей первозданной, божественной и немой красотой.

Через несколько дней войско подошло к острову Монэ близ Эзеля. Здесь стоял небольшой, но крепкий град эстов, воздвигнутый на высоком скальном массиве у берега. Стены замка частично были каменные. Расставив камнеметы с напольной стороны, крестоносцы стали бить в стены камнями. Стрелы и камни полетели им в ответ. Через день братья-рыцари повели войско на приступ. Камни и стрелы убивали и увечили латинских воинов. Когда крестоносцы приставили лестницы к стенам и полезли наверх, то там их встретили сотни эстов с копьями и секирами. Этот приступ был отбит с большими потерями для воинов Креста. На шестой день осады третьего февраля латинские воины все же смогли применить технические новшества, неизвестные эстам. Из тяжелых арбалетов они выпускали железные стрелы с крюками. У основания стрел были отверстия, куда были продеты и привязаны прочные канаты. Эти стрелы пускали туда, где стены были деревянные. Крюки прочно впивались в бревна. С помощью лебедок и коловоротов крестоносцы смогли выломать из куртины много бревен. Часть стены с напольной стороны рухнула.

Осажденные бросились к брешам. Тем временем несколько сотен братьев-рыцарей и пилигримов по приставным лестницам и по веревкам, прикрепленным к стрелам, пущенным из арбалетов, полезло по склону замковой горы, политому водой и покрытому льдом. С трудом рыцари преодолели склон и полезли на оледенелую каменную стену. Эсты не ожидали их с этой стороны, но вступили с крестоносцами в отчаянную схватку. Многие рыцари были ранены или убиты. Тем временем ливы и летты окружили замок и убивали всех, кто пытался прорваться на свободу. После кровопролитного приступа замок Монэ был сожжен. Крестоносцы двинулись на Эзель.

В середине острова стоял самый крепкий город-крепость эзельцев Вальдия или Вальдэ. Множество эстов из окрестных весей и градов сбежалось тогда туда. Все уже слышали о жестокой расправе крестоносцев над эстами с острова Монэ. Подойдя к Вальдии, крестоносцы из баллист, тяжелых арбалетов и луков стали обстреливать его. Стрелы и камни градом падали на головы женщин, стариков и детей, калеча и убивая их. Деревянные постройки в городе рушились под ударами камней. Из-за большого скопления народа и тесноты почти каждый снаряд попадал в цель, спасения не было никому. Эсты запросили мира, открыли ворота и впустили латинских воинов. Братья-рыцари взяли заложников и крестили эстов. «Стали вальдийские эзельцы сынами послушания, некогда бывшие сынами гордости. Те, кто были волками, стали агнцами. Кто были гонителями христиан, стали им братьями» — такими строками заканчивал свою хронику брат Генрих.

Глава X

«Яко же еси зовут тя?»

Лето 6736 года (1228 г. от Р. Х.) было знойным и сухим. Небольшие дожди прошли в июне, а в июле солнце беспощадно палило с небес, сухие юго-восточные и южные ветры не приносили ни облаков, ни дождей. Поля и луга сохли, трескалась земля, колодцы и пруды, реки и озера мелели, и всякий, кто хоть как-то был связан с трудом земледельца, понимал, что яровые в этом году погорят. Дал бы Бог успеть управить озимые. Косари уходили к дальним болотам и шли на дальние лесные поляны, чтобы накосить хоть какого-то сена для скота. Горели леса и торфяники по Волге, Клязьме и Оке. Дымами сгоревших лесов были окутаны поля и луга, города и веси. Даже богатые реками, озерами и болотами Новгородскую и Псковскую земли не пощадил зной. И там солнце жгло и сушило посевы, травы и леса.

Неожиданным для переславского княжеского дома и двора было послание, пришедшее в середине лета от князя Ярослава из Новгорода. Князь спешно звал к себе в Новгород переславский, дмитровский и тверской полки, всех своих гридей, кто еще оставался в Переславле-Залесском, княгиню Феодосию с грудным Ярославом и старшими княжичами Феодором и Александром в сопровождении дядьки Феодора Даниловича, а также своего любимого боярина и советчика Бориса Творимирича.

Собирались быстро. Комонный переславский полк уже выступил в поход на Дмитров, чтобы ускорить сборы дмитровского полка и соединиться с ним. Княжеский двор в спешке укладывал вещи на возы и должен был догонять полк в дороге. В этот раз в поход из Переславля уходили как комонные, так и пешие вои. Всех, способных держать оружие, выставила переславская волость по велению князя. Пехота еще собиралась и должна была второпях идти следом за конницей. Эта спешка сильно озаботила ближних княжеских бояр и напугала Феодосию. Одно успокаивало ее, что если бы дело шло к усобице, то не стал бы Ярослав вызывать ее в Новгород с детьми. С утра прибыл на княжеский двор Борис Творимирич «в мале дружине». Княжеский тиун и Феодор Данилович, руководя дворовыми и гридями, уже заканчивали погрузку обоза. Все были озабочены. Радостью светились только глаза старших княжичей, понимавших, что и им теперь предстоит встреча с таким загадочным, вольным, красивым и богатым Господином Великим Новгородом. Они оба заметно подросли, стали препоясываться во время выезда со двора жесткими кожаными поясами поверх кафтанов, а к этим поясам приторачивали короткие мечи в ножнах. Федя в росте обогнал Алексашу уже на целую голову, и над его верхней губой пробился заметный золотисто-пепельный пух. Алексаша тянулся за братом, и все же его руки по цепкости, умелости и силе были слабее братних. Княжичи были возбуждены, по-юношески они негромко и задорно перебрасывались понятными лишь им одним короткими словами и смеялись. Они как будто чувствовали, что отныне начинается какая-то новая, еще неизведанная ими взрослая и самостоятельная жизнь, к которой их все время готовили и о которой они всегда мечтали.

* * *

За три дня пути княжеский двор добрался с обозом до Дмитрова, где догнал конный переславский полк. Там к переславской коннице присоединились дмитровцы. Следом в

Дмитров пришел пеший переславский полк. Град и его посады наполнились множеством воинского люда. Солнце сверкало на небесах и палило, тускло играя на запыленных доспехах и шеломах кметей. Вои купались, стирали рубахи и порты, мыли и чистили коней в реке Яхроме. У берегов реки жгли костры и варили еду. За высокими шестисаженными валами и трехсаженными рублеными стенами града, замкнутыми в кольцо, как и в Переславле, в деревянном соборе служили божественную литургию. Затем священство пошло крестным ходом из собора в обход града, окропляя водой и благословляя воинов. Утром на четвертый день после выступления войско и княжеский двор оставили Дмитров. Через два дня, миновав Дмитровскую гряду, полки вышли к реке Сестре и торговой слободке, умостившейся в ее речной луке. Отсюда начиналась прямая наезженная дорога на Тверь, Торжок и Новгород Великий.

Через три дня Тверь колокольным звоном при стечении множества народа встречала княжеский двор и войска. Небольшой тверской кром, построенный на мысу при слиянии полноводной Волги и небольшой реки Тьмаки, господствовал над окрестностью. Врата крома были открыты, на звонницах рубленых храмов звонили в била. Духовенство выходило из врат навстречу княжескому двору с иконами и крестами. Впервые Федя и Алексаша видели города батюшкиного удела и замечали, что простой ремесленный и торговый люд радостно встречает княжеский двор и княжеские полки. Понравилась княжичам широкая полноводная Волга. Через реку переправлялись на ладьях, лодках и плотах. Тверской и кснятинский полки за рекой присоединились к войску. Теперь общая численность княжеских сил выросла до двенадцати тысяч. Далее двинулись на Торжок.

Через день миновали рубежи переславской земли — удела князя Ярослава Всеволодовича. Далее на запад лежали владения города Великого Новгорода. На пути были Торжок и

Заборовье. Здесь многочисленное княжеское войско встречали уже без радости. Вдоль дороги стояли нарядные женки и из-под руки, заслонясь от яркого солнца, тревожно прищурив глаза и плотно сжав губы, молча провожали проезжавших и проходивших бесконечным потоком вооруженных доспешных кметей и поднимавших пыль пешцев. Мужчины выходили к дороге реже и не удалялись от своих дворов. Если же кто-то из новгородцев проезжал мимо, то не преминул бросить какое-нибудь негромкое, но едкое и колкое слово. Еще через седмицу княжеский двор и полки были уже в трех поприщах от Новгорода. Здесь княжичей и княгиню встретил посадник Иван, который сообщил, что князя в городе сей день не было. Князь возвращался из похода с Невы, куда ходил, чтобы отразить очередной набег воинственной еми. Тем временем войска двинулись на Славну* и к восточному предгородью. Княжеский двор в сопровождении посадника отправился южнее — на Городище.

Огромный город, расположенный на берегах полноводной реки, поблескивавшей под яркими лучами солнца, город с многочисленными каменными храмами и вежами, белевшими и розовевшими вдали, остался в стороне. Караван княжеского двора миновал еще около двух поприщ вдоль реки Волховец и двигался близ холма, на котором располагался Спасо-Нередицкий монастырь. Среди его деревянных построек возвышался белокаменный одноглавый собор. Здесь путники увидели, что на другом берегу Волховца на высоком взлобке располагался немалый град с тыновым острогом и рублеными вежами, за стенами которых возвышались два каменных храма и крыши многочисленных деревянных строений. Это и был местный княжеский двор, называемый новгородцами «Городищем». Алексаша и Федя в сопровождении дядьки тронули коней и поехали по склону холма вверх. С высоты его они увидели, что южнее, вдали за широким Волховом белел высокий и стройный храм, окруженный рублеными

стенами. А еще далее в летнем мареве блистали лазурной синевой бескрайние воды Ильмень озера. С высоты княжичи залюбовались великолепным видом, и им обоим вспомнился рассказ Бориса Творимирича о лазурном и теплом греческом море и прекрасном Цареграде, что раскинулся на дивных морских берегах. Души и сердца княжичей были полны новыми, неизведанными впечатлениями и образами. И оба они находились в состоянии какого-то радостного ожидания, ожидания чуда, какое испытывает человек лишь в отроческие и юные годы. Под уговоры дядьки Федя и Алексаша съехали с холма и присоединились к каравану. По дороге посадник рассказывал княгине и княжичам, что именно здесь на Городище вождь варягов-славян Рюрик построил свой первый град и стал править как князь над всей волостью. А уж потом через четверть века князь руссов Олег захватил Киев. Тогда-то и был построен Новгород Великий, почему и назван был «Новым городом», чтобы отличать от древнего «Городища».

Княжеский поезд миновал мост над Волховцем и двинулся вверх по берегу. Ворота княжеского града были уже отворены, и перед ними множество слуг, челяди и простого люда из окрестных слободок с любопытством встречало княжичей, княгиню и их сопровождение. Слышались негромкие приветствия. На что посадник Иван, княжичи и ближние бояре склоняли головы и желали всем здравия. Поезд въехал внутрь града через воротную вежу. На небольшой площади княжичей и княгиню встречал тиун Яким, окруженный слугами. Кланяясь и улыбаясь, он сообщал, что все давно ожидают их, что покои убраны к их приезду, что готова баня, что накрыты столы как для господ, так для гридей и слуг. Княгиня Феодосья сошла с возка, кланяясь, благодарила тиуна и велела боярам располагаться и устраиваться по дворам.

Тем временем Алексаша и Федя, еще сидевшие верхи, обратили внимание на то, что их с любопытством разглядывает небольшая кучка юных дворовых девушек, собравшихся у

портала храма Благовещения. Среди них Феде особо бросилась в глаза одна в белой с вышитым воротом рубахе, у которой были большие, внимательные голубые глаза и золотистые пряди волос, выбивавшиеся из-под легкого витого венца. На взгляд девушке было лет шестнадцать или семнадцать. Она гордо и высоко держала голову, и хотя с интересом смотрела на старшего княжича, но не улыбалась, как другие. Одета она была немного лучше, чем дворовые девушки, и если те были босы, то на ее ногах были кожаные, низкие и остроносые башмачки. Складки длинной рубахи, подпоясанной мягким кожаным пояском, с трудом скрывали ее женственные формы и девичью грудь.

Федя, кому шел уже тринадцатый год, до се редко показывавший свое внимание девушкам, вдруг понял, что он не может отвернуть глаз от незнакомки. Мороз пробежал по коже княжича. Уверенно державшийся ранее, он вдруг слабо и беспомощно улыбнулся, опустил глаза и слегка склонил голову в поклоне. Златокудрая девушка легким наклоном головы отвечала ему. Вновь подняв глаза, Феодор увидел ее внимательный взгляд, обращенный на него. Кровь ударила ему в голову, обожгла ланиты, и он вдруг залился алым румянцем. И словно в ответ щеки и лоб девушки порозовели. Взгляды их нашли друг друга, и мир пропал вокруг. Среди десятков людей, говоривших, смеявшихся, радовавшихся жизни они вдруг стали немы и безразличны ко всему, что не касалось их самих. Солнце, казалось, померкло. Он не знал, как ее зовут, но вдруг понял, что жизнь без нее для него уже не представляет интереса. Так они смотрели друг на друга всего несколько секунд. Но Феодору почудилось, что он оказался в вечности, и он потерял ощущение времени. Среди общего шума и неразберихи, связанных с приездом княжеского двора, в жаркий и солнечный летний день ему вдруг почему-то вспомнился праздник Рождества во Владимире, Успенский собор, где они стояли с Алексашей всенощную, и

та женщина в темном малиновом мафории, что поманила его войти в алтарные врата. Затем в ушах у него зазвучал какой-то величественный и тяжелый гул, похожий на то, как долго и протяжно звенит тяжелое церковное било после удара. И через секунду с другого берега Волхова донесся могучий и протяжный удар колокола. Это отслужили литургию в Георгиевском храме Юрьева монастыря. Все окружавшие Феодора стали креститься. Не крестились только он и она. Колокольный звон, наполнивший аэру дивной и тонкой вибрацией, словно пробудил старшего княжича от глубокого сна. Он с трудом оторвал глаза от ее очей и опустил их долу.

Все уже сошли с коней, лишь Феодор еще был верхи. Как после тяжелой болезни, ослабевшими руками он отпустил повод, оперся на переднюю луку седла и, оставив десное стремя, перебросил десную ногу через круп своего жеребца. Возбужденный и полный впечатлений Алексаша о чем-то спрашивал брата, но тот что-то невразумительно отвечал ему. Ступив на землю, старший княжич погладил коня по храпу и из-под узды скрытно поглядел в сторону паперти Благовещенского храма. Девушка еще стояла там, но уже повернулась к нему десным плечом, о чем-то разговаривая со своей соседкой, а ее длинные косы, перевитые голубыми парчовыми лентами, струились двумя золотыми потоками вниз вдоль плеча и стройного стана. Феодор вновь ощутил мороз, тронувший кожу спины и позвоночник. Он увидел, что она краем глаза тоже смотрит на него, и вдруг почувствовал себя сильным и юным. Мир окружил княжича и наполнил все своими красками, запахами, звуками и солнечным светом. И радость, великая радость и надежда вдруг толкнули его сердце, задрожавшее от счастья, желания жизни и какого-то дивного и божественного чувства.

* * *

Князь Ярослав возвратился из похода через три дня. Он был сильно озабочен чем-то и выглядел усталым. Однако

с любовью и радостью обнял, расцеловал жену и детей, с теплом приветствовал Бориса Творимирича, дядьку Феодора Даниловича, доброжелательно и с улыбкой здоровался с переславскими гридями. Затем к нему подошел тиун Яким и что-то тихо и долго говорил князю на ухо. Феодор и Алексаша, наблюдавшие за отцом, заметили, как Ярослав Всеволодович опять нахмурился ликом, что-то негромко ответил тиуну и махнул рукой, де как уж есть, так уж пусть и будет. Затем князь велел Якиму проследить, чтобы коней, ходивших в поход, хорошо накормили и помыли, а сам направился в баню с гридями, бывшими в его сопровождении.

После бани и обильной трапезы с дружиной князь остался в большой теремной палате с ближними боярами, возглавляемыми Борисом Творимиричем. Старшие княжичи были здесь же. Князь поведал боярам, приехавшим из Переславля, что за последние месяцы дела его в Новгороде Великом шли все хуже и хуже. Владыко Антоний, во всем поддерживавший князя, стал неугоден новгородским боярам и был вынужден уехать в Хутынский монастырь и затвориться там. В начале лета Ярослав ходил с малой дружиной, с посадником Иваном и тысяцким Вячеславом ко Пскову, дабы уладить дела и договориться о совместном походе против орденских немцев в Чудскую землю, ибо те уже и Эзель взяли, но псковичи затворились в граде и не впустили князя. Тогда и узнал князь Ярослав, что еще в прошлом году Псков заключил мир с немцами при посредничестве папского легата епископа Моденского. Как сообщил тогда Борис Творимирич, папа Гонорий, услышав об этом, послал письмо русским князьям, призывая их обратиться в латинскую веру. Письмо это осталось без ответа. Простояв близ Пскова на Дубровне несколько дней, Ярослав возвратился в Новгород, так ничего и не содеяв. Тем временем, видимо во Пскове пустили слух, что князь якобы вез с собой оковы и хотел хватать и ковать вятших* псковских мужей. Возвратившись в Новгород, Ярослав Всеволодович созвал

вече на владычнем дворе и целовал крест новгородцам в том, что не мыслил Пскову и псковичам какого-либо зла. Во Псков вез он с собой дары и хотел дружбы и союза с псковичами, но те его обесчестили. За то перед всем вечем положил он на них великую жалобу.

Следом явилась новая беда. На берега Водского (Ладожского) озера на лодках пришла воинственная емь, пограбившая волости ижорян и ладожан. Князь с дружиной и новгородцы с тысяцким числом до трех тысяч воев пошли в насадах в Ладогу. Тем временем ладожский посадник Владислав и ладожане не дремали. Не дожидаясь новгородцев, они небольшим отрядом на ладьях неожиданно настигли емь и ночью вступили с ней в схватку. В горячей ночной сече на берегу озера емь была побита и запросила мира. Но посадник и ладожане мира не дали. Тогда пришельцы иссекли весь полон, бросили лодки и побежали в лес пеши. Ладожане преследовали емь и били врага по лесу, а лодки пожгли.

Новгородское войско вошло тем временем в Неву и встало на берегу станом. В войске начался ропот. Бояре и их сторонники не хотели идти далее, а потребовали дождаться ладожан. Собралось вече. Долго спорили и решали, как быть. Наконец новгородский муж Судимир со Славны укорил бояр и их приспешников в трусости. Сошлись на кулаках. Большинство новгородцев не полезло в драку или приняло сторону бояр. Дошло до того, что чуть не убили Судимира, но вмешался князь Ярослав, примирил дравшихся, а Судимира укрыл в своем насаде. После веча решили не дожидаться ладожан и двинулись назад в Новгород. Не привык князь к таким походам и к такому позорному малодушию. Как стало известно потом, ижоряне встретили ворогов, уходивших берегом озера, и избили многих. Остаток их разбежался куда глаза глядят. Но и тех, кто успел уйти севернее, корела отыскивала в лесу, в лугах, в вежах и добивала. Говорили, что пришло еми на озеро две тысячи воев или более, мало

же, кто из них в свою землю убежал, иные все легли костьми в новгородской волости.

Все это князь рассказывал с волнением и когда говорил о новгородских боярах, то и дело сжимал кулаки. Творимирич, желая незаметно перевести разговор на иную тему, спросил князя, хочет ли тот узнать о том, что творилось в Западной Руси. Ярослав нахмурился, но кивнул головой. Боярин поведал, что уже по дороге в Новгород ему пришла весть о кончине в Торческе тестя князя Ярослава Всеволодовича Мстислава Удалого. Сообщал ему об этом киево-печерский архимандрит Досифей, с кем Творимирич завел знакомство и переписку благодаря афонским связям. Все это время боярин скрывал известие, не решаясь без воли князя дать знать об этом княгине. Галич и вся галицкая волость теперь законно оставались за угорским королевичем Андреем, взятые им в приданное за младшей дочерью Мстислава Удалого. По всей вероятности не избежать было новой большой войны между уграми и Даниилом Волынским. Неизвестно еще, чью сторону примут ляхи. Весть о смерти тестя и о том, что творилось на Галичине, еще более омрачила чело князя Ярослава, но новгородские дела теперь не казались ему столь непоправимы.

Совет в большой палате еще продолжался некоторое время. Говорили о положении в Святой Земле. О том, что римский кесарь Фридрих готов принять Иерусалим и жениться на принцессе Иоланте. О том, что папа римский готовится к войне против римского кесаря. О том, что Орден не станет платить дани Новгороду с Юрьевской волости, и о том, что уж если воевать с Орденом, то первым делом надо идти на Ригу.

* * *

Несколько дней после приезда на Городище Феодор не видел той златокудрой, что стала его остудой. Он был сдержан и молчалив. Алексаша не узнавал брата. Первые дни он пытался расшевелить молчаливого Феодора и отвлечь его от каких-то неясных ему мыслей, но, видя безуспешность своих попыток,

потерял надежду и стал чаще общаться с отцом, когда тот был на Городище, с дядькой или со знакомыми молодыми гридями из Переславля.

Старший княжич все чаще появлялся один на конюшне, мимоходом заглядывал в девичью или в помещения, где располагались дворовые люди, заходил в клети, амбары, поварни, спускался в погреба, якобы испить холодного квасу или отведать ягодного отвара. Хотя для всего этого стоило только позвать какую-нибудь девушку из дворовых, и она с превеликим удовольствием принесла бы все это молодому княжичу в изобилии через пять минут, да и рассказала бы ему обо всем, о чем бы он только ни спросил. Но княжич и смотреть-то не мог ни на кого из девушек. Тем более не хотелось ему ничего просить или выведывать. Так, гуляя по двору в одиночестве, нигде не встречал Феодор той, кого искали его глаза. И все же желание княжича увидеть свою златокудрую мечту вскоре исполнилось.

Как-то в воскресный день он стоял литургию с батюшкой, матушкой и братом на полатях (хорах) Благовещенского храма. Дланями княжич держался за перильца, ограждавшие полати, а глаза его были опущены вниз и машинально отыскивали среди многочисленной дворни и гридей желанный образ. Литургия уже началась, и его взгляд привлекли две девушки, вставшие близ аналоя. На одной был большой, нарядный и яркий платок, у другой из-под светлого платка струились по плечам и вдоль талии две златокудрые косы. Сердце заколотилось в груди у Феодора, и он, не раздумывая, но незаметно для окружающих попятился ко входу в башню, где была каменная лестница, спиралью уходившая вниз. Стремглав слетев по ней и чуть не разбившись, Феодор отворил окованную дубовую дверцу, вошел в храм. Отыскав глазами златокудрые косы, он, неторопливо пробрался среди людей и встал одесную возле каменного столпа храма. Литургию служили торжественно и празднично. Хор пел громко и слаженно. Свечи и лампады

горели ярко, а Феодор во все глаза смотрел на нее. Она, наверное, несильно была увлечена службой, редко крестилась, взгляд ее казался печальным. Рядом с ней стояла молодая женщина, из-под платка которой выбивалась большая белокурая коса. Лик ее был благороден и красив, и она была похожа на ту, при виде которой замирало сердце княжича, но в чем-то черты ее лица были суше и строже. Кроме того, она явно была старше, и Феодор догадался, что это верно сестра его златокудрой остуды. Старшая тоже явно не была увлечена молитвами и внимательно разглядывала людей в храме, в то время как младшая сестра смотрела на образа перед собой или опускала глаза долу.

Некоторое время княжич незаметно рассматривал девушек, но вскоре глаза старшей и глаза княжича встретились, и та улыбнулась. Приветствуя, она слегка поклонилась ему. Княжич ответил тем же. Легким движением она, видимо, тронула за руку младшую и что-то шепнула ей на ухо. Через несколько минут златокудрая подняла глаза и почти незаметно глянула на Феодора. Но глаза их успели встретиться. Мгновение, и оба вспыхнули ярким румянцем, который с трудом скрывал полумрак и порхающий свет свечей и лампад. Затем оба почти незаметно поклонились друг другу, а сердце Феодора взлетело под купол храма.

* * *

Эту ночь старшему княжичу не спалось. Дурманящий запах цветов с заливных лугов по берегам Волхова и Ильмень озера изливались на княжеский двор. Лето вступало в ягодную пору. Теплый, легкий ночной ветер гулял по Приильменью, но не будил сонные воды. Луна из своего запредельного, космического далека величественно гляделась в тихие, спокойные зеркала озер и рек. Млечный путь пополам рассекал небосвод, а отдельные звезды ярко высвечивали среди дымки нашей Галактики и черной, бездонной глубины Вселенной. Земля стремительно неслась вокруг Солнца,

двигаясь по отмеренному ей Творцом годовому кругу. А само Солнце, подчиненное тому же закону, уносило с собой Землю и все свои планеты, совершая величественный и заметный для человеческого глаза только через тысячи лет ход по космической тверди. Близилась пора звездопада, и метеоры все чаще чертили своими тонкими искрящимися вспышками синие околоземные сферы. Беспредельный космос дышал на Землю неслышимым человеческому уху и еле заметным глазу вселенским дыханием. Но это божественное дыхание как никто другой, как мало кто из людей, окружавших его, ощущал молодой княжич, не спавший и лежавший среди ночи в темноте с открытыми глазами.

Легкая дымка тумана закурилась под утро над зеркалом озер, рек и в низинах. Чуть посвежело. Вместо сна княжичем овладел какой-то дурман. В этом дурмане он грезил ей. То он видел ее нагую, как русалку, в воде Волхова с распущенными золотыми волосами, струившимися по плечам, и большой упругой грудью с алыми пятнами сосков. Да и сам Волхов виделся ему старым и мудрым волхвом с седой бородой и гривой волос, пряди которых становились волнами реки. То она, неслышно ступая легкой босой ногой, являлась к нему в изложницу в одной тонкой рубахе и начинала молча снимать ее, обнажая свои чудесные маленькие стопы, колени и стройные бедра, но дальше Феодор пробуждался и гнал от себя видение. Казалось, он засыпал, но вдруг ему чудилось, что он брал ее на руки и нес такую душистую и драгоценную к стогу свежескошенного сена, а затем валился вместе с ней в стог и душил ее в своих объятиях. То, уже пробудившись, он представлял себе, как встретит ее в лесу и подхватит, посадит к себе в седло на коня и ускачет с ней куда глаза глядят. В мыслях он целовал ее алые губы, волосы и глаза, сосал ее круглые и упругие девичьи груди с большими сосками, лобзал ее бедра, колени и маленькие нежные стопы ног. Виденья и мечты сливались, приходили и таяли, а затем вновь возникали

в возбужденном воображении княжича. Еще не забрезжил рассвет, но вконец измученный видениями и мечтами княжич уже отчаялся уснуть.

Не зажигая свечи, Феодор тихо поднялся с постели и накинул кафтан. Затем натянул легкие сапоги на босу ногу и посмотрел на Алексашу. Тот спал на своей постели, не шелохнувшись. Двигаясь тихо, чтобы не скрипнула половица, старший княжич пошел к лестнице. Так же тихо спустившись в большую палату, он прошел ее и закрыл за собой дверь. Пройдя сени, он спустился во двор. Со двора заглянул в поварню, взял там краюху хлеба и пошел на конюшню. Створы ворот конюшни были открыты. Молодой конюх спал на сене близ входа. Кони, услышав вошедшего, всхрапнули в стойлах. Серый жеребец княжича, почуяв хозяина, слегка заржал. Но конюх, видимо принявший ковш меда накануне вечером, крепко спал. Феодор прошел в стойло к своему коню, закрыл за собой дверцу, погладил его по холке и храпу и стал кормить его хлебом. Зубами и шершавым языком жеребец забирал с длани княжича куски и довольный тряс головой и гривой. Феодор поглаживал его по двигавшимся скулам и шептал ему в ухо какие-то душевные слова о своей остуде. Спустя минут пять в конюшню вошло несколько молодцов. Княжич решил не показываться и затаился.

Вошедшие вели разговор, из которого Феодор скоро понял, что двое из них — это знакомые ему молодые переславские гриди, а другие двое или трое — дворовые или слуги тиуна с Городища. Вскоре проснулся конюх, которого разбудили молодые переславцы, видимо, подгулявшие ночью с дворовыми. Гриди стали выводить и седлать своих коней, чтобы поехать в Новгород на торг. Они выспрашивали у новгородцев, в какой цене на торгу седла и упряжь и можно ли купить хороших немецких коней за новгородские куны. Затем заговорили о том, что цены на торгу поднялись с тех пор, как низовские полки пришли на Славну и стали станом в предгородье. Дворовые

рассказывали, что воздорожало все по торгу: и хлеб, и мясо, и рыба, что покупают хлеб по две куны, а кадь ржи по три гривны, а пшеницу по пять гривен.

Затем разговор перешел на то, что многие новгородские бояре недовольны князем и владыкой Антонием, тысяцким Владиславом и посадником Иваном, что ненавистен им княжеский тиун Яким. Посадник, тысяцкий и тиун платили боярам тем же. Гриди спрашивали, как живется дворовым и окрестным смердам за княжеским тиуном. Те отвечали, что тиун правду судит, людей не мучит, лихое не деет, но с бояр и купцов мзду емлет. Тут один из молодых дворовых заметил, что Яким опять привез и держит на Городище свою зазнобу — немецкую полонянку с ее молодкой-сестрой. Давно уже Яким, не боясь греха, возит их сюда. Немка держит нос высоко, с дворовыми говорит редко и никого не подпускает к себе. Тако же ведет себя и ее рыжая сестра. Да и кто подступится к ним, если тиун — их опека, а он доверенный человек князя. Услыхав это, Феодор догадался о ком идет речь, и сердце княжича затрепетало.

Разговор продолжался. Гриди и дворовые стали отпускать колкие и скабрезные шутки по поводу смазливой тиуновой зазнобы и ее пшеничноволосой сестрицы, и Феодор с трудом удерживал себя от того, чтобы не объявиться ерникам и не вразумить хамившую челядь. Однако, слава Богу, гриди скоро сели верхи и ускакали в Новгород, а дворовые и конюх ушли. Княжич вышел из конского стойла и незаметно прошел домой в терем.

Наступило утро. Люди в княжеском тереме просыпались и творили молитвы. Начинался обычный летний день, полный забот. Проснувшийся Алексаша уговорил старшего брата искупаться и искупать коней, а заодно незаметно взять лук со стрелами. Забрав седла, княжичи отправились на конюшню. Конюх уже не спал, а наводил порядок и кланялся княжичам. Те взнуздали лошадей и, не одевая седел, потрусили к реке.

Вскоре Городище осталось позади, а княжичи спустились под берег реки. Подъехав к песчаной мели, они спрыгнули с коней, сбросили седла на траву, сняли уздечки, разделись сами и повели коней в воду. Небольшие рыбки стайками гуляли на мелководье и уплывали по сторонам из-под ног. Чистые и прохладные струи Волховца приняли княжичей и коней в свою стихию. Юноши плавали и ныряли, тянули лошадей за гривы на глубину. Брызги воды рассыпались, искрясь в солнечном свете. Радостное возбуждение охватило братьев. Вволю наплававшись, Феодор повел своего жеребца на берег, а Алексаша еще оставался в воде. На песке старший княжич стал натягивать рубаху и порты. Подняв голову, он увидел, как по мосту, соединявшему берега реки, из Городища прошла кучка девушек с лукошками. Те, наверное, собрались в лес за ягодами. Приглядевшись, княжич заметил среди других знакомые золотистые косы. Не раздумывая, он мгновенно накинул коню на спину седло и закрепил его, вздел узду. Быстро натянул сапоги и легкий кафтан, птицей влетел в седло и погнал коня вверх по берегу. Купавшийся еще Алексаша стал звать брата, но Феодор уже на ходу лишь крикнул, чтобы тот ехал к лесу за рекой, где у опушки они и встретятся.

Тем временем девушки уже ушли далеко. Когда княжич переехал мост, они входили в лес. Феодор пришпорил жеребца. Подъехав к опушке, он тихо пустил коня туда, где последний раз между деревьев и кустов мелькнули косы цвета спелой пшеницы. Густые лесные заросли скрыли княжича. Не спеша и тихо, так, чтоб не трещали под копытом старые сучья, он ехал по лесу и искал свою остуду. Девушки, собирая ягоды, иногда перекрикивались, и это помогало ему двигаться вперед и искать ее. Впереди немного просветлело, и княжич между кустов тихо выехал на небольшую лесную поляну, залитую солнцем. Недалеко, в полутени, отбрасываемой на брусничник кроной сосны, стояла она и изумленно смотрела на него. Более на полянке никого не было. Казалось, их никто не видел.

Феодор медленно подъехал, спрыгнул с коня и с надеждой и трепетом посмотрел на нее.

— Яко же еси зовут тя, пьшеницяволосая? — спросил он.

— Неле. Русьски есмь Неонилл, — отвечала она на ломаном русском языке, немного смутившись.

Он не знал, что говорить далее, но губы его сами стали шептать что-то нежное, чего он не помнил потом. Как зачарованный Феодор приближался к ней. А она стояла не отворотясь и только выронила лукошко с ягодами. Сближаясь с ней, Феодор заметил, что янтарное ожерелье тусклыми томными бликами играло в проблесках света на ее шее. Он почувствовал аромат и запах ее молодого девичьего тела, разогретого солнечным летним теплом, чудный запах ее уст, тронутых соком черники и земляники. Все это так и тянуло, чтобы слиться с ней в вечном поцелуе. Но, подойдя вплотную, он с колотящимся сердцем опустился на колени и обнял ее за бедра. Она не сопротивлялась, а только положила ему ароматные, окрашенные черничным соком длани на вихрастую юношескую голову. Так они замерли на минуту. Но хмельное и горячее желание обожгло Феодору сердце. Поднявшись на ноги, он с жадностью и нежностью поцеловал ее руки и, захватив их в свои, повел за собой. Не раздумывая, княжич сел в седло и помог ей взобраться к коню на загривок. Затем он тронул жеребца, и конь зарысил прочь.

Они проехали по лесу поприща два на юг, пока не достигли большого луга, покрытого стогами недавно скошенного сена. Феодор свернул за один стог, спрыгнул с коня, принял ее на руки и бережно опустил на землю как чашу тонкого стекла, полную драгоценного вина. Она села на сено. Княжич пустил коня погулять и сел рядом с ней. И тут жар страстных объятий и поцелуев обрушился на нее. Она не сопротивлялась, а отвечала ему с еще большей страстью. Руки его уже стали рвать янтарное ожерелье на ее белой, стройной вые и белую

рубаху на ее персях, но она сама подняла длинный подол, и он как пчела в нектар впился губами сначала в ее колени, а затем в белые и нежные как атлас бедра и живот. Она тихо стонала, схватывая перстами и дланями вихры его белокурых волос, пытаясь нежно ласкать его и отдаваясь ему. Там, в стогу в полном исступлении провели они около часа, пока не вспомнили о том, что их наверняка уже стали искать.

Княжич встал на ноги. Колени его дрожали. Тонкие и неиспытанные им ранее токи волнами расходились по его телу к ногам, животу и сердцу. В голове легко шумело как после крепкого пива. Неле блаженно полулежала на сене, глядя на него томными голубыми глазами, пыталась поправить сбившийся с головы венец и вынуть сухие былинки сена из кос. Он нагнулся и поцеловал ее в уста.

Через несколько минут княжич отыскал коня, вновь посадил девушку ему на загривок, прыгнул в седло, и они быстро порысили туда, где произошла их встреча на лесной поляне. Не доезжая черничника, он ссадил ее на землю и поцеловал. Здесь они договорились, что встретятся на этом месте через три дня в то же время. Он тихонько отъехал и через пять минут выехал из леса саженях в ста от того места, где въезжал. Прорысив вдоль опушки, он отыскал взволнованного Алексашу, успокоил его, и они поехали краем леса в сторону лесного озера искать зайцев или какой другой дичи.

* * *

Через день князь Ярослав забрал с собой старших сыновей в Великий Новгород. Под приветственные возгласы своих воев князь и его сопровождение проехали стан, раскинувшийся у Славны. Затем они въехали в город через рубленую воротную башню острога, за которой начиналась Знаменская улица. Мощеная тонким кругляком, широкая новгородская улица встретила княжичей шумом деловой суеты, озабоченными, любопытными, насмешливыми взглядами торговых, мастеровых, ремесленных людей, нарядных женок, девушек и

мальчишек, лаем дворовых псов. Множество рубленых в два и даже три яруса хором и теремов, обилие каменных храмов и богатство города сразу поразили княжичей. Во взглядах встречавших их людей читались гордость за свой город, а порой высокомерие и строптивость.

Проехав мимо каменного собора Знамения Пресвятой Богородицы почти до самого Ярославова дворища, князь и его сопровождение сошли с коней, а затем стали кланяться и креститься, оборотясь на восток к каменным храмам Успения на Торгу, Параскевы Пятницы и святого Николая-Чудотворца. Оттуда они двинулись к большому рубленому терему, возвышавшемуся на «Ярославле дворе», где князь встречал посольство из Пскова. Недавно оттуда вернулся молодой княжеский боярин Миша, передавший псковским мужам очередное предложение Ярослава о совместном походе на Ригу и выдаче бояр, оклеветавших князя. Но псковичи, похоже, уже заключили мир с Ригой и долго отмалчивались. Обещали лишь, что вскоре пришлют посольство в Новгород. Вот Миша и вернулся ни с чем.

В большой теремной палате было уже многолюдно и шумно, когда князь Ярослав и его люди вошли туда. Весь цвет новгородского боярства человек до трехсот собрался здесь. Княжеских людей вместе с ближними боярами и старшей дружиной было вдвое меньше. Войдя, князь поклонился и приветствовал всех. Часть бояр во главе с посадником Иваном и тысяцким Вячеславом радостно отвечала князю и кланялась ему. Другая часть выразила свое отношение к появлению князя громким, неразборчивым гомоном и шумом. Князь решительно прошел вперед сквозь расступившуюся толпу новгородских бояр и воссел на стол в центре палаты. Его окружили княжеские люди и сторонники из новгородцев. Теперь и тех, и других оказалось почти поровну. Вскоре в палату вошли псковские мужи, возглавляемые греком Филиппом. Посольство поклонилось князю. Переговоры начались.

Вопросы, которые Ярослав задал послам, касались участия псковичей в походе на Ригу и выдачи княжеских обидчиков. В палате довольно надолго воцарилось гробовое молчание. Стало жарко. Многие утирали платками мокрые от пота лысины и лица. Слышно было, как бились мухи в слюдяные оконца. Дверь в сени была отворена, и слабый поток воздуха с улицы не освежал людей. Ярослав ослабил верхний крюк ворота парчовой рубахи, надетой под кафтан, утер мокрый лоб и, оглядывая псковское посольство, терпеливо ожидал ответа. Вскоре псковские мужи начали тихо переговариваться между собою, и вперед из их среды выступил один наиболее дородный в шитом серебром зеленом длиннополом кафтане по имени Твердила. Поклонившись еще раз Ярославу, он начал говорить:

— Тебе, княже, кьланяемся и братьи Новгородчемъ, а на путь не идемь, а братьи своеи не выдадимъ, а с рижаны есме миръ взяли. Къ Колываню есте ходивше, сребро взясте, а сами поидосте в Новгородъ, а правды не сътвористе, города не взясте; а у Кеси такожде, а у Медвежьи Голове такожде; а за то нашю братью избиша на озере, а инии поведени, а вы толко раздравивши, да прочь.

При этих словах князь Ярослав вспомнил поход пятилетней давности в Чудскую землю. Взгляд его нахмурился, а персты сжались в кулаки. Посол же продолжал:

— Или есте думали на насъ, то мы против васъ съ Святою Богородичею и с поклоном; то вы лучши насъ иссечите, а жены и дети поемлите собе, да не паче погании емлють; то вамъ ся кланяемь.

Среди присутствовавших в палате всколыхнулись громкий говор, споры и даже брань. Но князь, встав со своего места, поднял руку и гневно велел всем молчать. Боярство повиновалось. Верные гриди, тесно сплотившись вокруг князя, держали длани на рукоятях мечей и секир. Близ князя стоял грозный Феодор Данилович, готовый в любой момент

кликнуть кметей со двора. Княжичи также стояли рядом с отцом, укрытые спинами гридей. Они знали, что перед поездкой в Новгород отец велел всему двору вздеть кольчуги под кафтан. Феодор и Алексаша также были в легких кольчугах. Одесную Ярослава был Борис Творимирич, что-то тихо шептавший на ухо князю. Тот внимательно слушал его. Немного поостыв, Ярослав Всеволодович овладел собой и обратился к новгородцам, желая узнать их мнение. От лица бояр противной стороны вперед вышел Симеон Борисович. Это был знатный и богатый муж, пользовавшийся большим уважением среди новгородцев. Утирая потное чело платком, Симеон изрек:

— Мы без своеи братьи Псковиц не имаемся ити на Ригу, а тебе, княже, кланяемся.

Князь Ярослав вновь медленно поднялся со стола, оглядел своих супротивников посуровевшими синими глазами и молвил, что будет ждать еще десять дней решения псковских и новгородских мужей о походе на Ригу. Если же решение их не изменится, то пусть пеняют на себя. После этих слов он в сопровождении своих людей и сторонников не спеша, но уверенно оставил большую палату княжеского терема на Ярославле дворе.

* * *

Десять дней ждал Ярослав Всеволодович решения новгородского веча. Каждый день посылал в Новгород на Софийскую сторону и на Ярославов двор своих посыльных и соглядатаев. Но вести приходили неутешительные. Из Пскова сообщали, что псковские вятшие мужи упросили немцев, и те привели отряды рыцарей, ливи, летьголы и чуди к рубежам Псковской земли. Сторонников князя Ярослава во Пскове предали поруганию и выгнали из города со словами:

— Поидите по князи своем, нам есте не братиа.

Многие из них бежали в Новгород и даже в Торжок. Ярослав еще раз отправил послание новгородскому вечу, где

призывал новгородских мужей одуматься и послушать своего князя. Но вече оставило послание Ярослава без ответа. Тогда князь созрел для решительных действий. Низовским полкам он велел снимать стан и возвращаться домой. Сам с княгиней Феодосьей и дружиной следовал за полками. В Новгороде вместо себя оставлял старших своих сыновей — княжичей Феодора и Александра, возлагая опеку на них на дядьку Феодора Даниловича и тиуна Якима. Для охраны княжичей и Городища оставлял князь также пятьдесят гридей своего двора и двести надежных переславских кметей, поселенных в ближних к Городищу слободках.

Прощались пасмурным прохладным утром на Городище близ княжьего терема. В окружении слуг и гридей князь Ярослав усадил в возок Феодосию с младшим сыном, расцеловал и обнял старших княжичей, отдал последние распоряжения тиуну и дядьке. Множество дворовых высыпало на площадь перед храмом Благовещения в ожидании прощания со своим господином. Многие, что служили князю, но были вольными новгородцами, собирались также оставить Городище до лучших времен и поселиться или в вотчине тиуна Якима, или в окрестных слободках. Феодор и Александр все еще стояли рядом с отцом, и тот в последний раз благословил их знамением креста поверх непокрытых голов. Князю подвели молодого каурого жеребца, и тот взял его под уздцы. Затем, сняв шапку с алым верхом, он внимательно осмотрел дворовый люд, собравшийся проводить его, и поклонился людям и паперти храма. Простой дворовый люд кланялся своему господину в ответ. Княжичи видели, что лик отца был суровым и сосредоточенным, тень печали и расставания омрачали его, казалось, на глаза навернулись слезы. Феодор заметил, что взгляд отца застыл на ком-то у паперти храма. Внимательно присмотревшись, он увидел там Неле и ее сестру Анну, стоявших ошую каменных ступеней. Сердце княжича вспорхнуло как птица при виде желанной. Но Неле смотрела на Феодора

печальными глазами, а ее сестра лишь слегка склонила голову, ответствуя князю, и, видимо, вытирала слезы, прикладывая к глазам край большого синего платка, лишь слегка прикрывавшего ее пышную копну золотисто-белых, уже успевших выбиться из косы, волос.

* * *

Осень еще не наступила, но ее дыхание вдруг сразу почувствовалось в природе. Ночи стали ветреными и холодными. Пасмурным утром на серебристой высохшей траве и кустарнике появлялся легкий иней. Но стога сена в лугах еще стояли, и кое-где по полям желтели небольшие скирды соломы.

Феодор и Неле встретились уже в который раз в том самом лугу, где началась их любовь. Они лежали в стогу, а конь княжича, привязанный у стога, лениво отрывал от него клоки сена и, двигая скулами, с хрустом перетирал его коренными зубами. Было более чем прохладно, по небу ползли хмурые синие тучи, кое-где окрашенные лихорадочным золотистым светом не согревавшего солнца и, казалось, что вот-вот пойдет дождь. Однако влюбленные не замечали этого и были почти наги или точнее слегка прикрыты: он — краем ее синего сарафана и сеном, она — его серым из дорогого сукна кафтаном. Он, развернувшись к ней всем телом, лежал на ошеем боку и положил свою десную ногу, согнутую в колене на ее слегка округлый живот. Десная рука его ласкала ее уже не по девичьи большие, но крепкие перси с крупными и яркими пятнами вокруг сосков, а уста целовали ее ланиты, маленькие ушки и стройную белую шею. Золотые ее волосы были наполовину заплетены в косы, а наполовину уже рассыпаны, и в них запутались былинки сена. Ошеей дланью он держал ее за плечо. Она же, лежа на спине, полуприкрыв очи, ласкала своими нежными перстами его уже вновь окрепшую мужскую плоть и просила его лишь об одном, чтобы он не оставлял на ней следов страстных и безумных поцелуев. Через несколько

минут они в который раз за эту встречу соединились вновь. Их страстные телодвижения и стоны продолжались и были слышны еще около получаса, и это тревожило коня. Тот прислушивался к малознакомым звукам, исторгаемым ожившим стогом, и, не понимая, что происходит, бил копытом, тревожно и тихо ржал, крутя головой, гривой и хвостом. Жеребец задвигал ушами, прянул от стога, громко захрапел, а затем заржал. Однако не прошло и минуты, как из стога вновь раздался уже совершенно ровный и спокойный голос:

— Тпрру, стоялый! Ужо пожди мя.

Знакомые, понятные слова и строгие нотки в голосе хозяина успокоили взволнованного коня. А в стогу начался негромкий, ровный, но иногда наполняемый тревогой и волнением разговор. Начал моросить мелкий дождь. Феодор, привстав, надел и завязал в поясе нижние льняные порты и лег опять рядом с любимой. Неле, накинув на еще нагое, остывающее от страсти тело кафтан Феодора, и, уткнувшись челом к нему в плечо, со слезами в голосе рассказывала, что дела у тиуна Якима в Новгороде, по слухам, шли плохо. Яким собирался днями отправить их с сестрой в свое сельцо, что лежало за Липной. С ее слов княжич понял, что добираться туда верхи надо несколько часов. Слова ее сильно встревожили Феодора, хотя он и без нее знал о недобрых событиях в Новгороде, о боярском заговоре, о том, что бояре подбивают новгородцев подняться против посадника Ивана, владыки Антония и всех сторонников его отца.

Но все это тревожило княжича в первую очередь потому, что могло стать серьезным препятствием для его свиданий с Неле. В душе Феодора все бунтовало против тех, кто мог встать на их пути. Но в голове своей он уже создавал план, как будет встречаться с ней у Липны где-нибудь в лесной сторожке. Он думал уже о том, кого из молодых гридей сможет он посвятить в свои любовные дела и сделать своим надежным слугой, проводником и помощником.

Небо вскоре совсем нахмурилось, и пошел дождь. Княжич и Неле быстро оделись и спустились со стога вниз. Феодор поправил ослабленное сбившееся седло, подтянул подпруги. Следом стянул со стожка красивую малиновую ортму, отряхнул ее от былинок, свернул в несколько раз и набросил коню на загривок, ближе к передней луке седла. Неле тем временем отряхнула от травы свой сарафан и поправила волосы. Напрягая все силы, он подхватил ее под стройные бедра и помог ступить ногой в стремя, а затем подсадил, чтобы она удобнее могла усесться на эту ортму у седла. Поправив узду, Феодор легко сел в седло и тронул коня. Всю дорогу домой они договаривались о том, какой знак он подаст ей, а она ему, когда им нужно будет увидеться или что-то сообщить друг другу. Условились так, что она должна будет прийти туда, куда будет указано, если посланец передаст ей его нательный крест с изображением Спасителя и св. Феодора Стратилата. Он же должен был немедленно прискакать к ней или найти ее, если она передаст с посланным свое янтарное ожерелье, купленное ее отцом на берегах Варяжского моря.

* * *

Погода испортилась совсем. С севера подули холодные и злые ветры, принесшие несчетные дожди и распутицу. Перед вечерней накануне Преображения Господня дождь прекратился, и прояснело, даже глянуло солнышко. Ночь была погожей и теплой. Но на Преображение с полудня вновь нахмурилось, а затем пошел ливень. Дни шли, а сухой и ясной погоды так и не наступало. Бабье лето не пришло.

Смерды и земледельцы окрестных новгородских слобод и сел то горестно и беспомощно вздыхали и крестились, то поднимали в злобе и исступлении свои руки к небу и, грозя ему, ругали неизвестно кого. Все то, что выросло жарким, засушливым летом и еще не было собрано или убрано по дворам, погибало под проливными дождями и студеными ветрами.

— Тои же осени наиде дождь бес престани день и нощь, с Госпожина дни и до Николина дни: ни сена беаше людем лзе добыти, — писал в тот год новгородский летописец.

Неспокойно было той осенью в Новгороде Великом. Постой низовских полков, неурожай и непогода подняли цены на торгу. Городское простонародье и ремесленный люд оказались на грани голода и нищеты. Бояре — противники князя Ярослава, кого поддержали священники приходских храмов Софийской стороны, купечество, торговавшее с немцами у границ Чудской земли и в устье рек Наровы и Невы, завели «велику крамолу» и подняли «просту чадь» против владыки Антония и других сторонников князя.

Холодным и дождливым осенним вечером прискакал из Новгорода на Городище человек тиуна Якима, который в присутствии своего господина, молодых княжичей и Феодора Даниловича рассказывал, что вчерашним днем бояре созвали простолюдинов на княжеском дворе и сотворили вече. Выкатили из погребов несколько бочек с брагой и медовухой, опоили людей. Народ взялся за дреколье и секиры и двинулся к владычному двору. Пришли туда всем скопом и выволокли из владычных покоев к народу мниха Арсения — владычного печатника и казначея, мужа кроткого и смиренного и возвели на него великую крамолу, обвиняя в том, что де выпроводил владыку Антония в Хутынский монастырь, а сам занял владыкино место, дав мзду князю. Отобрали у Арсения все ключи, затем как на злодее порвали на нем подрясник и вытолкали вшею за ворота двора, по дороге избивая его. С трудом уберегся Арсений от смерти и затворился в Святой Софии, а утром чуть свет бежал в Хутынский монастырь. Тем временем простой люд раскрыл двери всех винных владычных погребов, выкатил бочки с хмельным и принялся бражничать. Бояре же послали за владыкой Антонием в Хутынскую обитель. Утром архиепископа привезли, силой водворили на своем месте и приставили к нему двух мужей Якуна Моисеевича и

Микифора-щитника. Но и то было не все. Через час-другой взмястился весь город. Народ собрался на вече. Люди шли с оружием в руках, с пьяных глаз истошно орали во всю глотку, потрясая копьями и секирами. С веча с оружием пошли толпой на сотского Вячеслава и стали грабить его двор. Затем грабежу подверглись дворы брата сотского Богуслава, владычня стольника Ондреича, княжеских сторонников Давыдка и Судимира. Послали грабить и липеньского старосту Душилца, а самого его хотели повесить, да тот утек вовремя. Говорят, подался ко князю Ярославу. Зато схватили жену липеньского старосты и глумились над ней. Словом, в городе начался великий мятеж, в котором черные люди выступили против князя Ярослава на стороне боярской знати, обвинившей во всех бедах и несчастьях княжеских сторонников.

Вести были слишком тревожны. Выслушав их и отпустив соглядатая, тиун Яким и Феодор Данилович в присутствии молодых княжичей еще некоторое время совещались. Решено было собрать всех княжеских кметей из ближайших слободок на Городище, выставить караулы на воротных вежах и вести конный дозор на ближайших дорогах. Когда разговор зашел об охране дорог и дозорах, Феодор сильно заволновался, покраснел и с трудом скрыл свое беспокойство. Однако дядька, обратив на это внимание, подумал, что молодой княжич возможно перепугался. Тиун же просто не заметил волнения Феодора. Вернувшись в свои покои после совета у тиуна, Феодор долго не мог успокоиться, что заметил Алексаша, пытавшийся поговорить с братом и поделиться с ним своими переживаниями. Однако старший княжич как-то растерянно отмалчивался и вместо того, чтобы поужинать и стать с братом на вечернюю молитву, вышел из терема на двор. Холодные осенние сумерки спустились на округу. Дождь прекратился, и задул сильный холодный ветер. Спускаясь по ступеням с высокого гульбища, княжич заметил, что в больших лужах близ княжеского подворья отражаются полноликая луна и темно-синее небо

в просветах серо-сиреневых облаков, проплывавших вверху. Легкая рябь иногда пробегала по поверхности воды. Княжич остановился на одной из верхних ступеней на спуске с гульбища, поднял глаза к небу и увидел полную луну, ярко освещавшую небосвод в просветах между облаков. В душе его натянулась какая-то болезненная струна, мелодично и тонко звеневшая под посвист осеннего ветра. Сердце его было наполнено тоской и ожиданием. Уже две недели, как уехала его желанная, и не было вестей от нее. Все его мысли кружились вокруг ее образа. И он постоянно задавался вопросами о том, где она, что с ней, вспоминает ли она о нем. А ныне как назло пришла новая беда — замятня в Новгороде, и завтра выставят на дорогах дозоры, и, не приведи Бог, перехватят человека с весточкой от нее. А он — князь Новгородский — может и не узнать о том, что она зовет и ждет его. Вдохнув всей грудью холодный осенний воздух, Феодор всмотрелся в небеса, молча взмолился Господу о том, чего просила и ожидала его душа, и перекрестился. Оторвав глаза от неба, он увидел, что подворье почти опустело, и лишь в самом низу, в сумерках, у лестничного спуска маячила небольшая фигурка какого-то человека. Опустив длань на рукоять малого меча, притороченного у кожаного пояса ошую, Феодор смело пошел вниз по ступеням. Человек, стоявший внизу, не двигался с места, и, казалось, смотрел на княжича. Сначала Феодору показалось, что это какой-то нищий, случайно пропущенный сторожей в ворота городищенского крома за милостыней, что бывало и ранее. Но, спустившись ниже, он увидел, что это юноша годом или двумя старше его, хотя и одетый в нищенские лохмотья, выглядевшие совсем убого.

— Кто ты еси, человече? — спросил Феодор, остановившись на последней ступени и сжав рукоять меча в своей длани. Тот низко поклонился княжичу и, молча, достав из-за пазухи что-то, протянул это Феодору на открытой длани. В ярком свете луны оно блеснуло фосфорическим светом, и княжич

увидел дорогой ему предмет — янтарное ожерелье из крупных золотистых камней, купленное когда-то у Варяжского моря. Сердце княжича взлетело ввысь.

Не раздумывая долго, Феодор достал из своего кошеля у пояса горсть серебряных новгородских кун и велел юноше спрятаться и ждать его здесь же поблизости. Быстро дойдя до гридницы, он вызвал к себе двух молодых переславских гридей Судимира и Родослава, с кем давно договорился о помощи и службе в своем деле, и велел им легко оборужиться, вздеть кольчуги и седлать коней. Время было тревожное, многие гриди уже несли службу по охране городищенского крома или были в дозорах, и никто не обратил внимания на двух воев из молоди, вызванных старшим княжичем и, казалось, собиравшихся в дозор. Затем Феодор поднялся наверх в княжеские покои и застал там Александра, одиноко стоявшего перед образами в красном углу и творившим вечернее правило перед сном. На мгновение Феодору стало жаль своего еще маленького, но стойко державшегося брата. Услыхав, что кто-то вошел, Алексаша лишь на мгновение развернулся, взглянул на Феодора и тут же отвернулся к образам. Старший княжич, заметив это, тихо подошел к младшему и опустил ему десную длань на плечо. Алексаша шептал молитвы. Феодор развернул его за плечи лицом к себе и тихо попросил не держать на него обиды. В глазах Алексаши блеснули слезы. Мальчик вытер глаза тыльной стороной длани и вопросительно посмотрел на старшего брата. Феодор обнял Александра и прижал к себе. Тот доверительно всхлипнул носом. Вновь посмотрев в братнии глаза, Феодор посерьезнел. Попросил младшего поцеловать крест на том, что никто не узнает, о чем ему будет рассказано. Александр обещал, перекрестился и поцеловал свой нательный крестик. Следом старший быстро и толково рассказал младшему, что скачет в ночь к своей возлюбленной, что завтра к полудню он должен вернуться, и что если его будут искать, Александр прикроет его и скажет,

что княжич ускакал с зарею объехать дозоры. Так или иначе, но к полудню Феодор обещал возвратиться восвояси. Если же будет, на крайний случай, что он не возвратится к сроку, то Александр должен тихо вызвать молодого переславского гридя Родослава и отправить с ним посыльного к Феодору. Родослав же будет знать, как найти старшего княжича. Все это вызвало некоторые сомнения у Александра, но Феодор успокоил его и уверил, что когда вернется, то посвятит в свои тайны младшего брата, и тот обещал все исполнить. Братья обнялись и поцеловались. Более-менее успокоившийся Александр пошел спать, а Феодор тихо спустился вниз, взял седло с уздечкой и незаметно отправился на конюшню.

* * *

Светало. В небольшой, недавно срубленной, чисто прибранной и слегка протопленной баньке было уютно и спокойно. Ветер улегся, а с крыши капало в бочку с дождевой водой, что стояла у наружного угла бани. Пахло уже высохшими березовыми и дубовыми вениками, висевшими в предбаннике, и талым воском. Свеча, поставленная в латунный подсвечник еще ночью, уже догорала, оплывала и мерцала зыбким, крохотным огоньком. Двое — юноша и девушка лежали полуобнаженные на широком ложе из конских попон, потника и двух овчинных полушубков, постеленных на грубо отесанном полу бани. Поверх всего этого ложа был постелен белый льняной покров. А в головах у молодых также лежала свернутая втрое овчина. Оба они крепко спали. Их тела были сплетены в объятье. И только капли редкого дождя, падавшие с крыши в бочку, да сонная муха, проснувшаяся от печного тепла и очумело жужжавшая у оконца, затянутого мутным бычьим пузырем, тревожили их сон.

В предбаннике стояли заляпанные грязью и глиной кожаные сапоги. Поверх лавки лежали серый, дорогого сукна кафтан, забрызганный дорожной грязью из-под копыт, шапка с малиновым верхом и бобровой оторочкой. Рядом были по-

ложены тяжелая, расправленная в плечах кольчуга и кожаный пояс с притороченными к нему ножнами с коротким мечом. Богатый женский платок сиреневых тонов с серебристым узором и серебряный венец немецкой работы были обронены на пол. Небольшие женские башмачки, также запачканные глиной, стояли у порога при входе в баню, где на ложе спали молодые.

Прошел час, как рассвело. Феодор открыл глаза и увидел перед собой еще не закопченный, свежеструганный, низкий потолок бани. В первое мгновение незнакомая обстановка удивила его, но в следующий момент он тут же вспомнил, как он, двое гридей и их проводник стремительно неслись верхом сквозь дождь, ветер и ночь по грязной дороге, разбрызгивая лужи, в сторону Липны. Вспомнил, как горело его сердце ожиданием встречи с желанной, как она, вызванная дворовой девушкой, прибежала к нему сюда, на край сельца в баню. Как он, увидав ее, бросился к ней, а она прыгнула к нему, и он, что было сил, подхватил ее руками под бедра и с трудом оторвал от земли. Затем, опустив ее на ноги, обнял и расцеловал. Как она вцепилась в него, заливаясь слезами радости и целуя его в уста и ланиты. Как горяча была их встреча! Феодор улыбнулся и взглянул на Неле, которая уткнулась ликом в его десное плечо и, казалось, еще спала. Он тихо поцеловал ее в уста и в кончик ушка, и она полуоткрыла глаза. Опустив взгляд ниже, Феодор увидел упругие ее груди и стал нежно целовать их соски. Она же, не размыкая полностью глаз, гладила его своими перстами по груди. От этих прикосновений страсть загорелась в нем с новой силой... Когда он застонал и бессильно откинулся навзничь головой на овчину, Неле, повинуясь каким-то понятным только женщинам чувствам, стала с нежностью гладить его дланью по волосам и шептать ему какие-то непонятные и ласковые слова на своем родном языке:

— Майн кляйн. Майн либер...

Он не знал этих слов и ничего не спрашивал у нее о них. Но ему было так хорошо и так тепло от ее прикосновений, что не нужны были никакие пояснения. Придя в себя, он с интересом стал расспрашивать о ее юности. Она тихо шептала ему что-то на полупонятном и ломаном русском о своем детстве, о своей жизни в замке близ города Люнебурга, о своей матери, которая рано умерла, оставив их со старшей сестрой Анхен на попечение отца — бедного рыцаря Пауля Ульриха фон Горста. О том, как бедность заставила ее отца наняться в дружину к богатому ганзейскому купцу Иоахиму Бору из города Любека, который успешно вел дела в Ливонии. Отец не решился оставить маленьких дочерей дома одних и взял их с собой в далекие и дикие края — в землю язычников ливов и эстов. Так Неле и Анхен оказались в Ливонии. Тогда Неле была еще мала, но она помнила, как они плыли на большом торговом корабле по серому, штормовому Варяжскому морю. Помнила, как впервые увидела Ригу — этот небольшой, но хорошо укрепленный и полный воинов-кнехтов, рыцарей и купцов город. Причем и купцы, и рыцари, и кнехты мало чем отличались друг от друга, так как все пили много вина, крепко ругались и казались грозными, страшными, были вооружены, бряцали кольчугами и оружием. Маленькой Неле бросилось в глаза, что в этом небольшом и грязном городе было очень мало женщин и детей. Ее с Анхен почти никто не замечал, и они ни с кем не играли. Слава Христу, они недолго жили в Риге и часто ездили по стране, останавливаясь в купеческих факториях и небольших селениях ливов, где девочкам удавалось поиграть и пообщаться с детьми, выспаться после длительных переездов и сходить в какую-нибудь деревянную сельскую кирху, чтобы выслушать мессу. Нанятый купцом Иоахимом бедный клирик, постоянно сопровождавший его торговые караваны, за небольшую плату исправно обучал девочек арифметике, грамоте и письму на латыни и немецком. Неле и Анхен со временем стали хорошо считать, читать и писать,

помогая купцу вести дела. Купец все чаще заглядывался на старшую Анхен и недвусмысленно намекал фон Горсту на то, что у него взрослеет сын, которому нужна приличная и умная жена. Фон Горст чаще всего отмалчивался, понимая намеки купца и скрывая под этим молчанием свое рыцарское достоинство. Как отец он очень любил своих дочерей и редко далеко отлучался от них, но постоянно был занят охраной товаров и военными делами, хотя и старался уделять девочкам больше внимания. Когда Неле стала девушкой, он подарил ей дорогое янтарное ожерелье, купленное в Риге у какого-то купца. Дела у Иоахима Бора шли хорошо, и отец Неле получал немалое жалованье, тем более, что рыцарь фон Горст отличался смелостью и знанием военного дела и не раз за эти годы выручал купца в момент опасности или разбойничьего нападения на неспокойных дорогах Ливонии. Более всего разбойничали эсты, соединявшиеся в небольшие отряды и совершавшие нападения на немецких купцов, их фактории и ливонские деревни. Но самой тяжелой и незабываемой оказалась та война, когда на помощь эстам пришли русские, вторгшиеся в Ливонию. Страшные дела тогда творились вокруг. Немецкие пасторы и монахи, клирики и братья-рыцари, купцы и кнехты, ливы и летты, оставляя свои кирхи и монастыри, подворья и фактории, городки и селения, бежали в крупные города и замки, бросая на произвол судьбы все, что было накоплено за многие годы. Ливония окуталась дымом пожаров. Слезы и горе были в глазах христиан. Более всего неистовствовали язычники-эсты, мстившие ливам и братьям-рыцарям. Но Иоахим Бор не хотел бросать накопленное добро, несмотря на уговоры Пауля Ульриха фон Горста. Рыцарь прекрасно понимал, что нельзя терять времени, и что отсидеться за стенами фактории не удастся. Он было собрался отправить дочерей в Ригу одних на небольшом возке, но дороги, как выяснилось, оказались уже перекрыты завоевателями. Лишь когда русские оказались совсем недалеко от их фактории, купец приказал

грузить самые дорогие товары на возы и разведать, свободны ли от русских лесные дороги на запад. Отец с отрядом кнехтов ускакал в ночь. С тех пор Неле его не видела. Утром пропал и сам Иоахим Бор со своим приказчиком, сыном и племянником. В фактории остались лишь Нелли с сестрой, две женщины из прислуги, их учитель-клирик и два пожилых кнехта. Эсты и русские не заставили себя долго ждать. К полудню их небольшой конный отряд с возами нагрянул на факторию. Клирик и кнехты были тут же заколоты копьями, а на женщинах и девушках порвали одежды и надругались над ними. В этот страшный осенний день Неле стала женщиной.

Далее Феодор слушать уже не мог и не хотел. Кулаки его бессильно сжались, кровь ударила в виски, горячий пот выступил на челе, на груди и спине. Он сильно сжал руку Неле в запястье, застонал и попросил ее замолчать. Девушка умолкла, но продолжала ласково гладить Феодора по волосам и ланитам. Успокоившись, юноша стал договариваться с девушкой о новой встрече. Он обещал, что вновь прискачет к своей возлюбленной через седмицу. Если же этого не случится по какой-либо причине, то он обязательно пришлет ей весть. Наступило время расставания. Они быстро оделись. Княжич вышел наружу. Баня стояла довольно далеко от ближайших хозяйственных построек двора, в котором они нашли приют. Совсем рядом был лес и маленькое озерцо. Осмотревшись, Феодор свистнул три раза по-разбойничьи, как было условлено с Судимиром. И через несколько минут гридь вывел из сеновала, стоявшего саженях в двадцати от бани, двух коней, держа их под уздцы, и направился к Феодору. Тем временем Неле вышла из бани и остановилась на ступенях. Чтобы не привлечь чьего-либо внимания, княжич отвел ее за баню и расцеловал в очередной раз. Девушка слегка дрожала от холода и переживаний. Эта дрожь передалась и княжичу. Совладав с собой, Феодор напоследок прижал свою желанную к сердцу, поцеловал ее в полуприкрытые глаза и перекрестил. Она от-

вечала ему поцелуем в уста. Оторвавшись от возлюбленной, он обогнул угол бани, взял за узду подведенного ему коня, ступил в стремя и прыгнул в седло. Через несколько минут княжич и гридь неслись во весь дух, разбрызгивая осветлевшие лужи, по дороге на Новгород Великий.

* * *

Вскоре княжеская усадьба на Городище стала напоминать осажденный врагом кром. Со всех окрестных слобод и сел были собраны там переславские кмети. Воинский люд заполнил все свободные постройки усадьбы: клети, конюшню, амбары, сеновал и даже кузницу. Вои несли службу в разъездах на перекрестках дорог, объезжали городищенский кром и окрестные леса, стояли на стенах и воротной веже в карауле. Люди мерзли и мокли, не могли просушить влажной и сырой одежды у костров, спали вповалку на соломе и простывали. Вскоре на Городище поняли, что продовольствия, особенно сена и корма для лошадей и скота, надолго не хватит. Сентябрьские и октябрьские дожди, лившие почти без перерыва, сделали свое дело. В октябре вода так поднялась в Волхове, что ее потоки смыли все стога сена и скирды соломы в лугах и на опустевших полях. Дороги между селами, слободами, монастырями и городом оказались размыты. Сельские и слободские избы подтапливала вода. Связь между городом и весями прервалась более чем на месяц. Так прошел ноябрь и наступил декабрь. Неожиданно пришли холода, и на неделю ударил мороз. На Ильмень-озере стал лед, который держался три дня. Затем неожиданно подул сильный южный ветер, понесший в Волхов обломки льда и холодные воды озера. Ночью с седьмого на восьмое декабря бешеными потоками воды и льда в Новгороде снесло девять городин великого моста между Софийской и Торговой сторонами. Восемь из них унесло вниз по течению и выбросило на берег близ Пидбы у храма Святителя Николы Чудотворца. Девятую разнесло и утопило в водах буйной реки.

Мрачные знамения и угроза голода остудили буйные головы и усмирили мятежный Новгород. Представители новгородской господы прекрасно понимали, что без привозного хлеба с низовских земель эту зиму город вряд ли сможет пережить. Все же торговые пути с востока на запад были в руках у князя Ярослава Всеволодовича. Вот тогда и послали новгородские бояре свое посольство на Городище с просьбой посредничать в переговорах с князем Ярославом. С новгородским посольством в Переславль-Залесский отправился тиун Яким в сопровождении нескольких переславских гридей и кметей. Как записал тогда новгородский летописец: «Не хотяше бо Бог видети кровопролития в братии, ни дияволу радости дати: радуетъ бо ся окаанныи о кровопролитии братне; но изволи благыи Бог тако быти».

Тем временем зима вступила в свои права. Лед сковал реки. Пушистым снежным покровом выстлало землю, и по белым мягким дорогам заскользил санный полоз, зашуршали кованые копыта лошадей. Отрезанные друг от друга осенней распутицей и разливами рек деревеньки, веси, монастыри, города вновь связала бурная жизнь. Смерд правил санями с житом, салом, говядиной и рыбой на городской торг, боярский тиун или холоп гнал коня в село по какому-то делу, молодой боярин выезжал с ловчими и дворовыми на охоту травить волков или медведя-шатуна, купец уже вел санный обоз с товаром куда-нибудь в Торжок или Ламский Волок. А юный княжич Феодор по зимнему первопутку летел в сопровождении доверенных гридей к своей ненаглядной в небольшое сельцо у Липны.

Зима конца 1228 года от Рождества Христова была студеной и малоснежной. Она смирила человеческие страсти и притушила политические распри. Узнав о посольстве из Новгорода, князь Ярослав Всеволодович открыл низовским купцам дорогу, и сотни возов с пшеницей, рожью, ячменем, овсом и пшеном наполнили новгородский торг. Смерды из

дальних в основном восточных и южных сотен (волостей) и погостов везли по зимнему первопутку на новгородский торг сало, конопляное масло, мед, гречневую крупу, горох, рыбу и прочую снедь. Доставили с берегов Варяжского моря в Новгород пшеницу, муку, окорока, вина и сукно ганзейские и готские купцы.

Так жизнь вновь пошла своим чередом. Небольшой обоз с рожью, овсом, салом, пивом и медовухой пришел и на Городище из Переславля от князя Ярослава. Многие молодые кмети и гриди получили подарки от своих сродственников. И у всех обитателей княжеской усадьбы появилась уверенность, что эту зиму переживут они здесь близ Великого Новгорода совсем неплохо. Да и мало кто из молодых гридей и кметей не завел в окрестной слободке или сельце себе зазнобу. Ведь уже с самого лета стояла здесь дружина удалых переславских воев, и многим новгородским девицам и женкам не давали покоя их смелые речи и задорные глаза, сильные и нежные руки и решительный нрав. Не страшила слободских девиц отцовская плеть, а городских женок упреки или брань свекрови. Жизнь брала свое.

Так прошли Филиппово говение и Василий Великий, пробежали Рождество, Святки и Крещение, миновало Сретенье Господне и подступил Великий пост. За первые зимние месяцы не раз встречался Феодор со своей ненаглядной. И уже, казалось, вошли в привычку их встречи. За эти месяцы окреп он и возмужал, а русый волос уверенно пробился над его верхней губой. Голос его все более ломался и становился низким и хриплым. Все более сквозили в нем нотки княжеского достоинства и уверенности в себе.

В канун Великого поста в сыропустную неделю во вторник возвратился на Городище тиун Яким. Уезжал он с десятком воев, возвратился с дружиной в сто человек. Был он встревожен и тороплив. Тут же по его приезду Феодор Данилович позвал княжичей на совет, собиравшийся в тиуновых пала-

тах. Там уже ожидали новгородские мужи — сторонники князя Ярослава: посадник Иван, тысяцкий Вячеслав с братом Богуславом, владычный стольник Давыд, боярин Судимир и другие. В палате было жарко натоплено, но все сидели в шубах, то ли не успев снять верхнюю одежду с дороги, то ли ожидая какого-то скорого и неожиданного сполоха. Речь держал тиун Яким. Он рассказывал о новгородском посольстве в Переславле. Долгим было это посольство. Князь уламывал новгородцев к войне с Орденом и хотел поставить своих волостелей и судий по новгородским сотням. Новгородские мужи стояли на своем, звали князя к себе на стол, но предъявляли ему свои права:

— Поиди к нам, забожничье отложи, судии по волости не шли; на всеи воли нашеи и на всех грамотах Ярославлих, то ты наш князь, или ты собе, а мы собе.

Князь обещал подумать, оставив до времени послов без ответа. Те ждали десять дней, да так не получив ответа, возвратились восвояси. Узнав об этом, Ярослав быстро собрал дружину в сто комонных воев и послал ее во главе с тиуном в Новгород, дабы если поднимется мятеж, то сопроводить княжичей в Переславль. Яким закончил, отер потный лик и нервно сел на лавку.

Слово взял тысяцкий Вячеслав. В Новгороде уже знали об итогах посольства. Ярославли вои вновь перекрыли торговые пути из Твери, Торжка и Волока на Новгород. Подвоз хлеба и продовольствия с низовских земель прекратился. В Волоке водворились конные отряды дмитровских и московских кметей. Новгородские бояре — супротивники князя во главе с Внездом Водовиком, Семеоном Борисовичем, Нездылой Прошкиничем, Иванком Тудорковичем стали подбивать черный люд к выступлению против княжичей Феодора и Александра и новому погрому княжеских сторонников. Угроза нападения новгородцев на княжескую усадьбу на Городище вновь стала реальностью.

Услыхав все это, Феодор Данилович призадумался и нахмурил чело. Лики новгородских мужей были тревожны и озабочены. Тиун Яким заерзал и вскочил с лавки. Волнение передалось и княжичам. Но если Александр порозовел, то Феодор покраснел, и мелкий пот бисером осыпал его чело. На какое-то время в палате воцарилось молчание. Первым не выдержал Яким и, обратившись к Феодору Даниловичу, призвал его повелеть немедля оборужиться всей городищенской дружине. Не раздумывая долго, дядька встал со скамьи и вызвал из сеней караульного гридя. Строгим голосом и громко, чтобы слышали все, он велел передать, что приказывает вооружиться и вздеть доспехи всем княжеским людям, а также готовить лошадей и несколько саней с продовольствием и княжеским скарбом к выезду в ночь. Когда гридь вышел, он объявил всем о своем решении этой же ночью оставить усадьбу и возвращаться в Переславль.

Сердце похолодело у княжича Феодора. Александр же по-детски радостно и спокойно улыбнулся. Возвратясь в свои палаты, Феодор вскоре разыскал Судимира и передал ему в сенях небольшой свиток — грамотцу, написанную на обрезке пергамента, где он кратко рассказывал Неле о своем неожиданном отъезде, просил ее ждать его, обещал дать знать о себе при первой возможности. Судимиру же велел сказать девушке на словах, что если сможет, то пусть быстро отпишет ему и передаст с гридем. И еще велел Судимиру на Городище не возвращаться, а скакать прямиком на Заборовье и Торжок.

Глава XI

Возвращенный град

Весенний ветер весело шумел и разгонял облака, чтобы ласковое солнце ярко светило людям и отогревало застывшую за зиму и истосковавшуюся по теплу землю. Комонные дружины черниговских, стародубских, карачевских, мценских и козельских кметей, разбрызгивая копытами коней талый снег, дорожную грязь и лужи, спешно подходили к Торжку во главе с князем Михаилом Черниговским. Было Вербное Воскресенье, и во всех храмах Торжка уже отслужили литургию, и теперь навстречу оборуженным доспешным воям несся веселый перезвон церковных бил и колоколов. В Торжке уже знали о подходе черниговского войска. Ворота града давно были распахнуты настежь, и городской люд радостно встречал у воротной вежи и валов черниговских воев, словно после победы над врагом. Конные разъезды низовских ратей, еще недавно свободно разъезжавшие за рекой Тверцой и вдоль рубежей новгородской земли, теперь ушли восвояси. И можно было без боязни передвигаться по дорогам, не опасаясь татьбы и которы.

Княжий детский Горислав ехал верхом во главе сотни козельских кметей вслед черниговского конного полка. Вои шли на рысях почти без останову уже четвертый час. Полки оставили сельцо, где стали на ночлег еще засветло. Выступили второпях, не евши, а только оборужившись, вздев брони и

заседлав коней. По всему было видно, что князь Михаил торопится приять Торжок, прежде чем переславцы и суздальцы решатся на что-то. Вскоре черниговский и козельский полки миновали лесистый подъем, и перед ними открылась небольшая долина реки Тверцы с грядой холмов на ее правом берегу, высокими валами, рублеными стенами, воротами и храмами, венчавшими один из самых больших холмов. Торжественный церковный перезвон вызывал на лицах людей улыбки. Общее настроение возбужденной радости и праздника передавалось воям, подступавшим к городу. Люди улыбались, сознавая, что, возможно, удалось совершить еще одно важное для всех дело, избежав княжеских котор, усобицы и кровопролитья. Со всеми вместе радовался и улыбался Горислав.

За прошедшие годы после того страшного поражения и шока, которые испытали все русичи, побывавшие на Калке, спасшиеся и выжившие после, Горислав возмужал, заматерел и поумнел. Как и все, кто был там и чудом остался жив, он спрятал глубоко в себя свои переживания и память о пережитом. Правда, глубокое чувство негодования и желание отомстить, смешанные с чувством горечи и стыда, иногда прорывались в нем... И все же Горислав стал осторожнее и предусмотрительнее во всем, что его окружало. После Калки вся его жизнь покатилась как-то стремительно и скомканно, ибо ее прежний порядок и поступательный ход были нарушены.

Возвратившись в Козельск и похоронив князя в родной земле, поредевшая княжеская дружина распалась. Оставив княжеский двор, Горислав возвратился в отчий дом, благо отец, матушка, старшие братья дружно жили со своими семьями, как и прежде в разросшемся родовом гнезде на посаде близ Козельского Крома. Горислав был принят тепло. Однако пережитое глубоко изменило и переродило его. Первое время он пытался залить свои переживания и чувства горечи хмельным. Но застолья со старшими братьями и прежними дружками не приносили былого безмятежного веселья.

Хмельное лишь дурманило голову, обостряло чувства и прорывалось в нем ожесточением и безнадежным желанием доказать что-то очень важное своим пьяным собеседникам. Для всех же, кто знал его ранее, он стал казаться угрюмым и опасным, ибо, когда он напивался, то хватался за короткий меч, всегда висевший у пояса и, казалось, мог заколоть любого, кто пытался отмахнуться от него или поспорить с ним. Труд тоже не отвлекал его от тяжелых и мрачных мыслей, работа валилась из рук, да и не было нужды в его труде. Большая и трудолюбивая семья, где вырос Горислав, жила в достатке, имея свою землю близ Козельска, дарованную его отцу за службу покойным князем Мстиславом.

Зазнобы у Гориславa не было. Женки, встречавшиеся на его жизненном пути, не тревожили его душу. Он легко расставался с ними. Израненный на Калке, рано поседевший, он стал стесняться своих ран, и, прежде всего, хромоты на левую ногу из-за полученной в голень татарской стрелы. Страшный шрам от татарского меча пересек его лик от десной надбровной дуги и десного глаза через перебитый нос к ошему углу губ. Рана долго не заживала, гноилась, и лишь после того, как старая знахарка взялась вылечить его припарками и травами, дело пошло на поправку. Но шрам остался и сиял красно-розовыми буграми на его ранее красивом, молодом лице. Иногда в приливе чувств или при сильном волнении давала себя знать и контузия, полученная еще до Калки, за Днепром, от удара стрелы по краю шелома. В такие минуты у него вдруг перехватывало дыхание, и словно обручем сжимало виски и затылок, и от этого, казалось, он готов был лишиться чувств. Когда же Горислав напивался, кровь ударяла ему в ланита, а шрам багрово и зловеще темнел на покрытом потом бледном челе. Яркие седые пряди в русой шевелюре волос таинственно мерцали и старили его. В пьяных голубых глазах светились тоска и одиночество. И когда он в этом состоянии вытягивал меч и сквозь зубы цедил страшные матерные ругательства,

готовый ударить какого-то спорщика или рьяного говоруна в горло или в живот, то все в ужасе замолкали и старались оставить опасное застолье. Редкая женщина, видевшая его в таком состоянии, потом с трудом могла лечь с ним в постель. Лишь во время молитвы в храме лицо Гориславa теряло свое тоскливое и угрюмое выражение и преображалось. С сотоварищами по княжьей дружине виделся он редко. Но когда встречался с кем-нибудь, то они уединялись, и, долго рассуждая о чем-то вдали от всех, пили крепкий мед или брагу, говорили о княжеских которах и ратных делах на Руси. Только в этом и находил отныне себе отдушину Гориславъ.

Но молодость и здоровье брали свое. Немногим более года прошло после Калки, когда заявился к Гориславу в Козельск бывший княжеский отрок Путята. Они выехали со двора верхом, купили на торгу большую крынку крепкой медовухи и поехали на могилу покойного князя Мстислава, дабы помянуть его и всех своих погибших на Калке сотоварищей молитвой и добрым словом. Наливая хмельное в ковш и понемногу отпивая из него, они сетовали на то, что так пока *и не достался козельский удел никому из князей* Ольгова гнезда. Черниговским князьям Козельск не давал Михаил Всеволодович, а северские были или побиты в Галичине, или же были еще малы. Видно было и то, что козельский удел черниговский князь хотел оставить за собой. Ясно было, что князь Михаил не хотел спокойно сидеть на своем столе и был готов потягаться с владимиро-суздальскими князьями за Новгород и с киевским князем Владимиром Рюриковичем за киевский великий стол. Подвыпивший Путята уверял Гориславa, что вскоре потребуется Михаилу Черниговскому немалая дружина. Слух об этом уже прошел по городам и весям Черниговской земли. И радуясь тому, сотоварищи вновь выпили за грядущие дела.

И действительно через месяц прискакал из Чернигова в Козельск княжий вестоноша, призывавший бывших ко-

зельских дружинников: детских, дворян, гридей, отроков, милостников и даже кметей в Чернигов на службу ко князю Михаилу Всеволодовичу. Горислав не заставил долго ждать себя, оседлал коня, взял с собой калиту* с серебром, какое-то платье, вздел доспехи, оборужился, весело и легко распрощался с родителями и сродственниками и через седмицу был уже в Чернигове. Не прошло и трех месяцев, как остатки козельского конного полка съехались ко двору Черниговского князя Михаила и пополнили его дружину. Михаил принял козлян дружелюбно, устроив всех в соответствии с родовитостью и заслугами каждого. Некоторые бояре и мужи старшей дружины приехали в Чернигов с семьями и завели свои дворы на посаде — в Окольном граде и на Третьяке*. Козельская молодь расселилась в гриднице и на княжеском подворье в большом Дънешнем граде — Детинце. На княжеском подворье обосновался и Горислав. Приглянулся ему Детинец, раскинувшийся на высоком холме между двух рек — бурной, капризной и широкой Десны и узкого, но глубокого и извилистого Стрижня. Понравились ему красно-розовые черниговские храмы — Спасский собор и храм Параскевы Пятницы, построенные из плинфы, отделанные белым камнем и расписанные фресками. Пленили его привольные просторы — Гульбище, Болдины горы, Святая роща с окрестными курганами и поймой реки, покрытой старицами. Здесь на юге от города начинался древний путь на Киев.

С головой молодой человек вновь окунулся в княжескую службу. Многое здесь в Чернигове напомнило ему его отроческие годы, когда его еще совсем юного батюшка привел служить к покойному князю Мстиславу Святославичу, и он стал жить среди дружинной молоди на княжеском дворе в гриднице. Жениться Горислав не торопился, да и не хотел. Женщинам он нравился, если был трезв. Он легко сходился с ними, и этого было достаточно ему. Поэтому времени для службы у него было хоть отбавляй. Будучи человеком гра-

мотным, наблюдательным и умным, он быстро смекнул, как обстоят дела в дружине с оружием, с лошадьми и хозяйством, оставил былую гульбу и бражничество, чем прославился в Козельске после своего возвращения из похода за Днепр. Ему сопутствовал успех. Княжий тиун и бояре вскоре заметили и стали выделять молодого и старательного козельского гридя, умевшего читать и писать, поручая ему исполнение важных дел. Вместе с княжеской дружиной вскоре Горислав побывал в Новгороде, где показал себя с лучшей стороны. Там же его заметил князь Михаил. И спустя два года после прихода в черниговскую дружину Горислав получил место княжьего детского. Он мог получить и поместье под Черниговом, но не имея семьи, решил не браться за хозяйство, а продолжал жить на княжеском подворье. Заимел Горислав и новых друзей. Как-то во время пира за братиной разговорился он со старым княжеским «детским» Доброгостом, что служил в молодости еще в полку новгород-северского князя Игоря Святославича и ходил с ним в поход на половцев. Немало тогда порассказал Доброгост Гориславу о былых временах и о том печально известном походе. Но более всего поразило Горислава то, что многое из рассказа старого «детского» о походе на реку Каялу совпало с тем, что сам он видел и пережил на Калке.

Дома в Козельске Горислав бывал редко — раз в полгода, а то и в год. Наезжал или на Светлой неделе, или на Святки. Но черниговские бояре, памятуя о деловом и исполнительном детском из Козельска, изредка сами отсылали Горислава с поручениями в родной город. Так было и прошедшей зимой, когда Горислав и несколько дружинных воев, что были родом из Козельска, второпях прискакали домой с повелением спешно собрать комонный козельский полк для выступления в поход под черниговским княжеским стягом. Горислав и его подручные хорошо знали обычай и нравы своих земляков и собрали конный полк числом до трехсот восьмидесяти воев в течение восьми дней. Заранее условившись с черниговскими

воеводами, Горислав еще через три дня привел козельский полк к Дебрянску, куда подошли карачевские и мценские кмети. Собирался в поход и небольшой комонный дебрянский полк. А вскоре и князь Михаил с черниговским полком и со стародубскими кметями сам явился в Дебрянск.

Сей же час, подходя к Торжку на рысях во главе своих людей, Горислав вспоминал, как в Дебрянске князь Михаил собрал всех воевод, бояр и старшую дружину на совет и решал, как безопаснее и быстрее идти на Новгород. На этом совете был и он — княжий детский. Господа новогородцы прислали тогда к Михаилу Всеволодовичу спешное посольство с просьбой выручить их, оборонить от властного и сильного переславского князя Ярослава и вновь предлагали Михаилу новгородский стол. Пути к Новгороду Великому были перекрыты низовскими полками. Ввязываться в открытую войну с Ярославом было делом крайне опасным, ведь за его спиной стоял всесильный и могучий Великий князь Владимирский Юрий — старший брат переславского князя. Но и Михаил Черниговский приходился шурином Великому князю. Неизвестно, чем могла обернуться эта война. Низовские полки и отряды перекрыли тогда путь на Смоленск, закрыв прямую дорогу на Новгород. Да и другие пути тоже были пояты ими. Вот тогда и решено было спешно идти восточнее — окольными дорогами через глухие дебрянские леса мимо Козельска на Вязьму, а оттуда — на Зубцов, чтобы отай выйти к Торжку. И повели этими дорогами черниговское войско дебрянские кмети и они — козляне — во главе с Гориславом и его содругами.

Сейчас, когда весеннее солнце ласково сияло на небесах и грело своими лучами людей, Горислав, слегка прикрывая глаза от слепящих солнечных потоков, с удовольствием вспоминал все тяготы прошедшего похода. Девять дней пробирались черниговские полки по непроходимым лесам и дорогам к Вязьме, где кони вязли по грудь в снегу. Шли, обходя большие веси и погосты Смоленской земли. Небольшие костры

разжигали и готовили пищу только днем. Когда дороги были совсем непроходимы или свирепствовала метель, пускали вперед конницы санный обоз, впрягая в одни сани цугом по четыре лошади. Но кони все равно быстро выбивались из сил. Порой пускали вперед козельских или дебрянских пешцев на снегоступах и лыжах, дабы те сведали и проложили дорогу. Следом за пешей сторожей вели под уздцы лошадей, запряженных в сани. Затем по проторенному следу шла конница. Преодолевая лесистую Смоленскую гряду, полки вышли к Вязьме. Когда добрались до Вязьмы, неожиданно началась оттепель. Пришлось оставить санный обоз и навьючить поклажей лошадей. Далее дорога оказалась еще тяжелее. Снег стал рыхлым и проваливался под ногами людей и коней. И вои, спешиваясь, приторочив оружие к седлам, вели коней в поводу. С трудом, миновав бесчисленные подъемы и спуски гряды, полки вышли к реке Вазузе. Здесь начинались владения владимиро-суздальских князей. От сторожи, двигавшейся впереди в трех-четырех поприщах, узнавали, что низовские разъезды все чаще появляются в окрестных селах. Поэтому войска порой останавливались и выжидали. Вазузу перешли быстро по непрочному весеннему льду. За рекой шли уже не замедляя ходу, останавливаясь лишь на несколько часов для отдыха. Зубцов обошли стороной поприщах в пяти на шестой день после выхода из Вязьмы. Зубцовская конная сторожа явно видела черниговские полки и верно донесла переславскому князю об их движении на Торжок. И теперь все решало время. Кто быстрее дошел до Торжка, тот и поял Новгород Великий. Но видать переславский князь не успел вовремя сведать о черниговском войске и собрать рать для похода на Торжок.

Неожиданно пришла распутица, пошли дожди и вскрылись реки. Но черниговцы все большие реки уже оставили позади. Так, не останавливаясь надолго, ночуя лишь по несколько часов в сутки в стоявших на пути весях и погостах, черниговская конница вышла к Торжку уже на четвертые сутки после того,

как миновала Зубцов. Все это Горислав вспоминал сейчас с легкостью и чувством исполненного долга, как обычно это делают молодые люди, преодолев очередное препятствие в жизни, совсем не задумываясь о том, что ждет их впереди, да и, пожалуй, не желая знать о бесконечных лишениях и превратностях судьбы.

Между тем черниговская конница подошла к городскому рву и, скапливаясь у предмостья, медленно въезжала на мост узким потоком. Бревенчатый настил моста подрагивал под коваными копытами лошадей. Сотни копий и знамен, поднятых кверху, колыхались над верховыми. Солнечные блики играли на островерхих шеломах и кольчугах молодцов, скинувших полушубки и лихо гарцевавших перед кучками торжокских женок и девиц. Радостные, громкие крики людей и ржание коней сливались с еще более громким и торжественным звоном колокольной меди. Мальчишки бежали за всадниками стайками, а те, что побойчей, хватались за стремя и просили прокатить на коне верхи. Румяные девицы-молодки лукаво улыбались молодым всадникам, забывшим про усталость, и махали им руками. Шутки и смех сыпались со всех сторон. В этом гомоне радостный, улыбающийся Горислав въезжал во главе отряда козельских кметей в ворота деревянной градской вежи, стоявшей с напольной стороны. Проехав ворота, козляне по бревенчатому настилу улицы, уходившей вверх и ведущей на главную соборную площадь града. Улица была запружена конницей и народом. Но Горислав и его кмети успели добраться до соборной площади как раз в тот момент, когда местное духовенство, выходя на соборную площадь крестным ходом с хоругвями и крестами, встречало князя Михаила Всеволодовича и благословляло его и все черниговское войско.

* * *

Пасху встречали в Торжке. Накануне, в страстную седмицу черниговские вои отдыхали, отсыпались и стояли длительные службы в градских храмах. Затем после торжес-

твенной Пасхальной Заутрени и Литургии христосовались с новоторжскими молодками и женками да разговлялись крашеными яйцами, салом, медом, брагой и пивом. Но князь, бояре, воеводы и старшие полков не забывали об охране дорог и обороне града. Каждый день утром и вечером из ворот града выезжали конные черниговские разъезды по пятьдесят и более комонных, объезжавших Торжок за пять-шесть поприщ в округе. На больших дорогах вдали от города также выставлялись заставы числом по сто комонных воев, которые стояли постоем в окрестных селах по двое суток. Однако переславские и низовские разъезды не показывались. Черниговские полки простояли на отдыхе в Торжке до Светлой среды, а затем, когда в городе все улеглось и стало ясно, что переславский князь Ярослав Всеволодович не будет ять Торжка, не спеша тронулись к Новгороду. Провожали черниговцев также торжественно под звон церковных бил и колоколов. Более двух тысяч комонных воев вел с собой в Новгород князь Михаил Всеволодович. К этому времени большая дорога на Новгород стала немного подсыхать, а солнце светило все ярче и ярче. Погода стояла прекрасная. По ясным, наливающимся синевой небесам плыли в самой выси большие белые облака. Сильный, но теплый и ласковый весенний ветер играл золоченой и червленой тканью стягов и знамен, поднимал вверх гривы и хвосты коней. И людям казалось, нет на белом свете ни котор, ни войн, ни кровопролития.

Продвигаясь более чем по тридцать верст в сутки, черниговские полки подошли к Новгороду на осьмой день в четверток на Фоминой неделе. Новгородский люд и священство встречали князя у большой воротной вежи, от которой начиналась улица, ведущая к собору Знамения Пресвятой Богородицы, что на Торговой стороне. Здесь, как и в Торжке, Михаил Всеволодович спешился и подошел принять благословение настоятелей Знаменского собора и Спасского храма, что на Ильине улице. Затем князь опять всел в седло и вместе со

старшей дружиной въехал в город через распахнутые ворота. Козельские вои во главе с Гориславом были недалеко от князя и хорошо видели, как встречает Михаила Великий Новгород. Вслед за черниговским полком козляне проследовали в город на «Ярославле дворище». Священники кропили святой водой проезжавших всадников. Все перекрестки и улица были заполнены городским людом, радостно приветствовавшим козлян, карачевцев, мценцев, дебрянцев, стародубцев и других воев черниговской земли. Особенно много народа собралось на небольшой площади, где стояли храм Спаса и собор Знамения Пресвятой Богородицы. Раскрасневшиеся, нарядные девицы, укрываясь краем платка от нескромных взглядов и не слушая навязчивых слов и предложений, с улыбками обсуждали удалых комонных воев. Женки горстями осыпали проезжавших просом и пшеницей, махали им руками. Какая посмелее, зазывала лихого воя на чарку медовухи, а молодец, оставив строй, подъезжал к угощавшей, и, махнув с ходу из ковша, не сходя с седла, нагибался и, обнимая ее за плечи, целовал в уста и ланиты. Мастеровой, работный, торговый люд, не ломая шапки перед князем и его ближними боярами, приветствовал всех проезжавших громкими доброжелательными, порой хмельными и задиристыми выкриками. Новгородские бояре сходили с коней и, присоединяясь к духовенству, пели «многая лета» князю Михаилу. Вся эта процессия от Знаменской площади, обрастая церковным клиром с крестами, иконами, хоругвями и следовавшим за ними людом, медленно двигалась к Ярославлю дворищу. Там на площади князя Михаила уже ожидал клир всех соборных храмов Торговой стороны и Софийского собора. Однако владыки Антония среди духовенства не было. Возглавлял духовенство настоятель Николо-Дворищенского собора отец Никодим. Он держал большой напрестольный крест, а одесную и ошую от него дьяконы и клирики держали две престольные иконы — образ «Чуда от иконы Знамения Пресвятой Богородицы», где написаны были

разгром и бегство низовских ратей князя Андрея Боголюбского от Новгорода, и образ святителя Николы. Доехав до дворищенской соборной площади, князь Михаил сошел вновь с коня, снял шапку и, приняв благословение от отца Никодима, встал на колени и с трепетом, как показалось Гориславу, да и многим другим, поцеловал образ «Чуда». Затем встал с колен и, подойдя к образу Николая Чудотворца, склонился в поясном поклоне и также поцеловал его. Не надевая шапки, князь приветствовал весь честной новгородский люд и поклонился ему в пояс. Затем, негромко велев боярам, воеводам и старшим развести и устроить воев на постой, он со своим окружением и новгородскими боярами отправился в теремные палаты Ярославова двора.

* * *

Был мартовский, солнечный и теплый средиземноморский день 1228 г. от Р. Х. Кесарь Римской империи германской нации Фридрих II въезжал в Святый Град Иерусалим. Чистый город из белого камня с узкими кривыми улицами, поднимавшимися уступами по холмам, равнодушно и легко встречал своего нового светского владыку. Блудливая улыбка играла на красивом и хитром лице кесаря. Большой отряд рыцарей, кнехтов и арабов-наемников из Сицилии сопровождал его. Он въехал в город через врата Давидовы. Улицы были полупустынны. Иерусалим достался Фридриху путем переговоров с египетским султаном. Кесарь, казалось, истово крестился, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Редкие колокола гудели и звонили, встречая его. Но он, не веривший ни в Иисуса, ни в Магомета, ни в Будду, цинично веривший только в силу власти, денег и авторитета, не понимал духовной значимости этого города, отданного ему. В душе он был сильно удивлен тем, что за этот далекий азиатский город, каких много на белом свете, город, который к тому же значительно удален от побережья и не столь удобен для торговли, пролито человечеством столько крови и пота.

Глава XII

Черниговские вои

Так и не решившись занять городищенскую княжескую усадьбу, князь Михаил поселился на Ярославовом дворе. Полки свои разместил по Торговой стороне. Горислав и козляне встали на постой близ храма св. Великомученика Дмитрия Солунского, что на Славкове улице. Близость козельского полка к княжескому городскому двору льстила козлянам и свидетельствовала о высоком княжеском доверии. Уже через несколько дней после прихода в Новгород Михаил Всеволодович собрал у себя в теремной палате на большой совет новгородскую господу, священство наиболее крупных приходов и представителей купечества. Князя окружала старшая дружина, верные отроки, гриди. Горислав был там же.

Все собравшиеся в теремной палате были нарядно одеты, у всех было праздничное настроение. Только не было среди присутствовавших ни владыки Антония, ни посадника Ивана, ни тысяцкого Вячеслава, ни городищенского тиуна Якима, да и никого другого из сторонников князя Ярослава Всеволодовича. Князь Михаил, одетый в кафтан темно-красного бархата и светлые кожаные сапоги, восседал на столе. От лица новгородцев к нему обратился отец Никодим. Он просил князя подтвердить прежние привилегии Новгорода и целовать на том крест. Встав со стола, Михаил Всеволодович обратился к господе, духовенству и купечеству и уверил их в своей любви

и уважении к новгородским порядкам и обычаям. В знак этого он велел на десять лет освободить всех смердов новгородской земли от уплаты полюдья и дани, разрешая оставаться всем, кто был в бегах, на своих местах, «кто зде живеть».

— Како уставили преднии князи, тако платите дань, — громко изрек князь.

Затем, подойдя к отцу Никодиму, Михаил испросил его благословения и молвил:

— В том целую крест на всеи воли Новгородцкои и на всех грамотахъ Ярославлихъ.

С этими словами он преклонил колена и целовал напрестольный крест, бывший у священника в руках. Гул одобрения прошел по теремной палате, слезы радости и благодарности выступили у многих мужей и священства.

Там же на совете по предложению новгородской господы было постановлено, в виде наказания, взять большую дань со сторонников князя Ярослава Всеволодовича, обложив ею же городищенский княжий двор и окрестные слободы. Правда, князь Михаил долго потом отговаривал новгородцев от беззаконных дел и, в конце концов, настоял на своем. Новгородские мужи обещали сами не грабить дворы сторонников переславского князя, да и других не подбивать. На том и порешили. Совет окончил свою работу. А князь со старшей дружиной и новгородской господой отправился на Софийскую сторону в Детинец на пир.

* * *

Бесконечные пиры, безделье и вольготная жизнь в Новгороде все более тяготили Гориславa. Давно уже хотелось большого и серьезного дела, а дел-то и не было. Забот, касающихся состояния дел в дружине, теперь у Гориславa было мало. Более всего беспокоило его то, что козляне, как и многие другие черниговские вои, стали предаваться бражничеству, а порученную им службу по охране острожных стен и воротных веж Торговой стороны несли крайне небрежно. Правда, сами

новгородцы справляли сторожевую службу на оборонительных сооружениях, воздвигнутых на окраинах городских концов*. Но Горислав не ленился проверять караулы, когда в сторожу заступали его земляки. Приходилось ему выезжать и с конными разъездами за стены города, так как князь Михаил велел постоянно держать заставы на всех дорогах, ведущих к Торговой стороне и особенно к Городищу.

Прохладным майским утром княжий детский объезжал посты, расставленные на воротных вежах у Феодоровского ручья, у Рогатинского переулка и у Знаменской улицы. У первых и вторых ворот караульные козельские кмети были пьяны или спали на верхних ярусах башен. Лишь немногие новгородские вои там добросовестно несли службу. Разбудив и отругав караульных, кое-как наладив службу, Горислав двинулся далее. Ворота, у которых начиналась Знаменская улица, охранялись козельскими кметями и новгородцами лучше других. Кмети, несмотря на холодный весенний ветер, стояли на стороже даже на верху башни — на смотровой вышке. Похвалив караул, Горислав спешился и по скрипучим деревянным лестницам, меченным голубиным пометом, поднялся на самый верх — на смотровую вышку, поставленную над высоким шатром башни, крытым доской и лемехом. Ответив на приветствие знакомого козельского кметя, детский осмотрелся. Дороги, ведущие к окологороднему острогу, насколько позволял видеть глаз, были пусты. Ни одного обоза с продовольствием или товаром не было видно на востоке. Подумав о том, что с хлебом в Новгороде становится все хуже, что на торгу цены на хлеб и муку растут, он вздохнул. Мысли его потекли в том направлении, что если так пойдет далее, низовцы не откроют пути к Новгороду, а купцы не подвезут хлеб, власть князя Михаила в Новгороде пошатнется. Правда, оставалась надежда на то, что хлеб подвезут немцы. С этими малоутешительными мыслями Горислав медленно спустился с верхов воротной вежи вниз, сел в седло и тронул

коня по направлению к торгу. Утренний торг встретил его громкой руганью купцов, рассорившихся из-за места, шумом и хлопотами ремесленного люда, ржанием коней. Проворные торговцы раскладывали свой товар на лавках и лотках. Там и сям шныряли ушлые, одетые в рванье, новгородские мальчишки, готовые всегда украсть у зазевавшегося торговца где-нито калач, вяленую рыбу или головку сахара. Детский проехал хлебными рядами, и его глазу сразу стали заметны тамошнее оскудение и дороговизна. Не останавливаясь, он направил своего жеребца в конный ряд и с интересом стал рассматривать немецких коней и упряжь. Он любил бывать здесь. Не ленясь, Горислав сошел с коня и заговорил через толмача с немецким купцом, приценяваясь к лошадям. Купец, увидав молодого, хорошо одетого человека и распознав в нем по всем повадкам дотошного и исполнительного княжеского мужа, с уважением стал отвечать на вопросы детского. Кроме того, лицо Горислава, пересеченное шрамом, пышные пряди длинных волос, тронутых сединой, слегка выпадавших из-под шапки с собольей опушкой, смелые голубые глаза — все это внушало купцу уважение и даже некоторый страх. Молодой человек уверенно держал длань на рукояти меча, притороченного ошую у пояса, и купец понял, что он имеет дело с «рыцарем из свиты черниговского короля». Прохаживаясь вдоль длинного ряда коновязи, Горислав внимательно разглядывал добрых немецких коней, ощупывал им бабки, ласково трогая за храп, осматривал зубы, трепал по холке и за ухом. Все кони действительно были высоки в холке и хороши. Но княжий детский прекрасно знал, что немецкие лошади плохо переносят суровые русские морозы, часто болеют зимой, что у них стираются и портятся зубы, что они сбивают ноги в высоких снегах и о ледяную корку, покрывающую русские поля во второй половине зимы. Как бы между делом он поинтересовался у купца, есть ли у него кони из Ливонской земли, или, как они говорят, ливонской породы. Купец хитро улыб-

нулся, понимая, что ищет русский, и, одобрительно крякнув, указал на пятерку коней, стоявших в десном конце коновязи. Горислав уже с самого начала разговора облюбовал себе одного темно-серой серебристой масти, с черными бабками и подпалинами, но только не подавал виду до времени. И теперь, подойдя к ливонским жеребцам, с деловым видом осматривал его крепкого каурого соседа. Опять, как бы между делом, он быстро осмотрел зубы и пощупал бабки серебристо-серого, но больше похвалил каурого, и, справившись о цене, попросил придержать часа на два обоих, уверив, что вскоре вернется за ними. Затем, быстро осмотрев упряжь, седла, стремена, он небрежно махнул дланью десной руки. Немецкие седла были хорошей работы. Но эти седла с высокими передней и задней седельными луками не подходили ему. Как всякий опытный русский дружинник, не разучившийся стрелять из лука, он знал все недостатки такого высокого седла. Через полтора часа он действительно привез деньги, но купил лишь одного, того, серебристо-серого, что с первого раза понравился ему. Чтобы не обидеть купца, немного доплатил. Распрощавшись с немцем, Горислав всел в седло и, взяв купленного жеребца за повод, тронулся домой рядами, где торговали «серебряники» (*ювелиры*).

Ее, черноокую, с тонкими, словно вычерченными дугами бровей и длинными ресницами его зоркий воинский глаз заметил сразу в толпе нарядных девушек, толпившихся у лавки с украшениями. Да и она тоже быстро заметила его, потому что он, остановив коней, сделал вид, что рассматривает какой-то товар. Горислава как будто обожгло что-то. Ему захотелось заговорить с ней, а затем посадить ее в седло и увезти куда глаза глядят. Некоторое время они стояли, искоса поглядывая друг на друга. Она вроде бы принимала живое участие в разговоре с подружками, но на самом деле все ее внимание было сосредоточено на нем. Он чувствовал это и не отходил от лавки. Воин неторопливо заговорил с серебряником и

стал приценяться к украшениям. Вслушиваясь в разговор девушек, он понял, что их внимание привлекают височные кольца в виде больших витых колец, видимо, псковской или тверской работы и большие кольцеобразные серебряные гривны с узором — шейные украшения новгородской работы. Цена была велика, и у девушек явно не хватало денег. Сняв с пояса свою калиту, Горислав решительно, неспешно высыпал все серебро, что у него оставалось, на лавку и отсчитал сумму, испрашиваемую серебряником за височные кольца и гривну. Торговец, явно довольный покупкой, услужливо и с пониманием улыбнулся и передал товар детскому. Среди девушек воцарилось молчание. Не раздумывая далее, Горислав сделал два шага туда, где стояла она и протянул ей подарки на своих дланях, склоняясь в поясном поклоне.

— Приими, чермноокая, сие в дар, — краснея, произнес он негромким и каким-то, как показалось ему, глуховатым, бархатным голосом.

Немое молчание и восхищение в глазах окружавших ее девушек были ответом ему. Лицо его избранницы залил яркий, розовый румянец. Молчание это длилось довольно долго. Наконец какая-то из девушек что-то шепнула на ушко чернооκой и слегка подтолкнула ее вперед. Та, смущаясь, сделала маленький шажок навстречу Гориславу. Он вложил в ее небольшие, розовые длани подарки, прося принять их от чистого сердца и без всякого умысла. Красавица, розовея, негромко поблагодарила его.

Между тем, девушки, понимая, что им не стоит быть свидетельницами завязавшегося разговора, тихонько отошли в сторону на десяток шагов, не выпуская в то же время из виду свою подружку и красивого, хотя с виду и грозного молодца со шрамом на лице. А Горислав, узнав, что его чернооκую зовут Антониной, стал выспрашивать, где она живет и кто ее отец и матушка. Оказалось, что она живет близ храма св. пророка Илии на Славне и что она дочь бронника Алексы. Уз-

нав все это, он не стал смущать ее более своими расспросами и, прощаясь, обещал придти в храм св. Илии на литургию в ближайшую субботу.

* * *

Наступило лето. Солнечным июньским утром вся новгородская господа, священники приходских храмов Новгорода и настоятели окрестных монастырей съезжались по зову князя Михаила на владычное подворье на Софийской стороне. Улыбавшийся и нарядный князь приветливо принимал священство и бояр, раскланиваясь со всеми и принимая благословение протоиереев и игуменов. В этот раз рядом с князем был и его сын Ростислав отроческого возраста. Как и отец, он смиренно принимал благословение священников. Когда просторная владычная гридница, где встречали съезжавшихся, наполнилась до тесноты, а приветствия и шум улеглись, когда через распахнутые настежь двери стало видно, что уже и просторные сени полны народом, готовым внимать князю, тогда Михаил Всеволодович обратился к съехавшимся:

— Господа нувогородцы, отьцы и священство, пекущися о вы, реку сие. Се, у вас нету владыце; да несть лепо быти граду сему без владыце. То аще Бог възложилъ казнь свою на Антониа, а вы собе ищите таковаго мужа в попехъ ли или в игуменехъ и в чернцехъ.

На некоторое время в гриднице стало шумно. Ходили слухи, что владыка Антоний сильно разболелся, онемел и не мог уже вести церковных служб. Но ходила и другая молва, что Антоний ушел в затвор и принял на себя обет молчания. Получалось так, что при живом владыке новгородцы все же оставались без верховного пастыря. Среди собравшихся начались споры. Тогда князь, подняв десницу вверх, громким голосом обратился к собравшимся, прося их высказывать свои мнения в полной тишине и внимании друг к другу. От лица священства Торговой стороны вперед вышел отец Никодим и кратко промолвил:

— Княже, есть черноризец дьякон у святаго Георгиа, именем Спиридон; достоин есть того.

Однако вслед за отцом Никодимом из группы бояр, поддерживавших ранее владыку Антония и сочувствовавших князю Ярославу, вышел Иванко Тимошкинич и громко, почти со злобой, выкрикнул:

— Кого дасть митрофолит, то и нам отець!

Из группы мужей, стоявших за Иванком, послышались громкие голоса, требовавшие послать к великому князю Юрью и просить в архиепископы Иосифа Володимерьскаго. Но тут же с противоположной стороны, там, где стояли сторонники Михаила Всеволодовича, раздалось:

— Кого поставить патриарх из Никиа, любо гричина!

Вновь поднялся шум, вспыхнули споры, но Михаил Всеволодович вторично властно поднял десницу и прекратил начавшийся беспорядок. Затем, обратившись к собравшимся, он произнес:

— Отьцы и братие, да положим три жребии; да котореи Богъ дасть нам.

В гриднице по рядам стоявших прошелся ропот одобрения. Вскоре выбрали семерых, самых уважаемых и опытных священников, служивших в разных концах города, поручив написать им три жребия с указанием имен Спиридона, Иосифа и митрополита Кирилла. Жребии были написаны на трех пергаментных похожих друг на друга свитках, запечатанных печатями, и положены во владычном храме на святом престоле. Никто, кроме этих семерых священников, не знал, какое имя значится в том или ином свитке. Затем священство сотворило молитву Святому Духу «Царю Небесный», и отец Никодим благословил сына Михаила Всеволодовича молодого княжича Ростислава войти в алтарь храма и при свидетелях, не раскрывая, взять один из свитков и принести его в гридницу. Все это было исполнено отроком. Когда он возвратился и передал свиток отцу в руки, тот развернул

его, молча прочел, перекрестился и возблагодарил Господа. Ничего не говоря, он передал свиток священству, и вскоре подавлявшее все возгласы ликование огласило гридницу. На свитке было написано имя Спиридона.

Не откладывая, князь Михаил велел послать за черноризцем в Юрьевский монастырь, а затем стал поздравлять священство с избранием нового новгородского владыки.

* * *

Свою черноокую впервые Горислав поцеловал у коновязи. Она пошла проводить его и погладить по холке знакомого ей серебристо-серого жеребца. В тот момент детский отвязывал повод уздечки, и как-то так получилось, что его десная рука скользнула ей по плечу и сама обняла ее. Поцеловал ее прямо в уста взасос в тот момент, когда жеребец, пятясь задом, загородил их от сторонних глаз прихожан, выходивших из храма. Она уже была давно готова к этому и сопротивлялась скорее для вида. Персты ее, вместо того чтобы ударить его по ланитам, вцепились ему в кудри, слегка рванули их, а потом уже не могли выпустить и крепко держали, пока не отцвел первый поцелуй.

Давно уже ходил Горислав по субботним дням в храм Илии Пророка, что на Славне. Давно уже под сводами храма отговорили они с Антониной тихим и страстным шепотом все разговоры, какие и ведут только друг с другом милые. Давно уже все старожилы и старушки отругали их всеми нехорошими и страшными словесами, обещая им, безстыдникам, в день великого второго Пришествия Господня всяческие муки и позорный столб у входа «пред враты адовы». Но молодые все не унимались. Встречаться им было более негде. И порой среди проповеди или под херувимскую песнь вдруг раздавался невпопад ее высокий смеющийся голосок или его шутливый, полный иронических тонов, баритон. О чем говорили они и над чем смеялись, знали лишь Пресвятая Богородица да Святая Троица, потому что только эти

имена, произнесенные в храме, заставляли их образумиться, перекреститься и вспомнить о молитве. Дошла весть про такие дела и до бронника Алексы. Тот выбрался было в храм в субботний день, но как раз тогда-то козельских кметей отправили во главе с Гориславом в дальние разъезды, что стояли в заставах на дорогах от Липны до Хутынского монастыря. Засомневался старый мастер, но приставил к старшей дочери глазастую младшенькую сестру для присмотра. А тут как всегда броннику и работы подвалило, и подзабыл он о своей старшей доченьке Тонюшке. Вдруг в субботу, как ударили в церковное било после литургии, прибежала младшенькая. Зовет тятю и старших братиков, кричит то ли от радости, то ли от испуга, де ухватил их Тонюшку какой-то меченый лиходей и целует возле храма. Плеснул себе в лицо из бочки Алекса, рукавицами выхватил раскаленные клещи из печного горнила, кликнул сынов. Старший тогда молотом правил на наковальне красную от накала проволоку, да так с молотом-то и прибежал к батюшке. Вторак успел лишь схватить длинную железную кочергу, и был тут как тут. Выбежали они втроем на улицу. Не успели опомниться, как пролетел мимо них во весь опор на серебристом жеребце какой-то нарядный и лихой верховой. Ликом грозен, серебристые кудри выбились из-под шапки с собольей опушкой. На ошеем боку у пояса тяжелый меч в ножнах. От разбойничьего посвиста аж зазвенело в ушах, словно предупредил, де не стой на дороге, ... стопчу. Только ветром и брызгами из-под копыт обдало бронников.

А на другом конце улицы у коновязи, что близ храма, стояла зардевшаяся румянцем, счастливая Антонина. Все не могла прийти в себя, ведь как вспорхнул в седло ее милый да охватил еще раз десной рукой, прижал к стремени, поцеловал в уста, а на ушко шепнул:

— Завтра, како сослужать в църеквах, ждите яси сваты в свои дом.

Шепнул, поцеловал еще раз, дал шпоры коню, гикнул и улетел стрелой.

На следующий день рано утром в неделю* присмиревшая и не выходившая к столу в субботу Антонина принялась с утра прибирать палаты их небольшого терема. А как только поднялись батюшка и матушка, чтобы идти к литургии, объявила им, чтобы не ходили никуда, а приоделись и ждали сватов. Обескураженные родители, еще вечером отругавшие Антонину за недостойное поведение и решившие не выпускать ее до поры на улицу, все же послушались дочери. Еще не зазвонили колокола к заутрене, как Алекса оттер мочалом и квасом закопченные в кузнеце чело и руки, расчесал власы, попросил жену подровнять ему бороду. Затем надел нарядный синий кафтан и новые сапоги, подпоясавшись серым кушаком. Умылись и приоделись сыновья. Собраться до конца так и не успели, как зазвонили у св. Илии Пророка, знаменуя этим окончание литургии. И не прошло десяти минут, на улице послышался топот десятков лошадиных копыт, громкие крики верховых, гогот грубых мужских голосов, и в ворота разом ударили сразу несколько крепких мужских кулаков. Алекса поспешил с сыновьями отворять. Уже с невысокого крыльца он успел углядеть за тыном шеломы и шапки с бобровыми опушками. Вдвоем со старшим они выдернули тяжелый кованый засов. А вторак стал разводить створы по сторонам. Велико же было удивление бронника и его сынов, когда в открытые ворота на его двор стала въезжать дружина числом до двадцати пяти верховых. Судя по нарядам, некоторые из них были бояре. Алекса сразу и не понял, кому из верховых кланяться. Поэтому поспешил подняться на крыльцо и осмотреться. Присматриваясь к гостям, увидел, как один, одетый попроще, спрыгнул с седла и поспешил взять за узду и стремя коня одного из бояр, одетого в малиновый бархатный кафтан. Другие сходили с коней сами. Все без исключения были при

оружии. На поясах у всех были длинные мечи или сабли. Рассматривая того, что в малиновом кафтане, Алекса понял, что где-то видел этого боярина. Но когда услышал слова еще одного верхового:

— Княже, еси велиши оставити гридьбу у тыну? — сразу понял, кто к нему пожаловал, и обомлел.

Смекнули и сыны. И сразу шапки как ветром с головы сдуло. Вторак бросился загонять в кузницу готовых сорваться с цепи лаявших псов. Кланяясь сходившему с коня князю, бронник стал громко звать гостя и его сопровождение в дом. Спешилось человек десять, остальные не покинули седел, а внимательно осматривали двор и улицу. Спешившиеся входили гурьбой через сени в горницу, следуя за князем. Войдя в горницу, снимали шапки и крестились на образа. Среди вошедших был и Горислав, кого среди других грозных ликом молодцов и бояр не узнали бронник и его сыновья.

Еще за несколько дней до того, как пообещать Антонине заслать сватов, подошел он к хорошо знакомому черниговскому боярину Феодору, что благоволил старательному и сметливому детскому. Боярин приходился большим другом и доверенным человеком князю Михаилу. Вот и попросил его Горислав быть сватом. Боярин обещал справить дело. Но не ожидал детский, что тот самого князя попросит об этой услуге. Теперь он стоял в доме у Антонины среди знакомых ему отроков, княжеских слуг, бояр во главе с самим князем и не верил своим глазам и своему счастью. Ибо кто мог бы отказать князю? А тем временем князь уже отпил из кубка медовухи, отломил от поднесенного каравая корку свежеиспеченного хлеба и повел разговор с волновавшимися хозяевами о невесте, прося показать товар лицом. Через некоторое время в горницу вышла нарядная, одетая в новый сарафан, Антонина. Она была хороша, ланиты ее покрывал розовый румянец, черные очи светились счастьем. А потом вызвали и подвели к Антонине его, Горислава. А потом князь Миха-

ил и боярин Феодор сговаривались с родителями невесты, узнавая, что дается за нее в приданое. Князь от себя обещал богатый подарок. Да так и сговорились, и ударили по рукам, решив, что венчанию и свадьбе быть в субботний день на следующей неделе.

А потом время побежало как вода, ибо подготовка к свадьбе и знакомство с семьей невесты отняли все время у Горислава. Венчались все в том же храме св. Илии Пророка. Правда, князь Михаил уже на венчание не приехал. Да и на свадьбе за столом сидел вместо князя его верный друг боярин Феодор. Зато подарки прислал богатые: молодой — шубу из серо-голубого песца, молодому — кожаный кошель, набитый серебряными новгородскими ногатами. Были на свадьбе и его земляки-козляне, отроки и гриди черниговской дружины, родня и соседи Алексы — бронники, плотники со Славны, были и подружки Антонины. Все дарили подарки, поздравляли молодых. Так гуляли два дня. Лишь на третий день угомонились гости и стали расходиться и разъезжаться восвояси. А Горислав остался пока в доме у Алексы, чтобы провести медовый месяц с молодой женой.

* * *

Лето было в самом разгаре. Дела шли своим чередом. Черноризец Юрьева монастыря Спиридон, выбранный новгородцами владыкой, отправился в Киев к митрополиту Кириллу на поставление в архиепископы. Цены на пшеницу и рожь на торгу вновь пошли вниз, так как немецкие купцы нет-нет да подвозили хлеб из-за моря. Изредка подвозили хлеб и русские купцы из Смоленской земли. Да и в огородах вызревали летние овощи, щавель, лук. Куры стали хорошо нестись. Словом, со снедью в Новгороде и окрестных слободах и весях стало полегче. Правда, с низовских земель никаких товаров и продовольствия так и не поступало. Князь Ярослав держал на всех дорогах свои заставы и не пропускал купеческие обозы ни в ту, ни в другую сторону. Держали за собой

по-прежнему Волок Ламский тот же Ярослав и Владимир Московский. Потому ни рязанским, ни муромским купцам пройти к волжскому Верху из Оки по рекам Москве, Рузе, Ламе и Шоше не было никакой возможности. Ростовские же князья во главе с Васильком Константиновичем перекрыли и обходной Ладожско-Волжский путь на Низ*, что вел из Ладоги в реку Свирь, затем в Онежское озеро, затем в реку Вытегру, из нее волоком в реку Ковжу, далее в Белое озеро, а следом в реку Шексну и в Волгу. Заставы ростовских воев не пускали купеческие обозы с Низу далее устья Шексны и Белоозера. Новгородских же купцов поворачивали назад уже на волоке из Вытегры. Видно было, что ростовские князья заедин с переславским и московским.

Вскоре в Новгород пришло еще одно известие. Князю Даниилу Волынскому удалось овладеть Понизьем (Подолией) после смерти Мстислава Удалого. По слухам, он собирался изгнать из Галича угорского королевича Андрея и сесть на галицкий стол. Даниил Романович явно был в силе. Более всего недоволен этим был Владимир Рюрикович Киевский. Он стал организатором союза южно-русских князей против Даниила. Поговаривали, что он мстил Даниилу и за обиды отца, насильно постриженного в монахи отцом Даниила — Романом. Известия о событиях на юге сильно взволновали Михаила Всеволодовича, и он, как и все Ольговичи, ревновавшие о том, что происходило в Галичине, не захотел оставаться в стороне. Объявив новгородцам о своем решении вернуться в Чернигов «к братьи свои», он оставлял им в князья Ростислава со словами:

— А мне даи Богъ исправити вся правда Новгородцкая, тожде отъ васъ поняти сынъ свои.

Завершая свои дела в Новгороде, Михаил послал к Ярославу Всеволодовичу для переговоров новгородских бояр Нездылу Прокшинича и Иванка Тудорковича. Задачей этого посольства было укорить и уговорить князя Ярослава освобо-

дить Волок и Волоцкую волость и возвратить их Новгороду. Но Ярослав отвечал письмом:

— Креста не целую, а того не отступаюся; вы собе, а язъ собе.

Послов же задержал. Однако у Михаила уже не было более времени предпринимать что-либо. Дела на юге и угроза захвата Галича Даниилом Волынским была слишком велика. Не мешкая, он стал собирать полки в поход. Во второй половине июля черниговские вои оставили Новгород Великий и двинулись западным берегом Ильмень-озера на Руссу, а оттуда на Великие Луки, Велиж и Смоленск. В составе черниговских полков был и козельский, один из отрядов которого шел под рукой княжьего детского Гориславa. В обозе козельского полка двигался крытый возок, в котором за Гориславом из Новгорода в Чернигов ехала его молодая жена.

Глава XIII

Княжеский съезд

Шумно и людно было в августе 6737 г. (1229 г. от Р. Х.) во Владимирском Детинце на высотах над привольной Клязьмой. В который уже раз собрались там почти все представители первого и второго поколений Большого Владимирского Гнезда. Прискакал с дружиной самый любимый брат Великого князя Юрия Ярослав Всеволодович. Поспешал с московскими мужами юный Владимир Юрьевич. С трудами добрался Святослав Всеволодович князь Юрьев-Польской. Приехали со своими боярами сыновцы Константиновичи из Ростова Великого, Углича, Ярославля. Миролюбивый и хитрый князь Юрий собрал «всю братью свою» на съезд. И то пришла пора для того. Сильно обиделся на своего старшего брата князь Ярослав Всеволодович. Обиделся на то, что прошедшей зимой тот не помог ему наложить узду на Новгород Великий. Заподозрил Ярослав Юрия в том, что помог Юрий Всеволодович своему шурину — Черниговскому князю Михаилу сесть на новгородский стол. Понял это Юрий сразу же, как узнал, что Ярослав отправил посольство к сыновцам Константиновичам в Ростов Великий. Более всего опасался из них Юрий за Василька Ростовского. Ибо за старшим могли пойти и младшие Константиновичи. Да настораживала великого князя крепнущая из года в год дружба Ярослава с московскими мужами, кому мирволил его юный сын Владимир.

Ведь уже не раз в походы на запад вместе с переславскими полками отправлялись и московские отряды. Вместе ходили в Чудскую землю драться против немцев, вместе оборонялись от Литвы, вместе сейчас держали Волок Ламский, отнятый у Новгорода. Крепла боевая дружба москвичей и переславцев. Знали хорошо московские мужи, что Ярослав Всеволодович удачлив в походах на ворога, что с таким всегда возьмешь хороший полон. Смиренно сидел у себя в Юрьеве-Польском лишь набожный Святослав. Да не заявлял о себе до поры до времени молодой еще Иван. А ведь знал Юрий, что придет пора, и потребует Иван свой удел — Стародуб.

Хитер был Юрий Всеволодович. Еще в июле, когда Ярослав вел переговоры с ростовскими сыновцами, послал в Киев к митрополиту Кириллу посольство с подарками и письмо, где звал его к себе во Владимир-Залесский на престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы. Знал, что не откажет Кирилл, так как любит богатый, украшенный множеством каменных храмов Владимир и уважает могучую Залесскую Русь. Ждали митрополита уже со дня на день.

Кирилл приехал за два дня до Успения. Был солнечный, сухой, но уже августовский, прохладный день. Небольшие облака изредка проходили под ветром высоко в небе. Встречали владыку пред Золотыми воротами «Нового города». Во всех окрестных храмах, а сильнее всего на звоннице над Золотыми воротами гудели торжественные церковные звоны. Солнце играло на позолоченных куполах и крестах. Все князья с боярством и дружинами, до двух тысяч градского люда тесной толпой стояли по обочинам дороги. С десяток крытых возков в сопровождении пятидесяти верховых — вооруженных владычных слуг подъезжали к стенам города. Князь Юрий с братьями Ярославом и Святославом стоял у самых ворот на дороге — на бревенчатой мостовой, что вела в ворота. Уже одесную их у обочины стояли: юный Владимир

Московский, младший брат Иван, Василек Константинович с братьями, старший сын Юрия Всеволод да старшие сыновья Ярослава — княжичи Феодор и Александр. Князей окружали бояре и старшая дружина. Далее за их спиной и ошую стояли во множестве священники и монашество владимирских храмов и монастырей, негромко, но складно певшие стихиры и тропарь Преображению Господню.

Юрий увидел, что, подъезжая к Золотым воротам, митрополит привстал в своем крытом возке и благословлял крестом в десной руке собравшийся встречать его народ. Люди радостными криками приветствовали высшего духовного пастыря Руси и махали ему руками. Когда возок подъехал совсем близко, то один из владычных верховых осадил возле него коня, быстро спрыгнул с седла и, подойдя к возку, подал руку выходившему владыке. За владыкой Кириллом следом из возка вышли еще два церковных иерарха. Это были черниговский епископ Порфирий и Игумен Спасо-Берестовского монастыря Петр. Оба были явно моложе Кирилла, но оба были уже седы и степенны.

Великий князь уже несколько лет не видел Кирилла. Сегодня же, увидев его вновь, понял, как постарел владыка за последние годы. Борода и пряди длинных волос его совсем поседели. Кирилл сгорбился и стал похож на старца. Десная рука, опиравшаяся на посох, слегка дрожала. Увидев все это, князь Юрий понял, что дальний путь из Киева во Владимир дался митрополиту нелегко. И как часто бывает с людьми старшего поколения, пришла Юрию мысль о том, что он, наверное, тоже заметно постарел за эти годы, хотя по-настоящему заметил это, лишь увидав постаревшего митрополита. На мгновение он усомнился в том, сможет ли этот старец оказать ему действенную помощь в его нелегком деле примирения враждующих князей. Он, Ярослав и Святослав первыми подошли к Кириллу под благословение. Владыка, обратясь на них, сразу узнал Юрия, и в его голубых, живых и

умных глазах вспыхнула искорка дружелюбного света. И уже целуя руку старцу, князь Юрий понял, что он не зря собрал князей-братьев и племянников на съезд и пригласил самого митрополита «Всея Руссии».

После долгих благословений и взаимных поклонов уставший владыка изъявил желание отдохнуть с дороги, и великий князь пригласил старца остановиться для отдыха на ближайшем к Золотым воротам княжеском дворе у храма Спаса. Весь владычный поезд проследовал туда, князья с боярами и дружинами разъехались по своим дворам в Детинце, священство стало возвращаться по своим храмам и монастырям, а простой народ разошелся по делам.

На Успение служили как никогда торжественно во всех храмах стольного Владимира. Но самая пышная литургия была отслужена в престольном митрополичьем храме — Успенском соборе в Детинце. Затем были накрыты столы в большой гриднице близ княжьего терема, куда пригласили к праздничной трапезе не только всех князей с боярством, митрополита и его клир, но и духовенство всех крупных приходов, настоятелей всех монастырей Владимира. До глубокого вечера слуги разносили кушанья, вина и сладости. До темноты звучали здравицы великому князю Владимирскому и митрополиту «Всея Руссии», всем князьям Большого Владимирского Гнезда, священству стольного града Владимира и прочая и прочая. И до полуночи еще слышался в гриднице звон кубков и рогов с вином и медовухой, слышались хмельные речи и разговоры подобревших гостей великого князя Юрия. Еще день гости приходили в себя после обильной трапезы и возлияний, отпиваясь и похмеляясь холодным квасом, пивом и пенной медовухой.

Но через день после Успения все князья с ближними боярами переехали в Суздаль, где и намечалось проведение съезда. Там, в суздальском кремнике в княжеской гриднице и

собрались все вятшие мужи для решения важнейших дел Владимиро-Суздальской земли. Туда же перебрался и митрополит Кирилл с ближайшим окружением. Князь Юрий без шапки, одетый в темно-зеленый кафтан и красные сапоги, сидел на высоком и массивном деревянном резном столе со спинкой. Его заметно поседевшие волосы на голове и в бороде были тщательно расчесаны. Синие глаза были приветливы, теплы, но сдержанны. Столы в гриднице были убраны, а полукольцом вокруг княжеского стола были поставлены массивные лавки, на которых восседали князья и наиболее почтенные бояре. Бояре помоложе стояли за их спинами. Рядом с князем на столь же высоком резном столе в окружении черниговского епископа, спасо-берестовского игумена и клира, стоявших ошую и одесную, восседал старец-митрополит.

Начали с молитвы Святому Духу и благословения владыки всем собравшимся. Затем Кирилл произнес краткую речь, призывая всех к любви и единомыслию во славу Христа и его святой Церкви. В конце владыка рассказал князьям и боярству, что рукоположил в Новгород Великий нового архиепископа Спиридония, выбранного новгородцами, и что дело это должно послужить прекращению новгородских котор и братоненавидению, укоренившихся там.

Продолжил князь Юрий. Он смело обратился к любимому брату Ярославу, укорив его в том, что тот до сего дня держит новгородских послов, будто нехристей в полоне у себя в Переславле на княжеском Городке. Следом напомнил и Ярославу, и сыну Владимиру Московскому, что негоже держать под собой Волок Ламский и все дороги, перекрытые переяславскими и московскими заставами. Не поймут другие русские князья, почто суздальские князья держат новгородскую волость под собой. Ибо сказано еще на княжеском съезде в Любече: «Каждо, да держит отчину свою, да никто не вступит в чужую отчину». Ибо и новгородцам худо без залесского хлеба, и свои же купцы жалуются на убытки из-за невозможности торго-

вать с Новгородом. Тем более урожай собирают в этом году в Ополье немалый, цены на хлеб уже упали, а в Новгороде цены на хлеб высоки. Коли же не повезут купцы в Новгород хлеб с Ополья, недовольны будут и бояре, да и многие смерды, у кого летось большой урожай. Князь Юрий выжидающе замолчал и обратил свой взор на Ярослава. Сидевший недалеко от него Святослав словно съежился под взглядом старшего брата и спрятал глаза. Юрий заметил, что прятал глаза и юный, покрасневший при взгляде отца Владимир, за которым каменной стеной с сумрачными ликами стояли московские бояре.

Однако Ярослав был не таков. Он также покраснел, но глаз не отвернул, а, нахмурившись, встал и, не спеша, сдерживая внутреннее кипение, отвечал Юрию. Упрек его, адресованный старшему брату, был еще более неприкрыт и откровенен. Он открыто обвинил Юрия в том, что тот не оказал помощи брату и восприемнику своему в споре с Михаилом Черниговским за Новгородский стол. А ведь не так уж давно было время, всего пять лет прошло, когда сын великого князя Всеволод бежал от новгородских котор. Тогда они вместе с полками всей Залесской, Ростово-Суздальской земли укоротили новгородцев. Да и сам Юрий тогда «много пакости удеял» новгородцам, весь новгородский товар «имал на Торжку и по своеи волости». И только князь Михаил Черниговский, шурин старшего брата, упросил вернуть его товар новгородским купцам несколько месяцев спустя. Почему бы и ему — Ярославу — не досадить новгородцам таким же образом. Пусть бы пока торговали с немцами, а там можно и посмотреть, как немцы покажут им свою любовь. Конечно, если велит старший брат, и он Ярослав, и Владимир Московский уберут заставы с дорог и пустят товары и хлеб в Новгород. Но что касается Волока Ламского, то с этим нужно повременить, уж слишком много воли забрала себе новгородская господа.

Юрий, готовый к такому упреку, отвечал, что касается Волока Ламского, то, конечно, с этим можно повременить. Ну,

а Михаил Черниговский уже сидел на Новгородском столе и ранее, но долго не усидел в Новгороде. Ему-то важнее Галичина и Киев. Потому и оставил Новгородский стол сыну, а сам побежал драться с Даниилом Волынским. Ведь Даниил после смерти Мстислава Удалого овладел Понизьем. Это и подняло против него всех южно-русских князей во главе с киевским князем Владимиром Рюриковичем. А отец-то Владимира когда-то был насильно пострижен отцом Даниила Романом. Теперь киевский князь искал возможность мстить и за обиды отца, и даже половцев позвал на Даниила. Владыко Кирилл тщетно старался отвратить это междоусобие. Но Даниил попросил помощи у ляхов, а затем привлек на свою сторону хана Котяна. Вот киевский князь пока и отступил. Но все это добром не окончится, так как будет еще из-за Киева большая котора. При этих словах старый митрополит согласно склонил голову. А черниговский епископ Порфирий нахмурился.

Князь Юрий продолжил и ко всеобщему удивлению объявил, что и половцам поганым с Дикого Поля опять великая угроза. Пришли известия с востока, что татары вновь вышли на Нижнюю Волгу немалой ратью. И теперь у них новый великий хан Угедей. Могло случиться так, что не минует эта гроза Южной Руси, и тогда опять придется собирать полки и вести их на юг к Днепру. А и того хуже, коли выйдут татары к волжским Булгарам, а оттуда рукой подать и до Залесской Руси. Тут всем князьям Большого Владимирского Гнезда необходимо единение и единомыслие. Услышав это, Ярослав потупил очи и сел на лавку. Владимир Юрьевич Московский давно не поднимал глаз.

Зато поднялся статный, молодой и красивый Василек Константинович. Ярослав Всеволодович с надеждой и, слегка улыбнувшись, посмотрел на сыновца. С волнением обратясь к дяде Юрию, тот не преминул вспомнить, что многие земли Северного Заволжья — земли Устюжской волости, земли по реке Сухоне, а также по рекам Суде, Колпи и Мологе и по

сей день являются спорными между Новгородом и Ростово-Суздальской Русью. Особо богаты были земли по Сухоне, где шел промысел пушного зверя, где налаживалась добыча и обработка железной руды, производство кричного железа. Одобрительно закивали головами и поддержали Василька — «де ладно речет», — и его младшие братья Всеволод Ярославский и Владимир Углицкий. Их-то уделы на западе граничили с новгородскими землями по реке Мологе. Но Юрий Всеволодович ответствовал, что открытой войной с Новгородом этого дела все одно не разрешить, ибо встанет за Новгород и черниговский князь, и смоленские князья, да еще свои ближние муромские и рязанские в спину ударят. Лучше же ростовским князьям налаживать в тех землях свои промыслы, а новгородских людей приваживать к торговле в своих городах, но не воевать. Тут он нахмурился и напомнил всем старшим, да и молодым, чтобы помнили и знали о той страшной и незабываемой Липецкой сече, случившейся уже четырнадцать лет назад, где в междоусобной брани пало костью без малого двадцать тысяч русичей. А вслед тому добавил, что сыновцам пора бы снять ростовские заставы на устье Шексны, у Белоозера да на волоке у Вытегры. Василек нахмурился, посмотрел на Ярослава, тихо говорившего с одним из своих бояр, и, казалось, не вникавшего в его диалог с великим князем, молча склонил голову и сел. Опустили головы и младшие Константиновичи — Всеволод и Владимир.

Тем временем князь Ярослав о чем-то оживленно, но тихо переговаривался со своим боярином Борисом Творимиричем. Когда старший брат окончил, раскрасневшийся Ярослав поднялся вновь со скамьи и, возвратясь к новгородским делам, стал упирать на то, что Чернигов далеко, а молодой Ростислав, сын Михаила Черниговского, не сможет навести в Новгороде должного порядка. Да и не в том беда. Осильнели ливонские немцы и Ганза. Скоро купят они новгородскую господу и купцов с потрохами своими товарами, золотом и серебром,

как купили уже Плесков. Затем подчинят новгородских попов и монахов папе римскому, обратят новгородцев в латинство, и не видать Залесской Руси вольного Новгорода и Варяжского моря. Правда, сейчас среди латинян не все ладно. В прошлом году в Святую Землю приплыл римский кесарь Фридрих и повел переговоры с египетским султаном Малек-аль-Камилем. В феврале этого года между кесарем и султаном был заключен мир в Яффе сроком на десять лет. Святой Град Иерусалим и многие другие города Святой Земли были отданы агарянами кесарю. Только мечеть Омара, где ранее был Храм Святая Святых, остался у них. Зато кесарь обещал египетскому султану поддержку против всех его врагов — сирийских франков и орденских рыцарей, которые являются опорой папы римского в Святой Земле. В марте Фридрих вступил в Святой Град и сам возложил на себя королевский венец. Папа Григорий уже ранее предал кесаря анафеме, и иерусалимское духовенство не рискнуло венчать его. Патриарх иерусалимский наложил на Святой Град интердикт, и во всех храмах Иерусалима прекратилось богослужение. Папские рати были отправлены воевать фряжские земли кесаря. По последним известиям, кесарь собирает войска и готовит корабли, чтобы плыть из Святой Земли «во фряги» воевать против папы. Сейчас все это на руку русичам. Но рано или поздно папа возьмет верх, и тогда вновь худо будет на рубежах с Орденом и Чудской землей. Всем ведь известно, что случилось с Цареградом четверть века назад и что по сей день творится на греческой земле. Да и надо ли далеко ходить, коли и в Западной Руси в Галичине чуть ли не каждый год идет война то с латинянами-уграми, то с латинянами-ляхами.

Тут уже пришлось согласиться и Юрию. Знал об этом из письма и сказал открыто, что папа Григорий хочет прислать к нему доминиканских монахов для обращения Руси в латинство. Но да избавит Господь Исус Христос от этого русский народ и Русскую землю. С этими словами он обратил свой взор

на владыку Кирилла, все время молчавшего и внимательно слушавшего всех собравшихся в гриднице. Митрополит все так же кивнул головой и молча перекрестился. Вновь обратясь к Ярославу, Юрий Всеволодович уверил его, что латинству он не попустит и всеми силами поможет брату занять Новгородский стол. Но дал понять, что для того нужно время, что новгородцы рано или поздно сами передерутся и «укажут путь» молодому Ростиславу Черниговскому. А Михаил тем временем озабочен будет делами с Киевом или с Галичем, времени же и сил у него для Новгорода уже не будет. Слава Богу, что прошлой зимой не дошло дело до войны. Потому и Ярославу нужно примириться с ним. Услыхав эти слова, владыка вновь молча кивнул и внимательно посмотрел на Ярослава. Черниговский епископ также согласно и доброжелательно закивал головой. Заметивший это, Ярослав Всеволодович покраснел, но в знак согласия склонил голову. И уже после этого Юрий, обратясь к митрополиту, просил его быть посредником в деле примирения.

Княжеский съезд собирался еще два раза в течение трех дней. Много было говорено. Но главное, что примирило всех, было уже сказано в самом начале. Теперь же споры и разговоры шли больше об устроении и размежевании удельных земель. Судили и договаривались о мытных сборах на рубежах с Новгородской землей, Черниговским, Смоленским, Муромо-Рязанским княжествами, о монастырских и церковных селах, городах и землях, о судоходстве и сухом торговом пути, мостах, торговле, градском и ратном деле, о добыче соли и железа, рыбных ловлях и многих других хозяйственных и военных делах. Юные княжичи Феодор и Александр, присутствовавшие при обсуждении этих дел, все более набирались знаний и опыта. Постепенно они всем сердцем и нервами начинали ощущать свою сопричастность с тем, что происходило на Руси, и чувствовать свою ответственность за то, что

совершалось по воле правителей этой огромной, могучей, но разделенной рубежами княжений и уделов земли.

Когда же князья разрешили и уладили все свои дела, то целовали крест старшему брату, обещая слушать его и почитать как отца родного. Однако Юрий сразу не распустил братию по домам.

* * *

По окончании всех дел великий князь собрал всю братью свою на общую молитву и похвастался новым белокаменным собором Рождества Пресвятой Богородицы, построенным в центре древнего кремника. Более всего удивляло молодых князей и княжичей и само огромное здание, почти равное по размерам Успенскому собору во Владимире, и его великолепные златые врата. Несколько дней пировали в Суздале. Затем Юрий решил устроить большую охоту на южных рубежах Владимирского княжества в Мещерских и Муромских лесах. Из Суздаля все князья со своими дворами перебрались в Боголюбово, где был устроен очередной пир. Затем Юрий с братией ездил на молитву в храм Покрова Пресвятой Богородицы, что на Нерли. А уже после этого, как готовы были к охоте лошади, собаки, ловчии и заготовлены все припасы, княжеский поезд отправился в дремучие леса к верховьям реки Гусь. Там стояли лагерем и охотились целую неделю. Настреляли и набили диких гусей, кабанов, волков, лис, затравили даже двух медведей. А к восьмому сентября возвратились в Суздаль. На Рождество Богородицы стояли праздничную литургию в новом престольном храме. Совершив вновь с братией праздничную трапезу, одарив всех подарками, отпустил, наконец, великий князь Владимирский братью свою по домам.

Глава XIV

Князь Даниил Волынский

Затяжной дождь проливался на поля, луга и леса польской земли Куявии. Полки Юго-Западной Руси из Владимира-Волынского, Луцка, Червеня, Ярослава и Перемышля уже какие сутки двигались на запад. Через несколько верст им предстояла переправа через полноводную и быструю реку Варту, за которой стоял град Серадзь, а еще далее через два десятка верст начиналась Великая Польша. Туда и держали путь русские полки под рукой смелого и воинственного князя Даниила Романовича Волынского.

Даниил съехал с раскисшей от дождей дороги и в окружении нескольких гридей и отроков стал подниматься на высокий холм, чтобы посмотреть, далеко ли река. Конь с трудом поднялся по мокрой, скользкой траве и рыхлой земле на высокий взлобок. Даниил, сощурившись, увидел в дали, затянутой серой пеленой дождя, тусклый и холодный просвет реки. Затем он обратил свой взор на дорогу и осмотрел длинную вереницу своих утомленных полков. Пятитысячное русское войско, ушедшее в поход с берегов реки Сан, прошло уже более трехсот пятидесяти верст в течение недели. Большую часть этого времени шли дожди. Уже после переправы через широкую, медленную Вислу, за Сандомиром, Малая Польша встретила русичей дождями и распухшими от грязи дорогами. Вязли в грязи и выбивались из сил кони. Верховые

спешивались и вели коней в поводу. Вязли телеги, а немногочисленные пешцы выталкивали их из промоин и ям и, обессиленные, медленно двигались за возами.

Но все это не очень беспокоило Волынского князя. Поводом для большего беспокойства было то, что до сих пор не подавал никаких вестей князь Конрад Мазовецкий, призвавший Даниила на помощь. Подумав об этом, Даниил нахмурился, зло сплюнул ощую от себя, отгоняя дурные мысли. Уже не один раз приходили ему эти мысли о том, что не стоило вмешиваться в польскую усобицу. Однако законы чести и родства требовали того. Ему повезло в прошлом году, он вернул под свою руку Понизье — отчину отца, где последнее время правил его тесть Мстислав Удалой. При воспоминании о тесте и о которах с ним, а может быть, и от скверной сырой погоды у Даниила вдруг заныла старая рана в груди, полученная от татарского копья на Калке. Как он тогда уцелел, лучше и не вспоминать... А тесть-то Мстислав Удатный как повел себя, когда первый прибежал к Днепру! Как близко была тогда смерть. Как с кровоточащей раной в груди он выдержал эту многодневную гоньбу верхом, уходя от татар. И вот он, Даниил, опять идет в чужую землю воевать за своих сродников-ляхов, как семь лет назад шел на Калку драться за половцев. Вот она — соседняя польская земля. Хоть и похожа на его родную Волынь, но все же не та. Ведь его батюшка Роман погиб двадцать пять лет назад, проходя через Польшу «в немцы». Там он должен был придти на помощь князю Филиппу Швабскому, воевавшему против князя саксонского Оттона. Погиб отец, оставив их с Васильком совсем малыми. Да, в батюшкиных жилах текла ляшская кровь. Ибо дед их Мстислав Изяславич женат был на дочери польского короля Болеслава Кривоустого. Да и воспитывался батюшка при дворе своего дяди короля Казимира. Но в молодости он вернулся на Русь княжить в Новгороде по призыву новгородского веча. Здесь уже на Руси женился на дочери Смоленского князя

Ростислава — их матери. Знал Даниил, что польские короли приходились им сродственниками по женской линии. Убитый в прошлом году своею же роднею, польский король Лешко под конец жизни был верным союзником молодым Романовичам. Да и его брат Конрад Мазовецкий был дружен с Даниилом. Однако и Конрад понаделал за свою жизнь много грехов и ошибок, и много пролилось крови по его вине. Именно он и латинский бискуп Христиан обратились четыре года назад к рыцарям Тевтонского ордена за помощью. Те пришли из Святой Земли в Торунь и Хелмно (Кульм) для борьбы с язычниками-пруссами. А теперь уже тевтонские рыцари прочно обосновались в Пруссии, и никакими силами их оттуда уже не выкурить. Сам римский кесарь Фридрих взял Орден под свое покровительство.

Тем временем, пока Даниила отвлекали все эти мысли, княжеский конь, медленно ступая, сам пошел вниз с горы. Князя окликнул подъезжавший с дороги его дядька боярин Мирослав. Даниил встряхнулся, заметив, что тот спешит к нему, улыбаясь на скаку и, видимо, неся радостную весть. И действительно, подъехавший Мирослав сообщил, что с севера к переправе у Варты подходят полки Конрада Мазовецкого.

Они съехались уже у реки. Войска подходили к старому деревянному мосту, два пролета которого были помостами, положенными на большие лодки. Здесь мост можно было разводить для прохода ладей и кораблей. Противники Конрада Мазовецкого в спешке не смогли спалить этот мост, им и воспользовались князья Даниил и Конрад. Довольные тем, что мост оказался цел, и увидев друг друга, они направили коней навстречу. Оставив седла, князья с радостью сошлись. Конрад Мазовецкий был крепким, широкоплечим мужем средних лет с серо-зелеными глазами, выбритым длинным подбородком и правильными чертами лица. Перед тем как обнять Даниила он снял массивный круглый шелом с бар-

мицей и с небольшим стальным гребнем, защищавшим нос, переносье, надбровные дуги. Затем стянул с головы вязаный шерстяной подшеломник, обнажив крупную лобастую лысеющую голову и копны волнистых светлых кудрей, пышно растущих в тыльной части головы. Даниил также обнажил голову. Они обнялись и расцеловались, как старые добрые друзья и сродники. Конрад был немного ниже ростом, но в плечах ничем не уступал Даниилу. Князья повели разговор о дальнейших совместных действиях. Конрад вел с собой шесть хоругвей*. Четыре числом в две тысячи воев были приведены им из Мазовии. Еще одну хоругвь собрали под его начало дружественные ему мелкие куявские князья. А последняя, численностью до шестисот воев, была набрана им в Торуни из наемных немецких рыцарей и кнехтов. Из-за этого Конрад и задержался на какое-то время и соединился с Даниилом позже намеченного срока. Во всяком случае, у Конрада было около трех с половиной тысяч воинов. Теперь они могли спокойно двинуться на Калиш, где у противников Конрада великопольских князей, по сообщениям лазутчиков, было собрано четыре-пять тысяч войска.

Дождь тем временем прекратился. Подул теплый южный ветер. В разрывы облаков стало проглядывать солнце. Усталые и промокшие люди заулыбались и двинулись вперед живее, погоняя лошадей. Решив не останавливаться на отдых до темноты, князья и воеводы продолжали вести войска на запад до той поры, пока не достигли Серадзи — последнего города Куявии у рубежей с Великопольской землей. Серадзь впустила часть войск в свои стены. Все, кому не хватило места в городе, разместились в предгородье и окрестных сельцах. Уже здесь на рубежах вражеских владений проявились первые случаи грабежей местного населения. Но воеводы пока еще сдерживали ратных и не давали обижать местный городской люд и смердов. Заутро полки вновь двинулись на запад. Наступивший день оказался ветреным, теплым.

Дороги подсыхали, и к вечеру градские вежи, куртины стен, черепичные крыши домов и колокольни Калиша вдруг показались за рекой из-за окрестных холмов, перелесков и садов. Союзные полки русских, мазовшан и наемников-немцев на лодках и на плотах перебирались через луговые протоки реки Просны и приближались к городу. Полки и отряды занимали окрестности и выходили к реке ниже и выше по ее течению, охватывая град с юга и с запада подковой. Горели опустевшие окрестные деревеньки, вырубались сады, грабилось все, что осталось после ухода местного населения, травились посевы, сооружался лагерь, разводились костры. Вои жарили, варили, пили хмельное, насиловали женщин, случайно попавшихся им в руки на вражеской территории, и, словом, делали все то, что обычно делают войска, войдя в чужую землю и чувствуя полную безнаказанность за производимый разгул и грабеж. Особенно рьяно проявили здесь себя наемные немецкие рыцари и кнехты. Но князь Конрад, видимо, очень надеялся на их силы и помощь в этом походе и потому на многое закрывал глаза. Лишь небольшой городок, недавно построенный немецкими ремесленниками и купцами, ниже по течению реки между несколькими ее протоками, не был тронут.

На следующее утро Конрад и Даниил в сопровождении своей челяди, отроков объезжали и осматривали Калиш. Были с князем Конрадом и немцы — «осадных дел мастера», что должны были дать свои советы по вопросам приступа городских укреплений. Город с юга и запада опоясал ров в четыре сажени глубиной и три сажени шириной, соединенный с рекой отводными каналами, заполненный водой. Внутренняя часть рва и невысокий вал были вымощены камнем. Берма почти отсутствовала. Основания стен на высоту в две сажени также были выложены из каменных валунов и блоков. Еще выше на них стояли бревенчатые стены, видимо, рубленые из дуба. С запада эти укрепления защищали Старый город. Здесь между двух каменных веж находились массивные створы ворот, над

которыми имелась арка с боевым ходом. С юго-запада город был практически неприступен. Цитадель древнего славянского «града», построенного еще триста лет назад на высоком холме, господствовала над всей местностью. Высокая каменная колокольня храма поднималась над древними оборонительными стенами каменной кладки. Южнее к «граду» примыкала вторая — нижняя линия стен, положенных по уступам холма. Между второй и первой линией укреплений стена уходила внутрь и делала поворот перед небольшой нишей ворот. Это было некое подобие «захаба»*, устроенного для кругового обстрела противника, если бы тот прорвался к воротам. Расположенные восточнее предместье и пристань у реки были также защищены рубленой стеной на каменном основании, валом и рвом с водой. В предместье и к пристани вели ворота, устроенные в массивной деревянной веже. У самой реки стоял угловой рубленный восьмигранный столп, каменное основание которого уходило в воду. Вдоль реки по невысокому берегу шла бревенчатая стена с двумя воротами.

После осмотра оборонительных укреплений и Даниил, и Конрад поняли, что без камнеметов, примета*, осадных лестниц и других «градобитных хитростей» Калиша им не взять. На военном совете решено было начать строительство тридцати метательных машин — патэрелл, заготовить каменные снаряды, сосуды и небольшие бочонки с горючей жидкостью. Необходимо было также соорудить около сотни высоких осадных лестниц, нарубить сотни тонкоствольных бревен и шестов длиною более четырех саженей, сбить несколько сотен широких деревянных щитов, которые можно было переносить трем-четырем воинам на расстояние в десятки и сотни саженей. Кроме того, из окрестных сел и деревень по реке вои должны были сплавить и собрать выше по течению все лодки и ладьи. Намечалось построить также несколько десятков плотов. На подготовку к приступу отводилось десять дней.

Тем временем погода установилась ясная и теплая. Через десять дней все уже было готово. Решили брать град с двух сторон. Мазовские и куявская хоругви готовились к приступу со стороны Старого города. Немцы же построили и спрятали патерэллы в прибрежной роще южнее «града». Они поставили пороки на расстоянии трех полетов стрелы от каменной цитадели и намеревались с утра придвинуть их ближе к стенам, чтобы бить камнями и огнем по городу у предместья. Русские вместе с остальными рыцарями и кнехтами готовились приступать ко граду с юго-востока и по берегу реки. Еще один отряд намеревались отправить на плотах и лодках вниз по течению. Князь Конрад возглавлял свои хоругви, вставшие западнее города. Ставка Даниила была южнее — на одном из холмов левого берега реки.

Лишь только поблекли в утреннем июньском небе звезды и замолкли соловьи в кустах у реки, колонны числом в несколько тысяч воинов, окутанные дымкой тумана, укрываясь большими дощатыми и ручными щитам, ощетинившись копьями, приготовив луки со стрелами, двинулись на приступ к городу с двух сторон. Вои, шедшие в передних рядах, несли тонкомерные бревна и толстые шесты. Следовавшие за ними тащили длинные лестницы с крюками и прикрепленными к ним канатами. Многочисленные ряды нападавших, появлявшиеся из тумана, были подобны волнам большой реки, затоплявшей невысокий каменистый остров во время половодья. Позади, на телегах, везли камни и зажигательные снаряды. Из-за островов Просны, лежавших выше по течению реки, по ее протокам к стенам Калиша тронулись и поплыли десятки лодок, насадов и плотов с сотнями воинов. Как только нападавшие стали заметны со стен, в Старом городе, предместье и в цитадели «града» ударили в колокола и била, на куртинах и в вежах замелькали сотни людей с факелами. Немецкие кнехты и лучники покатили пороки к стенам под прикрытием больших щитов, сбитых из толстых досок и пе-

реносимых передними рядами воинов. На стенах и башнях стало шумно. Шедшие на приступ двигались в тишине или негромко молились. Скоро первые стрелы, пущенные со стен, прорезали воздух негромким, жутковатым свистом и звонко ударили в щиты. Следом редкие камни сбили с ног и тяжело ранили нескольких воинов. Нападавшим стало ясно, что у защитников города есть метательные машины, установленные на воротной веже. Еще через десяток шагов русские и немецкие лучники пустили над головами щитоносцев первые стрелы в сторону града. К этому моменту немецкие кнехты уже подкатили свои пороки на близкое расстояние к стенам и, укрыв их щитами от стрел, подготовили к стрельбе. Уже первый удар баллист и патерэлл отозвался на стенах Калиша воплями, криками раненых, предсмертными стонами. Русские и немцы, наступавшие вдоль берега, придвинулись вплотную ко рву и тоже пустили стрелы в защитников. Затем передние щиты раздвинулись. Осаждавшие быстро настелили мостки через ров. Воины стали перебегать по мосткам и взбираться на вал. За несколько минут на валу оказалось до трехсот человек. Успели перенести и закрепить на каменном основании вала даже семь-восемь осадных лестниц. Но защитники уже подготовились и к этому. Сотни стрел, камней и бревен обрушились на головы и плечи осаждавших. Крики, вопли и стоны разнеслись вдоль вала. Большие потери были у воротной вежи, где скопилось множество ляшских лучников. Оттуда же пороки метали камни в нападавших. Лучники со стороны осаждавших ответили новым градом стрел. Но десятки людей, прорвавшихся на вал, были убиты, пали замертво от ударов тяжелых камней, бревен, стрел или, сбитые вниз, падали в ров с водой. Сотни были ранены или оглушены. В сторону немецких кнехтов и стрелков у метательных машин полетели тяжелые арбалетные болты, пущенные издалека со стен каменного «града». Эти железные стрелы, при попадании в человека, убивали насмерть или страшно калечили. Увидев

все это, князь Даниил помрачнел. Он матерно выругался, оставил свою ставку на холме и направил коня к немецким камнеметам. За ним последовали его верные отроки. Насады, лодки и плоты со стрелками в тот момент еще не успели доплыть до углового столпа у реки. Но первые стрелы с их стороны уже полетели в сторону городских укреплений.

В то же время у западных укреплений города творилось что-то невообразимое. Мазовские и куявские вои сумели засыпать оборонявшихся на стенах стрелами, перебросить через ров бревна и покрыть их щитами из досок. Они установили десятки лестниц на валу и полезли по ним на бревенчатые верха стен. Здесь потери от стрел, камней и бревен, метаемых осажденными сверху, были меньше. Воротные вежи Старого города были саженях в ста от места приступа. Но в отдельных местах защитники вылили на нападавших несколько котлов с кипящим жиром и смолой. Обожженные и осмоленные вои, кому жир и смола протекли сквозь доспехи и поддоспешные рубахи, выли, орали благим матом и бросались в глубокий ров с водой. Но там многие шли на дно под тяжестью брони. Те же, что были половчее, цеплялись за каменную кладку рва, шесты и веревки, подаваемые им. Часть мазовских и куявских воев уже успела залезть по приставным лестницам на верхний ход куртины и завязать рукопашный бой с защитниками. Сам князь Конрад, размахивая тяжелым мечом, стоял у приставной лестницы, навалясь всем телом на ее основание. Громкими криками он призывал своих воев смелее лезть на стены, бить врага на верху и ворваться в город. Уже несколько небольших камней ударило князя по кованому тяжелому куяку и плечам, защищенным железными пластинами. В голове у него кружилось и звенело, но он держался, опираясь на лестницу и руку оруженосца, не оставляя своих воинов. В течение еще пятнадцати минут мазовшане и куявцы сотнями перебирались через ров по настилам и мосткам и устремлялись по лестницам вверх на вал и стену. Лишь лучники оставались по ту сторону

рва. Стрелы почти перестали летать. На верхнем боевом ходу куртины развернулась жестокая резня. Отбросив или поломав копья, люди секлись мечами, саблями, секирами, топорами. Срубали друг другу кисти рук, предплечья, раскраивали шеломы, рассекая кольчужные капюшоны, головы, шеи и лики. Кто-то крутил над головой булавой, палицей или кистенем, не подпуская близко к себе нескольких воинов противника. Кистень на цепи или ремне, обрушенный на врага, наносил удар, огибая щит и дробил доспехи и кости. Некоторые, обломав в ближнем бою мечи, хватались за ножи и старались ударить врага снизу под кольчугу — в бедро или в пах. Кровь брызгала во все стороны, заливая людей, оружие, доспехи и бревна верхнего боевого хода куртины. Люди с выпученными от ярости глазами, исковерканными злобой, ненавистью лицами, посеревшими от ужаса, потемневшими от напряжения, забрызганными кровью, метались, крутились, прыгали и пригибались в диком, смертельном танце рукопашной схватки. Нечеловеческий вой, черная ругань, предсмертные хрипы перекрывали лязг и скепанье металла, треск ломающегося и разрубаемого дерева. Смертельно раненные и убитые валились под ноги, а по их телам устремлялись на врага в схватку новые и новые бойцы, сметавшие друг друга со стен. Кто-то с раскроенной головой катился вниз по сходням под куртину, кто-то как подбитая стрелой птица стремглав слетал в ров, наполненный водой. Кто-то, медленно умирая или получив рану и спасая жизнь, тихо сползал вниз по приставным лестницам, цепляясь за ступени ослабевающими руками. Воды рва побагровели. Каменная вымостка вала, рубленые настилы куртины и сходни стены были залиты кровью.

Князь Конрад постепенно оправился от оглушающих ударов камней и в общем потоке своих воинов полез вверх по приставной лестнице. Когда он с трудом поднялся наверх и, качаясь, словно пьяный, оглядел все происходившее вокруг, ему показалось, что еще немного и защитники Калиша будут

сломлены и сметены с куртины его людьми. Но неожиданно напор обороняющихся усилился, и мазовшан стали теснить новые отряды воинов, поднимавшиеся снизу к верхам куртины. Видимо, резервы великопольских князей, собранные в крепости, были в решающий момент брошены на защиту стен Старого города. Наверное, туда же подступили и защитники цитадели. Еще минут пять мазовские воины пытались сопротивляться, но потоки стрел из города обрушились на головы нападавших и стали выбивать десятки бойцов из их рядов. Князь Конрад сам получил острый, таранящий удар стрелы в грудь. Стрела, не пробив кованого чешуйчатого доспеха, лишь ошеломила, но не ранила. Увидав, что приступ захлебывается, князь велел слуге трубить в рог отход своим войскам, а сам приготовился к обороне. Воины, еще имевшие щиты, стали окружать и прикрывать Конрада. Остальные люди мазовских и куявской хоругви начали оставлять верхний боевой ход и спускаться вниз по приставным лестницам.

Защитники города напирали все с большим ожесточением и сбрасывали мазовшан со стен. Приставные лестницы отталкивались и падали на головы отступавших. Сотни людей не успели спуститься быстро. На тех, кто не бежал, а пытался сопротивляться, набрасывались скопом и, забивая до смерти, скидывали вниз. Кто-то, не зная, как вырваться из рук защитников города, прыгал вниз сам и разбивался или получал увечье. Князь Конрад, оставаясь на стене в окружении таявшей дружины, залитый чужой и своей кровью, остервенело отбивался, крутя тяжелым мечом над головой, рассекая шеломы и головы врагов. Насмерть дрались и его люди. Рискуя собой, они не давали врагу тронуть три последних осадных лестницы. Так они смогли прикрыть отход нескольких сотен своих воинов. Лучники, остававшиеся за рвом, уже прицельно били по противнику десятками стрел и этим также прикрывали отступление своих хоругвей. Через полчаса, сильно поредевшие мазовские и куявские отряды

отступили от стен Старого города на полет стрелы, оставив у рва, во рву, на валу и стенах Калиша около восьмисот убитых и тяжело раненых. Князь Конрад Мазовецкий, дравшийся на верху куртины до последних минут был ранен в бедро, оглушен кистенем и без шелома вынесен из боя своими верными дружинниками. А его выщербленный и окровавленный меч, выпавший из дланей, так и остался лежать на верхнем боевом ходу стены.

Но схватка за город не прекращалась. В то время, когда на стенах Старого города мазовские и куявские воины были опрокинуты прибывшим подкреплением защитников города, князь Даниил под градом стрел, камней и арбалетных болтов велел немецким кнехтам быстро передвинуть патерэллы на сто тридцать саженей к юго-востоку. Тут он услышал, как в «гроде» зазвенели рога, и из небольшого воротного проема цитадели стали выезжать всадники, выходила пехота с копьями наперевес. Князь велел трижды трубить в рог своему отроку. Из рощи, где утром прятали метательные машины, выехал конный волынский полк. Услышав вторичный призыв княжеского рога, волынцы под рукой боярина Мирослава развернули строй, опустили копья и погнали коней на врага. Что происходило у стен цитадели далее, Даниил уже не знал. Он, как все немецкие кнехты, стрелки и люди из его окружения, налег на орудия и потащил их вместе с другими в направлении, которое указал сам. Через полчаса, выбиваясь из сил, они уже установили часть камнеметов напротив воротной вежи, а часть против куртины, поставленной ближе к реке. Плоты, лодки и насады дрейфовали у ошего берега, и с них велся обстрел углового столпа. Здесь же у ворот и куртины перестрелка ослабела. Русские пешцы и кмети, немецкие рыцари и кнехты перестраивали свои ряды, вновь клали на плечи лестницы, бревна, слеги и поднимали щиты. По сигналу князя немецкие камнеметы начали бить по воротной веже и пряслу стены ближе к угловому столпу. Сказал, чтоб немцы

не жалели камней и метали в град зажигательные снаряды. Вскоре стрелы защитников перестали осыпать нападавших. Арбалетные болты со стен «града» тоже не долетали сюда. Даниил всмотрелся на запад и увидел, что волынцы громят отряд ляхов, сделавших вылазку у стен цитадели. Вновь оглядев укрепления предместья, увидел, что немцы разбили камнями несколько клетей дубовой куртины. Велел бить туда же без останову. Отряды нападавших по его сигналу вторично пошли на приступ. Тем временем ближайшие к укреплениям дома предместья охватило огнем. Слышно было, что там начиналась паника. Русские и немецкие лучники, приблизившись ко рву, вновь повели стрельбу. Со стен отвечали слабо и недружно. Метательные орудия защитников города на воротной веже, явно были уже разбиты, прислуга их побита. Посмотрев в сторону реки, Даниил увидел, что лучники и копейщики оставляли свои лодки, плоты, собираясь идти на приступ города со стороны берега. Тут князь понял, что эти вои смогли отвлечь на себя защитников стен и воротной вежи. Немедля он приказал приступать там, где уже обрушились клети рубленой стены. Под прикрытием камнеметов и лучников русские вои и немцы восстановили мосты надо рвом и бросились к небольшому пролому, образовавшемуся в стене. Лестницы потребовались только для того, чтобы преодолеть мощенный камнем вал и нижнюю каменную кладку стены. Далее каждый карабкался по обвалу бревен как умел. Десятки воинов хлынули в пролом. Защитники предместья все же успели к этому времени как-то собраться с силами и встретили нападавших дружным ударом копий, мечей и секир. Даниил видел, что одним из первых в пролом поднялся высокий немецкий рыцарь в кольчужном капюшоне с огромным двуручным мечом, взнесенным вверх. Он уперся стопами ног в два бревна, скрепленных в обло, и с размаху стал крушить своим страшным оружием ляхов, пытавшихся копьями столкнуть его вниз. Через минуту-другую рыцаря

все же сбили с бревенчатого угла. Но на его месте появился новый воин, видимо, русский кметь или немецкий кнехт, что наносил удары секирой. Вскоре пролом заполнился нападавшими. Было видно, что они выбили ляхов за стены — в предместье и теперь карабкались по бревнам вверх и устремлялись к угловому столпу у реки. Князь всел в седло и, огрев коня плетью, направил его к пролому. Через три минуты он уже был там. Немедля велел всем своим воинам разломать, а затем поджечь левое прясло стены. Затем остановил воев, рвавшихся в город, и направил их на захват углового столпа. Там на первом и втором ярусах шел рукопашный бой. Слышались яростные крики дравшихся, мат, лязг оружия и стоны. Русские и немцы одолевали. Скоро сраженных и раненых ляхов стали выбрасывать из окон верхнего боя. Победа явно улыбнулась князю Даниилу. Правда, нападавшие со стороны реки были отброшены к воде. Здесь ляхи смогли укрепить берег и пристань подвижным тыном и возами. Но угловой столп у реки и часть прясла с проломом остались за воинами Даниила. Путь в город был открыт.

В этой схватке русские оставили под стенами Калиша более двухсот убитых и ста пятидесяти раненых. Там же легло много немецких рыцарей и кнехтов.

* * *

Получивший рану в бедро мазовский князь полулежал у себя в шатре на походном ложе и, морщась от боли, попивал из большой чаши фряжское красное вино. Рядом без доспехов сидел Даниил Романович и также смаковал терпкое вино, прикладываясь к серебряному кубку. Прошло два дня после той ожесточенной схватки. Их войска по-прежнему удерживали за собой захваченные укрепления, но в город не входили. Конрад и Даниил уже знали о том, что великопольские князья со своими войсками оставили Калиш. Однако никто не торопился вводить войска в город с враждебно настроенным и хорошо вооруженным населением. Это и обсуждали князья.

Разговор между Конрадом и Даниилом был нарушен вошедшим в шатер варшавским кастеляном, что участвовал в этом походе во главе своей хоругви. Он попросил извинения у князей за то, что в спешке нарушил их разговор, и сообщил, что городской люд собрался на площади в Старом городе и обращается к князьям с просьбой прислать к ним послов для переговоров. Услышав это, Даниил и Конрад улыбнулись. Вслед за этим Даниил, не раздумывая, предложил в послы себя. Сначала это вызвало недоумение у мазовецкого князя. Но, подумав, он согласился. Ведь никто в Калише не знал в лицо Даниила Волынского.

Через полчаса уже в доспехах, в шеломе с опущенной личиной, с мечом на поясе, в сопровождении варшавского кастеляна князь Даниил въехал в ворота Старого города. Стража, не задумываясь, пропустила их, открыв одну створу ворот и подняв тяжелую дубовую решетку над головами. Еще через десять минут послы уже были на площади, заполненной вооруженным народом. Воинственные горожане стояли, опираясь на копья, палицы, тяжелые секиры и большие щиты. Многие были повязаны окровавленным тряпьем, что говорило об их решительном участии в схватке на стороне противников мазовского князя. Какой-то гражанин в длинной кольчуге и куяке, взобравшись на бочку, потрясая мечом в деснице, что-то быстро и громко говорил по-ляшски. Немногочисленная группа его сторонников одобрительно кивала головами и поддерживала его негромкими выкриками. Другая группа, большая числом, молчала в ожидании. Здесь же были и женщины, пришедшие на площадь со своими мужьями, братьями и женихами. Даниил неплохо говорил и понимал по-ляшски. Подъехав к собравшимся, князь понял, о чем так громко говорил лях. Тот призывал не сдавать града Конраду и немцам, а стоять против них до смерти и погибнуть, если то угодно Богу и во славу престола святого Петра. Даниил и кастелян, удерживая коней, почти незаметно подъехали

к многочисленной толпе и остановились. Тем временем из группы тех, кто стоял молча, вышел солидный муж в хорошем панцире из стальной чешуи, державший шелом в ошеей руке и опиравшийся на небольшую секиру. Внешность выдавала в нем богатого купца или старшину какого-то ремесленного цеха. Он прихрамывал на ошую ногу и, заметно было, что также потрудился и утер немало пота и крови в прошедшей схватке. За ним из толпы вышло несколько дюжих молодцов с копьями, в кольчугах и кольчужных капюшонах. Подняв руку вверх, старшина попросил слова и вскоре, видимо, из уважения к нему, шум стих, и люди стали со вниманием слушать. Говорил он недолго, но смысл его слов сводился к тому, что с мазовским князем ругаться и драться далее калишанам не след. Великопольские князья сами виноваты в этой вражде из-за того, что не благоволили немецким купцам и немецким рыцарям на своей земле. Немцы с поляками одной веры, и то, что римский кесарь в ссоре с папой римским, так это нисколько не мешает торговать с подданными кесаря и давать им возможность служить у польских князей в войске, да получать у них землю во владение. Со временем кесарь и папа сами разберутся в своих делах и примирятся. Им же, гражанам Калиша, в эти дела лучше не лезть. То, что князь Конрад привел на Калиш немецких рыцарей, не беда. Хуже другое, то, что Конрад привел с собой и схизматиков-русских. Вот те во главе с их князем Даниилом действительно готовы грабить и разорять Польшу. Ведь благодаря русским Конрад смог захватить стену и столп у реки, сделав пролом в город. Только из-за русского князя, который желает отдать город на разграбление своим воям, калишане могут не получить мира. Теперь же надо тайно просить Конрада, чтобы он посадил русского пса на цепь, а после этого заплатить мазовскому князю выкуп, сколько запросит.

Собравшиеся на площади к тому времени все более стали обращать внимание на двух воинов, подъехавших верхом.

Державший речь, наоборот, был повернут к ним боком и не замечал их.

Даниил все понял и без кастеляна, который уже потянулся к нему с коня, чтобы негромко пояснить или, возможно, сгладить некоторые крепкие выражения в адрес князя. Но тот громко рассмеялся, чем обратил на себя всеобщее внимание. Смело тронув коня в гущу толпы, Даниил поднял железную личину и громко объявил ляхам, кто он такой. Лицо городского мужа, державшего речь, побледнело. Его люди угрожающе направили копья на Даниила. Но тот мирно протянул к ним открытую десную длань и просил опустить оружие. По толпе пронесся доброжелательный шепот. Тогда, сняв шелом и кольчужную рукавицу, князь призвал собравшихся к примирению и поклялся со своей стороны не причинять городу ни малейшего вреда. Его присутствие здесь подтверждало правоту его слов. Со своей стороны он обещал выступить посредником в переговорах между горожанами и князем Конрадом для заключения выгодного для обеих сторон соглашения. Для полной уверенности Даниил обещал гражанам оставаться у них в Калише для содействия и до заключения полного соглашения с его братом князем Конрадом Мазовецким.

* * *

Прошло еще два дня, пока был заключен мир между князем Конрадом и городом Калишем. Князья Даниил и Конрад в окружении своих бояр, слуг, мужей и старшин города стояли мессу в костеле древнего каменного «града». Играл орган, и церковный хор величественно и торжественно шествовал высотами григорианского хорала. Раскрашенные резные деревянные статуи, изображавшие святых, редкие иконы, массивные, мрачные и закопченные своды костела, все было непривычно для русского православного глаза. Но князь Даниил любил церковное богослужение и с удовольствием слушал как латинский орган, так и православный вокал. Его нисколько не смущало то, что богослужение шло на непривычном ему

латинском языке, что окружавшие его бояре чувствовали себя неловко среди молившихся латинян и не осеняли себя крестным знамением. Князь не замечал этого. Он, стараясь нисколько не привлекать к себе внимания, крестился всей дланью с десного плеча на ошее. При всем своем уме и знании богословия он совсем не собирался осмыслить и понять, что означает латинское «filioque», и его сердце было теплохладно, когда при нем говорили о безгрешности наместника престола святого Петра. Другое дело, он, как и князь Конрад, прекрасно понимал, что между жаждавшими мировой власти римскими папами и стремившимися сохранить суверенность венценосцами Римской империи не первый век уже шла смертельная война. И в этом вековом споре попеременно побеждали то наместники престола святого Петра, то римские кесари, из которых ни те, ни другие, не гнушались никакими средствами. Даниилу, как и его покойному отцу, как и его сроднику Конраду, конечно же, были понятнее и ближе чаяния светского венценосца соседнего государства, чем чаяния далекого латинского иерарха. Но и примирению их они не были чужды. Тем более, что сейчас, когда Конрад заключил выгодный для себя мир, Даниил мог с чистой совестью обратиться к нему за помощью в свою очередь и отнять у угров заветную свою отчину — древний Галич.

* * *

К Галичу подходили на рысях. Угры не ждали. Лишь в четырех верстах от города, за мостом через реку Ломницу ближе к Днестру из-за одного холма на расстоянии трех полетов стрелы показался угорский конный полк числом до пятисот копий. Но угорский воевода, видимо, решил не рисковать жизнью, а, отправив весть в Галич, стал уходить стороной. Угорский полк разделился. Большая часть его пошла на юго-запад. А сотни полторы комонных угров во весь опор понеслись в город. За угорским полком послали большую сторожу. Затем Даниил направил всю волынскую конницу и

мазовские конные хоругви за уграми, бежавшими к городу. Сила явно была на его стороне и он, не раздумывая, решил взять град изгоном. Около трех тысяч конницы устремилось к Галичу во весь опор. Даниил и Конрад с частью дружины и остальными силами быстро двигались следом. Менее чем через час они миновали реку Лукву близ города. Мост не был тронут. Затем поскакали вдоль валов и стен, защищавших посад и протянувшихся с запада на восток. Храмы Крылоса за оврагом засияли им своими златыми главами. Еще через десять минут князья миновали огромный овраг, разделявший Крылос и северное предгородье. Объезжая город с северо-восточной стороны, они не видели нигде следов схватки или кровопролитья. Лишь миновав восточное предместье и подъехав к вратам града, Даниил увидел последствия скоротечной схватки русичей и ляхов с угорским отрядом. Около двух десятков угорских воев и более тридцати нападавших были побиты здесь стрелами и копьями. Но закрыть врата в трехярусной системе валов угры не успели. Все они предпочли спасаться бегством, уходя южными воротами Крылоса и мостом через реку Лукву. Видимо, вместе с ними или же ранее оставил Галич и королевич Андрей.

Ворота града ужа были распахнуты настежь и охранялись воями Даниила. Галичане, быстро узнавшие о том, что произошло, толпами стекались к воротам Крылоса. Простонародье радостно встречало своего законного и любимого князя, приветствуя его криками, кланяясь ему в ноги и подкидывая шапки вверх. Церковные била уже наполняли аэру и сердце Даниила радостным перезвоном. Солнце сияло на летнем, синем небе, лишь кое-где покрытом небольшими белыми облаками. Мечта князя Даниила осуществилась и, казалось, уже ничто не помешает ему утвердиться в своей отчине.

* * *

На следующий день после того, как отслужили литургию и благодарственный молебен в Успенском соборе, князь Даниил

велел открыть врата Золотого Тока и боярских клетей. Из боярских закромов кмети и простой люд выкатывали бочки с вином и медом, расставляли столы и лавки на соборной площади перед Золотым Током. Накрывали столы всяческой снедью, какую только нашли в закромах угорских домов и палатах угорского королевича. Тысячи русских и ляшских воев, простых ремесленников, торговцев, лодочников и рыбаков с Днестра гуляли три дня. Из окрестных усадеб и со старого княжеского подворья пригоняли скот, доставляли муку, кололи овец и бычков, жарили, варили мясо, пекли хлеб. Князья Даниил и Конрад в окружении волынских бояр, челяди и немецких рыцарей из Торуни и Хелмно пировали там же. Но только не было среди них галицких бояр. Сколь ни звал к себе на пир именитых галицких мужей Даниил Романович, не приехал никто. Одни оставили князя без ответа, другие были далеко в своих вотчинах и в заботах, третьи сказались больными.

А тем временем галицкий боярин Судислав в окружении своих отроков, гридей и верных сподвижников скакал между отрогов горных хребтов к Торуньскому перевалу в Карпатах. Путники останавливались на ночлег только в скрытых местах на опушках дремучих лесов, покрывавших горные склоны. Они мало спали, плохо ели и берегли коней. На третьи сутки справа от них замаячила и вышла из туманов серая вершина горы Хом. Это означало, что до перевала оставалось еще верст четырнадцать-пятнадцать. Там за перевалом лежала уже чужая — угорская земля.

Глава XV

«Крепка как смерть любовь»

Тихо и спокойно текла жизнь в Переславле-Залесском. Безмятежно росли младшие братья. Матушка вновь была тяжела. Как и прежде шли хозяйственные дела. Как и ранее переславские кмети и княжьи детские, отроки и гриди съезжались на ратное учение в Перунов луг. Сильно возмужали, повзрослели и стали серьезными старшие княжичи — уже князья новгородские Феодор и Александр. Сидение на новгородском столе смыло с них последнюю наивность и безмятежность. Они словно оба проснулись от какого-то затяжного и сладкого сна, раскрыли глаза. Жизнь встряхнула и подбросила их обоих вверх, а у них, как у недавно оперившихся соколов в этом броске, расправились молодые крылья, и они, вместо того чтобы падать, вдруг полетели. Полетели над лесами и пашнями, над широкими реками и дрягвами*, над горами и пропастями. Ну, а как возвратились домой, то тошно им стало от этой тихой и спокойной жизни в родном доме в Переславле. А более всего заныло и застонало в душе у Феодора.

Отец сразу заметил эту серьезную перемену в сыновьях. Заметил тоскливые глаза молодых княжичей, вкусивших хмельной новгородской воли и жизни, полной опасностей и красоты. Тайно в сердце он был рад этому. И потому, как только отгуляли Пасху, как приспело первое дело, как под-

сохли весенние дороги, и показалась первая зелень, он взял старших княжичей с собой. Вот тогда и увидали Феодор и Александр Москву. Там вместе с батюшкой и братом Владимиром охотились они в дремучих лесах у рек Яузы и Сходни. Там пировали в московском кремнике, в княжеской гриднице, построенной на Боровицком холме. Там стояли литургию в новом белокаменном соборе святого Димитрия Солунского. Отец часто уединялся с сыновцом и его московскими мужами, подолгу беседуя о делах. Бывал при этих разговорах лишь боярин Борис Творимирич. Догадывались Феодор и Александр о том, что сговаривался батюшка с их двоюродным братом и московскими боярами о Волоке Ламском, чтобы не возвращать его Новгороду и быть в том за един. Погуляв в гостеприимной и окруженной лесами Москве десять дней, князь Ярослав направил стопы свои в Ростов Великий. Там уже ждали его сыновцы Константиновичи — тоже двоюродные братья Феодора и Александра.

Многолюдный и богатый Ростов встретил переславских князей церковными перезвонами, золотыми и серебристыми главами своих многочисленных храмов, зеркалом огромного озера, в которое смотрелся и любовался город. Князь Василек Константинович встречал дядю и братьев с епископом Кириллом и своими боярами у ворот острога, и, расцеловавшись со сродниками, сопроводил их в свои теремные палаты. Правда, жизнь в Ростове Великом не показалась Феодору и Александру столь же вольной и интересной, как в Москве. Долгое сидение за пиршественными столами с многочисленными и родовитыми ростовскими боярами, посещение многих древних и прославленных ростовских храмов с долгими службами, все это тяготило молодых князей, которым хотелось сесть в седло и прогуляться по окрестным полям и рощам в поисках зайцев и лис. Но приходилось степенно сидеть рядом с батюшкой за обильной пиршественной трапезой и слушать двусмысленные, хитрые и льстивые речи бояр, понимавших

все тонкости отношений, что были между князьями. Приходилось слушать долгие разговоры и воспоминания родовитых ростовских мужей о делах двух-трех, а то и четырехдесятилетней давности. Говорили не только о старшем брате Юрии, но и добрым словом поминали самого старшего и покойного ныне князя Константина Всеволодовича. Ненавязчиво помянули и о той, не добром будь помянутой, страшной Липецкой сече. Во время очередного застолья при этом упоминании нахмурился батюшка и заговорил сдержанно и осторожно. Но Борис Творимирич умело встрял в разговор и перевел его на другую тему, вспомнив покойного великого князя Всеволода Юрьевича, который самолично отпускал его в молодые годы в Святую Землю поклониться Гробу Господню в Святом Граде Иерусалиме.

Разговор о деде Всеволоде Юрьевиче заинтересовал Феодора и Александра более. Старики же вспоминали, каким великим храмоздателем был дед Феодора и Александра. Как перестроил собор Успения Пресвятой Богородицы во Владимире после пожара, как возвел чудный резной белокаменный храм святому Димитрию Солунскому, как построил каменный Владимирский Детинец. Ростовский епископ Кирилл, вместе со своим клиром присутствовавший за столом, перекрестился, прося Господа упокоить душу великого князя, и по-доброму улыбнулся, вспоминая что-то. Бояре повели разговоры о том, как ходили в походы на камских булгар, мстя им за набеги на Русь, как брали дань с мордвы. Тут Творимирич вспомнил, как Всеволод Юрьевич пошел на Рязань, поднявшуюся против великого князя Владимирского, разбил рязанцев, взяв в плен рязанского князя Глеба, его сына и их союзника Мстислава Ростиславича. Тут уже пришлось попыхтеть ростовским боярам, ибо Борис Творимирич напомнил им о давних годах, когда многие еще были совсем юны и молоды и когда ростовские бояре хотели посадить на великий стол Владимирский своих ставленников — Мстислава и Яропол-

ка Ростиславичей — племянников убиенного князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Правда, Борис Творимирич вновь сумел перевести разговор на более приемлемую для всех тему о том, как уже более тридцати лет назад великий князь Всеволод был в походе вместе с сыном Константином, сидевшем тогда на столе в Переяславле-Южном. Ходили на половцев и победили их. Этим воспоминанием Творимирич вновь очень польстил ростовчанам. Многие ростовские мужи заулыбались, ибо среди них были еще живые свидетели и участники этого похода, принесшего на Руси большую славу князю Всеволоду Юрьевичу и всей Владимирской, Ростово-Суздальской земле.

Князь Василек Константинович, часто с тревогой прислушивавшийся к разговорам за трапезой, тоже был польщен этими воспоминаниями о своем покойном отце и деде. Разговоры и далее продолжались уже без напряжения, сопровождались здравицами и обильным питием медов, фряжских, греческих вин и пива. Разбредались из-за столов к полуночи. Кто-то уходил сам, горделиво неся свою породистую, высоко поднятую главу, кого-то, сильно захмелевшего, под руки вели домой молодые отроки. А князь Ярослав и князь Василек в окружении самых близких бояр, сдвинув лавки во главе стола, неслышно ни для кого вели о чем-то важную беседу.

Прогостили так в Ростове Великом менее седмицы. Возвратились в Переславль в середине лета. И опять жизнь тихо покатилась своим чередом. Феодор тосковал и первое время все выспрашивал матушку и тиуна, нет ли каких вестей из Новгорода. Но отвечали, что не было. И Феодор, оседлав коня, скакал по полям, а то уезжал на несколько дней в княжескую усадьбу Клещин Городок и пропадал там.

Александр же все чаще бывал в Перуновом лугу с княжескими отроками и гридями или предавался чтению книг. Более всего полюбилось ему «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю, подаренное Борисом Творимиричем. С

удовольствием читал он и «Поучение» Владимира Мономаха, и «Моление Даниила Заточника», и «Александрию», где рассказывалось о подвигах царя Александра Македонского. Нравилась ему «Повесть о разорении Иерусалима». Но более всего вдохновляло Александра «Девгениево деяние», где прочел он о подвигах греческого воина-христианина, мужественного защитника рубежей своей Отчизны.

Временами читал и Феодор. Но ему больше нравилось читать Евангелие и Ветхий Завет. Читал он на выбор, то к чему более тянулась его душа. Так однажды раскрыл он «Книгу Екклесиаста». Написана она была древним иудейским царем Соломоном. С упоением князь принялся читать ее. Но другое произведение царя Соломона до глубины души потрясло и очаровало. Это была «Книга Песни Песней». Там рассказывалось, как великий иудейский царь полюбил простую девушку Суламиту, но не уберег ее. Понял тогда князь Феодор, что такое кон любви и жертвы ради нее. Как гром среди ясного неба, порой звучало теперь в голове Феодора изречение древнего царя: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть любовь; люта как преисподняя ревность...»

Ярослав Всеволодович мало сидел дома, все объезжал свой удел. Был в Дмитрове, Вышгороде, Твери, Кснятине, Микулине, заглядывал и на Ламский Волок. И везде осматривал кромы, проверял надежность и крепость градских стен, воротных веж, велел править старые городни, тын, мосты и дороги. Давал распоряжения тысяцким и воеводам о подготовке бояр и кметей к походу, о проверке оружия, упряжи и перековке лошадей. Интересовался князь и тем, какой думают собрать урожай на местах, много ли будет запасено, много ли осталось в закромах, погребах и клетях. Брал Ярослав с собой поочередно и старших сыновей. А те внимательно следили за тем, что делает и говорит отец, учились и понимали, что

затевается новая вооруженная пря. Тайно от всех ждал вестей из Новгорода и сам князь Ярослав.

Так прошел июль и начался август. И тут нежданно из Владимира пришла весть о том, что старший брат и великий князь Юрий сзывает всех своих сродников-князей на съезд в стольный град на Клязьме. Весть эта оказалась радостной для Феодора и Александра и не на шутку встревожила Ярослава Всеволодовича. Как не хотел этого переславский князь, но ехать в стольный Владимир, а затем в Суздаль пришлось и ему. Ко всеобщему удовольствию съезд прошел мирно. Юрий и все князья «исправивше все нелюбье межю собою». Все поклонились Юрию, «имуще его отцем собе и господином, целоваша крест». Вот тогда и понял Ярослав Всеволодович, что теперь старший брат поддержит его, и что скоро опять воссядет он на новгородском столе.

* * *

Возвратившись в Переславль, Феодор вновь затосковал. Никаких известий из далекого и любимого града, красовавшегося на берегах Волхова, так и не было. В который раз, отпросившись у батюшки, молодой князь ускакал утром в загородную усадьбу или, как по старине говорили, в Клещин Городок. В полдень он был уже там. Его неспроста влекло туда. Как-то после возвращения из Ростова Великого отец взял его с собой познакомиться с делами в княжеском пригородном хозяйстве, осмотреть оружную палату, конюшни, амбары с зерном, сеновалы, коровник, загоны для овец и многое другое. Не зная куда деть себя, Феодор отозвался на это с большим вниманием. Он везде следовал за отцом, выслушивал его и тиуна, сопровождавшего их. Затем они объезжали поля и сады, осматривали угодья. Потом парились и мылись в бане.

Трапезовали вечером в палате княжеского терема. Вот тогда Феодор и заметил ее. Она вошла в палату из сеней, неся с собой аромат и дыхание теплого июльского вечера, запах зреющей в полях ржи, запах луговых цветов, запах теплой

озерной воды и травы с его берегов. Феодор вздрогнул. Она босоногая, такая тоненькая и стройная, одетая в льняную, белую и длинную рубаху, перехваченную в талии простым кожаным пояском, с золотой косой, заплетенной синей лентой, нежданно напомнила ему ту далекую и желанную с берегов Волхова. Напомнила и зажгла его сердце. Она внесла запотевшую крынку холодного медового кваса, налитого из бочки, стоявшей в погребе на леднике. Поклонилась князьям, поставила крынку на стол и удалилась. Феодор долго не мог прийти в себя, все вспоминал ее. Она, наверное, была ровесницей молодому князю. Девушка успела взглянуть на Феодора. Их глаза встретились. И по их сиянию он понял, что эта девушка уже видела его и он, несомненно, был интересен ей.

Подъезжая к загородному подворью в этот раз, Феодор все более и более думал о ней, и в его голове созревал замысел о том, как и где он встретит ее, объяснится с ней и... конечно, попросит ее о близости. Все его существо трепетало при этих мыслях. И только память о Неле жалила в самое сердце, как ржа разъедала душу и будила угрызения совести. Погоняя и хлеща коня, Феодор гнал от себя и хлестал эту несносно-тяжелую память и «крепкую как смерть любовь».

Осень все смелее вступала в свои права, окрасив яркой желтизной березняк вдоль дороги. Вскоре показались валы, тын и небольшая воротная вежа Клещина Городка, стоявшего на высоком прибрежном холме у озера. Дорога вела по крутому подъему вверх. Ворота были открыты, и Феодор, осаживая разогнавшегося коня, въехал на подворье. Молодого князя встретил «дворский»*, поймавший коня под узду и придержавший ошее стремя. Феодор спрыгнул с коня, поздоровался, передал повод уздечки, велел разнуздать и подать ему квасу в теремную палату. Сам же, не торопясь, пошел по ступеням гульбища вверх. Знал, что квас принесет она. Медленно пройдя в сени, он замер в полутемном углу недалеко от двери. Расчет его оказался верен. И трех минут

не прошло, как он услышал мягкое шлепанье ее босых ног по ступеням высокого крыльца. Затем дверь раскрылась, и она вошла в сени, бережно неся полную крынку холодного медового кваса. Она прошла по сеням всего три-четыре шага, как остановилась, услыхав его шаги сзади себя. Сжавшись от испуга, она резко повернулась к нему всем станом и лицом и, тихонько вскрикнув, выронила крынку. Та глухо ударилась об пол и треснула. Увидав и поняв, кто перед ней, девушка со страхом зажала ладошкой рот. Феодор подошел вплотную и, обняв за плечи, стал шепотом успокаивать ее. Она, сладко дыша ему в лицо запахом розового девичьего рта, несвязно шептала что-то, извиняясь перед молодым господином. Говорили они всего минуту-другую. Но за этот краткий миг он успел ласково и нежно поцеловать ее возле уст и шепнуть ей, чтобы она приходила в полночь к сеновалу, стоявшему в самой дальней части усадьбы. Она согласно кивнула головой и, опустившись на корточки, стала собирать черепки, а молодой князь прошел в теремную палату.

С трудом дождался он ночи. Как стемнело, вышел на конюшню. Конюха не было. Князь проверил своего коня, покормил его из длани хлебом, похлопал по шее и мускулистой груди. Серый жеребец тревожно всхрапывал и косил глазом на хозяина. Сняв висевшую рядом попону и взяв ее на руку, Феодор вышел наружу. Было уже совсем темно. Под горой у Плещеева озера по-осеннему громко крякали, словно трещали, утки в камышах. Пройдя саженей пятнадцать до сеновала, Феодор осмотрелся. Насколько позволял видеть глаз, никого не было вокруг. Зайдя внутрь сеновала, князь бросил попону и сел, глубоко утонув в еще душистом сене, скошенном летом. Теперь он был на месте и мог ждать, как казалось ему, сколь угодно. Но сердце его бешено колотилось. Каждая минута ожидания становилась все нестерпимее. Где-то в углах сеновала возились мыши, и каждый шорох его настороженное ухо воспринимало с трепетом. Так прождал он около часа,

то успокаивая себя, то вновь доводя до яростного сердечного стука. Наконец, когда все вокруг совсем затихло и погрузилось в полночную тишину, он услышал еле различимый и быстрый ход ее босых ножек. Осторожно ступая на носки, она тихонько вошла на сеновал и попала в его сильные и страстные объятья. Он, и не думая церемониться с ней, обнял, подхватил и понес ее куда-то в угол сеновала, такую легкую и трепетавшую в его объятьях. Бережно опустив ее, он раскинул попону на сене. В стремительной страсти распустил ее пояс и снял с нее рубаху. Его нежные и страстные поцелуи покрывали ее уста, ланиты, шею, плечи, грудь. Она блаженно откинулась головой в сено и не сопротивлялась ему. Целуя ее, он спросил, как ее зовут, и она тихо, почти неслышно отвечала.

Ее звали Неждана. Все было ново в ней Феодору. И ее большие серые глаза, и пахнувшие медом и полынью уста, и маленькая упругая грудь, и гибкий тонкий стан и маленькая стопа ноги, не боявшаяся, видимо, ни крапивы, ни жнивья, ни снега. Она еще не умела ласкать, но он был нежен с ней, и она отдалась ему. Он не сразу понял, что произошло, когда она напряглась всем телом и глухо застонала сквозь зубы. Следом застонал и он, но потом еще долго целовал и ласкал ее. Чувство страсти просыпалось в эту ночь несколько раз в его сердце. Он, не зная усталости, вновь и вновь лобзал ее, овладевал ею, пил аромат ее тела и никак не мог утолить свой голод и выплеснуть свою тоску. Она трепетно, страстно и нежно шептала ему что-то, ласкала его по устам и ланитам тонкими перстами, и этим еще более разжигала его страсть. Лишь когда в предрассветных сумерках закричал первый петух, он почувствовал, что устал и смежил очи. Она прижалась к нему. Совершенно выбившись из сил от ожидания и невероятного напряжения, он, уже забываясь сном и обняв девушку десной рукой, укрыл и ее и себя краем попоны.

Мыши шуршали где-то в углу сеновала, но уже не тревожили его воображения, наоборот, их мирная возня навевала

сон. Его юная подруга, видимо успокоилась и дышала ровно, глубоко, уткнувшись ему в грудь. Феодор уснул. Ему снилось, что он едет верхом по летнему лугу где-то недалеко от Волхова на своем сером жеребце и обнимает Неле, сидящую на загривке коня. Они целуются, он ощущает ее запах и нежно говорит с ней. В действительности же далеки были зеленые заливные луга Волхова. А князь спал на душистом сене с другой. Во сне он шептал имя своей остуды. А Нежданa, проснувшись и услышав незнакомое ей имя другой девушки, тихо плакала, моча слезами рубаху на груди ее желанного князя.

Глава XVI

«Вижль, яко есть лепо место сие»

Прошел год. В Переславле все было по-прежнему. Уже осенью князь Ярослав снял заставы на дорогах, ведущих в Новгород, и возвратил новгородцам Ламский Волок. Но вихри вражеских набегов и междоусобных войн все сильнее закручивались на Руси. Зимою же стало известно, что литовская рать вновь набежала на русские земли. Тронуть владения переславского и московского князей враг не посмел. Литва воевала и грабила новгородские территории: Лобну, Мореву, Селигер. Новгородское войско вышло с опозданием и долго гонялось за литовской ратью. Новгородцы настигли литву уже на Смоленской земле, опрокинули врага и отняли весь полон, но большая часть вражеской рати ушла невредима. Вслед за тем новгородцы дали посадничество ярому противнику князя Ярослава Всеволодовича боярину Внезду Водовику.

Летом стало известно о возвращении в Новгород поставленного в Киеве митрополитом Кириллом архиепископа Спиридона. Борис Творимирич привез вести о том, что Даниил Волынский ходил войной в Польшу, а затем возвратился на Русь с ляхами и взял Галич. Теперь в Южной Руси против него складывался мощный союз князей во главе с Владимиром Рюриковичем Киевским. Михаил Черниговский был одним из вдохновителей этого союза. Творимирич рассказывал о событиях в греческой и болгарской земле. Там болгарский

царь Иоанн II Асень и сербский король Стефан Радослав вступили в союз. А затем болгарское войско разгромило войско греческого эпирского владыки Феодора Ангела. Ясно было, что начиналась драка между усилившимися православными государями за Цареград и наследство Ромейской империи.

Тем же летом из Новгорода в Переславль прискакал второпях новгородский муж Яким Влунькович, привезший очень тревожные вести про новгородские дела. Там люди посадника Внезда Водовика избили сторонников князя Ярослава Всеволодовича — Стефана Твердиславлича и Иванка Тимошкинича. Самым ужасным было то, что разграбили городищенский княжий двор близ Новгорода. Однако сторонники князя Ярослава смогли собрать свое вече в городе на «Ярославли дворе». Оттуда двинулись уже вооруженные и в ответ разграбили посадничий двор. Но Водовик был хитер. Он поймал отдельных сторонников Ярослава и вместе с боярином Семионом Борисовичем собрал вече на Софийской стороне. В посадничьи руки попали: Иванко Тимошкинич, Прокша Яшнев, Волос Блудинич и он — Яким. Вывели их на вече. Волоса Блудинича посадник обвинил в поджоге своего двора. И тогда здоровенный детина из окружения посадника подошел вплотную к побледневшему Волосу и, обнажив короткий засапожный меч, ударил им Блудинича чуть ниже груди. Волос охнул, схватился руками за рукоять вражьего меча и упал на колени, обливаясь кровью. Все это послужило сигналом к избиению противников посадника Внезда. На обвиненных в разбое сторонников Ярослава Всеволодовича набросилась разъяренная толпа. Блудинич был убит и затоптан. Остальных избили до кровавых соплей и поломали ребра. Затем бросили клич идти громить сторонников переславского князя. В начавшейся сумятице Иванко, Прокша и Яким бежали, но дворы и имущество их были пограблены. Слава Богу, семьи были отправлены в далекие загородные усадьбы. По слухам, Прокша Яшнев укрылся где-то в Бе-

жецкой сотне. Иванка же Тимошкинича посадник изымал, глумился над ним и лично убил, рассекши ему голову секирой. Тело несчастного убиенного Тимошкинича по его приказу выбросили в Волхов. Вести были действительно страшные. Все свидетельствовало о полном беззаконии в Новгороде и о кровавой расправе боярской знати со сторонниками князя Ярослава Всеволодовича, попущенными молодым княжичем Ростиславом Михайловичем.

После этих известий Ярослав Всеволодович распорядился вновь установить заставы на всех дорогах, ведущих в Новгород из Залесской земли, и не пускать туда никаких обозов с товаром и продовольствием. О событиях в Новгороде во Владимир к старшему брату Юрию была отправлена подробная грамотка. Еще одна отправлена в Ростов Великий ко князю Василько с просьбой перекрыть все северо-восточные пути и волоки на Новгород, выставив на них усиленные сторожевые посты. Затем князь срочно ускакал в Москву, взяв с собою старших сыновей.

Московская земля встретила переславских князей и дружину прохладой и шумом летних лесов с множеством дикого зверья, полноводными и тихими реками, богатыми рыбой и бобрами, изумрудно-зелеными лугами, где трава и цветы вырастали по грудь коню, небольшими полями с золотой рожью и серебристым овсом. Пчелы и шмели жужжали и звенели в лугах и полях. Непуганые тетерева и куропатки десятками вылетали из придорожных кустов. Воздух был напоен ароматом сосновых смол и терпким запахом березового листа. На третий день пути утром переславцы оставили за собой волок, протянувшийся вдоль дороги от реки Клязьмы на юг, и проехали по крепкому мосту над неширокой, полноводной Яузой. Отсюда до Москвы было уже недалеко. К полудню они въехали на большой высокий холм, с которого открывался вид на город и долину Москвы-реки. Где-то в версте от них,

правее основания холма, текла небольшая река с песчаными отмелями и берегами. Река, названная проезжими торговцами Неглинной, делала большую излучину у подножия холма и уходила на юг. Там, в ее устье на высоком холме, верстах в трех от путников, возвышался рубленый Московский Кремник. Москва встречала путников шумным торгом, раскинувшимся у подола и на спуске кремлевского холма. Ее град темнел вдали и упирался в синеву неба шатрами воротных веж, кровлями теремов и крещатой главой белокаменного храма, «светящаяся на все стороны». Строгие очертания града выделялись на фоне зелени окрестных лесов и заливных лугов. Ближе к путникам и левее их располагался большой посад, тянувшийся до устья реки Яузы, терявшейся среди высоких берегов, поросших кустарником. Еще далее и ниже кремлевского холма и града проблескивала тусклой сабельной синевой и мерцала большая река. Ее долина с тучными лугами и дальними прибрежными горами, простиравшаяся на юго-восток и юго-запад от города, тонула в летнем мареве. Большие окрестные села и монастыри виднелись на склонах гор у реки. Стада мелкого и крупного домашнего скота и табуны лошадей во множестве паслись в долине и в лугах. Величием, миром и покоем веяло от картины, открывшейся путникам. Князь Ярослав Всеволодович остановил коня, а с ним придержала коней и его дружина. С высоты холма князь в молчании залюбовался градом и его округой. Лишь юный Александр, негромко обратясь к Феодору, произнес:

— Виждь, брате, яко есть лепо место сие!

Феодор, с восхищением озиравший окрестности, молча кивнул головой. Но перед мысленным взором его был совсем иной град и иная река. Тем временем князь Ярослав тронул коня под гору, а дружина последовала за ним.

* * *

В Москве были всего два дня, но успели договориться с молодым князем Владимиром Юрьевичем и московскими

мужами по всем делам, тем более, что великий князь уже знал обо всем, что сотворилось в Новгороде, и высказался в поддержку Ярослава Всеволодовича. Условились, что перекроют московскими, дмитровскими и переславскими заставами все дороги к Волоку Ламскому. Рязанских и муромских купцов ни под каким видом к Волоку и по другим дорогам на Новгород не пропускать. Пути на Рязань решили закрыть уже близ Коломны и у Лопасни. Заодно послали сторожу с известием в Зубцов, чтобы и там зубцовские вои помогли москвичам перекрыть дороги, ведущие из Смоленской и Черниговской земли на Торжок. Вятшие московские мужи: Дмитрок Киевец, Любим Турыга да Лобан Семчин со своими отроками и кметями отправились к Волоку Ламскому, к Зубцову постеречь эти дальние пути на западных рубежах Владимиро-Суздальской земли. Домой переславские князья возвратились через неделю.

Все лето и начало осени Ярослав Всеволодович был в разъездах. То объезжал тверскую волость и порубежье с Торжком, то заглядывал в Микулин, осматривал его град над рекой Шошей и торопил микулинского волостеля с ремонтом рубленых стен, обновлением рва и подсыпкой валов. То переславский князь гнал коня в Кснятин, Дмитров и Вышгород, чтобы проверить, готовы ли там воеводы и кмети для выступления в поход, то объезжал владения Волока на Ламе и проверял, как несут там службу московские, дмитровские и переславские заставы и сторожа.

За лето съездил князь еще раз к племяннику Василько в Ростов Великий и выбрался к брату Святославу в Юрьев-Польской. Все и в этот раз были на стороне Ярослава Всеволодовича и оказывали ему всякую помощь и поддержку. Сыновей этим летом Ярослав Всеволодович брал с собой реже. И дома было много хлопот. Переславский двор жил все лето напряженно. Переславские бояре собирали и отправляли кметей на сторожевую службу к рубежам и встречали тех,

что возвращались на отдых. Налаженное хозяйство велось само собой.

Правда, тут отцу немало помогал уже совсем взрослый и серьезный князь Феодор. Он с удовольствием ездил по всей Переславской волости и осматривал поля и подворья в княжеских селах. Но более всего он любил бывать в селе Княжево и на Клещином Городке. Неле вспоминалась ему все реже, и каждый раз с мучительной и томительной болью необратимой утраты. Однако в самой глубине его молодого сердца еще теплилась надежда на встречу с ней. Связь с Нежданой, казалось, вошла у Феодора в привычку. Виделись они нечасто. Летом и весной три-четыре раза в месяц. Зимой и осенью и того реже. Связь их оставалась, видимо, не замеченной никем. Наверное, просто было не до них.

Первое время они продолжали встречаться по ночам еще на сеновале. Но как только захолодало, Нежданна сама стала прибегать в полночь к нему в изложницу в его покои в тереме, а рано поутру уходила. Но летом и теплыми осенними днями они встречались у Плещеева озера где-нибудь в прибрежном кустарнике вдали от чужих глаз и проводили там много времени. Он ловил рыбу, купался, мыл и чистил коня, стрелял из лука, скакал верхом и катал ее. Она же варила уху, пела песни, любила своего красивого и умного князя, иногда купалась с ним, слушала с интересом его рассказы о стольном Владимире, о Ростове Великом, о Суздале и о далеком сказочном Новгороде, что стоит на берегах чудной реки Волхов и большого озера Ильмень. Он рассказывал ей о великолепных белокаменных храмах и соборах, украшенных резным рисунком по камню, разноцветными фресками и мозаиками, святыми чудотворными иконами, и она, прижимая к груди небольшой крестик, с трепетом крестилась. В ответ Нежданна пересказывала князю жуткие небылицы и темные, полные суеверного вымысла сказанья, бытовавшие в местных мерянских и русских селах. С усмешкой Феодор успокаивал

Нежданy и призывал ее не верить и не принимать этого, а молиться и исповедываться священнику. Но она со страхом свидетельствовала ему о двоеверах и язычниках, справлявших поганые требы и тризны в окрестных лесах за озером и в своих домах. Говорили и о загадочном «синем камне», что торчал из земли недалеко от берега.Плещеева озера недалеко от Клещина. Там язычники иногда молились ранним утром или поздним вечером, несмотря на угрозы со стороны людей княжеского двора. Здесь Феодор уже не спорил, ибо сам был очевидцем подобных дел. И тогда он просил ее быть осторожней с «погаными» и обходить их стороной.

Выросшая близ Клещина Городка и всю жизнь прожившая там, Нежданa редко бывала даже в Переславле. Ей с трудом верилось, что есть каменные храмы в два-три раза большие, чем Спасский собор Переславля, что есть большие реки, по которым свободно, как по озеру, могут ходить насады и ладьи, что Ильмень-озеро раз в десять более Плещеева, и что противоположные берега его не видны, словно у моря. В рассказах Феодора о Новгороде чувствовала Нежданa какую-то затаенную и таинственную недосказанность и грусть. Догадываласъ, что томится сердце ее возлюбленного, но не тревожила своими расспросами. Только плакала втайне и ждала, когда расскажет сам. Тем временем незаметно пришла и вступила в свои права холодная и сухая осень. Пошел уже второй год их знакомства.

Князь Ярослав возвратился в Переславль накануне Воздвиженья и праздничную литургию стоял в Спасском соборе с семьей. К концу сентября из Новгорода стали приходить слухи о том, что на Воздвиженье в новгородской волости побило морозом весь урожай, остававшийся в полях и в огородах. Хлеб воздорожал в Новгороде до восьми кун за кадь. Кадь ржи продавали уже за двадцать гривен, пшеницы — по сорок, пшена — по пятьдесят, а овса — по одиннадцать гривен. Новгородцам грозила голодная смерть. Прекращение

торговых отношений с Владимиро-Суздальской, Рязанской землями сделало свое дело.

Еще через два месяца стало известно, что многие новгородцы стали семьями оставлять свои дома в городе и разъезжаться куда глаза глядят, стремясь хоть как-то прокормиться и перезимовать в соседних волостях, городах и селах. В городе резко возросла смертность от болезней и голода. Люди падали и умирали на улицах. Писал тогда новгородский летописец: «И кто не прослезися о сем, видяще мертвыа лежаще по улицамъ, младенцев псы едяху». Архиепископ Спиридон велел отрыть скудельницу у храма святых Апостолов, собирать и свозить мертвецов по городу. К началу зимы скудельницу заполнили до верха, опустив в нее и отпев три тысячи тридцать покойников. Но это было только начало.

Всю осень и начало зимы переславский княжеский двор жил каким-то напряженным ожиданием и готовился к серьезным делам и переменам. Узнавая страшные новгородские известия, Феодор втайне ужасался, представляя себе эти сотни и тысячи мертвых людей, лежавших на знакомых ему улицах любимого города и окрест него. Втайне же он молился о спасении той, что не оставляла его сердца все эти годы. Более всего обращался он в молитвах к Матери Божией — Заступнице, дабы уберегла от смерти и болезни рабу Божию Неониллу.

Вести из Новгорода ошеломляли одна за другой. В начале зимы княжич Ростислав и посадник Водовик собрали новгородский полк из числа своих сторонников и двинулись на Торжок. Означало ли это начало войны с переславским князем, или же Ростислав и посадник пытались повести переговоры с князем Ярославом в Торжке? Возможно, что под предлогом переговоров они замышляли смять заслоны на дорогах, ведущих к Новгороду, а затем пропустить или захватить хоть какие-то обозы с продовольствием. В Переславле терялись в догадках. Ясно было одно, обстановка в Новгороде перело-

милась и противники переславского князя пытались найти хоть какой-то выход из того трудного положения, в котором они оказались. Князь же Ярослав Всеволодович, как только получил известие о выступлении врагов, тотчас призвал под свои знамена весь переславский полк и двинул его к Твери. Тут же послали известить о срочном сборе полков и выступлении на запад в Дмитров, Вышгород, Кснятин, Микулин и Тверь. Обратился Ярослав Всеволодович за помощью к Владимиру Московскому и московским мужам, к Василько Ростовскому и его младшим братьям. Полки собирались и зимним уже санным путем двигались к Зубцову, Волоку Ламскому, Микулину, Твери, Угличу, Белоозеру.

Следом к Твери со своим двором и дружиной двинулся и сам Ярослав. Старшего сына Феодора он по его сыновьей просьбе пока оставил дома присмотреть за делами, а жаждавшего военных дел Александра взял с собой. Правда, Феодор и сам обещал батюшке долго в Переславле не сидеть, а при первой необходимости сразу же выступить вслед за отцом. Втайне же в своей душе он понимал, что пришло время расставаться с Нежданой. Он чувствовал, что-то новое, великое и бесконечное ожидает его в скором будущем. Это новое пугало и одновременно радовало его. Он смутно чувствовал, что там впереди ждет его уже почти забытая, но вечная и «крепкая как смерть любовь». Грозное и прекрасное видение чудного града на берегах Волхова все чаще появлялось перед его мысленным взором и звало, тянуло к себе. И потому он не торопился проститься с Нежданой. Ибо она смогла подарить ему не один час безмятежного и сладкого счастья. И расстаться с ней ему хотелось тихо, мирно, без слез с ее стороны и упреков. Более всего боялся молодой князь оставить в душе любящей девушки горькую память о себе и обиду.

* * *

В натопленных палатах княжеского терема в Клещином Городке было тепло и сухо. Нежданa как всегда пришла к

Феодору в изложницу в полночь. Он ждал ее. Она явно была встревожена, так как вести о сборах и выступлении переславского полка и княжеской дружины дошли и до нее. После страстных поцелуев, объятий и близости она легла к нему головой на плечо и, лаская его легкой дланью по груди, повела тихий и ласковый, но полный тревожных ноток разговор. Она стала выспрашивать у Феодора о том, куда пошел его батюшка Ярослав с полками, почему не взял с собой старшего сына. Князь отвечал, что батюшка пошел к Твери. Он долго рассказывал ей, что в Новгороде творятся плохие дела, что новгородский князь Ростислав и посадник с войском пришли в Торжок и грозят рубежам Переславской земли. Однако на вопрос о том, почему он здесь с ней, а не в походе, Феодор не ответил. Неждана, может быть, и сама, без слов, поняла это, и благодарно поцеловала его в уста.

Поцелуй этот оказался долгим и сладостным для обоих. Их руки стали трепетно ласкать друг друга, хотя уста так и оставались слитыми в поцелуе. Затем он оторвался от нее, склонился над ней и стал лобзать ее маленькую грудь, живот, бедра, маленькую стопу, пахнувшую горько-сладким, полынным запахом. Следом она, как кошка, вывернулась из его объятий и, откинув его на спину, села ему на чресла, поджав ноги в коленях. Ее длинные волосы свисали над ним и закрывали ее лицо и грудь. Он чувствовал только ее волшебные персты на своем теле, распластанном перед ней, и бедра ее ног, сжимавшие его с боков. А она, повинуясь какой-то понятной, видимо, только женщинам, чудодейственной силе волшебства, силе любви, жизни и продолжения рода, заложенном в ней от начала времен, совершала над ним какой-то неземной ритуал любви, творила какие-то колдовские заклинания. Феодор был ниспровергнут, обессилен ее чарами и лежал, не шелохнувшись, затаив дыхание, лишь изредка издавая бессильные, сладостные стоны. И в этот раз она взяла его, сидя на его чреслах, так, как и хотелось ей. На самой высокой волне

страсти они застонали и закричали почти одновременно, но он на мгновение опередил ее.

Когда же обессиленная и горячая, она упала на него сверху, то несколько минут они не могли ничего промолвить. Только их холодеющие уста еще продолжали целовать друг друга. Когда они пришли в себя, первой заговорила Неждана. Она рассказала ему, что все последнее время ей снились страшные сны, и, понимая, что Феодор скоро уйдет в поход, она в октябре ходила к ведунье и просила у нее совета, как ей жить дале. Та же долго гадала и, в конце концов, посоветовала ей завести дитя от любимого. Феодор тихо, с трепетом, перекрестился, не зная, что и ответить. Неждана, помолчав немного, продолжала. Сегодня, отпуская своего ладу далеко от себя, она уже знает, что несет под сердцем его частичку — дитя. Феодор, потрясенный до глубины души, слушал ее признания и молчал. Он не мог говорить. Заплакав, замолчала и она. И они оба поняли, что наступил час прощания.

* * *

Через десять дней князь Феодор в сопровождении нескольких гридей, двух десятков кметей и большого обоза с продовольствием был уже в Твери. Князь Ярослав Всеволодович с сыном Александром, с дружиной и с полками стоял там и ожидал, как далее повернутся события. Под рукой Ярослава было около двух тысяч конницы и такое же число пешцев. В основном это были переславцы, дмитровцы, тверичи и кснятинцы. Другие полки были расставлены в порубежных городах и несли службу в стороже и на заставах. По слухам, посадник Внезд Водовик и княжич Ростислав привели в Торжок полк числом до трех тысяч вершников. Некоторых, верно, повели неволей. Но в новгородской рати было около полутысячи черниговских воев. Понятно было, что Михаил Черниговский не собирался отдавать новгородский стол. Князь Ярослав, его окружение и полки пребывали в напряженном ожидании. Отслужили в храмах Николе Зимнему, и прошло уже несколько

дней после прибытия Феодора с обозом, как с новгородского порубежья сторожа принесла странные вести. Большая часть новгородской рати оставила Торжок и двинулась на юго-запад от города окольными дорогами. Князь Ярослав велел большому отряду сторожи пересечь рубежи новгородской земли и проследить, не задумал ли новгородский посадник обойти тверской рубеж с юга и ударить неожиданно на Микулин или Зубцов, а оттуда прорваться к Волоку Ламскому. Остальные полки стали готовить к выступлению.

Сторожа ушла к рубежам новгородской земли, растаяв в бескрайней белизне зимних полей и сумраке лесов. Еще несколько дней прошло в ожидании. Но на четвертый день утром со стороны Торжка к рубежам Владимиро-Суздальской земли подкатило четверо саней, запряженных тройками лошадей. В них были новгородские послы, спешившие оповестить князя Ярослава о важных событиях, произошедших в Новгороде около недели назад. Сторожа встретила послов и сопроводила их в Тверь. Вечером в торжественной обстановке, в окружении старших сыновей, бояр, тверского духовенства, купечества и других вятших мужей города князь Ярослав встречал новгородское посольство в гриднице тверского крома. В составе посольства были только старые сподвижники и сторонники князя Ярослава во главе с новгородскими мужами: бывшим тысяцким Вячеславом, его братом Богуславом, Стефаном Твердиславличем, Прокшей Яшневым, владычным стольником Андреем и спасенным князем Ярославом в незапамятном походе на емь новгородским мужем Судимиром. Послы поклонились князю в пояс. Князь и его окружение отвечали тем же. От лица посольства выступил Вячеслав. Перекрестясь на образа в красном углу гридницы, он начал с повествования о том, что через пару недель после выступления посадника и княжича Ростислава из Новгорода на Торжок рано утром сторонники князя Ярослава подняли своих людей с оружием в руках против супротивников. Исстрадавшийся черный

новгородский люд только и ждал сигнала. В предрассветных, морозных сумерках ударили в била и колокола приходских храмов, затем добрались до звонницы Святой Софии и ударили в сполох там. Сторонники князя Ярослава повели вооруженный люд ко двору боярина Симеона Борисовича — одного из главных сподвижников Водовика. Его самого и весь его двор застали врасплох. Симеона вывели к народу на улицу и тут же прилюдно забили насмерть. Дом его разграбили начисто, а его жену и семью заперли во владычном дворе под присмотром. Затем были разграблены посадничий двор, двор посадника брата Михаля, тысяцкого Бориса Негочевича и боярина Даньслава. Жены и семьи многих супротивников князя Ярослава Всеволодовича были схвачены тогда новгородцами и содержались под стражей или на владычном дворе или на княжеском дворище в городе. В окрестностях Новгорода черный люд грабил и разорял усадьбы и села Симеона Борисовича и посадника. Все имущество Симеона и Внезда было затем поделено по новгородским сотням. Самого же убиенного Симеона Борисовича отпели и погребли в монастыре святого Юрия. Затем послали к посаднику и княжичу Ростиславу в Торжок. Водовику передали, чтобы в Новгород лучше не возвращался. А княжичу Ростиславу «путь показали с Торжку к отцу в Чернигов» со словами:

— Како отець твои реклъ нам всести на конь на воину съ Воздвижения и крестъ целовалъ, а се уже Николинъ день, с насъ крестное целование, а ты поиди прочь, а мы собе князя промышлимъ.

Теперь же от лица новгородского веча посольство просило князя Ярослава приять новгородский стол.

Глава XVII

Сокровенное, или Храм над каменными вратами

«Ярослав же вборзе прииде в Новгород, и створи вече, и целова святую Богородицю на грамотах на всехъ Ярославлихъ и на всеи воли Новгородцкои», — записал новгородский монах-летописец в один из январских дней 6738 года (1231 г. от Р. Х.).

Печальное, сиротливое зрелище представлял тогда из себя Великий Новгород. Толпы голодного черного люда собирались на перекрестках улиц и площадях города. Люди о чем-то возбужденно спорили, иногда дело доходило до драк и поножовщины. Многие городские дворы были брошены хозяевами или разорены и сожжены во время городских смут. Храмы во время богослужений стояли полупустые. Редкие свечи горели перед образами, но более всего их было на канунах, куда ставили за упокой душ усопших. Княжеское гнездо на Городище встретило переславских князей запустением и пожарищами. Конюшни, коровники и сеновалы усадьбы были сожжены. Клети, амбары, погреба мрачно глядели на переславцев черной пустотой разломанных ворот, дверей и пустыми глазницами оконных проемов. Все предстояло начинать сызнова. Но если бы только в этом одном была беда.

Не успел Ярослав Всеволодович распорядиться о пропуске обозов с продовольствием в Новгород из Залесской земли, как

пришли лихие известия, что на Черниговщине князь Михаил и беглые новгородские бояре собирают рать против него. Теперь на новгородский стол Водовик, его сторонники и Михаил Всеволодович прочили князя Святослава Трубчевского. Тот был сродником Михаила. И недели не сидел князь Ярослав спокойно на новгородском столе. Тут же принялся собирать новгородский полк для похода в Черниговскую землю. Набирал в основном из среды своих сторонников: боярской чади, дворской молоди, брал и черный люд, всех, кто желал послужить князю, а не умирать голодной смертью, кто умел сидеть на коне и хоть как-то держать оружие в руках. Более двух тысяч воев набрал князь. И спустя две недели после своего возвращения в Новгород вновь оставил его, уйдя с полками в Залесскую землю добирать войско. На новгородский стол посадил сыновей Феодора и Александра, оставив им в помощь дядьку Феодора Даниловича да полк числом в пятьсот переславских и дмитровских кметей. Еще князь Феодор упросил батюшку оставить с ним несколько гридей из переславской дружины, а в их числе Родослава и Судимира.

Как только батюшка ушел в поход, князь Феодор и дядька занялись хозяйством. К сожалению, обозы с хлебом и продовольствием в Новгород приходили редко. В Смоленской земле, как и в Новгородской, морозы побили осенний урожай. Оттуда везти было нечего. В Залесской земле прошедшим летом тоже уродило не густо. И если в сентябре купцы из Залесской Руси еще могли привезти и продать хлеб в Новгороде, то к зиме весь его уже скупили в залесских городах. Оставалась только далекая Рязанская земля, но оттуда обозы с хлебом добирались редко. Тем более, что по пути рязанский хлеб скупали в Москве и в Ламском Волоке. Дороги же в Черниговское княжество были перерезаны начавшейся войной. Однако молодой князь не унывал. По подсказке старого и мудрого Феодора Даниловича он послал нескольких торговых новгородских мужей во Псков и на устье реки Наровы, чтобы разведать можно ли

купить хлеб через немецких купцов. И те санным путем, не мешкая, отправились выполнять поручение князя.

Александр тем временем занимался воинскими делами. По подсказке дядьки под его присмотром чинились рубленые стены, воротные вежи Городища и новгородских концов. Он наладил и проверял несение службы княжеским полком в стороже и на заставах. Часто бывал в Новгороде, знакомился с новгородскими мужами, с новгородскими делами и порядками. Вместе с боярином Вячеславом, вновь получившим место тысяцкого, проводил смотр новгородского ополчения. Побывал он и у владыки Спиридона. Молодой князь понравился тому своим бойким умом, начитанностью, знанием Святого Писания и молитв.

Жизнь в Новгороде налаживалась великими трудами. И если продовольствия не было по-прежнему, то прекратились бунты, поджоги, убийства и грабежи. Княжеские кмети строго следили за порядком и, тут же скрутив бунтовщиков, доставляли их на княжеский суд на Городище. А там их ожидал холодный поруб, батоги или колодка.

Среди всех этих неотложных дел князь Феодор не забыл поговорить с дядькой и о том, что пора бы узнать, куда во время новгородской смуты бежал тиун Яким со своим двором, да возвратить его обратно на Городище. Такой помощник и опытный управитель в хозяйстве, как Яким, был в эту пору нужен как никогда. Княжий тиун потерялся, словно растаял, вскоре после того, как на исходе того злополучного 6736 года (начало весны 1229 г. от Р. Х.) юные княжичи с Феодором Даниловичем и переславскими воями бежали из Новгорода и пересекли рубежи новгородской земли, возвращаясь восвояси. С тех пор о нем не было ни слуху, ни духу. Мысль молодого князя дядьке понравилась. Феодор Данилович уже было хотел пойти распорядиться, чтобы снарядить поиски Якима по волости. Но молодой князь, к его удивлению, сам изъявил желание заняться этим вопросом и уговорил дядьку

остаться за него на день-два на Городище и взять управление всем хозяйством на себя. Добавил еще, что, возможно, догадывается, где искать Якима, и быстро удалился, чтобы собраться в дорогу.

Уже более двух лет прошло с той поры, как Феодор впервые скакал в сопровождении своих верных гридей Родослава и Судимира по дороге на Липну. Не раз потом ездил он этой дорогой и осенью и зимой, и многое было ему знакомо здесь. Но сердце молодого князя колотилось, наверное, еще сильнее, чем тогда, когда он впервые скакал по этой дороге во весь опор, разбрызгивая осеннюю грязь.

Через несколько часов путники достигли Липны. Всадники объехали слободку стороной и двинулись по дороге на знакомое село. Сердце Феодора затрепетало, когда он увидел знакомые и дорогие ему места свиданья с любимой. Но усадьба тиуна Якима оказалась пуста и разорена. Феодоровы гриди долго расспрашивали сельских смердов и старосту, куда переехал тиунов двор, но те или действительно не знали, или молчали, спасая от разбоя и гонений своего господина. Лишь когда Судимир зашел в знакомый ему двор на окраине села к хозяину, в бане которого когда-то и происходили свидания молодого князя со своей остудой, тот узнал знакомого переславского гридя. Судимир, в свое время поил его не один раз медовухой и платил ему серебром за молчание о том, о чем тот и сам не подозревал. Только при этой встрече гридю удалось *выяснить кое-что. Со слов хозяина двора, обоз тиуна ушел* по дороге на юг — в сторону Руссы. Услышав это известие, молодой князь помрачнел ликом и затосковал. В полном молчании всадники отъехали от села к слободе. Смеркалось. Вдали глухо и тоскливо лаяли и выли собаки. Дул холодный северный ветер. Придя в себя по дороге и все обдумав, Феодор обратился к гридям. Он спросил их, смогут ли они продолжать далее одни путь на юг и разыскать тиуна и весь его двор, как бы далеко ни пришлось ехать. Судимир и Родос-

лав отвечали, что при наличии денег, кое-какого провианта, при оружии и в кольчугах они доберутся хоть на край света. И действительно, молодым и крепким девятнадцатилетним воям не хотелось сидеть сиднем в Городище близ Новгорода или нести сторожевую службу на стенах и на заставах у дорог. Странствия, дороги и поиски были более им по сердцу. На этом и порешили.

Возвратясь на Городище, гриди поспали несколько часов. Накормили коней, взяли на дорогу в торока сала, хлеба, пшена, вздели кольчуги, приторочили к седлам шеломы, взяли луки со стрелами, повесили на пояса мечи в ножнах, оделись потеплее. Утром рано Феодор принес им увесистый кожаный кошель с серебряными новгородскими кунами и, отозвав в сторону Судимира, снял с шеи свой нательный литой крест с изображением Спасителя и святого Феодора Стратилата и передал ему. В обстановке полной таинственности он велел гридю сразу после того, как тот найдет тиуна Якима, тайно увидать Неле и передать ей княжий нательный крест со словами, что Феодор ждет ее и страстно жаждет увидеться. Понятливый Судимир весело улыбнулся, кивнул головой и обещал исполнить все в полной тайне так, как велел князь. Через десять минут через воротную вежу Городища в открывшиеся ворота выехали два всадника и, пришпорив коней, поскакали, звеня копытами по скрипучему снегу, по зимней дороге на юг.

* * *

Лихой была та зима конца 6738 года, а еще хуже была весна 6739 (1231 г. от Р. Х.). Князь Ярослав, собиравший войска для похода в Черниговскую землю, не забывал и о Новгороде. Выведывал, где по залесским городам и большим селам продавался хлеб, хотя бы и втридорога. Но нигде хлебом не торговали. Посылал купцов в Коломну и другие рязанские города, скупал там муку, рожь по большой цене и отправил несколько обозов в Новгород под охраной конных воев. Но

всего этого было недостаточно. Новгородский черный люд умирал от голода. В Новгороде стали известны случаи, когда доведенные голодом до безумия люди пытались питаться человеческою мертвечиною, другие убивали и ели собак и кошек, а потом сами умирали в страшных муках от боли во чреве, «ово их огнемъ жгоша». Стали известны случаи убийства людей и людоедства. Но всякий раз, как только появлялось об этом известие, князь Феодор или дядька посылали туда, откуда пришли известия кметей во главе с детским, а те вели розыск. Если слух подтверждался, то виновных вязали и везли на княжеский суд в Городище. Действительно, слухи о людоедстве не были выдумкой. Молодым князьям Феодору и Александру не раз пришлось видеть убийц, вкусивших человеческой плоти. По законам того времени им урезали языки и отрубали длани рук.

Но оголодавший народ продолжал искать пищу и есть непотребное. Одни забивали и ели лошадей, другие сухой мох, третьи мололи и ели липовую кору. Весной вновь стали случаться разбои, убийства и грабежи. Люди ожесточились сердцем. «Братъ брату не сжалящеться, ни отець сынови, ни мати дщере, ни сусед суседу не уломьляшеть хлеба; не бысть милости междю нами, но туга беаше и печаль, на улице скорбь другъ съ другомъ, тоска, зряще детеи плачюще хлеба, а другия умирающе», — сетовал летописец. Мертвецы лежали по улицам, по великому мосту и по торгу, изъедаемые псами. И не было людей, кто бы мог их похоронить. Однако приближалась весна. По велению владыки Спиридона чернецы отогрели кострами мерзлую землю и вырыли две большие скудельницы. Одну — в конце Чудинцевой улицы, а другую на Колоне за храмом Святого Рождества. Затем ими же были собраны и свезены к скудельницам все покойники. Мертвых уже никто не считал. Над покойными совершили обряд отпевания, наполнили ими почти до верха обе скудельницы, а потом засыпали землей. Сверху поставили большие кресты.

Страшные известия приходили и из Смоленска. Там за голодную зиму и весну погибло и было предано земле тридцать две тысячи человек.

Пасха в тот год была ранней — 23 марта. И встречали ее в великой печали под заупокойные молитвы. Однако Господь, попускавший великие испытания, слышал и внимал молитвам тысяч праведных и страждущих. И как только стало пригревать солнце, стал сходить снег, потекли ручьи, людям стало немного легче. Вскоре по дворам из-под тына или на задворках у овинов и амбаров полезли молодая крапива, щавель и лопухи. Люди стали делать отвары и потихоньку отпаивать детей, больных и оголодавших. Из окрестных сел запасливые смерды по просыхающим дорогам повезли в город остатки пшена, муки, овса — все то, что еще можно было продать за большие деньги. Сделали свое дело и купцы, посланные зимой в устье Наровы и во Псков. Они привлекли множество немецких гостей, что погнали по вскрывшимся рекам муку и хлеб в Новгород из-за Варяжского моря. Немецкие насады и шнеки из моря входили в Неву, а оттуда по Ладожскому озеру добирались до устья Волхова, а затем по Волхову приходили в Новгород. Хлеб на новгородском торгу упал в цене, и новгородский люд стал оживать.

Как миновало Вознесение Господне, 3 мая случилось дивное и страшное явление в Смоленске, Новгороде, Пскове и других городах Северо-Западной Руси. В полдень затряслась и задрожала земля под ногами у людей. В испуге одни стали стенать, другие — вставали на колени, обращаясь к Богу с молитвой о прощении, третьи — в испуге выбегали из домов и бежали, куда глаза глядят. Сотряслись и задрожали мелкой дрожью каменные храмы и воротные вежи градов. В кладке каменных стен прошли трещины. Сами собой качнулись и ударили языки колоколов и, ударившись друг о друга, зазвенели и запели бронзовые и латунные била на звонницах. После нескольких сотрясений земли покосились кровли многих изб,

теремов и клетей. В домах с поставцов попадали иконы, со столов посыпалась и побилась глиняная посуда. Залаяли и завыли дворовые псы, заржали лошади, замычали коровы. Но спустя немного времени все опять пришло в порядок. Однако народ доняго не мог прийти в себя, и старухи да женки все судачили на перекрестках улиц о том, что это недоброе предзнаменование.

Несмотря на весь этот бурный круговорот жизни князь Феодор не на один день не забывал о своих переславских гридях Судимире и Родославе и ждал вестей от них. Прошло уже более трех с половиной месяцев после их отъезда, но те не показывались. Молодой князь извелся от ожидания. Как-то за неделю до Троицына дня в полдень он вышел на высокое гульбище городищенского терема. Был холодный, но солнечный майский день. То ли с Ладоги, то ли с Варяжского моря северный ветер гнал рваные облака, порой закрывавшие солнце. Феодор опустил глаза на дорогу и вдруг увидел двух верховых, подъезжавших к княжескому двору по бревенчатой мостовой. Сердце молодого князя дрогнуло. Немедля он спустился во двор. И к радости своей увидел, что это были его доверенные гриди. Те въехали в раскрытые ворота двора, сошли с коней, и, отдав поводья конюху, поспешили навстречу князю. Феодор увидел их сильно исхудавшие, но уже успевшие покрыться первым загаром, улыбавшиеся лики, обросшие большими русыми бородами. Увидел их голубые глаза, светившиеся радостью ожидания и встречи, и догадался, что все хорошо.

Сам того не заметив, молодой князь на глазах прискакавших гридей преобразился, заулыбался и засветился каким-то внутренним светом. Почти подбежав вплотную, они пытались поклониться князю в ноги, но он, забыв о степенности и княжеском достоинстве, не дал им сделать этого. Обняв их обоих как братьев, Феодор даже не успел спросить у них ничего, ибо обо всем уже догадался по глазам. Да и Судимир,

опережая князя и почти задыхаясь от его сильных объятий, успел вымолвить:

— Все, что велено, княже, сполнили есмъ.

Сердце Феодора налилось блаженством, и он почувствовал вдруг, что пришла весна, что позади мрачная, голодная, страшная, полная смертей зима, понял, что впереди его ожидает счастье. Князь повел гридей в теремную палату. Велел, чтоб им тут же налили по ковшу крепкого меда, одарил новгородскими кунами. Те, улыбаясь и благодаря князя, выпили, утираясь рукавами, и начали рассказывать. Вести, привезенные ими, были для молодого князя милее всего того, что ему приходилось слышать за последние два года. Усталые, но счастливые гриди быстро захмелели и, то перебивая, то дополняя друг друга повели громкий и длинный рассказ о поисках Якима и его двора. На шум голосов пришел дядька Феодор Данилович, а потом и князь Александр. Они стали переспрашивать и задавать вопросы, а гриди все рассказывали и рассказывали о своих странствиях и поисках. Всем стало ясно, что и Яким, и вся его семья, и весь его двор были живы и здоровы.

Единственной бедой было то, что от бескормицы пала часть лошадей, других же они сами забили и съели. После долгих поисков гриди нашли Якима далеко от Руссы. Хитрый тиун со всем своим двором спрятался в небольшом лесном сельце у самых рубежей Смоленской земли, верстах в двадцати от Великих Лук. Тиун передавал, что сможет возвратиться в Новгород только к лету, ибо просил прислать ему десятка два лошадей и десять-двенадцать возов для поклажи. Гриди, погостив у Якима два дня, тронулись назад в самом начале мая. Разговор еще продолжался какое-то время. Дядька обстоятельно и радостно выспрашивал у гридей все подробности. Лишь уже после того, отпустив гридей, Феодор вышел в полутемные сени, догнал и остановил захмелевшего Судимира. Без всяких вопросов гридь возвратил князю на-

тельный крест. Затем достал из-за пазухи тускло мерцавшее янтарное ожерелье и передал его Феодору. Тихо шепча на ухо полупьяными, непослушными губами, передал на словах, что его остуда по-прежнему любит и по-прежнему ждет не дождется своего молодого князя.

* * *

В самом конце мая соединенное войско Переславского, Московского, Ростовского, Углицкого, Ярославского княжеств и Новгородской земли подошло к реке Протве и стало переправляться на ее правый берег недалеко от устья. Вел войско переславский князь Ярослав Всеволодович. За зиму и весну наступившего года он смог собрать не более семи тысяч воев. Правда, под его рукой шло более четырех тысяч конницы. Остальная часть войска была пешей, но подвижной, так как в полках было множество лошадей, возов и телег. Переправлялись на лодках и плотах. Редко кто пытался переправиться вплавь, держась за гриву лошади, хотя дни стояли уже погожие и теплые. После переправы войска двинулись на юго-запад, стремясь скорее достичь владений черниговских князей. Старший брат Юрий Всеволодович извещал, что он со своими полками встал восточнее Ярослава верстах в ста пятьдесяти и прикрывает Залесскую землю с юга. Стан Юрия располагался где-то на Уполозех. Сторожа, еще ранее посланная за Протву, доносила, что большое войско черниговской земли, полков удельных черниговских князей и отрядов новгородских бояр, ушедших еще в прошлом году вместе с посадником и княжичем Ростиславом на юг, двигалось в сторону Залесской Руси или на Волок Ламский. По слухам черниговская рать оставила Козельск и шла западнее Воротынска. Через день полки князя Ярослава перешли реку Угру и двинулись встречь черниговской рати. Теперь они шли по черниговской земле. Через два дня они переправились через небольшую реку Серену верстах в пяти ниже по течению от града Шерneска.

Полки черниговской земли, ведомые князем Святославом Трубчевским, подступали к небольшому городку Шернеску (Шеренску). Шеренский кром, стоявший на холме, имел рубленые стены и две воротные вежи, поставленные на валу надо рвом. Далее, за кромом, просматривалась река Серена. Видно было, что в округе царил переполох, жители посада спешно оставляли свои дома и торопились кто с оружием, кто держа за руку детей и прихватив какой-то скарб, к воротам града. Черниговская сторожа донесла, что с востока к городу подходила конница переславского князя Ярослава. Поэтому трубчевский князь торопил полки, чтобы оставить град у себя в тылу и отбросить переславцев еще до их подхода к Шеренску. Конные козельские, дебрянские, карачевские и мценские кмети во главе со своими воеводами и тысяцкими двигались на десном плече княжеского полка. Сам князь Святослав со своим трубчевским полком и новгородские дружины во главе с посадником Внездом и новгородскими боярами шли прямой дорогой на город. Вслед им двигались черниговский и стародубский полки.

Детский Горислав вел полем, по зеленям, мимо города около трехсот козельских кметей. Козельцы были в самом центре конных полков десного плеча. Шеренск уже остался в стороне — верстах в двух, и Горислав велел выдвинуться в первые ряды комонной молоди с луками. Задние ряды козлян перехватывали тяжелые копья, вздевали на ошую руку круглые щиты и готовились к соступу. Конница шла неторопливой рысью. Горислав был в тяжелом дощатом панцире и островерхом шеломе с бармицей, застегнутой у подбородка. Он так же, как и все, надел щит на ошую руку, но его копье еще было закреплено ременной петлей за спиной, и он все время тревожно прикладывал десную длань к глазам, пытаясь рассмотреть за перелеском надвигавшегося на них конного противника. Солнце ярко светило в десный глаз и он, щурясь и всматриваясь вперед, старательно закрывал

дланью лицо. Горислав совершенно не переживал за то, что с ним произойдет через десять-двадцать минут или через час. Он давно уже научился не думать и не мучиться сомнениями или страхом перед схваткой с противником как это бывало в молодости. Единственно, что волновало Горислава, это вопрос о том, с каким противником ему сейчас предстоит биться, или точнее, на кого из русичей предстоит ему поднять меч. Вскоре со стороны перелеска, из оврага показалось с десяток верховых карачевских кметей. Это была своя сторожа. Тронув коня наметом, Горислав обогнал воев, и поскакал навстречу карачевцам. Подъезжая к ним и осаживая коня, он громко обратился к старшему и вызнал у него, какой полк залесской рати двигается на них. Ответ карачевца пришелся детскому не по нутру, и он помрачнел. Похоже, выходило то, чего он более всего боялся. Горислав выругался матерно, скрипнул зубами и зло сплюнул на землю. Затем развернул коня и неторопливо возвратился в строй к своим людям. Полки, замедляя ход, миновали неглубокий овражек и подходили к зеленеющему перелеску.

До перелеска оставалось саженей пятьдесят, когда вдруг раздался разбойничий посвист, и под треск ветвей, сучьев и гиканье на козлян обрушился рой стрел и вылетел отряд залесских русичей. Горислав лишь успел проорать во все горло, чтобы люди подняли щиты над головами. Крики раненых и конское ржание ударили в уши. Ошарашенная козельская молодь пустила в ответ свои стрелы и резво тронула коней по сторонам. Кмети быстро опускали тяжелые копья. Вращая во все стороны головой, и озирая своих воев, Горислав заметил, что потери от стрел среди козлян немалые. Он быстро перехватил копье и, указывая им на катящегося ворога, вновь во все легкие заорал, призывая кметей к соступу. Несмотря на потери, козляне дружно тронули коней и понеслись вперед. Краем десного глаза детский успел разглядеть знамена супротивника и в душе с облегчением перекрестился.

Свое копье Горислав обломил с первого удара. Залесский русич, казалось, сначала вылетел из седла, но затем вновь неожиданно вынырнул из-под брюха коня и нанес удар Гориславу то ли мечом, то ли саблей по шелому и дощатому доспеху вдоль спины. Но детскому уже было не до того. Он выпростал тяжелый двуручный меч и с замаха обрушил его на налетавшего с копьем всадника. Копье он отбил, а затем успел еще раз ударить мечем по шелому своего врага. Тот вылетел из седла. Тут вновь Горислав почувствовал сильный удар по своему шелому сзади. В голове у него зазвенело, но он остался в седле и даже успел поворотить коня. Мигом понял, что перед ним все тот же, не выбитый его копьем вражеский кметь. Дав коню стременами в бока, он заставил прыгнуть его грудью вперед и избежал нового удара. В тот момент кто-то из козельских кметей достал копьем в бедро увертливого залесского русича. Тот громко ойкнул и припал к шее коня. Приходя в себя, Горислав привстал на стременах и озрел место схватки. В общей сумятице он увидел, что сопротивлялись только козельский и карачевский полки. Мценцы и дебрянцы уходили наметом от врага стороной ошее Шеренска. Вот тогда-то Горислав и заметил одесную от себя саженях в ста новугородское знамя с двумя медведями, повернутыми друг к другу, и крестом между ними. Залесские русичи громили козлян и карачевцев ошую и одесную. И тогда княжий детский закричал во все горло своим воям, чтобы поворачивали коней и уходили к Шеренску. Еще минуты три он и несколько его кметей отмахивались мечами и саблями от наседавших супротивников, но как только козляне стали отрываться и выходить из схватки, Горислав стеганул плетью коня, пустил его галопом и бросил меч в ножны. Уже на полном скаку он достал из-за спины лук и, почти не оглядываясь, пустил две стрелы позади себя. Еще минуту он скакал, давая волю коню. И тут острая боль пронзила ему икру десной ноги, теплая кровь стала заливать сапог. Опустив глаза долу, он увидел стрелу,

торчавшую из ноги. Заскрипев от боли зубами, осмотрелся окрест, и увидел, как, отрываясь от супротивника, наметом уходят к городу козельские кмети. Вслед им летели стрелы, но и они отвечали тем же.

Князь Ярослав Всеволодович видел, как новгородцы и волоколамцы с подвойским Олданом да московские вои под рукой воеводы Филиппа Нянка и Дмитрока Киевца смяли черниговскую конницу на ошеем плече. Теперь горячая сеча развернулась на дороге, ведущей к Шеренску, в каких-нибудь двадцати-пятнадцати саженях от него. Здесь переславский и дмитровский конные полки похоже ломали и крушили самого трубчевского князя и новгородцев посадника Внезда. Натиск переславцев был столь стремительным и горячим, что трубчевцы стали поворачивать коней. Сеча длилась еще минут пять-десять, и вскоре залесские кмети погнали противника в сторону посада и к раскрывшимся воротам града Шеренска. Одесную пешцы и конные полки ростовских Константиновичей теснили другие черниговские стяги. Ярослав Всеволодович хлестнул плетью коня и пустил его вперед, чтобы преследовать врага и попытаться взять град изгоном. Черниговцы бежали. Переславцы преследовали их. Стрелы вспархивали как стаи птиц и сыпались с той и с другой стороны, поражая бежавших и наступавших.

В Шеренск ворвались на плечах противника. Шеренские вои на воротной веже не успели закрыть ворота, а только осыпали переславцев и дмитровцев стрелами. Князь Ярослав вспятил коня, не доехав до крома саженей пятьдесят. С его стороны кромский холм был крут. Ошую, саженях в тридцати уже начинались клети и избы предгородья. С высоты подъема князь увидел, что с южной стороны на улицы посада ворвались отступавшие черниговские вои. Преследовавшие их московляне и новгородцы тут же были обстреляны из-за рубленых стен домов и клетей. Но они все же пробились к

бревенчатым постройкам, и там, на улицах, завязалась сеча. К тому времени в Шеренский кром прорвались уже и пешцы залесского войска. Внимательно осмотревшись, Ярослав увидел, что в пылу схватки залесские русичи несут большие потери, так как черниговские вои да шеренцы чувствовали себя увереннее среди градских и посадских стен, осыпая наступавших сотнями смертоносных стрел. Рукопашный бой шел на улицах, но стены и вежи крома, дома были в руках у черниговцев, и те прицельно били со всех сторон. Стрелы, пущенные со стен града, стали со свистом усеивать землю вокруг князя, словно вырастали из земли подобно страшным цветам. Но Ярослав не думал об опасности. Помрачнев ликом, князь озрел округу. Поднимался довольно сильный восточный ветер. И тут перед глазами переславского князя явился образ горящего ливонского града, сожженного по его приказу русскими лучниками в Чудской земле восемь лет назад. Резко развернувшись к воеводам, съехавшимся к нему, он громко крикнул:

— Велети воям жечи кромъ и предградье, да отходити вборзе.

Слова Ярослава были поняты мгновенно. Тут же воеводы, сотники и детские дали войскам приказ зажигать дома, амбары, клети, стены и вежи града. Бой еще продолжался. Но теперь из рукопашного он превратился в перестрелку. Отходившие из крома и посада залесские и новгородские пешцы, лучники и вершники подносили к соломенным стрехам крыш горящие пучки соломы, пускали стрелы со смоленой паклей, кто-то даже успел раздобыть смолу и поджечь факелами клети, амбары, воротные вежи и стены крома. Сначала переславские вои отступили от загоревшегося города на несколько десятков саженей, но продолжали бить по черниговцам и шеренцам, пытавшимся тушить пожар. Ветер помогал залесским русичам. И через полчаса предгородье и кром были уже охвачены яростным пламенем. Черниговцы и шеренцы оставляли город

и бежали из него в юго-западном направлении. Князь Ярослав отвел полки за версту от горевшего града и, выставив сторожу, молча смотрел на бушевавший пожар. Залесские и новгородские вои перевязывали раны, приходили в себя после кровопролитного боя, отдыхали и считали потери.

В вечеру сторожа сообщила, что черниговские полки готовятся к новому утреннему соступу. Черниговская рать была явно больше залесской. Сторожа известила и о том, что на соединение с черниговской ратью движутся полки от Воротынска и Перемышля. Эти силы могли зайти в тыл переславскому войску и ударить неожиданно. Нужно было немедля отходить. И князь Ярослав решил отводить войска в ночь. Раненых и убитых, кого смогли и успели подобрать, погрузили в возы и телеги и тронулись к известной переправе и броду через Серену. К утру войска князя Ярослава были уже в двадцати пяти верстах севернее реки и, не останавливаясь, продолжали движение на север. Еще через сутки ночью они переправились через Угру и вступили в пределы Смоленской земли. Здесь князь Ярослав дал отдых войскам. Но сторожа сообщала, что черниговская рать идет по пятам. Рано утром Ярослав повел войска к реке Шане. После переправы через реку залесские полки вышли на большую дорогу, что вела к реке Протве и на смоленский Вышгород. Еще два дня войска князя Ярослава отступали на север по этой дороге и вскоре достигли реки Москвы и града Можайска. Далее князь Ярослав отходить не хотел. Уже совсем близки были рубежи великого Владимиро-Суздальского княжества. Можайские князья были в дружбе с московскими князьями и хорошо знали московских мужей. Поэтому Ярослав направил в Можайск воеводу Филиппа Нянка и Дмитрока Киевца. Князя в городе не было. Но можайские мужи обещали помощь залесским полкам в случае тяжелого положения. Было обещано, что в случае поражения можайцы откроют ворота и впустят князя Ярослава с полками за стены града и помогут вести переговоры с противником.

Через день черниговская рать встала напротив полков князя Ярослава. По меньшей мере, черниговцев было тысяч восемь-десять. Но за спиной Ярослава был Можайск. С ошего же плеча полки Ярослава прикрывал глубокий овраг с рекой Можайкой. С десного — овраг с рекой Куширкой. Кроме того, за оврагом и Можайкой на Петровской горе Ярослав поставил часть конной переславской и новгородской молоди с луками. А пространство между оврагами перед войском и перед горой перегородил возами, за которыми укрылись стрелки.

Черниговцы полезли утром. Вперед пустили пешцев, чтобы те попытались прорваться ко граду вдоль оврага реки Можайки и отрезать полки Ярослава от города. Конница черниговцев пыталась выманить конных стрелков с Петровской горы и прорваться к городу по московской дороге. Но стрелы оборонявшихся сыпались как дождь. Черниговских пешцев побили стрелами, копьями и камнями. Затем залесские пешие вои выбили остатки черниговцев из оврага. Коннице нигде не удалось прорваться или завязать хотя бы короткую рукопашную схватку. Все приступы были отбиты. Полки Ярослава устояли. Правда, потери с обеих сторон были немалые. Очень многие были ранены. В перестрелке на Петровской горе погиб подвойский Олдан. Все остальные воеводы были целы.

Черниговская рать приступала к полкам Ярослава еще не один день, но так и не добилась успеха. Затем начались дожди. Кровавые перестрелки и стычки прекратились. Войска с обеих сторон голодали. Округа была разграблена черниговцами.

Простояв более двух недель под городом, черниговская рать снялась и оставила земли Можайского удела, так и не получив ни победы, ни выгодного мира. С этого времени новгородский стол навеки оставался в руках князей Владимиро-Суздальской земли, и никто уже более не мог оспорить у них этого права.

* * *

Солнечным счастьем озарилось все существо князя Феодора, когда он, выехав из усадьбы июньским вечером, увидел обоз, подъезжавший с юга к Городищу. Испугавшись сам своего счастья, он поворотил коня и возвратился на княжеское подворье. Через полчаса обоз во главе с тиуном Якимом въехал на Городище. Дворовые начали разгрузку возов на тиуновом подворье. Сам же Яким с сыновьями и сыновцом прибыл показаться князьям. Он и его сродники долго кланялись Феодору и Александру в ноги, благодарили за то, что не забыли, не оставили их и помогли с возвращением. Тиун пролил скупую слезу, а Феодор на радостях даже обнял и расцеловал Якима. Затем посетовал, что без тиунова глаза княжеское хозяйство пришло в упадок. Но тиун, вытаращив глаза, отвечал, что наоборот не ожидал увидеть такого порядка на разоренной ранее усадьбе и еще раз благодарил князей. Феодор вежливо и осторожно справился о здоровье семьи, дворовых людей, и о том, все ли прибыли с тиуном на Городище. Яким отвечал, что женскую половину семьи и часть двора он оставил в своем сельце у Липны. Это сообщение сразу насторожило молодого князя, но он не подал вида и, велев тиуну устраиваться на своем подворье, отпустил его со сродниками домой.

Затем князь сам сходил в гридницу и велел позвать к себе Судимира. Тот был легок на помине и прибежал через три минуты. Приказав гридю незаметно для других выяснить, возвратилась ли с обозом на Городище его остуда, он отпустил Судимира. Тот пришел только к ночи и сообщил, что обеих женщин Яким оставил под Липной. Поблагодарив и наградив гридя, князь велел ему быть готовым к выезду в ближайшие часы. Тот отвечал, что готов ехать хоть сейчас. Однако молодой князь задумался и отпустил его.

Феодор думал о том, что возможно и хорошо, коли так устроилось. Чем дальше будет Неле от Городища, тем меньше будет посторонних свидетелей их встреч, тем безопаснее

будет и для нее, да и для него тоже. Некоторый жизненный опыт его отношений с другой женщиной подсказывал ему, что торопиться не следует. Все обдумав, он сделал волевое усилие над собой и решил выждать несколько дней. Лишь на третий день к ночи он вызвал к себе Судимира, велел ему легко вооружиться и ждать в полночь с заседланным конем у ворот. Гридь молча кивнул головой, и, повинуясь мановению княжей десницы, склонился перед князем и вышел вон.

В полночь молодой князь, вздев кольчугу под кафтан, привесив тяжелый меч к поясу, оседлал своего жеребца и выехал к воротам Городищеского града. Судимир уже ждал его. Князь приказал стражам отворить одну воротную створу, и кони, стуча копытами по скрипучему мосту надо рвом, вынесли всадников наружу. Теплая, напоенная ароматом цветущих садов и черемухи, июньская ночь приняла их в свои объятья. Свистели соловьи в темных кустах у Волховца. В травах стрекотали кузнечики. Месяц ярко светил на небе. Вдохнув полной грудью аромат ночи, молодой князь перекрестился слегка дрожавшей десницей и дал шпоры жеребцу.

После возвращения в сельцо близ Липны Неле не спала уже которую ночь. Все ей чудился топот коней, все ей слышались шаги, все ей виделся он, юный и горячий ее княжич. Ей грезилось, что он подхватывает на руки и целует ее, ей грезились его любящие глаза, и она порой просыпалась оттого, что чувствовала, будто бы он касается ее кожи своими красивыми длинными перстами. Но это были только грезы. За эти дни ожидания она исхудала пуще прежнего. И под ее большими очаровательными голубыми глазами появились сине-фиолетовые тени. Не было ей покоя уже с той поры, как знакомый княжеский гридь сообщил, что князь ищет ее и ждет на Городище под Новгородом. После приезда в сельцо под Липной она стала молчалива, замкнута, мало ела, редко общалась даже с сестрой.

За эти последние годы они с Анхен пережили многое. После того, как переславские князья ушли из Новгорода, и Неле получила письмо от Феодора, они с тиуном и его двором бежали в далекую глухомань и поселились в лесной деревушке. С этого времени Яким и его семья стали хуже относиться к девушкам. Заставляли часто делать грязную работу по дому. Дворовые, кто жалел их, а кто и зло насмехался над ними. Сестры терпели все, хотя держали головы высоко и унижать себя не давали. Еще там под Великими Луками Неле заметила на себе сальный взгляд зелено-желтых кошачьих глаз здоровенного рыжего детины — племянника тиуна Якима. Тот несколько раз пытался один на один распускать руки, брал ее за талию и грудь, но она первоначально отбилась от него сама. В другой раз позвала на помощь Анхен, и та, защищая сестру и придя в ярость, пообещала пожаловаться тиуну. Рыжий отстал. Но отстал ненадолго. Вскоре он посватал Неле. Тиунова жена и ее сродница приходили к ним в горницу и вели разговор о том, что Неле пора выдавать замуж, и что есть хороший жених. Но Неле твердо отвечала отказом. И Анхен напомнила, что она хоть и старшая сестра, а сама еще не замужем. Неле же совсем молода, и ее время не пришло. Свахи ушли ни с чем. И сестры поняли, что нажили себе врагов.

Слухи о том, что творилось в Новгороде, приходили самые разные и страшные. Весь тиунов двор жил впроголодь. Но сестры пережили и это. Лишь после того, как в мае прискакали два княжеских гридя, отношение Якима и его семьи к полонянкам изменилось и стало почтительным. Им более не поручали черную работу, стали лучше кормить, и тиун даже подарил им кое-какие ткани и деньги, что бы они сшили себе новое платье. После возвращения под Липну Неле и Анхен жили на тиуновом подворье в небольшой отдельной избе с небольшой горницей и русской печью в кухне.

Той ночью Анхен крепко и тихо спала на своей деревянной кровати. Но ее младшей сестре не спалось. Где-то недалеко

посвистывал соловей, и уже начинало светать. Она не слышала никаких шагов. Вдруг слабый стук в дверь пробудил ее сознанье, полное грез. Неле сама не заметила, как оказалась на ногах. Прильнув к двери, она спросила, кто это. Знакомый голос княжьего гридя негромко назвал ее имя. Босая, в одной рубахе, она отворила дверь и увидела озаренное луной знакомое ей бородатое лицо Судимира. Тот тихо проскользнул в дверь и прошептал ей, чтобы она оделась и вышла с подворья через маленькую калитку, спрятанную в кустах за амбаром. Затем ей надо было пройти задворками к знакомой бане на окраине села. Сказав это, гридь вышел из дому и растаял в предрассветных сумерках. Сердце девушки застучало в невероятном, бешеном ритме. Но она быстро оделась и, разбудив Анхен, сообщила, что уходит, возможно, на целые сутки. Старшая сестра, проснувшаяся от стука в дверь, знавшая и понявшая все, резко поднялась с постели, прижала к себе Неле, затем поцеловала ее и перекрестила всей дланью слева направо латинским крестным знамением. Они договорились, что если кто-то будет справляться о Неле, то Анхен скажет, что сестра больна и не выходит из дому. На этом сестры распрощались.

Исполнив все, как велел Судимир, Неле легко бежала по знакомой, но забытой, заросшей тропочке к бане, что стояла на краю села у маленького озерца близ леса. Сердце ее, не переставая, бешено колотилось. Через десять минут она добралась до баньки. Из-за угла неожиданно показался Судимир, испугавший ее. Она чуть было не вскрикнула, но сдержала чувства. Гридь приложил перст к устам и тихо растворил дверь бани. Неле вошла внутрь. В углу, торча из поставца, тускло горела лучина. На поставце был небольшой образ Святой Девы с Младенцем. Спиной к ней и лицом к образу стоял высокий, молодой, широкоплечий муж со светло-русой, давно не стриженной гривой волос в богатом кафтане и с мечом на поясе. Он тихо молился. Она сразу даже не поняла, кто это,

и стала искать глазами своего юного княжича. Высокий муж с благородным, красивым лицом, легкой светлой бородкой и усами развернулся к ней и заговорил. Неле, еще не понимая, кто пред ней, все искала глазами и даже заглянула за банную перегородку. Но потом ее взгляд вновь скользнул по его лицу, и она словно что-то вспомнила. Кровь прилила к ее ланитам, вискам, и она обомлела...

Они лежали, обнявшись, на полу той самой бани, как и два с лишним года назад. Лежали, постелив все то, что было на них самих. Был уже день. Но никто кроме мух не беспокоил их. Он нежно ласкал ее. А она все никак не могла привыкнуть к тому, что это он, но совсем другой. Он — такой возмужавший, чужой и в то же время родной. Она долго рассказывала ему о своей трудной жизни за эти годы. Рассказывала о том, как к ней приставал и сватался тиунов племянник, как она отвергла его. Он же слушал и молчал. Потом наступил черед рассказывать ему. И он рассказал ей все о себе. Рассказал настолько сдержанно, насколько это может рассказать только мужчина, признающийся любимой женщине в измене. Она долго и безутешно плакала. А он целовал ее глаза и уста, вытирал ее слезы и просил прощения. Перед тем же, как им расстаться, он сотворил крестное знамение и обещал ей, что не останется с другой никогда более на этой грешной земле.

* * *

Стояла июльская жара. Ближе к полуночи страшные красные сполохи огромного огня взметнулись над Великим Новгородом. На всех звонницах города ударили в била и колокола. Зловещие сполохи пожара видны были за много верст. На Городище почти сразу услышали набатный гул и увидели, что творится в городе. Молодые князья, разбуженные дворовыми, в одних рубахах выбежали на гульбище, с которого было хорошо видно пламя и зарево. Первое, что было у всех на уме — в Новгороде опять начался мятеж и

погромы. Феодор и Александр немедля велели воям своего полка седлать коней и вздевать брони. По велению князей в ту ночь в седло всели четыреста вооруженных воев. Князья в бронях и шеломах вместе с дядькой Феодором Даниловичем возглавили полк и направились к Новгороду. Через полтора часа после того, как поднялся сполох, конный княжеский полк уже входил в город на рысях через раскрытые врата в конце Знаменской улицы. Еще на подходе к предгороднему острогу переславские вои стали встречать людей, бежавших из города. От них узнавали, что в городе никаких вооруженных столкновений нет. Но люди говорили, что горит Словенский конец. Первым же загорелся двор Матвея Вышковича. Эти известия немного успокоили князей. Но уже в городе они поняли, что стихия пожара слишком сильна, и если не предпринять каких-то мер, то погорит весь Новгород. Головни размером с бревно выстреливало из пожара. Пламя, раздуваемое ветром, металось над Волховом. Огонь словно стремился пройти по водам реки и перебраться на Софийскую сторону.

По совету дядьки князья велели воям спешиться и собирать метавшийся, обезумевший народ, чтобы дать отпор огню. Людей выстраивали в цепочки от колодцев и реки к местам, где огонь пытался перекинуться на еще не сгоревшие дома, клети, мосты. Городские мужи, ремесленный и торговый люд, простые женки и отроки, священники приходских храмов, их клир, княжеские вои во главе своими князьями передавали ведра с водой, растаскивали баграми и заливали огромные головни, подсекали и обрушивали загоревшиеся постройки. Люди боролись за каждую сажень города, отстаивали от огня каменные храмы, свои дома, улицы. А пламя все бушевало. Наступило яркое летнее утро, но пожар еще не был побежден. Лишь к полудню, когда изможденные жаром, невероятным напряжением физических и моральных сил, почерневшие от сажи и гари люди стали обессилевать, ослабело и пламя.

Там на пожаре молодой князь Александр, уже познакомившийся со многими новгородскими мужами, еще раз сумел убедиться в том, что его теперь хорошо знают и ценят в Новгороде. Когда он, наравне с простыми воями, смело тушил свирепое пламя, находясь в самых опасных местах, его узнавали, ему кланялись, его благодарили. Феодора узнавали реже. Среди сполохов пламени неоднократно видел Александр подъезжавшего к нему тысяцкого Вячеслава, просившего, чтобы князь поберег себя и не лез в полымя. Не раз подбегал к Александру угодливый Яким Влунькович, испрашивавший, не желает ли чего молодой князь. Не единожды встречались Александру обеспокоенные глаза владычного стольника Андрея, видевшего молодых князей у самого пекла и укоризненно раскачивающего головой. Не раз Александр слышал ободряющие голоса и взгляды молодых новгородских мужей — Гаврилы Алексича, Збыслава Якуновича. Там же, в огне пожара Александр сдружился с юным и смелым новгородским воином Ратмиром. Ратмир был по возрасту немного моложе князя Феодора. Уже под утро чуть не случилась беда, когда крыша горевшей клети готова была обрушиться и задеть Александра, но Ратмир, подставив спину, принял на себя удар падающего, горящего бревна и загородил молодого князя. Удар был сильный. Ратмир потерял сознание. Но его и князя вовремя выхватили из-под пылавшего обвала. Ратмира отлили водой, и он постепенно пришел в себя.

К вечеру пламя почти везде угасло. Над городом висело марево чада, с трудом разгоняемое ветром. Тлели багровые угли. Весь Словенский конец представлял из себя сплошное тлеющее, чадящее пепелище. Правда, Бог явил милость свою, и люди смогли отстоять от огня все храмы. Теперь их закопченные гарью и огнем стены сиротливо возвышались среди остовов несгоревших печей и обугленных развалин. Весь Словенский конец сгорел до конца Холма. Люди считали жертвы. Несколько десятков человек видимо погибли в

пламени. Другие, спасаясь от огня в воде, утонули в Волхове. Но очередная стихия была побеждена.

Весь княжеский полк залечивал ожоги и раны, отмывался от гари, сажи в банях на Городище и в окрестных слободках. Князь Александр пригласил к себе в гости Ратмира, и теперь они и другие молодые новгородские мужи сообща парились и мылись в бане, пили холодный квас, пиво, обсуждали новости, вспоминали пережитую трагедию. Говорили и о том, что, по слухам, в Чернигове заболел и слег беглый посадник Внезд Водовик, но его сторонники собираются перебраться во Псков. Александр рассказывал новым содругам о вестях, полученных от отца из Залесской Руси. О том, что великий князь владимирский дядя Юрий принимал послов монахов-доминиканцев от римского папы Григория, склонявшего князя к принятию латинства. Юрий выслушал посольство, но ответил отказом и выслал доминиканцев из Залесской Руси. По слухам, те направились в Киев, и неизвестно еще, чем закончится их миссия. Плохи тогда были дела и в Киеве, и на Галичине. Галич уже неоднократно переходил из рук в руки. То его захватывали угры, то его вновь забирал Даниил. Но теперь обстановка на юге изменилась. Киевский князь Владимир Рюрикович вступил в союз с Даниилом против Михаила Черниговского, а тот позвал на помощь половцев. В Южной Руси разворачивалась небывалая междоусобная война, в которой, скорее всего, примут участие и половцы, и угры, и ляхи. Хорошего от этого было мало. Единственно, что и было хорошего, так это то, что Михаилу Черниговскому будет теперь не до Новгорода Великого. Что-то теперь будет делать господа, бежавшая из Новгорода под крыло черниговского князя?

По рассказам, совсем был плох прежний новгородский архиепископ Антоний. Благо хорошо служил в Святой Софии владыка Спиридон. За этим разговором и пригласил Ратмир

молодого князя Александра отстоять вместе литургию в главном соборном храме, а потом наведаться к нему в дом в гости.

В субботний день князь Александр стоял литургию под сводами центрального нефа Софийского собора в окружении Ратмира, Збыслава Якуновича, Гаврилы Алексича и своих верных отроков. Служил архиепископ Спиридон. Слаженно, строго, возвышенно пел владычный хор, так, как поет только мужская часть клира и мнихи. Собор был полон народа. Утренний свет и свечи ярко озаряли образа и фрески среди полутемных, сводчатых помещений. Священники, обходя большой храм, кадили народ, образа, стены с фресками, углы и порталы собора. Во время одного такого обхода с кадилом прихожане, стоявшие левее центрального нефа, сдвинулись одесную — к центру. Тогда-то Александр и увидел, как Ратмир, смотревший ошую, улыбнулся и поклонился кому-то. Александр, с интересом посмотревший туда же, увидел, что Ратмир переглядывается с юной синеокой девой, одетой богато, но неброско. Серебристо-синий плат красиво лежал на ее темно-русых волосах и оттенял тонкие черты лица. Девушка заметила интерес молодого князя к себе, поклонилась ему и, заливаясь нежным румянцем, склонила голову. Женщина, стоявшая рядом, также улыбнулась Ратмиру, но, увидев взгляд Александр, нахмурилась и отвернулась.

Молодой князь справился у Ратмира о том, кто это, и ожидал услышать, что девушка — его остуда. Но Ратмир отрицательно покрутил головой и, улыбаясь, сказал, что девушка — его сродница по матушке — двоюродная сестра. А та женщина рядом — его тетка. Выждав немного и заметив интерес князя, Ратмир стал тихо рассказывать, что сестру зовут Еленой и что она дочь убиенного боярина Семена Борисовича, ярого противника его батюшки Ярослава Всеволодовича и сторонника Внезда Водовика. Александр

внимательно слушал, замечая, что чем далее он смотрит на сестру Ратмира, тем более она нравится ему. На взгляд ей было лет четырнадцать. Она была стройна, бледна, но черты ее лица были удивительно благородны, тонки и красивы. От Ратмира князь узнал, что вся ее семья после погрома их двора поселилась на владычном подворье и находилась под опекой владыки. Дядья Елены, из которых известен был Михаил Борисович, бежали со своими дворами в Черниговскую землю с посадником Внездом. С ними ушли и братья Елены — сыновья покойного Симеона Борисовича. Семьи свои беглецы заблаговременно отправили куда-то ближе к орденскому рубежу. Теперь же дядя Михаил дал о себе весть вдове погибшего брата и предлагал перебраться ей и дочерям покойного на Черниговщину. Александр поинтересовался, что же отмолвили беглому боярину. И Ратмир ответил, что его тетка-вдова пока из Новгорода никуда уезжать не хочет. Часто ездит молиться ко гробу покойника-мужа в Юрьев монастырь, налаживает разоренное хозяйство да наводит порядок в ограбленных во время смуты ближайших селах. Как ни странно было это, но Александр воспринял эти слова с большим удовольствием и кивнул головой. А Ратмир внимательно посмотрел на своего молодого друга и господина князя Александра.

* * *

Новый 6740 год (1232 г. от Р. Х.) принес в Новгород Великий новые тревоги. Беглый новгородский тысяцкий Борис Негочевич со своими сподвижниками явились из Чернигова во Псков, схватили наместника князя Ярослава Всеволодовича боярина Вячеслава, избили и оковали его. По всему видно было, что псковские мужи во многом поспособствовали княжеским супротивникам в этом деле. Однако понимали, что это может вызвать княжескую грозу, и направили в Новгород Великий своих посылов, чтобы изложить Ярославу Всеволодовичу или молодым новгородским князьям Феодору и Александру требования беглых новгородских бояр. Те же

просили отпустить на волю их семьи в обмен на Вячеслава и его людей. Все эти события всколыхнули Новгород. Тайные супротивники князя Ярослава, затаившиеся до времени, сеяли смуту в умах черного люда, подбивали его к мятежу. Ползли слухи, что князю Ярославу дела нет до новгородских неурядиц, что оставил Новгород Великий сыновьям, а сам сидит в любимом своем Переславле, занимается делами Низовской земли, охотится да гуляет с двором и дружиной.

Известия о произошедшем были срочно отправлены князем Феодором в Переславль-Залесский. И через двенадцать дней после прибытия псковских послов князь Ярослав Всеволодович уже въезжал на княжеское дворище Великого Новгорода. Еще за день до подхода к Новгороду распорядился, чтобы схватили псковских посылов и посадили их в поруб под стражу на Городище в гриднице. Князь Феодор исполнил веление батюшки немедля. Ярослав Всеволодович был доволен сыном и при встрече прилюдно расцеловал его. Затем во Псков был послан ближний боярин князя с требованием отпустить Вячеслава и княжеских людей. Что же касалось беглого тысяцкого Бориса и других супротивников-новгородцев, то им князь Ярослав велел путь указать прочь из Пскова. Боярин уехал.

В ожидании известий прошла неделя. Новгород затих, как лес перед грозой. На осьмой день из Пскова прискакал муж, передавший условия псковского веча. Псковичи настаивали возвратить опальным новгородцам их семьи и их имущество. При исполнении этих условий обещали отпустить Вячеслава. Так наступило размирье, тянувшееся все лето. Князь Ярослав велел перекрыть все пути на Псков и не пускать туда купцов и торговый люд. Теперь уже псковичам пришлось несладко. Цены во Пскове на хлеб и другую снедь побежали вверх. Особенно стало тяжело с солью, которую покупали по семь гривен за берковец*. Наконец к Успению в Новгород пришла весть, что Вячеслав и княжеские люди отпущены из

Пскова. В ответ князь Ярослав Всеволодович велел отпустить с Городища псковских посылов, жен и семьи опальных новгородских бояр, чтобы шли, куда глаза глядят. Мира же со Псковом не взял.

* * *

Отсияло летнее солнышко, отморосили холодные осенние дожди. Князь Ярослав уезжал надолго в Переславль по делам и опять возвратился. Вот сковало землю морозом, и первый снег укрыл ее. В начале зимы в Новгород пришло псковское посольство с поклоном и просьбой ко князю Ярославу. Псковичи полностью признавали его власть над собой и просили к себе на княжение его сына Феодора. Просьба псковичей сильно испугала молодого князя, но он и вида не подал. Правда, один на один просил батюшку не отпускать его из любимого им Новгорода во Псков. Отец внял словам любимого и послушного сына. Во Псков решил посадить шурина князя Юрия Мстиславича — младшего брата своей жены Феодосии. На том и порешили. Князь Юрий со своим двором и псковским посольством двинулся принимать псковский стол, а новгородские беглые бояре решили искать заступничества в Чудской земле у немцев. Со своими семьями и дворами они оставляли Псков и направлялись в Медвежью Голову (Оденпе). Тревоги во Пскове и Новгороде временно улеглись.

Тревожной стала наступившая зима для Северо-Восточных русских земель. По замерзшим дорогам и первому снегу воинственная мордва стала совершать грабительские набеги на Нижегородскую и Муромскую волости. Конные отряды мордвы, обходя стороной крепкие грады, жгли деревни, села, храмы, монастыри, брали в полон русичей, мурому, мещеру, угоняли с собой скот и лошадей. Великий князь Юрий решил дать отпор мордве соединенными силами владимиро-суздальских и муромо-рязанских князей. Послал он и в Переславль-Залесский к брату Ярославу. Ярослав же решил отправить в поход против мордвы своего старшего сына Феодора. В Нов-

город послание Ярослава Всеволодовича пришло уже в начале декабря. Феодору было велено оставить новгородский стол на брата Александра и выступать в поход не мешкая. Здесь молодой князь уже ослушаться батюшку не мог. С Неле он простился очень быстро и уже по пути. Потом полдня догонял свой небольшой отряд, ушедший на Заборовье.

В Переславле сборы были тоже недолги. С Феодором уходило в поход двести переславских и двести дмитровских конных воев. Батюшка благословил его. Матушка обняла, поцеловала, поплакала и перекрестила. И князь Феодор двинулся во главе своего небольшого полка в дальний поход к восточным рубежам Руси. Много страшного и жестокого, того, что происходит на войне между людьми враждующих сторон, видел он там.

Владимиро-суздальские и муромо-рязанские полки, которые вел старший сын великого князя Всеволод Юрьевич, сурово карали мордву за разорительные набеги на русские земли. Горели мордовские городки, села и языческие капища, взятые изгоном русской конницей. Дымами десятков пожарищ была окутана мордовская земля. То там, то здесь вдоль дорог встречались посеченные и побитые стрелами мордовские мужи и ратники. Плакали от горя и разлуки мордовские женки и дети, угоняемые русичами в полон. Плакали от радости русские, муромские и мещерские полонянники, освобожденные русскими воями от рабства и возможной продажи где-нибудь на торгах у Русского или Греческого моря. Мордва не оставалась в долгу и мстила при любой возможности. Небольшие мордовские отряды делали засады на русские конные разъезды, сторожи и обозы в глубоких балках, оврагах и на лесных дорогах. Попавших в плен русичей сжигали на кострах, распинали на стволах священных дубов, вспарывали животы, засыпая туда хлеб, взятый в мордовских селениях. В отместку русские, входя в еще не разоренные селения, выбивали там все мужское население и стариков. Остальных

угоняли в полон, предавая все огню. В конце концов, к исходу зимы мордва была усмирена. И мордовские князья запросили мира, откупаясь большой данью. Часть мордовского полона была отпущена на волю.

Еще в походе к русским князьям пришли известия, что татары встали у границ Волжской Булгарии и зазимовали у ее рубежей. Вести были тревожные. Пора было возвращаться восвояси.

Пришел 6741 год от Сотворения мира (1233 год от Р. Х.). Князь Феодор возвратился из похода в Новгород весной. Пышная шевелюра его светло-русых волос, усы и загустевшая бородка, руки и одежда пропахли конским потом и упряжью, дымом костров и пожаров. Лицо его обветрилось. Сам он похудел, но окреп более и стал казаться оттого еще выше. В первую же ночь он, взяв с собой в сопровождение Судимира, ускакал под Липну. Раненный во время похода Родослав остался лечиться в Переславле.

Неле ласково и с любовью встретила своего князя, но была почему-то грустна. Феодор излил на нее всю свою любовь и нежность и все те переживания, что накипели у него за время этого страшного карательного похода на мордву. Расстались они хорошо, и, казалось, все должно было вернуться на круги своя.

Но что-то все же переменилось. С некоторых пор, как Феодор возвратился на Городище, он все чаще замечал, что чувствует на себе чей-то тяжелый, ненавидящий взгляд. Молодой князь стал внимательно вглядываться в лица окружавших его людей. И как-то в глаза ему бросился рослый рыжий детина, часто бывавший в сопровождении тиуна Якима. Однажды Феодор совершенно явно поймал его зловещий, недобрый взгляд на себе, но грозно глянул в ответ, и рыжий спрятал глаза. Теперь князь понял, что это тот самый тиунов сыновец, когда-то пристававший к Неле и сватавший ее. Каким-то

шестым чувством Феодор явно определил, что отныне этот рыжий — коварный враг, и что надо остерегаться его. При встрече тиунов сыновец услужливо кланялся и прятал зеленые с искрой глаза. Феодор не отвечал и всей кожей чувствовал его ненависть к себе.

С Неле встречались они нечасто, не более одного-двух раз в месяц. Но каждая их встреча была наполнена какой-то невыразимой, чудной таинственностью, теплом, светом и негой. Все было так, что они даже не решались признаться друг другу в своем счастье, словно боясь потерять его.

Однажды, уже в конце апреля, он встретился с ней все в той же баньке возле леса. Было уже далеко заполночь. Неле и Феодор вели тихую беседу, вспоминая их первые встречи. Вдруг где-то вдали заржал конь. Спустя несколько минут в дверь тихонько постучали. По голосу Феодор узнал Судимира и спросил, в чем дело. Гридь просил его выйти ненадолго по важному делу. Накинув кафтан, Феодор вышел на улицу и увидел встревоженное лицо Судимира, державшего длань на рукояти тяжелого меча. Взволнованно гридь рассказал молодому князю, что заметил какого-то человека, в отдалении крутившегося вокруг бани и выслеживавшего кого-то. Когда Судимир неожиданно окликнул его, тот побежал. Гридь пустился за ним, но тот прыгнул на коня, привязанного в отдалении, и ускакал по дороге на Липну. Судя по всему, на беглеце была кольчуга, так как бежал он небыстро, да наверняка на поясе был тяжелый меч или секира, хотя Судимир толком этого не разглядел. Явно, что тот был вооружен и замышлял недоброе дело. Теперь же Судимир просил у князя съездить в сторожу в сторону Липны и разведать в чем дело. Немного поразмыслив, Феодор отпустил гридя, предупредив его, чтобы тот был предельно осторожен. После этого он вернулся к Неле. Но прежняя мирная беседа уже не шла на ум и на сердце. Он был явно встревожен и встревожил ее. Словно предчувствуя какую-то беду, он оделся, вздев кольчугу

под кафтан и привесив меч к поясу. Через полчаса раздался конский топот, и кто-то осадил коня у бани. Затем всадник с тяжестью сошел, словно вывалился из седла. Феодор, мгновенно обнажив меч, выскочил на улицу. Недалеко от бани, прямо перед ним, в сумерках наступавшего утра стоял Судимир с тусклым помертвелым лицом, откинувшись всем туловищем на седло. Весь кафтан его был заляпан какими-то темными пятнами. Десная рука была перетянута у предплечья белой тряпкой, выглядывавшей из-под короткого рукава кольчуги и, видимо, оторванной от края рубахи. Прямо из предплечья, пройдя его насквозь, торчала большая, оперенная стрела.

* * *

Князь Феодор временно прекратил свои поездки на Липну. Раненый Судимир отлеживался в гриднице да изредка уезжал лечиться к знахарке — какой-то колдунье, жившей где-то за Перынью. Наступил май. И вот неожиданно в конце мая в Новгород прибыл сам князь Ярослав Всеволодович с княгиней Феодосьей и младшими сыновьями. Молодые князья встречали батюшку и матушку еще на подъезде к Новгороду. При встрече все спешились и расцеловались. Матушка вышла из крытого возка и со слезами на глазах обнимала и целовала сыновей. Правда, когда отец целовал Феодора, то внимательно и серьезно посмотрел на него. Феодор заметил этот взгляд, но не смутился, хотя задумался о том, почему батюшкин взгляд был так строг и внимателен.

После трапезы с семьей и с боярами князь Ярослав отпустил всех по домам. Он остался один на один с тиуном Якимом. Феодор заметил это, и сердце его защемило тревожной болью. Прошло более двух часов после трапезы, Яким все не выходил от князя. Уже свечерело, когда Ярослав Всеволодович вызвал к себе князя Феодора. Батюшка сидел один за длинным убранным столом в большой палате княжеского терема. На столе стоял кувшин с красным фряжским вином и крынка с медовухой. На большом блюде лежали какие-то восточные

сладости: куски сушеной дыни, урюк, шербет и что-то еще. Отец сидел, задумавшись, опершись головой на длани рук и смотрел на небольшой кубок, налитый красным вином. Еще два пустых кубка стояли рядом. В глазах отца светилась тоска. Ярослав посмотрел на вошедшего сына хмельными теплеющими глазами и предложил ему выпить, так как разговор им предстоял нелегкий. Холодея сердцем, Феодор не отказался и попросил меда. Отец налил ему полный кубок и предложил сесть рядом. Феодор сел. Они выпили, звонко сдвинув кубки. Потом выпили еще и долго молчали.

Наконец князь Ярослав начал разговор. Каждое его слово, как удар острого ножа, ранило молодого князя. Феодор чувствовал, что с каждым словом отца из него будто большими густеющими каплями выходит кровь. Хмель немного притуплял боль, но Феодор с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться с места и бежать из-за стола от этой боли, обиды и досады, куда глаза глядят. Но бежать было нельзя, ведь он уже чувствовал себя мужем и не мог оскорбить таким детским поступком своего твердого, жесткого, но любящего отца. Со слов Ярослава Феодор понял, что отец знает все о его отношениях с полонянкой от тиуна Якима. Конечно, батюшка не догадывался, да и не спрашивал, как давно все это началось. А Феодор лишь наливался багровым румянцем и молчал. Слова отца были жестки и крепки как камень, когда он сказал сыну, что тому пора жениться и взять в жены достойную избранницу. Сказано об этом было, как о деле давно решенном и безотлагательном. Следом Ярослав добавил, что невестой ему будет торопецкая княжна — дочь покойного князя Давыда, что многие князья-сродники уже оповещены. Затем отец воззрел на сына, пожелав услышать его ответ. Феодор сделал большой глоток из кубка, допив мед, встал на колени и, склонившись, поцеловал руку отцу. Довольный этим поступком, Ярослав благословил его голову крестным знамением сверху и сказал, что сын может идти.

Феодор вышел из палаты спокойно, но затем стремглав бросился в гридницу и поднял на ноги Судимира и еще четверых гридей, велев им надеть доспехи, взять оружие и заседлать коней. Через двадцать минут он в сопровождении пятерых всадников уже скакал по дороге на Липну.

К полуночи они достигли тиунова сельца под Липной, и Феодор, отправив гридей во главе с Судимиром к тиунову двору, сам не спеша поехал к их постоянному месту встречи — баньке у опушке леса. Каково же было его удивление, когда вместо баньки он увидел большое кострище с тлеющими головешками. Он развернул коня и поскакал к тиунову двору. Еще издали он услышал яростный лай собак. Подъехав ближе, он заметил, что гриди в нерешительности объезжают тиунов двор, ворота которого были заперты. Подозвав к себе Судимира, князь велел не мешкать, а немедля вызвать к нему Неле, и если уж пошло на то, так побить собак и любого, кто помешает ему встретиться с девушкой. Осмелевшие гриди во главе с Судимиром ворвались на подворье тиуна через маленькую калитку за амбаром. Тут же решительно перекололи собачью свору копьями и перебили стрелами. Дворня и носа не казала. Никто не вышел из домов и клетей на собачий лай и визг. Видимо, все хорошо знали, что происходит, и связываться с княжескими дружинниками никто не пожелал.

Через десять минут Неле уже вышла с тиунова двора в сопровождении гридей. Князь поцеловал ее испуганную и бледную и, подняв к себе в седло, тронул коня. Они достигли окраинного овина, стоявшего недалеко от сгоревшей баньки, зашли под крышу и остались вдвоем. Вои стерегли их снаружи. Феодор, понимая, что наступил решающий момент их отношений, стал рассказывать Неле о своем разговоре с отцом и о том, что тот хочет женить его. Из глаз девушки брызнули слезы. Феодор пытался успокоить ее, целовал в ланита, утирал слезы. И тут она впервые упрекнула его в неверности. Он просил у нее прощения, но она, продолжая рыдать, вновь упрекая

его в том, что он не отказал батюшке в решении женить его. Утирая слезы, набегавшие ей на глаза, она напомнила ему о том, что он когда-то сотворил крестное знамение, обещая ей никогда не оставаться более с другой. Понимая, что Неле права, Феодор встал перед своей любимой на колени и просил у нее прощения. Казалось, она стала успокаиваться, но видимо чувства были сильнее ее. И тут, вдруг, словно решившись на что-то, она сказала ему, что все равно Бог, видимо, не сулил счастья им. С ним она будет так же несчастлива, как несчастна ее сестра Анхен с его отцом. Услышанное словно ударом молнии поразило молодого князя. Феодор с удивлением посмотрел на ее заплаканное, искаженное страданием, красивое лицо, заглянул ей в любимые, родные глаза и... оттолкнул от себя. Не раздумывая, он влетел в седло и поскакал обратной дорогой на Городище.

* * *

Уже второй день как Феодор был сильно пьян и, лежа одетый на своей постели, с тоской и слезами рассказывал брату Александру о том, что случилось с ним. Брат, как мог, помогал Феодору справиться с душевной мукой, оповещал о том, что творится на дворе. Феодор многое не воспринимал совсем. Но лишь одно известие встревожило его и вызвало интерес к жизни. Александр рассказал, что тиун Яким уехал в Новгород искать немецких купцов, чтобы вести с ними разговор о выкупе полоняников. Рассказ этот насторожил молодого князя, но он осушил новую чашу меда и забыл о сказанном. Вскоре Феодор заснул, а Александр, оставляя заснувшего брата, перекрестился на образа и вышел из горницы.

Прошло еще несколько дней. Наступал июнь. Феодор немного оправился, но продолжал пить хмельное, хотя и в меньших количествах. Все как будто понимали, что происходит с ним, и потому никто не смел упрекнуть его в бражничестве. Был солнечный июньский день. Феодор вместе с Александром вышел на высокое гульбища княжеского терема и воззрел ок-

рест. Он увидел, как по дороге к тиунову подворью подъехало несколько крытых возков, остановившихся у его ворот. Все это вызвало интерес молодого князя, и он громко окрикнул одного из дворовых слуг, чтобы сбегал к Якимову двору и узнал, кто это приехал. Слуга быстро исполнил волю господина и через три минуты прибежал назад. С его слов, приезжие были немецкими купцами во главе с любекским торговым гостем Иоахимом Бором. Имя это показалось знакомым князю Феодору и он, вцепившись дланями в перильца крыльца, стал расспрашивать, зачем приехали купцы. Слуга пожал плечами, и Феодор махнул на него рукой. На какое-то время Александр отвлек брата от того, что творилось по соседству, разговором о соколиной охоте. Но Феодор, видимо, не выпускал мысли о приезжих. Всмотревшись, он вдруг увидел двух молодых женщин в голубых немецких покрывалах, вышедших из ворот. Одна из них обернулась и внимательно посмотрела на гульбище княжеского терема. Зоркий глаз лучника не подвел Феодора. Он узнал бы ее из тысячи других. Это была Неле. Она же, увидав его на гульбище терема, прощаясь с ним навсегда и утерев слезы, махнула ему рукой.

Феодор и сам не понял, как его уста силой всех его легких исторгли бешенный и отчаянный крик:

— Несть! ...

Из глаз его брызнули слезы, дыхание перехватило, и он, вцепившись обеими дланями в перильца гульбища, стал биться головой о них. Так продолжалось всего несколько мгновений. Затем, словно обезумев, он выхватил меч из ножен и попытался броситься вниз по ступеням крыльца, истошно крича:

— Избью!

Но рядом был Александр. Преградив брату дорогу и глядя в его хмельные, несчастные и яростные очи, он схватил Феодора двумя дланями за руку, державшую меч и твердо, громко спросил:

— Убо ти хочеши, брате, погубити ея?

После этих слов Феодор выронил оружие и, рыдая, упал к брату в объятия.

Тем временем Неле вытерла слезы и вместе с Анхен села в крытый возок, уносивший ее навсегда от ее любимого князя на ее далекую, забытую ею и чужую родину. Феодор же продолжал рыдать, опершись на плечи младшего брата. А по ступенькам крыльца к ним со двора, утирая слезы, поднималась их мать княгиня Феодосья.

* * *

Прошло еще несколько дней. На Городище полным ходом шло приготовление к свадьбе. Закупались дорогие фряжские вина, мука, привозили меда, пригоняли скот, били и коптили птицу. Стали съезжаться первые гости. Сама же торопецкая княжна-невеста и большинство гостей еще были в дороге. Дворовые, слуги бегали и суетились с каждым днем все более. Князь Ярослав был занят делами в Новгороде, приглашал все новых гостей на свадьбу. Резвились, забавлялись младшие братья князя Феодора и Александра: Михаил, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил. Печальна была только матушка да брат Александр. Сам же молодой князь вел себя так, будто все то, что происходило, его и не касалось. Все эти приготовления словно происходили сами по себе, никак не задевая его, не имея к нему никакого отношения. Он даже ни разу не поинтересовался, как зовут его невесту и какая она. Он был в каком то отрешенном от всего мира состоянии и не хотел понимать, что происходит с ним и вокруг него. Александр, хорошо знавший старшего брата, впервые видел его таким и пугался этого. Феодосья пыталась заговаривать со старшим сыном, гладила дланью его по голове, заглядывала ему в глаза, говорила трогательные, ласковые слова, какие может говорить только любящая мать. Феодор на какие-то мгновенья приходил в себя, смотрел на матушку широко открытыми глазами, в которых появлялись слезы, не отвечал

на ее вопросы и молча уходил. Только с одним Судимиром он мог как-то общаться.

Однажды в полдень он нашел Судимира, спавшего в гриднице. Тот встал со своего ложа, поддерживая ошеей рукой раненую десную руку, подвязанную к шее, и как мог, поклонился князю. Гридь внимательно посмотрел на своего господина и справился о его здоровье. Феодор выглядел хорошо и отвечал, что все слава Богу. Отозвав Судимира в сторону, он шепотом попросил отвести его к знахарке, что лечила руку раненому гридю. Судимир долго отказывался, ссылаясь на то, что князь не совсем здоров для далекой поездки, но Феодор настойчиво просил и, в конце концов, уломал гридя. Сама настойчивость молодого господина, его ясные глаза и убедительность внушили Судимиру, что с князем все в порядке и что нужно исполнить его веление. Они быстро собрались, оседлали лошадей и, мало кем замеченные, выехали из городищенского крома по дороге на юг. Отъехав от Городища с версту, они свернули к Волхову и подъехали к месту, где перевозчики порой переправляли людей с лошадьми на плотах через реку напротив Юрьева монастыря. Ждать им пришлось недолго, и за плату они оказались через полчаса на левобережье Волхова. Миновав монастырь, они выехали на дорогу в сторону Перыни. Перед Перынью всадники свернули с большой дороги и углубились в лес. Так они скакали еще около часа, пока не доехали до небольшой деревушки, потерявшейся в лесной глухомани. Затем князь Феодор и Судимир нашли на окраине деревни небольшую курную избенку, покрытую от ветхости мхом, сошли с коней, привязали их к березам и вошли в избу.

Их встретила сгорбленная временем старуха в лохмотьях с умными, сверкавшими в полутьме глазами и, узнав Судимира, пригласила войти. Справясь о здоровье гридя, она перекрестилась на темные образа, находившиеся в красном углу, и спросила, зачем пожаловали молодцы. Гридь объяснил

знахарке, что с ним приехал молодой боярин, которому нужно снадобье. Далее Судимир замолчал, а заговорил Феодор, попросив бабку дать ему снадобье, чтобы забыться от любви. Та взглянула на него внимательно и заворчала, что редко кому такое и нужно, ибо все-то просят приворотное зелье. Однако Феодор попросил еще раз и в подтверждение своих слов бросил кошель с серебром на старый скобленый стол. Старуха посмотрела на кошель, проворчала еще раз что-то непонятное и принялась рыться возле печи. Тем временем князь и гридь оглядели избу. Во всех углах, возле печи, вдоль стен были развешаны какие-то мешочки и тряпицы с непонятным содержимым. Висели пучки сушеных трав, кореньев, грибов, веники из трав и веточек каких-то деревьев и прочее такое, в чем понимают только знахари и колдуны. Множество каких-то крыночек и горшочков стояли на лавках вдоль стен и в углах. Не вскоре старуха откопала среди своих богатств махонькую крыночку, горлышко которой было залито воском. Подойдя к Феодору, она внимательно посмотрела на князя, протянула ему крыночку и велела налить лишь глоток в чашу с водой. Тут же князь попросил у нее воды, та подала ему небольшой ковш, и он, сорвав восковую печать, плеснул туда из крыночки и выпил из ковша все без остатка. Старуха еще раз внимательно посмотрела на него, перекрестилась и вздохнула. Затем, отвернувшись от князя, обратясь к Судимиру, заговорила с ним о его ране. И пяти минут не прошло, как у Феодора от пряного, пахучего настоя что-то закружилось в голове, руки и ноги ослабели, и он, как был, присел на лавку у бревенчатой стены и уснул.

Проснулся князь только к ночи. Судимир сидел напротив него и молча ждал его пробуждения. Старуха, как мышь, возилась возле печи. Горела лучина перед образами. В печи потрескивал и играл огонь, блики которого отражались на стене. Где-то мирно трещал сверчок. Раскрыв глаза, придя в себя, князь вспомнил, где он, что с ним и слабо улыбнулся.

Чувствовал он себя намного лучше. Сердце перестало щемить, и голова была ясной. Старуха подошла к нему, вновь внимательно посмотрела в глаза, держа в руках лучину. Затем прошамкала губами и обратясь к нему как к боярину, велела «не пити хмельного, дабы не быти худому». Тем временем Судимир взял со стола крыночку с зельем, запечатал ее воском и убрал в свою калиту. Князь и гридь собрались, поблагодарили колдунью, и вышли из избы. Месяц светил на небе. Было немного прохладно и они, отвязав застоявшихся коней, сели в седла и поскакали обратной дорогой. Всю дорогу до Юрьева монастыря князь чувствовал себя неплохо. Но затем сильные сердечные боли и боли в голове стали вновь мучить его. С трудом Судимир перевез его на плоту через Волхов, с еще большим трудом всадил на коня, и, придерживая всю дорогу, доскакал с ним до Городища. Было уже за полночь. На Городище князя уже искали, но, увидев, подумали, что опять хмелен, и отвели в изложницу. Судимир расседлал коней, отвел их на конюшню и ушел в гридницу. Под утро Феодор почувствовал себя лучше и попросил у слуги крепкого меда, тот не посмел отказать и принес князю. Выпив несколько больших глотков прямо из кувшина, молодой князь, так и не раздевшись, опять завалился на ложе и, казалось, уснул.

Но он не спал, он грезил. Ему виделось, что они едут с Неле вдоль берега Волхова верхом на его серебристом жеребце, чему-то радуются, смеются, а напротив них, на другом берегу стоит белокаменный Юрьев собор. Сияет солнце, бьют била и звонят в колокола, как когда-то в день их первой встречи. Неле сходит с коня и остается на десном берегу реки, а его — Феодора какая-то чудесная сила переносит на оший берег. У врат монастыря Феодор оставляет коня и входит туда под сень сводов, чтобы отдохнуть там от сердечной боли и любовной разлуки, но чтобы любить вечно.

С постели Феодор более не вставал. Лишь через сутки он, еле двигая губами, шепотом позвал Александра и попросил

того скорее позвать священника. Брат тут же исполнил просьбу и поднял всех кого мог на ноги. Через полчаса явился испуганный настоятель Преображенского собора, которого Феодор попросил исповедать его и причастить. Священник исполнил веление. Молодой князь закрыл глаза, улыбнулся, а по его щеке пробежала прощальная слеза. Сердце его не вынесло той боли, на которую его обрекли. К вечеру князя Феодора не стало.

А спустя некоторое время новгородский монах-летописец записал: «В лето 6741. Преставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль болшии, и положенъ бысть в монастыре у святого Георгия (Юрия). И еще сыи младъ. И хто не пожалуетъ сего? Свадьба же бе пристроена, меды сварены, невеста же приведена бысть, князи позвани быша; и бысть во веселие место плачь и сетование за грехи наша. Но, Господи! Слава Тобе, Небесныи Царю, изволишю ти тако, и покои его съ всеми праведными».

Плакал, молился и удивлялся со всей княжеской семьею и со всем княжеским двором Великий Новгород сему странному, печальному и небывалому событию. В тот год построили новгородцы над каменной воротной башней в сердце своего града каменный храм в честь мученика Феодора Стратилата и в память о молодом князе Феодоре, правившем городом и сидевшим на новгородском столе в пору тяжелейших годин их истории. И по сей день стоит близ Софийского собора в стенах древнего Новгородского Детинца, пережившего века испытаний, могучая Феодоровская башня.

«СОКРОВЕННЫЕ РУБЕЖИ РУСИ»

Часть вторая

«Откровение»

Внимая строкам откровенья,
Душой, надеясь на прозренье,
Воззрим на кровь былых веков,
Заглянем в очи праотцов.

Тревожной была весна 6741 года (1233 г. от Р. Х.). После смерти в Чернигове опального новгородского посадника Внезда (1231 г.), беглые новгородские бояре оставили свои надежды на помощь черниговских князей и Пскова в борьбе с переславским князем Ярославом Всеволодовичем. Теперь их взоры обратились в сторону Чудской земли. Там в граде Оденпе (Медвежьей Голове) сидел на столе ставленник Ордена, принявший сторону латинян, князь Ярослав Владимирович. Он приходился сыновцом покойному Мстиславу Мстиславовичу Удалому и был сыном его брата псковского князя Владимира Мстиславовича. Теперь уже покойный Владимир Псковский ранее служил орденским немцам, а потом дрался против Ярослава и Юрия в Липецкой сече. Дочь же Владимира Псковского — сестра Ярослава была замужем за известным

ливонским князем, что приходился братом рижскому епископу Альберту. Орденские немцы полностью поддерживали Ярослава Владимировича, пытаясь громить русских соседей руками соплеменников, принявших их сторону. Потрепанные в боях с владимиро-суздальскими полками под Шеренском и Можайском, дружины новгородской господы оставляли Чернигóвское княжество. По смоленским и псковским дорогам они уходили в Чудскую землю — владения Ордена. Там собирались рати, готовилось новое крупное наступление на восток — теперь уже на русские земли Великого Новгорода и Пскова.

Глава I

Княжеская охота на волков, или Две стрелы из одного тула

Взволнованный Судимир уже полчаса стоял в одной из малых палат княжеского терема перед князем Александром, которого окружали молодые новгородские мужи: Збыслав Якунович, Ратмир и Гаврило Алексич. Судимир почти шепотом, но с жаром излагал князю и его ближним мужам ход известных ему событий последних месяцев жизни покойного князя Феодора. Собравшиеся вели себя скрытно. Из рассказа гридя Александр все явственнее начинал понимать, что одной из причин трагической гибели брата стал злой умысел завистника, что приходился сродником тиуну Якиму. Сердце князя Александра закипало местью. Он расспросил Судимира о том, куда сопровождал гридь покойного брата за день до смерти. И гридь повинился в том, что привел Феодора по его же просьбе к знахарке, живущей в дальнем лесном сельце, за Перынским скитом. Князь Александр нахмурился и спросил, не дала ли знахарка отравы Феодору. Но гридь отрицательно покрутил головой и отвечал, что знахарка лишь помогла покойному князю. Но она просила его об одном, не пить хмельного. В подтверждение своих слов он достал из калиты маленькую крыночку, запечатанную воском и передал ее князю. Тут же признался, что уже и сам с испугу отведал этого зелья, после смерти своего господина, но не умер, а

только как бы сильно захмелел. На душе от того зелья у Судимира наступило великое блаженство и умиротворение, а жизнь показалась ему легкой, веселой и радостной. После этого он проспал целые сутки и проснулся бодрым и здравым. Уверяя князя Александра, он молвил, что готов вновь выпить зелья у него на глазах еще раз. Да и какой смысл было знахарке травить князя Феодора, если та даже не знала, кто перед ней. Защищая старуху, гридь рассказал Александру и его друзьям, что та превосходно врачует любую хворь и язву. Она исцелила его от огневицы — сквозной раны в предплечье, полученной от стрелы ненавистника князя Феодора. Стрела та, верно отравленная, предназначалась, видно, не гридю, а его покойному господину. В завершение ко всему, Судимир достал из продолговатого кожаного свертка обломанную почти пополам стрелу с ярким зеленовато-коричневым оперением и предъявил ее князю и его окружению. Древко стрелы потемнело от давно высохшей крови. Четырехгранный ромбовидный наконечник, ранее хорошо отточенный, потускнел, острие его было слегка покривлено. Этой стрелой Судимир и был ранен в десное предплечье еще в апреле близ сельца под Липной. Рана до конца не зажила, и сейчас гридь держал десницу на перевязи.

По традиции именно он должен был выступить истцом, найти и призвать виновного к ответу. Однако князь Александр не хотел предавать это дело огласке. Он хорошо помнил, как решались такие дела у них в Переславле в Перуновом лугу. Древний кон и обычай разрешали мстить за обиду близкому родственнику или другу пострадавшего. Тут и вызвался Ратмир. Обратясь к Александру, он просил разрешить ему вступиться за честь покойного князя Феодора и рану его верного слуги. Суровый ликом молодой князь вдруг улыбнулся и кивнул в знак согласия головой. Сговорились на том, что уловить виновного удобнее всего будет на волчьей охоте, куда князь намеревался вскоре вывести весь двор. Пора, правда,

была не охотничья. Но волки с весны не давали покоя окрестным смердам и пастухам, нападали на стада, забирались в овины, резали молодой скот. Потому лов на волков откладывать не следовало.

* * *

Жаркий летний день склонялся к полудню. Молодой князь Александр в сопровождении своего меченоши (уже ближнего слуги) и содруга Ратмира, своих отроков и гридей подъехал к великому мосту через Волхов. Воды реки сверкали под солнцем и манили к себе прохладой и ласковым плеском волн. Светлые зеленоватые струи разбивались о бревенчатые клети городен моста и, журча, разбегались по сторонам пенистыми потоками. Всадники въехали на бревенчатый настил, и тот слегка задрожал под коваными копытами коней. Разморенные жарой, кони шли неторопливо, отгоняя хвостами и гривами мух и слепней, позвякивая удилами. Здесь на мосту легкий освежающий ветерок с реки обдувал лошадей и верховых, отгонял надоедливых насекомых. Всадникам было жарко и они, расстегнув вороты рубах и кафтанов, снимали с голов легкие шапки и утирали лица от пота. Князь и его окружение держали путь в Детинец ко двору владыки.

Из Киева пришло известие, что «преставися блаженныи митрофолит всеа Руси Киевьскыи Кирил». Весть эта сильно расстроила молодого князя Александра, так как он знал покойного митрополита и относился к нему с великим почтением. Сейчас новгородский князь ехал к владыке, чтобы высказать ему свое соболезнование по поводу смерти Кирилла и поделиться тем, что наболело на душе. Проезжая по великому мосту через Волхов, Александр говорил о смерти Кирилла с Ратмиром и рассказывал ему о том, каким кротким и мудрым был этот миротворец — первоиерарх Руси, как благодатны были службы, совершаемые им в храмах. Юноши вели разговор и о том, что уже год прошел, как умер отставной новгородский архиепископ Антоний. Всего лишь два года

окормлял он новгородскую паству, а затем ушел в затвор из-за мятежа новгородской господы, поднятого против него и князя Ярослава Всеволодовича. С той поры на протяжении шести с половиной лет не произнес он не единого слова. Шла молва, что заболел и онемел от переживаний и горя. Но, скорее всего, наложил на себя обет молчания, да с тем и отошел в мир иной. Поминая покойного владыку Антония, князь и его меченоша перекрестились. Затем разговор их вновь возвратился к теме о нынешнем новгородском владыке Спиридоне и, осмысливая вслух события, происходившие в церковной жизни, Ратмир внимательно посмотрел на князя Александра и молвил, что Русь сей день в лице Спиридона имеет, пожалуй, одного из самых вятших предстоятелей Церкви. Князь посмотрел на меченошу и молча кивнул головой в ответ. Всадники миновали мост, и разговор их временно прекратился. Коней направили к воротам Детинца. Уже проезжая под каменным сводом ворот, князь Александр напомнил Ратмиру, чтобы тот не забыл исполнить его просьбу. Через час князь будет ожидать в условленном месте, как и было говорено.

Новгородский архиепископ встретил Александра в своих покоях, где просматривал четыре недавно переписанных и переплетенных монахами Евангелия. Тексты Святого Писания были одеты деревянными обложками, покрытыми светлой и прочной бычьей кожей. Закрыв разворот книги, отложив свое дело, владыка пошел навстречу Александру. Спиридон был рад встрече с молодым князем. Он приветливо улыбнулся и взаимно поклонился ему. Александр принял благословение, почувствовав на своей главе его крепкую, натруженную, теплую монашескую руку. Во владычных покоях было прохладно и легко, царила полутень, что сразу успокаивающе подействовало на Александра. Спиридон пригласил гостя к столу, и позвав служку, велел подать фряжского вина, сухих фруктов и сладостей. Когда все было исполнено, они остались вдвоем. Владыка налил кубок вина князю и небольшую чашу

себе, прочел молитву Господню («Отче наш») и благословил трапезу. На стол в небольших глиняных чашах были поданы кусочки сушеной дыни, инжир, изюм, чернослив, сотовый мед и шербет. Молодой князь и архиепископ сделали по глотку вина, и Спиридон предложил Александру откушать. Ощутив терпкий и сладковато-горький привкус благородного вина, юноша причмокнул, отпил еще, стал с аппетитом есть. Владыка с интересом и легкой улыбкой наблюдал за ним. Ему действительно нравился этот живой, любознательный и умный юноша — сын сильного и властного переславского князя. Когда Спиридон увидел, что Александр с удовольствием попробовал угощение и вновь отпил вина, то ненавязчиво повел разговор.

Тут молодой князь вспомнил, зачем приехал к владыке и поделился с ним своей печалью, связанной со смертью митрополита Кирилла. Архиепископ, знавший митрополита по своему рукоположению и пребыванию в Киеве, полностью разделил печаль юноши и, пожелав покойному предстоятелю Русской Церкви упокоения и Царствия Небесного, перекрестился. Еще некоторое время владыка рассказывал о том, что теперь русским церковным иерархам предстояло отправить друг другу не одно послание и согласовать свои действия, чтобы снарядить в далекую Никею посольство с просьбой рукоположить нового митрополита. Александр молча и с пониманием слушал архипастыря.

Затем владыка справился у князя о том, есть ли известия из Суздальской земли от батюшки Ярослава Всеволодовича и внимательно посмотрел на него. По лику Александра пробежала тень озабоченности и легкого смущения. Но тот быстро справился со своими чувствами и отвечал, что батюшка, верно, сильно занят сбором полков для похода на псковские рубежи против супротивников и орденских немцев. Владыка Спиридон молча, с пониманием кивнул головой и заговорил с князем на другую тему.

Внимательно посмотрев на юношу и осторожно, чтобы не ранить молодое сердце, пастырь спросил его, молится ли он за упокоение души брата. Молодой князь вспыхнул лицом, глаза его увлажнились, и он, сжав губы, отворотил взор в сторону небольшого оконца. На минуту в палате воцарилось молчание. Но затем Александр негромко и неторопливо подбирая слова, ответствовал архиепископу. Молвил, что постоянно вспоминает о покойном Феодоре и тот часто снится ему по ночам. Брат являлся ему таким, каким он запомнил его в пору их первого княжения в Новгороде. Там во сне Александр словно забывал о его смерти, и только уже где-нибудь в конце сна вспоминал об этом и, пугаясь умершего брата, просил его уйти. Феодор почти без промедления уходил, но часто вновь возвращался и напоминал Александру о их родстве, делах и дружбе. При этих словах на глаза молодого князя навернулись слезы, и голос его дрогнул. Владыка заметил сие и, пытаясь облегчить печаль князя, просил его больше молиться за упокой любимого сродника. Александр, слушая и соглашаясь, молча кивнул головой и, немного помедлив, словно исповедуясь, отвечал пастырю, что отныне не только печаль томит его сердце. Ибо недавно стало ему известно, что есть человек, который постарался погубить брата. Тут Александр замолчал, но прозорливый владыка, понимая, что творится в уме и в душе у князя, обратился к нему построжавшим голосом. Он напомнил ему, что слово «князь» происходит от двух древних русских слов — «кон» и «яз». Что слово «кон», у древних славян-россов означало круг или сферу — место, в котором действуют самые простые и понятные всем сущим правила человеческого бытия. Древним славянам-россам, жившим в язычестве и еще не ведавшим Слова Сына Божиего, были известны эти правила, установленные Творцом мира. Тогда не было писаного права, но все понятия этой человеческой сферы общения обязывали и учили человека «любити и жертвовати», «дерзати и боронити», «ведати и внемати»,

«созиждати и рождати», «молити и глаголати», «прощати и мстити». «Язъ» же означает «Я». Тот же, кто называет себя словом «конязъ», должен помнить, что вся ответственность перед Богом Отцом и Сыном за действенность этой сферы и праведность суда лежит на нем.

И в древней Киевской Руси при первых князьях Рюрикова дома долгое время существовало неписаное право. Но боярство, «мужи» и дружинный слой век за веком все более выделялись из среды простого народа и закрепляли свои привилегии. Тогда неписаное право — кон стало нарушаться. Князь Ярослав Хромой понимал это и велел обновить древнее право — составить «Правду», куда частью ввел и древние правила. «Правда» стала первым шагом за кон. И то, что многое из древнего права оказалось вне кона, стало не по нраву и не по душе простому люду. Но кон уже было невозможно вернуть. Так и появилось в русском языке слово «искони», означающее право, появившееся и действовавшее еще до закона.

Похожее было и у древних евреев, когда пришел Спаситель. Ибо когда древние евреи нарушили кон, то есть обетование, заключенное с Творцом, то Моисей записал им закон на Скрижалях, что сохранялся в виде Пятикнижия. Прошло более пяти веков. За это время иудеи отступили и от него. Древний закон был забыт. Тогда царь Иосия, возобновляя Храм в Иерусалиме, и открыл древнее писание. На основе его он возвратил евреев к древнему закону, хотя и облегчил его. Так родилось Второзаконие. Однако за грехи знати и царей Иерусалим и Храм были разрушены халдеями, Иудея завоевана, а знатные уведены в Вавилон. Уже после вавилонского плена книжники и фарисеи пытались восстановить и истолковать древний закон. Но лишь еще более отклонялись от него. Вот тогда и пришел Исус, Сын Человеческий от Господа. И, оглашая «Новый Завет», оставил для тех, кто ищет Правды Божией, возможность ее поиска в Евангелии. Тут владыка подошел к столу, раскрыл Евангелие от апостола

Матфея, быстро нашел нужную страницу и попросил князя послушать. Его чистый и звонкий голос, словно на литургии торжественно зазвучал в палатах:

— Да не мните, яко приидохъ разорити закон, или пророки: не приидохъ разорити, но исполнити. Аминь бо глаголю вамъ: дондеже прейдетъ небо и земля, йота едина, или едина черта не прейдетъ от закона, дондеже вся будутъ... Глаголю бо вамъ, яко аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ Царствие Небесное.

(Евангелие от Матфея, глава 5, стих 17—18, 20: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.)

Владыко окончил и внимательно посмотрел на Александра. Тот стоял молча, опустив глаза. Он думал о том, что сейчас ему совершенно по-новому, как-то глубоко и пронзительно стали понятны слова Спасителя, приведенные архипастырем. Какой-то ясный синий свет полыхал у него между бровей и перед глазами. Поклонившись, он благодарил Спиридона, прося благословить и отпустить его. После крестного знамения, сотворенного над челом юноши, владыко поцеловал его в щеку, и, отпуская от себя, еще раз напомнил, что вся ответственность за исполнение Правды Божией лежит на нем — на конязе.

* * *

Выйдя на двор из полутемных митрополичьих палат, Александр прищурился от яркого света, пошевелил плечами, распрямляя стан. Сопровождавшие его отроки стояли у коновязи и о чем-то оживленно разговаривали с митрополичьими слугами. Ратмира среди них не было. Стараясь оказаться незамеченным, молодой князь быстро пошел направо от

входа и обогнул угол рубленных митрополичьих покоев. Двигаясь вдоль высокой тыновой ограды подворья, он прошел мимо конюшни и вышел к сеновалу. Обогнув сеновал ошую, Александр оказался на узкой тропинке в пространстве между тыном и рубленой стеной сеновала. Здесь по пояс росли молодые лопухи и крапива, стрекотали кузнечики, летали большие шмели и мухи, господствовали тень и прохлада. Александр огляделся. Он был один, сердце его сильно билось в груди от волнения. Кровь приливала к устам и ланитам, мелкие бисеринки пота покрывали высокий лоб. Он утер лик платом и прислушался. Не прошло и минуты, как его чуткое ухо различило за углом мягкую и плавную поступь девичьих ног, обутых в кожаные башмачки. Князь напрягся. И вот, через несколько мгновений, из-за угла сеновала показалась она. Увидев его, она вспыхнула ликом и остановилась. Он чувствовал, что тоже стоит весь залитый ярким румянцем и не может вымолвить ни слова. Все исполнилось так, как он задумал по уговору с Ратмиром. Верный меченоша сумел передать его остуде просьбу о встрече и отвлечь свою тетушку разговорами. Понимая, что так не может долго продолжаться, и что их могут заметить, князь двинулся к ней навстречу. Она была недвижима. Большие синие глаза ее смотрели на князя скорее с интересом, чем с испугом. На ней был легкий летний сарафан из голубой льняной ткани и белая льняная рубаха. Темные волосы были убраны в косы, перевитые лентами, на челе был красивый серебряный обруч. Большие височные кольца из серебра и серьги лишь подчеркивали ее тонкую и благородную красоту.

Подойдя вплотную. Александр почувствовал солнечный аромат ее красивого девственного тела и ее горячее дыхание. Взяв Елену за локоть, князь быстро повел ее в простенок между сеновалом и тыном, туда, где господствовала тень и откуда их не могли увидеть люди, находившиеся перед постройками подворья. Она не сопротивлялась и послушно

шла с ним. Когда их стало не видно со стороны, они остановились на тропочке. Князь развернул Елену к себе лицом и, повернувшись спиной к проходу в ту сторону, откуда они шли, словно закрыл ее собой. Они были одного роста и их глаза, смотревшие прямо друг на друга, застыли с выражением интереса и волнения. Некоторое время они продолжали еще стоять молча, только горячо и возбужденно дышали. И тут первая заговорила она:

— Аще ли княже, боишь ся еси?

— Чти твоея срамити не хощу, — гордо отвечал Александр, чувствуя, что в ее словах есть доля правды. Он протянул руку и взял кисть ее ошеей руки своей десной. Она не сопротивлялась тому. Немного осмелев, Александр быстро склонился и поцеловал ее ароматную розовую длань почти у самого запястья. Елена тихонько потянула руку к себе, но не отдернула. Александр смело протянул десницу к ее талии, но девушка не резко и все же смело отстранилась от него.

— Не гоже еси твориши, Александре, — тихо, томно, но все же решительно прошептала она. Князь отступил на положенное расстояние, но сердце его, разбуженное ее близостью, безумно стучало в груди и разжигало неведомую дотоле страсть. Он посмотрел на нее. Елена стояла, потупив очи, прикрытые длинными ресницами, опустив и сложив длани на поясе. Глубоко вдыхая напоенный ароматами теплый воздух, Александр стал успокаиваться. Они молчали недолго, й он заговорил о том, что давно хотел увидеть ее один на один, но не знал, как это сделать. Благо Ратмир подсказал и помог ему в этом. Она внимательно слушала, и ланиты ее розовели. Его слова явно нравились ей. Александр смотрел на девушку и чувствовал непреодолимое и жгучее желание поцеловать ее. Однако осознание необходимости достойно вести себя и стыд сдерживали его. Приблизясь, он стал шептать ей ласковые и томные слова, пытался брать Елену за руку. Та слушала, опуская очи долу, розовела щеками и шеей, но длани ему уже не

давала. В таком состоянии провели они минут десять. В конце концов Александр смог договориться с молодой боярышней о том, что она вскоре придет к нему на встречу под охраной Ратмира и в сопровождении одной из доверенных девушек в какое-то безопасное место, указанное Александром. Пока же решено было между ними встречаться на воскресных литургиях в Софийском соборе.

Следом Елена неслышно ушла той же тропкой, какой и пришла. А князь, постояв на месте, что-то обдумывая за сеновалом еще минут пять, затем обогнул его с ошеей стороны и возвратился к коновязи другой дорогой. Весь обратный путь на Городище он был молчалив и счастливо улыбался, то и дело подмигивая улыбавшемуся и скакавшему одесную Ратмиру.

* * *

Через день княжеский двор и двор тиуна Якима выехали в окрестные леса травить волков. Первые два дня загоняли и били зверя по лесу от Сковороды и Липеньского монастыря до реки Мсты. Окрестные леса огласились собачьим лаем, криками загонщиков, отроков, гридей, паробков, дворовых. Более полутора десятка матерых хищников и молодых щенков охотники побили стрелами и копьями. Князь Александр и его люди эти дни не сходили с седел. Вечером, не торопясь, поев у костра и выпив меда, валились спать в походных шатрах в стане, разбитом на берегу лесного озера и спали крепким сном. Князь Александр был увлечен ловлей, но иногда, проезжая по озерному берегу, вдруг останавливал коня. Ему вспоминались прошедшие годы, дни его отрочества и дружбы с покойным братом. Эта задумчивость и тоска уходили бесследно, когда призывы друзей, отроков и страсть охоты возвращали его к действительности. В эти дни не было рядом с ним верного меченоши Ратмира. Лишь иногда молодой князь видел его в сопровождении Судимира где-то в отдалении. Те, вдвоем, рыская верхом по лесам и опушкам, среди десятков вооруженных

лукам, копьями и ножами людей внимательно осматривали добычу и стрелы охотников. К исходу третьего дня, когда смеркалось, Ратмир подъехал к Александру и немногословно сообщил, что теперь он знает человека, кого хочет обличить князь. Но для неоспоримых доказательств нужно еще день или два охоты. С этим Ратмир быстро отъехал, а Александр отправился в шатер на ночлег. Следующим утром князь объявил, что охота теперь будет продолжаться на левом берегу Волхова в лесах за Юрьевым монастырем.

Уже вторые сутки охота на волков продолжалась в лесах на западном берегу Волхова. Стоял теплый день конца июня. Однако после обеда подул прохладный ветерок со стороны Варяжского моря и нагнал на небо темно-синие тучи, окаймленные серыми перистыми облаками. Ветер усиливался, похолодало, начал сеяться мелкий дождь. Охотники и ловчии стали чаще перекрикиваться, трубить в рога, съезжаться, свозить добычу и сбиваться в ватаги. Там и тут по полянам и на опушках леса зажигались неяркие костры. Отроки, дворовые и кмети, ослабляли удила и подпруги, давали корма коням, доставали из тороков сулеи с крепкой медовухой и прикладывались к горлышку. Несмотря на непогоду, там и тут уже раздавался веселый говор, и кто-то из заядлых охотников рассказывал о том, как он добывал матерого хитрого зверя, пытавшегося уйти от преследования, и, в конце концов, достал его стрелой.

К одной из таких ватаг, добрую половину которой представляли люди тиунова двора, и подъехали будто невзначай княжеские слуги Ратмир и Судимир. Незамеченные в начале, они спешились и стали осматривать битых волков. Было еще довольно светло, когда Судимир остановился и словно застыл над одним из крупных убитых хищников, в загривок которого глубоко вошла стрела с ярким зеленовато-коричневым оперением. Княжий меченоша заметил это и посмотрел в лицо гридю. Глаза их встретились, и Ратмир молча кивнул головой.

Не раздумывая, княжий гридь вынул из-за высокого голенища сапога большой охотничий нож, склонился над убитым хищником и начал вырезать стрелу. Его сильные пальцы ошеей руки со всей силой впились в мохнатый волчий загривок. Ножом, зажатым в десной длани еще слабой от раны, он смело вспорол волчью шкуру. По всем охотничьим законам того времени делать этого не имел права никто, кроме охотника, добывшего зверя. Никакого смысла не было и в том, чтобы так небрежно вырезать стрелу и портить густой, дорогой мех матерого волка. Оживленный разговор охотников, стоявших у ближайшего костра, прервался. Кто-то матерно и недовольно выругался. И из ватаги вышел рослый рыжебородый детина, в сопровождении двух молодцов тиунова двора. Видимо, он не сразу узнал двух незаметно подъехавших верховых, так бесцеремонно и быстро ставших кромсать шкуру добытого им зверя. Рыжебородый матерно, грязно выругался и потянул из ножен, притороченных у пояса, короткий охотничий меч. Навстречу ему смело выступил Ратмир и преградил дорогу. Детина покрылся багровым румянцем злости, обнажил меч и снова выматерился, брызгая слюной и требуя оставить его добычу в покое. Он явно уже хорошо вкусил медовухи. Два молодца тиунова двора, стоявшие позади него, казалось, также были настроены решительно и сжимали боевые топорики в своих дланях. Среди охотников, стоявших вокруг костра послышались слова одобрения и поддержки. Только немногие из этой ватаги — в основном люди княжеского двора узнали Ратмира и стали окружать его одесную и ошую, пытаясь предотвратить зревшую схватку. Ратмир и сам не успел заметить, когда в его длани оказалась рукоять обнаженного им меча. И тут, за несколько мгновений до того, как рассечь мечом воздух и обрушить его на противника, он вспомнил слова своего друга и князя Александра. Ошая рука его потянулась за спину, и он достал оттуда рог, прикрепленный к ременной петле, переброшенной через плечо. Через мгновение он уже трубил

условленным сигналом, выдувая всей силой своих легких и плотно сжимая губами узкий мундштук рога. Многие охотники, окружавшие Ратмира и рыжебородого, перехватывали оружие, надеясь или защитить своих, или предотвратить схватку. Однако, несмотря на хмель и злость, рыжебородый детина смекнул, что в этой ситуации скрыт какой-то подвох, и отступил на несколько шагов назад. Правда, большинство ватаги поддерживало его, поэтому он не выпускал и не прятал обнаженного меча.

Тем временем Судимир быстро распластал волчий загривок и вырезал стрелу с массивным ромбовидным наконечником. Стрела была очень похожа на ту, какой он был ранен еще весной. К костру, у которого Ратмир протрубил в рог, стали подъезжать гриди, отроки, паробки и слуги городищенской усадьбы. Становилось ясно, что неожиданной свары и схватки удалось избежать. Минут через восемь туда же приехал и сам князь Александр. Далее все произошло, как и было задумано. Судимир отер от сгустков почернелой крови наконечник стрелы, вырезанной из волчьего загривка, и предъявил эту стрелу и обломки той, которой был ранен весной, собравшимся охотникам. Тем временем принесли тул со стрелами рыжебородого. Там тоже было пять стрел с зелено-коричневым оперением и наконечниками, явно сработанными на заказ рукой одного мастера. Рыжебородый не отпирался, признавая, что все это его стрелы. Сняв кафтан и обнажив предплечье, Судимир вышел в центр круга, образовавшегося близ костра и, сорвав повязки, показал всем еще свежую рану. Следом показал обломанную стрелу и объявил, что именно этой стрелой и был ранен весной у Липны. Собравшиеся вокруг шумно заговорили и заспорили. Князь Александр, бывшие близ него вятшие мужи Збыслав Якунович, Гаврило Алексич молчали, молчал Ратмир, напряженно ждал решающего слова Судимир. Безмолвствовал и рыжебородый. Никто из посвященных не хотел более задавать вопросов и тревожить прошлое. Для всех же

остальных было ясно то, что на княжеского гридя Судимира еще весной было совершено вооруженное нападение, тот был ранен и искал обидчика. И вот сейчас, казалось, нашел и привлек к ответу. Всем было ясно и то, что молчавший все время князь Александр был на стороне истца, ибо тот был человеком его двора. Слово было за князем. Оглядев всех собравшихся посуровевшим взглядом, стараясь казаться беспристрастным, бестрепетным, хотя внутри у него закипала ярость при взгляде на рыжебородого, князь кратко отмолвил, что может исправить суд по этому делу. Но ему еще не все ясно, и он пока не станет решать по закону. Он позволяет новгородцам самим разобраться с этим сей же час, так как они это делали в старину по обычаю и неписаному праву. С этими словами князь тронул коня и отъехал прочь со своим окружением. В толпе раздались одобрительные голоса.

Все заговорили о том, что теперь поединка не избежать. Тогда-то Судимир и обратился к собравшимся с просьбой постоять и отмстить за него, так как его рана не позволяла ему сделать этого. Вновь среди собравшихся наступило затянувшееся молчание. Рыжебородый, поняв в какой капкан он попал, молчал, дышал глубоко, с хрипом, будто рычал. Он как волк скалил зубы и со злостью оглядывал Судимира и окружавших его сторонников. Доселе молчавший Ратмир вышел вперед и объявил, что он вступится за честь раненого княжеского гридя. Дело решено было не откладывать.

Южнее Юрьева монастыря, куда положили спать вечным сном покойного князя Феодора, есть большой холм. На том холме, среди рощи стоит каменный храм Рождества Пресвятой Богородицы. Когда-то, еще до крещения Руси, здесь было древнейшее урочище, где словене, варяги и чудь приносили жертвы и молились идолу Перуна. В центре этого капища и стояла статуя деревянного идола. Близ этого места во времена неписаного права часто вершили суд и случались поединки, связанные с кровной местью. С принятием христианства в

Новгороде идола сбросили в Волхов, а на месте разрушенного капища возник небольшой монастырь Перынь-Богородицы. К подножию этого холма пасмурным июньским вечером и съехалось несколько десятков человек, пожелавших стать свидетелями назначенного поединка. Противники были как есть — в охотничьей сряде и без доспехов. Все спешились. Копья решено было оставить. Драться по общему решению надлежало мечами и ножами.

Ратмир давно уже чувствовал холодок, пробегавший у него между лопаток, когда думал о том, что противник выше на полголовы и массивнее его. При мысли о том, что его ожидает смерть или увечье, он крестился, и его молодые ланиты слегка розовели. Но следом вспоминал покойного князя Феодора, кого так любил его друг и господин князь Александр, вспоминал взгляд благодарности, которым Александр одарил его — Ратмира, когда он вызвался отомстить за Феодора. Кроме того, он видел серьезные и уверенные глаза Судимира, который был все последние дни рядом с ним, и сознание правоты возложенного на себя дела, возвращалось к нему. Он неоднократно бросал взгляды на самоуверенного рыжебородого противника, как выяснилось теперь сыновца тиуна Якима. Ратмир видел, что тот явно радовался, ибо избежал еще более сурового княжеского суда и верно думал, что сразит в поединке меченошу. Да, в его зеленых глазах с рыжей искрой, несомненно, сквозили самоуверенность и сознание своей силы. Когда всадники сошли с коней, Ратмир размял ноги и проверил оружие. Боевой меч был в ножнах у пояса, охотничий нож — за голенищем сапога. Его рыжебородому противнику уже кто-то подсунул длинный боевой меч. Длинный нож был у него за поясом. Он сбросил шапку с головы, расстегнул ворот кафтана и тряхнул буйной темно-золотой копной волос, крутя мощной и толстой выей. Противник Ратмира был действительно массивен, высок и грозен. Ратмир выглядел скромнее, был еще по-юношески строен. Но косая

сажень в плечах, сосредоточенные голубые глаза, ловившие каждое движение противника, свидетельствовали о большой и скрытой внутренней силе молодого человека. Когда люди расступились, образуя круг, и противники обнажили мечи, сердце Ратмира сжалось в комок и стало твердым как камень. Глаза его просветлели, а зрачки их сузились. Длани налились кровью и окаменели.

Он не помнил первых ударов, обрушенных на него, не помнил своих ударов. Все как бы происходило без него, само собой. Многолетняя выучка ратному делу давала знать себя. Помнил он только, как в очередной раз увернулся от разящего удара рыжего детины, который свирепо вращал глазами и рычал, помнил, как развернулся лицом к храму, стоявшему недалеко на холме, увидел крест и попросил у Заступницы небесной ручательства и помощи. Схватке, казалось, не будет конца. Она кружила противников в смертельном танце уже более десяти минут. Свежие раны сочились у обоих кровью сквозь верхнюю одежду. У Ратмира было посечено ошее предплечье. Он почти не чувствовал боли, но знал, что ранен в десное бедро и медленно терял силы, хотя ему так надо было двигаться резвее противника, потому что тот напирал. Но уже и рыжий дышал, храпел, как загнанный конь. Он был более неповоротлив, хотя удары, обрушиваемые им на Ратмира, были еще тяжелы и страшны. Под скепанье харалужной стали Ратмир слышал одобрительные возгласы Судимира и своих сторонников, слышал, как кричали и порой вопили его противники, видел, как рыжий бросает на него свирепые, ненавистные взгляды и пытался сохранить самообладание. И как раз тогда, когда это удалось ему в очередной раз, он ясно увидел, что успел поразить рыжего в десный бок меж ребер, ибо там все алело от крови. Изловчившись из последних сил, Ратмир еще раз уязвил противника в то же место, и тот, застонав и матерно выругавшись, пал на оба колена. В пылу схватки княжий меченоша обрушил на рыжего удар

от десного плеча к груди. Тот рухнул на оший бок, даже не вскрикнув. Кровь из раны заливала траву. Несколько мгновений все стояли в полной тишине. Ратмир опустил меч и припал на десное колено. Кровь медленно уходила из него, силы таяли, голова кружилась и все плыло вокруг. Последнее, что он помнил о той схватке, это то, как Судимир и какой-то знакомый княжеский гридь, раздирая белую льняную рубаху, перетягивают ему раны, вливают в рот горячащее хмельное и пытаются усадить его в седло…

Глава II

У северо-западного рубежа Руси

Дождливым августовским вечером 1233 г. большой отряд, собранный из орденских братьев-рыцарей, кнехтов, эстов из Оденпе (Медвежьей Головы) и нескольких сот конных воинов из дружин беглых новгородских бояр скрытно подходил к псковскому граду Тесову, стоявшему на рубеже с орденскми владениями. Немецкое войско вели псковские проводники из среды сторонников князя Ярослава Владимировича, принявшего княжение в Оденпе из рук рижского епископа. Конница и пешцы собрались в низине, а затем перешли небольшую порубежную речку вброд, и сразу же направились по склону большого яруга в глубь псковской земли. Густой кустарник и перелески скрывали немецкую рать от глаз русской сторожи, стоявшей выше по течению реки верстах в двух, у дороги, что вела на запад — в Чудскую землю. Склон оврага, где проходили войска, размяк от дождей. Рыхлая земля, на которой росли бурьян и редкая трава, отваливалась под ногами людей и копытами лошадей. Те и другие соскальзывали вниз, верховые спешивались, ругались сквозь зубы, дергали и тянули лошадей за поводья, оправляли доспехи и оружие. Всадники зажимали храпы коням, чтобы не ржали. Вереницы пеших воинов и верховых упрямо и споро двигались на восток. Не прошло и часа, как немецкая рать вышла на дорогу севернее Тесова, зайдя, таким образом, в тыл стороже, и отрезав ее от града.

Тесовский тысяцкий боярин Кирилла Синкинич еще несколько дней назад был извещен о том, что в Медвежьей Голове собирается немецкая рать. Но куда и когда хотели идти немцы, он не знал. День назад, на всякий случай, он выслал небольшой конный отряд, который нес дозор вдоль рубежа верстах в трех от града. Но от сторожи не было никаких известий. На душе у воеводы было неспокойно, и он вышел во двор, чтобы велеть седлать коней. Моросил мелкий холодный дождь, быстро смеркалось, так как небо было сплошь затянуто серой облачной пеленой. Еще сходя по ступеням крыльца, он услышал крики воев, что-то оравших со смотровой вышки воротной вежи, увидел наскоро вооруженных кметей, сбегавшихся к массивным дубовым воротам града. Догадываясь о том, что происходит, он громким голосом велел одному из дворовых, сопровождавших его, стремглав бежать к звоннице и ударить в сполох. Сам же почти побежал к воротам града, обнажая длинный боевой меч. Он был в одной легкой кольчуге и без шелома, но вздевать доспехи было уже некогда. Бездоспешными были и его слуги.

Русские кмети не успели ни снять перекидного моста через ров, ни закрыть тяжелых дубовых воротных створ. Когда Кирилла Синкинич добежал до воротной вежи, там уже кипела яростная схватка между конными орденскими немцами и его пешими кметями и гридями. Прикрытые наполовину створы ворот лишь временно сдерживали яростный напор немцев. Многие русские вои уже обломали или потеряли копья и дрались секирами и мечами. Синкинич выбрал позицию, уперся ногами в землю, взмахнул мечом и нанес удар в десный, незакрытый щитом бок, одному из верховых. Тот согнулся пополам и припал к шее жеребца. Крутя головой, боярин наметил себе еще одну цель и увернулся от удара тяжелого копья. Двое его паробков, дравшихся рядом с ним секирами, тоже смогли повалить на землю рыцаря, подсекая ноги его коню. Тем временем немцы полностью

распахнула тяжелые ворота и рыцарская конница стала занимать град. Боярин получил тяжелый удар палицей в спину и, теряя сознание, упал лицом вниз. Его слуги были побиты копьями. Защитников города и тех, кто оказывал сопротивление, кололи и секли повсеместно без пощады. Со звонницы донеслись надрывные запоздалые удары сполошного била. Вслед за конной немецкой ратью в град вступала пехота — кнехты и эсты с копьями и луками. Эти добивали всех, кто хоть как-то защищался. Предградье озарили первые всплески пожара, так как немцы захватили его и стали жечь дома, где оказывалось сопротивление.

Тем временем конные немецкие рыцари и предавшиеся им новгородские дружины добивали тесовскую комонную сторожу на берегах порубежной речки. В граде же схватка заканчивалась. Только несколько десятков русских воев, запершихся на верхах воротной вежи, еще сеяли своими стрелами смерть среди немцев и эстов. Они бились так менее часа, пока не окончились стрелы и пока кнехты не вышибли тараном мощные двери, закрывавшие проход со стен в надвратные верха башни. Но и там, уже при свете факелов, им пришлось столкнуться с яростным сопротивлением русичей, пустивших в дело секиры, мечи и кистени. Некоторые рыцари и кнехты предлагали зажечь всю вежу. Но предводители рати запретили это делать, ибо град Тесов был крепок и хорошо устроен для обороны. Лишь когда немецкие вои и эсты подсекли опорные балки верхнего яруса вежи, обрушив вниз перекрытие, сопротивление прекратилось.

* * *

Известие о том, что немцы и чудь взяли изгоном порубежный русский град Тесов, дошла до ближайшего псковского града Изборска уже на следующий день. Говорили, что в полон попал тысяцкий Кирилла Синкинич, уведенный немцами в Медвежью Голову, с ужасом рассказывали, что пощады не было никому в граде, а в предградье пощадили женок и малых

детей, да и то не всех. Звонили в била и колокола в Изборском граде и в предградье. Народ собирался на вече у воротной вежи града, который венчал высоченный холм. Вече решило быстро собирать полк, дабы встретить немцев и чудь у стен и защитить предградье, да сразу послать с вестью во Псков и просить подмоги. Малых детей и жен также отправляли во Псков, или прятали в окрестных лесах. Туда же сгоняли скот и свозили ценный скарб. Следом изборские мужи, собравшись на совет, решили устроить за городом засаду, построив засеки. Сборы были коротки, промедление было смерти подобно. Уже через день изборский полк был собран, засеки построены, углублялся ров с напольной стороны града, стены и воротную вежу готовились к обороне. На верха стен поднимались камни, бревна, котлы.

Немцы не заставили изборцев долго ждать себя, и уже на третий день после прихода известия о взятии Тесова их усилившаяся рать, числом до двух тысяч воинов, встала в двух верстах от Труворова городища (древнее название изборской горы). Эту рать, собранную из орденских немцев, эстов, дружин опальных новгородских бояр, возглавлял бывший русский князь Ярослав Владимирович. Изборская сторожа донесла, что под его рукой было более пятисот конных воинов и около полутора тысячи кнехтов и лучников. В состав Ярославова войска вошли ударные силы новгородских боярских дружин, ушедшие в свое время из Новгорода к черниговскому князю. Ядро их составляли вои уже покойного Внезда Водовика, его сродников Михаля и Даньслава. Здесь были собраны люди бывшего новгородского тысяцкого Бориса Негочевича, Михаила Борисовича и Иванка Борисовича — младших братьев Симеона Борисовича, убитого во время новгородской смуты 1230 г. Под эти знамена встали их сыновья, дядья, двоюродные братья с сыновцами, многие их сродники, отроки, паробки, дворяне. Словом, как выразился летописец тех лет, под Изборск пришла вся «Борисова чадь».

Был солнечный, но не жаркий августовский день. Дул свежий северный ветерок с берегов Чудского озера. По небу быстро плыли белые легкие облака. Лето явно клонилось к закату. Враг показался в долине, раскинувшейся севернее града. Его рать хорошо была видна с городищенской горы и заборолов стены. Вереницы конных и пеших воев спускались по изрезанным откосам долины, подходили к берегам Мальского озера и строились в полки.

Изборцы смогли собрать и выставить против Ярослава до полутора тысячи воинов. В их полку было более шестисот комонных, но зато почти вдвое меньше пешцев, чем в немецкой рати. Тем временем изборский полк уже оставил предградье и продвинулся вдоль берега Городищенского озера к самому мысу градской горы. Там в низине протекал ручей, бравший начало на дне глубокого оврага, закрывавшего град с северо-западной стороны. Здесь же на десном берегу ручья и встал изборский полк. Севернее и правее полка в низких, заболоченных берегах текла речка Смолка. Немцы, чудь и новгородцы построились двумя полками. Тот, что встал одесную изборцев, на берегу Смолки, состоял весь из конных воинов. Напротив же их, за ручьем, на расстоянии двух полетов стрелы подтянулись и выстроились кнехты и лучники.

Вскоре вражеская конница перешла Смолку и придвинулась ближе к русичам. Кнехты и лучники пошли вперед. Расстояние между войсками быстро сокращалось. Изборские стрелки поторопились готовить луки и стрелы. Когда немцы и чудь подошли на расстояние выстрела, защитники града пустили свои стрелы. Это не остановило наступавших, хотя они понесли значительные потери. Ответный удар немцев оказался более значимым. Около ста человек изборцев пали убитыми и ранеными стрелами. Тем временем доспешная немецкая и новгородская конница набирала ход, угрожая обрушить свой удар на десное плечо защитников града. Конница изборского полка стала готовиться к соступу. Вершники брали

копья на перевес, вздевали щиты на ошую руку. Новый поток стрел со стороны немцев оказался слабее, чем первый, так как расстояние между противниками сокращалось, и немецкие кнехты и эсты брались за копья, мечи и секиры, готовясь к рукопашной схватке. Напряжение нарастало. В этот момент наступавшая вдоль топкого берега Смолки конница врага стала резко сбавлять ход. Кони словно закрутились на месте, всадники стали падать на землю или спешиваться. Увидев это, тысяцкий изборского полка велел быстро отводить пеших воев назад вдоль берега озера к воротам. А сам повел конную часть полка в соступ с конницей врага. Пехота русичей стала быстро отступать вверх по склону горы, а конница двинулась в долину к берегам реки. Не доскакав пятидесяти саженей до рыцарей и новгородцев, изборские лучники пустили стрелы по увязшей на топких берегах реки коннице врага. Проклятия, стоны и крики разнеслись над низиной. Прежде чем тяжелая конница немцев смогла миновать болото, изборцы вторично накрыли ее стрелами. Наступательный порыв нападавших иссяк. Рыцари и новгородцы, с трудом преодолев болотистую низину и набирая ход, устремились на защитников града. Не раздумывая, изборский тысяцкий велел поворачивать коней и уходить вслед за пехотой. Но уже на подходе к самой крутой части склона горы изборская конница столкнулась с кнехтами и чудью. Здесь уже пришлось туго защитникам города. С трудом изборцы пробились сквозь пешцев, наседавших на нее с копьями и секирами. Почти по пятам шла вслед и тяжелая конница врага.

Тем временем часть изборских пешцев отступила к воротам града, другая стала отходить вдоль дороги, ведущей к городу с юга. Там близ дороги у рощи были устроены засеки. В этом же направлении отступала и изборская конница. Преследуя оборонявшихся, разделилась на части и рать нападавших. Их конница под руководством князя Ярослава и орденского рыцаря Даниила из Вендена, а с ними часть пехоты стали

преследовать отступавших. Бой в долине убедил Ярослава и орденских немцев в слабости изборцев. Их отступление от града выглядело совершенно естественным. Многие немецкие рыцари и кнехты, жадные до наживы и насилия, уже пустили своих коней в опустевшее предградье и на Словенское поле. Но там из-за рубленых изб и клетей в них полетели стрелы. Другая часть кнехтов и эстов завязала ожесточенный бой у воротной вежи, валов и рва. И если князю Ярославу казалось, что победа уже близка, то тем, кто дрался у стен Изборска, было далеко еще до победы. Как только они приблизились ко рву, то с вала и со стен на них обрушился дождь стрел. Прорвавшись с секирами и мечами по узкой земляной перемычке к выносной воротной веже, стоявшей почти у самого рва, кнехты и эсты стали вышибать тараном ворота. И тут на головы кнехтов и чуди обрушились камни и бревна. Десятки нападавших были убиты или изувечены на месте. Остальные отхлынули. Немецкие лучники пустили стрелы с огнем, пытаясь зажечь вежу. Но защитники с шестами в руках, рискуя жизнью под стрелами врага, сбивали с бревенчатой стены огненные снаряды. В этот момент на стенах и валах града увидели, что тяжелая конница врага попала в засаду, напоровшись на засеки. Ворота вежи отворились, и пеший отряд русичей ринулся на врага в рукопашную, чтобы поддержать тех, кто дрался у засек. Вой, крики, предсмертные стенания огласили предградье, Словенское поле и окрестности Изборска. Общая схватка длилась где-то около часа. Кнехты и чудь в очередном соступе смогли смять меньших числом изборцев, дравшихся у рва, вала и ворот и на их плечах ворваться в град. Но конница и кнехты врага, попавшие в засаду, понесли сильнейший урон. У засек, в предградье и у валов града легло в тот день около тысячи нападавших. Князь Ярослав и его окружение попали в плен к изборцам. Предводитель орденских немцев Даниил Венденский был убит в жестокой схватке у засек. С ним пало до двухсот немецких воинов. Разгромленные в очередной раз

новгородские боярские дружины во главе с Борисовичами, отряды эстов и орденских немцев заперлись в захваченном Изборске.

* * *

Князь Александр возвращался в окружении своих людей из Новгорода на Городище. Был теплый августовский день. Они проезжали по пыльной дороге мимо Спас-Нередицкого монастыря, возвышавшегося на горке. Там после долгой монашеской службы и причастия торжественно звонили, ударяя в било. Зелень окрестных рощ словно уже опалило пожаром увядания и желтизны. Чувствовалось неумолимое и какое-то щемящее приближение осени. Недавно еще служили на Преображение Господне, а сейчас дело шло к Успению. Тревожные вести из Тесова, Изборска и Пскова уже третий день волновали новгородцев. В эту субботу князь Александр стоял литургию в Софийском соборе, но Елены и ее матери там не было. Видимо, правдой было то, что при нападении на Изборск, вместе с князем Ярославом-Переветником*, взятым в полон изборцами, были и Борисовичи со своими людьми. Изборские мужи уже приехали в Новгород и дожидались скорого приезда князя Ярослава Всеволодовича. Батюшка с полками был уже на подходе.

Однако мысли о Елене вновь отвлекли Александра. За последний месяц они часто и не только по субботам встречались на церковных службах в соборном храме Святой Софии, раскланивались и обменивались взглядами, а то и несколькими словами. И от этого желание видеть ее лишь возрастало. Слава Богу, уже почти оправился от ран и встал на ноги Ратмир. Послал Господь доброго воина и верного друга, готового жизнь отдать за него — князя Александра. Вспомнилось все, что произошло еще в июне на волчьей охоте. По слухам, люди тиуна Якима увезли тогда сраженного Ратмиром рыжеволосого тиуного сыновца куда-то за Липну. Был ли тот жив или был повержен насмерть, оставалось не-

известно. Во всяком случае, слухи быстро улеглись, а Александр и не расспрашивал о судьбе обидчика его покойного брата никого. Мысли князя вновь возвратились к желанному образу. Перед его внутренним взором воскресли тонкие и благородные черты ее лица, озаренного огоньком зажженной в храме свечи, и сердце его тонко и болезненно защемило. Он прочитал про себя просительную молитву, обратившись к Богу с просьбой увидеть ее. Затем подумал, как надо все оговорить с Ратмиром.

* * *

На следующий день вечером молодой князь и его верный меченоша уже скакали к перевозу через Волхов, что напротив Юрьева монастыря. Ратмир, побывав у тетки на владычном подворье еще вчера, тайно передал Елене, что князь Александр хочет видеть ее. Та, сказала матушке, что желает поехать в Юрьев монастырь к могиле покойного отца и помолиться о его упокоении, прекращении вражды и умягчении злых сердец.

Тетка была рада видеть сыновца живым и здоровым. Слух о том, что он был ранен, отстаивая какое-то княжеское дело, был ей по сердцу. Сама она происходила из рода, где доброжелательно относились к новгородским князьям. Но в замужестве за Симеоном Борисовичем, да и во вдовстве считала правым делом держать сторону покойного мужа и его родни. Сердце ее томилось и замирало, когда она вспоминала о сыновьях Павле и Константине, ушедших уже более двух лет назад вместе с дядьями Михаилом и Иваном Борисовичами сначала к черниговским князьям, а потом к немцам в Медвежью Голову. Только она с дочерьми и несколькими верными слугами оставалась здесь, в Новгороде, и была вынуждена сносить обиды, терпеть лишения, как-то вести хозяйство в пригородных сельцах и весях да молиться у гроба убиенного мужа. Время пришло неспокойное и недоброе для всего рода Борисовичей, прославившихся теперь не только враждой с

князем Ярославом, но и своим участием в захвате с орденскими немцами и чудью псковских пригородов — Тесова и Изборска. Оттуда в Новгород уже явились псковские мужи, видевшие Борисову чадь, их дворян и паробков в сече под Изборском. Да и плененный изборцами князь Ярослав не скрывал того, что в его полку были Борисовичи со своими воями. Все это расценивалось новгородцами как измена Великому Новгороду. Елена и ее матушка сами успели заметить, как холодно, а порой злобно их бывшие соседи и знакомые по Словенскому концу стали воспринимать их появление на улице вне подворья или в соборе Святой Софии во время богослужения. Только заступничество владыки Спиридона сдерживало страсти и грубые высказывания в их адрес.

Матушка Елены сначала и говорить боялась о просьбе дочери навестить могилу отца в Юрьевом монастыре. Но потом поразмыслила и дала согласие. Держать дочь на владычном подворье, под запретом, среди враждебно настроенных к ним людей, словно в осаде, ей не хотелось. Тем более ее племянник Ратмир доверенный человек из княжеского двора, обещал дочери достойное сопровождение и охрану. На том и сговорились. Елена собралась быстро. Ратмира проводил ее с дворовой девушкой в монастырь, и та устроилась там для жилья на несколько дней.

Все это меченоша рассказал князю Александру, когда они подъехали к перевозу и уже в темноте ожидали там баркас. Лошадей отправили с одним из отроков обратно на Городище, велев ему ожидать их вновь у перевоза с лошадьми как станет светать. Через час они уже были на ошеем берегу Волхова и, стараясь быть незамеченными, пешими приблизились к стенам обители. Там Ратмир отвел князя Александра в одну из неказистых избенок, что стояла близ монастыря на краю небольшой слободки, просил его подождать, а сам ушел. Дверь мягко и с легким скрипом закрылась за Ратмиром. Половица скрипнула под ногой Александра. В небольшой

давно нетопленой избе было прохладно, пахло какими-то травами и сажей. Александр зажег свечу, взятую с собой в дорогу, и осмотрелся. Бревенчатые стены с развешенными пучками трав и корешков, чисто выметенный веником из стеблей полыни пол, выскобленный стол встречали его. В десном углу от огонька зажженной свечи тускло засияли образа. Князь подошел ближе и перекрестился. Перед ним были иконы Богородицы Одигитрии и Преображения Господня. Оборотившись и освещая свечой пространство вокруг себя, он увидел печь, занимавшую почти треть избы, лавки, расставленные у стола и вдоль стен, полки с глиняными крынками и горшками, деревянное ведро с водой и все то, что составляло мирный, трудовой быт небогатого посадского мастерового. Где-то в бревенчатой кладке избы или у печи тонко пел сверчок. Обстановка, запахи и звуки успокаивали Александра. Он поставил свечу на стол и закрепил ее в небольшой глиняной чаше. В груди гулко и властно билось молодое, волновавшееся сердце, удары которого князь, казалось, слышал. Всей своей душой он ждал ее, хотел увидеться и в то же время не верил сам себе. Не верил в то, что он может оказаться с ней наедине здесь — в этом убогонькой избе на окраине монастырской слободки в нескольких верстах от Новгорода Великого.

Так, в полной тишине, князь прождал около четверти часа. Наконец дверь тихонько скрипнула. И в горницу, словно тень, тихо вошла она. Александр сразу узнал ее, хотя голова, плечи и руки ее были скрыты большим платком. Только тонкий профиль лика увидел князь в свете свечи, когда она повернулась к образам. После крестного знамения Елена поклонилась ему, сохраняя молчание. Князь с замиранием сердца ответствовал тем же, а затем шагнул к ней. Вновь скрипнула дверь и половица под ногой вошедшего, и Александр увидел Ратмира. Александр заметил, что тот улыбнулся одними губами и поклонился ему. Дланью десной руки князь

подозвал к себе меченошу. Шепотом они быстро обговорили все и решили что, Ратмир оставит князя часа на три с Еленой наедине. Более было нельзя, поскольку в монастыре могли хватиться ее и начать искать. Правда, Ратмир предупредил дворовую девушку своей сестры, чтобы в случае какого-то сполоха та оповестила его. С этим меченоша оставил князя Александра и Елену.

Наступила тишина. В избе по-прежнему тонко пел сверчок. Сердце Александра застучало с удвоенной силой. Он тихо подошел к Елене, нежно охватил рукой ее плечи и усадил на лавку. Она не сопротивлялась. Стал спрашивать, о чем она печалится, и с трепетом взял ее десную длань в свои длани. Нежно сжимая ее теплые персты и запястье, Александр чувствовал, как бьется ее пульс. Она не отнимала руки и ответствовала, что печалится из-за беды, произошедшей в Тесове и Изборске, и тревожится о своих братьях, ушедших с дядьями в Чудскую землю к немцам. Помолчав немного, добавила, что сегодня часа два молилась у гроба покойного батюшки. Молилась и мыслила, что тот рано оставил этот мир и осиротил их, что теперь нет у них заступника, что отныне в Новгороде смотрят на них с враждой и ненавистью. Может быть, придется им с матушкой и сестрами оставить родной город и бежать куда глаза глядят. В голосе возлюбленной князь почувствовал слезы и еще крепче обхватил ее плечи рукой. Дланью своей почувствовал ее тонкое и трепетное тело. В этот момент в нем вдруг проснулся муж, и он отчетливо осознал, что отныне она в его власти и что желание владеть ею никогда не оставит его. Легко смахнув с ее головы платок и приблизив свои уста к ушку Елены, он стал шепотом успокаивать ее. Она тихонько плакала. Горячие слезы катились по щекам. Между тем губы его сами незаметно стали целовать ее маленькое душистое ухо. Он шептал ей, что не оставит ее и будет ей заступником, шептал, что любит ее и не отдаст никому. Услыхав это, она повернулась к нему лицом, и глаза

их встретились. Через мгновение губы их слились в поцелуе и Вселенная словно прекратила свой ход.

Сладость долгого поцелуя разожгла Александра. Он сам не помнил, как скинул с ее плеч платок и почти разорвал рубаху на ней, обнажая небольшую, но упругую девичью грудь. Елена слабо сопротивлялась, и движенья ее дланей скорее напоминали ласковые поглаживания его ланит и волос, чем попытки защитить себя от его лобзаний. Он же в исступлении сосал ее грудь и, вдыхая, пил в упоении аромат ее девичьего тела. Как показалось им обоим, с первого поцелуя прошло всего несколько мгновений, на самом же деле прошло более часа времени. Когда же Александр, разжигаемый страстью, стал охватывать и ласкать ее чресла, поднимая край ее сарафана, и целуя ее обнаженные колени, что-то словно просветлело в голове у Елены. Она быстро стала приходить в себя и с испугом стала шептать ему:

— Несть, несть, княже! Пожди!

Эти слова охладили пыл юноши. Длани Елены легли ему на руки, не давая ласкать себя. Александр тряхнул головой, словно просыпаясь от какого-то чудесного и затяжного сна. Затем сел на лавке, распрямляя затекшую спину. Она поднялась, обняла его руками за плечи и шею, стала целовать его чело. Он же, успокаиваясь, прильнул десной ланитой к ее обнаженным персям, уже не целуя их. Руки Елены стали скользить по маковке его головы, и вискам, словно она ласкала и успокаивала расшалившееся дитя. Сердце в груди князя стало биться ровнее. Он обвил руками ее стан, поднял глаза, вглядываясь ей в лицо, и одними губами шепотом вопросил:

— Колико ждати?

Помедлив, она ответствовала:

— Не надолзе. Дондеже, яко приидет новая беда.

* * *

Князь Ярослав Всеволодович торжественно и грозно восседал на княжеском столе в большой палате рубленого

терема, что на Ярославовом дворище в Новгороде. Его окружала большая свита из ближних бояр, людей княжеского двора и именитых новгородских мужей. Немного поодаль на столе восседал новгородский владыка Спиридон в окружении клира Святой Софии и ближних слуг. Молодой новгородский князь Александр стоял, как и все мужи, окружавшие отца, но был рядом и одесную его. Два его младших брата Андрей и Михаил стояли рядом с ним. Принимали изборское и псковское посольства. Александр часто посматривал на отца, хмурившего брови, и чувство уважения и страха перед ним охватывали молодого князя. Ярослав Всеволодович сильно и заметно постарел за этот год. Смерть старшего сына Феодора тяжелым бременем легла на плечи и слегка сгорбила князя. Русые волосы бороды уверенно и ярко тронула седина. Ясные и большие голубые глаза потускнели, и паутинка морщин легла возле уголков глаз. Разросшиеся темные брови сошлись у переносицы. Светлые волосы стали все заметнее оставлять чело, и высокий лоб князя венчали большие залысины. Длинные усы подковой легли возле уст, уголки которых горестно опустились вниз. Кончик длинного прямого носа слегка заострился и обвис. Александр заметил про себя, что с годами батюшка, верно, все более и более начинал походить на покойного деда Всеволода и его греческую родню.

Собравшимся предстояло обсудить то, без чего жизнь Новгорода Великого и его «младшего брата» Пскова теперь зашла в тупик. Псковские и изборские посылы стояли перед князем и новгородцами тесной кучей и обнажив головы. Страсти сдерживали и те, и другие. Присутствие владыки также способствовало этому. Разговор шел строгий и ответственный. Первым делом предстояло решить, что делать с полоненным князем Ярославом. Молодой русоволосый князь Ярослав Владимирович стоял среди изборских мужей, опустив голову вниз. Поверх его синего кафтана был надет большой наперстный латинский крест. Александр заметил, что отец и владыка

Спиридон внимательно разглядывали полоненного князя. И если на лице отца было выражение пренебрежения, то лик владыки выражал чувство негодования. Между тем Ярослав Всеволодович, разглядывая князя-переветника, вспоминал о том чудском походе, что был предпринят его старшим братом Юрием и им десять лет назад. Тогда он бок о бок дрался против орденских немцев вместе с псковским князем Владимиром — отцом полоненного Ярослава. Как же так случилось, что покойный Владимир отдал свою дочь за знатного немецкого князя, а сын его переметнулся на сторону немцев и стал служить им? Опытный переславский князь неплохо знал немцев и чудь, их обычаи, образ жизни, их веру. Было и в его жизни время, когда он очень близко смог выспросить о них все, что хотел и даже испытал сильные чувства к полонянке, происходившей из немецкого Заморья. Но все же изменить ходу событий, порядку вещей, установленных Богом, он не мог. Видимо не так все просто было у Владимира Псковского в свое время, если дети его приняли латинство. Да и многие псковские мужи, стремившиеся к полной самостоятельности и отделению от Великого Новгорода, поддерживали Ярослава-переветника. Выгодная торговля с заморскими купцами, общение с латынянами были им милее и дороже родства и связи со «старшим братом» — Новгородом. Все эти мысли с трудом укладывались в голове Ярослава Всеволодовича. Он еще раз взглянул на полоненного князя, не поднимавшего головы, и в его душе шевельнулось чувство жалости. Псковские и изборские мужи, предъявив Ярославу Всеволодовичу и владыке вину переветника, ждали решения. Архиепископ Спиридон молчал. Ярослав Всеволодович молча и вопросительно взглянул владыке в глаза. Тот, понимая вопрос князя, встал со своего стола и благословил переславского князя решать, а затем сел. Недолго думая, Ярослав Всеволодович объявил всем, что забирает полоненного к себе в Переславль-Залесский, а там его судьбу будет уже решать великий князь Владимирский Юрий

Всеволодович. Собравшиеся в палате одобрительно загудели. Владыка степенно и медленно перекрестился, а переветника увели из княжеской палаты в поруб*.

Следом посольство подняло вопрос о выкупе Кириллы Синкинича и других тесовских мужей, женок и детей, уведенных в полон в Медвежью Голову. Немцы просили за полоняников слишком много — пятнадцать тысяч новгородских гривен. В случае невыплаты грозили продать полон в неволю за море. Выплатить эти деньги можно было только сообща: силами Пскова, Новгорода и пожертвованиями из княжеской казны. Решено было разделить сумму на три равных части. Одну часть должен был платить Псков, другую — Новгород, третью обещал собрать и заплатить князь Ярослав Всеволодович, хорошо понимавший, что придется просить часть денег у старшего брата Юрия. Но тут уже скупиться и тянуть время не приходилось. Вопрос нужно было решать как можно скорее. Судьба же града Тесова, взятого немцами и чудью, оставалась нерешенной.

Когда решили с выкупом русских полоняников, изборские посылы с беспокойством заговорили о судьбе Изборска. Их град, и Словенское поле с предградьем находились в руках захватчиков. Начиналась осень, могла быстро прийти ранняя зима. Видно было, что изборцам не хотелось встречать осень и зиму в бегах — в чужих избах где-нибудь во Пскове и в его пригородах — Порхове или Камно. Изборцы кланялись князю и новгородцам, просили помощи. Те же обещали собрать и отправить на выручку Изборска большой полк. Немного помедлив и что-то обговорив между собой, псковские мужи тоже обещали помочь изборцам. Переговоры между псковскими, изборскими послами, новгородскими мужами и князем все более приобретали характер общего военного совета. Всем становилось ясно, что отныне Орден и его подданные: ливь, летьголла и чудь с русскими переветниками не дадут покоя Псковской и Новгородской земле. И потому следовало заранее

подумать о том, как наладить совместную оборону русских градов и весей на западных рубежах. Вот тогда Ярослав Всеволодович и предложил заключить договор между псковичами, изборцами, новгородцами и князем о совместных действиях против орденских немцев в случае возникновения новой угрозы из Чудской земле. По сути, такой договор предполагал не оборонительные, а наступательные действия. Это предложение вызвало некоторое замешательство среди псковичей. Но изборские мужи дружно держали руку Ярослава Всеволодовича. Неторопливо обсудив между собой высказанное, поддержали князя новгородские мужи и владыка. Последними с трудом пришли к согласию псковские послы. Единственное, в чем оговорились, так в том, что дадут окончательное слово и подпишут грамоту лишь после решения псковского веча. С тем и разошлись восвояси.

Глава III

Светлая седмица

Уже в середине сентября псковско-изборский полк и большой полк, собранный из новгородцев и воев низовских земель, встретились за Камно, северо-западнее Пскова. Войска двигались скрытно и потому ни во Пскове, ни в других его пригородах о соединении войск никто ничего толком не знал. Стремительно, продвигаясь без остановки, уже к следующему утру русские полки подходили к Словенскому полю и Изборску. Тысяцкие и воеводы намеревались брать град изгоном. Сторожа, возвратившаяся из-под града, уже с рассветом донесла, что и предградье, и Словенское поле, и само Труворово городище пусты. Враг оставил Изборск не менее четырех-пяти часов назад. Русичи входили в город осторожно, боясь засады. Изборцы шли впереди и вели войска. Но опасения были напрасны. Немцев и чуди след простыл. Конечно, город был ограблен и разорен, местами в предградье выгорели избы и клети. Но видимо, августовские дожди остановили пожары. Радости изборцев, псковичей, да и новгородцев не было предела. Уже через день в округе стучали топоры, плотники рубили новые клети, ладили порушенное хозяйство, укрепляли воротные вежи града. Беженцы с окрестных псковских пригородов спешили в родное гнездо. Жизнь быстро возвращалась в Изборск. Русские войска оставались там еще около месяца и высылали далеко на запад сторожевые разъезды и дозоры.

* * *

Радостные вести из Псковской земли успокоили новгородцев и жизнь, казалось, наладилась и пошла своим чередом. Князь Ярослав Всеволодович вел переговоры с немцами из Медвежьей Головы и смог немного уменьшить сумму выкупа за полон. Главным козырем орденских немцев в этом вопросе были их ссылки на слова старейшин Медвежьей Головы о том, что земли, на которых был поставлен град Тесово, ранее принадлежали эстам. Никто толком по этому поводу из старожилов ничего сказать не мог. Ясно было одно, в этих землях давно жили русичи и народ сету. Сету уже много лет как приняли православие. Язык их и обычаи сильно отличалась от чудских. Земля чуди Унгавния с севера вклинивалась в землю сету, но никто четкого рубежа там не устанавливал. Спор о рубежах мог в те времена длиться бесконечно, поэтому княжеское посольство оставило его, и главной своей целью определило выкуп русского полона. Немцы смекнули и обещали русским сохранить полон в целости до выкупа. Теперь предстояло собрать деньги.

Ярослав Всеволодович уезжал в Переславль. Большая часть войск уходила вместе с ним зимовать по домам. В Новгороде Великом князь оставлял сводный полк, собранный из молодых или несемейных кметей и милостников. Нельзя было оставить псковские и новгородские рубежи без княжеской защиты. Князь обещал быстро собрать и выслать деньги на выкуп полона, сам же собирался возвратиться весной на Пасху.

Александр остался вновь один. Один из всего Большого Гнезда на княжеском столе Новгорода Великого. Часто тосковал он по матушке, батюшке, по младшим братьям. Он вновь стал много читать. Как-то под руку попались ему книги Святого Писания, которые чаще всего читал покойный Феодор. Александр открывал на заложенных братом местах, читал и не мог оторваться. С удивлением прочел он «Книгу Притчей Со-

ломоновых» и «Екклесиаста». Но более восхитила его «Книга Песни Песней Соломона». Теперь как никогда Александр вдруг понял старшего брата и постиг всю глубину его душевной трагедии. Все чаще с тоской вспоминал он покойного и тогда ехал к его гробу в Юрьев монастырь. Там часами пребывал он в молитве и в раздумье. Нравилась ему эта обитель, и ее окрестности с открытым видом на широкий Волхов, и на бескрайние, синеющие вдали воды Ильмень озера. Любуясь с монастырского холма безбрежными озерными далями, он вспоминал рассказы Бориса Творимирича, восстанавливал в памяти их с Феодором еще детские споры и мечты о дивном Цареграде, прекрасных и далеких греческих городах, что стояли на берегах теплых лазурных морей. Глубоко вдыхая запахи, доносимые ветром с озерных просторов, Александр с печалью и упоением смотрел на золотисто-багряные краски окрестных лесов, сияющих под не согревавшими уже лучами сентябрьского солнца, и думал или скорее чувствовал, что все, о чем рассказывал им Борис Творимирич, захватит его, определит и его жизнь.

Затем мысли молодого человека возвращались к более близким ему, душевным предметам. С болью и сладостью вспоминал он свою последнюю, тайную встречу здесь на окраине слободки со своей остудой. Вспоминал как сон, порой веря, а порой и не веря себе. Только улыбки Ратмира, при разговоре и расспросах о Елене убеждали князя в том, что все это был не сон. С Еленой виделись они теперь не часто — раз или два в месяц на литургиях в соборе. И хотя военная тревога, казалось, отступила и все вернулось на круги своя, Елена со своими сестрами и матушкой редко посещала Святую Софию. Но зато благодаря Ратмиру между Александром и Еленой началась переписка, и Елена предупреждала Александра, в какой день пойдет в храм. Этих дней молодой князь ждал с особым трепетом и все дела свои делал заранее или откладывал. Так продолжалось довольно долго.

Новгородцы были довольны молодым и умным князем. Он быстро и успешно решал сложные судебные тяжбы, часто ездил к владыке Спиридону и советовался с ним о новгородских делах. А это еще более возвышало его в глазах людей. Правда, приходилось порой поступать в ущерб своей и батюшкиной власти, но Александр понимал, что при крайнем стечении обстоятельств он все равно возьмет свое. Чтобы не забыть ратного учения и развеять душевную тоску, он чаще устраивал с Ратмиром, друзьями-новгородцами и близкими ему переславскими гридями ратные игры. В конном строю, в доспехах, они бились копьями без наконечников, секлись мечами и саблями, пускали стрелы на скаку, а старый дядька Феодор Данилович, оставшийся с Александром в Новгороде, следил за ними и поучал их. Эти игры устраивались недалеко от Городища, за мостом, на другом берегу Волховца. Слух об этом прошел в городе. Постепенно к месту игрищ стала стекаться, смотреть, а потом и участвовать в них новгородская молодь. Уже к зиме около трехсот молодых новгородцев принимали участие в ратном учении с князем. Тогда Александр понял, что новгородский конный полк заметно вырастет числом.

* * *

В этих заботах пробежали осень и зима. Князь Ярослав Всеволодович прислал выкупные деньги из Переславля. Пришел новый 6742 год от Сотворения мира (1234 г. по Р. Х.). В начале Великого говения псковичи заплатили выкуп за полоняников и освободили Кириллу Синкинича с тесовскими людьми. Затем весна прочно вошла в свои права. Уже в конце марта новгородский тысяцкий дал знать, что немецкие торговые люди закрывают свои лавки и оставляют Новгород Великий. Все это встревожило князя. По городу поползли недобрые слухи. Пост подходил к концу, близился праздник Входа Господня в Иерусалим и до Пасхи, которую готовились встречать 23 апреля, оставалось десять дней. Александр ждал батюшку из Переславля. Вот тогда и пришла тревожная весть

из Пскова, что в Медвежьей Голове (Оденпе) и Юрьеве (Дерпте) собираются большие немецкие рати, готовые выступить в поход на Русь. Немедля князь Александр послал гонца с известием к Ярославу Всеволодовичу. Сам же объявил о сборе новгородского полка. Медлить было нельзя. Новгород загудел как растревоженный улей. Городские кузницы работали день и ночь. Ковали секиры, наконечники копий, стрел, подковы, кольчуги, делали шеломы. Почти так же работали мастеровые, производившие луки, стрелы и самострелы, щиты и копья. Заказов было хоть отбавляй. Александр собрал сводный полк низовских воев и устроил смотр близ Городища на месте ратных игр. Под княжеское знамя встало около девятисот комонных. Но для того, чтобы отбить серьезное нападение у рубежей Новгородской земли, этого явно было недостаточно. По словам дядьки Феодора Даниловича, для хорошей схватки новгородцы должны были выставить не менее полутора тысяч верховых воев. Поэтому, несмотря на преклонные лета, он сел в седло и целые дни проводил вместе с князем или новгородским тысяцким. Объезжал по велению Александра новгородские концы, встречался с кончанскими и уличанскими старостами, отправлял посылов в ближние и дальние пригороды, встречал их, выругивал, если что-то не ладилось. Затем отправлял снова. В Чистый Четверг на правом берегу Волховца под новгородские хоругви наконец собрался новгородский полк. Новгородцы выставили две тысячи воев, правда, половина их была пешей. Но это уже утешало. Князь Александр велел собирать по городу и готовить возы, телеги, собирать, скупать и свозить из окрестных сел и весей хлеб и припас для похода. В этой тревоге и сборах пришла Пасха.

В соборе Святой Софии служили как-то особенно торжественно, строго и мелодично. Владыка с трогательными нотками в голосе вел службу и как на родных чад со слезами на глазах смотрел на свою паству. Слезы эти заметил Александр, и слеза навернулась ему на глаза. Уже после пасхальной

заутрени, когда князь стал христосоваться с окружавшими его новгородцами, к нему тихо подошел Судимир и прошептал на ухо, что прискакал вестоноша. Батюшка Ярослав Всеволодович спешил на помощь Александру со своим полком и был в трех переходах от Новгорода Великого. Эта весть как молния ударила молодого князя. Он вспыхнул ликом, поблагодарил Судимира и велел ему позаботиться о вестоноше. Все эти дни он находился в каком-то безумном напряжении, плохо спал, мало ел. Что-то болезненно напрягалось внутри его, сжималось, как пружина, и казалось, готово было лопнуть, оборваться. Оно росло как снежный ком, давило как камень на раменах. В недоумении молодой князь молился Богу и искал ответа, но ответа не было. И вот теперь, обозрев все вокруг, князь вдруг понял, что ищет глазами ее. Ошую центрального нефа, у третьего по счету столпа от солеи, на литургиях всегда стояла она с сестрами и матушкой. Но там теперь ее не было, а стояли другие женщины. Сердце словно оборвалось в груди у Александра. Перстами десницы, дрогнувшими от волнения, он сотворил крестное знамение и тронул за плечо Ратмира, молчаливо стоявшего рядом. Одними глазами без слов спросил он меченошу, что случилось, и глазами же указал на то место, где должна была стоять она. Ратмир с печалью во взгляде придвинулся к Александру, поцеловался с ним троекратно, и тихо на ухо сообщил, что сам недавно узнал. Его тетка, пугаясь слухов и того переполоха, что царил в Новгороде, опасаясь ненависти новгородцев, еще три дня назад отправила своих дочерей с несколькими дворовыми в сельцо покойного мужа, куда-то в Лужскую сотню. Тетка Ратмира заперлась в отведенных ей покоях, а сейчас тихо молилась во владычном храме. Елена же не успела вовремя передать Ратмиру свое письмецо, и вот только сейчас меченоша протягивал князю небольшой берестяной свиток. От этих слов в голове у князя что-то зазвенело, ноги ослабели и готовы были подкоситься. Во рту стало приторно-сладко. Скрипнув

зубами, сглотнув слюну, князь напрягся всем телом, устоял на ногах и глубоко вдохнул всей грудью. Переведя дыхание, велел Ратмиру готовить четырех коней. А сам развернул свиток и прочел несколько слов, написанных ему. Елена просила у него прощения, что уезжает так неожиданно, объясняла, что сама толком не знала, куда ее увозят, просила разыскать ее и приехать к ней. Князь свернул бересту и убрал ее за пазуху кафтана. Вся дальнейшая служба прошла для Александра как во сне. Он отстоял ее до конца. На восклицание владыки:

— Христос Воскресе! —

Александр дрожью в голосе ответствовал:

— Воистину Воскресе!

Затем стремительно пошел из храма. Новгородцы расступались перед ним и почтительно кланялись, поздравляя с праздником. У врат главного портала стоял Феодор Данилович и внимательно смотрел на идущего вон князя. Он уже знал о подходе Ярослава Всеволодовича. Понимая, что нельзя просто так бросить все и скакать искать свою остуду, князь остановился на несколько мгновений и сказал дядьке, что срочно скачет в Лужскую сотню по ратным делам. Постарается быть обратно к приезду батюшки. Дядька с некоторым удивлением поднял глаза на Александра, но, не задавая вопросов, склонил голову, прося князя лишь об одном — поспешать. В соборе же все шло своим чередом. Новгородцы целовали напрестольный крест из рук архиепископа Спиридона, собирались разговляться.

Пришел в себя князь уже тогда, когда они с Ратмиром, державшим в поводу двух заседланных коней, миновали проем воротной вежи окольного острога, оставляя Прусскую улицу и, продуваемые весенним ветром, поскакали по дороге, ведущей в Лужскую сотню. Светало. Сытые, холеные кони, застоявшиеся в стойлах, резво пошли наметом и, разбрызгивая придорожные лужи и грязь, понесли молодых людей на запад от Новгорода.

* * *

На исходе суток пути лишь один раз остановились путники на короткий отдых в хорошей на вид, недавно срубленной избе в небольшом придорожном сельце. Светало. Начинался понедельник Светлой седмицы. Молодые парни и девушки еще гуляли где-то у околицы, пели песни, праздновали Пасху. От этого сельца до реки Луги оставалось около пятнадцати-двадцати верст. Александр, сойдя с коня и передавая повод хозяину двора, несколько минут еще крепился, но, войдя в избу и присев на лавку, прислонился спиной к стене и уснул. Хозяин, привыкший к проезжавшим и нередко останавливавшимся у него новгородцам, был услужлив, так как принял двух молодых людей за богатых новгородских купцов или бояр. Ратмир же расспросил хозяина, проезжал ли кто из Новгорода в сторону Быстреевского погоста или куда-то еще на запад, и получил утвердительный ответ. Хозяин поведал, что какая-то боярская семья с небольшим двором проезжала день назад куда-то в свое сельцо за рекой Лугой. После этого Ратмир ослабил пояс Александру и уложил его в одежде на перину, постеленную на широкую лавку у стены. Сам же, проверив оружие у пояса и не снимая снаряжения, лег на такую же постель на полу возле князя.

Через три с четвертью часа Александр проснулся и разбудил Ратмира. Было ясное весеннее утро. Хозяйка возилась у печи и предложила путникам поесть. Они отказались, но, расплачиваясь с хозяевами, Ратмир взял с собой в торока несколько свежеиспеченных калачей, и они ускакали по дороге на запад. Через час путники достигли тихой, неширокой, но полноводной реки Луги и переправились через нее на плоту, заплатив перевозчику. Тот подтвердил, что день назад переправлял четыре воза и боярский двор через реку. За рекой располагалась небольшая слободка. Там дорога расходилась в двух направлениях — на юго-запад и на север. Путники узнали, что небольшой боярский обоз день назад ушел на север.

Еще полдня рыскали они по окрестным дорогам, отыскивая след того обоза, и лишь к вечеру нашли сельцо покойного Симеона Борисовича.

Ратмир договорился с хозяином крайнего в сельце двора о том, что тот при условии хранить молчание за хорошую плату предоставит путникам для ночлега небольшую, недавно срубленную летнюю избу. Затем оставил Александра одного, а сам, растаяв в вечерних сумерках, стараясь быть незамеченным, пошел в сторону боярского двора. Минут через пятнадцать он возвратился довольный и улыбающийся. Он видел сестру. Та обещала прийти к Александру в сопровождении дворовой девушки где-нибудь через час, когда в доме все улягутся спать. После этих слов меченоша отпросился у князя поспать до прихода Елены. Князь одобрительно махнул головой и прилег на широкую лавку. На другой лавке у стены лег Ратмир. Вскоре по его ровному дыханию Александр понял, что усталый меченоша заснул молодецким сном. Но князю не спалось. Всем существом своим он чувствовал и осознавал, что сегодняшняя ночь будет для него необыкновенной. Смутно он понимал, что видимо, эта ночь оставит в его жизни незабываемый след и долгую память. Негромко где-то на улице посвистывал первый соловей. Князь встал с лавки и тихо вышел из избы на небольшое крылечко. За лесом в тусклых золотистых лучах света мерцала луна. Какое-то сказочное, божественное чувство испытывал князь Александр в ожидании встречи с возлюбленной. Дальний двухдневный путь верхом нисколько не утомил его. И сейчас ему не хотелось спать. Он улыбался сам себе и внимательно всматривался в сиреневую темноту, стараясь уловить какое-то движение или услышать чьи-то шаги. Но все было недвижимо. Лишь их лошади у коновязи, с хрустом терли зубами овес, изредка фыркали и били кованым копытом о земь. В селе там и тут негромко лаяли собаки, мычал скот, блеяли овцы. Так продолжалось более часа.

Александр все не уходил с крыльца. Глаза его привыкли к темноте. И он различил две женские фигуры, двигавшиеся саженях в тридцати по направлению к месту их ночлега. Он понял, что это идет Елена в сопровождении дворовой девушки. Князь перекрестился и вознес благодарственную молитву Господу. Головы и плечи приближавшихся были накрыты большими платками, и он не сразу понял, какая из двух Елена. Он негромко кашлянул, они тихо подошли и поклонились ему. Он склонил голову в ответ. Одна из девушек сделала шаг навстречу к нему, и он понял, что это его остуда. Взяв длань ее руки, он повел ее в дом. Рука Елены была трепетна и тепла. Другая девушка осталась на улице. Войдя в избу, князь разбудил Ратмира. Тот быстро пришел в себя от сна и вышел на улицу, чтобы проводить девушку в усадьбу, а затем устроиться неподалеку на сеновале, как было условлено.

Когда за меченошей закрылась дверь, Елена опустила руки на плечи Александра и припала к нему всем телом. Уста ее вымолвили нежно и томно:

— Возьми мя.

Слова ее всколыхнули сердце князя, наполнили его силой и уверенностью. Трепетная дрожь и волна тепла прошла по его телу от ног до головы и залила счастьем все естество. Она вся с этого момента принадлежала ему. Уста их надолго слились в поцелуе. Затем он, шепча ей нежные слова, лаская небольшие девичьи груди и бедра под рубахой, скинул ее платок на пол. Она не сопротивлялась. Он не торопился, ибо знал, что наступила их ночь, та, которую он ждал так давно. Развязывая поясок и снимая с нее рубаху, он нежно и страстно целовал ее стройную шею. Затем встал на колени перед ней и долго лобзал ее грудь, доводя этим девушку до исступления. Снял с нее исподнее и мягкие башмачки, целуя ее уже босые маленькие ступни и пальцы ног. Елена с трудом держалась на ногах от напряжения и разливавшегося

по всему ее телу томного блаженства. Дланями она почти бессильно опиралась на его плечи. И тогда он подхватил ее на руки и нежно опустил на лавку, крытую периной и светлым льняным покрывалом. Она лежала перед ним вся нагая, доступная и в то же время божественно прекрасная, девственная и чистая.

Александр не помнил, как разделся сам и оказался над ней. Он весь слился и соединился с этой девой, ставшей ему теперь такой родной. Неизведанное им ранее чувство близости с женщиной смутило и поразило его. Он всегда думал и ждал, что это чувство невероятной остроты и силы страсти. Но тогда в первый раз он ощутил удивительное томление, негу, владычество великой, извечной силы естества и природы человека. Безграничная сила материнства и рождения была явлена ему в его возлюбленной. Это покоряло, пленяло все его существо. Потому его движения были осторожны и нежны. Но, становясь мужем, он все же господствовал над ее естеством

Они не знали, сколько прошло времени. Ласковая, теплая и нежная весенняя ночь в сознании Александра уподоблялась нежной и теплой девичьей коже, отливавшей матовым светом в темноте ночи. Их поцелуи, взаимные ласки и движения казались бесконечными. Лишь ближе к рассвету, когда пропел где-то далеко первый петух, Елена вдруг напряглась всем телом, выгнула стан и застонала. Александр понял, что произошло, и стал шептать ей нежные слова. Вскоре боль утихла, и она пришла в себя. Ласки их продолжались. Теперь Елена отдалась страсти. Ее персты терзали его. Ее тело охватывало и пленяло, и, наконец, он почувствовал, что не может более сдерживать накала страсти, неги и разразился воплем. Волна экстаза, прошла и разливалась по всему его естеству...

Светало. Уже на разные голоса пели петухи. Защебетали птицы в окрестных лесах и рощах. А на широкой лавке в

небольшой новой избе на краю сельца всего лишь на полчаса забылись глубоким сном нагие девушка и юноша. Их не могли разбудить ни просыпавшиеся мухи, бившиеся у оконца, затянутого бычьим пузырем, ни щебетавшие птицы, ни кони, почувствовавшие восход и изредка ржавшие у коновязи. Тем временем на сеновале проснулся Ратмир, зевнул, потянулся всем телом, встал на ноги, отряхнул с одежды клоки сена и пошел будить молодого князя.

Глава IV

В Оденпе и под Дерптом

Город Оденпе чем-то напомнил Неле русские пригороды Новгорода Великого: Русу, Великие Луки, Ладогу некогда виданные ею. Ей уже давно хотелось приехать сюда. Она слышала от купцов, что в Оденпе много русских, бежавших из Новгорода и Пскова от короля Ярослава Новгородского. Странными казались ей и Анхен речи их соплеменников о свирепости русских и жестокости их правителей. Но они предпочитали не вступать в споры и мало что рассказывали окружавшим о десяти годах своей жизни в русском плену. Самой большой радостью для сестер было известие о том, что их отец рыцарь Пауль Ульрих фон Горст жив, здоров и давно разыскивает их. Правда, он был ранен десять лет назад, когда его дочери попали в плен. Но все эти годы он не оставлял надежды на их возвращение, копил деньги для выкупа, узнавал через купцов, где могут находиться пленные, уведенные в Руссию. Купец Иоахим Бор сильно помог ему в этом. Потому фон Горст обещал выдать за его сына свою старшую дочь Анхен.

Встреча с отцом была радостной и трогательной. Они вновь были вместе, но уже в своем небольшом домике, купленным фон Горстом в Риге. Отец вскоре после возвращения объявил дочери о ее помолвке и та не выражая ни особого желания, но и не сопротивляясь, исполнила волю отца. Вскоре молодых

обвенчали в Домском соборе, и Анхен осталась жить с мужем в Риге. Первое время Неле часто бывала и гостила у сестры. Отец по-прежнему разъезжал с торговым обозом по дорогам Ливонии. Но вскоре в Ригу из Любека приплыл на торговом корабле молодой и красивый брауншвейгский рыцарь Иоганн фон Берг. Он приходился дальним родственником фон Горстам. Отец пригласил Иоганна к себе в дом и познакомил с ним Неле. Молодые люди сразу понравились друг другу. Вскоре состоялась еще одна помолвка. Но Неле не торопилась с замужеством, в душе ее еще не отгорел пожар прежних чувств. Правда, она была всегда рядом со своим женихом. Тот не хотел долго засиживаться в Риге. Он жаждал славы и подвигов. Ему надо было показать себя на поле брани. Лучшими местами для этого в землях Ордена были города Дерпт и Оденпе. Иоганн много расспрашивал Неле о русских и с трудом верил ей, когда она что-то рассказывала рыцарю. Но более всего изумляли его ее рассказы о том, что русские — христиане, и о том, что у них также множество каменных соборов, как где-нибудь в Саксонии, Тюрингии или Фрисландии. Когда Иоганн спросил, куда бы хотела поехать с ним Неле, в Дерпт или в Оденпе, та, не задумываясь, выбрала последнее.

Оденпе встречал приезжавших сиянием окрестных высот, поросших сосновыми лесами, блеском голубых озер, широко развернувшимся строительством оборонительных стен и башен, бряцанием доспехов и оружия, шумом рынка, где вперемешку звучали немецкая брань, эстонская ругань и русский мат. В ту эпоху Оденпе был большим поселением, образовавшимся у подножия огромного холма, увенчанного замком. Замок еще строился в камне. Верха его были деревянными и покрыты строительными лесами. Внутри замковой цитадели одновременно строился небольшой каменный романский собор. Вокруг замка располагались три пригорода, образованные немецкими колонистами, эстами и русскими. Там же был устроен и большой рынок. Все пригороды с

рынком были обнесены снаружи валом, рвом и невысокой бревенчатой стеной с несколькими воротами, устроенными в проездных башнях.

Действительно в Оденпе было несколько тысяч русских, и те заняли немалую часть пригорода, отстроив там свои рубленые дома и деревянный храм. Кроме новгородцев, бежавших от власти князя, здесь встречались псковичи, приехавшие по торговым делам. Правителем города считался князь Ярослав Владимирович, недавно попавший к русским в плен у Изборска. Но одновременно городом управляли фогт* и конвент в составе двенадцати рыцарей, представлявшие интересы Ордена. Теперь фогт и дерптский епископ Герман вели переговоры с Новгородом о выкупе Ярослава. Однако орденские власти считали, что переговоры эти вряд ли завершатся удачно, и готовились напомнить Новгороду о своих ратных силах. Поэтому пригород и замок день ото дня наполнялись воинским людом, стекавшимся не только с разных концов Ливонии, Эстонии, но также добиравшимся сюда с западных берегов Балтики и с берегов Северного моря. Рыцарь Иоганн фон Берг с невестой, оруженосцем и тремя слугами поселились недалеко от рынка, сняв за хорошую плату половину большого деревянного дома, хозяином которого был немецкий купец, покупавший воск у новгородцев и псковичей и торговавший им в Риге.

Неле давно тянуло поговорить с кем-то из русских и узнать что-нибудь о Новгороде, Городище, о молодых новгородских князьях. Поэтому она позвала жениха проводить ее на рынок, как бы для покупок к свадьбе. Тот охотно согласился. Девушка долго ходила между рядами с сукном, бархатом, парчой, атласом и другими тканями, пока не услышала знакомую речь. Сердце ее дрогнуло. Она подошла к товару, словно выбирая что-то, и краем глаза рассмотрела двух русских мужей, оживленно говоривших о чем-то. Неле прислушалась. Речь шла о каком-то боярине Кирилле Синкиниче, выкупленном вместе

с тесовскими людьми из полона. Оказывается, эти люди были пленены рыцарями и эстами во время взятия русского города Тесова. Князь же Ярослав Всеволодович прислал во Псков большой выкуп и русских пленников возвратили восвояси. Не удержавшись, Неле спросила по-русски, когда это случилось. Один из говоривших мужей с удивлением взглянул на нее. С некоторой осторожностью он осмотрел молодую женщину, одетую в немецкое платье и, выдавая своей речью псковича, ответствовал, что выкупили немногим более месяца назад. Иоганн, стоявший рядом, заинтересовался, о чем это его невеста заговорила с русскими. Та перевела и этим удивила жениха, услышавшего в очередной раз от своей невесты о щедрости и благородстве русского короля Ярослава. Псковичи продолжили разговор, с любопытством и осторожностью посматривая на Неле и молодого рыцаря, сопровождавшего ее. Что-то в их разговоре, наверное, было уже давно известно и произносилось вновь специально для нее. Порозовевшая ланитами девушка с тайным удовольствием слушала их речь. Они говорили о том, что новгородцы очень полюбили молодого князя Александра, правившего в Новгороде, что сам владыка в дружбе с молодым князем, что князь Ярослав Всеволодович обещал быть в Новгороде на Пасху. Заговорили о ценах на новгородском торгу и о многом другом. С затаенным дыханием Неле пыталась услышать желанное имя. В тайне она хотела узнать, счастлив ли с молодой женой человек так горячо любимый ею. Но имя его так и не было произнесено. Тогда, набравшись смелости, она вновь вмешалась в разговор псковичей и спросила, почему они говорят лишь об одном молодом новгородском князе, а не о двух. Тогда один из русичей с удивлением поднял глаза на девушку и спросил, давно ли та была в Новгороде. Неле отвечала, что скоро год тому. То, что произнес в ответ русский с какой-то печалью в голосе, не сразу дошло до ее сознания. Сначала он перекрестился так, как крестятся православные, а потом сказал, что другой молодой

князь — Феодор отошел в мир иной почти год тому назад, удивив своей смертью весь Великий Новгород и осиротив княжескую семью. Тут ноги Неле ослабели. Кровь сошла с ее ланит. Не поверив сказанному, она еще раз с недоверием переспросила русича. Но тот, посерьезнев ликом, вторично положил на себя крестное знамение и подтвердил сказанное. Побелевшими устами, теряя сознание, она еще успела спросить, где похоронен Феодор. И уже падая в обморок, услышала как сквозь сон, что упокоен в монастыре у святого Георгия.

* * *

Четырехтысячное русское войско, собранное из полков переславского князя Ярослава Всеволодовича, полков и отрядов Великого Новгорода, подходило к реке Нарове близ северных берегов Чудского озера. Там за рекой, на западе, в солнечном мареве лежали пустынные зеленеющие леса и просторы еще не обжитой здесь Чудской земли. Стоял яркий и теплый полдень. Нигде на противоположном берегу реки не было видно ни конной немецкой сторожи, ни вооруженных пешцев, ни смердов с косами на лугах. Стояла полная, безмятежная тишина. Князь Ярослав Всеволодович, всматриваясь в заречные дали, думал о том, что скрытный и стремительный переход от Новгорода через земли Лужской сотни к рубежам Чудской земли явно удался. Благо, что войска провел его сын — молодой Новгородский князь Александр. С прибрежной высоты было хорошо видно, что дорога за рекой плавно уходила на юго-запад вдоль берегу озера. Плотники сшивали плоты на реке. С озерного правобережья и с верховьев реки к месту переправы подходили сотни лодок и насадов. Первые конные отряды уже грузились в подошедшие ранее суда. Те отваливали от правого берега реки, выгребая против течения на стремнину. Князь оборотился назад. С востока к реке, поднимая легкую пыль, подходили последние возы и телеги с пешим ополчением. Ярослав Всеволодович снял шапку, перекрестился и утер вспотевшее чело.

Князь Александр был рядом с отцом. Ярослав Всеволодович, Борис Творимирич, дядька Феодор Данилович, несколько новгородских бояр во главе со своим тысяцким — все были в седлах близ своего князя. Шел негромкий разговор о том, что до Юрьева (Дерпта) оставалось верст около ста. И пройти их нужно было еще быстрее, чем ранее, не более чем за два дневных перехода. Воеводы и тысяцкие должны были строго настрого наказать воям не отходить от своих полков, под страхом смерти им запрещалось распускать войска в зажитье. Даже в придорожных селах запрещалось грабить, разорять или, избави Боже, жечь что-нибудь. Через два дня русские войска должны были неожиданно подойти к Юрьеву. На противоположном берегу Наровы воям велели вздеть все доспехи и двигаться далее на запад во всеоружии.

* * *

Неле не могла прийти в себя несколько дней. Сразу же после возвращения с рынка ее уложили на постель. Она была почти в бессознательном состоянии. Ей прикладывали к вискам примочки с уксусом и вином, поили укрепляющими отварами трав. Когда, через день, она смогла осознанно отвечать на вопросы, то сказала, что ей хочется спать, и уснула. Уснула некрепким, полубредовым сном, шептала какие-то непонятные русские слова и призывала во сне к себе кого-то. У ее постели постоянно была девушка из прислуги, часами просиживал ее жених Иоганн, но Неле почти не общалась с ними. Произнесенные во сне, возможно, русские слова, оставляли окружающих в недоумении, заставляли задуматься о том, какие же известия, услышанные Неле на рынке, сыграли с ней такую злую шутку. Больная часто хотела пить, иногда просила вина, и после него крепко, но ненадолго засыпала. Следом странная болезнь вновь возвращалась. За все эти дни она ничего не ела.

Лишь через седмицу Неле пришла в себя. Она самостоятельно поднялась с постели. Посмотревшись в зеркало,

увидела, что сильно исхудала. Под большими голубыми глазами, проступили темно-синие тени. Нос заострился, у глаз появились тонкие лучи морщинок. Золотые волосы спутались и свалялись. Грудь опала. Персты рук утончились и слегка дрожали. В первый момент она даже не узнала саму себя. Отворотясь от зеркала и перекрестясь на Распятие, она села на постель, уткнулась лицом в длани и тихо, беспомощно заплакала. В ее сознании господствовала лишь одна мысль, ей не хотелось жить далее. Иоганн подошел к ней и пытался заговорить, но она просила оставить ее, и обиженный жених удалился из спальни.

Лишь очередная беда возвратила ее к жизни. Стояло солнечное и теплое утро конца мая. Но вдруг в утренней, безмятежной тишине раздался тревожный, сокрушавший покой, надежды и саму жизнь людей гул набатных колоколов. Проснувшаяся от этого гула Неле услышала, как залаяли дворовые псы, как заржали лошади, как по улице застучали кованые копыта коней, как что-то стали с тревогой и испугом кричать люди. В течении десяти минут город превратился в растревоженный улей. Смутное чувство тревоги родилось и у Неле в душе, но она не встала с постели. Шум в городе все нарастал. Через полчаса в спальню к девушке кто-то постучал и позвал ее тревожным голосом. Кажется, это был Иоганн. Она поднялась с постели, надела поверх голубой рубашки темно-синий сюрко, накрыла голову темным шапероном. Затем подошла к двери, отодвинула небольшой засов и открыла ее. У порога спальни стоял облитый кольчугой с тяжелым длинным мечом на поясе ее жених. Левой рукой, согнутой в локте, он держал круглый шелом с кольчужной бармицей. Голова была обнажена, кожаный капюшон-подшеломник облегал широкие плечи. Волнистые светлые волосы ниспадали к плечам. Взгляд его голубых глаз был наполнен любовью и тревогой. Неле опустила глаза, сразу поняв, что происходит. Он объявил ей, что уходит на войну, биться с

русскими, которых привел к Дорпату новгородский король Ярослав. Затем, помолчав минуту, добавил, что не знает, возвратится ли живым, да и вообще нужна ли ему жизнь, если возлюбленная холодна к нему. Поклонившись ей, он было сделал шаг назад, и уже хотел развернуться и пойти прочь, как вдруг Неле бросилась к нему на грудь и, зарыдав, просила простить ее. Вся в слезах она просила, умоляла его возвратиться живым, просила поберечь себя ради нее, потому что он нужен ей, потому что она совсем одинока на этом свете. Она рыдала, обнимая его плечи руками, обливала слезами кольчугу на его груди и уверяла, что ежечасно будет молить Господа Христа, Пресвятую Деву и святого Христофора о том, чтобы он остался жив. Она опустилась перед ним на колени, охватила его бедра, обтянутые кольчужными чулками, и просила возвратиться к ней. Он поднял ее с колен, обнял за плечи, поцеловал в уста и посмотрел ей в очи. Неле утерла глаза перстами и взглянула на Иоганна. В его голубых глазах стояли слезы.

* * *

Заревом пожаров залито было все левобережье Эмбаха. Запахом гари и дыма напоен был воздух. Вновь война сеяла смерть в Чудской земле. Вновь плакали женщины и дети, угоняемые в полон. Ворота городов, замков и факторий были затворены, мосты подняты, а на стенах и в башнях стояли на стороже одетые в доспехи, потные, мучимые солнечным жаром, готовые к нападению кнехты и лучники. Внутреннее пространство городов и замков было предельно заполнено народом, сбежавшимся из окрестных селений. Не хватало воды, продовольствия и теплый весенний воздух был уже смраден и тяжел для десятков тысяч людей и животных, дышавших и располагавшихся среди нагретых солнцем и плохо продуваемых ветром площадей, близ оборонительных стен, башен, домов, кирх, конюшен, пекарен, кузниц и гончарных мастерских.

Русские полки не успели дойти до Юрьева пятнадцати верст, как передовой дозор донес, что там уже знают о их приближении и город готов к обороне. Мост через Амовжу (Эмбах) был сожжен, а на противоположной стороне реки у града собирался большой сторожевой полк юрьевцев. По всему было видно, что кто-то предупредил немцев. Князь Ярослав остановил войска в десяти верстах от города и велел распустить «воя своя в зажитие воевать», т. е. разорять, грабить и жечь дальние и ближние окрестности Юрьева. Все делалось для того, чтобы щедро расплатиться с немцами и чудью за Тесово, Изборск и надолго отбить у них охоту к нападениям на рубежные русские земли. На третьи сутки стояния русских под Юрьевом дозоры принесли известия, что сторожевой отряд юрьевских немцев и чуди двинулся по правому берегу Амовжи к месту, где ниже по течению реки был брод. Туда же, по словам дозора, двигалось немецкое войско из Медвежьей Головы. Общая численность вражеской рати могла быть равной численности русских полков. Князь Ярослав велел воеводам и тысяцкому срочно возвратить всех воев из зажитья, и уже к вечеру выступил со своими полками на восток — к месту возможного «перелаза» немцев через Эмбах. К полуночи русские полки остановились в версте от берега реки. Было видно, как верстах в трех за рекой и ниже по ее течению, горели многочисленные костры немецкого войска.

В шатре Ярослава Всеволодовича уже за полночь собрался военный совет. Решали, как встречать утро. Часть воевод и новгородский тысяцкий предлагали подойти к броду и отбивать немцев от берега на «перелазе». Затем слово взял Борис Творимирич, который вместе с дядькой Феодором Даниловичем высказался против того. По их словам немецкий отряд из Медвежьей Головы, видимо еще не соединившийся с юрьевцами, мог во время боя перейти реку выше или ниже по течению и ударить русичам в плечо или спину. Князь

Александр впервые бывший на военном совете перед схваткой с затаенным дыханием слушал, что говорили старшие и опытные воеводы. Он устал, хотел спать, был голоден, но держался наравне с другими, стараясь казаться взрослее.

Выслушав всех, Ярослав Всеволодович наконец объявил свое решение. Войскам надлежало отдыхать, дожидаться рассвета и готовиться к брани, не сходя с места. С рассветом же пешему новгородскому ополчению велено было готовить плоты на реке. Делать это надлежало для того, чтобы отвлечь внимание немцев ложной угрозой переправы и нападения на Юрьев. Кроме того, это заставит юрьевцев поторопиться начать «перелаз» через брод, чтобы напасть первыми и, следовательно, не даст им времени совокупиться с подмогой из Медвежьей Головы.

Лишь только стало светать, в окрестных чудских весях и деревеньках застучали топоры, зазвенели пилы. Новгородские плотники взялись за секиры, лома и багры, круша и разнося уцелевшие от пожара постройки. Бревенчатые клети быстро разваливались под рукой умелых новгородцев. Бревна свозили, стаскивали, скатывали к реке и сшивали их в плоты. Немецкая сторожа на противоположном берегу Эмбаха сразу заметила это и дала знать предводителям юрьевской рати. Те решили не медлить и начать переход через реку. Как только солнце ярко осветило окрестности, немецкая конница «полезла» через брод. Вода здесь доставала конского седла, а местами было и глубже. На лодках к ошему берегу реки гребли кнехты и пешцы с луками, прикрывая рыцарскую конницу. Однако на противоположном берегу никто не встречал юрьевцев. Подмога из Медвежьей Головы была уже на подходе — верстах в пяти от брода. А выше по течению — верстах в двух от места переправы готовились к соступу русские полки.

Князь Александр находился рядом с батюшкой. Под ним был крепкогрудый серый жеребец, тревожно прядавший ушами и бивший правым передним копытом о землю. Одес-

ную княжеского окружения проходил на рысях переславский полк. Вои на скаку, закрывая дланями глаза от яркого солнца, всматривались в даль на юго-восток, крестились, приветствовали князей. Кто-то второпях надевал на голову, покрытую подшеломником, островерхий шелом и застегивал скрепу бармицы. Молодь готовила луки и стрелы. Опытные вои брались за копья, отстегивая ременные петли, которыми те крепились за спиной и у десного бедра. Поднимаемые вверх остриями сверкавшими на солнце, копья колыхались как камыш под ветром и клонились в сторону врага. Вои напряженно потягивали удила, привставали на стременах, поднимали на руки круглые щиты. То там, то здесь мелькала, свистела и щелкала хлестким ударом конская плеть, подгонявшая застоявшихся за ночь коней, и те шли резвее. Иногда слышалось крепкое матерное слово верхового. Кони тревожно ржали. Приглушенный травой и мягкой землей топот копыт будоражил сердца. Ветерок доносил до княжеского окружения крепкий запах свежего конского навоза и пота. Полк спускался с холма, заливая железным потоком прибрежную долину. Настроение общего напряжения и сосредоточенности передалось Александру. Молодой князь понял, что ему становится страшно. Переславцы, сойдя в долину, строились перед соступом. От них до юрьевских немцев, «перелезших» через реку, было не более версты.

Саженях в десяти ошую князя Ярослава и его ближних пошли быстрой рысью по спуску холма конные новгородские дружины, ведомые тысяцким Феодором Якуновичем. Оборотившись туда, молодой князь вдруг увидел знакомые ему лица новгородских воев. Совсем недалеко от него прорысил Збыслав Якунович со своими молодыми паробками, одетыми в кольчуги и шеломы. Десницей в кольчужной рукавице он приветственно махнул князю Александру. И тут сердце юноши дрогнуло. Он понял, что преодолеть страх он сможет только среди любимых и близких ему людей, с которыми

дружил и которыми правил уже не первый год. Он понял, что должен пойти вместе с ними в соступ и как их князь, вместе с ними, подвергнуть себя испытанию смертью.

Перекрестившись и трепеща от напряжения, юноша тронул коня и подъехал к батюшке. Недалеко от отца были его братья Андрей и Конста.

— Тату! Еси пусти мя с нувогородцы, — с жаром и мольбой промолвил Александр. Ярослав Всеволодович нахмурил очи. Взглянул вдаль на юрьевскую рать. Затем повернул чело в сторону дядьки Феодора и, указав на Александра, велел боярину быть неотступно рядом с ним. Андрей и Константин переглянулись, со страхом и уважением посмотрели на старшего брата. Тем временем Ярослав Всеволодович развернулся в сёдле в сторону старшего сына, молча подозвал его к себе ошеей рукой. Александр подъехал ближе к отцу и склонил главу. Сняв перстатую железную рукавицу с десницы, Ярослав Всеволодович благословил сына крестным знамением, прошептав одними лишь губами:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Сердце Александра взмыло ввысь от восторга, испуга и ожидания чего-то величественного и неизвестного. Развернувшись, он лихо хлестнул плетью, лишь слегка коснувшись ее концом конского бока, и пустил жеребца под гору в сторону уходившего новгородского полка. Ратмир и дядька неотступно следовали за ним бок о бок.

То, что происходило потом, запомнилось Александру лишь местами, но очень ярко и так, как будто бы это было давным-давно. Он помнил, что новгородцы, узнав и увидев князя в своих рядах, радостно приветствовали его криками. Затем тысяцкий и сотские стали быстро строить верховых, не жалея глоток и поливая замешкавшихся крутым матом. Многие смело и метко отвечали на бранное слово, поднимая этим громкий хохот. Александр за годы жизни в Новгороде привык к тому, но знал, что такого отношения княжеские воеводы и детские

никогда бы не потерпели в переславском или дмитровском полку. Среди прочих новгородцев молодой князь заметил людей со двора владыки Спиридона. Они держались строго, особняком, но подчинялись общему строю. Князь Александр, дядька Феодор Данилович и Ратмир оказались в третьем боковом ряду, одесную чела полка. Здесь было больше молоди, хотя встречались и вои старшего возраста. Опуская вздетые вверх копья, полк тронул коней, и те, все ускоряя ход, пошли наметом, унося всадников в неизвестность. Александр крепко держал лук и уже тянулся десной рукой к тулу со стрелами за спиной. Заметил, что Ратмир тоже накладывает стрелу на тетиву лука. Дядька Феодор Данилович уже почти опустил перед собой копье. Кони шли быстро, легко, но неровно.

По звуку рога стрелы пустили почти разом. Ответа не было. Прежде чем проскакали саженей двадцать, успели пустить еще по одной стреле. Александр слышал и чувствовал спиной, как стрелы воев, скакавших сзади, смертельным посвистом низко пропели над их шеломами. Через несколько мгновений юноша уловил с детства знакомый, но более сильный гул таранящих ударов копий о щиты и доспехи. Строй передних рядов полка сломался. Всадники передних рядов направили коней в стороны. Ржание, крики боли и ужаса оглушили молодого князя, несмотря на подшеломник и бармицы, закрывавшие уши и шею. Ему вновь стало страшно. Но ратная выучка, привитая с молодых ногтей, заставила интуитивно выдернуть копье, притороченное одесную задней луки седла и перехватить его, зажимая между боком и предплечьем. Почти через мгновение то же повторил и Ратмир. Новгородская молодь, скакавшая рядом, тем временем поворачивала и гнала своих коней на десное плечо полка. Жеребцы Александра и Ратмира взбрыкивали и вставали на задние ноги, но юноши крепко держали коней и гнали их вперед. Феодор Данилович пришпорил своего гнедого, обгоняя князя и, упираясь в стремена, как в ратном учении, слегка откинул стан назад

и опустил копье. Саженях в восьми от Александра словно вырос из-под земли могучий воин на сильном жеребце. Чело его было закрыто круглым шеломом с личиной. Поверх доспехов одета была длиннополая льняная рубаха без рукавов, на десном плече которой красовался большой и красивый крест. С ужасом Александр осознал, что это юрьевский немец-рыцарь. Тот целил окровавленным копьем прямо в князя. Тут среди общего шума громкий крик, раздавшийся рядом, ударил в уши... Феодор Данилович, рыча от ярости, обрушил тяжелый копейный удар в оший, закрытый щитом, бок немца. Рыцарь, отбив удар, поворачивал коня в сторону дядьки и, уже оставляя копье, тянул тяжелый меч из ножен.

Напрягаясь всем телом, сжимая древко оружия, Александр увидел впереди нескольких верховых в круглых шеломах-куяках, в таких же, одетых поверх кольчуг рубахах без рукавов. В руках их были копья и треугольные щиты. Они добивали двоих новгородцев из чела полка. Кто-то, в залитом кровью доспехе, попираемый копытами коней, катался по земле, пытаясь еще спасти свою жизнь. Князь интуитивно тронул своего жеребца туда. Краем глаза он видел, что Ратмир был рядом, ошую от него. Целясь копьем в скрепу бармицы у подбородка одного из юрьевских немцев, он с криком нанес удар. Но копье не достигло цели, отбитое железным щитом-таржем. Второй удар ему не дали нанести. Выбитое тяжелой секирой соседнего немецкого всадника, оно вылетело из рук князя. Александр увидел, что теперь над ним занесен длинный и тяжелый меч. Подхватив круглый щит и подняв его над головой двумя руками, молодой князь с трудом отразил страшный удар. Затем удары посыпались с боков и сверху еще и еще. Но щит пока хранил юношу, сердце которого поразили страх и ужас смерти.

И тут перед глазами Александра вдруг явился златокудрый воин в золоченых доспехах и серебристом, струящемся как крылья корзне. Князь узнал его. Он был похож на покойного

московского князя, дядю Владимира. Как сквозь сон вспомнил, что видел его в далеком детстве в Успенском соборе в праздник Рождества. Но теперь глаза златокудрого воина были широко открыты и, не мигая, смотрели в очи Александра. Зрачки остановились и в их глубине пылали божественный гнев и огонь. Протянув десницу князю, златокудрый вонзил огненную молонью в его десную длань у большого пальца и растаял…

Вскричав как от ожога, юноша увидел свирепые глаза врагов и швырнул в них изрубленный щит. Стряхивая кольчужную рукавицу с десной обожженной длани, вырвал тяжелый харалужный меч. Через мгновение, привстав на стременах, крутя над головой харалугом, он обрушил его на головы и плечи врагов. В сердце его не было уже и тени страха, но пылали, как ожог, тот божественный огонь и гнев, что он узрел в глазах златокудрого. Еще через мгновение один из немцев, сбитый копьем Ратмира, упал под кованые копыта коней. Другой, опешивший от ярости противника, хотел повернуть своего коня, но, истекая кровью, через посеченную князем кольчугу, припал к холке жеребца, а затем повис на стременах. В холодной ярости молодой князь обрушил удар на очередного врага. И тут харалуг князя обломился, ударившись о ребристый скат немецкого шелома. Верхняя часть клинка размером в пядь отлетела в сторону. Александр потянулся было уже за булавой, висевшей у десного бедра на паверзе, но тут вдруг увидел перед собой рукоять другого меча, поданного ему верным меченошей. Сжав зубы, в благодарном молчании принял меч. А одесную, круша тяжелой палицей шеломы, выи и плечи юрьевских немцев, в исступлении прорывался к ним дядька Феодор Данилович…

Князь Ярослав Всеволодович наблюдал за схваткой с прибрежного холма. Он видел, как переславцы и новгородцы смяли юрьевскую конницу и гнали ее к воде. Но ошее плечо низовских полков напоролось на лучников и кнехтов, выста-

вивших тяжелые копья. Там переславцам пришлось плохо. Тем временем через брод уже «лезли» немцы из Медвежьей Головы. Князь Ярослав велел немедля двинуть дмитровский и тверской полки на помощь воям, уже дравшимся с юрьевцами и бить немцев у «переалаза» через брод. Пешим новгородцам велено было быстро двигаться вдоль берега реки строем и на плотах, а затем ударить по врагу. Через четверть часа дмитровские и тверские кмети уже били из луков по юрьевским кнехтам и стрелкам, дравшимся у брода, и по немецкой коннице, переходившей реку. На берегу же, на версту выше брода, развернулась кровавая сеча. Половина эстов давно уже была перебита. Оставшиеся в живых, бросив оружие и срывая доспехи, переправлялись через реку, кто как мог. На песчаных отмелях, у кустов ивняка, в сухих зарослях осоки, стоя по колено или по пояс в воде, дерзко отбивались отброшенные к Эмбаху братья-рыцари, опытные воины и оруженосцы. Многие из них уже потеряли коней, но предпочли биться в пешем строю, чем бежать. Русичи гвоздили их сотнями стрел, рубили секирами и мечами, кололи копьями и сулицами, но немцы, укрываясь щитами от смертоносных ударов, упорно держались за кромку берега. И вот из-за поворота реки показались плоты с новгородским ополчением. Другая часть пеших новгородских воев быстро двигалась берегом. Придвинувшись почти вплотную, новгородцы пустили в рыцарей и эстов сотни стрел. Сопротивление оборонявшихся стало быстро ослабевать. Тем временем у брода разыгралась еще одна трагедия. Лишь немногие конные вои из Медвежьей Головы смогли достичь берега и вступить там с русичами в рукопашную схватку. Остальные были ранены или повернули коней…

Кони вынесли князя Александра, Ратмира и дядьку Феодора, как и многих других новгородцев, к реке немного выше брода. Здесь против русичей уже вперемежку дрались оденпские и дерптские воины. В этом месте река уходила

ошую и была большая песчаная отмель, а выше по течению стояли старые заросли осоки. Влажный светло-серый песок мешал быстро двигаться коням, утопавшим в нем по бабки. Александр видел, что многие немцы были еще верхом. Разгоряченные схваткой всадники, поднимая брызги, с ходу влетали в реку, загоняя коней по грудь в воду. Кто-то, склонясь на уровень седла, плескал себе водой в лицо, кто-то пытался сделать хоть несколько глотков. Тут многих ранили или побили стрелы. Русичи вслед за немцами направляли коней в реку и там, в воде, завязывалась новая схватка. Вот двое — переславский кметь и немец обломили клинки мечей и, выхватив ножи, сцепились, стремясь поразить противника в горло, закрытое бармицей. В смертельных объятиях оба обрушились из седел в воду, подняв столп брызг. Лошади с ржанием прянули в стороны. Вода забурлила и окрасилась кровью. Через несколько секунд обессиленный, жадно хватающий ртом воздух, немец поднялся из воды, стекавшей с него ручьями. Но русская стрела ударила его в бедро, и он вновь упал в воду.

Разгоряченный, взмыленный жеребец нес князя прямо в реку. Александру сильно хотелось пить, кровь стучала в висках, сердце бешено колотилось в груди, но он, не подпустил коня к воде, а резко осадил его. Жеребец напрягся всем телом, встал на задние ноги, захрапел и отступил назад. Князь заметил, что край его светлой рубахи, выпущенный из-под чешуйчатого панциря у ошеего бедра, багровеет от свежей крови. Он чувствовал боль в левом боку на уровне нижних ребер. Понимая, что ранен, все же кинул харалуг в ножны, вновь вырвал лук из налучья и приложил стрелу. Одесную его свистнула стрела, пущенная Ратмиром. Александр прицелился. Саженях в двенадцати от него кто по колено, кто по щиколотку в воде стояли семеро немецких воев в безрукавных рубахах с крестами. Они дружно и плотно держали щиты, поднятые на уровень груди и с мечами в руках, готовились

принять удар новгородцев. Князь пустил стрелу в одного из них в кольчужном капюшоне, чело которого не было закрыто личиной. Стрела пришла точно в цель — в десную сторону лика. Немец вскрикнул и откинулся навзничь, падая в воду. Следом поток стрел с берега накрыл и остальных. Били с малого расстояния и потому очень точно и сильно. Трое немцев, поймав коней за узду, всели в седла и, понукая их, поплыли к другому берегу. Из тех же, что оставались на месте, один, уронив щит, припал на ошее колено, держась рукой за раненую стрелой грудь. Другой — захрипел, повалился ничком в воду, ибо стрела вошла ему в горло. Третьему стрела рассекла ноговицу и вонзилась в икру десной ноги. Этот рыцарь развернулся и, что-то крича, пошел в воду. Из реки навстречу ему повернул один из плывших верхом воев. Он тянул в поводу второго коня. Раненый попытался поймать узду и лечь на седло. Это удалось ему, и он заставил жеребца плыть к противоположному берегу.

На песке и мелководье схватка продолжалась. Берег покрылся убитыми и ранеными. Сотни стрел торчали среди травы и песка. Светло-серый речной песок окрашивался кровью павших. Бурые от крови текли прибрежные воды. Юрьевские немцы все еще остервенело защищались. Один из них, призывая своих собратьев, громогласно что-то кричал, стоя у зарослей осоки и размахивая длинным мечом. Рядом с ним был, видимо, его меченоша, что крутил над головой стягом с красивым алым крестом. Другой его человек, державший окровавленную секиру в деснице, раз от раза трубил в рог. Несколько верховых немцев, выбравшихся из воды, съезжались к нему. Пешие юрьевцы стягивались туда же, образуя железное кольцо. И Александр понял, что все эти люди обрекли себя на смерть, раны и полон, но это уже не удивило его. К кучке оборонявшихся немцев и направил коня дядька Феодор Данилович. За ним последовали Ратмир и молодой князь. Но тут дядька развернулся в седле и, глядя в глаза Александру,

закричал, чтобы тот ради Христа не трогался с места. Князь внял просьбе своего наставника и остановил коня. Слабея от кровоточившей раны, он вложил лук в налучье, оставил седло, и, в изнеможении сойдя со стремени, сел на песок. Через минуту его стало трясти и травить, как во время тяжкой болезни. Он ничего не ел с утра. Но все равно спазмы рвоты выбрасывали из желудка какую-то полупрозрачную, желтоватую жидкость. Когда юношу стошнило в третий раз, ему стало легче. Александр распрямился и сел. Посмотрел на свои персты и длани. Они были в крови и тряслись…

По реке шли плоты с новгородскими воями, добивавшими чудь и немцев, не успевших перебраться на десный берег. Многие раненые, пытавшиеся спастись бегством за реку, тонули. Немецкая рать из Медвежьей Головы, разгромленная наполовину, частично бежала восвояси, частично отступила к Юрьеву и заперлась там с остатками юрьевских немцев. Русичи перебирались через реку кто вброд, а кто на плотах. Уже горели и разорялись новгородцами опустевшие окрестные деревни и веси на правом берегу Эмбаха. За рекой русская конница гнала и секла немецкую рать из Медвежьей Головы на протяжении десяти верст. Затем разорению и опустошению русскими войсками подверглись окрестности Оденпе.

* * *

Сражение, произошедшее на берегах Эмбаха весной 1234 г., стало началом важнейших перемен в судьбе Ордена. Победа русских войск под рукой князя Ярослава Всеволодовича и события, последовавших трех лет, остановили германско-латинскую экспансию на земли Северо-Западной Руси на шесть лет, привели Орден к глубокому политическому кризису и реорганизации.

Отдельные отечественные историки предполагают, что битва на Эмбахе близ Дерпта произошла в марте. Однако летописные свидетельства скорее противоречат этому, чем подтверждают данную точку зрения. Во-первых, переговоры

с немцами в Оденпе, выкуп Кирилла Синкинича и тесовских пленников по сообщениям Новгородской 4-й летописи продолжались «до великого говения», т. е. до Великого поста, который в том году начался 4—5 марта (Пасху встречали 23 апреля). Начинать военные действия сразу после переговоров, выкупа пленников и установления пусть ненадежного перемирия вряд ли входило в планы русских князей и новгородского правительства. Кроме того, для сбора войск необходимо было время. Одновременно было бы неразумным начинать поход в Чудскую землю в условиях приближавшейся весны и распутицы на дорогах. Слова же летописи о том, что «князь Ярослав с Новгородци биша их (немцев) до реце, на Омовыеже Немци обломишася, истопоша их много...» никоим образом не подтверждают, что на реке Эмбахе стоял мартовский лед. Стремление отдельных отечественных историков сравнить битву на Эмбахе с Ледовым побоищем и преподнести ее как некую репетицию грядущих событий выглядит достаточно тенденциозно. Скорее всего, события на Эмбахе произошли уже после Пасхи 1234 г., когда весна завершалась, когда подсохли дороги Северной Балтии и немецкая угроза русским рубежам вновь вполне определилась. В данных условиях поход князя Ярослава Всеволодовича в земли Ордена носил характер упреждающего удара. Слова же Новгородских летописей о том, что «на Омовыеже немци обломишася, истопоша их много...» в тех условиях означали, что сопротивление немецких войск было сломлено полностью лишь на берегу реки и на прибрежном мелководье, а далее последовали паническое бегство и избиение отступавших.

* * *

С того дня как войско ушло из Оденпе на помощь Дерпту, горожан не покидало нараставшее с каждым днем чувство тревоги и отчаяния. Город готовился к обороне. Ворота пригорода и замка были постоянно закрыты и открывались только по особому разрешению фогта. Так продолжалось

около недели. И вот ранним, пасмурным утром город огласили стоны, плач, крики радости. Неле еще спала, но сон ее был тревожен, как и у большинства горожан. Сквозь этот тонкий и нервный сон она услышала шум, топот копыт, бряцание оружия и доспехов. Сначала ей показалась, что на город напал враг, и горожане спешат к стенам, чтобы обороняться. Но потом она поняла, что множество людей двигаются не к стенам, а к замковому холму города. Вскочив с постели и накинув на себя верхнее платье, она выбежала из спальни, и быстро стала спускаться вниз по лестнице, чтобы выйти во двор. Отворив наружную дверь, она услышала тяжелый и тревожный гул набатных колоколов, несшийся с вершины холма из замка. Ее девушка-прислуга уже стояла на дворе. А мимо них по улице медленно и тяжело шла конница. И кони, и всадники были явно предельно утомлены. Многие воины, перевязанные грязным и еще сырым от крови тряпьем, ехали опустив головы долу. Некоторые еле держались в седле. Тягостное молчание царило среди возвращавшихся, изредка слышна была немецкая брань. Тихо и устало ржали кони. Население Оденпе, встречавшее войска, в суматохе толпилось у своих домов. Многие женщины или девушки подбегали к проезжавшим и что-то выспрашивали у них о своих близких. После ответа редко слышался радостный вскрик или благодарственная молитва, но все чаще слышались причитания, плачь, крики печали и ужаса. Кто-то падал на руки к родным уже без чувств. Гул набата и серые рассветные сумерки лишь подчеркивали трагизм происходившего. Неле сжалась в комок и с мольбой к Богу на устах всматривалась в группы потрепанных и израненных воинов, проезжавших мимо. Глазам своим не поверила, когда от остальных всадников отъехало двое и направило своих коней прямо к их дому. В сердце ее потеплело, и она словно растаяла, когда увидела, что один из подъезжавших верховых ее жених Иоганн. Не доехав до нее саженей пяти, он остановил коня и тяжело сошел с седла. Она

рванулась к нему, а он, прихрамывая на десную ногу, пошел ей навстречу. Через несколько секунд она обливала слезами радости и целовала его кольчугу на груди, а он сильно исхудавший, ослабевший от раны, крепко обнимал ее, целовал нежными устами в мокрые глаза и колол ей щеки светлой щетиной давно не бритого лица. Он шептал ей, что чудом и ее молитвами выжил в страшной схватке и чуть не утонул в реке, шептал, что любит ее, что сберег себя лишь ради нее. Скупая слеза, вышедшая из уголка глаза, потекла по щеке рыцаря, пробивая себе дорогу среди волосков усов и бороды.

Все следующие три дня жители Оденпе приходили в себя после пережитого потрясения. Сельское население сбегалось со всей округи под защиту пригородных укреплений. Город переполнился народом. Округа была разорена и выжжена русскими. Зарево пожаров кровавыми отсветами играло в потускневшем ночном небе все эти дни. Запах гари и дыма подавлял все остальные запахи. Оденпе готовился к обороне. Но русские, разорив окрестности, к городу близко не подошли. На четвертый день они, по слухам, ушли к Дорпату, а затем перешли Эмбах, но, все еще угрожая Дорпату, стояли где-то у Чудского озера. Они увели с собой множество пленных и увезли много награбленного добра. Их никто не преследовал. Вслед за этим власти Оденпе и Дорпата направили посольство к новгородскому королю Ярославу с просьбой о мире. Мир был заключен на условиях, выгодных русским, и те ушли восвояси.

Жизнь медленно возвращалась на разоренные русскими владения Ордена. Неле лечила рану на десной ноге Иоганна, полученную от русской стрелы. Та вошла глубоко в ногу. Во время бегства с берегов Эмбаха рыцарь пытался не раз выдернуть стрелу, но лишь обломил ее древко. Как только он возвратился домой, то с трудом с помощью невесты и оруженосца снял доспехи, а потом сразу ослаб и слег. У него

начались горячка и бред. Неле решительно взяла все бремя лечения жениха на себя. Через хозяйку дома она узнала, что цирюльник с соседней улицы хорошо врачует раны, и отправилась к нему. Но тот был занят подобной работой по горло и лишь отправил с девушкой своего подмастерья-племянника. Уже дома тот и оруженосец перевернули на бок лежавшего в беспамятстве Иоганна и срезали черные от засохшей крови повязки с его правой ноги. Рана сочилась темной кровью и гноем. Нижняя часть ноги вспухла красной опухолью почти до колена. Когда ученик цирюльника, вымыв руки горячей водой, начал вскрывать рану ножом, ошпаренным кипятком, то темная кровь брызнула на белые подстеленные тряпки, и Иоганн застонал. Неле подошла к раненому жениху, всмотрелась и поняла, что наконечник стрелы, возможно, вошел в кость ноги и изъять его оттуда только разрезая мышцы, не удастся. И оруженосец, и лекарь, понимая это, с тревогой посмотрели на девушку. Но Неле держалась. Запах черной крови и гноя распространился в комнате. Не раздумывая долго, лекарь попросил служанку раздобыть у хозяина дома небольшие клещи и принести ему. Та быстро убежала и вскоре возвратилась, выполнив просьбу. Затем племянник цирюльника велел оруженосцу подойти к очагу и держать клещи над огнем. По его же просьбе Неле быстро оторвала чистый лоскут от своего стираного белья и приблизилась к Иоганну. Затем лекарь велел всем присутствовавшим крепко держать раненого. Только Неле по его указанию раздвинула края раны своими перстами, в которых был оторванный лоскут. Небольшой край обломанного древка стрелы был виден ей в кровавой глубине раны. Лекарь взял обеими дланями раскаленные клещи, поданные оруженосцем, и слегка раскрыл их. Через мгновение он ввел их в рану и цепко ухватил конец древка. Кровь зашипела, сворачиваясь от соприкосновения с раскаленным металлом. Запах паленой плоти пополз по комнате. Напрягшись, ученик цирюльника дернул клещами за обломок

древка и вырвал черный от крови наконечник стрелы. Иоганн страшно закричал в бреду. Кровь и гной вновь хлынули на белые подстилки и замочили их. Через пять минут течение крови и гноя прекратилось. Лекарь очистил рану кусочком свежей тряпки, смоченной каким-то раствором, пахнувшим уксусом. Затем наложил целебные мази и свежие повязки. Иоганн пришел в себя, а через минуту забылся тихим сном.

Расплатившись с лекарем и распрощавшись с ним, Неле занялась хозяйством. Всю оставшуюся часть дня она думала о том, что ей хочется сходить в храм, помолиться и поблагодарить Бога. Она со времени своей болезни еще не была на мессе. И, осознавая умом и душой необходимость этого, она вдруг поняла, что не очень хочет идти в собор, строившийся в замке, и слушать богослужение на латыни. Ей хотелось пойти в русский храм, помолиться и услышать православную литургию, как тогда на Руси, когда жила на княжеском Городище под Новгородом.

Через день Иоганну стало лучше, и девушка решилась доверить уход за ним своей служанке. Неле встала утром рано, оделась, накинув поверх головы платок, как это делали русские женщины перед тем, как идти в храм, и пошла в русский квартал города. Деревянный храм стоял посреди небольшой площади, мощенной, как и в Новгороде, тонкомерным бревном. Саму площадь окружали рубленые палаты и избы. Перекрестившись по православному, Неле поднялась по ступеням невысокой деревянной паперти, вошла в храм. Молящихся было немного. Перед алтарем у аналоя стоял дьякон в сером стихаре и негромко читал по церковно-славянски Псалтирь. На хорах тихонько распевались певчие перед богослужением. Близ солеи кого-то исповедывал старенький, седой священник, накрывавший голову исповедывавшегося епитрахилью. Лицо священника показалось знакомым девушке. В небольшом храме было тихо, уютно, и как-то тепло. Сильно пахло курившимся ладаном и сладковато-терпким запахом горящих

и тающих восковых свечей. Но Неле почувствовала и тонкий запах сосновой смолы, слезившейся золотистыми капельками на струганных бревнах. Иконы яркого новгородского письма, освещаемые мерцавшими лампадами, светились в нишах алтарной преграды. Глаза святых с икон внимательно смотрели на девушку. Неле почувствовала спокойствие и умиротворение. Взяла свечей. Зажгла одну перед Распятием на Кануне и долго молилась за упокой души раба Божьего Феодора. Затем поставила свечи перед образом святой Пречистой Девы и образом святого Николая, которого русские называли Угодником и Чудотворцем. Тем временем литургия уже шла своим чередом, и храм наполнился людьми. С затаенной болью и радостью вслушивалась Неле в слова церковно-славянского богослужения, вспоминала их и с удивлением замечала, что сейчас совсем по-новому начинает понимать смысл и слова молитв. Сама того не замечая, она тихо плакала, стоя перед образом Пречистой Девы Марии, державшей на руках Богомладенца, и по ланитам ее катились слезы.

Вдруг молитвенное состояние ее было нарушено. Сама не зная почему, она посмотрела ошую себя и скорее даже не увидела, а почувствовала на себе взгляд пристально смотрящих на нее зеленых глаз. Всем своим существом она ощутила и поняла, что она знает эти ненавистные ей глаза, которые словно съедали ее. Перекрестясь и поклонившись образу святой Девы, прося ее заступничества, Неле быстро вышла из храма и побежала домой.

* * *

По случаю окончания войны и заключения мира в замковом соборе Оденпе служили мессу и панихиду по погибшим воинам, защитившим христианские города от жестокого врага. Рыцарь Иоганн фон Берг, только начавший оправляться от раны, и его невеста Неле слушали мессу, как и сотни других почетных и именитых горожан, сидя в среднем ряду справа, ближе к центральному проходу. В первых рядах прихожан,

почти у самой солеи храма на скамьях восседали фогт и конвент, состоявший из двенадцати наиболее достойных братьев-рыцарей. Среди городской знати и купечества на мессе в соборе присутствовало несколько десятков русских бояр из Новгорода со своими домочадцами и ближними, старейшины оденптских эстов со своими семьями. Множество простонародья: оруженосцы, кнехты, подмастерье, мелкие торговцы, молодежь из среды немецких колонистов, недавно перебравшихся в эти места, эсты из окрестных селений, приехавшие в город для заработка или продажи продуктов, группами стояли у столпов храма и ближе к стенам и лесам у боковых нефов. Службу вел дорпатский епископ Герман, специально приехавший в Оденпе со своим клиром. Все внутреннее пространство собора было залито светом сотен горевших свечей, и потому было можно хорошо рассмотреть всех присутствовавших. Певчие тонко и высоко выводили распевы Григорианского хорала под строгое и возвышенное звучание органа. Блики света играли на столпах и стенах романского собора, светившегося новизной каменной кладки. Стены храма еще не были выведены на полною высоту. Вдоль них возвышались леса. Деревянные каркасы полуциркульных сводов еще только устанавливались над боковыми нефами. Крыша, покрывавшая собор, была временной, деревянной. В свете свечей сияли резные деревянные скульптуры святых и редкие иконы. Неле уже не первый раз успела отметить для себя, что в русских храмах икон было намного больше, и что они были написаны теплее. Пышное богослужение латинского образца и само пространство католического собора казались ей теперь излишне помпезными, вычурными, непропорциональными в сравнении с богослужением и внутренним пространством русских храмов.

Близ Иоганна и Неле сидели рыцари и известные воины, проявившие храбрость и выжившие в сражении с русскими на Эмбахе. Многие из них были ранены и еще не совсем опра-

вились от ран. Иоганн, успевший подружиться с несколькими из них, тихо на ушко рассказывал невесте о каждом. Неле внимательно слушала жениха, но взгляд ее иногда скользил левее — по рядам, где сидели новгородские бояре. Она словно ждала чего-то. Ждала и не ошиблась. Еще не миновала середина мессы, как со стороны левого нефа к новгородским боярам подошли два человека. Один из них, по виду воин с суровым бритым лицом и массивным подбородком, был одет в строгое, но дорогое немецкое платье. На нем был темно-серый котт*, поверх которого было одето длинное светлое сюрко с алым крестом на груди. На поясе у него висел тяжелый двуручный меч. Другой — рослый, рыжеволосый и бритый в добротном новгородском кафтане, был также препоясан мечом. Эти двое раскланялись с новгородскими боярами. Неле сразу узнала второго...

В голове у нее помутилось, но она внутренне собралась, закрыла глаза, тряхнула головой, словно желая избавиться от дурного сна. Открыв их вновь, поняла, что это не сон. Вежливо перебив жениха, девушка спросила у него, не знает ли он, кто эти двое, подошедшие к русским. Иоганн, почувствовавший тревогу в словах невесты, внимательно взглянув ей в глаза, и отвечал, что не знает. Следом спросил, почему ей интересны эти двое. Неле тихо молвила, что лицо рыжеволосого ей кажется знакомым. Тогда Иоганн тронул за плечо сидевшего впереди него воина, потянулся к нему и шепотом обратился с вопросом, заданным ему невестой. Это был его новый друг — рыцарь Герхард фон Мантейфель, участвовавший в походе на русских. Он принадлежал к фамилии знатной и давно известной в Ливонии. Многих, равных ему по происхождению, Герхард знал, и со многими был на короткой ноге. Внимательно посмотрев туда, куда указал Иоганн, он отвечал, что один из двоих — брат-рыцарь Эрнст фон Торберг, являвшийся членом дорпатского конвента. Другой же — приезжий из Дорпата, русский, новгородец, предупредивший

дорпатцев о нашествии новгородского короля Ярослава. За этот поступок он оказался в большой чести у самого епископа Германа и дорпатских господ-рыцарей, получил также большое денежное вознаграждение, принял христианское крещение и поступил на службу к самому епископу. Иоганн поблагодарил Герхарда за сказанное и тихо передал слова своего друга Неле. По ее лицу стало заметно, что она сильно побледнела и заволновалась. С тревогой в голосе рыцарь спросил, что случилось с невестой. Та, выждав несколько минут и немного успокоившись, тихим, все еще трепетным голосом, но серьезным тоном просила жениха быть очень осторожным, если ему придется столкнуться с этим русским. Озабоченный словами девушки, Иоганн стал просить невесту подробнее рассказать ему, в чем суть дела. И тогда Неле, пытаясь всеми силами скрыть волнение, поднимавшееся в ее душе, поведала Иоганну, что этот человек — негодяй, повинный в смерти молодого новгородского князя — сына короля Ярослава, приведшего русские войска на земли Ордена. С трудом веря словам невесты, рыцарь повернулся и посмотрел на того, о ком они говорили. Девушка посмотрела туда же. Рыжеволосый глядел на них... Его нахальные зеленые глаза и глаза Неле встретились. Не скрывая того, что узнает ее, он самоуверенно и нагло усмехнулся и слегка склонил голову в приветствии. Девушка не ответила, но, вспыхнув всем лицом, в негодовании отвернулась. Иоганн повернулся к невесте и тихо, но твердо молвил, что она может не бояться этого человека до тех пор, пока он — ее жених будет с ней. Крепко сжав ее кисти рук в своей десной длани, он обернулся к рыжеволосому, грозно и твердо посмотрев ему в глаза.

Глава V

Обет любви

Грозным и бранным стало лето 6742 г. для Новгорода Великого и всей Новгородской земли. Вои не успели толком отдохнуть и залечить раны после возвращения из похода в Чудскую землю, как разнеслась весть, что литовская рать изгоном напала на Руссу. Городской посад был захвачен врагом до торга. Но рушане успели собрать воев. За оружие взялись все, кто мог: огнищане, гридьба, купцы, мастеровые и даже попы и монахи. Когда литва грабила посад, рушане успели сделать засаду. Литвины, попавшие как кур в ощип, отчаянно сопротивлялись, но были выбиты из посада в поле. В ожесточенной схватке русичи посекли человек двести нападавших, но и сами потеряли не одну сотню воев. Среди погибших оказались четверо бояр и священник Петрила Обрадичь. Литва разорила монастырь Святого Спаса, ограбила монастырский храм Преображения Господня, осквернив иконы и престол. Там же были убиты четверо мнихов. По словам посылов, литовская рать отступила на Клин.

Князь Ярослав срочно собирал конные полки, чтобы переять литву. В Новгороде и на княжеском Городище царили спешка и неразбериха, вои готовились в поход. Князь Александр был грустен и озабочен. Отец не брал его с собой. Сказалась и легкая рана, полученная в оший бок в сражении на Амовже, да и Новгород не годилось оставлять без князя в

такое опасное время. От невеселых мыслей молодого князя отвлек улыбавшийся Ратмир. По велению князя Александра он ездил в Новгород еще рано утром, а теперь, воротившись, застал своего господина близ Городища, когда тот по велению батюшки проверял готовность переславских кметей к походу. Сам князь Ярослав Всеволодович был близ Новгорода и с тысяцким собирал новгородский полк, а также ладьи и насады, для того, чтобы отправить часть войска на Руссу водным путем. Шепнув Александру на ухо, что имеет для него весть, меченоша скромно отъехал, и на почтительном расстоянии последовал за князем. Веселая улыбка Ратмира и его обнадеживающие слова развеяли в душе князя озабоченность и вселили радужные надежды. Александр понял причину своей грусти. С начала похода в Чудскую землю он не видел своей остуды, а лишь через седмицу после возвращения получил от нее грамотцу, доставленную Ратмиром. Елена писала, что вернулась в Новгород, что ждала его и молила Господа о нем. Слава Богу, он возвратился живой, и она ищет встречи с ним. Письмо было написано второпях, и Ратмир лишь мельком видел Елену.

После возвращения из похода батюшка ни на шаг не отпускал от себя Александра. Дни проходили в какой-то безумной лихорадке. Он не принадлежал самому себе. И оставалось время только для молитвы Богу. Хоронили воев, побитых в Чудской земле. Много пало там низовцев из переславского полка, умирали и тяжелораненые. Раненых, оставшихся в живых, лечили на Городище. Правили и чинили снаряжение, оружие, упряжь, перековывали коней. Делили полон, решали судьбу полоняников — немцев и эстов. Немцев из Юрьева и Медвежьей Головы Орден обещал выкупить. Эстов частью угоняли в Залесскую Русь, частью холопили новгородцы.

Да, полоняники... Щедро, с лихвой платили русичи за захват и избиение тесовских мужей, женщин, стариков и детей, за разорение Изборска, гибель изборских воев, за

сожженные храмы и дома, поруганные иконы, вырубленные сады, потравленные поля и нивы. Вот и сейчас перед глазами молодого князя образ эста, повешенного русскими кметями на развесистой яблоне в сельце близ Юрьева. Женка и мать с воем и воплями ужаса обнимают связанные в голенях, холодеющие ноги и чресла казненного. У порога дома лежит пронзенный копьем в грудь, истекающий кровью дед. Навзрыд плачут белобрысые, еще малые, сопливые чухонские детишки. Ярко, с треском, распространяя удушливый и горький дым, обдавая нестерпимым жаром, осыпая всех головешками, горят чухонские жилища и скотные дворы. А переславские и новгородские конные вои со свирепыми лицами, бьют и гонят древками копий и ножнами мечей коров, быков, овец. Женщин, детей отгоняют от повешенного и гонят как скот на Русь — в полон. Полон огромен, как и гурты скота, сгоняемого со всей округи. Здесь не только женки и дети, здесь чухонская молодь с окровавленными, разбитыми лицами и связанными за спиной руками, у некоторых выя и длани забиты в колодку, здесь плачущие, изнасилованные чухонские девушки. Здесь же плененные, изъязвленные русскими стрелами, немецкие кнехты и даже рыцари, кто держит голову высоко и горделиво, несмотря на полученные раны. И вот всех их гонят на восток — к Чудскому озеру, а затем на север — к рубежам Новгородской земли. Тех, кто уже не может идти и падает от ран или усталости добивают копьями и секирам. Да, эту — исподнюю сторону войны лишь недавно узрел князь Александр, узрел, но еще не понял, не принял, а видимо это нужно было сделать…

И все эти дни воспоминаний о походе в Чудскую землю, дни ожиданий встречи с Еленой были для молодого князя томительны и бесконечны. Когда пришли известия о нападении литвы на Руссу, Александр вздохнул с облегчением, потому, что это означало окончание бесконечных ожиданий. Ибо в походе время проходило стремительно и незаметно.

Там дни и недели бежали как вода в вешнем ручье. Но отец оставлял старшего сына в Новгороде. А Александр боялся, что Елену мать вновь отправит куда-то из-за военной грозы. Нервы молодого князя напряглись, сердце забилось как птица в силках, комок подступил к горлу. Нет! Теперь, слава Богу, Александр знает, что она в Новгороде. С этими мыслями он перекрестился и криво усмехнулся.

Когда веление батюшки было исполнено, князь Александр позволил кметям оставить седла, ослабить подпруги и передохнуть на месте, не отъезжая никуда. Ратмир вновь подъехал к Александру и передал ему, все, что было сказано Еленой. Она ждала его сегодня в полночь в Новгороде на Славне близ храма святого Павла исповедника Цареградского, что на Варецкой улице. Услышав эти слова, князь Александр нахмурился. Ратмир внимательно посмотрел на князя. Тот расправил широкие плечи. Жесткие складки легли на его лице от ланит к уголкам губ. В голубых глазах сверкнула холодная искорка металла. И Ратмир, который был на три года старше князя, вдруг понял, как возмужал, как вырос и далеко обогнал его в своем отношении к жизни и своей ответственности «за вся» его друг и господин.

Князь же думал, что после полудня полки еще могут не выступить в поход. Елена же явно торопилась, боясь, что Александр уйдет с полками на литву, так и не повидавшись с ней. Положившись на Бога и словно предавшись течению реки, Александр стал терпеливо ожидать отца на Городище. Ярослав Всеволодович не заставил себя долго ждать. Расцеловав и благословив сына, веля исполнить ему все свои поручения, князь Ярослав уже через два часа оставил с полками Новгород *Великий и двинулся на Руссу берегом Ильмень-озера.* Часть войска пошла в насадах и на ладьях по озеру в Ловать. Нужно было торопиться. С князем Ярославом ушло более двух с половиной тысяч воев. Пошли только комонные.

* * *

Уже смеркалось, когда князь Александр и Ратмир проехали воротную вежу княжеского Городища и пустили коней галопом в сторону Новгорода. И часа не прошло, как уже в полной темноте путники достигли стен окольного града. Через воротную вежу, открывавшую путь по Знаменской улице, въехали в город и повернули ошую. Ратмир поскакал впереди князя, указывая дорогу. Минут через десять всадники достигли Варецкой улицы и храма святого Павла. В небольшом рубленом доме причта, что стоял рядом с храмом, светилось маленькое оконце. Ратмир и Александр сошли с коней. Дверь домика отворилась, и на крылечке показалась женская фигура. Кажется, это была девушка Елены. Она всмотрелась в темноту, затем узнала приехавших, махнула рукой, и через несколько мгновений вновь скрылась в домике. Следом на крылечко вышла Елена, накинувшая на голову платок, и быстро пошла по направлению к Александру. Он не успел сделать и нескольких шагов, как она уже бросилась к нему на грудь и негромко заплакала от радости. Трепеща сердцем, он обнял ее, не стесняясь Ратмира, целовал ее влажные ланиты, ласково уговаривал не проливать слез.

Немного успокоившись, она взяла его за руку и повела к церкви. Из домика тем временем показался седой старенький иерей. Звеня ключами, он открыл замок на вратах небольшого трехнефного храма, сложенного из светло-розового известняка белевшего среди ночи своими стенами и раскрыл двери, сгибаясь в поклоне. Храм был невелик, но имел приделы. Крестясь, Александр и Елена вошли под своды пустой, слабо освещенной церковной постройки. Лишь где-то в десном углу у стены горела лампадка перед образом, освещая ее небольшое внутреннее пространство. Каменные плиты пола глухим гулом отозвались на шаги вошедших. Внутри было прохладно и сухо, пахло ладаном и воском. Елена подошла к подсвечнику, что стоял перед поставцом (аналоем) с двумя иконами, взяла свечу. Отойдя к стене, зажгла ее от лампады.

Затем зажгла вторую на подсвечнике и поставила на него ту, что держала. Блики света озарили стены небольшого храма, расписанные неяркими голубовато-коричневыми и светло-зелеными фресками. Александр подошел ближе к аналою. В свете горевших свечей он увидел два образа, вынесенных на средину центрального нефа. Первый князь узнал сразу. На нем было изображение святого Креста Господня и святой равноапостольной царицы Елены, державшей на убрусе гвозди, которыми был распят Спаситель. На другой иконе был изображен воин в доспехах, с копием. Александр узнал образ святого воина-мученика Александра, погибшего за веру еще при гонителе христиан римском августе Галерии.

Между тем девушка стала тихо читать тропарь святым равноапостольным Константину и Елене, тропарь и молитву Кресту Господню. Князь Александр внимательно слушал и крестился. Когда она закончила и безмолвно еще что-то обдумывала про себя, стоя перед образами, он подошел к ней сзади и негромко спросил, почему они встретились именно здесь. Медленно повернувшись и взглянув ему в глаза, она отвечала, что давно хотела побывать в этом храме с ним, потому, что еще десять лет назад храм построил ее покойный батюшка. Небольшие приделы были посвящены святому Симеону Богоприимцу — небесному покровителю покойного Симеона Борисович, и святым равноапостольным Константину и Елене. Тут князь вспомнил, что братьев Елены, ушедших с дядьями и сродниками к немцам в Медвежью Голову, зовут Павел и Константин. Помолчав минуту, девушка заговорила. Здесь перед святыми образами их небесных покровителей — равноапостольной царицы Елены и святого воина-мученика Александра она просила князя дать ей обет любви и верности, а взамен обещала свою преданность и любовь. Свидетелем же их обета должен был стать иеромонах, поставленный служить при храме еще покойным владыкой Антонием и ее батюшкой. Князь Александр обернулся и увидел у входа

стоявшего в полутьме и бликах горевших свечей и лампады согбенного в поклоне седого старца. Тот, видимо, знал, кто перед ним, знал, о чем Елена говорила с князем, и словно в ответ на немой вопрос Александра еще ниже поклонился ему. Этот поклон и готовность монаха быть свидетелем их тайной любви придали уверенности молодому князю. По зову Елены старец приблизился к ним, осенил себя крестным знамением и, встав на колени, стал тихо читать знакомую молитву. Князь едва слышал ее слова:

— Господи Исусе Христе, Единородный Сыне Безначального Отца! Ты рекл еси пречистыми Твоими усты, яко без Мене не можете творити ничесоже...

Дождавшись, когда старец дочитал и благословил их, князь Александр, не раздумывая долго, повернулся к иконам, встал на колени и, произнеся слова обета верности и любви, целовал образы святых. Следом за ним то же повторила Елена.

* * *

Они лежали ранним утром нагими на лавках, застеленных периной и полотняным бельем, в небольшой, но знакомой им рубленой избе, что стояла на краю слободки близ Юрьева монастыря. Над двором и округой сиял утренний, сиреневый свет северного лета и звенела тишина. Все спало вокруг. Не спали они. Нежные поцелуи будили трепетом ласковых прикосновений, словно лепестки розы, хотя первый порыв страсти уже был утолен и давно миновал. Она лежала к нему спиной. Он же с наслаждением гладил и трогал пальцами своей десницы ее нежные плечи и волосы, целовал сзади ее шею и спину. Потом руки его ласкали ее перси. Аромат ее молодого девичьего естества дурманил голову. А она, закрыв глаза, блаженно и с трепетом внимала его ласкам. Они ни о чем не говорили. Дыхание их было ровным, но напряженным и глубоким. Томная и нежная страсть пленила их. Он был ее господином и одновременно весь принадлежал ей и чувствовал себя во власти ее чар. Она развернулась к нему,

лишь слегка коснулась его груди перстами и пробудила в нем горячее вожделение... Они были счастливы в то утро, как могут быть счастливы только юноша и девушка, познавшие первые таинство и естество любви. Через четверть часа оба уже крепко спали обнявшись. Он обхватил ее плечи десной рукой, а она уткнулась к нему в грудь лицом и свернулась калачиком, поджав ноги. Так они проспали около часа.

Верный меченоша разбудил молодого князя, тихонько постучав в дверь. Александр открыл глаза, быстро встал и оделся. Она же сонная уселась на край лавки и следила за ним взглядом потухших глаз, под которыми темнела синева усталости. Дрожа от утреннего холодка, накинула на плечи платок. Он, одевшись, склонился к ней и нежно поцеловал в уста. Затем, коротко распрощавшись, вышел на вольный воздух, закрыв за собой скрипнувшую дверь. Вскочил в седло, и понесся вместе с Ратмиром в Новгород вершить свои княжеские дела. А она, неторопливо оделась, обратилась к образам, совершила краткое утреннее правило и оставила место их любовного свидания, направив свои стопы в Юрьев монастырь к могиле покойного батюшки.

* * *

Радость победы и горечь утраты не раз приходили в то лето к новгородцам. На исходе седмицы пришли вести из Руссы. Князь Ярослав Всеволодович с конными полками настиг литву на Дубровне в Торопецкой волости. Настиг изгоном, напав на ворога из леса, когда он спешно уходил восвояси. Литва просто не далась. Десять видных мужей из княжеских полков сложили там головы в жестокой сече. Под литовскими стрелами лег новгородский тысяцкий Феодор Якунович, избежавший гибели от немецкого меча в сече под Юрьевом на реке Амовже (Эмбахе). Пали, поколотые литовскими копьями и совями*, Гаврила-щитник, Нежила-серебряник, Неготин с Лубяницы, Гостилец с Космодемьянской улицы. Посечен был литовскими мечами, вырвавшийся в схватке вперед других,

княжий детский Феодор Ум. Геройски пали и десятки других малоизвестных и незнатных новгородских воев и княжеских кметей, не знаемых и не упомянутых новгородским летописцем. Но, сотворив крестное знамение и смахнув скупую слезу, чернец-летописец Юрьева монастыря начертал скрипя пером на пергаменте: «Покой, Господи, души их в Царствии Небесном, проливших кровь за Святую Софию и за кровь христианскую».

Но зато уж и поганым литвинам досталось. Четыреста литовских воев пало костью в той сече. Другие же, пометав от себя оружие, сови и щиты, бежали в лес, нагоняемые и избиваемые русичами. Новгородцы же и княжеские вои отняли у литвы триста коней, весь полон и товар, добытый в русских землях. И вот уже с радостью и слезами на глазах ждала их и готовилась принять в объятия родная новгородская земля. Пока возвратились вои из похода, пока отпели и схоронили павших и умерших от ран, пока собрали урожай, да справили сороковины, миновало лето. Быстро и незаметно накатила дождливая осень. А за ней навалилась, закружила снежными метелями, спрятала под глубокими снегами дороги, поля, реки и озера лютая русская зима.

Глава VI

Накануне

Терпкий запах полыни да вольный ветер царят над необозримым то золотисто-серым, то голубовато-седым простором Великой Степи. Сидя на вершинах курганов или паря высоко в небе хищные птицы — орлы, соколы и ястребы, поджидают добычу, скрывающуюся в зарослях густых трав. Синее почти безоблачное небо отражается в голубых и серебристых зеркалах степных озер и привольных рек. На многие тысячи верст широким коридором, связавшим Азию с Европой протянулась Великая Степь с Востока на Запад. От предгорий Большого Хингана и восточной части каменного пояса Великой Китайской стены до каменной подковы Карпатских гор растянулись ее необозримые просторы. И даже за Карпатами — уже в Центральной Европе есть последний кусок Великой Степи — Паннонская равнина, захваченная и заселенная уграми. У восточных рубежей Великой Степи несут свои воды Керулен и Онон — междуречье которых стало родиной монголов. Эти реки поят Шилку и Аргунь, при слиянии которых родится великий Амур-батюшка. В верховьях Орхона, протекающего западнее — в седмице конного пути от верховьев Керулена, великий основатель монгольской империи Чингис-Хан построил свою столицу Каракорум. Орхон — приток другой большой реки — Селенги. На севере — в двух седмицах конного пути от этих мест поднимаются

горные хребты, на чьих склонах стоят вековые заповедные леса, дебри которых никогда не трогал и не валил секирой человек. А между этих гор и лесов, словно лезвие гигантской изогнутой сабли кочевника, сверкает и играет под солнцем огромное, как море, прозрачное и глубокое озеро, питающееся водами десятков рек. Туда и несут свои струи Селенга и Орхон. Лишь одна река не дает этому озеру своих вод, а забирает их и гонит куда-то вдаль на северо-запад. На юге же — на расстоянии одного-двух дней пути от Каракорума возвышаются отроги горного хребта Хангай. В его синеющих вдали горах и берет начало быстрый Орхон. А за Хангаем — еще далее на юг и на запад в нескольких днях конного пути поднимается высокогорный Алтай.

Многие кочевые народы Великой Степи, гор, охраняющих ее рубежи, рек, поящих людей и скот, подчинены монголам, служат им и воюют на их стороне. Это — кераиты, татары, буряты, урянхайцы, тангуты, уйгуры, кара-кидани, найманы... Добрая половина этих народов исповедует христианство несторианского учения. Многие по численности своей даже превосходят монголов. Но все они живут по законам Степи, и, сохраняя единство огромного кочевого мира, подчиняются сильнейшему — тому, кто является гарантом их победы и безопасности. Ведь на Юге, на Востоке и на Западе — за гранью степного мира обитают уже наполовину покоренные, но все еще опасные и враждебные для всех кочевников чжурчжени*, хины* и хорезмийцы.

* * *

Темник Субутдай направил своего коня на вершину кургана, чтобы с его высоты посмотреть и полюбоваться зрелищем, которое даже его современники видели всего несколько раз в жизни. Нукеры и батыры, сопровождавшие полководца, остались у подножия кургана. Крепкий аргамак вынес темника на кромку невысокой степной гряды и слегка заржал, почуяв отдаленные дымы бесчисленных костров и

запах многочисленных конских табунов. Субутдай увидел, что далеко в степном просторе на юге и юго-западе до горизонта раскинулись юрты, шатры и глинобитные постройки Каракорума. В это лето город-столица кочевников Великой Степи вырос в несколько раз. Десятки тысяч юрт, кибиток, тысячи степных табунов, бесчисленные отары овец, стада быков и коров, словно волей провидения, были поставлены или собраны здесь — в долине верховьев реки Орхона. Весь монгольский народ и правители подданных ему народов съехались на всемонгольский курултай (съезд), где предстояло решить важнейший вопрос, поставленный историей перед степным миром. Увидев все это, старый полководец улыбнулся, как улыбаются молодые люди, полные сил и здоровья, что-то прошептал себе под нос и, стегнув плетью коня, лихо поскакал по спуску кургана на юг. Огибая высоту, за ним последовали его нукеры и батыры.

* * *

Огромный шатер великого хана Гуюка был полон народу. Шел совет. Весь цвет монгольской державы — около трехсот человек было собрано здесь. Полог шатра был откинут, и свежий степной ветерок, напоенный запахом полыни, слегка пробегал внутри по меховым опушкам дорогих шапок и освежал запотевшие, раскосые лица людей. Близ и вокруг великого хана сидели десятки родственников — Чингизиды — потомки и ближайшая родня основателя монгольской державы и наиболее прославленные полководцы. Поодаль известные монгольские нойоны и батыры — главы монгольских родов. А в отдалении — правители кочевых племен и народов — подданных монгольского хана. Сидели, скрестив и поджав ноги под себя на полу, что представлял из себя толстую кошму, постеленную на ровную землю. Лишь один великий хан Угедей сидел на большой подушке, поданной только ему. Совет длился уже несколько часов. Свободно высказывались различные мнения и все с уважением, не

перебивая, выслушивали говоривших. Обсуждалась главная проблема — пришло ли время готовиться и идти в поход на самый западный край Великой Степи, чтобы окончательно разгромить враждебных булгар, ясов и кыпчаков. Но за кыпчаками стояла сильная, многолюдная и богатая Русь. Покорение Руси требовало больших сил, в то время, как сравнительно недалеко от монгольской державы не были еще покорены южные хины, еще сопротивлялись в горах у Каспия отряды хорезмийцев, а за Каспием монгольское войско уже приступило к покорению Закавказья. Угедей внимательно выслушивал всех говоривших. Наконец слово попросил уйгурский нойон, окруженный знатными уйгурскими мужами и купцами. Уйгур хорошо говорил по-монгольски, но речь его была долгой и вначале казалась неоднозначной, наполненной хитросплетений и недомолвок. Совет внимательно и долго слушал нойона. Однако в конце его речи и великому хану, и большинству слушавших стало ясно, что уйгурские купцы давно хотят получить в свои руки весь великий «шелковый путь», начинавшийся у Великой каменной стены хинов и заканчивающийся у «последнего моря». Конец «шелкового пути» близ «последнего моря» держали в своих руках ненавистные всем кыпчаки и дружественные им соседние народы. Овладеть им значило принести огромные жертвы и понести огромные расходы. Уйгуры же были готовы платить за эту войну всем, чем могли. Тем более, земли, лежащие на Западе от Великой Степи и населявшие их народы были неслыханно богаты. Доходы, полученные от «шелкового пути», богатства покоренных народов и их воины могли бы сторицей восполнить утраты монгольской державы в этой войне. Нойон, казалось, окончил свою речь. В юрте воцарилась тишина.

Великий хан Угедей внимательно провел взглядом по рядам сидевших сородичей, сподвижников и вассалов. Никто не произносил ни слова, понимая, всю ответственность за сказанное здесь. Только двое среди нескольких сотен людей

почти неслышно, шепотом, обсуждали сказанное уйгуром. Они сидели в некотором отдалении правее Угедея. Один из них был его племянник Бату. Другой — прославленный полководец Субутдай. Бату, казалось, о чем-то просил Субутдая. Великий хан не ошибся. И минуты не прошло, как Субутдай испросил у хана разрешения обратиться к уйгурскому нойону. Угедей спокойно и величественно кивнул головой и полководец, развернувшись в полуоборот в сторону уйгура, спросил, видел ли нойон когда-либо города Булгара и Руси. Нойон отвечал, что не видел. Субутдай продолжал. Он уверенно заявил, что монгольское войско разгромит кыпчаков и асов рано или поздно. Но взять города Булгара и Руси дело крайне нелегкое, так как все они окружены рвами, высокими валами и крепкими деревянными стенами, которые порой построены в две или три линии. Каждый город там — мощная крепость. Без множества осадных метательных машин эти города не взять никогда.

Уйгур, также испросивший разрешения у хана, отвечал Субутдаю, что машины можно будет построить там же — на завоеванных землях, если отправить в поход с войском несколько тысяч мастеров из хинов и чжурчженей.

— Тысячи мастеров построят сотни машин, но кто перетащит их на огромные пространства через леса, топи, грязь или снега. Снежный покров достигает в тех местах груди лошадей. Знает ли об этом нойон уйгуров? — спросил полководец. Собравшиеся в юрте одобрительно и негромко заговорили.

— Уйгуры купят и пригонят в войско тысячи быков, которые смогут тащить машины, — отвечал нойон.

— Быки идут слишком медленно и не смогут быть вовремя там, где нужны будут машины. Война затянется и может быть проиграна, — страстно и смело заявил Субутдай.

— Тогда уйгуры купят и пригонят несколько тысяч верблюдов, которые смогут быстро дотянуть тяжелые машины до места сражения. Войско, направленное громить кыпчаков,

асов, булгар и Русь, не будет иметь нужды ни в чем. До границ враждебных народов и стран монгольские тумены пройдут без промедления, так как все кочевники будут согнаны с их пути, а на реках будут наведены плавучие мосты и переправы, — с легким поклоном головы отвечал уйгур. В огромной юрте Великого хана вновь воцарилось молчание. Субутдай был удовлетворен ответом уйгура. Он знал, что войска в этот поход придется вести ему. Ему, но под рукой Бату-хана — грядущего владыки завоеванных стран на западных рубежах Великой Степи. Лицо полководца стало бесстрастным и исполненным достоинства. Бату легко улыбнулся тонкими губами, и глаза его загорелись гордостью и страстью. Только двое из Чингизидов — Бури и Аргасун с ненавистью смотрели на Бату и с недовольством воспринимали происходившее.

Совет в юрте Великого хана Угедея продолжался еще около двух часов. В помощь Бату были назначены сыновья самого Угедея — Гуюк-хан и Кадаган, братья-царевичи Менгу и Бучек (сыновья Тулуя), братья Бату — Хорду и Тангут, а также другие Чингизиды: Кулькан, Бури и Байдар. Вести войска должен был Субутдай-багатур. Общее выступление назначалось на грядущую весну.

После этого Великий хан Угедей поднялся и вышел из своей юрты в сопровождении всего совета. Более сотни тысяч воинов, собравшись на расстоянии двух полетов стрелы от юрты, стояли в конном строю, огибавшим ее гигантской подковой. Высоко в синем небе в восходящих потоках теплого ветра над скопищем людей и коней кружили два орла, своим клекотом тревожа небесную тишину и обращая на себя внимание воинов. От имени хана глашатаи, разъехавшись по сторонам, стали вещать монгольскому народу-войску о мнении, высказанном вождями и вынесенном на общее решение. Пока глашатаи, напрягаясь изо всех сил, выкрикивали сообщения, народ молча внимал им. Только фырканье и редкое ржание коней да орлиный клекот нарушали тишину. Когда же пос-

ледний глашатай окончил свою речь, десятки тысяч сабель, мечей и копий взмыло вверх, а неистовый гул криков согласия, одобрения и единомыслия огласил степной простор.

* * *

6743 год от Сотворения мира (1235 год от Р. Х.) стал началом новой феодальной войны на Руси, которая продолжалась почти четыре года. В отличие от подобных событий XIII столетия эта война носила общерусский характер, ибо в ней приняли участие военные силы и князья всех наиболее сильных и жизнеспособных русских земель. Древняя столица Руси — Киев стал эпицентром этих событий. Город переходил из рук в руки до самого своего разгрома в 1240 году. Прежнее единство русских князей было окончательно утрачено. Почти четырехвековая история Киевской Руси завершалась кульминационным вооруженным столкновением и борьбой за обладание древней увядающей столицей, уподобившейся «порфирородной вдове», ожидавшей хоть какой-то достойной развязки.

* * *

Серебристо-серый жеребец шел уверенно и бойко. Ржание и топот копыт сотен коней, сосредоточенные лики людей, звон доспехов и оружия, краткие, порой бранные слова и властный тон хозяина, когда тот обращался к людям или к нему, внушали жеребцу уверенность. Триста козельских кметей шли верхами под рукой опытного и грозного ликом детского в составе черниговских войск на Киев. Сейчас козельские кмети были в стороже и первые подошли к Днепру. Княжий детский Горислав пустил коня к воде по пологому берегу большой и полноводной реки. Остальные вои остановили коней на невысоком прибрежном взгорке, ожидая своего старшего. Подъезжая к берегу реки, детский внимательно всматривался в заречные дали. Давно не видел он Словутича и его красивых берегов. Сердце тревожно билось при воспоминании о давно ушедших годах, когда он, будучи еще совсем молодым

скакал со своим козельским полком и всем русским войском по берегам Днепра. Глаза Гориславa потеплели, шрам на лике порозовел, и легкая улыбка тронула губы, полускрытые русыми усами и бородой, в которой светилась яркая прядь седины. Сейчас среди козельских кметей, пришедших вместе с ним к Днепру, вряд ли можно было отыскать три десятка воинов, кто был тогда на Калке. Всех их детский знал не только в лицо, и по именам, знал как своих собратьев, знал, кто и чем живет.

Горислав подъехал к воде. Позвякивая подковами по прибрежной гальке, конь зашел в реку, окунув передние ноги по бабки, фыркнул и потянулся пить. Горислав отпустил поводья. Жеребец согнул шею и стал, отдуваясь, пить воду. Подождав немного, детский вновь потянул поводья и слегка тронул шпорами конские бока. Поправил ножны меча, притороченные к поясу. Серый вновь фыркнул, потряс гривой, и нехотя пошел из воды на берег. Въехав на пригорок детский посмотрел за реку, приставив длань к глазам и прищурившись. На возвышенном правобережье Днепра, насколько позволял видеть глаз, было тихо и ничто не нарушало покоя заречных полей и перелесков. Северо-западнее в отдалении виднелись стены, вежи и крыши древнего Вышгорода. Но и там было все спокойно. Детский развернул коня на восток, и всмотрелся туда, где полноводная Десна вливала свои воды в широкий Днепр. Зоркий глаз воина различал вдали, как над привольной гладью слияния двух рек стаями кружились белые чайки. Ему опять вспомнилась молодость, и сердце тонко защемило. К Гориславу подъехал Путята и указал концом плети в сторону северо-востока. Там вдали на речной глади Десны показались белые паруса. Вниз по Десне к Днепру шли насады и ладьи с черниговскими полками. Горислав понял, что его отряд выполнил наказ князя Михаила и вышел к переправе через Днепр ранее других. Велев Путяте немедля послать кметей искать вдоль левобережья лодки и бревна для того, чтобы сшивать плоты, он перекрестился. Лицо его вновь стало се-

рьезным и сосредоточенным. Строгим голосом он приказал отправить одного из верховых к князю Михаилу Всеволодовичу с известием о том, что на противоположном берегу нет супротивника, и что можно и нужно немедля «перелезать» Словутич.

Уже к вечеру большая часть черниговских полков переправилась через Днепр и готовилась к ночлегу. Последние вои перебрались через реку на плотах, в лодках и в насадах. Выставили дозоры, отправилась в дальний разъезд в сторону Киева большая сторожа. Люди разжигали костры, варили пищу. Ночь прошла спокойно. Следующий день также не было никаких тревожных известий. Но на рассвете второго дня сторожа донесла, что западнее Киева соединились две рати. Одна, которую вел сам князь Киевский Владимир Рюрикович, еще в полдень прошлого дня оставила древнюю столицу. Другая — через Болоховскую землю пришла из Галицкой Руси. Вел ее князь Даниил Романович. По словам сторожи, соединенные киевская и галицко-волынская рати достигали пяти-шести тысяч воев. Это значило, что князь Михаил Всеволодович имел под рукой на полторы тысячи воев более.

Черниговские полки стали срочно готовиться к выступлению. Через день они уже были верст на семьдесят юго-западнее Киева. Правый приток Днепра Ирпень, перешли быстро, ибо мост был цел. Места были красивые, пересеченные множеством яругов и холмов, покрытых перелесками, рощами и садами. Начиналась Приднепровская возвышенность. Среди ее холмов, берет свое начало извилистый Ирпень. Уже верстах в двадцати за рекой сторожа неожиданно возвратилась к полкам и дала знать, что киевская и галицко-волынская рати поджидали черниговцев, заняв придорожные высоты верстах в двух западнее. Полки были остановлены. Князь Михаил срочно собирал всех воевод, бояр, тысяцких и старших, под чьим началом были «стяги»* и «копья»* черниговской кон-

ницы. Въехав на вершину одного из придорожных холмов, Михаил Всеволодович всматривался на дорогу, ведущую на юго-запад, и отдавал распоряжения людям из своего окружения. Горислав и Путята были здесь же на холме. Боярин Феодор, подъехав к ним, велел козельскому стягу быстро свернуть в низину одесную дороги, пересечь ее и, перевалив через гряду холмов, тянувшуюся севернее, выйти к дороге с левого плеча киевлян, галичан и волынцев. Следом за ними должен был идти стародубский конный полк.

Не прошло и часа, как козельские и стародубские кмети уже погнали своих коней по спуску холма в низину, разделявшую враждующие стороны. Спуск и низину прошли наметом. На подъеме кони пошли медленнее под всадниками в тяжелых доспехах. Конный волынский полк, стоявший на подъеме — ближе к вершине холма, пустил стрелы. Однако стрелы, ранившие нескольких коней, не остановили черниговцев. Волынцы, меньшие числом, не дожидаясь соступа, стали поворачивать коней и уходить по противоположному спуску холма к дороге. Звон оружия, яростные крики, ржание лошадей были уже слышны за холмом. Когда Горислав во главе козельского стяга доскакал до вершины, то увидел, что волынцы отступают вдоль дороги с остальной частью вражеской рати. Там на дороге уже кипела и близилась к завершению скоротечная сеча между черниговским войском, киевлянами и галичанами. Охваченные с десного плеча, вражеские полки уходили по дороге на запад.

* * *

Прошло еще десять дней. Князья Владимир Рюрикович и Даниил Романович отступали со своими полками. Черниговцы уже разорили Болоховскую и Бельзскую земли и вошли в Галичину. Близко, в нескольких часах конного пути был Днестр. На правобережье реки стоял град-Звенигород, к которому стягивались пешие полки и ополчения из Галича, Коломыи, Василева и городов Понизья. Но где-то у верховьев

Южного Буга в помощь черниговским полкам подходило войско северского князя Изяслава, приведшего с собой на Русь половецкую орду. Положение киевского князя было тяжелым. Войска отступали и были сильно утомлены.

Князья Владимир, Даниил и Василек собрались на совет со своими боярами в шатре киевского князя. Владимир Рюрикович был сильно озабочен и нахмурен. В его серых глазах светились неуверенность и тревога. Даниил также был серьезен. Враг уже вошел в пределы Галицкой земли, и это грозило ему утратой родной вотчины. Предстояло решить, переправлять ли пешие полки через Днестр и драться на левом берегу реки или отвести конные полки за реку и встретить врага на правобережье. Первоначально галицко-волынский князь предложил драться за переправы, чтобы не пустить врага далее в глубь своих владений. Но князь Владимир и боярин Мирослав — дядька Даниила стали упирать на страшную усталость войск и недостаток продовольствия. Даниил согласился отступать за реку.

Уже после переправы разговор вновь пошел о том, где встречать врага. Со слов князя Владимира и Мирослава выходило, что и в поле галицкие, волынские и киевские вои не смогут разгромить врага. По сведениям сторожи, у противника воев было почти вдвое больше, чем у Даниила и Владимира. Кроме того, и черниговская и северская рати были сплошь конными, как и половцы. Явно было и то, что и киевский князь и боярин Мирослав боятся открытого столкновения с черниговскими, северскими полками и половецкой конницей. И Владимир Рюрикович и Мирослав предлагали войти с войском в Звенигород и укрываться за его стенами. Это было уж совсем не по душе Даниилу Романовичу. Весь его жизненный, воинский опыт, чутье подсказывали, что подобные действия ведут к неизбежному поражению. Мало того, запереться в граде и сесть в осаду означало отдать всю свою вотчину на растерзание ворогу. С этим он смириться не

мог. Обвинив киевского князя и боярина в малодушии, Даниил стал упрекать Владимира и в том, что тот необдуманно ввязался в войну с Михаилом Черниговским, да еще вовлек и его. Но коль уже случилось биться с ворогом, то биться нужно до смерти, защищая свое дело. Воин, вышедший на брань, должен победить или пасть. Потому Даниил предлагал встретить врага у стен Звенигорода в поле. Благо и пешего ополчения подошло к городу тысячи четыре. Даниила поддержал брат Василек, а князь Владимир и боярин Мирослав, пристыженные галицким князем, согласились встречать ворога у стен Звенигорода.

* * *

Черниговские, северские полки и половцы быстро «перелезали» Днестр в нескольких местах. В небольшой приречной долине у стен града, стоявшего на высоком береговом мысу, их ждали конные и пешие рати киевской и галицко-волынской земли.

Княжий детский Горислав вел козельский стяг на левом плече черниговского войска. Рядом, ошую шли на рысях кмети воротынского и мценского стягов. В двух полетах стрелы от врага конные отряды черниговцев остановились. Перед ними плотными рядами стояли рати Галицкой земли. Еще далее, где-то на расстоянии двух поприщ, возвышались на холме рубленые стены града. Слышно было, как там звенели церковные била и, верно, служили молебен. Вражеская пешая рать, стоявшая супротив козельского стяга, казалось, была потемнена и грозно молчалива. Тысячи копий, еще поднятые вверх, колыхались. В задних рядах рати происходило движение. Видимо там строились и готовились к соступу лучники.

Горислав ждал, что вот-вот раздастся троекратный звук рога и их стяги будут брошены против пешей рати, которая, упрется в землю ногами и, выставив копья, будет драться и стоять насмерть. Не любил Горислав биться с пешцами, построенными плотными рядами. Хорошо понимал, что тем

не убежать от конницы, и они будут стоять в брани долго и упорно, истекая кровью и до изнеможения сил. В душе детский сильно волновался за исход боя, волновался за жизнь многих своих земляков, да и за свою не меньше. Смутное чувство неправедности этой войны и кровопролитья, затеянного князьями, томило душу Гориславa. Потому он был скуп на слова, серьезен и казался злым. Путята подъехал к детскому и о чем-то заговорил. Но Горислав лишь отмахнулся рукой, мол потом переговорим, и продолжал внимательно всматриваться вперед в ряды вражеской рати. Сигнала к соступу все еще не было слышно. Время мучительно и медленно тянулось. Волновались кмети. Тревожно ржали и фыркали кони. Но вот тишину рассек лихой посвист. Гулкий стук тысяч лошадиных копыт, ржание коней, гиканье степняков огласили долину. Горислав посмотрел одесную, и увидел, как немного ниже их отряда, в долине, половецкая орда пустила коней наметом в сторону вражеской рати. Кони, разогретые всадниками, бешено неслись, разбрызгивая придорожные лужи. Грязь ошметками летела из-под копыт. Половцы натягивали тетивы луков и целили в ворога. Кто-то уже оголил кривую саблю, мерцавшую тусклой синевой и крутящуюся на ременной петле у запястья десницы.

Половецкий напуск в начале сечи был совсем не по душе Гориславу. На всю жизнь запомнил он, как половцы, опрокинутые татарами на Калке, бежали вспять и смешали ряды русских полков. Детский зло сощурил глаза, и шрам на его лике побагровел. Перекрестясь, он молча наблюдал за ходом событий, уже готовый к любому исходу. Презрительно плюнул через плотно сомкнутые уста и почти неслышно отматерил черниговских воевод. Было видно, что и Путята тоже сильно взволнован, ибо он что-то громко сказал, обращаясь к детскому, ударил себя десницей по бедру и покачал головой. Однако гул нарастающей сечи не позволил Гориславу услышать слова товарища. Щуря серые глаза, детский внимательно

следил за тем, что делается там, впереди и одесную, где уже с криками, ржанием, гиком и звоном и громом соступились ратные. Он видел, как половцы осыпали пеших галичан сотнями стрел, но и им досталось. Кто выпал из седла, а кто и повис на стременах, побитый стрелами. Затем ухо его четко различило треск и ломление копий. Сшибка началась. Сабельный сполох и скепанье секир о доспехи перекрыли ржание раненых коней и крики людей. Половцы не повернули вспять, и их лучники из задних рядов продолжали осыпать галицкую рать стрелами. Горислав вновь осенил себя крестным знамением и, успокаиваясь, оборотился на восток. Там — где-то вдали — ближе к реке вошли в соступ конные полки. И оттуда ветер тоже доносил тяжелый и раскатистый гул сечи похожий на гул надвигающегося урагана.

Обернувшись, детский оглядел своих земляков — козельских кметей. Сейчас многим из них предстояло впервые идти в смертельную сечу. Молодь с побледневшими лицами и побелевшими устами готовила луки. У кого-то тряслись руки, и он никак не мог накинуть петлю тетивы на вырез изогнутого древка. Кмети постарше вели себя увереннее, оправляли щиты, мечи и топорики на поясах, перехватывали тяжелые копья, упирая древко в стремя или прикладывая его между десным боком и предплечьем. Мало кто всматривался вперед — туда, где смерть уже косила своей страшной косой недавно еще совсем здоровых, крепких и живых людей, но теперь — своих и вражеских воев. Кони чувствовали переживание кметей и тревожно ржали, переступая с ноги на ногу. Время тянулось страшно медленно. Не прошло и получаса, как половцы вошли в соступ, но казалось, что миновал уже час.

Наконец откуда-то с десного плеча или из-за спины зазвучал троекратный и пронзительный звук рога, призывающий к соступу конные стяги ошего плеча. Горислав привстал на стременах и что-то громко и зычно выкрикнул, обращаясь к своим кметям, а затем, опустив копье и плотно прижав

его к десному боку, тронул шпорами коня. Детский плохо помнил, как конь нес его на ворога. Почти не услышал из-за нарастающего гула, как пропели сотни стрел над его головой, но увидел, как словно смерчем ударило по галицкой рати. Осыпаемые половецкими и черниговскими стрелами, укрываясь тяжелыми щитами от их ударов, истекая кровью и теряя людей, пешая рать грозно выставила перед собой копья, молча, сурово и страшно ожидая своего противника. Уже с расстояния полета стрелы детский видел, что жеребец несет его прямо на двух ратных плотно прижавшихся друг к другу и опустивших копья. Горислав не отворотил коня. Тот сам знал, как вести себя. Расстояние между ним и пешцами стремительно сокращалось. Вот жеребец сделал еще несколько скачков. Горислав успел увидеть сузившиеся от злости, напряжения и ужаса смерти зрачки глаз галицких русичей, увернулся от удара и сам ударил того, который показался ему моложе. Сокрушительный удар его пришелся в верхний край червленого щита. Копье, словно выдернутое из рук детского, осталось там, куда был направлен удар, и молодой галичанин, охнув, пал навзничь. Другой ратник, что явно был старше и сильнее, хотя и ниже ростом, уже оставил свое копье в груди коня другого козельского кметя, свалив жеребца. Без промедления, отбросив щит, он выхватив из-за пояса секиру, и обрушил ее на придавленного конем козлянина. Тот пытался выдернуть ногу из стремени и вылезти из-под поверженного, бившегося в смертельных конвульсиях коня. Но второй удар галицкой секиры, обрушенной на него с гиком, уложил его на землю, уже обрызганную кровью. Горислав, отбросив щит, повернул коня и выпрастал тяжелый харалуг из ножен. Ратник на мгновение, повернув чело, в сторону своего поверженного на землю соратника, перехватил секиру и, с чувством мести в глазах, с криком ненависти, подсек ноги серебристо-серому жеребцу. Конь жутко заржал, но устоял и в следующий момент встал на дыбы, обрушивая свои передние кованые копыта на

врага. Галичанин прянул в сторону — в глубину ломавшегося строя, и в этот момент детский успел острием харалуга ошеломить его. Ратник устоял, хотя глаза его помутнели, а руки и ноги ослабли. Он вновь махнул секирой почти вслепую добивая жеребца. Детский, пытаясь ослабить врага, вновь обрушил харалуг, пришедшийся в десное плечо ратника. Но тот все еще упрямо стоял на ногах и держал секиру. Чем-то тяжелым ударило Горислава со спины по шелому. Он понял, что кто-то из ратников второго ряда достал его палицей или клевцом. Шелом выдержал, хотя в голове зашумело и помутилось. Краем глаза Горислав увидел, что козельские кмети ломают плотный строй пешей рати. Конь его пошатнулся, стал заваливаться и грянул на бок. В следующий миг детский всей ошеей частью тела и головой ощутил тяжелый удар о землю, услышал железный скрежет дощатой брони, и мгла на мгновение застила ему очи. Тяжелая птица с большими крыльями как тогда, в схватке за Днепром, медленно пролетела над ним, но не взяла его в свои когти. Сознание возвратилось к детскому. Мысль о том, что он не имеет права уснуть и забыться, что он во главе стяга и отвечает за людей, за молодь, вверенных ему, пришла первой. Он открыл очи и увидел небесную синеву, понял, что жив и может молиться. Сделав усилие над собой, привстал, опираясь на оший локоть. В голове шумело и все плыло перед глазами. Казалось, что с того момента как он грянул с конем обземь, прошел час, но прошло не более десяти минут. Терпя невыносимую боль во всем теле, стал выпрастывать ошее бедро и ногу из-под умиравшего и бившегося в судорогах жеребца. Сеча кипела и гремела где-то рядом, но уже не над ним. Выпростав ногу и с трудом поднявшись, детский осмотрелся. Галицкий ратник лежал на десном боку, подплывая кровью. Секира была все еще зажата в его дланях. Горислав понял, что галичанин еще жив, еще видит его, и что-то с ненавистью хрипит своими смелыми и упрямыми устами. Присмотревшись, детский увидел, что из

спины ратника торчит оперенная стрела, и понял, как избежал верной смерти. Сощурив глаза, он посмотрел вокруг себя, увидел сотни поколотых, посеченных, смятых воев и понял, что черниговцы все же сломали сопротивление пешей рати и погнали ее в сторону града. Он перекрестился дрожавшей десницей. Изнемогая от шума в голове, сел на землю рядом с павшим конем, снял тяжелый шелом и положил голову себе на руки. Серебристо-серый жеребец, заплывая кровью, все еще бил задними ногами, косил десным глазом вокруг и храпел, оставляя мир живых средь смертного поля.

Победа черниговских, северских полков и половецкой орды над галицкими и киевскими ратями была полной. Под князем Даниилом в сече пал конь, но он успел сесть в седло на нового жеребца и с братом Васильком в «мале дружине» ушел в сторону Галича. Михаил Всеволодович с черниговской конницей пошел за ними вдогон. Князь Киевский Владимир Рюрикович, боярин Мирослав, многие киевляне и галичане были взяты половцами в полон и уведены в Поле. А Изяслав с северскими полками и частью черниговских стягов двинулся на северо-восток — на Киев.

* * *

Киев взяли изгоном. Киевская конная рать, почти не оказавшая сопротивления, была смята и рассеяна в первом же соступе. Не потребовалась даже помощь половецкого отряда. Северско-черниговская конница с ходу перешла небольшие речки — Клов и Крещатик и на плечах киевлян вломилась в город через полуоткрытые Лядские (Польские) ворота. Вскоре черниговские и северские кмети полностью овладели городом. Никто из киевлян даже и не подумал о сопротивлении на улицах столицы. Половцев в Киев не пустили, и те разбили свой стан напротив Кловского монастыря за речкой, ожидая своей доли добычи. То, что город сдался без боя, очень удивило многих черниговских и северских

воев, готовых драться, убивать, жечь, грабить и насиловать. Конечно, поначалу без грабежа и насилия не обошлось. Но князь Изяслав настрого запретил бесчинства воям своих полков и черниговских стягов, предупредив, что будет карать за это смертью. И тогда, уставшие от длительных переходов в седле, крови, грязи, бессонных ночей в стороже и на привалах, отвыкшие от семейного очага, оторванные от любимых женщин, детей, родителей, заросшие бородами и волосами, насквозь пропахшие своим и конским потом, отвыкшие от заботливых и ласковых рук и, казалось, готовые погибнуть или получить увечье в любой момент, но нежданно избавившиеся от смерти и всех этих лишений мужчины бросились во все тяжкие, ушли с головой в разгул, в дым так, как это всегда умел делать только русский человек.

Теплый степной ветер дул откуда-то со стороны Печерского монастыря или из-за Днепра. Еще чадило с небольшого пожара, что полыхнул, но был потушен где-то близ Лядских ворот еще два дня назад. Зато дым стоял коромыслом на постоялом дворе у Софийских ворот уже третий день. Да и в каком другом месте Киева в то лето 1235 года было по-иному? Здесь же гуляли и бражничали кмети козельского стяга. Никто не жалел серебра. Даже хозяин постоялого двора с бритой головой и чупрыной, заляпанной смолой, пьяный в стельку, крепко обнимался со своими новыми постояльцами, орал песни и плакал пьяными слезами. Сидели за столами, поставленными прямо на улице. Медовуха, пиво, брага текли рекой. Пили, плясали, пели, говорили, ругались, матерились, мирились и опять пили. Когда кто-то вновь запевал, среди общего гула голосов вдруг отчетливо выделялся один высокий, сильный голос с каким-то бархатным и глубоким тоном. Это пел один из маститых воев с багровеющим от выпивки шрамом на челе. Женки и девушки, бегавшие на улице или во дворе по своим делам, на миг, а то и на минуту останавлива-

лись, прислушиваясь к тому, как красиво выводит певец. Две молодки, встретившись у погреба, стали негромко судачить, рассказывая друг другу о лихих козельских воях, с которыми успели познакомиться и даже поцеловаться где-то на задворках. На подворье гремела молодецкая, немного печальная песня, и они, невольно прислушиваясь, стали рассматривать и обсуждать поющих. Когда тот, что со шрамом на лице всей силой своих легких взял очень высокую ноту, они обратили на него внимание. Определив его страшную, но привлекательную чем-то внешность среди других поющих, улыбнулись, покачали головами и одна, оборотясь к другой, молвила:

— Загуляша севера*.

Вдруг крики и шум на улице нарушили бурно текущее застолье. Как не были пьяны кмети, но тут же вскочили с мест и гурьбой повалили со двора. А недалеко от Софийских ворот затевалась свара. Подгулявшие путивльские вои пристали к двум молодым киевлянкам и ну обнимать, целовать их, уламывать, да одаривать серебром. Пьяные вои становились с каждой минутой все смелее и распустили руки. Девушки запричитали и стали звать на помощь. Тут как тут оказались их братья и один из женихов. Киевляне народ смирный. Много повидали всякого воинского люда у себя в столице, но ты их лучше не задевай. Слово за слово. Раздались оскорбления, полилась матерщина, дали волю кулакам. Вот тут-то и подоспели козельские кмети и наваляли и тем и другим.

Путята с синяком под десным глазом все еще матерился и утирал кровь перстами с уголка уст. На Гориславе порвали рубаху, и он разбил кулак о чьи-то зубы. Трезвея, детский покрутил головой и осмотрелся. Киевляне быстро уходили, уводя с собой оскорбленных девушек. Путивльцы, кто лежал, а кто отползал в сторону. Недалеко от моста, что вел к воротам, стояли две женщины и смотрели на происходящее. Одна явно была не простого рода, хорошо одета и глядела на все без тени страха. Другая была одета просто и смотрела с

испугом. Горислав прищурился, внимательно посмотрел на первую и увидел, что она хороша собой. Ее большие синие глаза с интересом смотрели на него. Она вдруг неожиданно и смело подошла к их пьяной ватаге, поклонилась кметям и поблагодарила их за то, что прекратили бесчинство. Затем, улыбнувшись, упрекнула за то, что чересчур загуляли, вместо того, чтобы сходить в храм, помолиться Богу или помочь какой-нибудь вдове в хозяйстве. Козляне одобрительно загомонили, стали обступать ее со всех сторон и заулыбались кривыми пьяными улыбками. Но не такова была она, чтобы дать взять себя в кольцо. Посмотрев на Гориславa, она поманила его перстом, зазывая к себе в дом, чтобы зашить рубаху и угостить, чем Бог послал. Развернувшись, пошла прочь и никто кроме Гориславa не посмел последовать за ней. Вся козельская ватага, пьяно и хитро улыбаясь, вслух подтрунивая над своим детским, повалила на постоялый двор допивать недопитое. Лишь хмельной Путята, следуя на почтительном расстоянии, проводил своего друга до соседней улицы, почти до ворот большого двора, где стоял красивый рубленый терем. Прежде, чем Горислав прошел в открытую калитку, издали свистнул ему, напомнив этим, что знает, где искать своего друга, и что тот может быть спокоен за дела и за своих людей. Детский одобрительно махнул головой в ответ.

* * *

Солнце светило в небольшое оконце терема и его луч освещал большое, мягкое и душистое ложе, на котором проснулся Горислав, обнимавший десницей прижавшуюся к его груди пахнущую черносливом, пышногрудую и нежную женщину с разметанными по подушке густыми, черными волосами. Похмелье брало свое. Горислав снова закрыл глаза, и, казалось, уснул. Но сон его был краток. Ему привиделось, что он — раб, прикованный цепью к скамье на длинной торговой ладье, которую греки называли галерой. Он ощутил запах воды, как это было когда-то в разливе Днепровского лимана,

удары волн о борт корабля, хлопанье большого паруса под ветром. Солнце по-утреннему светило с небес, и легкий ветер доносил горьковато-соленый запах Русского моря со стороны острова святого Эферия. Все в Гориславе и вокруг него было напоено каким-то острым чувством радости, силы жизни, неповторимости каждого ее мгновения, чувством и риска и свободы. Вдруг его словно обожгло со спины, и он услышал, что хлесткий удар плети заставил десятки таких же, как и он гребцов-рабов дружно ударить веслами о воду и, двигая всем корпусом начать грести. Гребцы, словно превратившись в один могучий механизм, двигались в едином ритме. Горислав всем телом, всем существом своим испытал мощь и красоту этого движения. Напряжение его было невероятным, безумным, сладостным и слишком реальным. Усомнившись в том, что действительно спит, он разомкнул очи. Увидел ее, двигавшуюся над ним, с распущенными, ниспадавшими на его грудь черными прядями волос. Ее большие синие очи, излучали неземной, колдовской свет. Ему почудилось, что он опять заснул каким-то волшебным сном. И в этом сне Горислав обхватил ее руками и откинул спиной на постель, а ноги ее легли на плечи ему.

Чреслами и своим женским телом она чувствовала сладостные и трепетные удары его упругой мужской плоти. Чувствовала, как двигалось между ее бедер, вонзалось в нее, ударяя в разные места ее внутреннего женского естества, наполняя все ее существо невероятными ощущениями: сладкой дрожью, томлением, ожиданием экстаза. Всякое смущение было полностью утрачено ими. Казалось, все это длится бесконечно. И все же шквал экстаза налетел на них, казалось, одновременно подхватил и оторвал от земли, и они в беспамятстве исторгли: он — стоны, скрипя зубами и жадно глотая воздух, она — крики блаженства и слезы.

Затем он без сил упал на подушку рядом с ней. Холодный пот струился по его челу. На ее челе — по надбровным дугам,

у глаз, и над устами остывала теплая и влажная испарина. Они долго лежали молча, глядя друг другу в глаза. Когда он закрыл веки, она внимательно рассматривала его лицо, нежно целовала его закрытые очи, ланиты и чело, изувеченные шрамом. Скинув с него покрывало, гладила и прикасалась устами к его шрамам на ногах. Затем провела тонкими и чувственными перстами по его сильной, покрытой светлыми волосами груди, легко коснулась его мужской плоти и в нем вновь проснулось томное и страстное желание...

* * *

Ее звали Соломия. Она была хорошей хозяйкой в своем большом, богатом, но малолюдном тереме. Жила вдовой уже второй год, одна с отроковицей-дочерью. Несмотря на то, что выглядела молодо, чем-то напоминала ему ведунью. На второй день их знакомства Соломия отпоила Гориславa рассолом и какими-то отварами, и тот избавился от похмелья. Вечером подрезала ему бороду и волосы. Выпарила его в бане, вымыла, затем выпарилась и вымылась сама. За все это время никто из его земляков к нему не наведывался. На третий день их знакомства — утром она повела его в храм Святой Софии. Перед тем как выйти из дому, достала из сундука почти новый, слегка великоватый Гориславу, дорогого сукна светло-серый кафтан и подала, чтобы одел поверх зашитой и выстиранной рубахи. Они вышли на большую улицу, на которой произошла драка с путивльскими воями и их первая встреча. Она улыбнулась и заглянула ему в глаза, напомнив без слов об этом месте и его прошлой гульбе. Он слегка нахмурился и потупил глаза.

К тому времени северские и путивльские вои уже заметно поутихли. На улицах уже не было прежнего шума и ссор. Кто-то отправлял домой захваченное добро, кто-то наводил порядок в городе и нес сторожевую службу, кто-то завел зазнобу, кто-то залечивал раны, кто-то замаливал грехи.

Они пошли по деревянной мостовой улицы, что вела от Софийских ворот к Золотым воротам. Вышли к большой пло-

щади, в десной части которой возвышался огромный собор, сложенный из красно-розовой плинфы, с пятью алтарными абсидами и множеством крещатых глав. Обойдя собор ошую, подошли к его главному порталу. Горислав оглядел храм. Он многократно видел Святую Софию в Новгороде, но этот собор был еще больше, и поразил детского своими объемами, пропорциями, изяществом кладки и отделки. Длинные боковые галереи с лествичными башнями по углам протянулись вдоль стен собора и этим еще сильнее увеличивали его размеры. Перекрестясь и склонив головы, они вошли через огромный портал под своды собора. Огромный пятинефный храм принял их в свои объятья. В соборе было немного народу потому, что литургия уже отошла, и служили молебны. Горислав поднял глаза вверх и увидел купол необычайной величины. Измерил глазом воина подкупольное пространство собора, и к своему удивлению понял, что оно достигает почти семнадцати или восемнадцати саженей. С высоты купола на него строго и грозно взирал лик Вседержителя-Пантократора. Он воззрел на алтарную часть храма, стены и ниши, которой были выложены мозаиками, и в сердце его воцарилось немое восхищение. В трепетном и мерцающем свете свечей и лампад сотни тысяч камешков разноцветной смальты излучали и наполняли алтарное пространство всеми цветами радуги. Пресвятая Богородица с веретеном в руках в сиренево-синих ризах спокойно и умиротворяюще взирала от алтаря на входящих. Что-то словно пронзило душу Гориславу и исторгло из нее дивное и теплое чувство, сравнимое только с чувством малого дитяти, прильнувшего к матери. Даже не умом, а какой-то неземной частью сознания он догадался, что волновало мастера, так тонко сумевшего передать выражение глаз и лика Святой Девы. Детский перекрестился, и на очи его набежала слеза. Увлажнившимися глазами он еще долго и внимательно всматривался в росписи евангельских сцен и образы святых, размещенные на стенах, сводах и столпах

храма. А Соломия, видя эти тонкие и несвойственные многим мужчинам и воинам чувства Гориславa, молча и с любопытством взирала на него.

Когда, спустя почти час, они вышли на вольный воздух, он был погружен в молчание и раздумье. Какое-то время они еще молча продолжали идти к ее дому. Где-то лишь на полпути она спросила, какое христианское имя носит он. Горислав с удивлением взглянул ей в глаза и ответил, что крещен Димитрием.

Вечером детский отправил дворовую девушку на постоялый двор, где размещались его земляки, и велел, чтобы Путята направил к нему с кем-то из молодых воев его коня, кафтан и меч. Через час один воин из молоди доставил все это на двор к Соломии и от имени Путяты справился, скоро ли ждать детского. Горислав отвечал, что будет завтра в полдень.

Уже на следующий день она подняла его утром рано, и они отправились одесную Софийских ворот куда-то вдоль рубленых стен Владимирова града вверх по улице. Вскоре перед Соломией и Гориславом предстала каменная вежа с воротами, подобная Софийским. На его вопрос она отвечала, что это Михайловские ворота. Детский думал, что она поведет его через них внутрь града, но Соломия повернула одесную, и Горислав увидел перед собой другой небольшой рубленый град с воротной вежей. Детский понял, что все это укрепление с большим златоглавым храмом стоит на высокой горе над обрывом к Словутичу. Со стен и воротных веж, наверное, было хорошо видно все окрест, и ему захотелось подняться на заборола. Соломия остановила его и стала рассказывать, что град этот более восьмидесяти лет назад построен великим князем Киевским Изяславом, кого очень любили киевляне, и Горислав, слушая, остановился. Она рассказывала о войне Изяслава с Юрием Долгоруким за Киев. Тогда князья наводили на Русь половцев, черных клобуков, угров и ляхов. Угры, придя в Киев, устраивали на Ярославовом дворе ристалище:

играли на арабских скакунах, а киевляне дивились искусству их. Долгой и кровопролитной была та война и лишь после смерти Изяслава Юрий Долгорукий смог сесть в Киеве, но тоже ненадолго. Рассказывала Соломия, что обо всем этом слышала от своей бабки. Внимая же ей, Горислав с грустью думал о том, что княжеские распри уже второе столетие губят ранее могучую и сильную Русь, а все соседние малые народы только ждут случая, чтобы поживиться за ее счет. А ведь один Господь ведает о том, что ожидает всех окрест сущих, если Русь вконец ослабеет.

Между тем они тихо прошли под своды воротной вежи. Слегка хмельные черниговские вои с копьями, стоявшие на страже ворот, спросили, куда направляется Горислав и его женка. Он, положив длань на рукоять меча, притороченного к поясу, отвечал, что он княжий детский — старший козельского стяга и идет в град по делам. Один из воев узнал его в лицо и с поклоном поздоровался с ним. Горислав отвечал. Поклонилась воям и Соломия. Пройдя воротный проем, они направились одесную, и вошли в ограду небольшого монастыря. И здесь перед детским предстал еще один стройный каменный храм с позлащенными главами и скатами верхов, который Соломия назвала Михайловским Златоверхим собором. Они вошли в собор, полный народу. Соломия сразу же повела его за собой, взяв за руку. Они шли неторопливо, протискиваясь среди множества молящихся, и она подвела его к большому мозаичному образу. Горислав предстал перед великолепным изображением доблестного, молодого, светловолосого воина в сверкающем панцире из стальной чешуи, в наброшенном поверх доспехов голубом гематии, со щитом и копьем в руках. Без труда он прочел, что перед ним святой великомученик Димитрий Солунский. Темные глаза святого внимательно и задумчиво смотрели на Горислава. Поняв теперь, зачем привела его сюда Соломия, он благодарно взглянул на нее, воззрев на образ своего небесного покрови-

теля. Она же, отступив немного ошую, оставила его в этом молитвенно-созерцательном состоянии и, незаметно любуясь им, смотрела на него со стороны.

Пробыв в соборе около часа, они вновь вышли на площадь, а оттуда, по настоянию Гориславa, все же поднялись на верха рубленой стены, что выходила к обрыву над Днепром. Неоглядный простор, приволье и разлив широкой красивой реки открылись им с заборол и вершины Киевских гор. Горислав глубоко вдохнул всей грудью, провел дланью по лбу, волосам и посмотрел куда-то вдаль — на юго-восток. Где-то там — в необозримом просторе Днепровской поймы, за далекими верхами княжеского двора на Берестове, за главами Успенского Печерского монастыря — там лежал Варяжский остров, а еще далее — в сотнях поприщ ревущие гулом падающей воды пороги, а еще далее — бескрайнее Поле и Залозный путь, которым русские полки двенадцать лет назад шли к невиданному ранее разгрому на небольшой степной реке Калке. Сердце детского от этих воспоминаний в который раз пронзила ноющая боль. Горислав вновь тяжело вздохнул и оборотился к Соломии. Она, верно, поняла, о чем думает и вздыхает ее друг. Чтобы отвлечь его от тяжелых мыслей, указала ему вниз под гору. Там, где в устье ручья стояла небольшая часовня, по ее словам, была могила легендарного киевского князя Аскольда, убитого князем Олегом. Горислав перекрестился, взял ее под локоть и повел к лестнице, ведущей с верхов стены на землю.

После обеда детский побывал на постоялом дворе. Вои козельского стяга уже перестали бражничать, чистили коней, занялись починкой доспехов, снаряжения и любовными утехами. Никто из окружения северского князя Изяслава не беспокоил их службой в дозорах или в стороже. Кмети старшего возраста поговаривали уже об отъезде домой и готовили возы с добром, добытым на войне, но большая часть людей — особенно молодь и слушать не хотела о том, чтобы

оставлять богатый, шумный, красивый Киев и возвратиться в Козельск или в Чернигов. Путята вел дела справно и очень обрадовался, увидев Гориславa совсем трезвым, крепким, здоровым и, казалось, помолодевшим. Они улыбнулись друг другу, троекратно расцеловались. и Путята предложил Гориславу проехаться верхи до Бабиного торжка, посмотреть, какими конями торгуют в Киеве, и принять по чаше-другой медовухи. Детский с удовольствием согласился.

Через десять минут они уже проехали Софийские ворота и въехали внутрь града Владимира. Затем, прорысив немного по мостовой, свернули ошую и оказались на довольно большой площади, где был развернут торг. За торгом среди зелени деревьев располагался большой храм. Гориславу уже знал, что это один из древнейших храмов Киева — церковь Богородицы Десятинной. Перекрестясь на главы храма, козельские вои проехали к коновязям, где торговали конями. Кони были неплохи, но товарищи не выбрали себе ничего по нраву и отправились в бражный ряд. Там взяли большую крынку медовухи, и распили ее здесь же под сенью храма в тени деревьев. Когда они, уже порядочно захмелев, решили добавить еще, Гориславу пришла мысль, что неплохо бы познакомить закадычного содруга со своей зазнобой, показать ему, какая она у него. Уже смеркалось, когда двое в меру хмельных всадника подъехали ко двору Соломии, попросили открыть ворота и впустить их. Привратник, узнав Гориславa по голосу, отворил. И через четверть часа козельские вои уже сидели за небольшим чистым столом, крытым нарядным покровом, сладостями и фруктами в чашах и глиняной посуде, сверкавшей эмалями разных цветов. Рядом на маленьком поставце возвышалась большая глиняная крынка красного фряжского вина. Две большие чаши с вином стояли на столе. Рядом с ними стоял и небольшой кубок. Горело три свечи. Между женщиной и двумя мужчинами, сидевшими за столом, шел негромкий, но интересный разговор. Соломия рассказывала,

мужчины больше слушали или что-то спрашивали. Ее мягкий, бархатный голос очаровывал, а синие глаза таинственно мерцали в свете свечей. Ночь уже спустилась на землю, и шум на улицах Киева утих.

Соломия пересказала воям страшные, старинные былины и повести. Говорила, что узнала их от своей бабки. Та же слышала их из уст известного киевского сказителя вещего Бояна. Говорили о нем, что был оборотнем. Мог превратиться в орла, летать под облаками и видеть сверху все человеческие дела. Мог оборотиться в волка, рыскать по округе и узнавать важные вести. Мог стать ветром, притаиться в листве древа и слушать рассказы путников, отдыхавших под его кроной. Мог общаться с духами и идолами язычников и ведал многое, как о прошлом, так и о будущем. Говорили о нем, что прожил не одну сотню лет, и был он никто иной, как внук самого Велеса*. Знал он все о ратях древних времен, видел живого царя Траяна, завоевавшего Дунайские земли на рубежах Руси, и даже пророк ему о грядущем Рима. Знал он князя россов Кийвода. Знал о жизни великих киевских князей, ведал их тайны, любовные дела, услады и забавы. Когда же возлагал свои персты на струны и начинал петь, то никто из окружавших не оставался равнодушным к его сказаниям и песням. Любили и боялись Бояна в Киеве.

Соломия продолжала, а Горислав слушал со вниманием и все явственнее понимал, что страшно привязался, присох к этой женщине. Мысли о грядущем расставании он гнал от себя. Часто последнее время вспоминал он своих детей оставшихся в Козельске, но жену старался не вспоминать. Не раз, возвратившись из похода, замечал, что Антонина не очень то и рада его возвращению. Часто просила она отвезти ее домой в Новгород к батюшке и матушке. Словно кто-то сглазил ее. Словно черная кошка пробежала между ними. Жена была холодна с ним в постели. Всем сердцем чувствовал он, что неверна она ему, не любит его, хотя и родила от него троих

детей. Из-за этого холода он порой запивал, был груб с ней, а это еще более отдаляло их друг от друга. Часто он пытался быть ласков, искал выход, но годы шли, а семейная жизнь не только не налаживалась, а медленно ухудшалась. От этих мыслей он тряхнул головой, словно просыпаясь от дурного сна. Соломия давно молчала и тревожно смотрела на него своими большими синими глазами. Путята, допивший чашу с вином, уже спал, посапывая и склонив голову на длани рук, сложенных на столе. Заметив, что Горислав посмотрел на нее и улыбнулся, Соломия велела прислуге постелить Путяте на лавке у стены здесь же в горнице и уложить его. Сама же перекрестилась на образа, задула свечи на столе. Обняла десной рукой за пояс своего Гориславa и повела к себе в изложницу почивать.

* * *

Бурные и тревожные события, происходившие на юге Руси, взволновали Великий Новгород. Пасмурным осенним утром конца ноября, когда уже первый снег лег на землю, новгородские мужи: Яким Влунькович, Стефан Твердиславлич, Судимир со Славны, Прокша Яшнев, Коста Вячеславич, посадник, тысяцкий, а также ближние бояре Ярослава Всеволодовича собрались в большой палате княжеского терема на Городище. Князь Александр был здесь же. Все были одеты по-зимнему — в длиннополые кафтаны и сапоги с мехом. Настроение людей в целом было спокойным и радостно-выжидательным. В палате было сухо и тепло. Тусклый утренний свет предзимья пробивался через небольшие оконца, закрытые рамами с желтовато-серыми стеклами. Горели свечи и лампады перед образами.

Борис Творимирич пересказывал последние вести, полученные им из Поднепровья и Прикарпатья, из греков и из Великой Степи. Судя по всему, князь Михаил Черниговский со своими ратями после победы под Звенигородом прочно овладел Галичем. Князь Даниил с остатками своей дружины ушел к уграм за Карпаты. Но, похоже, долго отсиживаться там

не собирался, а подбивал угров к походу на Галичину. Точно известно, что просил помощи и у своей лядской родни, в первую голову у князя Конрада Мазовецкого. Князь Изяслав Северский пока сидел в Киеве, но положение его было не очень надежно. Часть северских, черниговских полков и стягов, бывших ранее под его рукой, уже оставила Киев и возвращалась по домам. С оставшимися силами Киев Изяславу было не удержать. Полоненный половцами князь Владимир Рюрикович, посылал в Смоленск и просил собрать откуп за себя, своих бояр и воев. Похоже, что смоляне готовы выручить князя Владимира и собирают на откуп по всей Смоленской земле.

Ярослав Всеволодович, внимательно и благодарно слушавший боярина, мановением руки, но в то же время вежливо, прервал его речь. Поворотив взгляд больших и внимательных синих глаз к новгородцам, спросил, что думают о положении в Киеве. Ясно было, спрашивал о том, помогут ли новгородцы своему князю в походе за овладение древней столицей. Сесть там уже более ста лет мечтал каждый русский князь, имевший силу, волю и ум. От лица переглянувшихся и перебросившихся несколькими словами новгородских мужей, отвечал Яким Влунькович. С его слов было ясно, что за Новгородом Великим, да и за пригородами дело не станет. Тем более с последней победы над литвой Русса и Торжок выставят немало воев под своими стягами. Хотелось бы, правда, чтобы Ярослав Всеволодович заручился и доброй помощью старшего брата Юрия. С этими словами Яким замолчал и выжидающе посмотрел на князя Ярослава.

Князь молча улыбнулся глазами и уголками уст и одобрительно кивнул головой. Помолчав немного, молвил, что сегодня же пошлет к старшему брату. От этих слов у молодого князя Александра потеплело на сердце. Тем временем князь Ярослав вспомнил и заговорил «о братьи свои» и родной Залесской Руси. Почему-то вдруг вспомнился набожный и скромный Святослав. Тот очень был радостен и горд ныне,

ведь своими руками вместе с артелью мастеров каменных дел поставил в своем Юрьеве-Польском каменный храм в честь святого Георгия-Змееборца. Собор, говорят, получился столь дивен и красив, что его можно было сравнить лишь с храмом святого Димитрия Солунского, что сложил еще их батюшка Всеволод во Владимирском Детинце. Перед мысленным взором Ярослава появился отец, и он вспомнил, как тот в детстве гладил его дланью по голове. Князь словно кожей и волосами ощутил тепло отцовской руки. От этого на душе стало мирно и спокойно.

Яким Влунькович, услышавший от князя утвердительный ответ, видя его улыбку и воспользовавшись установившимся молчанием, продолжил. Следующие его слова немного насторожили и обеспокоили всех. В Медвежьей Голове вновь водворился и сел на стол князь Владимир-переветник, выкупленный еще недавно орденскими немцами. Яким напомнил, что немцы выкупили почти весь полон, взятый во время прошлогоднего похода на Юрьев и Медвежью Голову. Сейчас князь Владимир с немцами и новгородскими переветниками из Медвежьей Головы готовят большое войско для похода на литву. С этим же обратились они и к псковским мужам, предлагая им дружбу и союз. Судя по всему, псковское вече и псковичи уже ответили Владимиру положительно. От этих слов на сердце у князя Александра похолодело, и он слегка порозовел ланитами, сглотнув горьковатую слюну во рту.

Князь Ярослав нахмурился и внимательно посмотрел на Бориса Творимирича. Тот лишь слегка склонил голову и попросил слова. Ярослав Всеволодович кивнул головой. Боярин серьезно обвел глазами окружение князя и молвил, что война Ордена и Пскова с литвой лишь на руку князю Ярославу Всеволодовичу и Новгороду. Немцы, псковичи и Владимир с переветниками увязнут в этой войне. Да еще неизвестно чем все закончится, ведь литва может быть очень сильна, если поднимется против немцев всем народом. Многие

годы литовцы не дают покоя орденским немцам на Двине под Ерсикой*. Эта война лишь развяжет руки князю Ярославу в борьбе за Киев. Более тревожные вести пришли из Великой Степи. Великий монгольский хан Угедей собрал на снем* весь свой народ, правителей своих улусов и объявил о походе на кыпчаков, булгар и ясов. Не исключено, что опасность угрожает Южной Руси. Но кто знает, куда пойдут монголо-татары, если сначала покорят Булгар. В большой палате терема воцарилось молчание.

Прошла минута-другая. Чтобы разрядить обстановку Борис Творимирич неторопливо продолжил, сообщая о делах в греческой земле. По его словам болгарский царь Асень II разорвал церковную унию с латинством, заключенную его предшественником и боярами. Следом заключил союз против латинян с императором Никеи. Православные патриархи Никеи, Александрии, Антиохии и Иерусалима дали свое согласие на венчание болгарского архиепископа в сане патриарха. Уже весной этого года болгарские и никейские полки начали войну против латинской Романии. Болгары ударили с севера, никейцы подвели свой флот с юга, высадились на европейском берегу и захватили Галлиполийский полуостров. Летом никейский базилевс Иоанн Ватац и болгарский царь Асень II разгромили латинян и освободили большую часть Фракии. Не за горами был и Цареград.

Борис Творимирич окончил, замолчал и поклонился князю. Ярослав Всеволодович удовлетворенно кивнул головой и поблагодарил боярина. Согласно закивали головами новгородские мужи, негромко обсуждая высказанное Борисом Творимиричем. У князя Александра немного отлегло от души, и он тихо и незаметно для других наложил на себя крестное знамение. Резкий порыв студеного ветра ударил в стекла оконцев и напомнил о том, что на дворе начинается зима.

Глава VII

Прощание

Весенний ветер привольно гулял над подсыхавшей после бурного паводка Великой Степью. Молодая зеленая трава, только недавно пробившаяся из земли, тихо шелестела под ветром, обогретая ласковым весенним солнцем. В воздухе пахло прошлогодней прелой травой, согретой землей, дымом далеких костров и кочевий, чем-то горьковато-сладким и вообще всем тем, что радостно будоражит душу и вселяет надежду на светлую и счастливую жизнь. Степные орлы высоко парили в небе, кружа над бескрайней равниной и, казалось, независимые ни от кого кроме Творца, предавались вольному полету и охоте. Однако опытный глаз степного охотника давно уже заметил, что грозных степных птиц что-то беспокоит, и что со своей неприступной для человека высоты, они видят там далеко на востоке что-то такое, что пока еще непонятно уму человека и не видно человеческому глазу.

Из глубин Великой Степи к южным отрогам Уральского камня и верховьям реки Яик двигалась, катилась, наступала на христианскую Европу невиданная почти тысячу лет сила — лучшая армия мира — десятки тысяч воинов Монгольской державы, призванные дойти «до последнего моря» и положить Европу к ногам Азии. Сотни тысяч конских копыт сминали молодую весеннюю траву. Крики тысяч людей, хлесткие удары плетей, ржание десятков тысяч коней, рев быков и верблюдов, скрип колес тысяч кибиток и возов

оглашали проснувшуюся весеннюю степь в начале 6744 года от Сотворения мира (1236 г. от Р. Х.). Автор «Истории завоевателя мира» Джувейни напишет позднее об этом: «Весной (монгольские войска) выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга... От множества войска земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери...»

* * *

Шум и суматоха царили в Оденпе в один из тех весенних дней мая 1236 года. Конные и пешие воины собирались на площади города, под стенами каменного замка, венчавшего высокий холм. Звонили колокола и весенний ветер, разгоняя облака, пел и вторил их звону. Многие жены, сестры и матери шли под руку или рядом с вооруженными и одетыми в доспехи мужчинами, ведя в поводу их коней и провожая в поход на языческую литву. Неле прощалась с женихом во дворе. Они уже несколько минут стояли молча, а Иоганн, обняв невесту за плечи, смотрел в ее большие голубые глаза, полные слез. Они так еще и не обвенчались. Неле словно ждала чего-то, ждала какого-то знака свыше и все оттягивала их венчание и свадьбу, хотя они уже давно были близки. Теперь же, прощаясь с Иоганном, она обещала ему, что будет страстно молиться за него, как и два года назад. А когда он возвратится с войны, то поведет ее к алтарю, где они оденут обручальные кольца на безымянные персты друг другу и поклянутся в вечной взаимной верности и любви.

* * *

Войска князя Ярослава Всеволодовича двигались на Киев по древнему пути «из варяг в греки». Через двадцать дней после выхода из Новгорода они достигли Смоленска. На ошеем берегу Днепра было шумно и многолюдно. Чадили костры, на которых грелись котлы. Смолились борта кораблей. Вои садились в ладьи и насады, заводили коней по сходням, грузили припас и снаряжение.

Весенний ветер привольно гулял над кручами киевских высот, среди верхов княжеских теремов, глав храмов и крестов и пел свои непонятные печальные песни, похожие то на стон раненого, то на причитания над покойником, то на вой голодной собаки на пепелище. На дворе близ своего большого и красивого терема Соломия прощалась с Гориславом. Путята уже давно сидел верхи и держал за повод нового жеребца, купленного детским на Бабином торжке в Киеве. Кони тревожно ржали и переступали с ноги на ногу. Соломия обнимала своего Гориславa, охватив обеими руками его стан, и прижимаясь к нему всем телом. Ошая рука его обхватила ее плечо. Он не слышал ее плача, но грудь ее сотрясалась от беззвучных сдерживаемых рыданий. Плат ее сбился и лежал на плечах, а он нежно гладил дланью своей десницы ее темные волосы. Густые облака, гонимые резкими порывами ветра, закрыли солнце. Горислав поднял глаза вверх, и ему вдруг почудилось, что туча стрел затмила свет над Киевом. Ноздри его словно уловили запах гари, дым костров и пожаров.

Серый, холодный свет декабрьского дня был разлит вокруг. Казалось, что он даже увидел истоптанный и пропитанный кровью снег. Тряхнув головой, детский пришел в себя. Отроковица-дочь Соломии стояла рядом и словами пыталась успокоить мать. Все понимали, что расставание неизбежно. Князь Изяслав Мстиславлич Северский оставлял древнюю столицу Руси, потому что большое и сильное войско новгородского князя Ярослава Всеволодовича шло по Днепру, чтобы переять Киев. Ласково отстранив Соломию, Горислав всел в седло и принял поводья у Путяты. Взяв его за стремя, и прижимаясь к его десной ноге, Соломия еще какое-то время шла за его конем. Лишь у Софийских ворот он нагнулся к ней, прошептал прощальные слова, и поцеловал ее в уста долгим и нежным поцелуем. Здесь они расстались навсегда. А ветер все шумел, гулял и пел прощальную песню о Золотой Киевской Руси, уходящей в невозвратное прошлое.

* * *

Древняя столица была взята Ярославом Всеволодовичем без боя. Ладьи и насады новгородцев и переславцев прошли устье реки Почайны и приставали к гавани у Подола. Передовой отряд новгородских воев уже прошел ворота открывавшие путь из гавани на Подол. Вои встали двумя рядами по обе стороны дороги, ведущей через Торговище до храма Богородицы Пирогощей. Киевский ремесленный и торговый люд, многие бояре уже собрались на Торгу и встречали князя во главе с духовенством, настоятелями киевских монастырей, с иконами, хоругвями и крестами. Многие из простонародья собрались в гавани на десном берегу Почайны и с интересом рассматривали новогродских и суздальских воев. Как только князь Ярослав вышел из насада, ему подвели коня, и он всел в седло. Его примеру последовали ближние бояре и старшая дружина.

Въезжая на Подол, князь внимательно всматривался в лица киевлян, встречавших его. Пожалуй, ни один лик, попавшийся ему по пути, не выражал чувства ненависти или безразличия. Вокруг были добродушные, веселые и светлые улыбки, глаза, искрившиеся интересом и ожиданием. Редко можно было заметить глаза, выражавшие чувство недоверия или непонимания. Все, что окружало князя Ярослава, во многом напомнило ему Новгород того времени, когда он еще совсем молодым, впервые сел на новугородский стол. Правда, страстей было поменьше, и простой народ здесь, в Киеве, выглядел более покладистым и зажиточным.

Доехав до храма Богородицы Пирогощей, князь Ярослав увидел многочисленное священство древней столицы с его еще более многочисленным и степенным клиром, услышал слова молитв, иконы строгого греческого письма, хоругви, вознесенные над скопищем народа, и сошел с коня. За ним последовало боярство и дружина. Борис Творимирич приблизился ко князю и шепнул что-то на ухо, указывая на игу-

мена Печерского монастыря Акиндина. Князь молча кивнул головой и ко всеобщему одобрению народа, поклонился в пояс настоятелю и окружавшему его клиру. Акиндин и его окружение отвечали тем же. Затем князь подошел к образам, встал на колени и поцеловал образ Богородицы Одигитрии. Поднявшись с колен, принял благословение игумена и пошел ошую храма Богородицы Пирогощей в гору на подъем. Борис Творимирич, несмотря на преклонные годы, живо следовал за Ярославом Всеволодовичем. Им подвели коней, и те, сев верхом, двинулись в сторону Боричева Тика. Дружина, верхи, следовала за князем. Народ, стоявший довольно плотно на торгу, расступался, пропуская верховых. Кони медленно пошли в гору, а Борис Твормирич стал рассказывать о предшественнике Акиндина — покойном игумене Досифее, кого знал лично еще в свою бытность в греческой земле. Досифей не раз бывал на святой горе Афон, принес на Русь чин о пении дванадесяти псалмов и написал известную рукопись о жизни афонских иноков. Затем боярин заговорил о древностях Киева, рассказал, что в этих местах более тысячи лет назад россы поставили град Боричев, почему древние греки и назвали Днепр Борисфеном. Он обратил внимание князя на высоту подъема, по которому шли их кони, и указал на Замковую гору, давая понять, что Боричев стоял на ее вершине. Князь измерил глазом расстояние и понял, что Замковая гора возвышается над Днепром не менее чем на пятьдесят саженей. Когда они подъехали к Боричеву рву, то князь, слушая боярина, увидел, что единственная дорога, ведущая на Замковую гору с Киевской горы, проходит по Боричеву увозу. Сначала ведет по узкой бровке горы Уздыхальницы (Вздыхальницы), затем по мосту через Боричев ров, потом по столовой горе Клинец и только после этого — по мосту через внутренний (Драпский) ров к Драпским воротам древней Боричевской крепости. Начало же Боричева увоза перед Уздыхальницей было «заперто» мощной Воздвиженской вежей. Опытным глазом полковод-

ца князь Ярослав про себя отметил, что цепочка из трех гор Уздыхальницы, Клинца и Боричева, представляет собой три яруса обороны, уникально созданных самой природой. Чтобы прорваться к самому Боричеву, расположенному в конце цепочки, необходимо брать один за другим три града. Искони люди должны были заметить это уникальное место. Нигде на Руси Ярослав не видел такого. И, поразмыслив еще раз, согласился с Борисом Творимиричем, что здесь, над Днепром, россы и вправду должны были поставить свой град более тысячи лет назад.

* * *

Огненные сполохи дальних гроз, сверкавших среди мрачных серо-синих облаков и темных туч, полыхали над болотами, лесами и лугами в окрестностях литовского града Шяуляя. В лугах и у опушек леса, скакали, бежали, стреляли из луков, вновь двигались и останавливались, чтобы драться насмерть, тысячи людей. Окрестности оглашены были стонами раненых, криками умиравших, лошадиным ржанием и топотом копыт. Уже часа два назад на подходе к городу у лесных засад были смяты и пали стяги Вендена, Риги, Митавы и Герцике. Далее и севернее от города на дороге, ведущей в Ригу, дрались последние воины Оденпе, погибая под градом литовских стрел. Правее их, под натиском литовской конницы отступали к лесу, осыпаемые стрелами, истекающие кровью воины дерптского стяга. Левее и сзади отбивались псковичи, отряды рыцарей и кнехтов, прибывших из Любека.

Кольчуга давно уже была просечена на груди рыцаря Иоганна фон Берга. Конь пал под ним, а из левого предплечья торчал обломок стрелы. Отбиваясь мечами от наседавших литвинов, Иоганн и несколько его друзей дрались с исступлением, прикрывая отход своих раненых соратников. Изнемогая от боли в руке и усталости, Иоганн ударом меча свалил коренастого невысокого литвина с палицей. Но соплеменник павшего изловчился и пронзил грудь рыцаря тяжелой совней,

через просеченную кольчугу. Заливаясь кровью, Иоганн рухнул навзничь на землю с открытыми глазами. Он уже не видел разъяренных лиц врагов и темного неба, мерцавшего сполохами дальних гроз. Перед его широко открытыми от страшной боли, тускнеющими как летний день глазами, стояла Неле...

Спустя несколько дней Неле, узнавшая о страшном поражении христианского войска в Литве, стояла и с трепетом молилась перед деревянным изваянием Пресвятой Девы в белокаменном замковом соборе Оденпе. Голову и плечи ее покрывал траурный темный шаперон. На глазах у молодой женщины были слезы. Она знала, что почти все воины их города, ушедшие в поход на Литву, погибли в битве. И все же она надеялась на чудо и просила Святую Деву сохранить жизнь Иоганну, даже если она — Неле никогда более не увидит его. Подняв в очередной раз очи, и посмотрев на лик Пречистой Девы, Неле вдруг увидела, будто слезы сверкнули в глазах той, к кому она обращалась с молитвой. В изнеможении женщина опустилась на колени. Ноги и руки ее дрожали, в голове помутилось. Дыхание перехватило, и тело ее сотрясли рыдания.

Глава VIII

Посольство

Яркий вечерний свет майского заката озарял большую палату княжеского терема на Рюриковом Городище, где собрался совет. Князь Александр Ярославович во главе старшей дружины и ближних новгородских бояр слушал тревожные вести, принесенные Якимом Влуньковичем из Псковской земли. Лицо князя было сосредоточено. Голубые глаза внимательно и серьезно глядели на боярина Якима. Князь сидел на небольшом стольце. Рядом с князем стоял его меченоша Ратмир, лицо которого выражало не меньшее напряжение. Окружавшие их человек двадцать мужей с большим вниманием слушали слова боярина. Тот сообщал, что после страшного разгрома орденских немцев под Саулом (Шяуляем) языческая Литва во главе с князем Миндовгом подняла голову и не даст теперь покоя ни немцам, ни русичам. Немцы укрепляли свои рубежи с юга. Рижский бискуп Николай построил град-замок Крыжборг (Крейцбург), чтобы оборониться от литвы. Но не то было страшно. Орден обратился за помощью к самому папе. Тот же благословил объединение ливонских немцев с еще более могущественным и сильным — Орденом святой Девы (именуемым так же Тевтонским) обосновавшимся в землях пруссов на юго-восточном берегу Варяжского моря. 12 мая в папском замке Витербо, близ Рима, папа Григорий IX утвердил объединение обоих орденов под единым нача-

лом. Чудская земля, Ливония (земля ливи, летьголы), земли земиголы и куршей стали называться Ливонским Орденом, подчиненным отныне Ордену святой Девы. Мейстером Ливонского Ордена был поставлен знатный немецкий муж Герман Балк. Мейстер Ордена святой Девы Герман фон Зальц обещал ему отправить первый полк немецких воинов в Чудскую землю ближе к осени. Значит, силы немцев в Чудской земле удвоятся. Что же касается псковичей, то те пока нос воротят в сторону немцев, видать кровавая сеча под Саулом их ничему не научила.

Вести были недобрые. После того, как Яким Влунькович окончил, в палате воцарилось молчание, длившееся несколько минут. Затем слова попросил известный новгородский муж Гаврила Алексич. Он прокашлялся и неторопливо заговорил о том, что тевтонцы вряд ли смогут постоянно помогать ливонским немцам. Литва теперь сильна, как никогда ранее. И если тевтонцы помогут ливонцам, то им самим придется туго. Другое дело, если немцам помогут короли полуночной части римской страны — король датский Вольдемар, да король свейский Эрик Картавый. Глядишь, на помощь Эрику придут, мурмане*, сумь* и емь, которых свеи уже обратили в латинство. На псковичей тоже рассчитывать не приходится, ибо неизвестно, как поведет себя псковская господа во главе с Твердилой Иванковичем и его приспешниками. Вот тогда придется плохо не только литве, но и Новгороду Великому. А потому надо постараться новгородским мужам и князю Александру да не упустить времени, пока не выступили они за един. Бить же их поодиночке, как только покажут они свои волчьи зубы. Услышав все это, князь Александр Ярославович одобрительно кивнул головой. Взглянул на улыбнувшегося Ратмира, и глаза его потеплели.

Слово вновь взял Яким Влунькович. Рассказал о том, как обстоят дела у батюшки-князя Ярослава Всеволодовича в Киеве. Князь Ярослав и все киевское священство принимали

нового митрополита Иосифа родом гречина, поставленного Никейским патриархом. Слава Богу, у Ярослава Всеволодовича сложились теплые отношения с киевским митрополичьим клиром, настоятелями киевских монастырей и соборов. Следом боярин перевел разговор на тему о великом князе Владимирском. Рассказывая о том, что творится у восточных рубежей Залесской Руси, он медленно мрачнел ликом, начинал волноваться. По его словам великий князь Юрий Всеволодович был сейчас в великой тревоге. Давно уже забытые на Руси татары вновь объявились на Волге и сейчас громили царство Булгар. Их отряды и сторожи теперь рыскали вдоль обоих берегов Волги, не доходя до Нижнего Новгорода ста верст. Тут князь Александр остановил Якима и задал ему вопрос удививший всех присутствовавших:

— Сведоми суть немци о тотарах, иже сотвориша в Булгарах?

Яким Влунькович помолчал, размышляя. Поразмыслив, отвечал, что точно не ведает, но думает, орденские немцы, наверное, знают и интересуются тем, что творится на восточных рубежах Залесской Руси.

— Тако же и ны о немцех мыслити надлежить, — задумчиво молвил Александр Ярославович, повергая окружающих в еще большее удивление и как бы отвечая всем на рождавшийся пока в умах вопрос.

— Скоро же имамъ прияти посылов мейстера ливьских немец Герман Балк, — заключил князь среди полного молчания, внимательно оглядывая всех присутствующих в палате.

* * *

Великие заботы и тревога не оставляли великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Всю прошлую осень, зиму, весну и лето наступившего 6745 года (1237 год от Р. Х.) получал он страшные известия о полном разгроме и пленении своего восточного соседа и грозного соперника в борьбе за земли Поволжья — Булгарского царства. Побывав еще зимой

на восточных рубежах своих владений, видел он тысячи несчастных булгар, бежавших в его землю ради спасения от монголо-татар. Князь велел расселять беженцев там же: в Нижнем Новгороде, Городце, Стародубе или Костроме. Мысли его были нерадостны, ибо он часто задумывался о том, какой силой должен был владеть враг, столь быстро сокрушивший сильное Булгарское царство. Бояре и воеводы советовали ему крепить города, но он понимал, что с кочевниками лучше всего драться в поле, а не отдавать им свою землю на разорение, сидя за стенами градов. И потому велел воеводам готовить войска к выступлению в поход на восточные рубежи и пополнять полки новыми воями.

* * *

Вечерняя ноябрьская мгла опустилась и скрыла от глаз долину Клязьмы. Затем темнота окутала и спрятала постройки «Ветчаного», «Нового» и «Печернего города». Тусклым закатным светом продолжали отсвечивать лишь белокаменные стены Детинца, его соборов и куполов. Миссия венгерских монахов-доминиканцев во главе с братом Юлианом возвратилась на постоялый двор с княжеского приема, устроенного по соизволению великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича в его тереме в Детинце. Юлиан и его сподвижники-братья по миссии с трепетом и испугом живо обсуждали события, происходившие на Востоке — за рекой Этилем (Волгой). По свидетельствам очевидцев, бежавших от завоевателей-татар на Запад, Булгарское царство было уже полностью разгромлено и пленено. Под ударами татар половцы оставили родные степи и отступили на правобережье Дона и южнее — к Днепру. Ходили слухи, что они собирались совсем оставить днепровские и донские степи и уйти за Карпаты — в Венгрию. Война с татарами затянулась лишь у южных отрогов Уральского камня, где воинственные башкиры и венгры еще оказывали завоевателям сопротивление. Выходило, что миссия, получившая благословение самого

апостолика (папы римского), направленная на Восток, для обращения ко Христу уральских язычников-венгров, окажется невыполнимой. Обсудив эти сомнения и трудности дела со своими собратьями, получив их согласие, Юлиан уединился в небольшой палате постоялого двора, достал из дорожного сундучка свиток пергамена, перья, чернильницу, помолился обратясь к образу святой Девы, разложил письменные принадлежности на столике и стал писать на латыни. Его послание папскому легату епископу Перуджи было сохранено историей и лишь с небольшими искажениями дошло до наших дней. В современном русском переводе оно бы звучало примерно так: «Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны Запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль (Волги) на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (в тексте на латыни было написано *Ovcheruch. — Д. А.*) … Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и булгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь…

Многие передают за верное, и князь суздальский (Юрий Всеволодович) передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским. А письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов… я видел со спутниками, мне данными…»

* * *

Тусклое декабрьское солнце освещало рубленые постройки Быстреевского погоста — сторожевого новгородского селения, построенного в самых западных владениях Великого Новгорода — Лужской сотне. Ворота небольшой вежи были растворены. В самой же веже и у ворот находилось более двухсот кметей, пришедших сюда сопроводить своего князя Александра для встречи посольства орденских немцев. Легкий морозец румянил и пощипывал лица воев и храпы коней. Вои во всеоружии и в полном доспешном снаряжении весело переговаривались и шутили. Лишь князь Александр и его ближайшее окружение, бывшие в седлах, сосредоточенно и молчаливо ожидали немцев, подъезжавших к погосту. В составе посольства было около тридцати человек. Все были верхом, в доспехах и при оружии. Через десять минут посольство въехало в ворота погоста. Сойдя с коней, немцы раскланялись с князем и его окружением, а затем были приглашены в большую рубленую хоромину близ воротной вежи.

В натопленной палате было тепло и светло. Горели свечи и лампады перед образами. Небольшие оконца с мутными стеклами струили полуденный рассеянный свет. Немецкий посол и его немногочисленная свита, прошедшая в палату, внимательно рассматривали молодого новгородского князя и его окружение. Александр Ярославич и его люди присматривались к немцам. На русичей смотрели люди со светлыми волосами, смелыми серыми и голубыми глазами, литыми подбородками. Многие из немцев были бриты и не имели даже усов. Русичи с остриженными под горшок, а порой с пышными гривами светлых, русых, темно-русых волос и бород выглядели в глазах посольства немного диковато. Их серые, голубые, синие, зеленые, карие глаза, казалось, смотрели на немцев с любопытством, хитростью и коварством. Князь Александр Ярославич, одетый в кафтан серебристо-лазоревого цвета, восседал в шапке с малиновым верхом на небольшом стульце

в центре у стены, противоположной входу. Голубые глаза князя были холодны и внимательны. Перстами десной руки он легонько поглаживал русые усы и бородку.

Речь немецкого посла переводил пожилой седобородый толмач из эстов. Русский толмач стоял рядом с князем и, склонясь к его уху, подтверждал правильность перевода с немецкого на русский. Посол начал с того, что спросил о здравии князя Ярослава Всеволодовича и его делах в Киеве. Александр отвечал через своего толмача, что батюшка здоров, и дела у него идут успешно. Князь хорошо знал, что на Киев движется большая рать Даниила Галицкого, в составе которой, были отряды угров и ляхов, и что отцу скоро придется нелегко, если он возьмется оборонять древнюю столицу. Александр догадывался, что немцы осведомлены о положении дел в Киеве и на юге Руси. Однако виду не подавал, а лишь слегка улыбнулся, отвечая на вопрос посла.

Затем последовал вопрос о том, каково здоровье и как обстоят дела у дяди Александра — великого князя Суздальского Юрия Всеволодовича. Александр вновь позволил себе улыбнуться, хотя в себе немного подивился тому, что немцы наверняка знают о разгроме татарами булгар и их соседей. Подумав немного, отвечал открыто, но сдержанно. Кратко сказал о татарах, о разгроме Булгарского царства, о беженцах, об угрозе Залесской Руси. Посол в ответ одобрительно и понимающе закивал головой.

Следующий вопрос немца касался численности татар, пришедших к рубежам Руси. Александр, имевший самые общие сведения, отвечал, что ничего не ведает о их числе. Видно было, что посол заранее знал ответ князя и без промедления сообщил, что ему и многим верным слугам римского престола хорошо известны численность и замыслы безбожных варваров, намеревавшихся завоевать Рим и все христианские государства. Для убедительности добавил, что на границах Рязанской и Суздальской земли стоят татарские рати числом от тридцати

до сорока тысяч хорошо подготовленных конных воинов. Причем в этом войске есть хорошие мастера по изготовлению градобитных пороков и мастера осадных дел, которые помогли взять многие крепости царства Булгар. Но и это еще не все, ибо второе татарское войско числом до двадцати тысяч воинов подошло к берегам Дона и готовится начать войну с половцами, а те уже не смогут прийти на подмогу Руси…

Посол замолчал и в палате воцарилась напряженная тишина. Молчал князь Александр, обдумывая, что ответить послу. Через минуту-другую он неторопливо и уверенно задал вопрос немцу о том, чего же хочет от него мейстер Ордена Герман Балк и другие верные слуги Рима. Посол улыбнулся, стараясь казаться как можно более доброжелательным, и отвечал, что мейстер предлагает новгородскому князю дружбу и помощь в случае нападения татар. В ответ князь Александр со своей дружиной, новгородцами и их архиепископом должны признать главенство папы римского над собой и разрешить римским миссионерам проповедовать слово Божие по латинскому обряду в Новгородской земле. Также князь должен разрешить беглым новгородским людям, что осели в Оденпе, свободно приезжать в Новгород. Посол закончил, и общее молчание вновь воцарилось среди собравшихся. Нарушено оно было Александром Ярославичем, который, веля толмачу переводить точно и неспешно, спросил, сколько же воев может выставить Орден, дабы отразить татар от рубежей Новгородской земли.

Услышав этот вопрос, немец помрачнел, понимая, что сделал большую оплошность, сообщив князю о численности татарских ратей. Однако, собравшись, отвечал, что в случае опасности магистр Ливонского ордена может направить для поддержки князю Александру в Новгород пять-шесть тысяч воинов. Затем, напрягшись и покраснев щеками, добавил, что если князь Александр не примет этой помощи, то воины Божьи сами смогут оборонять рубежи христианских земель с востока на дальних подступах — здесь в Новгородской земле.

Угроза из уст немца прозвучала вполне откровенно. В третий раз в покоях наступило общее безмолвие.

Тем временем перед духовным взором Александра, невидимый никем, появился златокудрый воин, улыбнувшийся князю. Спустя минуты три Александр нарушил молчание, изрекая слова Евангелия:

— ...Возврати ножъ твой въ место его: вси бо приемшии ножъ, ножемъ погибнутъ. Или мнитися ти, яко не могу ныне умолити Отца Моего, и не представитъ Ми вящше неже дванадесяте легиона ангелъ? (Возврати меч твой в место его; ибо все, взявшие меч, мечем погибнут. Или думаешь, что не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Мтф., гл. 26; 52, 53.)

Толмач переводил медленно, но уверенно. Когда закончил, Александр Ярославич, глядя в глаза немца и вопрошая его, добавил от себя:

— Колико же ратных приидет от тотар на латынян, егда тотары имуть Рим яти?

Орденский посол раскрыл рот и слова ответа, приготовленного заранее, застыли у него в гортани. Глаза немца загорелись злобой и налились кровью.

* * *

Прочный лед, слегка присыпанный пушистым белым снегом, стал на реке Нузе — притоке реки Воронежа. Кони рязанского посольства прошли по льду к огромному стану монголо-татарского войска, частично спрятанному в перелесках. Сколь ни пытались гриди и отроки князя Феодора Юрьевича определить на глаз приблизительное число ратных татар, но сделать этого не могли. Посольство встретил в огромной круглом шатре сам царь Бату (Батый) в окружении своих слуг, воевод и нукеров. Феодор Юрьевич и его бояре, раскланиваясь, одарили царя и его окружение дорогими подарками: мехами, серебром, парчовыми и атласными тканями, медом, отроки подвели к шатру красивых жеребцов и

кобылиц. Батый, казалось, был доволен, улыбался и щурил свои раскосые рысьи глаза. Завязались переговоры.

Феодор Юрьевич просил от лица своего батюшки князя Рязанского Юрия Ингваревича не вступать на Рязанскую землю, не разорять и не жечь ее, а принять подарки, выкуп и уйти с миром. Через толмача Батый отвечал, что не хочет разорения Рязанской земли, но, сомкнув брови и, выкатив глаза, грозно заявил, что пришел взять всю Русскую землю. Среди многочисленного и воинственно настроенного окружения царя раздался одобрительный шум. Князь Феодор зарделся румянцем и сдержал слова, которые просились у него с языка. И тут заметил, что к царю приблизился и что-то прошептал ему на ухо опальный, а ныне беглый его боярин Бродята. Толмач быстро и тихо перевел речь беглеца. Сузив глаза и усмехнувшись, Батый обратился к Феодору Юрьевичу через толмача:

— Ведаю, яко имаши у собе княгыню от царьска рода, и лепотою — телом красна бе зело. Дай ми, княже, ведети жены твоея красоту.

В огромном круглом шатре царя Батыя наступила гробовая тишина. Все окружение князя Феодора: бояре, детские, отроки, гриди, слуги двора замерли в невероятном напряжении и ожидании. Замерли, замолкли царские нукеры, батыры и князья. Еще румянец не сошел с ланит Феодора Юрьевича, как улыбка прошла по его благородному смелому челу и устам. Громкий и вызывающий хохот вырвался из его сильной груди, и слезы выступили на его очах. Следом же громогласно изрек он:

— Безуменъ ти еси, царю! Не полезно бо есть намъ христианомъ тобе нечестивому царю водити жены своя на блудъ. Аще ны преодолееши, то и жены наши имаши владети.

Еще несколько мгновений после слов князя в воздухе висела могильная тишина. Но следом Батый, брызгая слюной, разразился громовой бранью. Все его нукеры и князья выхватили из ножен кривые мечи, сабли, секиры и ринулись на русичей. Несколько десятков стрел рассекли воздух и побили людей

из посольства князя Феодора. Кто-то, выхватив клинок, успел вырваться из шатра и крикнуть на помощь русичей, бывших снаружи. Один из княжеских милостников именем Апоница успел вскочить на крепкого неоседланного жеребца и дать круг возле шатра, призывая на помощь своих собратьев. Но не прошло и пяти минут, как татары покололи, посекли и постреляли русичей. Минуя костры и юрты татарского стана, милостник направил жеребца в лес, стоявший близ реки. Несколько стрел просвистело ему в след, так и не задев его. Уже издали, с пригорка, он увидел, как царские нукеры стали относить от царского шатра изрубленных, пострелянных и истекавших кровью русичей, сбрасывая их тела в небольшой буерак саженях в тридцати от места избиения русского посольства.

С трудом Апоница дождался темноты и полночи в лесу. Татары веселились и пировали у костров. Зловещие отблески пламени и мрачные тени метались в татарском стане. Незнакомая русскому уху струнная и горловая музыка Великой Степи, крики людей, ржание коней, мычанье быков и рев верблюдов звучали, гремели среди ночной мглы у границ Руси. Уже в предутренней декабрьской мгле, когда татарский стан начал стихать, милостник прополз как тень к буераку, куда были сброшены тела его погибших товарищей. Там среди груды остывших и оледенелых от крови покойников, отыскал он тело князя Феодора. С великим трудом и осторожностью вынес он покойного своего господина из вражеского стана, уложил его поперек конской холки и ускакал с ним за Нузу к рубежам Руси. Там, поприщах в десяти от места стоянки татарской рати, роя мерзлую землю коротким мечом, выгребая ее перстами, срывая ногти, кровавя длани, выкопал он неглубокую могилу. Затем помолился, поплакал и схоронил в ней покойного. Сверху засыпал могилу снегом и придавил стволом поваленной сосны. Отметил место зарубками на стволах деревьев и поскакал на северо-запад — в сторону дома.

Глава IX

Нашествие

Рязанские полки, ведомые князем Юрием Ингваревичем, остановились верстах в двух не доходя небольшого леса близ реки Воронежа. Юрий велел младшему брату Давыду вывести свой муромский стяг в сторожу между лесом и рекой, да разведать, далеко ли татары. На душе у князя было неспокойно. Он знал, что татарская рать числом в десять тысяч воев уже взяла копьем и большой кровью рубежный рязанский град Овчеруч, поставленный русичами и крещеной мордвой на реке Суре. А взять-то его было непросто, четыре линии рвов, валов и стен имел тот город. Да и воев там хватало, ибо туда пришли остатки булгарских дружин и буртасы. Вспоминал князь Юрий татарское посольство, потребовавшее у совета рязанских князей двенадцать дней назад десятины во всем: в князьях, и в людях и в конях. Вспоминал, как гордо ответил он с братьями татарским посылам, что лишь тогда возьмут вороги все, что хотят, когда не останется в живых ни одного из рязанских князей. Но более всего точила князя Юрия мысль о том, что нет уже в живых его любимого сына Феодора, убиенного татарами в посольстве на реке Нузе. В живых остался лишь один милостник, он-то и сообщил о трагедии, разыгравшейся во вражеском стане. Милостника князь отправил с сопровождением в княжеский городок на Осетр — в удел Феодора Юрьевича, дабы сообщил снохе

Евпраксии о трагическом конце ее мужа. Чувство мести жгло княжеское сердце.

Рязанские полки выступили против татарской рати один на один. Великий князь Владимиро-Суздальский Юрий Всеволодович пока ни сам не пошел, ни помощи не послал. Передал, правда, что собирает полки и, Бог даст, вышлет помощь к Коломне. Да пока не привел своего полка на соединение с братьями Роман Ингваревич. Еще десять дней назад ускакали в Чернигов с просьбой о помощи младший брат Ингвар Ингваревич с малой дружиной и боярином Евпатием Коловратом. Ждать известий из Чернигова было еще рано. Но и оставлять родную Рязанскую землю на поругание ворогу было нельзя. Вот потому и шли рязанские полки к рубежам своей земли, чтобы там встретить вражеские рати. Остановив коня, Юрий Ингваревич посмотрел из-под ладони на юго-восток. Там ошую небольшого леска остановился конный муромский стяг, шедший под рукой брата Давыда Ингваревича.

Нарастающий гул и звуки рога огласили поля и перелески. Князь Давыд увидел, как сотни воинов в пестрых длиннополых халатах и островерхих шапках с копьями и луками в руках выезжают из-за деревьев и строятся лавой саженях в двухстах от его полка. Он не знал, что перед ним одно из лучших ратных соединений Великой Степи — тумен*, собранный монголами из отрядов кара-киданей во главе с царевичем Хорду. Ударной силой тумена была монгольская тысяча. Татары выезжали и сразу же строились плотными рядами. На первый взгляд казалось, что их тысячи три. Князь Давыд срочно послал вестоношу к старшему брату за помощью, ибо под его рукой было людей вчетверо меньше. Вои готовили луки и стрелы. И десяти минут не прошло, как татары неожиданно пошли в соступ плотным конным строем. Рязанцы стояли, не трогаясь с места. Еще через несколько минут тысячи стрел затмили небо. Князь Давыд не помнил более, как отбил щитом разящие удары стрел, как тронул коня

и повел поредевший муромский полк в последний соступ с копьем наперевес. Он дрался в исступлении, поражая ворога сначала копьем, затем харалугом, потом палицей. Дрался, зная, что скоро будет убит и предаст душу свою в руце Божии. Дрался насмерть, уже не чувствуя смертельных ран. Дрался, зная, что скоро будет отомщен. А рядом, не отступая ни на шаг, кружились в вихре сечи, дрались и погибали его верные муромские бояре, гриди, отроки и кмети.

Вестоноша не успел доскакать до князя Юрия Ингваревича, когда тот увидел, что огромная пятитысячная татарская рать бьет стрелами и сминает небольшой муромский стяг. Князь понял, что Давыда, скорее всего, уже нет в живых. Сорвавшимся голосом велел он трубить в рог, готовиться к соступу. Тут же велел братьям Всеволоду Ингваревичу Пронскому и Глебу Ингваревичу Коломенскому идти за ним со своими стягами одесную и ошую большого рязанского полка. Олегу же Ингваревичу наказал поддержать и прикрыть русские полки со спины. Братья быстро обняли друг друга и расцеловались как перед смертью. Укорил тогда себя князь Юрий, что не представлял ранее, насколько велика татарская рать. Лучше бы сидеть было им за крепкими стенами своих градов, отбиваться от ворога и спасать все, что еще можно было спасти. А там, глядишь, и пришла бы подмога...

Но конные русские полки пошли навстречу смерчу татарских стрел в копейный соступ. Многие не доскакали тогда до ворога живыми, а легли под стрелами. Но тот, кто дорвался до врага, колол и рубил татар в исступлении. Из четырех тысяч русских воинов, вступивших тогда в сечу, в живых не осталось и пятисот. Храброе рязанское войско почти все полегло под стрелами, копьями и саблями татар. Но за два часа схватки татарский тумен царевича Хорду потерял более трех тысяч воинов. Спустя несколько десятилетий автор «Повести о разорении Рязани Батыем», возможно выживший чудом в этой сече русский воин напишет: «Ту убиенъ бысть благоверный

князь великый Георгий Ингоревич, братия его князь Давидъ Ингоревич Муромский, братъ его князь Глеб Ингоревич Коломенской, братъ их Всеволодъ Проньской, и многая князи и воеводы крепкыя, и воинство: удалци и резвеци резанскыя. Вси равно умроша и едину чашу смертную пияша. Не единъ от них взратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша».

Лишь небольшие остатки ижеславского стяга князя Олега Красного были рассеяны и спаслись бегством. Самого Олега татары захватили израненного, еле живого и доставили к царю. Бату, рассвирепевший от больших потерь в кара-киданьском тумене, кричал на Хорду, ругался и плевал. Субутдай-багатур был рядом, презрительно смотрел на царевича и молча сносил ругань своего господина. Когда Бату увидел князя Олега Красивого, благородного и храброго, но изнемогающего от тяжелых ран, то с уважением предложил ему принять свое подданство, обещая уврачевать его раны. Но князь укорил царя, назвав его безбожным врагом христиан. Немедля Бату приказал своим нукерам рассечь храброго князя мечами на части и кинуть останки на съедение зверям. Как донес до нас автор «Повести о разорении Рязани», князь Олег принял венец страдания от всемилостивого Бога подобно страстотерпцу Стефану и испил чашу смертную со всею своею братиею.

* * *

Закурилась тысячами дымов и опалилась тысячами пожаров тихая и ранее спокойная зимняя Рязанская земля. Была она издревле самым безопасным северо-восточным краем Руси. С зимы 1237 г. от Рождества Христова стала она многострадальной и лихой украинной землей, через которую три века подряд будут ходить на Русь завоеватели — татары. Сокрушая рязанские грады и захватывая рязанские села, Батый велел своим воинам убивать и сечь русичей без милости. Оставшиеся без своих князей и дружин — бояр, детских, кметей, гридей и отроков, легших в сече на Воронеже, грады Бел, Ижеславец, Ростиславль были взяты татарами изгоном.

Лишь град Пронск пришлось брать копьем. Прончане заперли крепкие врата града и осыпали врага сотнями стрел. Татары же, оградясь подвижным тыном и гоня впереди себя русских полоняников, смогли навести примет* у воротной вежи, засыпав ров бревнами, землей, трупами побитых лошадей и людей. Затем, укрываясь щитами под градом стрел и камней, подвели таран к воротам и вышибли их, сорвав с крепких, кованых петель. Ворвавшись в город, всех людей, как в Беле, Ижеславце и Ростиславле, побили без милосердия.

16 декабря Бату с главной ратью подошел к Рязани. Город, стоявший на высоком берегу Оки, показался ему большим и крепким. Три яруса валов, рвов и рубленых стен окружали древний центр града. Красивые храмы, сложенные из белого и красного камня, стояли за этими рвами, валами и стенами. Бату знал, что в этих храмах хранилось главное богатство — золото, серебро и драгоценные камни. Множество народа из окрестных селений сбежалось и укрылось внутри города. Сотни воинов с луками, стрелами, копьями и секирами взошли на стены, чтобы драться насмерть.

На военном совете хан высказал свои сомнения о том, можно ли взять такой град. Но Субутдай-багатур и китайские мастера уверили его, что и десяти дней не пройдет, как они возьмут Рязань. Сразу начались осадные работы. Татары заставили пленников изготовить сотни длинных и тяжелых лестниц. Под руководством китайских и чжурчженьских мастеров за два дня было построено более тридцати метательных машин, установленных с напольной стороны и укрытых подвижным тыном из тонких бревен. Две тысячи лучников, меняясь через два часа, метали стрелы в осажденных со стороны пороков. Рязанцы бессменно бились с татарами, стреляя из луков со стен града. На третий день, когда ряды русских лучников понесли большую убыль, пороки ударили по стенам и постройкам Рязани десятками камней и зажигательных снарядов. Мощные бревенчатые стены задрожали и медленно

стали рушиться от этих ударов. Тяжелые камни калечили и убивали людей. Зажигательные снаряды запалили десятки пожаров близ оборонительных стен и на стенах. Жар стоял такой, что не давал оборонявшимся держать укрепления. Все население города стало бороться с огнем. Колодцы были вычерпаны, и не хватало воды. Пять дней татары готовили приступ и вели обстрел снарядами, изматывая рязанцев. Сотни горожан были побиты, сотни ранены, сотни не могли держаться на ногах от неимоверного напряжения сил. К исходу пятого дня пороки перестали бить по граду и, казалось, наступила какая-то передышка. Но со стен города в кромешной темноте декабрьской ночи в сполохах пламени костров, горевших в татарском стане, было видно и слышно, что там, у вражеских пороков и тына происходит движение тысяч людей, совершается какая-то тяжелая и страшная работа.

На шестой день утром уже семьдесят камнеметов пустили в стену града большие камни. Прясла стен в трех местах обрушились, заваливая ров. Монголо-татарская рать числом не менее пяти тысяч человек медленно двинулась на приступ, гоня перед собой тысячу пленных русичей, защищаясь ими, как живым щитом. Пороки ударили по городским постройкам огненными снарядами и зажгли город с напольной стороны. Передние ряды воинов и пленников несли на плечах сотни бревен, длинных, тяжелых лестниц. Ни одной стрелы не полетело от стен Рязани, пока враг не дошел до кромки рва. Огромная рать прекратила движение вперед лишь на несколько минут. Татарские вои подняли щиты над головами. Но лишь тогда, когда передние ряды ее стали заваливать ров бревнами и громоздить над валом примет к обрушенным пряслам стены, оставшиеся в живых русские стрелки ударили из луков по центру и задам татарской рати. Неистовый рев и крики разнеслись над вражеским строем. Сталкивая в ров полоняников, татары рванулись на приступ по наведенным мостам, не дожидаясь, пока будут положены последние бревна. Значительная часть

воинов перекидывала сразу три-четыре лестницы через ров и перебиралась к валу. Те, что были в стороне от проломов, устанавливали и прикладывали лестницы к стенам, лезли по ним на верхний ход через заборола. Через полчаса рязанские вои и гражане, взявшиеся за оружие, были смяты и перебиты у стен. Холодным, серым днем 21 декабря 1237 года как огромный костер полыхала охваченная пламенем Рязань. Защитить внутренние линии укреплений города было уже некому. Взяв Детинец, татары ворвались в соборный храм Пресвятой Богородицы и там посекли мечами всю семью покойного рязанского князя Юрия — мать его княгиню Агриппину, снох и молодых княжон. Затем ограбили и зажгли Божий храм, затворив его и предав в нем огню епископа и священников. Ни один христианин-несторианин из монгольской рати не вступился за священство и не пытался тушить зажженный собор. Монголо-татарские воины добивали последних защитников на улицах горевшго города. Страшная картина погибели и разорения оставлена нам автором «Повести о разорении Рязани»: «А во граде многыхъ людей, и жены, и дети мечи исекоша. И весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское поимаша. И храмы Божия разориша, и во святыхъ олтарехъ много крови пролияша. И не оста въ граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашю смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща — и ни отцю и матери о чадех, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертви лежаща».

* * *

Через неделю монголо-татарская рать, двигавшаяся по крепкому льду замерзшей Оки, словно по ровной дороге, занесенной первым снегом, подступила к одному из самых больших городов Рязанской земли — Коломне, лежащей при впадении реки Москвы в Оку. Далее на север начинались владения Владимиро-Суздальских князей. Оттуда уже подошли полки из городов Залесской Руси. Привел их сын

великого князя Всеволод Юрьевич. К ним же присоединился полк князя Романа Ингваревича, не успевшего соединиться с войском рязанского князя Юрия на реке Воронеж. Сторожевой полк владимирского воеводы Еремея Глебовича был верстах в десяти южнее Коломны — где-то на ошеем берегу Оки.

С утра было морозно и прозрачно Легкое солнечное сияние проступило на розовеющем небе. Русские полки под владимирским, суздальским, московским и коломенским стягами встали в двух верстах западнее слияния Москвы-реки и Оки. Ошее плечо войска упиралось в берег Москвы. Князья ждали вестей от сторожевого полка. Еремей Глебович обещал прислать известие о татарах еще рано утром, но что-то с этим не торопился. Прошло еще полчаса в тяжелом ожидании. Вои и кони мерзли на холодном восточном ветру. Но вот в застывшем русле Москвы-реки появились всадники. Князь Всеволод Юрьевич повеселел и улыбнулся. Однако следом улыбка на его молодом лице сменилась удивлением, и он с вопросом взглянул на Романа Ингваревича. Тот тоже, казалось, не понимал что происходит. По руслу реки в сторону Коломны скакало уже несколько сот всадников. Передние что-то кричали стоявшим на прибрежном взгорке русским воям. Те же, что были в задних рядах скакавших, натягивали тетивы луков и пускали стрелы, развернувшись назад. Позади них саженях в тридцати неслись, охватывая русичей с ошеего берега, сотни воинов в мохнатых лисьих и волчьих шапках и в тулупах, вывернутых мехом наружу. Они осыпали стрелами отступавших. Еще через минуту из-за прибрежного холма прямо перед русским войском показались бежавшие от татар другие верхоконные вои сторожевого полка. Они стремительно приближались, и князья поняли, что среди них сам Еремей Глебович со своим стягом. Татары были совсем близко. Их конная рать, развернувшаяся лавой, охватывая отступавших с плечей, неслась на русские полки. Еще через минуту передние ряды русских, едва успевшие выставить копья перед

собой, приняли мощный удар татарской конницы. От этого удара русичи попятились и стали медленно отступать. Напор татар был силен, и все же они не заставили бежать русские полки. Те, отстреливаясь из луков, и отбиваясь копьями и секирами, теряя людей, отходили в сторону Коломны. Через полчаса русские полки оказались уже у рвов, валов и надолбов предградья. Здесь их поджидал пеший полк, собранный из смердов окрестных сел и гражан Коломны. Когда татарская лава вошла в соступ с пешцами, что выставили перед собой сотни копий, то многим лихим наездникам и ратникам Великой Степи пришлось распрощаться с жизнью. Другие навсегда запомнили силу удара страшной русской рогатины. Поваленные на землю татарские кони надрывно ржали, давя своей тяжестью сраженных всадников, и заливали черной кровью белый русский снег. Татарская лава, казалось, уже придавившая русские полки к надолбам, отхлынула и стала собираться на прибрежных холмах Москвы-реки и на ее льду. Среди татар царило явное замешательство.

Бату-хан в сопровождении своих сродников: Хорду, Тангута, Бури и Байдара привел два тумена к русскому граду Коломне только в полдень. Град был цел и невредим, а у рвов, валов и тыновой стены, построенной перед градом, стояло ощетинившееся копьями русское войско числом до пяти тысяч воинов. Однако самым страшным известием для хана было то, что в бою у надолбов погиб его сородич молодой Чингизид Кулькан. Бату не поверил и приказал доставить сраженного сродника пред свои очи. Воины исполнили повеление, и через четверть часа тело Кулькана уже лежало перед ханом на кошме, залитой кровью. В груди и под сердцем у юноши зияли две страшные кровавые раны. Даже кольчуга не спасла царевича от железной стрелы и тяжелой рогатины. Раскосые глаза его были полуприкрыты и ангел смерти уже тронул своей рукой его бледное и похолодевшее чело. Бату прошептал сквозь плотно сжатые губы какую-то страшную клятву и,

скрипнув зубами, отвернулся. Он думал о том, что никогда еще не было такого, чтобы в открытом бою погиб Чингизид. Тем более такое невозможно было допустить в отступлении. Но отступления не было, воины сражались до конца. Тысячники вывели их из боя только после гибели Кулькана. Следовательно, виновных не было. Теперь надо было громить урусутов. Он развернулся, и, не глядя на погибшего сродника, велел Тангуту немедля послать к Субутдаю и поторопить его с прибытием и подвозом метательных машин. Через час мохнатые заиндивелые вонючие верблюды притащили первые два десятка камнеметов, поставленных на деревянные полозья. Те были установлены перед русским полком, стоявшим у ворот предградья. Перед камнеметами были поставлены лучники и пленные урусуты. Батый приказал бить сначала камнями, а потом зажигательными снарядами. Сродника же Бури послал с тысячью взять княжеский городок на реке Осетре. Спрятав недовольный взгляд от рысьих глаз хана, Бури склонил голову, и отправился выполнять его волю.

Многие русские вои впервые увидели пороки, да еще так близко от себя. Ни Еремей Глебович, ни князья не знали что делать. На всякий случай был дан приказ отступать в предградье за надолбы. Через четверть часа русичи услышали тяжелые, гулкие удары пороков и страшный, смертельный вой летящих снарядов. От ударов тяжелых камней щиты уже не спасали. Камни пробили бреши в строю русских воинов, убивая и калеча нескольких человек одним ударом. Крики боли и ужаса огласили русское войско. Началась сумятица. Князья дали приказ отходить за надолбы и тут в русичей полетели огненные снаряды. Охваченные огнем, русские вои катались по снегу, пытаясь сбить адское, с трудом гасимое пламя. У людей горели руки, лица, волосы, кожаные подкольчужные рубахи, подшеломники, одежда. Кони с горящими гривами, хвостами и паленой шкурой сбрасывали кметей, гридей, дворян, метались, сокрушая строй русского войска. Не тронутые

огнем воины рвались в открытые врата предградья. В этот момент спешившиеся монголо-татары вновь пошли в соступ, осыпая русских стрелами.

Началась новая сеча за Коломну. В схватке у стен предградья легли со своими дружинами князь Роман Ингваревич и воевода Еремей Глебович. Всеволод Юрьевич успел вывести из-под обстрела часть владимирского и суздальского полков и, перейдя Москву-реку по льду, отстреливаясь и отбиваясь от наседавших татар, увел своих воев в сторону Владимира. Вышли из смертельной схватки и оторвались от наседавших татар московские вои во главе с воеводами Филиппом Нянком, Любимом Турыгой и Дмитроком Киевцем. Отступавшие по руслу реки на север, израненные, окровавленные и смертельно уставшие москвичи видели, как в вечернем небе поднялось огромное и страшное зарево пожара. Слышали, как кричат и разлетаются подале от горевшего града вороны, как колотят сполошным, надрывным боем в било на одной из звонниц в кремнике. Видели, слышали и понимали, что татары уже овладели Коломной. Там же, на севере, как надежда на спасение, ждала их родная, еще не видевшая татар Москва.

* * *

Ни Субутдай, никто из Чингизидов, ни сам Бату даже и предположить не могли того, что там за их спиной, где осталась разоренная дотла, обескровленная и почти обезлюдевшая земля, может собраться и вонзить им нож в спину новая могучая и неистовая сила. Полководцы и воины Великой Степи привыкли воевать так, что бы в их тылу оставались только безмолвные рабы, покорно выполнявшие волю завоевателей. Казалось, что здесь в Европе завоеванные народы вели себя так же. Да, действительно, монголо-татары не ждали неожиданностей с той стороны, где уже прошли землю мечом и огнем.

В разоренной Коломне Бату собрал военный совет, где было принято решение идти вверх по Москве-реке вслед отступавшим отрядам из Залесской Руси. Всех, кто высту-

пил против монголов с оружием в руках, закон предписывал карать и истреблять до конца. Основная часть монголо-татарского войска двинулась по замерзшему руслу Москвы-реки, уже отягощенная большим обозом с рабами-полоняниками и награбленным добром. Кош* монгольского войска насчитывал до двадцати тысяч человек. Летучие отряды и разъезды — крылья главной рати, разлетаясь в разные стороны по руслам замерзших притоков, грабили и разоряли окрестные городки, погосты, села и сельца возвращаясь назад к кошу. Проводники сообщали, что войско Бату вступило во владения Владимиро-Суздальских князей. Все чаще по берегам реки и ее притокам татарам встречались мрачные сосновые и еловые чащобы, занесенные снегами, где без дороги тяжеловооруженному воину было ни пройти, ни проехать верхом. Тот, кто пытался углубиться в лес, утопающий в снегу, заросший невысоким подлеском, кустарником, заполненный буреломом, пересеченный небольшими оврагами и ямами, занесенными снегом, рассказывал, что лес непроходим, он — пристанище злых сил и колдовства. Храбрые и непобедимые воины-кочевники чувствовали необъяснимую угрозу со стороны леса и не знали, как вести себя, как воевать там.

От Коломны татары прошли по руслу Москвы около тридцати верст. Вечерело. Неожиданно царя и Субутдая, рысивших не спеша на холеных молодых жеребцах в окружении нукеров, догнал сотник, ходивший под рукой царевича Бучека. Слетев на землю с запаленного коня к ногам Бату, он трясущимися губами прокричал, что неизвестное войско урусутов посекло несколько сотен монгольских воинов в окрестных селах. Затем враг ударил из леса с правого берега реки в спину монголам сотнями стрел. Многие из тысячи Бучека были убиты или ранены, теперь же они дрались насмерть, и царевич просил скорейшей помощи от своего царя и сродника. После этих слов сотник завалился набок и застонал. Бату увидел, что снег под воином окрасился кровью, и заметил, что из его бедра,

почти у паха торчит обломок стрелы. Поморщившись, царь велел немедля оказать помощь раненому и послать в помощь Бучеку тысячу Хостоврула из тумена Тангута. Веление было немедля исполнено. Уводя своих воинов в схватку против урусутов, Хостоврул обещал Батыю взять их предводителя в полон живым.

Войско полностью остановилось и стало готовиться к битве. Никто не знал, какова численность врага, напавшего неожиданно и столь коварно. Стемнело. Прошел час и еще полчаса. Никаких известий о том, что творилось в тылу не приходило. Батый нервничал и не сходил с коня, объезжая готовившиеся к схватке войска. Субутдай-багатур, сохраняя молчание и насупясь, следовал за ним. Уже когда было совсем темно и войска стали раскладывать прямо в русле реки небольшие костры, пришло известие, что тысячи Бучека и Хостоврула отбросили войско урусутов обратно в лес, но те ушли недалеко и раз от разу били монголов стрелами. Мало того, им удалось разграбить часть обоза и освободить некоторых полоняников. Правда, Хостоврулу удалось взять в плен пятерых раненых урусутов, и их скоро приведут на допрос к царю. Бату повеселел лицом, сверкнул глазами и посмотрел на Субутдая. Тот тоже улыбнулся и одобрительно качнул головой. Через четверть часа монгольские батыры, освещая себе дорогу факелами, пригнали к хану пятерых русичей в разорванных полушубках и кафтанах, посеченных кольчугах и с обнаженными головами. Верхняя одежда и нижние подолы их рубах были окровавлены. Видно было, что трое из них уже изнемогли от ран и усталости. Бату внимательно присмотрелся к пленникам, и, к сожалению для себя, не увидел в их глазах и тени страха. Только чувство ненависти к врагу и презрение смерти прочел он. Царь обратился к одному из них через толмача, спрашивая о том, какой веры, из какой земли его противники и зачем так много сотворили ему зла. В ответ же услышал:

— Веры християнскыя есмы, вои князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Евпатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честьна проводити. И честь тобе воздати. Да не подиви, царю, не успеваемъ наливати чашь на великую силу — рать татарьскую.

Услыхав ответ в переводе толмача, Бату про себя удивился смелости, образности и мудрости ответа храброго русича и приказал оставить пленников в живых. Затем велел Субутдаю-багатуру взять на себя разгром полка Евпатия Коловрата, а для начала выманить русичей из чащи, и отрезать им возможность отступления. Когда рассвело, потрепанные в схватке татарские тысячи Бучека и Хостоврула стали отступать к главным силам монгольской рати.

Русские не заставили себя долго ждать. Евпатий Коловрат успел заметить, что силы его полка почти равны силам татар, противостоящих ему. Он сам повел свой полк в соступ. Этого только и ждал хитрый Субутдай. Когда русская конница вступила в сечу, а русские пешцы с копьями и луками вышли на замерзшее русло реки и поддержали конную дружину с тыла, Субутдай приказал татарской коннице продвинуться вдоль берегов и отрезать русским возможность отхода к лесу. Приказание Субутдая было выполнено неукоснительно в течение получаса. Русский отряд Евпатия Коловрата оказался зажат железной подковой татар. Однако сеча продолжалась с невиданной яростью и напором. Воины Бучека и Хостоврула сотнями погибали под ударами русских рогатин и секир. Русских сотнями губили дальнобойные и меткие монгольские стрелы. Хостоврул и Евпатий Коловрат находились в самой гуще сражения и дрались впереди своих воинов. Под ударами их мечей гибли лучшие воины сражавшихся ратей. Хостоврул, помня свое обещание привести живым предводителя русских искал его среди сражавшихся и нашел... Издав громогласный, полный радости и дерзости гортанный крик, он велел своим

воинам расступиться и освободить место для схватки. Евпатий тоже узрел себе достойного противника среди татар и понял, что это один из их воевод. Чешуйчатый панцирь был давно уже посечен на нем и залит вражеской и своей кровью, копье давно обломилось, топорик сорвался с паверзы и вылетел из руки. Но тяжелый прямой и длинный меч-харалуг, выдержал все удары, был зажат в его могучих дланях и сокрушил уже пятерых татарских всадников-батыров. Издав бранные крики, предводители ратей съехались на глазах большинства сражавшихся. Казалось, сеча на несколько минут остановилась. Тяжелые и беспощадные удары обрушили противники друг на друга. Крепость оружия и доспехов оказались равными, но сила ненависти и исполинская сила плеч и рук Коловрата были необоримы. Через две минуты после начала схватки Коловрат рассек Хостоврула «на полы» от выи до седла. И сразу после этого яростная смертельная схватка закружила людей с новой силой. Субутдай, понимая, что скоро от отрядов Хостоврула и Бучека останутся жалкие ошметки, приказал вывести их битвы. Русским же велел навязать стрелковый бой, где они были слабее. Затем к месту сечи было подтянуто десять камнеметов. В остервенелых от крови и сознания смерти бесстрашных русичей полетели камни, выбивая из их строя десятки людей. Одним из таких камней был поражен насмерть Евпатий Коловрат. Когда от его полка осталось не более двухсот израненных и обессиливших воинов, татары прекратили бой, окружив врага. Русские почти не сопротивлялись, но гордо ждали смерти и не просили о пощаде. Был неяркий зимний полдень. Сам Бату, приехав к месту сечи, с удивлением и прискорбием увидел сотни и тысячи побитых воинов, не желавших уступить друг другу в смертельной схватке. Обратясь через толмача к урусутам, он сказал, что хочет посмотреть на погибшего Коловрата. Израненные русичи сгрудились у окровавленного тела своего воеводы, не желая отдавать его на поругание. Но царь поклялся, что

не тронет покойного. Тогда шестеро русичей вынесли тело своего предводителя из кучи погибших воинов и положили недалеко от копыт коня, на котором восседал Батый. Царь долго всматривался в черты смелого и благородного лица. Ясные голубые очи Коловрата были открыты и молитвенно, дерзновенно смотрели в небо. Один из русских воев встал на колени, окровавленными перстами десной длани закрыл глаза Евпатия и перекрестился. Батый что-то молвил по-монгольски и неторопливо отъехал в сторону. Толмач, видимо для русичей, перевел слова царя:

— Аще бы у мене таковый служи, — держалъ быхъ его противъ сердца своего.

Оставив русских, истекающих кровью на месте сечи и, велев не трогать их, Бату приказал войскам двигаться далее на северо-запад по руслу реки. Это событие на несколько дней отсрочило падение града Москвы и позволило стольному Владимиру лучше подготовиться к обороне.

* * *

Вечером за день до Крещенского сочельника, в праздник собора семидесяти апостолов князь Александр и Елена встретились в маленьком домике, что на подворье храма св. Павла. Они были одни и тихо беседовали, сидя за столом. На столе горела толстая свеча в медном подсвечнике. Лампады струили свой мерцающий свет от образов. Было тихо. Лишь где-то у печи стрекотал сверчок. Князь делился с Еленой своими заботами, рассказывая об отце. Ярослав Всеволодович должен был днями оставить Киев и двинуться с полками в Залесскую Русь. Затем с волнением и великой тревогой заговорил об известиях, приходивших из Переславля и Владимира. Негромко, но с жаром поведал он о трагедии в Рязанской земле. Известия были самые разные и самые страшные. Неясно было, куда пойдут татары после взятия и разорения Коломны. Елена придвинулась ближе ко князю и ласково погладила его перстами и десной дланью по голове. Немного успокоившись Александр

рассказал, что последний из оставшихся в живых рязанских князей Ингвар Ингваревич возвратился из Чернигова на родное пепелище. Там собрал людей, оставшихся в живых, с ними по христиански предал земле всех убиенных. Захоронил свою мать княгиню Агриппину и всех снох и княжон. Затем ездил на место битвы у реки Воронежа, отыскал там тела погибших братьев и предал их по-христиански земле в Рязани. Чудом уцелел юный княжич Михаил Всеволодович — сын погибшего на Воронеже Пронского князя Всеволода. Его, сыновца, как сына своего, принял Ингвар Ингваревич и посадил княжить в отчине отца его. Останки же Феодора Юрьевича — старшего сыновца, убиенного татарами, велел перенести к иконе великого Чудотворца Николы Корсунского в его удел на реке Осетре. Когда же татары подступили к городку, жена убиенного Феодора укрылась со своим двором в храме. Но когда вороги ворвались и туда, бросилась с младенцем с верхов храма и убилась насмерть (как писал автор «Повести о разорении Рязани»: «...ринуся из превысокаго храма своего съ сыномь своимь съ княземь Иваномь на среду земли, и заразися до смерти»). Похоронили же князя Феодора рядом с его покойной женой Евпраксией и их малолетним сыном Иваном у храма святителя Николы, близ того места, где и погибла княгиня с младенцем. Молва гласила, что с тех дней икона стала источать благоуханные слезы.

Князь Александр с болью посмотрел Елене в глаза и детские воспоминания — разговор с покойным братом Феодором в лесу на охоте о чудотворном образе Николы Корсунского воскрес в его памяти.

* * *

Близ княжеского городка у села Красного стоял рубленый храм, освященный еще одиннадцать лет назад в честь образа святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца, известного на Руси в ту эпоху как образ св. Николая Корсунского. Вокруг в ночной темноте лежали разоренные татарами городок, села

и погосты. Но в храмах, ограбленных завоевателями, шли вечерние службы. Молились и служили Богу пять чудом уцелевших монахов. У десной стены храма, ближе к алтарю, стояло два креста, под которыми спали вечным сном князь Феодор, его верная жена Евпраксия и их сын младенец Иоанн. Жарко горела лампада перед образом святителя Николая, а по крашенным доскам иконного древа из глаз святителя текли слезы, которые в народе и в Церкви называют миро.

* * *

Горели окрестные монастыри града Москвы. Полыхали и дымили избы и постройки обезлюдевшего предградья от реки Яузы до реки Неглинки. Первые сполохи пожара озарили ближние села: Турыгино, Киевец, Семчинское, Голутвино, Ваганьково, Пристанище, Драчи, Подкопаево, Поречье. Смерды из окрестных сел бежали кто в леса на север или запад от Москвы, кто прибежал и укрылся во граде. Скот попрятали в окрестных лесах под надежной охраной. Все москвичи из предградья сбежались под защиту валов и рубленых стен кремника. Град был полон народу. Гражане и смерды взялись за рогатины и секиры, дабы оборонить свои семьи, свою жизнь и свой город. Москвичи, уже видавшие татар на сече под Коломной, знали, что пощады от татар не будет, и приготовились биться насмерть. По велению воеводы Филиппа Нянка стены и валы с напольной стороны уже три дня поливали водой. Теперь они представляли из себя сплошную ледяную твердь, протянувшуюся подковой от Неглинки до Москвы длинною в двести пятьдесят саженей и высотой саженей в пять. Десная стена глубокого рва между Неглинкой и Москвой тоже оледенена. Эту твердь невозможно было зажечь огненными снарядами, и с трудом можно было разломать ударами камней. Карабкаться на нее даже по приставным лестницам было смерти подобно. Нетронутыми льдом осталась только воротные вежи. Со стороны предградья это были Великие и Старые ворота.

Татары подошли с напольной стороны и сразу поставили против Старых ворот, ближе к Неглинке, пятнадцать пороков. Однако первые снаряды, пущенные пороками, до воротной вежи не долетели. Враг пристреливался. В течение четырех дней завоеватели грабили окрестности и стягивали к Москве свою рать. Видно было, как они свозили с округи камни и варили в котлах над кострами зловонную зажигательную смесь. Вечером четвертого дня осады татарские ратники заставили русских полоняников подтащить пороки еще ближе к воротной веже у Неглинки и стали ограждать их тыном. Русские стрелы доставали до тыновой ограды только на излете. На пятый день утром тысячи стрел, десятки камней и огненных снарядов ударили по заборолам и бревенчатой кладке Старых ворот Московского Кремника. Тысячи татар, укрывшись щитами или выгнав впереди строя своих лучников пленных русичей, повели прицельную стрельбу. Князь Владимир Всеволодович в окружении ближних бояр и дружины был на стенах. Сотни москвичей, взявшихся за оружие, уже вступили в бой с татарам, пуская стрелы из луков и железные болты из самострелов. Многие гражане сбивали пламя пожаров с построек внутри града и пытались восстановить обвалы бревенчатой кладки Старых ворот. Как увидел и понял воевода Филипп Нянок, главный удар пороков был направлен с напольной стороны именно сюда. Но и москвичи метко били по прислуге камнеметов с верхов стены. У Великих ворот тоже шел бой, но поскольку подъем к воротам здесь был круче, камнеметов ворог там не поставил. Видно было, что татары несли большой урон. Особенно много побили их железными арбалетными болтами. Хитрый и умный воевода стянул к Старым воротам основные силы оборонявшихся — более полутора тысячи воев, укрывавшихся теперь щитами и легким тыном от стрел и камней, летевших через стену. Он знал, что татары попытаются сделать примет у ворот града и будут вышибать тараном воротные створы. Здесь должна была состояться решающая сеча. Через час

верха воротной вежи были разбиты пороками, и татары пошли на приступ, гоня перед собой полоняников. Стрелы перестали лететь с боевых ходов града. Филипп Нянок, перекрестившись, призвал московских воев готовиться к решающему соступу с ворогом. Оборотясь к молодому князю Владимиру Всеволодовичу, попросил его укрыться в безопасном месте, а сам с Дмитроком Киевцем и другими боярами двинулся в сторону ворот, обнажив свой харалуг. Князь Владимир и несколько отроков с луками так и остались на верхах рубленой стены у заборол, не двигаясь с места.

Еще через полчаса татары, сотворив примет к воротной веже, под градом стрел вышибли тараном створы ворот. Под рукой Филиппа Нянка все московские вои — княжеская дружина, бояре со своими людьми, градский люд и смерды окрестных сел, вооруженные рогатинами и секирами ринулись в проем Старых ворот навстречу захватчикам. Русские лучники, собравшись на стене, без перерыва били по татарам, ринувшимся на приступ. Ожесточенная схватка, развернулась тогда за Московский Кремник. Татары пустили навесом над стеной тысячи стрел, и сотни москвичей нашли смерть тут же. Но в воротном проеме и у ворот многие татарские ратники были посажены на копья и рогатины, многие рассечены, побиты мечами, секирами, клевцами, кистенями, палицами княжеских, боярских воев и простых москвичей. Сеча за град длилась около часа. Силы москвичей таяли с каждой минутой. Смяв организованное сопротивление оборонявшихся, татары прорвались к храму святого Димитрия, а затем к Боровицкому холму и княжеским хоромам. Последние защитники Кремника еще дрались на верхах стен, у построек града и у храма, когда израненного воеводу Филиппа Нянка привели к Батыю, въехавшему в Кремник через разбитые врата. Царь, видя, что перед ним смелый, искусный и умный воин предложил покориться и служить ему. Но московский воевода назвал Батыя врагом правоверных христиан и тут

же принял смерть от мечей нукеров монгольского царя. Встретив ожесточенное сопротивление москвичей, потеряв в схватке около двух тысяч человек, озверев от крови, татарские ратники не щадили уже никого. В неравной сече за Москву приняли смерть и все большие московские бояре — Дмитрок Киевец, Любим Турыга, Феодор Голутва. С ними легли их вои и княжеская дружина. В схватке погибло несколько тысяч простого, черного московского люда. Мстя за погибших сородичей, татары убивали даже стариков, женщин и детей. Отроки и слуги московского князя Владимира погибли все до единого, сам же он взят в полон. Богатая и цветущая Москва была разорена и разграблена. Монах-летописец — один из авторов Лаврентьевской летописи спустя какое-то время написал об этом так: «Тое же зимы взяша Москву татарове. И воеводу убиша Филипа Нянка за правоверную хрьсьянскую веру. А князя Володимера яша руками сына Юрьева. А люди избиша от старьца и до сущаго младенца. А град и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша. И много именья вземше отидоша».

* * *

Весть о взятии Москвы застала великого князя Юрия Всеволодовича в момент отъезда из стольного Владимира. Он расцеловал сыновей, внучат и снох, обнял княгиню, и слезы потекли у обоих из глаз. Сердце подсказывало супругам, что пришла нелегкая година и что, скорее всего, уже не свидеться им на этом свете. Старший сын Всеволод, повидавший татар в сече под Коломной и чудом спасшийся от смерти, рассказывал о татарах страшное. Надеяться по его словам можно было лишь на то, что Владимир самый многолюдный и крупный город, защищенный несколькими линиями рвов, валов, рубленых стен и мощных воротных веж. Последняя надежда — каменный Детинец, поставленный на круче Клязьминской гряды. Князь Юрий оставлял в городе своих сыновей Всеволода и Мстислава с большей частью дружины. Вверял

эту дружину опытному воеводе Петру Ослядюковичу. Здесь же собралось до семи тысяч гражан и смердов из окрестных сел, способных защищать град с оружием в руках. Казалось, что под такой надежной охраной можно было оставить жену, снох, детей и внуков. В сердце же таилась великая тревога.

Великий князь оставлял Владимир «в мале дружине». Воеводой над ней поставил боярина Жирослава Михайловича. Путь его лежал на Переславль-Залесский. По пути к его дружине должны были присовокупиться двенадцать копий суздальских бояр числом до восьмисот воев. Юрий Всеволодович практически оставлял Суздаль без опытных воев и воевод. Суздальский посадский люд, монашество и священство могли рассчитывать теперь только на свои силы. Извещал, что выступит Юрью в помощь со своим стягом и младший брат — князь Юрьево-Польской Святослав. Далее великий князь намеревался идти на Волгу — в Ростовскую и Ярославскую земли — к сыновцам: Василько, Всеволоду и Владимиру. Те обещали прийти в помощь Юрию со своими полками. Но главная надежда у Юрия Всеволодовича была на брата Ярослава — князя Переславского. Одна беда, был тот далеко — на юге Руси. В грамотце, доставленной гонцом еще неделю назад, Ярослав сообщал, что выступил из Киева и спешно шел с полками на Любеч. Оттуда он намеревался пойти в обход Черниговской земли на Рогачев и Мстиславль — в Смоленскую землю, так как вести войска через земли враждебно настроенных черниговских князей было опасно. Снега на юге выпали обильные, и пути были труднопроходимы. Потому Ярослав сообщал, что торопится на помощь старшему брату, но идет в Залесскую землю по глубоким снегам с большим трудом.

* * *

Горислав прискакал в Козельск в конце января. Здесь уже все говорили о страшном разгроме соседней Рязанской земли. В городе царил переполох, так как из соседних градов Черни-

говской земли — Воротынска, Дедославля и Мценска пришли вести о разорении Пронска, Рязани и других рязанских городов. Люди рассказывали страшные вести о разгроме большого русского войска под Коломной, о разорении Коломны, о сече с татарами и гибели полка боярина Евпатия Коловрата. Успокаивало лишь одно, что татары двинулись на север к Москве. За время пути из Чернигова в Козельск Горислав почти не получал никаких известий и потому был встревожен дошедшими до него слухами. Князь Михаил, напуганный известиями о событиях, происходивших у восточных границ его владений, к тому времени уже перебрался со своим двором из Галича в Чернигов. Да и в Галицко-Волынской земле вновь утвердился с помощью угров и ляхов князь Даниил Романович.

За время своего пребывания в Чернигове при Михаиле Всеволодовиче Горислав неоднократно видел рязанского князя Ингвара Ингваревича, боярина Евпатия и проникся уважением к этим людям. Михаил Всеволодвич Черниговский не послал ни одного воя в помощь рязанцам, правда, разрешил всем желающим пойти с ними на татар. Храбрецов нашлось не более трехсот человек. Они и встали под знамя князя Ингвара Ингваревича и Евпатия Коловрата. Горислав сам уже готов был отправиться в рязанскую землю с ними. Но князь Михаил велел ему и его землякам — двенадцати бывалым воям срочно скакать в Козельск и готовить град к обороне. Юному Козельскому князю Василию — сыновцу князя Мстислава, погибшего на Калке, было всего двенадцать лет. Козельский удел получил он от князя Михаила совсем недавно. Потому в Козельске нужны были воеводы и «сведоми вои». Опытные вои и бояре из дружины князя Михаила Всеволодовича посылались в Воротынск, и в Мосальск, и в Дедославль и в Новосиль и во Мценск. Гориславу было сказано, что если татары не заявятся к Козельску в течение месяца, то он должен набрать полк числом до пятисот воев и возвращаться в Чернигов.

Здесь уже в Козельске Гориславъ узнал, что храбрый и умный боярин Коловрат и черниговские вои, ушедшие с ним, уже предали свои души в руце Божии. Князь же Ингвар, возможно единственный и чудом уцелевший из всего большого родя рязанских князей, теперь возложил на плечи свои тяжелейшее бремя и крест. Еще до приезда Гориславa пришли известия, что отряд татар появлялся близ границ Черниговской земли — у Дедославля. Но потом все вновь успокоилось, и слухи эти утихли. Тихо было и под Воротынском. Однако Гориславъ уже в день прибытия явился ко князю Василию, передал ему грамоту от князя Михаила, на словах изложил его веление, и упросил юного князя собрать своих бояр вместе с его товарищами на военный совет. Князь Василий, казалось, внимательно выслушал Гориславa, по-детски улыбнулся, о чем-то в полголоса посоветовался со своими боярами, самому старшему из которых было лет двадцать, и весело дал согласие.

На военном совете сотоварищи Гориславa, дравшиеся с татарами еще на Калке, выглядели матерыми и мудрыми мужами в сравнении с «дружиной» князя Василька. Однако все вели себя с уважением. Гориславъ и его люди держали нить разговора в своих руках. Первым делом детский предложил собрать во граде и вооружить самых крепких мужей из гражан, ремесленных и торговых людей предградья, да и смердов из окрестных сел. Сказал, что следует козельским мастерам изготовить сколь возможно луков и стрел и собрать по округе ловчих, имеющих пусть даже охотничьи луки, дабы обучить стрельбе сотен пять, а то и более молоди из гражан, ремесленного люда и смердов. Главное оружие татар — лук и стрелы, и тут им нет равных. Далее следовало свезти с округи запасы продовольствия и сена, пригнать из сел поболе крупного рогатого скота. Собрать по округе и свезти в град как можно более камней, на случай приступа. Заготовить поболе бревен и смолы все стой же целью — отбивать приступы к

стенам града. Все мирное население, неспособное держать оружие надлежало отправить в дальние леса, построив там места для жилья и загоны для скота. При первом определенном известии о татарах немедля предупредить население предградья и окрестностей об опасности и велеть, чтоб бежали в город. С сего же дня собирать по округе добрых плотников и умельцев валить лес,, да взяться за починку и укрепление стен и воротной вежи с напольной стороны. Также разобрать все лишние постройки, клети, заборы, бани в предградье. Сады же и деревья близ града вырубить. Тем же временем поливать каждый день вал водой, дабы оледенел. Когда стены будут поправлены, начать поливать и стены с наружной стороны.

Детский заметил, что от всех его слов глаза княжеских бояр потускнели, глаза же юного Василька стали веселы. Следом заговорил Путята. Он уже давно видел и слышал, что такое пороки и пращи, знал, как губят они воев и бьют рубленые стены. Потому и предложил усилить воротную вежу второй вежей, срубив и поставив ее саженях в двадцати от первой внутри града. В том месте лежал насыпанный еще пращурами старый вал Козельска, ныне уже, казалось, ненадобный. От воротной вежи до него был виден глазу и явно чувствовался подъем, на кромке которого и насыпали древний вал. Правда, ров перед ним уже заплыл. Подходы к новой веже надлежало оградить, где надолбами, а где и «острогом» (тыном), установив их по старому валу. Края острога упереть в валы нынешнего града от русла Жиздры до русла Другусны. Все постройки и клети между градской стеной и старым валом надлежало разобрать, а сады и деревья посечь, дабы невозможно было ворогу укрыться от стрел. Всех же гражан, кто жил на том месте, переселить внутрь Детинца за старый вал, благо град велик и места хватит всем.

Иными словами, Путята предлагал вторично перегородить напольную, южную сторону Детинца. Если татары побьют

пороками стены и тараном ворота, а затем ворвутся внутрь града, то попадут в западню. Здесь со всех сторон их можно будет разить стрелами и сулицами, обрушить на них камни и бревна. С наружной стороны на вал, покрытый льдом, им не взобраться. Старый вал и внутренний скат градского вала также следовало поливать водой. Тогда вои, стоявшие на валу будут недосягаемы для татарских мечей и копий. Мысли, высказанные Путятой, поразили всех присутствовавших, и в их числе опытного княжьего детского. Тот потеплел глазами, глядя с большим уважением на своего друга, и улыбнулся. Кивнув головой, согласился с этим и молодой княжеский воевода Любим. Князь Василек от удовольствия даже всплеснул дланями и хлопнул в ладоши. На том и порешили.

Дома Гориславa ждали не меньшие волнения и тревоги. Антонина, напуганная татарским нахождением, сначала упрашивала, а потом встала на колени и умоляла Гориславa отправить ее и детей с небольшим санным обозом в Новгород Великий к батюшке и матушке. Новгород, де далеко, туда татары не дойдут. Скрипнул сгоряча зубами Горислав, потом остыл и подумал, что верно права Антонина. Уже на следующий день закрутили его градские дела. Но он между дел стал готовить скарб, продовольствие, трое саней и шестерых лошадей для отправки семьи в Великий Новгород.

* * *

Третьего февраля, во вторник, на память святого Симеона Богоприимца татарская рать подошла к стольному Владимиру и стала обступать его со всех сторон. Был ясный и солнечный морозный день. Татарский разъезд числом до ста ратных подъехал к Золотым воротам на расстояние излета стрелы. Снег скрипел под копытами коней. На верхах могучей каменной вежи за ее зубцами стояли князья Всеволод и Мстислав Юрьевичи. Воевода Петр Ослядюкович был рядом с ними. Сотни доспешных русских воинов с луками, щитами, секирами и копьями находились в веже и на стенах, готовые к бою.

Створы дубовых ворот, словно облитых золотом и сиявших на солнце, были прочно закрыты коваными засовами и укреплены бревенчатым тыном. Несколько минут противники без единого слова внимательно рассматривали друг друга. Кони всхрапывали, тяжело дыша, отфыркиваясь и испуская пар. Вот из среды комонных выехал и подрысил ближе к воротам доспешный татарин, по виду сотник. Рядом с ним конь о конь ехал толмач из пленных половцев. Сотник что-то негромко произнес и толмач вопросительно и визгливо выкрикнул:

— Князь великыи ест ли в граде?

В ответ воевода Петр махнул десницей, и около сотни стрел полетело с верхов вежи в сторону татарского разъезда. Лишь несколько стрел ранило татарских ратников и их коней. Остальные укрылись от стрел щитами. И тут же в ответ стая стрел с татарской стороны ударила в бойницы каменной воротной вежи. Но русичи были готовы к тому, и лишь одна стрела ранила русского воя.

Затем вновь раздался визгливый голос толмача кричавшего русичам:

— Не стреляите, не стреляите!

От татарского разъезда отделилась группа человек десять верхоконных, подъехавших близко к воротам. С каменных стен вежи никто не проронил ни слова. Владимирцы молчали. Но слова, выкрикнутые толмачом, повергли в трепет молодых князей Всеволода и Мстислава:

— Знаете ли княжича вашего Володимера? Бе бо унылъ лицемъ, изнемоглъ бедою отъ нужди!

Князья внимательно всмотрелись в лица верхоконных татар и среди десятка раскосых, скалившихся злорадными улыбками лиц, вдруг узрели лицо дорогого и милого их сердцу младшего брата Владимира — князя Московского. Никто уже не чаял видеть его живым. Но тем страшнее было чувство досады, тоски и беспомощности, охватившее их при виде живого, но несчастного и обреченного на смерть

родного человека. Многие из тех, кто был тогда на стенах, знали Владимира Юрьевича в лицо. Знали с мальства. Знали, как любил его отец. Тогда у многих видавших виды русских воев владимирской дружины и воев из среды гражан вышла из глаз и застыла на ланитах горькая слеза.

Всеволод Юрьевич сгоряча рванул из ножен харалуг и велел дружине немедля привести к воротам коней. Мстислав поддержал брата. Владимирские вои, стоявшие на стенах, оживились и стали выпрастывать из ножен и из-за поясов мечи, сабли, секиры, и булавы. Все вдруг почувствовали, что они могут смело отворить створы ворот и пойти в соступ на татар в поле, чтобы мстить за князя Владимира, за разоренную Москву, Коломну, Рязань, за тысячи погубленных и полоненных русичей, их жен, матерей, сестер, братьев, отцов и чад. В начавшейся горячке кто-то из молодых отроков и гридей уже побежал по каменным ступеням к основанию вежи, исполняя княжескую волю.

— Братия, луче ны есте умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру христьянскую! — воскликнул молодой Мстислав Юрьевич сильным юношеским голосом.

Это еще сильнее подстегнуло владимирских воев и они, грозно выкрикивая бранные слова, бряцая оружием, били плашмя лезвиями мечей и сабель о щиты и в свои груди, облитые кольчугами. Только один старый и опытный воевода Петр Ослядюкович был молчаливо суров и спокоен. Седую браду его и усы обметало инеем. Ярко сквозь зимнюю дымку светило холодное февральское солнце. Поднимался ветер и мороз крепчал. Среди общего шума, наперекор бранному порыву, воевода спокойно и тяжело подошел ко князю Всеволоду. Твердо взяв дланью запястье его десницы, направил блестевший харалуг обратно в ножны. Затем негромко, но среди наступившего молчания вполне различимо для всех, сказал князю:

— Не можем, княже, противо им в поле стати, но добре, егда возможем, из забрал обороняти ся.

Сверкавшие огнем глаза князя стали остывать и тускнеть. Он поник челом, и слезы покатились у него из очей. Затем опустил главу Мстислав. Следом перестали бряцать оружием и выкрикивать вои на стенах. Все поняли, что защитить своих родных и близких, укрывшихся в стенах стольного града, можно только сражаясь и умирая в мучениях и страданиях здесь на стенах, под ударами стрел, камней, огненных снарядов, под обвалами рубленых стен, сгорая в пожаре родного города.

Тем временем татары, взяв по узду коня полоненного князя Владимира, повели его к реке Лыбеди. С тоской глядели Всеволод, Мстислав и владимирская дружина на происходившее с высоты каменной стены Золотых ворот, понимая, что им уже не выручить и не спасти родного брата и князя.

К утру следующего дня татары встали станом вокруг всего города. Вечером запылал разграбленный отрядом Байдара и не обороняемый никем Боголюбов. Все его население, включая мужей, кметей и гражан, способных носить оружие, бежало на юг — в леса на реке Гусь. А еще утром Бату-хан послал пять тысяч кара-киданьского тумена под рукой Хорду и две тысячи найманов, кераитов и монголов во главе с Бури и Тангутом на Суздаль. К вечеру монголо-татары уже ворвались и разграбили окрестные села, Кидекшу и суздальский посад, которые некому было оборонять. Однако суздальский кром, стоявший в речной петле, отрезанный глубоким рвом и защищенный высоченным валом со стороны посада и со стороны заречных слобод, казался неприступным. На стенах и воротной веже крома с факелами, копьями и луками было не менее трехсот воев. Остатки суздальских боярских дружин и посадского люда взялись за оружие. Подступив к крому со стороны посада, вороги пытались перекинуть длинные

бревна через глубокий и широкий ров, соединенный с еще более широким оврагом у высокого берега реки Каменки. Но это не удалось. Тогда татарский отряд подошел к воротам суздальского крома со стороны моста через реку. Здесь вал был ниже и ров уже. На реке стоял прочный лед. Под стрелами суздальцев татары навели примет к воротной веже и вышибли тараном врата. Защитники града были перебиты в течение получаса. Озлобленные сопротивлением небольшого отряда суздальцев, татары, ворвавшись в кром, разграбили соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы. Княжий двор и монастырь святого Димитрия были сожжены. Прочие монастыри разграблены. Чернецы, черницы, попы, убогие люди, обитавшие при монастырях, были иссечены мечами. Все молодые монахи и монахини, дьяконы, жены священников, дети священнических семей взяты в полон и отведены в монгольские станы.

Большая часть татарского войска, ограбив окрестности, вновь собралась возле Владимира. Шестого февраля с утра в мясопустную субботу китайские мастера стали устанавливать камнеметы для обстрела стен. Под их руководством полоняники делали длинные лестницы и строили тыновой острог вокруг всего города, что бы ни одна живая душа не могла ни проникнуть туда, ни выйти оттуда. Стрелы русских луков и самострелов также не могли разить врага, укрывавшегося за тыном. Большинство владимирцев поняло, что приблизился час вражеского приступа. В городе царили печаль и тоска. Многие приуготовлялись к смерти, одевая праздничное и чистое платье. Кто-то шел к владыке Митрофану и принимал монашеский постриг. Кто-то со слезами молился в храме. Кто-то, уходя на стены драться с врагом, прилаживал и вздевал доспехи, меч, секиру, затем вставал на колени перед родителями, принимая их благословение, следом целовал, обнимал жену и детей. Не было в тот день во Владимире дома, где бы не лились слезы из глаз, где бы не слышались

причитания о живых, словно о покойных. Дымом и чадом тянуло с запада, это горели деревянные постройки Рождественского монастыря.

Утром, в неделю седьмого февраля, на память святого Феодора Стратилата татарские пороки пустили в стены града сотни камней. Камнеметы били град сразу в четырех местах. Их поставили там, где стрелы оборонявшихся не могли достать татар и прислугу пороков с высоты стен или воротных веж. Потому по Волжским воротам, стоявшим в низине близко к берегу Клязьмы, ударило сразу двадцать пять камнеметов. На излете стрелы, пущенной с высот каменной вежи Золотых ворот, татары поставили и огородили тыном еще семнадцать метательных машин. Их камни и стрелы били в стену, за которой возвышалась глава храма Святого Спаса. От ударов двадцати пороков стали рушиться рубленые стены Нового города между Ириниными воротами и Лыбедью, что близ Княгининого монастыря. Двенадцать пороков крушили стены града в полете стрелы ошую Медных ворот, стоявших у Лыбеди на скате между двух оврагов.

Через полтора часа вороги разбили стены и навели примет у Волжских ворот. Но здесь с высоты стен, поднимавшихся по склонам, с высокой бровки оврага на них обрушились бревна и сотни стрел защитников. Те зажгли редкие деревянные постройки, стоявшие на склоне оврага, и врагу негде было укрыться от жара и русских стрелков. Татары, рвавшиеся наверх, вязли в глубоком снегу. Здесь владимирцы во главе с воеводой Петром и князем Мстиславом с трудом, но сдерживали их. Еще через полчаса камнеметы разбили стену, что у храма святого Спаса ошую Золотых ворот. Орда намостила примет и полезла по бревнам и лестницам наверх — к пролому. Князь Всеволод был недалеко на зубчатой каменной стене воротной вежи. Когда снаряды метательных машин со свистом и треском еще ломали и крушили стену, Всеволод только скрипел зубами и молился. Но когда бревенчатая клад-

ка на валу в излете стрелы от него стала подаваться, а затем рухнула, и бревна покатились в ров, он закричал страшным и нечеловеческим голосом. Его просительная и горячая молитва не успела дойти к Господу. Со слезами на глазах он просил русских стрелков, чтобы били точнее и дальше. Но только длинные железные болты самострелов доставали до пролома и насмерть разили татар. Воющая, орущая и ликующая орда ворвалась в пролом, круша защитников града. Принимать решение следовало немедля. Яркое солнце светило с юга сквозь холодную морозную дымку. Надрывно гудело било в Княгинином монастыре. Ему вторили била и колокол во Владимирском Детинце. На минуту Всеволод задумался, глядя с верхов каменной вежи ворот на татар, ворвавшихся в город и растекавшихся по улицам. Князь понял, что с ними вступили в бой вои Петра Ослядюковича и брата Мстислава. Бояре, отроки, гриди и кмети, окружавшие князя, молча смотрели на него и ждали его слов. И тут с низов воротной вежи раздался раздиравший душу крик. Кто-то из воев заорал, что татары проломили стену у Ирининых ворот, ворвались в город и заходят им в спину. Далее ждать было нельзя. Князь Всеволод велел дружине и воям немедля оставить каменную вежу и отходить к Торговым воротам Печернего града. Простой люд Нового города толпами валил туда же, мешаясь с воями. Татары ослабили натиск, занявшись грабежом.

Через четверть часа немногие защитники Золотых ворот, вои князя Мстислава и Петра Ослядюковича, отбиваясь от наседавших татар, смогли прорваться к Печернему городу и затворить его врата. Здесь их уже ждала весть о том, что татары прорвались в Новый город и у Медных ворот. С заборол стены Всеволод Юрьевич видел, как княжий двор у храма Святого Спаса полыхнул огнем. Близился полдень. Большая часть нового города взялась дымом. Пламя вот-вот должно было охватить его. Желто-белый дым, плывший над столицей, скрывал солнце, тускло сиявшее на небе.

Бату наблюдал за ходом событий с левобережных высот над Лыбедью. Увидев, что его воины не смогли с ходу овладеть вторым — внутренним городом русских, он послал туда Субутдая. Через полчаса монгольский полководец уже находился в проеме Золотых ворот и руководил оттуда подготовкой нового приступа. Еще через четверть часа татарские сотники и тысячники, избивая своих воинов плетьми, прекратили начавшийся грабеж и погнали их на приступ второй оборонительной линии Владимира сквозь пламя разгоравшегося пожара. Сюда уже невозможно было подтянуть камнеметы. Но монгольские ратники и подгоняемые ими русские полоняники, тащили на своих плечах осадные лестницы и длинные бревна.

Среди защитников Печернего града осталось немного хороших стрелков. За копья и секиры взялся ремесленный и торговый люд. Видно было, что воевода давно готовил для зарвавшегося ворога какую-то «закуску». Ибо под стенами внутри града горело несколько костров под котлами, кипевшими и дымившими смрадным варевом. С верхов воротной вежи князь Всеволод видел, что татары смогли собрать и бросить на приступ от четырех до пяти тысяч ратных. Их верховые били пленных русичей плетьми и ножнами мечей, подгоняя ко рву. Князь не знал, сколько воев защищает Печерний град, но видел, что большая часть владимирского полка уже легла в сече за Новый город. Пройдя полосу пожара, орда, смыкая ряды, подступала все ближе. Затем князь увидел, как за черепахой круглых татарских щитов лучники пустили стрелы. Князь закричал, веля воям укрыться за заборолами и щитами, и в тот же миг словно крупным градом ударило по верхам стены и воротам. Кто-то из русичей упал на бревенчатый настил, хрипя от боли, кто-то истошно кричал, кто-то матерно и громко ругался. Немногие отстреливались в ответ. Когда враг приблизился к кромке рва, и полоняники начали мостить бревна надо рвом, владимирцы лишь прицельно и почти без

промаха били стрелами. Но как только враг преодолел ров в нескольких местах и стал от бермы устанавливать длинные лестницы, оттягивая назад их верхние концы за толстые веревки, воевода Петр велел трубить в рог. Котлы с варевом уже подняли на стены. Сначала на татарских ратных сверху покатились камни и бревна, сбивая их с бермы и мостов. Затем в трех местах на их головы и спины со стен полились черная смола и кипяток с нечистотами. Вой и крики огласили вражескую рать, зашевелившуюся как растревоженный муравейник. Ратные, сбитые с вала камнями и бревнами, обожженные смолой и кипятком, скатывались в ров, где их ждали увечье или погибель. Верховые татары, с остервенением хлеща плетьми полоняников, заставляли их мостить все новые проходы надо рвом. Вскоре десятки лестниц, упертых основанием в сугробы бермы и в бревна мостов, упали на заборола стен. Сотни татарских ратников полезли по ним наверх. Лишь семь лестниц смогли русичи оттолкнуть от куртины. Некоторых татар удалось сбить с лестниц стрелами и копьями. Через десять минут ожесточенная сеча закипела на стенах. Увидев это, и вспомнив с тоской о своей молодой жене, князь Всеволод послал отрока в Детинец, веля всей княжеской семье укрыться в Успенском соборе.

Еще через четверть часа татарские ратники сбили русичей со стен Печернего града. Князь Всеволод дрался как простой воин с мечом и щитом в пешем строю с врагом у Торговых ворот. Там он и был сбит на землю ударом копья, ранен и взят в полон. Храбрый и умный воевода Петр погиб с горсткой последних защитников еще через полчаса уже у белокаменной воротной вежи Детинца, пытаясь организовать здесь последнее сопротивление. Там же пленили израненного князя Мстислава.

Весь Печерний и Ветчаной город оказались в руках татар. Захватчики ворвались в Детинец. Разграбили и предали огню княжеский двор. Жена князя Юрия с дочерью,

снохами, внучатами, епископ Митрофан с клиром, многие семьи бояр и даже простолюдины затворились в соборном храме Успения Пресвятой Богородицы. Княжеская семья и епископ поднялись на хоры, накрепко закрыв проходы к верхам храма, и молились там. Татарские ратники, горя желанием ограбить богатейший храм всей Северной Руси, выбили тараном церковные врата и ворвались внутрь. Русичи, укрывшиеся внутри храма, были иссечены без милости. Все золотые, серебряные сосуды и украшения с драгоценными каменьями вынесены из храма. Затем соборный храм был обложен бревнами, дровами и зажжен. Все же, укрывшиеся на хорах храма, приняли мученический венец, отдавая Богу душу в нестерпимом жаре и дыму.

Завершая описание очередного акта великой трагедии, русский летописец записал в тот год о взятии татарами стольного Владимира: «И видевше, огнем скончавшихся, а иных оружьем докончаша, смерти предаше,...а людеи, старыа и младыя, игумены же и попы, и чернци и черници, слепыя и хромыя и глухия, то все овых рассекахуть мечи, а других растреляхуть и во огнь вметахуть, а иныя имающе и вязаху; поругание черницам и попадьям и добрым женам и девицам пред матерьми и сестрами, а прочих имше мужа и жену и дети босы и бескровны, издыхающим им мразом, ти вси сведоша в полон, а имение не мало взяша».

* * *

Известие о падении стольного града Владимира молнией разнеслась по городам и весям Залесской Руси. На этом организованное сопротивление градов Владимиро-Суздальской земли было сломлено. Отряды монголо-татар, преследуя русичей, бежавших от Владимира, растеклись по всему Залесскому Ополью и даже далее на запад, север и восток. Без всякого сопротивления ими были взяты и разграблены Юрьев-Польской, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, оставленные князьями и их дружинами. На

милость победителя сдался и открыл ворота Городец на Волге. Небольшой татарский отряд добрался даже до Галича Мерьского и взял его без боя. Все городское, да и сельское население или разбежалось по ближайшим лесам или вместе с боярскими семьями и их дружинами бежало в Смоленские земли, в земли Великого Новгорода — к Торжку, на Селигер, к Бежецкому Верху, а то и в сам Новгород. Туда же уехала, оставив осиротевший и опустевший Переславль, и семья князя Ярослава Всеволодовича. Собрав всю семью, слуг, сродников, и, погрузив на сани самые необходимые пожитки, княгиня Феодосия уже в начале февраля отправилась с большим санным обозом к сыну Александру в Новгород. С ней вместе уехали туда же все переславские бояре со своими дворами и многие кмети переславского полка, не ушедшие по разным причинам в свое время в киевский поход с князем Ярославом. Теперь главным градом, закрывавшим татарам путь в Новгородскую землю, был Торжок.

Владимиро-Суздальское население лесных волостей оказалось в более сносном положении по сравнению с населением плодородного, но открытого и безлесого Ополья. Татары, плохо знавшие лес и боявшиеся углубиться в него, вели себя как полные хозяева на открытом просторе Суздальской земли. Мирное русское население, никогда не видевшее столь многочисленных, жестоких и воинственных завоевателей, было беспомощно оказать им здесь хоть какое-то организованное сопротивление. За один февраль месяц монголо-татары захватили во Владимиро-Суздальской Руси четырнадцать городов не считая десятков погостов и слобод. В те дни единственной надеждой спасавшихся, бежавших и полоненных русичей был Господь Бог и их Великий князь Юрий Всеволодович, собиравший полки за Волгой на реке Сити.

* * *

Новгород Великий шумел и волновался как потревоженный улей. У князя же Александра дел было, хоть отбавляй.

Беженцев из Дмитрова, Переславля, Микулина, Ламского Волока, Твери из слобод и погостов Владимиро-Суздальской земли было столько, что число их уже доходило до пятидесяти тысяч. А люди все бежали и шли к Новгороду Великому и его пригородам*, спасаясь от страшного врага, пришедшего на Русь. Конечно, ни Новгород, ни Торжок, ни Бежецкий Верх, ни другие города новгородской земли не могли принять стольких людей под свой кров. Потому князь Александр не находил покоя ни днем, ни порой даже ночью, проводя время в седле. Вместе с новгородскими мужами и своими сподвижниками встречал залесских русичей, а затем отправлял их на расселение в окрестные новгородские слободы, погосты, веси. Изболелось сердце у молодого князя, ибо насмотрелся он за эти зимние дни на голодных и обескровленных, полуобмороженых, пропахших дымом пожарищ и костров стариков и детей. Жалость точила его, когда видел высохших от страданий, слез и переживаний жен и девушек. В душе негодовал и от бессилья скрипел зубами, когда встречал страшно исхудавших, заросших бородами бесконечно уставших мужчин с потухшими, виноватыми глазами. Мало кто из беженцев гнал с собой хотя бы отощавший рогатый скот. Даже и половина не имела обезножевших лошадей. И всем надлежало дать какой-то кров, место у печи и накормить.

Матушка и вся семья прибыли в Новгород в великой тревоге и страхе. Менее всего переживали за добро и хозяйство, брошенные в Переславле. Более всего беспокоила неизвестность. Ярослав Всеволодович давно не присылал никаких вестей о себе. Ползли упорные слухи о том, что татары пойдут на Торжок. А от Торжка до Новгорода не так уж далеко. Александр более всего, и как мог, успокаивал матушку и сестру. Поддерживал младших братьев. Правда, и сам переживал не менее их, но держался достойно. С конца января и весь февраль он совсем не имел времени, чтобы видеться со своей остудой. Сердце изболелось от разлуки. Они лишь

изредка кратко писали друг другу. А верный Ратмир служил им надежным посылом.

И все же радость встречи с семьей, и чувство хотя бы временного избавления от опасности были велики. Александр часто ловил себя на том, что мысленно благодарит Господа за спасение своих родных, и молился, прося Его также спасти и сохранить живым отца.

* * *

Полки великого князя Юрия стояли на левобережье реки Сити близ села Сить-Покровское. Ошую их были обширные и низменные луга с глубокими снегами, а позади верстах в двух начинался подъем на высокий мыс с древним погостом, называемым «Городище». Юрий Всеволодович ожидал здесь в помощь себе родного брата Ярослава с его храбрыми и опытными кметями. Под рукой Юрия было не более семи тысяч воев. Более половины их были пешцы.

Наступил холодный февральский вечер. Князь Юрий, его брат Святослав, сыновцы: Василек, Всеволод и Владимир Константиновичи, пять ближних бояр, воеводы Дорофей Дорож и Жирослав Михайлович сидели в большой сельской избе и вели совет. Давно истопленная по-черному, большая русская печь еще дышала теплом и потрескивала углями. Перед образами горела лампада. На большом столе, за которым сидел князь и его люди, на глиняном поставце горело три свечи. Лица людей в доме, озаряемые вспышками неровного света, были печальны, суровы и озабочены.

Главная забота князя и его окружения была о том, что ни из стольного Владимира, ни от князя Ярослава не было никаких вестей. На дворе было по-зимнему тихо и сумеречно, лишь изредка с улицы слышались приглушенные голоса гридей и отроков да редкий лай собак. Разговор шел негромкий и немногословный. Но вот и он прервался. Все стали прислушиваться, ибо с улицы послышались конский топот и ржание. Явно было, что кто-то прискакал с вестью из воинского стана.

Через несколько минут княжеский отрок постучался в дверь и ввел с разрешения князя посыла. Юрий Всеволодович с надеждой всмотрелся в лик вестоноши, но то ли из-за неяркого света, то ли еще почему, не узнал его. Посыл упал на колени прямо у входа, а у князя дрогнуло сердце. В избе наступило долгое и недоброе молчание. Однако, напрягая силы души и волю, князь громко, повелительно и не имея уже сил ждать, крикнул:

— Молви!

Посыл неловко попытался было встать на окоченелые и скрюченные от верховой езды ноги, но не смог и как стоял на коленях, пополз ко князю. В неярком свете свечей Юрий увидел его обожженное, иссушенное морозом, красное лицо, одичавшие полубезумные глаза, наполненные слезами и обмер. Он уже не хотел ни слышать, ни понимать его слов. Но посыл осипшим голосом закричал:

— Княже!!! Володимерь взятъ! И церкви пожжени, а епископъ и княгини з детъми и снохами и съ внучаты огнем скончашася, а сыны твоа Всеволода и Мстислава вне города убиста, а люди вси избивше, и паки к тобе идуть!

— Смолкни! — исступленно выкрикнул Юрий Всеволодович, и неистово зарычав как зверь, ударил с неимоверной силой десницей по столу, так, что свечи и поставец подпрыгнули и опрокинулись. Затем уронил седую свою голову на длани и зарыдал как дитя.

* * *

Страшными для всей Северной Руси были конец 6745 и начало 6746 года от Сотворения мира (конец февраля — начало марта 1238 года от Р. Х.). Татарская рать, разлившаяся по ее землям, словно раскаленная, горящая смола, выжгла, разорила и разграбила десятки городов и городков, сотни погостов, слобод и весей. Многие тысяч русичей погибли в сражениях, были убиты или полонены. Десятки тысяч бежали в леса на север или запад. Под Юрьевом-Польским от Батыевой рати

отделился большой отряд числом около десяти тысяч воинов, который двинулся на север — на Переславль, Ростов Великий, Ярославль и Углич. Этими войсками руководили родные братья Бату-хана — Хорду и Тангут. Под их рукой шел сильно потрепанный в боях кара-киданьский тумен и более трех с половиной тысяч монголов, найманов и татар. Главной их целью было подчинить или захватить северные города и нанести сокрушительный удар полкам великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. Для монголов это был часто предпринимаемый ими глубокий рейд по вражеским землям с целью обезопасить свой тыл в предстоящих боях на юге.

Другая — большая часть монголо-татарского войска под рукой Бату и его мудрого полководца Субутдая-багатура двинулась на Запад, миновала Ополье и, пройдя лесными дорогами, обрушилась на опустевший Дмитров, а затем на Волок Ламский. Большая часть монголо-татарского полона и награбленного добра оставалась под значительной охраной восточнее Юрьева-Польского, поджидая разделившуюся татарскую рать. От Волока Ламского Батыева рать двинулась на север к верховьям Волги и разорила брошенную населением Тверь. Отсюда лежала прямая дорога на Новгород Великий. Но на пути монголо-татарского войска встал хорошо укрепленный и готовый к обороне новгородский град Торжок.

* * *

Уже вторые сутки князь Юрий Всеволодович ждал известий от воеводы Дорожа, ушедшего второго марта с трехтысячным полком в сторожу «пытати татар» на юг от села Сить-Покровского. Дорофей Семенович Дорож повел конные суздальскую и углицкую дружины числом немногим более тысячи воев и около двух тысяч пеших ополченцев северных русских городов. Вместе с Дорожем князь Юрий отпустил сыновца — углицкого князя Владимира Константиновича. Кому, как не углицкому князю, его кметям и гридям, было не знать своей отчины, на севере которой текла река Сить.

Еще вчера вечером воевода сообщил, что ждет татар верстах в семи — восьми южнее — у Божьего городка.

Юрий Всеволодович с утра объезжал вместе с воеводой Ярославом русский стан у села. Вои уже совершили утреннюю молитву, позавтракали и собирались в полки ошую Сить-Покровского. Догорали и тушились костры в русском стане. Вои мыли котлы, вздевали доспехи, разбирали оружие. Казалось, все идет по заведенному порядку, как каждый день, как всегда. Не верилось, что где-то скачут татары, пуская стрелы, где-то бьют пороки, круша стены городов, где-то полыхают пожары, где-то плачут женщины и дети, угоняемые в полон. Правда, Юрию Всеволодовичу показалось, что сегодня с утра он на какое-то мгновение почувствовал отдаленный запах гари, принесенный ветром откуда-то с юго-востока. Но потом все пропало, и он подумал, что обманулся.

Построение войска совершалось теперь каждое утро ввиду приближения татарской рати, которая была, вероятно, где-то у Углича, а может быть, и ближе — у верховьев Сити. Во всяком случае, Дорофей Дорож и князь Владимир никаких известий об этом не подавали. Великий князь был все еще не в себе после известия, полученного во второй половине февраля из Владимира. От брата же Ярослава вестей до сих пор не было. Князь понимал, что татарские отряды, верно, перерезали все дороги и перехватывали посылов. Беженцы, уходившие в леса на север — за Волгу и к Белоозеру, сообщали, что татары уже вторую неделю как обложили Торжок и бьют град пороками. От этих мыслей Юрий Всеволодович поморщился. Тут вспомнил родной Владимир, и в голове у него помутилось. С трудом пришел в себя, сообразив, что чуть не выпал из седла. Проходившие вои преданно и с надеждой взирали на своего князя и криками приветствовали его. Он же, сдерживая слезы и сердечную боль, склонял голову и крестился.

Прошел еще час. День близился к полудню. Солнце на небе светило все ярче, хотя легкий морозец не проходил. Князь

потянул носом воздух и почувствовал легкий запах талого снега, смешанного с запахом просыпавшегося дальнего леса и запахом талой воды в реке — и первый раз в начавшемся новолетии ощутил отдаленный запах весны. Сам себе не поверил и потому глубоко вдохнул еще раз, но запах его не обманывал. Юрий вспомнил о семье, сам себе не веря, что уже никого нет в живых, хотя весна пришла как всегда, а на небе светило солнце. Вспомнил, перекрестился, смахнул рукавицей слезы, навернувшиеся на глаза. Затем поднял очи к небу и попросил у Господа смерти. Он не хотел жить более на этом свете без семьи. Но затем, глядя глазами, затуманенными слезами, вокруг себя, понял, что должен еще жить какое-то время, ибо вокруг него стояли и сидели верхи в седлах тысячи людей — русских воев, вверивших ему свои жизни. Все они хотели жить, были вооружены, хотели защитить или мстить за своих близких и поругание своей земли. Полки еще не были построены. Князь вторично перекрестился и попросил у Бога прощенья, обещая исполнить свой княжеский долг до смерти. Тем временем Жирослав Михайлович обратил внимание князя на то, что вдали — верстах в полутора одесную села и их войска показался из-за перелеска небольшой отряд верховых. Вглядевшись из-под длани на северо-запад, князь посуровел ликом, и велел воям готовить луки со стрелами и копья для соступа.

Тем временем из-за перелеска, но уже южнее показался еще один отряд верховых, но уже больший, числом около двухсот воев. Все они на рысях быстро приближались к русскому войску разными дорогами. Следом одесную показался еще один отряд. Через несколько минут зоркий воинский глаз стал различать, что это свои — русичи в островерхих шеломах, сверкавших на солнце. Князь и воевода переглянулись и с облегчением вздохнули. С ошеего плеча подъехали встревоженные сыновцы — Василек и Всеволод Константиновичи также ожидавшие вестей. И четверти часа не прошло, как ко

князю Юрию на запаленном коне подлетел Дорофей Дорож и осипшим голосом с надрывом прокричал:

— Княже! обошли нас около. Пеши полк погибе весь у Божьи городок. Татарове в силе тяжце суды идуть!

Тем временем к великому князю подъехал со своими отроками и боярами младший брат Святослав Всеволодович. Обсуждать что-то уже не было времени. Юрий Всеволодович велел немедля ставить полки. Сам с Ярославом, с владимирцами и пешим полком встал ошую села. Позади поставил брата Святослава с юрьевцами. Наказав ему, что если татары обойдут с десного плеча или со спины, то уходить через заснеженные луга на десный берег Сити. Низкорослые татарские кони быстро по глубоким снегам не пойдут, увязнут. Русичи на своих конях смогут там оторваться от татар. Далее же, как Бог весть. Ежели не даст Господь подать помощи старшему брату, то спасать своих людей и себя. С ошеего плеча поставил старшего сыновца Василька с ростовским конным полком, за ним Всеволода с ярославцами, за ними — Дорожа с суздальцами и Владимира с остатками углицкого полка. Расцеловав брата и сыновцов, простился с ними и отпустил.

Полки быстро вставали на указанное место и готовились к соступу. И четверти часа не прошло, как появились татары. Их передовой отряд не более чем в полтысячи ратников пошел одесную Сить-Покровского. Другой крупный отряд числом до двух тысяч вышел на зимник из перелеска и стал разворачиваться лавой. Затем татары медленно двинулись вперед, так как снега в поле перед селом были глубоки. Русичи готовили луки, копья, щиты и ждали приближения ворога. Следом за первым отрядом из-за перелеска показался третий татарский отряд числом еще больший предыдущего. Чего пожелал в тот час Юрий Всеволодович, так это того, чтобы как можно дольше сдержать татарский напуск и дать своим сродникам оценить обстановку и предпринять какие-то действия. Он понимал, что татарская рать раза в два более его войска. По-

нимал, что передовым полкам из этой сечи живыми не выйти. Солнце было почти в зените. Прищурившись и прикрыв дланью глаза, он посмотрел на восток на ошее плечо своего полка. Князь Василек с ростовцами стоял непоколебимо и готовился к сече. В этот момент он вспомнил брата Ярослава, пожелал его увидеть и проститься. Вспомнил почему-то о покойных рязанских князьях и пожалел, что своевременно не оказал им помощи еще тогда три месяца назад. Вздохнул и перекрестился. Татары медленно, но неумолимо приближались.

Через десять минут татрские стрелы стали потоками шеломить русичей. Те дружно отвечали. Крики боли, стоны, хрип, матерщина, ржание коней огласили окрестности. Еще через несколько минут татарская конная рать обрушилась всей своей тяжестью и силой на передовые русские полки. Юрий Всеволодович не помнил, как он бился копьем в окружении своих отроков, гридей и бояр. Не видел, как татарское копье сразило воеводу Жирослава, рассекши его бармицу у предплечья. Он начал приходить в себя лишь тогда, когда заметил, что ряды его малой дружины поредели и около него дралось пять или шесть конных владимирских воев. Оглядевшись, князь Юрий понял, что его пеший полк начал подаваться назад. Пятя и поворачивая коня одесную, князь следовал за пешцами. Ростовский полк Василька оставался ошую и впереди, не уступая татарам. Тем временем шум битвы сзади и одесную нарастал все сильнее. Всмотревшись туда, Юрий Всеволодович понял, что татары все же обошли русичей и ударили по полку князя Святослава из-за села. Вновь развернув коня передом к ворогу, князь увидел, что копье его обломилось. Отбросив древко, он вытянул харалуг и схватился с татарином, налетевшим на него. Стрелы уже не шеломили, как в начале сечи. Но вои, сойдясь вплотную, кружились, наносили удары, поднимали коней на дыбы, а белый снег покрывался то брызгами, то проталинами красной и чернеющей крови. Сотни людей и лошадей уже пали на истоптанный снег. Люди и кони, лежа

и барахтаясь в снегу, в конвульсиях расставались с жизнью. Князь Юрий впервые видел так близко смертную сечу. Разум его мутился и отказывался верить тому, что видели очи. Его тошнило и трясло, хотя в груди кипела ненависть к ворогу. Татарин лихо рассек бармицу и сбил шелом с головы князя, но тут сам стал заваливаться куда-то в бок и повис на стременах. Это княжеский отрок ударом секиры в спину свалил ворога и спас своего господина. Но затем и верного отрока ударила в десную ланиту татарская стрела и тот, ойкнув, заливаясь кровью, припал к холке коня. Однако князя не дали обступить татарам пешцы, отогнавшие татарских ратников рогатинами. Многие татары, потерявшие коней в сече, сами уже дрались пеши.

Тем временем юрьевский полк князя Святослава, получивший удар в десное плечо, развернул коней и стал уходить через занесенные снегами луга к реке Сити. Вместе с ним повернули коней и стали отступать уже потрепанные в бою у Божьего городка суздальская и углицкая дружины. Князь Владимир и воевода Дорож уводили своих людей вслед за юрьевцами к берегу реки. Рядом с ростовским полком Василька Константиновича, остался только ярославский полк его брата Всеволода. Охваченные татарами с двух сторон, ростовские и ярославские вои дрались насмерть. Ни Василек, ни Всеволод отступать не собирались. Однако пеший полк князя Юрия, тараня с плечей конную татарскую рать, отходил все севернее за село — к холму на Городище. Строй русского войска распался, и оно оказалось рассеченным на две части. К татарам подошел еще один отряд числом до трех тысяч ратных, добивший русичей у Божьего городка.

Тусклое мартовское солнце стало неуклонно катиться к западу, когда ростовский и ярославский полки оказались сжаты железной дланью татарской рати почти со всех сторон. От удара татарской секиры пал с коня на снег смертельно раненый князь Всеволод. Князь Василек не знал о смерти

брата, но сам, раненый в плечо отчаянно сражался во главе своих воев с ворогом. Юрьевский, углицкий и суздальский полки во главе с князьями и воеводой Дорожем перешли на десный берег Сити и, отстреливаясь от татар, уже отступили от места битвы версты на три. Татары преследовали их малыми силами и теснили все далее. Пеший полк русичей теперь стоял насмерть на высотах с напольной стороны Городища, но силы его быстро таяли под стрелами татар. Под князем Юрием пал конь. Пешцы помогли князю выпростать из-под коня ошую ногу и встать. Холодный пот заливал лицо Юрию Всеволодовичу. Подшеломник слетел с его головы, но он не поднял его. Щит остался лежать на снегу. В пешем полку не осталось уже ни одного верхового. Стяг полка уже час назад упал вместе со знаменщиком где-то у основания холма. Да и от самого пешего полка не осталось и тысячи воев. Сбросив рукавицы, Юрий слабеющими дланями вновь ухватил харалуг и, расставив ноги, приготовился драться до конца. Окружавшие его пешцы со стонами и криками падали и приседали в снег под ударами стрел.

И тут начался очередной напуск татарской лавы. Юрий, грозно подняв свой тяжелый меч, с остервенением опустил его на одного из налетевших на него верховых. Конь дико заржал и стал заваливаться, придавливая всадника. Никого из пешцев с длинными тяжелыми рогатинами уже не было рядом с князем. Полегли все. Князь еще раз взмахнул и ударил тяжелым мечом. Но удар, кажется, пришелся в круглый татарский щит. Понимая, что приходит конец, Юрий начал творить молитву, тихо шепча одними губами:

— В руце Твои, Господи Исусе Христе, Боже мой, предаю дух мой…

Вдруг перед его внутренним взором явилось любимое им изображение, высеченное на северной стене Дмитровского собора во Владимире. Князь увидел отца, брата Ярослава и себя. И вот он уже отрок замер перед образом их семьи

и смотрит, как мастер, стоя на легких лесах, и слегка покачиваясь на играющей доске, высекает, правит его фигуру на белом камне. Мастер держит в деснице острый резец и лишь одним неточным движением пересекает выю на его изображении от подбородка почти до затылка. Последнее, что успел увидеть великий князь владимирский — это холодный, отливающий синевой, просверк татарского клинка. Все тело обожгло волной огня, бегущего от подбородка до затылка, от хребта до пят и мозжечка. Мир закружился в бешеном вихре, и все покрылось пятнами крови. Это татарский ратник ссек с плеч косым ударом голову князя Юрия. Окровавленная глава отлетела под ноги татарским коням и, отброшенная конским копытом, покатилась под уклон. Пеший полк русичей еще полчаса дрался и погибал под мечами и саблями татар на склоне холма у Городища. А остатки ростовской и ярославской дружин то ложились под стрелами татар, то вдруг вновь кидались в рукопашную сечу и таяли, устилая поле, остывая горячей черной кровью и леденея на истоптанном конскими копытами белом снегу. Последние раненые русичи, сбитые с коней, были связаны арканами. Среди них был истекавший кровью и обессилевший князь Василек Константинович.

Брат хана Батыя темник Хорду сам подъехал к полоненным русичам и через толмача спросил, есть ли среди них князь. Русские вои молча стояли, опустив главы долу. Василек, смело посмотрев в глаза предводителю татар, вышел вперед, указывая этим на себя. Хорду посуровевшими глазами с уважением посмотрел на князя, одобрительно качнул головой несколько раз, и распорядился оказать ему и плененным русичам помощь, затем чтобы увести их с собой. Татарская рать тем временем грабила Городище и село Сить-Покровское. Близился вечер. Хорду еще раз оглядел истоптанное, снежно-кровавое поле битвы, с сожалением качнул головой и вздохнул, ибо в этой сече рать, вверенная ему, потеряла около трех тысяч воинов. Затем велел тысячникам готовить людей

к выступлению на юг завтра на рассвете и поехал ночевать в разграбленное село.

* * *

Тем же мартовским вечером накануне праздника Средокрестья татары придвинули пороки еще ближе к стенам Торжка и вновь огородили их тыном. Темнело, когда на верхах стены, близ воротной вежи, что стояла с напольной стороны, собрались вятшие мужи: новоторжский посадник Иванко Немирич, Яким Влунькович, Михаил Моисиевич и Глеб Борисович, посланные из Новгорода со своими людьми в Торжок князем Александром, дабы оказать помощь в обороне града. Факелов на стенах не возжигали, хотя недалеко от ворот бревна куртины в стыках двух клетей обрушились, и чернел обвал. На прясле стен у заборол там и тут стояли десятки дозорных, что следили за ворогом. Все всматривались сквозь сиреневые мартовские сумерки туда, где татары двигали пороки. Посадник и новгородские мужи гадали, уж не завтра ли ждать общего вражеского приступа. За две недели обстрела из камнеметов и пращ татары сильно порушили верха стен и воротную вежу. Пожарами, возжигаемыми огненными снарядами, выжгло почти все дома и постройки близ стен внутри града. Правда, основания куртин и валы, поливаемые водой в течение месяца, покрытые почти саженным панцирем льда, были неприступны для ворога.

Яким Влунькович мыслил о том, что у Торжка заметно стало, как вражеская сила поубавилась. Если огромный и хорошо укрепленный Владимир татары брали пять дней, то здесь под невеликим градом встали на две недели. Говорили, что под Владимиром татарской рати было тысяч до тридцати. Здесь же под стенами Торжка многие опытные вои, исчисляя рать ворога, не насчитывали и пятнадцати. Да, научили татары русичей драться насмерть. Все стали понимать, что пощады не обрящеши. Яким окинул взглядом все, что было за его спиной. Несколько тысяч гражан и воев, защищавших Торжок,

грелись и спали у костров, разложенных внутри града близ основания стен. Среди них были сотни женщин. Люди спали прямо на соломе, брошенной на снег, на санях, на бревнах, положенных рядком, словом на чем Бог послал. Спали, укутавшись в тулупы, полушубки, армяки. Укрывались от мороза дерюгами, попонами, полстями, тряпьем. Под рукой было оружие: рогатины, секиры, мечи, луки и тулы со стрелами, тяжелые самострелы. Жгли в кострах полуобгорелые бревна, доски, лемех с крыш, все, что смогли спасти от огненной стихии, занимавшейся в течение двух недель десятки, а то и более сотни раз. Но никто не хотел уходить от стен, боясь, что приступ может начаться с часу на час. Почерневшие ликами от дыма пожаров и костров, от почти кровавого, смертного и рабочего пота, сходившего по семь раз на дню, немытые, заросшие бородами, оголодавшие, простуженные, порой обмороженные, раненые стрелами или получившие контузию от удара бревном, «изнемогоша людие в граде». Не один десяток убитых воев и гражан положили новоторжцы за эти две недели в отрытую скудельницу у храма. Все были здесь равны, все пили одну чашу страдания: купцы и ремесленный люд, священники и дьяконы, бояре, гриди, отроки и кмети, свободные смерды, закупы и холопы из окрестных весей. И все, моля Господа, готовились к одному и тому же. Молча, с великим почтением и благодарностью смотрели на весь этот народ вятшие мужи града Торжка. Яким Влунькович, посеревший и исхудавший ликом за эти дни, обратился к Ивану Немиричу, дабы с раннего утра предупредить и поднять дьяконов и священников. И, как начнет светать, сослужить большой молебен с окроплением людей, оружия и стен града святой водой. А потом пройти крестным ходом по внутренней линии стен с пением «неседального» акафиста Пресвятой Богородице. Бог весть, удастся ли когда, еще сослужить такое. Новгородские мужи одобрительно закивали головами. Новоторжский посадник согласился и, оправив меч на поясе,

усталой походкой пошел к лестнице, ведущей к спуску со стены. А Яким Влунькович еще раз оглядел воев и народ, гревшихся у костров и подумал, что завтра, скорее всего, он и все эти люди будут драться с ворогом до конца.

* * *

Князь Ярослав Всеволодович, да и все вои Залесской Руси впервые видели, чтобы ворог так страшно пустошил и жег завоеванную землю. Князь узнал, о том, что случилось на Сити, уже близ Можайска. Узнал, потемнел ликом, перекрестился, прочел тихую молитву и утер слезы. Понял, что старшего брата уже нет в живых. Об остальных пока что вестей не было.

Уже верстах в пятидесяти за Можайском все чаще стали попадаться спаленные села и погосты. Ближе к Москве вои стали наталкиваться вдоль дорог на десятки, а потом и сотни занесенных снегом, посеченных, пострелянных стрелами, заледенелых в крови покойников. Среди них были не только мужчины, но и старики, женщины, дети. Москва, ее предградье и окрестности предстали перед Ярославом и его воями страшным, занесенным снегом пепелищем, по которому слонялись одичавшие собаки, да изредка попадался какой-нибудь испуганный оборванец, прятавшийся в окрестных лесах. Среди обвалившихся, сгоревших построек в Кремнике стоял только почерневший от гари белокаменный храм святого Димитрия. Большая часть стен града была нетронута. С напольной стороны под снегом на них и на валу был наморожен лед. Порушены и сожжены были только напольные ворота и примыкавшие к ним прясла стен. Но оставаться на Москве и дня не имело смысла.

Ярослав Всеволодович повел полки к Яузе. По замерзшему ее руслу вышли к волоку. От волока вошли в русло Клязьмы и двинулись на стольный Владимир. Никто не узнавал этих мест. Все окрест на десятки верст было выжжено и обезлюдело. Видно было, что татарская рать прошла на Владимир

здесь. Стольного града тоже не узнали. Все врата Нового города были целы. Но прясла стен сильно порушены в четырех местах. Ров там же был завален приметом. Когда князь въехал в город, через не охраняемые никем Золотые ворота, то увидел страшное. Нового города просто не было, ни улиц, ни площадей, ни людей. Вместо всего этого было пепелище. Только закопченные дымом пожаров, высились стены разоренных каменных храмов. Торговые ворота были разбиты. Печерний город сгорел лишь на треть. Более всего разорен и опустошен был княжеский Детинец. Ветчаной город выгорел наполовину. Ясно было и то, что под снегом лежат тысячи покойников, которых, как начнет сходить снег, надо будет сразу же хоронить.

Войска встали в Печернем городе, князь со старшей дружиной в сохранившихся домах близ Детинца. Затопили давно нетопленые печи. На следующее утро велено было отыскать погибшую великокняжескую семью и захоронить ее. Несколько десятков человек из Печернего города, сумевших избежать смерти и полона, возвратившихся домой, рассказывали, что, скорее всего, великая княгиня со снохами и внучатами укрылась в Успенском соборе. Пришлось очищать от остатков пожарища обгоревший, заброшенный и осквернённый Успенский собор, выносить оттуда сотни покойников и предавать их земле. Там в соборе на полатях (хорах) и нашли почти всю убиенную семью князя Юрия. Где же погибли и лежат сыновцы Ярослава: Владимир, Всеволод и Мстислав никто не знал. Удивлялся князь, почему татары ограбили, но не погубили икон, прочего узорочья и красоты Дмитровского собора и собора Воздвиженья Креста, что на Торгу.

Стали посылать за продовольствием и сеном в окрестные села. Но округа была полностью разорена. Тогда решили отправить небольшие отряды за продовольствием в Стародуб, Нижний Новгород, Городец, не тронутые татарами. Послали дозоры к Юрьеву и Переславлю. Во Владимире первым делом

князь велел разобрать обвал Торговых ворот, заново сложить и укрепить их. Взялись и за починку Ивановских ворот, где были выломаны створы. Печерний град еще можно было оборонять. Его стены и восстановленные врата могли стать защитой от врага. Воев для этого у князя хватало. Через несколько дней во Владимир стали сходиться беженцы из Боголюбова и окрестных весей, что успели укрыться в лесах на юге и на востоке. На третий день князь Святослав Всеволодович извещал из Юрьева, что чудом уцелел в сече на Сити, с ним была почти и вся его дружина. Пришли известия и из Переславля. Город был разграблен, но не сожжен. Многие переславцы с семьями бежали в Новгородскую землю или в леса за Плещеевым озером. Татары были уже далеко. Одна их рать с огромным полоном уходила на юг, в Рязанскую землю. Другая — взяла Торжок пять дней назад и направилась на Новгород Великий. Эта весть тяжелым камнем легла на плечи князя и всех переславцев. Медлить было нельзя. Срочно был созван совет ближних мужей — воевод и бояр. Все сходились на одном, надо было спасать и свои семьи, и всех беженцев из Залесской Руси, и сам Великий Новгород. Рассуждали так, что если двинуть к Новгороду полки, ко времени дойти они все равно не успеют. Да и маловероятно, что следом удастся победить ворога. Оставалось одно — кланяться в ноги татарскому царю, дарить ему подарки, просить, чтобы взял под свою могучую руку, и обещать от себя верную службу. Говорили, что этого царь и добивался от всех русских князей, и тех, кто вел с ним переговоры, и тех, кто храбро дрался с ним, а затем попадал к нему в полон. Другое решение было смерти подобно. Татары могли возвратиться к Владимиру, а пуще того взять и разорить Новгород. Да! Но кто возьмет на себя великий труд и крест ехать к Батыю и вести переговоры. Вот тогда, тряхнув седой головой, и ударив дланью о колено, вызвался на это дело старый и мудрый Борис Творимирич. И все сразу уразумели, что кому же было еще, как ни ему?

Быстро собрали все серебро, злато и меха, что лежали у князя в обозе с самого Киева. И в тот же день легкий санный обоз в пятеро саней, запряженных четверками лошадей понесся на запад — на Юрьев, Переславль, Тверь, Торжок и далее. В поводу за каждыми санями привязали еще по паре коней. Лошадей князь велел не жалеть. В охрану обоза выделял полсотни переславских комонных кметей. Все, что потребуется посольству по пути, велел брать силой. Передавал и брату князю Святославу, чтобы снабдил посольский обоз и лошадьми и всем, чем может. Отправив посылов, князь стал на молитву и молился в храме Воздвиженья Креста, что на Торгу до самого вечера. Затем вновь принялся за дело.

Через день пришло новое известие. Владыка Ростова Великого Кирилл, возвращаясь из Белоозера, куда бежал, спасаясь от татар, по дороге домой побывал на месте сечи на Сити. Там обрел он тело покойного великого князя Юрия. Но главы его не нашел. Обезглавленное тело привез в Ростов и схоронил во гробе в храме Пресвятой Богородицы. Владыка сообщал, что из Ростова и Ярославля многие поехали на Сить искать тела павших сродников. Князь Ярослав отписал владыке, что благодарит его и просит вновь съездить на место сечи или отправить туда людей, чтобы обрести и главу князя Юрия.

Затем пришло известие из Стародуба. Кланялся старшему брату самый младший — князь Иван. Бежал он из Владимира со своей семьей и малым двором в град Стародуб, что завещал ему их покойный батюшка Всеволод. Великий Бог избавил его отчину от вражеской рати. Иван, кроме поклона, посылал Ярославу Всеволодовичу и небольшой обоз с продовольствием: пшеницей, рожью, ячменем, салом, мороженой говядиной и конопляным маслом. Обещал, как подсохнет весной, быть к его двору во Владимире. Это известие утешило князя Ярослава. Слава тебе, Господи, хоть еще один остался жив. А потом задумался и понял, что пришла пора отдать Ивану наследс-

тво, завещанное отцом и так долго удерживаемое покойным старшим братом Юрием. Тут его мысли остановились на другом брате Святославе. И он велел отписать ему, что ждет его вскоре к своему двору во Владимир.

Следом из Ростова извещала Ярослава Всеволодовича княгиня Мария — жена князя Василька. Со слезами писала, что узнала от самовидцев* — русских полоняников, вырвавшихся из татарского плена, как татары довели русский полон от Сити до Шеренского леса и встали у его опушки станом. Там татарский воевода стал понуждать князя Василька и его людей служить татарскому царю. Но ростовский князь, исполненный храбрости и веры, отвечал ворогам:

— О, глухое царство и скверное! Никако же мене отъ хрестьянския веры отлучите, аще бо и велми въ велицеи беды есмь, се бо ми наведе Богъ грехъ моихъ ради. Богу же како ответъ дасте, еже есть многи души изгубили бес правды? Их же ради Богъ мучити вас имать въ веце бесконечнемь. Истяжеть бо Господь душа тех, их же есть погубили.

После этого татары дали князю Васильку еще час на раздумье, а всем полоняникам, кто пожелает, предложили вступать в их рать и этим купить себе жизнь. Лишь немногие русичи изъявили желание, и тех отвели в сторону. Князь же Василек молился стоя на коленях о всех христианах, о спасении своих чад Бориса и Глеба, своей жены Марии и отца своего духовного епископа Кирилла. А как истек час, татары обнажили мечи и начали сечь русский полон. Первым отдал Богу душу князь Василек. Большинство ростовских и ярославских воев, оставшихся в живых на Сити, были убиты вслед за князем. Но в общей суматохе семерым смельчакам удалось вырваться из татарских рук и бежать глубоко в лес. Татары не преследовали их далеко, так как не знали леса. Только троих из бежавших ранили стрелами. Однако смерды из окрестных сел, прятавшиеся в лесу, подобрали бежавших воев, обогрели их, накормили и уврачевали их раны.

Мария посылала людей к Шеренскому лесу, но тела князя там не отыскали. Привезли в Ростов на санях лишь тела тридцати девяти мучеников, зарубленных татарами. Но через несколько дней один из смердов приехал на княжий двор в Ростов. Он и рассказал, как его жена, собиравшая хворост в лесу, набрела на место убийства русских полоняников на краю Шеренского леса. Татары ушли недавно, так как их костры еще догорали, а кровь убиенных еще не успела остыть. Осмотрев десятки покойников, в надежде, что среди них могут быть еще живые, женщина узнала среди них по одеждам убиенного Василька. В испуге прибежала она в то потаенное место в лесу, где прятались крестьянские семьи. Сообщила о увиденном мужу. Ночью тот отправился к месту побоища, а утром привез тело князя. Затем покойного омыли и одели понявицею*. Владыко Кирилл и княгиня Мария сразу же послали за телом князя и через восемь дней привезли его в Ростов. Великий плач стоял на отпевании князя и его похоронах. А положили покойного раба Божьего Василия в том же храме рядом с дядей Юрием.

Все эти известия словно тяжелый крест легли на плечи Ярослава Всеволодовича. Утешало в очередной раз лишь одно, что татарский царь Батый и его воеводы зовут русских князей служить им. Значит, русское посольство во главе с мудрым Творимиричем будет услышано. Тогда татарская рать не пойдет на Новгород, а его семья, как и тысячи русичей будут спасены...

* * *

Поздним мартовским вечером, когда уже почти стемнело, на княжеское Городище под Новгородом пришел небольшой санный обоз и до полусотни комонных воев. Узнав о том, что обоз из Владимира, и сам не поверив в это, князь Александр в окружении малой дружины двинулся к воротной веже Городища. Встревоженные известием, он и Ратмир в окружении трех десятков вооруженных гридей и отроков

встречали приезжих у закрытых ворот града. Санный обоз остановился, не доезжая ворот. Дворский князя поднялся наверх воротной вежи и окликнул приезжих. Те отвечали, что прибыли свои — переславцы. Никто сразу не поверил. Но тут через минуту за закрытыми створами ворот князь услышал добрый, знакомый голос Бориса Творимирича. Немедля он велел растворить врата. В свете горящих факелов увидел улыбавшееся лицо старого боярина. Все задрожало в душе у молодого князя от надежды и ожидания. Боярин был в тулупе и хотел уже поклониться, но Александр подбежал к нему, обнял и поцеловал. По всему было видно, что Творимирич привез радостную весть. Сразу же Александр повел боярина в княжеский терем, оставив всех дворовых людей и дружину. Дворский распорядился пропустить обоз внутрь княжеского града и закрыть врата. За князем и боярином последовал только Ратмир. Уже в сенях, а потом в большой палате младшие братья кинулись целовать старого и доброго батюшкиного слугу. Творимирич улыбался, но почти не отвечал на вопросы, которыми осыпали его. Одно лишь отмолвил, что Ярослав Всеволодович жив, здрав, поял великий стол во Владимире и шлет поклон всей своей семье. Затем уже посуровел ликом. Попросил князя остаться с ним с глазу на глаз при свечах. Все молча, но обрадованные известием разошлись. Прокашлявшись и осмотревшись, Борис Творимирич неторопливо, обстоятельно, и немногословно стал рассказывать, что батюшка поручал ему труднейшее дело — посольство к царю Батыю. Услышав это, князь Александр напрягся, глубоко вздохнул и перекрестился. Творимирич продолжал. Он нагнал татар за Торжком только у Игнача Креста — за сто верст от Новгорода. Татарские ратники, что шли в охранении обоза, увидев их, сначала достали луки со стрелами и обнажили сабли. Но потом поняли, что к ним идут посылы, а не враги. Разоружили русских кметей и под большой охраной доставили всех с обозом к самому царю. Уже стемнело, когда русичей привели

к большому и круглому царскому шатру. Борис Творимирич и двое детских из переславцев, войдя внутрь, пали перед царем на колени, умоляя царя выслушать их, а не казнить. Через толмача-половца Батый велел послу молвить.

Подняв главу и посмотрев в очи царю, Творимирич сказал, что кланяется не только от себя, но, прежде всего, от нового великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Затем рек, что великий князь владимирский ищет царской милости и просит принять его под великую царскую руку. Князь умоляет царя не ходить на Новгород Великий, не разорять града и ради Господа Бога Исуса Христа не проливать зря человеческой крови. От себя уже Творимирич добавил, что в царстве великого хана Угедея много подданных христиан, исповедующих Христа так, как учил первоепископ Несторий. И всех их хан милует, и они служат ему, как верные слуги и рабы. Следом боярин одарил царя богатыми подарками, спрашивал о его здоровье и здоровье семьи. Удивленный Батый усадил боярина и сопровождавших его мужей по их степному обычаю, угощал своим татарским питьем и кушаньем, слушал посла и хитро улыбался. Разговор зашел о Киеве, ибо Батый хорошо знал, что князь Ярослав пришел оттуда с полками. Творимирич много рассказывал Батыю о древней столице, о Южной Руси. После этого царь совсем потеплел к русскому послу. Затем Батый стал спрашивать о венграх, половцах и последнем море. И Творимирич понял, что Батый хочет услышать о Греческом море, морях фрягов и франков. Тогда он повел разговор о том, что с половцами великие владимирские князья не дружили, общались мало. Друзьями половцев были соседние северские и черниговские князья. С черниговцами же владимирские князья воевали многажды. Тут Творимирич испросил царя, слышал ли и знает ли он о страшной сече на реке Калке. Царь обратился к одному из своих воевод — старому и опытному на вид, с суровым лицом и без улыбки слушавшим разговор царя с послом. Они обме-

нялись несколькими словами по-монгольски. Батый что-то спросил у старого воина. Тот одобрительно качнул головой и ответил утвердительно. После этого глаза Батыя еще более оживились, и разговор продолжался. Осведомленный Борис Творимирич склонил голову, приложил руку к сердцу и испросил разрешения у царя задать ему вопрос. Царь кивнул головой, и боярин спросил, сопутствует ли удача его брату Монке в войне с половцами. Батый с удивлением приподнял десную бровь и, скрывая что-то под прищуром раскосых глаз, ответил послу. Толмач с трудом перевел, что кыпчаки хитры, но они не уйдут от карающего меча и стрелы монголов. Тогда Творимирич добавил, что половецкий хан Котян собирается увести свою орду за Карпатские горы в землю угров. Царь утвердительно кивнул головой. Об уграх же Творимирич сказал, что они — латиняне, еретики много раз грабили и воевали Галицкую Русь и доходили даже до Киева. Затем поведал, что жил «в греках» немало лет кряду. Видел Цареград, Фессалонику и многие другие греческие города. Видел и знал многих государей греческой и болгарской земли. Ходил на кораблях по Русскому, Мраморному, Греческому и Фряжскому морям. Долго воевал с латинянами — франками и фрягами. Одно время воевал и с магометанами-сельджуками. Все это вызвало неподдельный интерес Батыя, глаза его загорелись, и он долго расспрашивал боярина о латинянах, их богатствах, обычаях и их умении воевать. Затем, совсем потеплев, подарил боярину свой монгольский меч. Сказал, что окажет милость князю Ярославу и его народу, повернет войска от Новгорода и пойдет назад в Поле через земли черниговского князя, враждебного Ярославу Всеволодовичу. А о подданстве и службе его подумает, да еще позовет его и других русских князей к себе. Лишь под утро Батый отпустил русское посольство и велел отдать оружие русским кметям. Уже утром русичи увидели, как татарские рати стали уходить окольными дорогами на юго-восток. Татарская сотня сопровождала русский обоз

целый день. И лишь в сорока верстах от Новгорода повернула вспять. Тогда боярин послал трех кметей с известием и кратким письмом ко князю Ярославу, а сам с обозом двинулся на Городище. На этом старый боярин окончил свой рассказ, передал от батюшки князю Александру свое благословение и отпросился отдыхать.

Радостный Александр легко вздохнул всей грудью, обнял, поцеловал старого боярина и отпустил его спать. Потом вышел на двор, велел дворскому позаботиться о приехавших кметях и возничих, задать корма коням и отвести от ворот сани. Следом пошел к матушке. Феодосья не спала, уже знала о приезде Творимирича и ожидала сына. Как мог, Александр кратко, но радостно и убедительно рассказал матери о случившемся, дав понять, что опасность отступила. Матушка встала на колени перед иконами, со слезами на глазах начала молиться о спасении и благодарить Господа. Александр же полный впечатлений вызвал Ратмира и почти до самого утра обсуждал с ним все, что услышал от боярина.

Рано поутру князь в сопровождении меченоши, десятка гридей и отроков поскакал в Новгород сообщить радостную весть владыке Спиридону и новгородским мужам. Еще было довольно рано, но Новгород Великий уже по-прежнему шумел, бурлил и шевелился, как растревоженный улей. Только теперь как будто что-то переломилось, поменялось. Князь вдруг увидел, что тает снег, бегут первые ручейки, с крыш сочится капель, как-то особенно весело щебечут птицы, ласково пригревает утреннее солнце, и понял, что весна властно вступает в свои права. И все же на душе было немного тоскливо. Елену матушка увезла в одно из пригородных сел, и они не виделись уже более месяца. Ратмир как-то сказал, что его тетка, боясь татарского нахождения, вообще задумала перебраться к родне и сыновьям в Медвежью Голову. Князь подумал, что нужно будет послать Ратмира и сообщить своей остуде радостную весть. Недобрые же мысли отогнал от себя.

Ударили церковные била, созывая народ к утренней службе и литургии. На улицах Александр все чаще встречал людей, на лицах которых читались не тревога и забота, а чувство облегчения и избавления. Причина была понятна... Видно первые известия о том, что татары повернули от Новгорода, уже дошла до новгородцев. И следом князь подумал о том, чего стоила эта радость. Одних только новоторжцев побито было тысяч пять, не менее. Защищая Торжок, погибли Яким Влунькович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич с десятками своих воев. А сколь простого народа посекли татары, пока шли до Игнача Креста. А сколь погибло на Сити, при защите Владимира, Москвы, в сече за Коломну, а сколь пало рязанских русичей. А кто сочтет десятки тысяч угнанных в полон, загубленных без милости, замерзших от холода. Да, дорого заплатила Северная Русь за то, чтобы обескровить и повернуть вспять Батыеву рать. От всех этих мыслей становилось тошно, кружилась голова. Даже не верилось, что все это уже позади. Тяжелый крест принял его батюшка Ярослав Всеволодович, принимая великий стол Владимирский. И еще одна мысль и одно чувство пришли и уже более не оставляли князя Александра. Он знал и чувствовал, что переломился весь ход прежней жизни, что той Руси уже нет, и ее вспять не воротить никогда.

Глава X

Козельск

Март подходил к концу. Близилась страстная седмица. Снег таял все быстрей, был плотным, мокрым и покрывался льдистой коркой. Лед на реках становился рыхлым, и воды притоков и прибрежных ключей заливали его сверху, а холодными ночами к утру замерзали серо-синими буграми у берегов. В полдень тучные снега поймы и заливных лугов Жиздры играли под лучами солнца всеми цветами радуги. Горислав и Путята смотрели, прищурив глаза из-под десницы, то на юго-запад, то на запад с верхов рубленой стены Козельского града. Толстый ледяной панцирь, покрывавший валы и бревенчатые основания стен, с юга и запада также ярко отражал солнечные лучи, и этот блеск мешал всматриваться в даль. Все было пустынно вокруг. Брошенные дома и вырубленные сады посада только и напоминали о былой жизни. Редко пробегала где-то бродячая собака да каркали вороны. Тревожно было у детского, его друга, да и у всех козлян на душе в те дни. Позавчера вечером пришла страшная весть, что татарский отряд неожиданно появился у Вщижа, изгоном взял его, разорил и сжег. Затем ворог показался у Дебрянска. Но дебрянские вои уже были предупреждены, и этот орех оказался татарам не по зубам. И то, правда, Дебрянский град стоял на высоченном холме крутого берега Десны, поросшем у подошвы дремучим лесом. Татары даже не пытались приступить ко граду. Это уже давало надежду. Одно было не

совсем ясно козельским мужам, как татары из-под Новгорода так быстро дошли сюда — в средину Черниговской земли. Надеялся тогда люд черниговских городов и весей, что вовсе минует татарская рать их землю, увязнет в Залесской Руси. Но чувствовали и догадывались княжий детский и все, кто побывал в походе за Днепром пятнадцать лет назад, что другие замыслы были в голове у татарского царя. Понимали Горислав и Путята, что не забудут татарские воеводы черниговским, галицким и киевским воям убийства татарских посылов на Днепре, сечи за Днепром и на Калке. Горислав, конечно, горячо молился и благодарил Господа за то, что отворотили татары от Новгорода, но теперь уже переживал за родной град, за своих сродников и всех козлян. Да рано утром он был у князя и по его совету тот отправил троих комонных отроков ко князю Михаилу с просьбой о подмоге. Но всерьез на помощь от Михаила Всеволодовича Горислав не рассчитывал. Знал, что князь от себя в такую пору воев не отпустит.

Обсудив эти мысли с Путятой, детский пошел с ним по верхнему ходу стены к воротной веже. Та стояла надо рвом, соединявшим Жиздру с Другусной. Проходя мимо, переглянулись, посмотрев с любовью и надеждой на новую вежу, поставленную внутри града на старом валу. Затем прошли по стене к западной стороне града и долго вглядывались на северо-запад. Там сияла под солнцем гряда холмов, покрытых перелесками. Никакого движения вражеских ратей. Только весенняя полуденная тишина, капель, собачий лай, щебет птиц, да карканье воронов. Но тишина была обманчивой. Это козельские мужи чувствовали всеми струнами своей души. По верхам этой гряды, что сверкала снегами, уже наверняка катилась к ним под Козельск татарская рать. Другой дороги к Козельску в начинавшуюся распутицу было не отыскать. Татары могли быть сейчас поприщах в тридцати, может, ближе... Горислав передернул плечами, почувствовав холодок, идущий от дощатого железного доспеха, стывшего на

холодном мартовском ветру под легким полушубком. Холодок и нервная дрожь прошли волнами чуть ниже груди над животом. Подумалось, что, слава Богу, как только козляне узнали о разорении Вщижа, еще вчера утром сразу отправили свои семьи в леса, в дальние урочища, лесные поселки. Хорошо, что ночью прошла пороша и замела следы. Пора была высылать сторожу в ту сторону, откуда ждали ворога.

Сторожа возвратилась в полночь и сообщила, что видела верстах в пятнадцати от города на северо-западе за холмами огни большого ратного стана. По всему это были татары. Тогда же по велению князя козельские кмети зажгли еще не разобранные, оставленные козлянами дома и постройки предградья с напольной стороны, за Другусной и у Жиздры. Пожар полыхал до рассвета. Утром 25 марта, как рассвело, все козляне высыпали к заборолам стен, что стояли на горе над рекой Другусной и ее поймой. Постройки предградья вокруг еще догорали, курясь дымом и чадом. Князь Василий со старшей дружиной и козельскими мужами, Горислав, Путята и все вои, пришедшие с ними из Чернигова, стояли на верхах воротной вежи с южной, напольной стороны. С высоты, несмотря на дымы сгоревшего предградья, хорошо было видно, как татарская рать сходит с холмистой гряды и медленно движется по заполненной тающим снегом долине с запада на юг. Татарские всадники, отыскивая твердь, осторожно выезжали на лед Другусны. Лед хотя и подтаял, но видно был еще крепок, так как выдерживал десятки верховых. А Горислав думал, что, появись здесь татары на седмицу позднее, видели бы они Козельск версты за три, не ближе. Однако далеко не вся татарская рать торопилась сойти в долину. Большая часть ее так и осталась в отдалении на западных отрогах гряды за рекой. Те же отряды, что подошли с напольной стороны, выбирали места повыше, ставили в отдалении от града свои круглые шатры и разводили костры.

Талые снега и надвигающаяся распутица не давала ворогу всерьез начать готовиться к приступу. На первый взгляд татар было тысяч пять-шесть. Но Горислав знал, что большая часть их рати еще скрыта от глаз козлян холмами и перелесками. К полудню козляне увидели, как в нескольких местах на западе поднялись дымы. То, верно, загорелось в окрестных селах. Но потом и дым пропал. И Гориславу стало понятно, что ворогу нужен был сухой строительный лес и топливо для костров, а не выгоревшая округа. Видно было, что татары не собираются уходить, а встают надолго и хотят ять Козельск.

* * *

В самом конце марта подморозило. Стал гололед, снега покрылись твердым настом. Уже утром 28 марта на день Входа Господня в Иерусалим козляне заметили, что татарские ратники установили три порока напротив напольной вежи и еще три западнее ее, там, где со стороны Другусны высился вал града. Пороки закрыли тыном. Лучники пробовали достать до пороков стрелой, но стрелы ударяли в бревна тына на излете. Видно было, что пленные русичи изредка подвозят на санях и сгружают камни у пороков. Как понял Горислав, татары обыскали всю округу, но посколь снега были глубоки, а реки были еще подо льдом, много камня они не нашли. В отдалении, правда, на их кострах готовилось какое-то смрадное варево. И детский догадался, что ворог готовит зажигательную смесь. Визжали пилы, что-то пилили полоняники. К обеду Горислав удвоил дозоры на стене с напольной стороны, поставив туда семьдесят лучников, которые менялись через каждые три часа. Вои установили там же два десятка самострелов, железные стрелы которых доставали до пороков. Только деревянный тын не давал накрыть прислугу камнеметов. В случае, если ворог начнет бить, велел плотникам и гражанам быть у костров за надолбами и в ближайших к валу избах.

На следующий день с началом Страстной седмицы с утра козляне впервые услышали незнакомые им ранее гулкие уда-

ры, свист снарядов, рассекающих воздух и удары о рубленые стены града. Били татарские пороки. Горислав с Путятой и несколько мужей из княжеской дружины подъехали к внутренней излучине вала, покрытого льдом, оставили седла и стали быстро подниматься по лестницам на верхний боевой ход. Каково же было удивление детского и всех, кто был с ним, когда они увидели, что ворог мечет в стены града не камни, а короткие бревна длинной менее сажени. Сила таких ударов, конечно, была слабее, но и они расшатывали деревянные клети стены и угрожали изувечить защитников. Проходя вдоль заборолов, Горислав и Путята предупреждали лучников и воев у самострелов, чтобы били лишь в том случае, когда татары показывались из-за тына и приближались к стенам. По-иному не стоило тратить стрелы. Через полчаса первые огненные снаряды, пущенные пращами татар, перелетели через стену и зажгли две клети близ стены. Козляне стали быстро тушить их, заливая огонь водой, или набрасывая на него сырые овчины. Затем ворогу удалось зажечь заборола ближе к Другусне, но и там пожар потушили. Благо близ стены с южной стороны было отрыто в свое время четыре колодца и воды хватало. Пороки били до самой темноты. За первый день обстрела татарам удалось повредить верха стен лишь в двух местах и ранить одного русского воя.

На следующий день пороки стали вновь метать в стены града бревна и камни. Теперь их удары наносили более ощутимый урон. Видно было, что с юго-запада к городу приблизилось и спешилось тысячи полторы татарских воев. Увидев это, Горислав послал ко княжескому воеводе Любиму, чтобы поставил всех лучников на стену, ибо явно готовился приступ. Не прошло и четверти часа, как более полутысячи русских лучников уже стояло у заборол с южной и западной стороны града. К полудню на участке стены, что ближе к Другусне, от ударов камней до ледяного покрытия обвалилась одна клеть. Плотники и гражане ринулись туда, чтобы как-то поправить

дело. С внутренней стороны вала на толстых веревках стали поднимать бревна, чтобы закрыть ими обвал. Тем временем татарская рать, собравшаяся у града с юго-запада, пошла на приступ. Укрываясь щитами, татары приблизились на полет стрелы и пустили тучу стрел. Пращи ударили огненными снарядами в то место, где образовался обвал стены. Огненным жаром обдало людей и бревна. И охваченные огнем, и уцелевшие от пламени русичи отхлынули от пролома. Многие побитые или раненые стрелами остались на месте. Русские лучники дружно ответили татарам из-за заборол. Горислав и Путята с луками в руках били стрелами и видели, как татары, потеряв до пятидесяти воев, отступили от града, унося убитых и раненых. В этот день ворог более не пытался подходить к стенам Козельска. Однако его пороки до самого вечера метали снаряды в место обвала, и все более обрушивали стену у пролома. Пожар, правда, удалось затушить большим количеством воды. Уже ночью без огней и факелов, русичи стали разбирать обвалившиеся, обгорелые бревна, уносить погибших. Со стороны татарского стана ржали лошади, слышался топот копыт. Татарские ратники в темноте разъезжали вдоль стены, проверяя бдительность русских лучников. Нет-нет, да десяток татарских стрел из темноты долетал к пролому, раня и убивая людей. Но и козляне на верхах стены не дремали, отвечали тем же. Горислав с Путятой были на стенах со своими товарищами и не давали зевать стрелкам. Сами не выпускали луков из длaней. Тем временем козляне разобрали обвал. Под руководством опытных плотников подвели бревна и на оледенелом основании положили две новые, более короткие клети вместо одной прежней, чтобы закрыть пролом и связать прясло. К утру подняли бревенчатую кладку, и покрыли толстыми досками почти вровень с тем, как было ранее.

Утром вновь пошла капель, стал сеять мелкий дождь. Потеплело и потекло. Весна вновь и еще дружнее напомнила о себе. Снега с напольной стороны стали быстро таять. К

полудню вода из-подо льда рек стала выходить на берега и заполнять пойму. Татары, утопавшие в мокром снегу и талой воде, отвели пороки от стен на дальнее расстояние. Видно было, что им стало не до Козельска.

* * *

Пасху встречали еще на снегу 4 апреля. Горислав стоял ночную литургию вместе со старшим братом Любомиром в одном из соборных храмов града. Братья отвезли свои семьи и престарелых родителей за неделю до прихода татар верст за тридцать на юг — туда, где начинались дебрянские леса в одну из лесных деревень. Но Любомир возвратился, решив оборонять родной град от ворога вместе с Гориславом. Недалеко от детского стоял и Путята со своим отцом. Поглядывал на друга, улыбался, держа свечу в ошеей длани, крестясь перстами десницы и кланяясь в сторону алтаря. В этом же храме встречал Пасху и молодой князь Василий со своими боярами и дружиной. Все сегодня думали о своих сродниках, молились за то, чтобы Бог уберег их от безбожных моавитян, молились о своем спасении и помощи. Горислав вспоминал семью. Чувствовал, что скучает по детям, по Антонине, хоть и отвык он от них, хоть и крутила-вертела его по всей Руси ратная судьба. С болью думал Горислав о том, что не ладилось у него с Антониной и она, наверно, была неверна ему. Сердце тронула боль, но детский обратился с молитвой к Богородице, прося Ее укрыть его чад и жену своим святым мафорием от всяких бед, напастей, зла и смертельных болезней.

Вестей ни от жены, ни вообще из Новгорода не было никаких. Одно, слава Богу, было ясно, что татары не тронули города. Говорили, что молодой новогородский князь Александр Ярославич умен и ретив. Но мысль о том, что он смог бы защитить город, вызывала сомнение. Вон сколь градов было ято татарами по всей Рязанской и Суздальской землям. Не иначе, как новый князь Владимирский Ярослав откупил Новгород у татар. От этих мыслей Гориславa отвлекла

проповедь, с теплом сказанная настоятелем храма — старым седым священником, которого детский помнил еще молодым. Живое слово священника было о ратном подвиге его паствы, вставшей «за други своя» и за своего князя:

— Да аще князь наш младъ есть, то положимъ животъ свои за него, и зде славу сего света въспрпиимемъ, и тамо небесныя венца отъ Христа Бога приимемъ, — глаголал батюшка и заканчивал изречением Евангелия:

— Еже глаголю вамъ во тьме, рцыте во свете: и еже во уши слышите, проповедите на кровехъ. И не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити въ геение. Не две ли птице цениться единому ассарию; и ни едина от нихъ падетъ на земли без Отца вашего: вамъ же и власи главнии вси изочтени суть: не убойтеся убо: мнозехъ птицъ лучши есте вы. (Что говорю вам в темноте, говорите при свете: и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за мелкую монету; и не одна из птиц не упадет на землю без воли Отца вашего: у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих птиц. Мф., гл. 10, 27—31.).

Служба продолжалась. Под звуки торжественных пасхальных молитв детский подумал о себе самом и обратил свой внутренний взор и молитву к образу святого Димитрия Солунского. Следом вспомнился Киев, Михайловский Златоверхий собор. Перед глазами явился трогательный образ темноволосой, синеокой Соломии. Гориславу стало еще тоскливее, и он попросил у Господа поберечь его киевскую остуду и указать ему в жизни путь истинный. Теплый бревенчатый храм, озаренный в Пасхальную ночь светом сотен горевших свечей, пропахший ладаном и воском плыл перед его очами. На глаза навернулись слезы. Он закрыл их, и вдруг почему-то

увидел Новгород, Софийский собор и голубые женские глаза ранее никогда не виденные им.

* * *

Бурное апрельское половодье превратило на три недели козельский град в остров. Татары отступили от града на окрестные высоты и выжидали. Пятую неделю они уже стояли под Козельском и не собирались уходить. Затем половодье постепенно стало спадать. Жиздра и Другусна медленно входили в свои берега. Козляне понимали, что какие-то силы и обстоятельства держат ворога здесь в такую трудную пору. Между тем апрель заканчивался, и земля стала подсыхать. Ледяной панцирь на южном и западном валу града стаял. Но тонкий ледок еще держался на внутренней части в тени южного вала, так как рубленые стены не давали солнечным лучам проникать сюда.

С двадцать пятого апреля солнце ярко засияло на небосводе, и стало совсем тепло. Ночью татары пригнали к городу с юга множество народа и начали там какие-то работы. На следующий день, в понедельник, лишь рассвело, воевода Любомир, а с ним Горислав и Путята, поднявшиеся в спешке на южные заборола стены, увидели, что татары поставили свои пороки и пращи в тех же местах что и ранее. Только число орудий увеличилось более чем вдвое. Ближе к Другусне стояло теперь пять камнеметов и три пращи. Против ворот поставили шесть камнеметов с двумя пращами. Мощный тын ограждал стенобитные машины. Но самое главное, что в двух-трех полетах стрелы с южной и западной стороны теперь было собрано четыре татарских отряда. Каждый был числом не менее тысячи ратных. Воевода срочно отправил людей за лучниками и кметями. И вовремя, ибо через пять минут камни полетели в стену Козельска и с треском стали рушить куртину и ворота.

Горислав понял, что за три прошедшие недели ворог хорошо подготовился к приступу и доставил ко граду множество

камня, чтобы бить стену. Сердцем ощутил, что настал час решающей сечи за родной город. Он внутренне был готов к смерти, хотя и боялся ее. В это утро он понял, что сейчас смерть подступила к нему как никогда близко и уже заглядывает своими пустыми и мрачными глазницами ему в очи. Бежать и отступать было некуда. Враг был повсюду вокруг града. Стараясь не думать о смерти, он натянул тетиву на лук и достал стрелу из тула. Непослушные уста творили молитву святому Христофору и святому воину Димитрию. Посмотрел на друга. Путята был рядом, так же с тревогой поглядывал на Гориславa, натягивал тетиву не очень послушными руками и тихо матерился. Обменявшись взглядами, друзья поняли, что им обоим возможно предстоит сегодня встретить смерть. Но ни тот, ни другой не могли отступить, уйти.

Еще через пяток минут по верхам стены побежали лучники и самострельщики. Горислав, как мог, расставлял воев у заборол, крича, чтоб не скапливались в одном месте, чтоб вставали на равном расстоянии друг от друга и меняли место после выстрела. Кметей с копьями, рогатинами, мечами, секирами, палицами воевода остановил в двадцати саженях от стен за надолбами на старом валу. Он же приказал поставить котлы над кострами и топить смолу. Десятки камней, пущенных пороками, ударили по вратам Козельска и в стену — туда, где был ранее пробит пролом. Бревна ворот и стены с треском, медленно, но неумолимо подавались, выбитые из своих пазов рушились вниз. Козляне, притаившись за заборолами, ждали своего часа. Ни одна стрела не вспорхнула и не вылетела в сторону врага.

Через три часа после начала обстрела клеть стены рухнула. Но воевода по совету Гориславa удержал плотников и воев подале от пролома. Еще через четверть часа обрушилась лицевая бревенчатая кладка ворот. Татары пошли на приступ, неся с собой длинные бревна, лестницы и гоня впереди себя полоняников. На стены стали быстро поднимать котлы с ки-

певшей раскаленной смолой. Тысячи стрел запели в воздухе, когда спешенные татары подошли ко граду на полет стрелы. Сотни их ратных были ранены или убиты сразу. Но досталось и козлянам. Подгоняя полоняников остриями копий и мечей, татарские ратники с истошными криками ринулись к пролому и вратам града. Стрелы осыпали их сверху, но наступательного порыва было уже не остановить. Десятки бревен и лестниц накрыли переметом ров. Полоняников сталкивали вниз. Сраженные стрелами и железными болтами самострелов, татары сами десятками валились вслед за ними. Но вот уже первые лестницы опустились на склон вала и ратники с мечами и саблями полезли по ним наверх. Вот уже несколько десятков татар ворвались в пролом и, перескакивая через обвалившиеся бревна, двинулись внутрь града. Воевода велел трубить в рог, и русичи перевернули шесть черных котлов с кипящей смолой, выливая ее на головы врагов. Осмоленные, обожженные, кричавшие и визжавшие от боли ратники кинулись вспять, но сбитые с ног, падали на землю, затаптываемые новым потоком наступавших. Другие, кому удалось вырваться из пролома, скатывались в ров с вала и затихали там навеки. Десятки татар нашли смерть под камнями и бревнами, сброшенными русичами со стен. Вспыхнула жестокая сеча...

Полторы тысячи татарских воев прорвалось через выбитые ворота и через пролом внутрь града. Другие били из луков по заборолам с напольной стороны. Однако русичи не оставили стен и не бежали защищать свои семьи и дома. Каково же было удивление татар, прорвавшихся за стену, когда им в спину вновь ударили стрелы и железные болты, а перед ними оказались новый вал с надолбами и новая воротная вежа...

Уже более получаса Горислав не выпускал лука и, сжав от ненависти уста и зубы, редко, но уверенно бил стрелой сначала за стену, а потом внутрь града. Каждая стрела ложилась в цель. Почти после каждой татарский ратник падал на землю, то воя, то крича от боли и хватаясь дланями за

бедро, выю, или выронив оружие и закрыв лицо. Кто-то из татар разворачивался и пытался подняться по скользине и тонкому протаявшему ледку на внутреннюю сторону вала, но тщетно. Кто-то пытался вскарабкаться по бревенчатому обвалу на стену. Их сбивали стрелами, рогатинами и камнями. Детский всматривался внутрь града и видел, что на старом валу у надолбов идет страшная, кровопролитная резня. Все теперь решалось там. Отбивая ворога от надолбов, русичи кололи татар совнями, рогатинами, секли их мечами и топорами. Многие, выронив оружие, в ближнем рукопашном бою резали татар ножами. С новой воротной вежи и со стен сотни стрел осыпали и валили врага. Ратники, ворвавшиеся в город, и, казалось, готовые по привычке добивать, грабить, насиловать, сами оказались в западне. Кто-то из них пытался достать лук и отстреливаться, но тех сразу же накрывали стрелы русичей. Еще десять-пятнадцать минут сеча кипела внутри града у старого вала. Но вскоре татарские сотники поняли, что оставаться в этой западне равносильно погубить всех вверенных им людей. Разбившись на небольшие отряды, татары под давлением русичей отходили через разбитые ворота и пролом за стену. Здесь на них сверху обрушились новые камни и бревна. Пощады не было никому. Еще через четверть часа остаток татар вырвался из града в поле и откатился на два полета стрелы. Снова ударили камнеметы по стенам. Затем огненные снаряды зажгли бревна пролома и заборола в нескольких местах. Но козляне смело тушили пожары, не давая огню распространиться вдоль прясла. Было видно, что лишь небольшие отряды татарских стрелков остались у пороков. Весь остаток дня русские лучники бились через стену с ворогом. Большая часть конной татарской рати, сворачивая стан, отходила за Другусну или к Жиздре, пропадая в пригородных перелесках и лесах. Тем временем козельские кмети и гражане добивали раненых татар. Поднимали, уносили и перевязывали своих раненых, поили их водой, медовухой,

пивом. К ночи сочли потери. Русичей легло в этой сече более двухсот человек. Раненых было до ста. Татар побили, покололи и посекли внутри града около семисот пятидесяти. Козляне ликовали. Но радоваться было рано.

Оставив большую сторожу у заборол, все козельские мужи и старшая дружина собрались в палате княжеского терема на совет. Решали одно. Воевода Любомир предлагал выйти за стену двумя отрядами, побить, посечь все вражеские пороки, пращи и нанести удар татарам в спину. Горислав, Путята и все, кто ходил с ними на Калку, не одобряли этого решения. По их словам, татарские воеводы были хитры и могли устроить русичам засаду вне стен. Начались жаркие споры. Многие из княжеской дружины соглашались с Гориславом и Путятой, но желание сокрушить татарские пороки, оставленные под слабой охраной, было очень велико. Наконец воевода добился своего. Молодой князь Василек склонился на его сторону. Сдались и опытные вои черниговской дружины. Решено было конной сторожей в двести воев выйти за стены и разведать все о вороге. Если же татар осталось у Козельска немного, то принять бой. Тем временем пешие козляне не более ста человек, кто пойдет по доброй воле, должны были выйти следом, чтобы разбить и рассечь татарские пороки и пращи.

Еще не забрезжил рассвет, когда русичи, предельно сохраняя тишину, вышли из града через пролом и разбитые ворота конным и пешим отрядами. Коней выводили в поводу, вели осторожно по татарскому перемету и затем садились верхи. Среди комонных были Горислав с Путятой и несколько их сотоварищей по черниговской дружине. Татарские стрелки не спали и пустили в русичей десятки стрел. С ходу русские конные вои обошли тыновые стены у пороков и обрушились на татар с копьями. После короткой схватки татарские ратники, кто верхом, а кто и пеш, стали отходить. Конные русичи преследовали их. Горислав вел отряд, что напал на татарские

пороки, установленные ближе к Другусне. Где окриком, где и древком копья он удерживал своих воев от преследования врага. Путята был с ним рядом. Тем временем пешие козляне в рассветных сумерках уже громили пороки кузнечными молотами, ломами и тяжелыми секирами. Вышибали бревна из пазов, рассекали толстые веревки. Среди них был и брат Гориславa Любомир.

Вдруг Путята указал Гориславу острием меча на то, что со стороны Жиздры из перелеска русской конной стороже навстречу выехал небольшой отряд татар. Там уже завязалась сшибка. Западнее из-за холма показался еще один небольшой конный отряд врага и тронулся навстречу русичам. Горислав остановил коня и проорал своим воям, чтобы не трогались с места. Тем временем со стороны Жиздры показался третий уже многочисленный отряд вражеской конницы, который пошел наперерез козлянам, дравшимся ошую. Татары явно намеревались ударить по пешцам, громившим пороки, поставленные против ворот. Детский тут же послал передать, чтобы русичи немедля бежали к пролому за стену града. Татарская конница развернулась лавой и стремительно приближалась. Вскоре дальнобойные татарские стрелы достали пеших русичей, отступавших к стенам. Горислав развернул свой отряд и повел его встреч татарской лаве, чтобы прикрыть отход. Но было поздно. Наперерез ему с гиканьем и свистом уже летела на рысях татарская сотня, пускавшая стрелы. Через три минуты конные русичи сшиблись с татарами и закружились в вихре сечи. Изловчившись, детский копьем ударил всадника в кожаных доспехах и круглом шеломе с бармицей. Тот не успел загородиться щитом, и копье пришлось ему в грудь. Татарин опрокинулся и стал выпадать из седла. Понимая, что ворог втрое-вчетверо больше числом, Горислав прокричал княжескому отроку, чтобы трубил условным сигналом в рог. Надо было немедля отводить отряд к стене града. Отрок протрубил, но далеко не все русские вои услышали сигнал и

выполнили веление детского. Русичам явно не хватало выучки и слаженности. Наученные драться в обороне, многие были не готовы к бою в поле. Дело шло к тому, что козлян могли полностью окружить и перебить стрелами, как диких уток.

— Засада суть! — мелькнуло в голове у детского.

Выругавшись матерно, Горислав повернул коня, и погнал его к пролому. За ним следовали Путята и десятка три воев. Однако, развернувшись, он с ужасом увидел, что опоздал. У вражеских пороков и у перемета уже началась жестокая сеча. Татары теснили русичей. Наперерез детскому шло на рысях около сотни татарских ратных. Увидев это, Горслав вновь развернул коня и погнал его на северо-запад к кустарнику, густо растущему на берегу Другусны...

* * *

Стоял прохладный и сырой весенний день. В лесу было еще много нестаявшего снега. Уже вторые сутки они прятались в глухом урочище верстах в десяти севернее Козельска. Голодные кони тихо ржали. Десять человек сидело, двое раненых лежало у костра на срубленных жердях и постеленных поверх них конских потниках. В глазах молодых воев были тоска и уныние. Всем хотелось есть. По словам опытного козельского кметя, побывавшего в стороже, татары вновь обложили весь град и стали бить по нему пороками и огнем. Прорываться в Козельск было подобно смерти. Решали, что делать далее. Горислав отмалчивался. Несчетно корил себя за то, что согласился выйти в сторожу за стены града и попал в засаду со своими людьми. Путята лежал раненый и стонал, прося воды. Детский понемногу отпаивал его отваром еловых веток и отвечал на вопросы. Было видно, что друг, раз от раза, бредит и забывается сном.

В последней схватке с татарами у берега Другусны они все же отбили напуск вражьей конницы стрелами и копьями. Потеряли тогда девятнадцать человек. Правда, и татар было против них немного. Татарскую рать отвлекли на себя козля-

не, дравшиеся у пороков и возле пролома. Что там случилось далее, можно было только догадываться. Ясно было одно, ворог пока не взял града, и сколь еще будет стоять возле него неведомо. В этой схватке на берегу реки Гориславa спасли от вражеских мечей и копий железный доспех и шелом с бармицей. Но он все же получил удар саблей в десное бедро. И хотя уверенно сидел верхом, но превозмогал сильную боль. Путяту же татарин ударил русским клевцом в незащищенный щитом десный бок и просек кольчугу. Горислав, мстя за друга, достал ворога копьем. Но Путята уже почти выпал из седла, повис на стременах и слабеющими руками держался за поводья. Немедля детский вновь всадил содруга в седло и привязал кнутом к шее коня. Затем срочно велел переправляться через Другусну и уходить ошеим берегом в лес. Сам на переправе и всю дорогу поддерживал Путяту в седле. Лишь когда ушли от города на безопасное расстояние, велел остановить коней и разбить небольшой стан. Путята был в бреду. С него сняли кольчугу и кожаный подкольчужник, пропитавшийся кровью. Рана была глубокая и еще сочилась. Затем Горислав разорвал свою исподнюю, свежую рубаху, что одел накануне вылазки, и сам перевязал друга. Тем временем вои развели костер, перевязали молодого воя, что был ранен в плечо стрелой. Соорудили на всякий случай небольшой навес из еловых веток между трех берез. Так и просидели у костра более суток. Надо было что-то решать.

Козельский кметь по имени Строимир, что ходил в сторожу к городу, предложил обойти Козельск с запада и пробираться к Дебрянску, а от туда к Чернигову. Там пересказать о Козельске князю Михаилу Всеволодовичу и просить у него помощи. Большинство воев согласилось с ним. Но детский молчал. Он, казалось, был занят своими делами и обрезал длинным боевым ножом ногти на перстах, под которыми запеклась чья-то чужая кровь. Смотрел на свои грязные, закопченные, слегка подрагивавшие длани и о чем-то ду-

мал. Когда, наконец, спросили его, Горислав твердо ответил, что в Чернигов боле не пойдет и просить у князя ничего не станет. Строимир с удивлением спросил, куда же хочет идти детский. Помолчав немного, Горислав сплюнул ошую, распрямил и потер затекшую от сидения на бревне раненую ногу. Затем внимательно осмотрел всех сидевших у костра и молвил, что направит свои стопы вместе с раненым другом в Великий Новгород. Все же, кто захочет, могут идти с ним. Наступила тишина. Кто-то присвистнул. До Новгорода было раза в два подалее, чем до Чернигова. Мнения разделились. Большинство стало собираться в дорогу со Строимиром. С Гориславом и раненым Путятой в Новгород собралось ехать только двое молодых воев.

Через несколько часов они соорудили из жердей, поясов и потников двое насилок, приторочили их между двух лошадей, попрощались и разъехались навсегда. Строимир пошел со своими товарищами к реке Брынь — на запад. Горислав же повел своих людей на север — через леса за реку Клютому к реке Серене. Он рассчитывал пройти вверх по берегу Серены и выйти к Мосальску. Оттуда уже податься на Вязьму. Места эти были знакомы ему. За время своей ратной жизни не раз ходил он с полками в этих землях и знал, какие дороги ведут в Великий Новгород.

Глава XI

Разлука

Вновь весна пришла и оживила разоренную небывалым нашествием землю Северной Руси. Пахарь-смерд, оставивший свой дом и всю зиму прятавшийся в лесах, с опаской выходил из лесной чащобы или засеки. Осторожно, с оглядкой, объезжал на исхудавшей лошади свои озимые и мыслил, как будет пахать, сеять и боронить яровые. На разоренные пепелища городов, посадов и слобод возвращался бежавший от нашествия торговый и ремесленный люд. Мужчины уже по дороге присматривали, где удобнее взять лес для постройки новых клетей. Где поставить новую кузницу или гончарную мастерскую, как изготовить или починить сбрую и снаряд* (инструмент). Женки, нянча детей, думали о том, где купить молока, жита, яиц, холщовой или льняной ткани, как устроить порядок в новом доме. Боярин осматривал разоренное хозяйство и мыслил, как привлечь бежавших смердов на землю, какие дать им льготы, чтобы поднять хозяйство. Как созвать отроков и кметей в свое «копье», для княжеской службы и чем платить воям. Священник мыслил о том, как быстрей поднять разоренный храм и наладить в нем службы и требы. Уже застучали топоры по городам и весям Суздальской и Рязанской земли. Уже плотники начали класть новые клети, а пахари подняли сохой первые борозды земли, когда обескровленные и измотанные войной последние завоеватели

оставили Северную Русь и ушли в Поле. Привычная жизнь медленно возвращалась в насиженные веками человеческие гнезда.

Но люди чувствовали и знали, что прежнего, спокойного уклада жизни уже не возвратить. Все, от мала до велика, пережили и увидели уязвимость и непрочность мира, в котором они живут. Воочию уразумели, что в животе и смерти только Бог волен. Все, кожей, нервами, каждым вздохом почувствовали, ушами услышали, как приходит ворог, с которым дерутся насмерть кмети, гриди и отроки — все кого, называют «воями», кричащие, орущие, воющие в сече от ненависти, боли, страха. Тогда же плачут, кричат и воют и все остальные — жены, дети, отроки, старики. И это все называется **«вой» «на».** И, несмотря на этот несмолкающий вой, раздававшийся теперь в разных уголках Руси, жить было **«на до ти»**. Надо было хоронить погибших, надо было разбирать пепелища. Надо было растить детей, строить дома, храмы и города, сеять хлеб. Надо было любить. И люди, смиряясь с этими мыслями, горячо молясь Богу о спасении, продолжали жизнь. Ибо то, что давалось Творцом, как великая благодать и милость без всякой платы со словом: **«На»**, для каждого, кто осознавал себя «чело» «веком», необходимо было нести с великим чувством ответственности и значимости самого себя в этом мире **«До»** конца. И это становилось понятно большинству русичей, мерян, веси, мещеры и всех остальных крещеных, оглашенных и воцерковляющихся христиан Северной Руси. Так же понятно, убедительно и ясно, когда давали воды и поили жаждущего. Или когда давали **«исти»** голодному. И все начинали понимать, что в этом есть **«исти» «на»**, о которой говорил Спаситель.

* * *

Теплым майским вечером князь Александр и Ратмир выехали за ворота Большой Власьевской улицы и направили своих коней к Юрьеву монастырю. Александр горел нетер-

пением, желая встречи, ибо они не виделись с Еленой почти три месяца. Теперь же она приехала в Юрьев монастырь помолиться у гроба отца, и сообщала, что ищет встречи с ним. Ратмир всю дорогу молчал. И князь догадывался, что тот, видимо, не хотел сообщать ему какие-то подробности, желая, чтобы князь сам услыхал от Елены все то, о чем она собиралась сказать ему.

Кони шли рысью. В пригородных рощах рассыпали трель соловьи. Воды реки и озер были тихи, ибо стояло безветрие. Но на душе у Александра было тревожно и неуютно. Уже три недели назад матушка со всей их семьей уехала домой в Переславль, вновь оставив его одного. Накануне батюшка прислал грамотцу, где писал, что ехать в Новгород времени у него не было. С тех пор, как приял великий стол Владимирский, был в великих трудах и устраивал дела после татарского нахождения. Потому вызвал семью домой. Сыновьям своим — Андрею и Михаилу велел быть к себе во Владимир. Михаила сажал на опустевший Московский стол, а Андрею отдавал Городец. Урядил и со своими младшими братьями — Всеволодовичами. Да и как было не урядить, если их из Большого Гнезда осталось только трое. Младшему — Ивану отдавал завещанный еще дедом Стародуб. Святослава сажал на суздальский стол. Сын Святослава — Дмитрий наследовал Юрьев-Польской. Владимир Константинович, единственно уцелевший из Константиновичей в битве на Сити, оставался на углицком княжении. В Ростове же Великом княжение приняли сыновья храброго, убитого татарами в Шеренском лесу, Василька Константиновича — юные Борис и Глеб. Этих троюродных сыновцов Александр даже и не помнил толком. Да, много князей сменилось после татарского нахождения в Залесской Руси. Поколение Александра Ярославича уверенно входило в трудную, наполненную заботами и великой ответственностью жизнь государей и нарочитых мужей Руси. Многие сверстники и двоюродные братья Александра уже

сложили головы в сечах с татарами и предали душу Господу. Все эти мысли тревожили сердце и ум князя. Но он благодарил Бога за спасение. Гордился тем, что дожил до этих дней и здесь на западных рубежах Руси являлся правой рукой отца — великого князя Владимирского. Вспомнился любимый и уже, казалось, давно ушедший покойный Феодор. Да, будь он живой, посмотреть, какой бы был сейчас... Александр тряхнул головой, отогнал тяжелые и печальные мысли, перекрестился. Огляделся окрест. Они уже обогнули Мячино озеро, и, двигаясь вдоль его берега, подъезжали к небольшой слободке, что стояла близ Юрьева монастыря. Ратмир направил коня к знакомому двору, чтобы договориться с хозяином, а князь остался поджидать его в отдалении — у ивняка.

Елена пришла, когда совсем стемнело. Она тихо вошла в избу, скрипнув половицей и легко притворив дверь. Александр, услыхав ее приход, вздрогнул, открыл глаза, и понял, что спал. В избе было темно. Лишь лучина горела у образа в углу. Князь поднялся с лавки, на которой сидел, и скорее почувствовал, чем увидел, как она кинулась к нему, обвила руками, прижалась всем телом. Он обнял ее и подхватил на руки. Так, слегка раскачивая, и прижимая к себе, как малое дитя, держал на руках свою драгоценную ношу. Они были вдвоем. Ратмир уже давно караулил на дворе. Шепча ему что-то малопонятное, она потянулась устами к его устам, и они слились в долгожданном поцелуе. Затем он посадил ее на колени и прижал ее чело к своему десному плечу. Сердце билось в груди неровными, бешеными толчками. Нужно было успокоиться и пережить трудный миг долгожданной встречи после разлуки. Она что-то пыталась еще шептать ему на ухо, но он приложил указательный перст к своим устам, прося ее подождать. Слезы подступили к очам, к горлу и потому Александр не мог и не хотел говорить. Она послушно замолчала и еще сильнее прижалась к нему. Так, в полном молчании, они

просидели минут десять. Затем князь обрел дар речи и тихо заговорил с ней. Он ничего не спрашивал у нее, только говорил о том, как истосковался сердцем и как ждал ее возвращения. Она внимательно слушала и, вытирая дланью катившиеся по ланитам слезы, легко кивала головой. Затем они вновь долго и до боли в устах целовались и гладили друг друга по ланитам. Елена расстегнула ворот его кафтана и запустила свою теплую и нежную длань ему на грудь под рубаху. Ее персты трепетно коснулись его груди. Волнение Александра прошло окончательно, и он всем телом ощутил могучий и страстный порыв и влечение к любимой женщине.

Широкая лавка у стены уже была застелена овчинами и, наброшенной поверх них льняной тканью. Он поторопился и почти сорвал с ее головы и плеч большой темный плат. Но она прошептала ему на ухо, чтобы он не спешил, ибо она уйдет только на рассвете. Тогда он медленно потянул с ее талии поясок, расстегнул и снял летник с парчовыми «вошвами» (нашивками). Следом скинул нижнюю льняную рубаху, излучавшую аромат ее молодого женского естества. Она нежно ласкала его длани и, казалось, отвечала на его движения всем своим телом. Когда обнажились ее небольшие белые груди, он по очереди брал устами соски, долго и нежно целуя их и лаская своим языком. Она же тем временем распустила свои густые, темно-русые волосы и обвила ими его. Еще через какое-то время Елена сняла с него пояс и расстегнула на нем кафтан до самого низа. Он сам стянул через голову рубаху, снял сапоги, скинул порты, исподнее платье. Оставшись, в чем мать родила, обнял и потянул ее за собой на ложе. Они укрылись большим овчинным тулупом. Но их стопы ног торчали из-под овчины и соприкасались друг с другом. Долгий поцелуй соединил их опять...

Александр просто не запомнил, как они стали близки в первый раз после долгой разлуки. Все тогда слилось в его сознании: и поцелуи, и ласки, и шепот страсти. Потом он

откинулся на спину, а она положила к нему голову на грудь и заговорила настороженно, с печалью в голосе. Он не сразу понял, о чем она говорила, но гладил ее волосы перстами и дланью ошеей руки. Однако нотки настороженности и какого-то смущения в ее голосе заставили его напрячься и вслушаться в ее слова. Первое, что он понял из сказанного ею, поразило его острой болью и обидой, ударив в самое сердце. Все, о чем он с ужасом думал последние годы, отгоняя от себя дурные мысли, вдруг предстало перед ним во всей полноте и страшной неотвратимости...

Она говорила, что это, наверное, не надолго. Ее братья и дядья давно уже зовут и хотят увидеть их. Ее матушка уже более семи лет не видела своих сыновей и страшно истосковалась по ним. Братья писали, что татары опять пойдут на Русь, и в другой раз могут дойти до Новгорода да взять его. Потому не мешало бы их матери и сестрам погостить у них и выждать время. До Медвежьей же Головы не так уж далеко — всего дней десять пути, а оттуда — рукой подать до Пскова...

В голове у князя зазвенело, словно ударили в гулкое било. Сердце обожгло огнем, и оно бешено заколотилось в груди. Перед глазами явился образ залитой кровью, выжженной пожарами, окутанной дымами, пропитанной гарью Чудской земли. Из глубин памяти, будто со дна омута, всплыли берега и кровавые воды реки Омовжи (Эмбаха), с плывущими и перебитыми воями. Он вспомнил и увидел яростные лица людей — немчинов, чуди и русичей. с ненавистью и остервенением дравшихся тогда насмерть у реки. Затем среди едкого желтого дыма и огня пожара явилась яблоня с повешенным на ней стариком, страшные в своей тоске глаза полоняников. С ужасом понял он, что Елена лишь успокаивала себя, хотя даже представить не могла, о чем сама говорила. Ему захотелось орать во все горло и лить слезы, умолять ее не оставлять его, не уезжать в безвестные чужие края. Но Александр только

страшно заскрипел зубами и мучительно застонал сквозь сжатые уста.

Он ни о чем не стал расспрашивать ее и далее. Спросил лишь одно, когда едут. Елена ответствовала, что матушка намерена отправляться седмицы через две. В Новгороде были у нее дела. Задумала она при храме святого Павла-исповедника, что созижден был покойным ее мужем и отцом Елены Симеоном Борисовичем, устроить женский монастырь для сирых вдов, чьи мужья погибли во время татарского нахождения. Матушка делала большой вклад в устраиваемую обитель, чтобы каждый день поминали покойного мужа, а всю их семью о здравии. Александр молча слушал ее, пытаясь не пропустить ни одного слова, и с ужасом думал о том, что предстоит неизбежная, горькая разлука. Вскоре и она замолчала и стала нежно гладить его своей дланью по груди и ланитам. Чувство страсти вновь вспыхнуло в нем и на какое-то время приглушило нараставшую боль.

В этот раз после страсти необыкновенная нежность и дивное, тонкое чувство полного соединения с ней овладело Александром. Он, как потом казалось ему, был немного хмелен, хотя и не пил ничего. Тонкий и божественный хмель любви разлился по всему его телу от корней волос и до пят. Она была тиха и недвижима. Он почти не шевелился. Они лежали с открытыми очами и смотрели друг другу в зрачки. Он, не помня себя, шептал ей какие-то мало различимые ухом, но чудные и полные обожания, слова, подобные молитве. Она же, видя, что с ним творится что-то необычное и неописуемое, пыталась понять смысл его слов. Но не понимала, а только чувствовала что-то великое и вечное, замирая от этого чувства. Он был ее частью. Ему же казалось, что какая-то великая и спокойная река несет их на поверхности своих вод в бесконечный океан любви и страдания, счастья и боли.

Потом и это прошло. Страсть, вызванная ее ласками, выжгла остатки боли и наполнила сердце. Он вдруг понял,

что сейчас не стоит жалеть о прошлом, думать о будущем. Пусть все решается само собой, так, как хочет того Господь. Сейчас же надо брать от жизни то, что послано ему. Эти мысли пробудили в нем мужское начало, и он с остервенением и вожделением овладел ей. Она стонала от сладости и боли. Но он не завершил начатого. Его уста терзали и пили ее. Страсти, казалось, не будет конца. В глубине своего сознания и своей души Александр понимал, что мстит ей за боль, которую она причинила, причиняла и еще причинит ему. Однако сделать с собой и со своими чувствами ничего не мог. Это исступление продолжалось с ним до самого утра. Елена полностью была в его власти, порой, несмотря на боль, теряла ощущение самой себя, и ей казалось, что она принадлежит ему полностью, как какая-то вещь. Не вынося уже этой пытки лаской, она, совершив усилие над собой, развернулась к нему спиной и легла на живот. Но он по-прежнему, уже со спины, продолжал лобзать ее тело и гладить ее дланями и перстами. Все, что только было в ней от маковки головы и до пальчиков ног было перецеловано им в это утро. Наконец, когда она была уже в полном изнеможении, он вновь овладел ею. Страсть его была так велика, что она уже несколько раз дошла до предела положенного в любовном общении между мужчиной и женщиной. Он же лишь единожды.

Уже пели петухи, и Ратмир осторожно и предупредительно постучал в дверь. Наступил время прощания. Она с трудом встала с ложа на ослабевшие ноги. Ее шатало, под глазами были синие тени. Он встал вслед за ней. Помог ей одеться. Затем быстро оделся сам. Они поцеловались в уста. Он вышел на крыльцо проводить ее, закрыв за собой скрипнувшую дверь. Здесь на крыльце молча поцеловались последний раз. Недалеко стоял Ратмир, и по его лицу было заметно, что он сильно обеспокоен. Она сошла с крылечка, прошла калитку и вышла на улицу. Уже с улицы, отойдя от двора шагов на десять, она развернулась, увидела его, стоявшего на крыльце

и махнула ему рукой. Он в ответ помахал ей и склонил голову, пряча слезы, навернувшиеся на глаза. Елена уходила, а Александр смотрел ей вслед. По ланитам его катились слезы, ибо всем сердцем и всей душой он понимал, что это была их последняя встреча.

* * *

Новгород Великий встречал Гориславa, Путяту и их спутников привычной суетой прохладного июньского дня. Слегка повздорив со сторожей, и заплатив пошлину, козляне проехали воротную вежу, открывавшую путь на Знаменскую улицу, и выехали на Славну. Горислав и Путята не узнавали города. Рубленые постройки его полностью изменились с той поры, как они последний раз видел Славну. Узнаваемы были лишь белые стены храмов. Правда, улицы остались те же. Давно уж не были Горислав и Путята в Новегороде. Многое позабыли. Но ведь язык до Киева доведет. Наконец добрались они до храма святого Илии и расспросили, о том, где находится двор бронника Алексы. Добрые люди все показали и рассказали, как всегда бывает на Руси. Может быть, сказали даже больше, чем надо. Но Горислав не смутился. Новгородец спросил у приезжих, кто и откуда они суть. Горислав отвечал. Но спросивший лишь с недоверием и в недоумении махнул рукой да быстро удалился. С трудом вои узнали ту самую улицу, где когда-то крутил любовь Горислав и где справляли его свадьбу. Подъехали ко двору бронника. Двор был весь нов и обстроен высоким забором. На сердце у Гориславa было неспокойно. В голове роились мысли о том, как тут живет-поживает венчанная ему жена, здоровы ли детки, узнают ли его тестюшка и теща.

С того самого дня, как они вырвались из Козельска, прошло без малого два месяца. Задержала их в дороге рана Путяты. Когда добрались до Мосальска, раненый совсем занемог. У него началась горячка. Там в Мосальске, отдал Горислав последнее серебро, чтобы вылечить друга. Добро, что

нашлась опытная знахарка, вылечившая Путяту от горячки настоями разных трав и припарками. Подлечила и рану Гориславa, полученную в бедро. Там же в Мосальске узнали, что татары все же взяли Козельск. Дравшиеся насмерть козляне, по рассказам, побили тогда до четырех тысяч татар. Вороги, мстя за своих убитых, посекли всех «до сосущих млеко». Говорили, что князя Василька татары утопили в крови. Весь город был сожжен дотла. А за то, что семь седмиц не могли овладеть им и понесли столь великий урон прозвали Козельск «злым градом». Услыхав эту страшную весть, Горислав понял, что, наверное, потерял старшего брата. Он стал часто бывать в храме и молиться об упокоении душ убиенных мучеников — всех своих знакомых и сродников, оборонявших Козельск до конца.

Лишь через три седмицы после пребывания в Мосальске, козляне смогли тронуться далее в сторону Новгорода Великого. Весть о мужественной обороне Козельска, взятии его и расправе татар с его защитниками, о страшных потерях татарской рати быстро облетела всю Северную Русь. Эта весть обогнала Гориславa и его спутников на пути к Новгороду. Когда они проезжали верхом через какое-нибудь село или слободу в землях, не тронутых татарами, кто-то расспрашивал о том, откуда они и куда держат путь. Один из четверых воев отвечал, но, услыхав ответ, на них смотрели с недоверием или с ужасом.

Козляне подъехали ко двору бронника и остановили коней. На дворе залаял пес. Над одной из построек вился дымок, шедший из трубы, и слышался перезвон кузнецких молотов. Кузница жила своей повседневной жизнью. Горислав, подъехав к воротам, постучал в них и позвал хозяев. Пес забрехал еще громче. Вскоре отворилась калитка и вышел младший брат Антонины в потемневшей от пота и окалины рубахе с закатанными рукавами и в кузнецком кожаном фартуке. Волосы его были подвязаны ремешком. Серые строгие глаза вни-

мательно смотрели на незнакомцев. Крепкая длань десницы сжимала большие клещи. Он сильно возмужал и окреп за эти годы, но Горислав узнал его и поздоровался с ним. Молодой широкоплечий кузнец с удивлением вдруг понял, кто перед ним, улыбнулся и шагнул навстречу. Горислав быстро сошел с коня, и они обнялись. Шуряк* громко крикнул, вызывая отца. Тот появился через минуту. Они обнялись, расцеловались на радостях. Алекса стал звать гостей в дом. Тем временем растворили врата, козляне спешились, стали заводить коней во двор. С крыльца сошла удивленная, обрадованная теща, выбежали детишки, бросившиеся к отцу и повисшие на нем. Сколько слез и радости было. Все плакали, обнимались, целовались. Сколько времени не видели друг друга! Сколько вопросов сразу посыпалось на козлян. Глазам своим не верили новгородцы, что приехавшие к ним люди совсем недавно чудом избежали смерти. Алекса повел гостей в дом, велел сынам немедля топить баню, жене, снохе и младшей дочери, уже невесте, накрывать на стол и принести из погреба пива и медовухи. Горислав же напрасно искал глазами. Не было Антонины среди тех, кто так радовался нежданной встрече.

Уже после бани козляне сидели распаренные, вымытые в летней холодной клети за столом. Пили, закусывали, ели. Расспросам не было конца. Пиво и мед развязали языки воям, хотя рассказывали они о том, что было в Козельске скупо. Никому не хотелось вспоминать те страшные, кровавые дни. Алекса и сыновья поведали козлянам о новгородских делах. Хвалили молодого князя Александра и порядки, заведенные им в новгородском полку и княжеской дружине. Горислав внимательно слушал всех, был молчалив, целовал и прижимал к себе детей да нехотя отвечал на вопросы. Потом еще пили и затянули протяжную, лихую песню. Подгулявшего тестя теща увела почивать. Затем уложила спать и детишек. Уже как свечерело и стемнело, старший шурин поднялся из-за стола и пошел что-то проверить в кузнице. Хмель плохо брал Горисла-

ва. Он поднялся и пошел следом. На дворе остановил шуряка и негромко спросил, где Антонина. Тот помолчал. Вздохнул глубоко и отвечал, что еще месяц назад, уже после того, как пришли вести о взятии татарами Козельска, Антонина неделю-другую плакала и убивалась. Затем сходила в церковь, собралась и уехала с каким-то торговым гостем в Руссу. Где уж она с ним познакомилась, Бог ведает. Уезжая, просила матушку пока приглядеть за детьми и обещала возвратиться через несколько месяцев. Никто ее не неволил, ведь считалась она теперь молодой вдовой. Вот и уехала. С той поры не было от нее вестей. Услышанное словно обожгло Гориславa. Протрезвев, он скрипнул зубами, выматерился, сплюнул и возвратился к друзьям. Сев за стол, с тоски и негодования хватил до дна полный ковш крепкого меда. Помолчал немного, глядя на хмельных товарищей, клонившихся головами долу и, чувствуя, что быстро пьянеет, негромко запел протяжную, тоскливую песню…

На следующий день похмелились. Алекса и сыновья потихоньку принялись за кузнечную работу. Что же касалось гостей, то те еще погуляли и отдохнули до вечера. К вечеру захмелевший Горислав объявил, что собирается остаться в Новгороде рядом с детками. Однако утром поедет на княжеское Городище и будет проситься в княжескую дружину, чтобы как-то снискать хлеб насущный и прокормить детей. Путята и двое молодых козлян, услыхав это, безотлагательно решили ехать вместе с ним и поступить в услужение к новгородскому князю Александру. Вечером задали хорошего корма коням и улеглись спать.

Встали с рассветом. Умылись ледяной водой из колодца. Трезвея, сливали друг другу из ведра на голову и фыркали от холода. Теща напоила теплым киселем. Вывели и заседлали коней, вздели доспехи, приторочили оружие и тронулись со двора. Неторопливо проехав улицами Славны, добрались

до Знаменских ворот. За воротами пустили коней наметом по дороге на восток — в сторону Волотова поля. Затем проехали мост над Малым Волховцем, а от Волотова свернули на юг в сторону Ковалева, держа путь к Спасо-Нередицкому монастырю и княжескому Городищу. Утро уже полностью вступило в свои права, солнце грело и уверенно шло к зениту, когда козляне подъехали к воротам княжеского града. Десная створа ворот была открыта, но в воротах и на верхах вежи были вооруженные и доспешные вои, остановившие приезжих и потребовавшие объяснений, кто они и откуда. Горислав и Путята сошли с коней, приблизились к створам ворот и, отвечая на вопросы сторожи, попросили вызвать кого-нибудь из старших в княжеском полку. Когда княжеские вои узнали, что за люди перед ними, то явно насторожились и стали посматривать на приезжих с недоверием. Разговор прервался. Горислав и Путята отошли в сторону к лошадям и стали ждать. Через четверть часа из ворот выехал молодой и нарядный верховой, по виду боярин. Ему указали на козлян. Не сходя с коня, боярин подъехал к ним. Еще раз переспросил их о том, откуда они. Услыхав ответ, с удивлением вскинул десную бровь, внимательно осмотрел приезжих и спросил, о чем хотят говорить. Горислав отвечал за всех. Без слов, осмотрев доспехи, оружие и коней, боярин кивнул головой. Затем велел козлянам оставить коней за воротами под присмотром сторожи и следовать за ним. Четверым воям княжеской дружины велел сопровождать их до княжеского терема.

Через десять минут обезоруженные козельские вои уже стояли перед князем Александром на княжеском подворье в окружении переславских гридей, отроков и новгородских кметей. Ратмир, приведший козлян, был рядом с князем. Высокий, широкоплечий, голубоглазый и светлорусый князь явно нравился Гориславу, ибо был «остромысл»* не по годам и задавал вопросы со знанием дела. Более всего интересовало князя, как вооружены и уряжены татары. Далеко ли бьют их

пороки и какова сила и точность их ударов. Князь спрашивал, почему татарская рать так долго не могла взять Козельска, как устроен был Козельский град, и помог ли князь Михаил козлянам. Горислав разъяснял уверенно, обстоятельно и складно. Но на последний вопрос взялся отвечать Путята. Видно было, что ответы понравились князю, и он понял, что имеет дело с опытными и бывалыми воями. Молодые козляне — Вышеслав и Поспел лишь утвердительно кивали головами во время ответов старших товарищей и пытались вставить хоть слово. Когда же под конец Горислав добавил, что занимал в черниговской дружине место детского, что он и Путята повидали татар еще на Калке пятнадцать лет назад, то князь Александр и все окружавшие его в полном молчании и с великим уважением воззрели на старых козельских воев. После недолгого молчания князь спросил еще, почему козляне решили служить ему, а не черниговскому князю. Горислав отвечал, что в Новгороде на Славне у него семья, и что после того, как князь Михаил Всеволодович оставил Козельск, Вщиж, Дебрянск и другие города своей земли на произвол судьбы, служить ему он более не станет никогда. Эти же слова подтвердили и произнесли Путята, Вышеслав и Поспел. Более говорить было не о чем. Новгородский князь подошел к Гориславу, положил длань ему на десное плечо и молвил:

— Ти реклъ есмь. Буди тако.

У Горислав отлегло от сердца, и он благодарно поклонился князю. Все четверо поступали на службу в княжеский полк как простые гриди. Им показали в конюшне, где поставить коней, отвели место для отдыха и ночлега в гриднице, а для доспехов и оружия в оружной палате. Через день бывшие козельские вои уже несли дозорную службу в окрестностях Новгорода Великого.

* * *

Жаркий июль вступил в свои права. В Оденпе в русском храме на Собор Архангела Гавриила (13 июля) служили

литургию. Нарядная Елена стояла и молилась в ошеей части храма вместе с матушкой и младшей сестрой. Правее их и ближе к солее стояли дядья, старшие братья Елены и еще несколько бояр. Среди них Елена выделяла одного лет двадцати шести — двадцати восьми от роду статного и красивого ликом. Он был наряден и, казалось, весел, ибо у него сей день были именины. Звали его Гаврилой Борисовичем. Он был старшим сыном бывшего новгородского тысяцкого Бориса Негочевича — ярого сторонника покойного посадника Внезда Водовика. Говорили про Гавриила, что он был храбр и дерзок, не раз дрался в сечах против воев Ярослава Всеволодовича, псковичей и поганой литвы. Да и по его лику было видно, что он смел, умен и благороден. Елена уже не первый раз видела его здесь в храме и успела заметить, что Гаврила Борисович вместо молитвы часто смотрит на нее с восхищением и не может оторвать очей. Они уже не раз приветствовали друг друга при встрече поклонами, причем он улыбался Елене, сияя очами, и пытался заговорить. Однако она избегала разговора. Вот и сейчас он как нарочно встал позади ее братьев, почти вровень с ней, и искоса посматривал на нее. Ей льстило это. Но мысли об Александре не давали ей покоя, и она стыдила себя за то, что этот боярин нравится ей.

Служба в храме шла своим чередом. Но мысли Елены были совсем далеко от того, о чем говорилось или пелось в молитвах. Ее терзали тяжелые и противоречивые чувства. Она вспоминала Александра, мысленно просила у него прощение за то, что давно не могла написать ему и сообщить что-то о себе. Он, наверное, ждал вестей и мучился. Но Елена сама постоянно была в этих муках. В муках ожидания, в муках безысходной любви и желания. Как она устала от всего этого за последние два года. Она так редко могла видеться с Александром, так редко целовать его и делиться с ним своими чувствами и мыслями. И даже, когда они встречались где-нибудь тайно и, как правило, в черных избах простолюдинов или смердов

на одну ночь, он всегда был озабочен своими княжескими делами и мало говорил с ней о любви и их будущем. Да, она невероятно устала ждать и терпеть, смиряться и прятаться, бояться каких-то диких татар. Как ей хотелось открыться во всем родным и близким. Как хотелось пойти с ним под венец и зажить так, как живут после свадьбы молодые жена и муж. Да, но братья с дядьями сделают все, что бы ни она, ни матушка никогда не возвратились в Новгород. Здесь, в Медвежьей Голове, Елена окончательно поняла, что с Александром ей не испытать счастья. Но она, вероятно, могла достичь его с этим, пусть еще мало знакомым, но любящим ее, молодым и красивым, смелым, дерзким, независимым от уз власти и обстоятельств человеком. Она с теплом посмотрела в сторону Гаврилы Борисовича, и глаза их встретились. Румянец покрыл ее ланиты, и она опустила очи.

Сомнение вновь шевельнулось в ее голове, потому, что она своим женским сердцем и естеством вдруг услышала и почувствовала что-то крохотное и теплое, но сильное и великое внутри себя. Словно очнувшись от сна и не веря себе самой, Елена вдруг вспомнила, поняла, что, скорее всего, есть еще одно обстоятельство, которое может помешать ей устроить жизнь с этим новым, но интересным и сильным человеком. С их последней встречи с Александром прошло уже более шести седмиц... Потому надо было торопиться и скорее решаться на что-то. От этих мыслей ей стало немного дурно и показалось, что в храме слишком душно. Елена перекрестилась и обмахнула себя краем большого плата. Румянец разлился по ее лицу, и она почувствовала сильный приступ тошноты, подступивший к ее гортани...

* * *

Неле возвратилась в Оденпе в конце сентября. Она остановилась все в том же доме. Но теперь сняла лишь две комнаты, поселившись там со своей девушкой-служанкой. Почти два года она не была здесь, а жила у отца и сестры в Риге. Когда

до нее дошла страшная весть о том, что почти все ополчение Оденпе погибло в сражении под литовским городом Шяуляем, она более месяца ждала, молилась и надеялась увидеть Иоганна. По словам нескольких воинов, «чудом выживших» в битве и видевших его в момент отступления христианского войска, Иоганн храбро дрался, прикрывая отход раненых товарищей. Это известие лишь некоторое время вдохновляло Неле. Однако надежды на то, что Иоганн цел и невредим, таяли с каждым днем. Ей все чаще стала приходить мысль о том, что он, возможно, ранен и попал в плен к язычникам. Это заставило ее собраться и отправиться в Ригу, искать помощи у отца, сестры и ее богатого и влиятельного свекра. Ведь именно благодаря ему отец пять лет назад отыскал их в Новгороде и возвратил домой. С этими мыслями и надеждами она приехала в Ригу осенью 1236 года. Однако и там оказалось все непросто. Отец ничего не сообщил младшей дочери о своем участии в походе на литву и о своем серьезном ранении, полученном в том же сражении, где пропал и Иоганн. Рыцарь Пауль фон Горст был в постели. От тяжелого удара, полученного в грудь, сбившего его на землю с коня, и последовавшего перелома бедренной кости, он потерял способность передвигаться. Увидев в постели бледного и изнемогавшего от боли отца, Неле взялась ухаживать за ним. Со своей просьбой обратилась к сестре. Анхен, в свою очередь. попросила своего свекра Иоахима Бора, и тот обещал начать поиски. Всем тогда, правда, было нелегко. Ясно было, что этот влиятельный и богатый человек озабочен многими подобными просьбами. Сестра уже растила двоих детей. За год до приезда Неле у нее родилась маленькая дочь. А старшему — сыну было уже четыре годика. Неле любила детей и радовалась за сестру. С удовольствием брала на руки малышку и целовала белокурого племянника. По-доброму завидовала сестре. Но ее личная жизнь еще не определилась, она не могла позволить себе такого же женского счастья.

Дела между тем шли своим чередом. Отец стал поправляться, встал на ноги, но службу у Иоахима Бора нести уже не мог. Дела у купца шли все лучше, ибо в те годы положение в землях Ливонского ордена было спокойным. Анхен в очередной раз стала беременна. Однако никаких известий об Иоганне не приходило. Иоахим Бор неоднократно посылал своих торговых агентов из леттов в Литву, но те возвращались ни с чем. Месяц шел за месяцем, время тянулось в ожидании, но они были тщетны. Отчаявшись, она уже было собралась ехать в Литву сама и узнать хоть что-то. Пусть даже удастся найти могилу Иоганна и поклониться ей. Но родственники вовремя отговорили ее от этой безумной затеи. Сидеть же и ждать в Риге она уже больше не могла. Наконец решила вернуться в Оденпе в надежде, что, может быть, Иоганн, если жив, возвратится туда же и будет искать ее там. Или, может быть, хоть кто-то, из попавших в плен в Литве, возвратится домой и расскажет ей что-то о женихе.

Приехав в Оденпе, она нашла все без изменений. Да, немногие возвратились из плена, но об Иоганне никто ничего не знал. Отчаяние вновь стало охватывать ее, и она в очередной раз решила обратиться к Святой Деве с просительной молитвой. В воскресный день она пришла в белокаменный собор в замке помолиться во время мессы. Романский храм, где она неоднократно бывала с Иоганном, заметно вырос за эти годы. Каменные стены его были подняты высоко и строители уже начинали выкладывать своды. Однако в храме еще стояли строительные леса, крыша была деревянной. Неле поставила свечи перед деревянными скульптурами Святой Девы, святых апостолов Петра и Павла, села на скамью близ каменного столпа у левого нефа и стала молиться. Время, казалось, остановилось. Запах благоуханного ладана, тающего воска горящих свечей, торжественные звуки органа, высокие юношеские голоса хора успокоили ее. Легкие слезы облегчения побежали из ее глаз. Она молилась Святой Деве, и молитва ее

была трепетна и легка. Вдруг что-то неприятное и недоброе, словно туча на светлом небе среди ясного дня, смутило и прервало ее молитву. Инстинктивно и с испугом она стала внимательно оглядывать окружающих и, к своему ужасу, увидела правее знакомые зеленые глаза. Рослый рыжеволосый мужчина, стоявший у столпа правого нефа, пристально и бесцеремонно наблюдал за ней. В его холодных и наглых глазах не было и тени стыда. Когда Неле увидела его, он лишь слегка склонил голову, приветствуя ее, и продолжал смотреть не отрываясь. Не раздумывая, женщина поднялась со скамьи и пошла к выходу. Когда она вышла из собора, развернулась, чтобы перекреститься и поклониться образу над порталом, то неожиданно для себя увидела его перед собой. От испуга и негодования она чуть не вскрикнула, но сдержалась. Он стоял перед ней, уверенный в своей силе и неотразимости. На нем было европейское платье, а на цепи поверх одежды наперсный латинский крест. Он еще раз поклонился ей, неожиданно, властно и смело взял кисть ее правой руки, склонился и поцеловал ее пальцы. Все с тем же негодованием она отдернула руку и с трудом удержалась, чтобы не ударить его по лицу. Он, понимая, что она сейчас уйдет, быстро и неплохо заговорил по-немецки. Поздоровался, спросил, куда она идет, и попросил разрешения проводить ее. Его наглые самоуверенные глаза съедали ее. Она кратко отказала ему и развернулась спиной, собираясь уходить. Однако он продолжал говорить, и она на несколько мгновений задержалась, слушая его. Он говорил ей, что искал ее все эти годы, потому что любит и хочет ее. Любит безумно, любит так, что уже ничего не может остановить его, потому что жених ее погиб, и теперь только он может занять его место. Он говорил, что отныне будет следить за ней и не отпустит ее никуда, не даст ей уехать из Оденпе. Говорил, что богат, что теперь служит в Оденпе у Герпольта — князя Ярослава Владимировича и хорошо знает всех членов городского конвента, что ему доверяет сам фогт и что он сделает

ее счастливой. Затем, помолчав несколько секунд, спросил, что он должен сделать, чтобы добиться ее руки. Но она, не поворачиваясь к нему, лишь отрицательно покачала головой и просила его оставить ее. Затем быстро пошла прочь. Он же произнес ей вслед, что она напрасно противится своему счастью, и что он все равно добьется своего. Больше Неле не появлялась в замке.

Обдумывая, как ей быть дальше, она боялась выходить из дома на улицу несколько дней. Наконец в воскресенье она уговорила свою девушку проводить ее в русский храм на литургию. Стояло прохладное и ясное октябрьское утро. Сияло солнышко. На березах и кленах желтели листья. Неле и ее девушка, одетые празднично, почти по-русски, вышли из дома, и направились в сторону русского храма. Никто, казалось, за ними не следил. Когда они подошли к храму, там звонили. Было очень оживленно и празднично. Явно в храме намечалось какое-то торжество. Войдя в церковь, Неле поняла, что здесь собираются венчать молодых. Раннюю литургию уже сослужили, и девушка поняла, что опоздала к службе. Однако ей захотелось еще раз увидеть православный обряд венчания, и она осталась. Приглядевшись к молодым, она увидела, что жених — мужчина лет двадцати восьми, богато одет, высок, широк в плечах и строен, лицом благороден и смел. Черты лица невесты были тонки. Из-под платка выбивалась прядь темно-русых густых волос. Лицо ее казалось печальным. Священник вложил в руки молодым свечи, и служба началась. Давно Неле не видела православного венчального обряда. С тонкой грустью и печалью смотрела она на молодых. Когда священник повел их вокруг аналоя, то Неле присмотрелась. Ей показалось, что невеста уже понесла дитя. Печально улыбнувшись, Неле отвернулась и вдруг увидела в левом ближайшем ко входу углу храма глаза, пристально смотревшие на нее. Она не испугалась, потому, что это были глаза монаха-черноризца. Поверх его головы был капюшон,

из под которого выбивались пряди седых волос. Длинная седая борода и усы обрамляли лик. Рядом с ним стоял такой же монах, одетый в черное, только ликом моложе. Глаза первого показались знакомы Неле, и она решилась подойти и попросить благословения у мниха. Пройдя среди людей, пришедших посмотреть на венчание, девушка подошла к монаху, поклонилась ему и по-русски тихо спросила:

— Отче, где видела ти есмь?

Улыбнувшись и сверкнув глазами, так как это делают только молодые люди, монах приложил указательный перст к устам и благословил Неле, склонившую голову. Отступив на два шага от черноризца, девушка обратилась в сторону алтаря, и, казалось, вновь стала следить за венчанием. Но мысли о монахе не давали ей покоя, ибо она точно знала, что ранее уже видела его. Посмотрев еще раз на монаха, и увидев его тонкую улыбку, она вдруг вспомнила... Перед ее мысленным взором явилось давно забытое княжеское Городище под Новгородом. Она вспомнила свои последние дни в Новгороде, увидела городищенский собор Благовещения, своего любимого князя и его младшего брата Александра. Да, рядом с Александром стоял этот, только не монах, а молодой боярин — друг князя. Сердце заколотилось в груди у Неле. Она поняла, что это какой-то знак свыше, перст Божий, и стояла, затаив дыхание. Венчание закончилось, молодых повели из храма на улицу, поздравляя их, осыпая зернами пшеницы и мелкими серебряными монетами. Все стали выходить на улицу. Вышли черноризцы. Неле двинулась следом, но когда вышла, вдруг увидела в толпе рыжеволосого. Тот, видимо, искал ее глазами, но не находил. Стараясь быть не узнанной, укрывая лицо краем русского плата, она со своей девушкой побежала вслед монахам. Проследовав за уходившими черноризцами до конца улицы и повернув за угол, Неле окликнула их. Они остановились, но не оборотились. Зайдя спереди, девушка смело сказала, что узнала одного из них. Тот вновь улыбнулся, кивнул головой,

и спросил, чего она хочет от него. Кратко она рассказала, что рыжеволосый преследует ее. Нахмурившись и сверкнув очами, молодой боярин, переодетый черноризцем, переспросил, какой он из себя. Неле обрисовала его и добавила, что он был возле храма. Скрипнув зубами и посмотрев туда, куда указала женщина, боярин сквозь плотно сжатые уста процедил, о том, что не добил в свое время этого волка. Она не поняла его слов. Он пошевелил плечами, покрутил головой, и Неле услышала под монашеской срядой тонкий звон кольчуги. Затем перекинулся со своим товарищем несколькими словами, из чего Неле поняла, что боярин не обознался, когда увидел рыжеволосого. Затем он медленно двинулся далее со своим товарищем. Женщины тронулись за ними. Служанка была напугана и ничего не понимала, но Неле успокоила ее, сказав ей несколько слов по-немецки. Уже по дороге, на ходу, монах посоветовал Неле бежать из Оденпе и ехать с ним во Псков. А там, даст Бог, искать защиты у князя Александра в Новгороде, ибо у него тоже с этим рыжим волком свои счеты. Немного подумав и поняв, что здесь ей вряд ли кто-то поможет, Неле согласилась. Договорились, что через два часа двое русских, переодетых в монашеское платье, будут ожидать Неле и ее служанку в крытом возке у южных ворот предградья.

Глава XII

Суженая

Осень пробежала, и зима вступила в свои права. Вновь осенними дорогами литва пришла большим войском на Русь и стала разорять Полоцкую, Псковскую и Смоленскую земли. Псковичи вовремя вывели полк к южным рубежам своей земли и, устроив засаду у Камня, 25 октября перебили литовскую рать. Великий князь Ярослав Всеволодович двинулся к Смоленску с полками и велел сыну Александру выступить со своими воями и с новгородцами, чтобы поддержать его. Наказал Александру идти к Торопцу. Тогда же отправил посылов и к Полоцкому князю Брячиславу, дабы привлечь его к совместному выступлению против литвы. Полоцкая земля не менее Смоленской подвергалась литовским набегам, и Полоцкий князь давно искал себе надежных союзников в этом деле. Однако постоянная вражда со смоленскими князьями, давняя вражда с орденскими немцами не давали ему в руки такой возможности. Во время переговоров полоцкий князь предложил Ярославу Всеволодовичу скрепить союз, соединив брачными узами их детей. Князю Ярославу эта мысль пришлась по душе, и он дал согласие.

Уже прочно легли снега, когда западнее Смоленска владимиро-суздальские полки соединились с отрядами из Полоцка и встретили литву. В жестокой сече у леса, заснувшего осенним сном, русские несколько часов рубились с литовцами.

Наконец литовская рать, охваченная с плечей, подалась и побежала. Русский полон, взятый в Смоленской земле был освобожден.

Литовцев пало более двух тысяч. В полон к русичам попал один из литовских князей и около трехсот человек. Остальные — тысячи полторы вырвались из железной подковы русских полков и лесом ушли восвояси. Князь Ярослав возвратился в Смоленск с великой честью и победой. По просьбе смолян урядил их дела и посадил на княжение в Смоленске Всеволода Мстиславича — сына Мстислава Романовича — одного из смоленских князей. Далее путь великого князя и его полков лежал на Торопец, где с дружиной и новгородцами поджидал его князь Александр.

* * *

Новгородские полки стояли у Торопца уже неделю. Князь Александр был мрачен и уже несколько месяцев раздражался, казалось, из-за пустяков и без повода. Вести, принесенные ему Ратмиром из Оденпе, никак не укладывались в его голове. Первые три недели все в его душе кипело то бешеным, то холодным негодованием, то желанием мстить, то чувством обиды. Ратмир был молчалив и редко пытался уговаривать князя, когда тому приходили в голову самые невероятные мысли. Однажды, в самом начале похода в Смоленскую землю, князь вдруг заявил Ратмиру, что решил собрать все полки и двинуться на Псков, а оттуда нанести удар по Оденпе. Но меченоша с таким удивлением посмотрел князю в глаза, что тот понял все безумие подобной затеи. В другой раз Александр попытался уговорить Ратмира набрать десяток верных воев и с ними, переодевшись в торговых псковских гостей, пробраться в Оденпе и выкрасть Елену. На это меченоша отвечал, что такое дело быстро откроется. Их будут преследовать сотни верных воев бывшего новгородского тысяцкого Бориса Негочевича, братьев покойного Семеона Борисовича, обложат и перебьют, как волков. Кроме того, грех уводить от мужа

венчанную жену. От этих слов Александр лишь скрипел зубами и, стеная, изо всех сил бил кулаками в бревенчатую стену. *Бывало ввечеру князь напивался* хмельного, долго сидел за столом, тоскливо глядя в одну точку, роняя горючие слезы. Ратмир с трудом отговаривал его не пить более.

Рассказывая о своей разведке в Оденпе, Ратмир поведал князю, как узнал там от псковичей, что латиняне вновь собрались в крестовый поход в Святую Землю наперекор папе римскому. Возглавили поход король Тибо Наваррский и князь Гуго Бургундский. Этой осенью крестоносцы отплыли морем *в Сирию, хотя папа Григорий призывал воинов Креста* оказать помощь франкам в Цареграде. Вражда же между римским кесарем Фридрихом и папой не прекращалась. Затем Ратмир рассказал, как встретил в Оденпе в русском храме остуду покойного князя Феодора. Женщина пожаловалась меченоше, что ее преследует сыновец покойного княжеского тиуна Якима. Тот самый рыжеволосый, который ранил стрелой гридя Судимира. С ним Ратмир дрался пять лет назад на охоте. *Видать рыжеволосый выжил после тяжелых ран, бежал* к немцам и теперь был в большой чести у вятших немецких мужей. Рассказывала она и то, что это именно он предупредил юрьевских немцев о прошлом походе новгородцев с князем Ярославом Всеволодовичем на Юрьев. В конце Ратмир добавил, что и сам видел переветника возле храма, но тот его не узнал. Князя Александра известие это вначале заинтересовало. Он молвил, что коли приведет Господь, не уйти переветнику от праведной кары. *Спросил о том, сильно ли изменилась* и постарела братнина остуда. Задумавшись, вспомнил, что ее звали Неле. Ратмир кивнул головой и отвечал, что еще молода, а похорошела более, чем прежде, что перебралась со своей послугой во Псков, дабы избежать преследований тиунова сыновца. Воспоминание о брате оставило на лике Александра грустную улыбку. Но потом и она прошла. Князь погрузился в свои печальные раздумья. Чем далее уходили

новгородские полки от своей земли на юг, тем тоскливее и мрачнее становился князь Александр.

В Торопце от всех этих переживаний Александра отвлекли и как-то привели в чувство два известия. Первое казалось радостным, так как батюшка Ярослав Всеволодович разгромил литву, возвратился в Смоленск и сообщал сыну о том, что идет к нему на встречу в Торопец. Второе было угрожающим. Татарская рать числом до десяти тысяч воев пленила и разорила Мордовскую землю. Зимним путем татары пошли на Муром и сожгли его. Продвинувшись на север до низовьев Клязьмы, татарская рать обрушилась на Гороховец и разорила его. Снова великим пополохом* была охвачена Владимиро-Суздальская земля. Люди оставляли только что отстроенные города, городки и веси, бежали куда глаза глядят. Кто бежал в леса на юг от Владимира, кто на север — за Волгу, кто — на запад к Переславлю, Дмитрову и Москве. Однако от Гороховца татары повернули на юго-восток и вновь ушли в Поле, разорив лишь мордву и нетронутые ранее северные пределы Рязанского княжества. Что же касается Гороховца, принадлежавшего Владимиро-Суздальской земле и стоявшего на рубежах с Муромским уделом, то тут явно татары чувствовали свою полную безнаказанность. Князь Ярослав Всеволодович понимал, для того, чтобы избежать этого впредь, нужно ехать на поклон к царю и вести разговор лишь с самим Батыем. Но было, ясно и то, что Батый и его воеводы не собирались вновь всерьез воевать Владимиро-Суздальскую землю, а имели другие замыслы. По всему, татары успешно громили половцев и собирали силы для какого-то нового похода.

Князь Александр с новгородцами встречал батюшку Ярослава Всеволодовича и его полки в Торопце. Встреча была торжественной и закончилась в городском соборе благодарственным молебном святому Феодору Стратилату и святым воинам-мученикам Борису и Глебу. Затем князь Ярослав с

ближней дружиной парился в бане на княжеском дворе в Высоком Малом граде. После бани великий князь встретился с сыном наедине в одной из малых палат княжеского терема. Они еще раз расцеловались. Сын стал выспрашивать у отца, как прошел поход и каковы потери в полках после сечи с литвой. Великий князь отвечал, что потери немалые — более семисот воев. Напомнил, что во многом помогли ему воеводы и вои полоцкого князя Брячислава. Ярослав Всеволодович оглядел палату терема и отметил, что с той поры, как был он здесь двенадцать лет назад в тогдашнем походе на литву, ничего здесь на княжеском дворе, да и в самом Торопце не переменилось. Тогда хозяином здесь был покойный князь Давыд. Сейчас же Торопецкий удел пустовал. Дочь торопецкого князя была ведь невестой покойному князю Феодору, да после его смерти ушла в монастырь. После этих слов Ярослав Всеволодович смахнул слезу и перекрестился. Вздохнул и перекрестился Александр.

Наступило недолгое молчание. Великий князь Ярослав проникновенно, внимательно и с надеждой смотрел на сына, потупившего очи долу. Через минуту-другую он продолжил, поведав Александру о том, что его нынешний союзник князь Брячислав Полоцкий хочет скрепить их союз против литвы и орденских немцев свадьбой детей. Что у Брячислава юная красавица-дочь шестнадцати лет, и что для него честь породниться с великим князем Владимирским. Новгородская же земля граничит как со Смоленской, так и с Чудской землей, где властвуют орденские немцы. Так что кому, как не новгородскому князю, брать в жены полоцкую княжну. После этих слов Ярослав Всеволодович опять долго и внимательно смотрел на Александра, как бы спрашивая его совета. Добавил будто невзначай, что ведь княжна, а не какая-то боярская дочь. Однако ни один мускул не шевельнулся на лике молодого человека. Александр не проронил ни слова, сидел, опустив

глаза, и, казалось, затаив дыхание. Ярослав Всеволодович не торопил и ждал молча.

Наконец минут через пять сын, словно проснулся от сна, тряхнул головой и внимательно посмотрев на отца, спросил, как зовут ее. Ярослав Всеволодович выждал еще недолго и отвечал, что зовут Александрой.

— Яко же ти, тату, реклъ есмь, буди тако, — отвечал вспыхнувший румянцем князь Александр.

* * *

Несколько дней спустя после праздника Сретения Господня большой рубленый собор Покрова пресвятой Богородицы был наполнен изнутри сиянием тысяч свечей и лампад, окурен благоухающим ладаном. На дворе стоял яркий, морозный, солнечный февральский день. Весь собор и площадь возле него были полны народу. Тысячи людей — торопчан, новгородцев, смолян, полочан, переславцев, собрались здесь, чтобы увидеть венчание молодого новгородского князя Александра Ярославича с юной полоцкой княжной Александрой Брячиславной.

Александр видел невесту только второй раз. Да и то, в первый раз не рассмотрел толком, когда встречал у ворот Большого Старого града. Сейчас краем ошеего ока он рассматривал ее. Она впервые стояла так близко к нему. Полупрозрачный, розовый мафорий покрывал ее голову и почти скрывал лик, озаренный порхающим светом свечей. Только тонкие черты профиля лица были видны князю. Длинные ресницы ее вздрагивали, глаза были полуприкрыты веками. Она, казалось, не дышала. Он видел, что она ни жива ни мертва. Чувствовал, что волны трепета, как буйные волны под ветром на Ильмень-озере, пробегают по всему ее телу. Александр боролся сам с собой, то побеждая бурю негодования, вызванного тем, что кто-то за него решил его судьбу, связав навеки его с этой незнакомой ему девушкой — еще ребенком, то вдруг острое чувство жалости, интереса к ней и легкой страсти, волновали

его сердце. О той другой, желанной, но уже чужой, думать он не мог и не хотел. Любая мысль о Елене была как ожог.

Ратмир стоял немного поодаль от своего князя. Смотрел на молодых и с печалью думал о том, что его двоюродная сестра содеяла великую глупость, отказавшись от своего счастья и любви. Уже давно разглядев молодую, он отметил про себя, что она явно проигрывает Елене в стати, хотя ликом была не хуже. Заметно было и то, что возрастом она была моложе его сестры лет на семь. Да, хорошо, он не рассказал князю, что Елена понесла, и понесла уж точно от Александра. Князь за последние дни заметно охладел к своему другу-меченоше, не делился с ним своими сокровенными чувствами, не посвящал его в свои замыслы. Ратмир же осознавал свое бессилие перед стечением обстоятельств. Понимал, что волей Провидения он отстранен от влияния на ход событий. Своим молчанием и нежеланием общаться князь будто бы мстил Ратмиру за то, что с ним происходило сейчас, будто бы винил его в том, что тот не смог защитить своего друга. Однако, несмотря на это, меченоша был готов, как и ранее, верно служить своему господину и если потребуется, как тогда, пять лет назад на охоте, драться за его честь, и если надо, отдать жизнь. Он думал и знал о том, что Александру сейчас очень нелегко, но что, даст Господь, все поправится и тогда дружба вновь возьмет свое.

Горислав и Путята стояли в некотором отдалении одесную молодых и изредка перебрасывались короткими фразами, оценивая происходившее в храме. Горислав смотрел на молодого князя и его княгиню и с грустью вспоминал свою молодость и свое венчание с Антониной. Думал о том, как время сильно меняет людей. Он видел, что за последние два месяца князь Александр сильно изменился, стал как-то беспокоен, постоянно встревожен, раздражен. Большинство знакомых гридей, отроков, паробков и кметей княжеской дружины замечало это, и все с удивлением пожимали плечами. Их господин никогда ранее не был таким. Горислав, будучи человеком

наблюдательным, успел заметить, что Ратмир осенью долго пропадал где-то, а когда возвратился, Александр Ярославич стал сам не свой. Понимал, что дело было какое-то тайное, и лично важное для князя. И лишь когда его, Путяту и еще десятка два воев из княжеского двора послали встречать невесту, объявив о скорой свадьбе, он стал понимать, что происходит. В дружине и ранее поговаривали, что у молодого князя есть тайная остуда, но кто она и откуда, никто толком не знал ничего. Горислав мало верил россказням и сплетням, но сейчас, поглядывая на молодых, особенно на своего господина, видел, что, наверное, у этих слухов была своя почва. Однако дело было молодое и понятное всем... Про себя же думал Горислав, что хорошо, когда нет на тебе вящего предначертания и ответственности за судьбы своей Отчины и сотен тысяч людей. Ибо в том несчастье князей и великих мира сего, что от рождения не имут права они идти путем воли своей, а во спасение вынуждены принимать только то, что определяет им Господь, возлагая на них ответственность за свой народ. Даже Любовь, о которой говорил Христос, что она превыше всего на земле, великим мира сего не может быть вполне доступна, и востребована ими. Ибо тот, кто о себе глаголет: «Конъ яз», не имет права во имя спасения преступить слово Спасителя: «Да не мните, яко приидохъ разорити закон или пророки: не приидохъ разорити, но исполнити».

А княгиня Феодосья, приехавшая в Торопец на венчание и свадьбу сына, стояла ошую молодых и со слезами счастья на глазах, думала о том, что наконец-то оженила первого сына и может спокойно ожидать рождения внуков. Утирая слезы на очах, с не утихавшей все эти годы болью вспоминала покойного Феодора, молилась о его упокоении и спасении в мире грядущем.

Глава XIII

Псков

В заботах и походах уходил в прошлое 6746 год и наступал 6747 год от Сотворения мира (февраль 1238 — март 1239 года от Р. Х.). Уже в марте князь Александр с полками и молодой женой возвратился в Новгород. После Пасхи, что встречали еще на снегу 27 марта, учинили свадебный пир еще больший, чем в Торопце. А уже во второй половине апреля, как потеплело, стаял снег, прошло половодье и оттаяла земля, князь двинулся в новый поход в ладьях и в насадах через Ильмень-озеро на реку Шелонь. В этот раз взял с собой не только воев, но и несколько сотен добрых плотников. Поднявшись к верховьям Шелони, до впадения в нее речки Дубенки, новгородцы срубили и поставили град на рубежах с Псковской и Смоленской землей. Назвали его Городцом. Надо было крепить новгородскую землю и готовиться к новым набегам литвы. Да и от псковичей, что дружили с немцами, тоже можно было ожидать пакости. Недобрые вести приходили из Пскова. Потому на Шелони заложили еще несколько малых градов: Опоку, Высокое, Вышегород, Кошкин городок. Окрест стояли дремучие леса, полные дикого зверья. Реки были богаты рыбой и бобрами. Новгородцы валили, шкурили, тесали окрестный лес. Одновременно с напольной стороны копали рвы, над которыми клали и ставили клети, засыпая их глиной и камнями, обваловывая снаружи глиной, землей

и дерниной. Так строили вал. По валу на нижнем венце клетей клали второй венец, прочно связывая его с первым. Это была уже стена, по верхам которой устанавливали бревенчатые заборола. Там, где ко граду подходили дороги, в валах устраивали проемы и клали ворота. Внутри укреплений воздвигали рубленую часовню или храм, который вскоре освящали попы. Во главе градов князь ставил воевод из числа именитых мужей, оставляя при них небольшое число новгородцев, пожелавших устроить свое хозяйство на новом месте. Всех их князь освобождал на десять лет от податей, мытов и пошлин. Сюда же созывали и селили в предградье смердов, плотников, кузнецов, гончаров, бортников, медоваров, ловчих и другой промысловый люд из окрестных весей и деревенек. Народ охотно съезжался жить сообща к стенам городов, ибо все боялись нахождений и разбоев литвы.

К началу лета князь Александр возвратился в Новгород Великий. И в городе и на Городище все было спокойно. Князя ожидали юная жена и мать, приехавшая к сыну погостить и помочь устроить хозяйство молодой снохе. Александр еще не привык к семейной жизни. Потому и ушел в поход на Шелонь два месяца спустя после свадьбы. Однако возвратясь домой, понял, что истосковался по родным, соскучился по Александре, устал от походной жизни, полной лишений и неудобств. О той, прежней женщине, бывшей душой его помыслов, исканий и желаний, он старался более не вспоминать. И как только мысли о Елене приходили к нему, у него начинало щемить сердце и ему хотелось мстить за поруганную любовь.

Теплом и заботой встречала его матушка. Александра была здесь же, и он видел, чувствовал, что она ненавязчиво пытается всеми силами обратить его внимание на себя, и сам невольно отвечал ей тем же. Замечал, что матушка немного ревнует ее к нему, но вида не подавал. Когда он днем где-нибудь оставался с женой вдвоем, то нежно брал ее десницей за талию и, привлекая к себе, целовал в уста. Она не сопротив-

лялась и со всей своей девичьей искренностью, доверчивостью тянулась и льнула к нему. Он понимал, что она — еще дитя в душе — видит в нем зрелого и сильного мужа. Явно чувствовал свой опыт, превосходство, умение в общении с женщиной. Она доверялась ему. И потому он не мог подвести, чем-то обидеть, оскорбить ее. Жизнь князя Александра дома приобретала какой-то размеренный и плавный ход. И он сам удивлялся тому, что все чаще испытывал какое-то мягкое и бархатное чувство успокоения и уверенности. Былое раздражение и постоянное возбуждение оставляли его навсегда. Уже, казалось, не надо было чего-то постоянно ожидать, куда-то торопиться. Достаточно было привлечь к себе и обнять молодую жену, как все становилось на свои места.

* * *

В августе страшные вести, долетевшие со Среднего Поднепровья, взволновали новгородцев. Стало известно, что войско царя Батыя полностью разгромило половцев, остатки же половецких орд под рукой хана Котяна ушли к уграм за Карпатские горы. Подлинная беда пришла следом. Люди с ужасом рассказывали, что татарская рать обступила Переяславль Южный. Татары установили пороки и порушили стены града. Затем по переметам ворвались в проломы и взяли город копьем. Пощады не было ни воям, ни мирному населению. Говорили, что татарские ратники «изби всехъ, и церковъ Архангела Михаила съкруши, и епископа Семиона убиша, и сосуды церковныя бесщисленыя, сребряныя и златыя, и драгаго камениа поимаше».

Иную татарскую рать числом до десяти тысяч царь Батый послал к Чернигову. Князь Михаил Всеволодович бросил град свой и людей на произвол судьбы, как только услыхал о нахождении татар. С домом своим и дружиной бежал в Киев. Татарская рать подошла к Чернигову и обступила его. Но один из удельных князей Черниговской земли Мстислав Глебович вышел на помощь со своим полком и подступил ко

граду с северо-востока. Русичи встали у восточных ворот и реки Стрижень. Татары же приступали ко граду с десного берега Десны и со стороны Олегова поля на Предгородье. Лютая сеча была у Чернигова. Татары метали в черниговцев снаряды из мощных пороков. Били с расстояния в полтора перестрела камнями такого веса, что четыре сильных мужа едва могли поднять. Поражены были многие защитники, порушены градские стены. Яростный бой был между татарами и черниговцами у восточных ворот со стороны Стрижня. Дрались насмерть и побили многих татар. Но татарские стрелы сыпались дождем и татары одолели. Полк Мстислава избили почти весь у града и у ворот. Ворота вышибли тараном и ворвались в Чернигов. Город запалили огнем. Черниговский епископ был схвачен татарами. Его отвели в Глухов, но потом оставили в живых. После взятия города татарские воеводы распустили своих воев грабить и жечь Черниговскую землю, ее города и села. Татарские отряды взяли Городец Остерский, Любеч, Листвен, Стародуб, Чечерск, докатились до границ Смоленской земли.

В Смоленске и во Пскове царил сильный пополох. Говорили, что вятшие псковские мужи во главе с Твердилой Иванковичем мутили народ, пугая всех тем, что татары скоро возьмут Смоленск, а там уже и до них недалече. Чтобы разобраться, в чем дело, князь Александр вызвал к себе Ратмира. Довольно долго не призывал он к себе меченошу. Но тут настало время забыть обиду. Теперь посылал его лазутчиком во Псков, дабы разведать, в чем там дело было. Вместе с Ратмиром посылал и еще одного верного человека — Якова-полочанина. Тот прибыл ко двору Александра от князя Брячислава Полоцкого вместе с людьми молодой княгини. Был он умелым охотником и добрым воином и теперь служил ловчим у князя. Ратмир и Яков снарядились, оделись торговыми гостями и ускакали во Псков в конце августа.

* * *

Неспокойно в те дни было на берегах реки Великой близ Псковского озера. В Кроме у Троицкого собора, близ Персей в предградье, на Торгу, у Примостья, и близ немецкого двора в Запсковье собирались большими группами бояре, отроки, паробки, кмети, священники, дьяконы, монахи, торговый, ремесленный, промысловый люд. Спорили, шумели, плевались, матерились костеря друг друга едким бранным словом, порой дело доходило до драки. Плотники сжимали рукояти топоров, мастеровой люд рукояти ножей, вои рукояти мечей, готовясь пустить их в дело. Город шумел, как развороченный улей. Женщин пугало это. Неле и ее девушка-прислуга боялись в эти дни на улицу показываться, хотя ранее каждый день ходили на торг. Поселились они близ Примостья и Немецкого двора на постоялом дворе. Отсюда Неле отправила с немецким купцом из Риги письмо отцу и сестре, кратко написав о том, что случилось с ней и, прося, чтобы не беспокоились за нее.

Неле неплохо говорила по-русски, но псковичи часто принимали ее за эстонку. Одевались они, как и большинство русских женщин среднего достатка. Деньги у Неле были. И скоро она привыкла к новому месту и полюбила красивый, величественный Псков, вольно раскинувшийся и поднявший свои стены и главы храмов при слиянии трех рек. Почти каждый день она расспрашивала на торгу купцов, вновь приезжих или воев, не был ли кто из них три года назад в сече с литвой под Саулом (Шяулялем), а если был, то, что видел. Не бывал ли кто в Литве последние годы по торговым делам и не встречал ли там полоняников из христиан. Те, кого она расспрашивала, как правило, отрицательно крутили головой. Лишь немногие что-то могли рассказать ей. И лишь однажды за эти месяцы пребывания во Пскове ей встретился человек, который рассказал, что раненый под Саулом, он попал в полон к литве, но через год был выкуплен. Так вот он видел и слышал, что литвины подобрали и полонили на поле брани многих раненых медвежан* (оденпцев), среди которых было

и несколько десятков вятших воев и мужей. Неле пыталась еще расспросить псковича, не видел ли тот среди полоняников из Медвежьей Головы высокого, молодого белокурого воина по имени Иоанн, но русич отвечал, что там было несколько похожих на того, о ком она спрашивает. Отговорился тем, что всего хорошо не упомнит, ибо сам был ранен. Рассказ псковича возродил надежду в сердце Неле. Но жизнь шла своим чередом, часто не считаясь с чаяниями и надеждами людей.

* * *

Когда до Гориславa, Путяты и их молодых соратников дошла весть о взятии и разорении татарами Чернигова, острое чувство горечи и боли испытали все четверо. Особо поразило всех то, что князь Михаил Всеволодович бежал из города, бросив весь люд и столицу своей земли на произвол судьбы. Каждый из четверых переживал это по-своему. Конечно, они вчетвером напились хмельного, поминая былую славу черниговских воев и красоту стольного града Чернигова, но потом каждый из них остался наедине со своими мыслями и переживаниями. Что же касалось Гориславa, то ему вдруг очень захотелось, памятуя славное прошлое, от души поделиться с кем-нибудь всем, что он знал и нес в себе с самой юности. Понимал, что верный друг Путята его поймет и выслушает, и может быть, даже даст совет облегчить душу знакомством с какой-нито румяной новгородской женкой, или предложит выпить меду и заняться службой. Но хотелось ему другого. Жаждал он от всего этого разорения и упадка жизни овеять душу славой великого прошлого и понять, что же случилось с Русью и куда идет она среди мрака веков и незнаемых народов.

Читать и писать Горислав умел еще с юных лет. В юности и молодости прочел он немало известных трактатов, сочинений и повестей. Читал в свое время «Шестоднев» Григория Богослова, «Космографию» Космы Индикоплова, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, читал и о «Хож-

дении» игумена Даниила в Святой град Иерусалим. Но более всего ему нравились «Александрия», «Девгениево деяние» и «Повесть о разорении Иерусалима», ибо по душе более всего были воинские повести, их патетический настрой и трагизм, соответствовавший духу времени и мыслям, которыми он жил. Разорение Чернигова татарами и хорошее знание прошлого вызвало у него желание писать. От себя он немало мог рассказать о походе на Калку. Но писать о татарах, как о врагах при дворе новгородского князя Александра, отцом которого был Великий князь Владимирский, поклонившийся царю Батыю, было неразумно. Вот тогда и вспомнил он рассказы старого детского черниговской дружины Доброгоста о походе князя Игоря Новгород-Северского на половцев к реке Каяле. Вспомнил и опять удивился про себя тому, как во многом похожи эти два события, хотя последствия их явно казались несоизмеримы.

Заехав как-то по пути в Спасо-Нередицкий монастырь, познакомился Горислав там с двумя монахами-переписчиками и купил у них несколько больших листов пергамена, перья и чернил. Писал он неплохо. Еще когда служил детским в черниговском полку, не раз составлял разные грамотьки по делам княжеского двора, касательно службы. Был за то в почете и у простых гридей, и у вятших княжеских мужей и бояр. Однако давно не брал он пера перстами десницы. Потому сначала попробовал писать на обрезках старых листов. Лишь на второй день персты привыкли к перу и стали красиво выводить буквицы уставного письма. Затем он уединился в оружной палате. Аккуратно разрезал острым засапожным ножом пополам большие листы пергамена, купленные у монахов. Начал же писать о том, что более всего накипело в душе и давно просилось явиться красивым словом, рождаемым кончиком пера: «С зарания до вечера, с вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Черна

земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли».

Когда писал о князе Игоре Святославиче Новгород-Северском, то постоянно держал перед глазами давно забытый образ и вспоминал храброго козельского князя Мстислава — своего господина, погибшего на Калке в сече с татарами. На душе, казалось, стало легче. Потом перечитал написанное, и понял, что нет у него начала и конца повести. Но сколь ни пытался и не бился, начало никак не рождалось ни в голове, ни в душе, ни под пером. Промучившись так три вечера в оружной палате при свете свечи, Горислав решил оставить пока свою затею.

Да вскоре стало не до того. В княжеском полку заговорили о том, что теперь быть походу на Псков, ибо оттуда возвратились княжеские мужи Ратмир и Яков-полочанин. Они сообщали, что дела во Пскове идут худо. Того и гляди псковский посадник Твердила и его сторонники позовут к себе князя-переветника Ярослава с его сторонниками-новгородцами из Медвежьей Головы. Да с ними придут немцы и чудь с ливью из Юрьева и других градов. И это бы еще ничего. Но орденские немцы заключили союз со свеями, мурманами и датчанами против Новгорода Великого и скоро можно ожидать большой войны со всеми этими «римлянами»*.

* * *

Холодным, ранним октябрьским утром семитысячная рать князя Ярослава Владимировича неожиданно подошла к Изборску и обложила его со всех сторон. Под рукой князя были орденские братья-рыцари, русские боярские дружины и эсты из Оденпе, воины из Дерпта, Вильянде, отряды ливи. Захваченное врасплох население предградья и Словенского поля не успело собраться для какого-нибудь сопротивления. Изборцы не стряхнули еще остатки сна и не протерли очи, как в каждом дворе уже хозяйничали хорошо оборуженные вои князя Ярослава, чудь, немецкие кнехты и ливь. Стены и

врата града в то утро охраняло не более пятидесяти воев. И хотя врата были затворены, немцы и чудь быстро подвели таран и вышибли створы ворот прежде, чем полусонная сторожа оказала сопротивление. Стрелами, пущенными с верхов воротной вежи, защитники ранили одного кнехта. Когда же немцы ворвались внутрь, все русичи сложили оружие. Изборск оказался в полной власти князя Ярослава и орденских немцев.

Это известие вызвало новый всплеск волнений во Пскове. Псковичи — противники Твердилы и князя Ярослава-переветника, возглавляемые воеводой Гаврилой Гориславничем, стали быстро собираться в поход. Тем временем Твердила Иванкович и сотни его вооруженных сторонников оставляли Псков и уходили к Изборску. В полдень 14 октября пятитысячное псковское войско переправилось через реку Великую у храма Успения пресвятой Богородицы, что у Пароменья, и выступило из города по рижской дороге на запад.

К исходу 15 октября псковичи подступили к южным истокам Городищенского озера. Войско князя Ярослава стояло западнее — на Жеравьей горе. Какой численности оно было, никто из псковичей не знал. Уперев правое плечо своего полка в озерный берег, Гаврила Гориславнич поставил своих воев вдоль десного берега ручья, впадающего в озеро. Псковское войско выгнулось дугой длиной в двести саженей от истока ручья до озерного берега. Между псковичами и войсками Ярослава было два-три полета стрелы. По приказу воеводы около тысячи лучников вышли в первые ряды и расположились вдоль берега ручья. Тем временем быстро стемнело. Конная псковская сторожа вышла на левое плечо — к дороге на Изборск. Другой отряд конной сторожи перешел речку Смолку и ускакал к десному берегу озера, что напротив Словенского поля. Все, казалось, было спокойно. Вражеская рать была недвижима. Скоро вдоль ручья, на берегах озера, и на горе Жеравьей зажглись сотни костров. В полночь вои,

стоя на своих местах, стали готовиться ко сну. Постилали у костров солому, рогожи, седла, доски и ложились прямо в доспехах при оружии, укрываясь попонами, овчинами, чтобы хоть немного вздремнуть перед боем.

Ночь прошла без каких-нибудь тревог и сполохов. Утром, как рассвело, войска были подняты и вновь приготовились к бою. Встали натощак, умылись, испили воды. Костры вдоль ручья потушили, солому и все, что готовили для ночлега, убрали. Вскоре на горе началось движение вражеской рати. Видно было, что и там вои строятся для боя.

Через полчаса с Жеравьей горы к ручью подступила на полтора полета стрелы колонна числом до двух тысяч ратных. Псковичи видели, что это были лучники и кнехты с копьями и тяжелыми щитами. С обеих сторон затрубили рога и трубы, вои стали быстро готовить луки и стрелы. Еще через пять минут воевода Гаврила Гориславнич велел начать бой. Сотни стрел, словно рои черных ос, с жутким свистом полетели через ручей то в одну, то в другую сторону. Скепанье металла о металл, глухие удары стрел, вонзающихся в щиты, крики и стоны сотен раненых и умирающих людей раздались на берегах ручья и у истоков Городищенского озера. Через десять минут потоки стрел с обеих сторон стали редеть и псковский воевода, опустив копье, повел через ручей на лучников и кнехтов псковский конный полк.

Тем временем с Жеравьей горы на помощь пешцам покатилась конница князя Ярослава. Когда псковичи и оденпская рать схватились за ручьем на восточном подъеме в гору, ошую из-за горы в плечо пешему псковскому полку неожиданно вышла конница орденских рыцарей. Они обрушились на пеших псковичей и стали крушить их строй. От южного склона Жеравьей горы до южного истока Городищенского озера развернулась жестокая рукопашная схватка. На восточном склоне горы псковичи потеснили ворога. Но на юго-западе немецкая конница смяла ошее плечо псковского пешего полка

и погнала псковичей вдоль дороги на Псков. В этот момент от удара копья оденпского воя пал с коня и был убит воевода Гаврила Гориславнич.

Его гибель вызвала смятение в рядах псковичей. Псковские вои дрогнули и стали отступать по склону горы. Через полчаса все псковское войско уже оставило берега ручья и откатилось на северо-восток по дороге на Псков...

Неле и ее девушка-прислуга были разбужены на рассвете набатными ударами церковного била и громкими, порой истошными криками с улицы, ржанием коней, топотом копыт. Били на звоннице у храма Козьмы и Домиана с Примостья, звонили в колокола за рекой Псковой в Кроме. Быстро одевшись, женщины вышли на улицу и увидели, что множество народа бежит к мосту через реку. На вопросы Неле о том, что случилось, одна женщина второпях прокричала, что ратные немцы, медвежане, ливь и чудь прорвались в Запсковье, убивают всех, кто с оружием в руках сопротивляется им, грабят, жгут, полонят псковичей, насилуют жен и девушек. Неле огляделась. Где-то севернее у Великой уже поднимались первые сполохи пожара. По большой улице, что протянулась вдоль берега Великой и Псковы, к мосту скакали доспешные вои, опустив копья и укрывшись щитами. Приглядевшись, Неле увидела, что на древке, поднятом над головами всадников, развевается полотнище стяга с гербом Оденпе. Люди, увидев вражеских всадников, быстро прятались по дворам. Не раздумывая, Неле и ее девушка забежали внутрь постоялого двора и скрылись за оградой. Неле приникла к щели и стала внимательно разглядывать, что происходило на улице. Она немного перепугалась, но знала, что если заговорит с любым из воев по-немецки, скажет, кто она и откуда, ее не посмеют тронуть. Конная оденпская рать вскоре заполнила всю улицу. Бряцая доспехами и оружием, воины на взмыленных лошадях проносились мимо ограды, за которой укрылись женщины.

Подковы коней стучали по бревенчатой мостовой. Но когда всадники приблизились к мосту через реку, с ошего берега Псковы в них полетели стрелы. Мост тем временем уже схватился огнем. Воины поворачивали коней и съезжались на площадь у храма Косьмы и Домиана. По улицам Запсковья продвигались пешие отряды эстов и ливи с луками, копьями и секирами. Пешие вои десятками вламывались во дворы богатых домов, начинали грабить, нагружая псковским добром, захваченные телеги и возы, убивали или избивали мужчин, оказавших сопротивление, насиловали женщин, не успевших убежать за реку.

Местами все сильнее раздавались плач детей, истошные крики людей, ругань на чудском наречии, русская матерщина и звон оружия. Во дворах гоготали гуси, которых ловили пешие вои, секирами и ножами ссекая им головы. Звонко кудахтали разлетавшиеся во все стороны куры, терявшие пух и перья. Злобно лаяли, рычали и визжали псы, которых эсты и ливь кололи копьями. Мычали коровы и быки, выгоняемые со дворов. Жутко визжали забиваемые свиньи. Покрывая весь этот пополох, плыл над загоравшимся Запсковьем, над Псковой и Великой надрывный гул набата.

Постоялый двор будто вымер и опустел. Неле и служанка вбежали в дом, поднялись наверх и прильнули к окошку. Строения двора располагались недалеко от храма, и Неле как на ладони видела, что творилось на площади, куда съезжалась конная рать. Видно было, что кони под всадниками сильно утомлены, но усталые воины были воодушевлены боевым порывом и победой. Они что-то кричали, приветствуя кого-то, поднимали вверх копья и мечи.

Среди множества всадников Неле узнала Герпольта, облитого доспехами из стальной чешуи с большим золотым крестом латинского образца, сверкавшим на его груди. Он еще сжимал дланью ошеей руки рукоять обнаженного, окровавленного меча. Герпольт что-то повелительно говорил, властно

указывая на восток и на юг десным перстом в кольчужной перстатой рукавице. Рядом с ним был верховой воин в немецком шеломе с бармицей, видимо один из приближенных, который утвердительно кивал головой в знак того, что все веления князя будут исполнены. Лица его не было видно. Но когда Герпольт отъехал, воин снял шелом, подшеломник и стал утирать мокрый от пота лоб и затылок чьей-то разорванной белой рубахой с пятнами крови. Стоило ему обнажить голову, как Неле увидела знакомую гриву рыжих волос, вздрогнув от ужаса и ненависти. Немедля женщины оставили постоялый двор и незаметно окольными улицами бежали к берегу Псковы у Гремячей горы. Там на лодке их и переправил на другой берег в Окольный город какой-то смелый старик-лодочник, не боявшийся чудских стрел и спасавший псковичей, бежавших от врага.

Все мосты через Пскову были сожжены. Отражаемые от берега стрелами, воины князя Ярослава, ливонские рыцари, эсты и ливь 17 октября не смогли переправиться на оший берег Псковы, ни тем более захватить Окольного или Среднего города. Разгромленное псковское войско успело переправиться через Великую и занять оборону вдоль десного берега Великой и ошего берега Псковы. Под Изборском и во время отступления псковичи понесли немалый урон. Около восьмиста воев погибло. Примерно столько же было раненых. Но множество простого псковского люда — мастеровые, торговые люди, даже попы и монахи взялись за оружие.

Однако на следующий день 18 октября враг возобновил свои действия, переправился через Пскову, взял Окольный и Средний город. Большинство псковичей бежало под защиту рвов, валов и стен Городца и Крома. Неле и ее прислуге удалось укрыться там же.

Князь Ярослав не стал брать этих мощных укреплений. Целую седмицу его оденпская рать, ливонские немцы, эсты и ливь грабили и жгли Псков. Весь посад, все Запсковье,

все Завеличье были выжжены. Ворог ограбил и разорил все окрестные села и монастыри. На восьмой день Ярослав увел из Пскова свои войска. Но ратные взяли в полон и угнали с собой множество отроков, отроковиц, малолетних детей и потому псковичи были вынуждены вести переговоры с князем и орденскими немцами.

Дети оказались заложниками. Плач и стенания стояли во Пскове. У псковских воев и воевод теперь были связаны руки. Положение города и многих псковичей казалось безысходным.

Глава XIV

Во откровение

Князь Александр сидел за столом в покоях владыки Спиридония. На столе стояли дорогие вина и сладости, но князь, слегка пригубив вина из чаши, не притрагивался к остальному. Яркое февральское солнце светило сквозь небольшие оконца, собранные из разноцветных стекол, и хорошо освещало владычную палату. В солнечном свете лампада перед образами неярко горела и слегка потрескивала в красном углу. Солнечные лучи на улице будили в душах людей радостные чувства, у многих на лицах были улыбки. Но нерадостно в этот яркий, морозный февральский день было на душе у новгородского князя.

Князь совещался с владыкой. Батюшка Ярослав Всеволодович слал тревожные вести из Владимира. К царю Батыю в помощь пришли новые рати из Великой Степи. Татары по ошему берегу Днепра подошли к Киеву. Татарский воевода царский сродник Менгу-хан повел переговоры с Михаилом Черниговским. Быть беде, если Михаил договорится с татарами и сдаст им Киев.

Но важнее было другое. Князь рассказывал о том, что псковский переветник Твердила Иванкович со своими сторонниками и ливонскими немцами овладел Псковом, а теперь воевал и жег новгородские села у рубежей с Псковской землей. Ярослав же, переветник, остался на столе в Медвежьей Голо-

ве. Не решился сам сесть во Пскове, а вверил его орденским немцам и Твердиле. В Кром псковичи видно немцев не пустили. Но весь остальной город теперь был в их руках. Была ли велика немецкая рать в городе, о том он не ведал, но известно было, что во главе этой рати и волостелями над Псковом немцы поставили двух вятших мужей своего ордена. Князь Ярослав-переветник и немцы возвращали псковскую молодь и детей, взятых в полон в октябре. Но псковичи, обиженные Твердилой, сотнями и тысячами теперь бежали в Новгородскую землю, ища здесь заступничества.

Из Заморья же пришли известия, что римский папа объявил крестовый поход против Северной Руси, покорившейся татарам. Теперь у ливонских немцев, датчан, свеев, мурман и всех, обращенных ими в латинство народов полуночных стран* развязаны руки для войны с Русью. Сейчас свеи обращали в латинство соседей новгородцев и православной корелы языческую емь. Есть известия, что свеи готовятся к походу на Русь. Теперь предстояло решить, самим ли собирать полки и идти на Псков, чтобы укоротить Твердилу и немцев, или посылать к батюшке и просить помощи. Нужно ли и может ли владыка послать во Псков, чтобы вразумить псковичей своим священническим словом.

Архиепископ Спиридон сидел за столом напротив, молча и внимательно слушал князя. Лишь когда Александр окончил и вопросительно воззрел на владыку, тот, не торопясь, взвешивая каждое слово, серьезно и строго заговорил. В его умных голубых глазах Александр прочел великую заботу и тревогу о своей пастве и о нем — новгородском князе. Седина заметно тронула усы и бороду владыки. Но, несмотря на свою худобу и монашескую сряду, выглядел он еще крепким и сильным мужем. Слово его было ясным и четким. Он просил Александра не торопиться с принятием решения о походе на Псков. Новгородцы еще не были готовы для войны со своим «младшим братом». Что же касалось прекращения разбоев,

творимых Твердилой на псковско-новгородском рубеже, и возмещения убытков, то все это можно было оговорить через посылов. Владыко обещал, что своим священническим наставлением постарается укоротить псковского посадника и его сторонников.

А то, что происходило во Пскове, должны были решать пока только сами псковичи. Новгородцам необходимо было выждать время и посмотреть, как там сложатся дела при немецкой рати, стоявшей в городе. Словом серьезного повода для войны со Псковом пока еще не было. Князю же следовало собирать силы и ждать. Ждать, ибо скорее всего подлинная беда еще грядет.

Духовный пастырь окончил, помолчал. Молчал, обдумывая все сказанное, опустив очи долу, и князь Александр. Протянув длань к чаше с дорогим вином, Спиридон поднес ее к устам и отпил немного. Затем попросил дорогого гостя испить вместе с ним еще и откушать чего-нибудь. Князь слегка улыбнулся и с удовольствием исполнил просьбу. Хозяин стола справился о здоровье жены и матушки князя. Александр отвечал, что все идет хорошо, слава Богу. Владыко пожелал здравия и ему самому. Просил не держать обиды, если высказал мысли, несогласные с помыслами князя. Александр встал из-за стола, собираясь уезжать, благодарил пастыря за совет и угощение. Спиридон прочел благодарственную молитву и, отпуская, благословил Александра.

* * *

Горислав редко бывал у тестя в Новгороде. Но всякий раз, когда приезжал навестить детей, привозил гостинцев и хоть немного серебра. Вот и в этот раз он приехал к тестю морозным зимним вечером в пяток в конце февраля, расцеловал детей, попарился и помылся в бане, а наутро собрался ехать на торг. На следующий день с зарания решил первым делом съездить за реку и помолиться на литургии в соборном храме Святой Софии. Давно его тянуло туда.

Уже занимался сиреневый февральский рассвет на востоке, когда Горислав тронулся со двора. Переехав лежавший подо льдом и снегом Волхов на версту выше Великого моста, он въехал в ворота Детинца и направил коня к собору. Коня оставил у коновязи, у портала снял шапку, перекрестился и вошел в храм. Внутреннее пространство храма уже было озарено светом десятков свечей и лампад. В храме было тепло, народу было немного. Литургия еще не началась. Он взял свечей и продвинулся немного вперед. Распахнув полушубок и согреваясь телом и душой, остановился у десного столпа центрального нефа. Стал осматриваться вокруг. Началась литургия и, крестясь, Горислав стал понемногу слушать и вникать в слова молитв. Народ все подходил, заполняя храм. Вот ошую, недалеко от него у противоположного столпа пришли и встали две женщины. Невольно Горислав обратил внимание на них. Без особого напряжения вспомнил, что видел раза два их обеих на княжеском Городище. Видимо почувствовав его взгляд, одна из них обернулась, улыбнулась слегка, поклонившись ему, тронула за локоть другую и что-то ей шепнула на ухо. Но та лишь кивнула головой, и стояла не шелохнувшись, глядя только на образа. Странно, но Горислав испытал некоторое чувство досады и горечи. Стараясь больше не обращать внимания на пришедших, он вновь стал усердно слушать молитвы.

Так прошло около часа. Он вспомнил о свечах, продвинулся немного вперед, что бы поставить их перед образами. Когда прошел, а потом поворотился вспять, то вдруг увидел, что та — другая, которая не обернулась, внимательно рассматривает его. В ее больших и красивых синих очах светилось столько ума, было столько затаенной печали, тоски о чем-то утраченном и дорогом, столько ожидания и затаенных грез, столько скрытых желаний и томительной неги, что Горислава словно обожгло. Вспыхнув легким румянцем, они оба слегка поклонились друг другу. Вот тогда Горислав и вспомнил, что

видел эту женщину, точнее ее глаза уже давно — год, а то и два назад.

* * *

Все, казалось, было по-старому на княжеском Городище под Новгородом, хотя Неле уже более шести лет не была здесь. Она и ее девушка, бежавшие в начале января из Пскова, добрались сюда лишь к февралю. С ними тогда оставили город сотни псковичей. Но только Неле рискнула приехать на княжеское Городище и сразу разыскала Ратмира. Тот, тепло встречая беглянок, улыбнулся ей как старой знакомой, внимательно, но недолго слушал ее о том, что творилось во Пскове, помог устроиться на Городище при княжеском дворе и обещал, что скоро поведет женщин для разговора ко князю.

И действительно, уже на второй день князь Александр позвал их в большую палату терема, где в присутствии десятка именитых новгородских мужей и Ратмира встречал их. Когда она с прислугой вошла в палату и увидела довольно большое собрание в основном молодых, хорошо одетых мужчин (явно знатного происхождения), то немного обеспокоилась. Но потом ее глаза стали узнавать отдельные некогда знакомые лица, и она успокоилась. Служанка ее и вовсе оробела, так как пока еще плохо понимала по-русски. Большинство мужей сидело на лавках вдоль длинного дубового стола. По интонациям голосов можно было догадаться, что здесь шел напряженный, бурный разговор. Пока они оставались незамеченными, Неле никак не могла определить, кто же здесь новгородский князь. Но вот один молодой, рослый, широкоплечий, светло-русый, голубоглазый муж в лазоревом кафтане поднялся с лавки, увидев ее, и она скорее догадалась, чем узнала, кто это. Многим он напомнил ей того, кого она так любила в юные годы. Не стесняясь присутствовавших, он подошел к ней, по-русски пожелал здравия, тронул сильными дланями за плечи и троекратно поцеловал в ланиты и уста. Слезы навернулись ей на глаза, она легко смахнула их перстами. Поклонилась моло-

дому князю в пояс и, потянув запястье его десницы к своим устам, поцеловала ему руку. Ему на глаза навернулась слеза, но он не подал виду, а спросил, как она жила все эти годы. Неле отвечала, что жилось ей нелегко, но она всегда вспоминала Великий Новгород и Русь и часто ходила в русский храм в Оденпе. При этих словах князь Александр отвернул глаза и попросил рассказать ее о том, что она видела и слышала за этот год жизни во Пскове. Неле рассказывала долго. Особенно заинтересовало князя и всех присутствовавших то, как Герпольт с русскими оденпцами, немцами и эстами брал Псков, как горели посад и предградье, как дрались с врагами псковичи и как потом вели себя Твердила и его сторонники. По всему выходило, что рассказ Неле многое открыл князю и его окружению.

Через час князь Александр отпустил именитых новгородских мужей, служанку Неле и, усадив гостью за стол, налил ей небольшую чашу терпкого итальянского вина. Угощая сладостями, стал расспрашивать об Оденпе. Сам сел рядом, Ратмир же — напротив, через стол. Они выпили немного. Помянули покойного князя Феодора. И долго говорили потом. Князя интересовало и то, как жили русские в Медвежьей Голове, и то, каковы у них отношения с немцами, и то, как ведет себя с подданными Герпольт-Ярослав. Затем спросил о рыжеволосом сыновце покойного тиуна Якима, верно ли, что он у Герпольта и немцев в большой чести. Неле подтвердила правдивость этих известий. Князь нахмурился. Затем вдруг попросил ее подробнее рассказать о той свадьбе в русском храме Оденпе более года назад, когда она встретила Ратмира. Неле удивила эта просьба, но она вспомнила, что князь ведь тоже недавно женат, улыбнулась, поздравив его, и стала рассказывать. Особенно интересовало князя Александра, знает ли Неле жениха и родню невесты. Та отвечала, что не знает, но несколько раз видела этих людей в замке, в соборе в окружении Герпольта и думает, что они принадлежат к самым

знатным русским, живущим в городе. Александр спросил, хороша ли собой была невеста, и побледнел ликом. Неле не сразу заметила это и отвечала, что очень хороша, хотя была бледна, наверное, от волнения. И тут, немного подумав, добавила, что, видимо, молодые сильно любят друг друга. Ибо она заметила, что невеста понесла дитя еще до свадьбы. Лишь после этих слов рассказчица увидела, как краска ударила в лицо князю, и пожалела о том, что сказала. Скрипнув зубами, Александр пристально посмотрел на Ратмира, но тот не отвел глаз, а только кивнул головой в подтверждение этих слов. Вслед за этим князь опустил голову. Наступило молчание, и разговор незаметно прекратился сам собой. Они еще выпили вина. Вскоре князь отпустил Неле, прося ее остаться на Городище и обещая найти ей занятие, достойное женщины ее положения и обещая хорошую плату. Сам же остался с Ратмиром.

Через день Неле попросили принять на себя обязанности ключницы, и она, хорошо зная арифметику, русское, немецкое письмо и латынь, взялась за дело. Под ее присмотром оказались все амбары, погреба и поварня. Давно забытая, но с юных лет известная и как-то обостренная большими, нелегкими переживаниями и чувствами жизнь в России вдруг стала понятна и близка ей здесь, в Новгороде. Да она скучала по Анхен и отцу, но знала, что скоро напишет и пошлет им письмо через какого-нибудь купца. Но мысли об Иоанне и желание отыскать его след постепенно стали в ней утихать. Где-то в душе она смирилась с тем, что ей сейчас посылала судьба. Она собиралась съездить в Юрьев монастырь, но пока не находила в себе для этого сил, откладывала эту поездку и все просила у Христа прощения за свою вину перед покойным любимым человеком. Наконец она решилась съездить для начала в кафедральный новгородский собор Святой Софии и послушать там проповедь уважаемого и чтимого новгородцами владыки Спиридония.

И вот теперь она стояла и молилась в соборном храме и вдруг увидела, что на нее с любопытством и некоторым удивлением взирает уже немолодой, но интересный рыцарь из княжеского двора, которого она уже ранее видела на Городище. Она никогда в юности не встречала его здесь. О том, что он воин с юных лет, ярко свидетельствовал старый шрам, пересекавший его лицо. Небольшие смелые серые глаза внимательно смотрели на нее, и в них отражалось то, что он тонко чувствует женщин и интересуется ими. Он был по-своему благороден, и, верно, умен. Ранняя лысина открывала мощный высокий лоб. Пряди русых волос с сединой, светлые усы, серебро седины в темной бороде, подчеркивали в нем породу, опытность и мужественность. Когда он, поставив свечи перед иконами, развернулся к ней лицом, посмотрел в глаза, слегка покраснел и поклонился, то все это запало ей в сердце. Она тотчас ответила ему поклоном. Но затем отвернулась от него и, более не взглянув в его сторону, продолжала молиться.

* * *

Над заснеженной долиной Днепра в морозной дымке сияло яркое февральское солнце. Был полдень. Над левым низменным берегом реки, покрытым сотнями юрт и кибиток курились дымы тысячи костров. Десять тысяч воинов монгольской державы, пришедших сюда под рукой хана Менгу, встали станом почти напротив Киевских высот у Песочного городка. Хан, въехав на невысокий пригорок, в окружении своих нукеров и тысячников, с вожделением и любопытством взирал на древнюю столицу Руси, как взирает небогатый, но полный надежд молодой человек, на сказочно богатую и красивую незамужнюю женщину или вдову. В ярких лучах зимнего солнца сияли золотом и серебром многочисленные купола и главы соборов, словно парившие над городом и озарявшие его отраженным солнечным светом. Казалось, тысячи солнц светились над городом. Всеми цветами радуги сияли стены храмов. Бесчисленные городские строения с причуд-

дивыми, островерхими формами кровель грудились вокруг них. Великолепные строения были гармонично размещены на горах, их спусках и подъемах, в долинах малых рек. Крепкие стены с величественными воротными вежами окружали Киев несколькими поясами. И весь этот сказочный город в небесной голубизне вознесся над долиной Днепра на высоте птичьего полета и даже выше. Озирая град, Менгу причмокивал, предвкушая удовольствие, покачивал головой, улыбался, щурил раскосые глаза в ярком свете солнечных лучей. Он ожидал возвращения посольства. Послы уехали еще вчера и, видимо, вели долгие переговоры с князем Михаилом. Хан предлагал князю и гражанам открыть ворота и выплатить дань в размере одной десятой части всех богатств, которыми владели киевляне. За это он обещал сохранить Киев и оборонять его от всех врагов. Ответа не было, но хан ждал ежечасно.

Лишь после полудня послы возвратились. Хан ждал их уже в своей большой юрте, попивая кумыс, и, поедая горячую баранину, жирные куски которой плавали в небольшом чане, поставленном перед ним. Отогревая в бараньем соку застывшие на февральском морозе пальцы, вместе с ним лакомились бараниной и три его любимых тысячника. Они сидели на толстой войлочной полсти и овчинах, поджав ноги под себя, и неторопливо разговаривали, обсуждая дела. Однако было видно, что хан нервничает. Но вот нукер доложил о том, что послы прибыли, и хан велел немедля впустить их. Когда те вошли в шатер, то сразу опустились на колени, склонив головы. Менгу без слов понял, что киевляне ответили отказом, и, изменившись в лице, почти шипя, изверг слова ненависти и оскорбления.

* * *

Новый 6748 год от Сотворения Мира (март 1240 года от Р. Х.) принес новые тревоги и заботы новгородцам. Большая татарская рать собиралась в Южной Руси, и все говорили, что татары хотят идти на Киев. Князь Михаил Всеволодович

бежал из древней столицы со своей дружиной «предъ татари въ Угры», оставив ее на произвол судьбы. Еще ранее бежал к уграм его сын Ростислав. Воспользовавшись обстоянием, князь Ростислав Мстиславич Смоленский пришел в Киев со своим полком и занял киевский стол. Но против Ростислава ополчился теперь Даниил Романович Галицкий. Угроза неизбежной опасности и общей погибели нисколько не смущала русских князей.

Из всех известий, приходивших с юга, лишь одно в который раз доставило чувство досады и злости Гориславу — это бегство из Киева князя Михаила. Именно оно убедило его в правоте ранее принятого решения никогда более не служить князю, бросившему свой народ в самую тяжелую годину. Горислав теперь точно знал, что здесь, в Новгороде, его дети, его соратники, его новый господин и князь и он, если придется, будет драться за них не жалея живота. И еще одно понял старый воин: здесь живет та, кто является светом его очей, чаяньем его души и исполнением надежд. Он теперь часто видел ее на княжеском подворье и знал, чем она занята. Узнал ее имя, расспросил, как мог, о ее прошлой жизни от старых княжеских слуг и гридей и сильно удивился тому, когда уразумел, кто она и откуда. Все было странно в ней. Не похожа она была на тех женщин, что ранее окружали его. Встречаясь во дворе или в храме, они кланялись друг другу, но его взгляд и приветствия, казалось, смущали ее. И потому он стал искать возможности для встречи на стороне. Внимательно следил за тем, когда и куда она уезжает или уходит, и пытался под любым предлогом оказаться где-то недалеко от нее.

Уже почти месяц не видел он детей и однажды в марте, решил на ночь съездить в Новгород и навестить их, а утром возвратиться на Городище. Уже стемнело, когда Горислав подъехал ко двору тестя и постучал в ворота. Отворил младший шуряк, казавшийся заспанным. Услышав голос и, увидев свояка*, как-то виновато улыбнулся и шмыгнул носом.

Горислав, заводя коня во двор, поприветствовал его, поинтересовался, как идут дела, как здоровье детей и родителей. Тот отвечал, что все слава Богу, и быстро возвратился в дом. Что-то странное, как показалось Гориславу, было в словах и в поведении шурина. Он, отогнав плетью забрехавшего было пса, завел коня во двор, расседлал. Никто не вышел к нему навстречу, хотя раньше выходил Алекса или теща. Неторопливо отер попоной влажные от пота шею и грудь коня, затем укрыл его ею же. Седло со стременами, потник бережно сложил здесь же на сеновале. Не торопясь, прошел в дом. Шестое чувство ему подсказывало, что обстановка как-то изменилась. Он догадывался, что могло произойти... Войдя в дом, перекрестился на образа. В покоях царила полутьма, ибо многие спали. У печи хлопотала теща, что-то накрывавшая ему на стол. Горислав приветствовал ее и тихо прошел к детям. Младшие уже спали, но старшая дочь еще не спала и, услыхав отца, тихо поднялась, села на постели, обняла его обеими руками. Они поцеловались. Затем он тихонько расцеловал младших, перекрестил их всех, уложил дочь и тихо вышел. Нет, он не был удивлен, когда увидел Антонину, стоявшую у печи с распущенными волосами и накинувшую на плечи платок поверх тонкой белой рубахи. Она была одна. Ничего не спрашивая, он подошел вплотную. Долго смотрел ей в глаза, затем молча обнял и поцеловал ее в ланиты. Она, смутясь, неловко отвечала ему. Они сели к столу. Она налила ему большую чарку крепкого меда. Он попросил ее выпить с ним, и она, послушно встав из-за стола, принесла из чулана крынку медовухи и налила себе немного. Они выпили за встречу, ведь уже немногим более двух лет не виделись и не сидели вместе...

Антонина постелила ему в сеннике*. Укрыла его теплой полстью и сверх нее набросила большой овчинный тулуп. Затем ушла на некоторое время и возвратилась часа через пол. Он не спал еще и услышал легкие шаги ее босых ступ-

ней. Скинув рубаху, она, уже нагая, быстро залезла к нему под покрывало и, прижавшись всем телом, стала согреваться. Горислав слышал, как тревожно и гулко стучало ее сердце. Обнял ее, чтобы она согрелась. Хмель бродил в его голове, но сердце его было спокойно и холодно. Даже прежнего чувства ревности не было в душе. Через какое-то время она начала ласкать его, но сон уже смежил ему очи. Он повернулся на другой бок и погрузился в сновидение. Ему виделась та, другая женщина с большими синими глазами, которая тревожно и с любовью смотрела на него…

Он проснулся, когда светало. Антонина еще спала, свернувшись клубком, как кошка, и повернувшись к нему спиной. Горислав быстро встал с постели, накинул исподнюю рубаху, вышел во двор, умылся холодной водой, оделся. Вошел в дом. Теща хлопотала у печи, раздувая огонь. Антонина, видимо, еще не поднялась. Он прошел к детям. Те еще спали крепким утренним сном. Однако, когда отец начал целовать их, они проснулись. Сын повис на шее у отца и стал просить покатать его на коне. Затем к деснице прилипла младшенькая. Смахнув скупую отцовскую слезу, он погладил и поцеловал их светлые головки. Затем выложил им всем троим гостинцы на постель, еще раз расцеловал и погладил по волосам младшую, перекрестил всех и вышел во двор. Испив воды, заседлал коня и натощак выехал со двора. Стояло холодное мартовское утро. Он дал жеребцу шпоры и погнал его по оледенелой деревянной мостовой, оглашая малолюдную утреннюю улицу стуком кованых копыт.

Через полтора часа он был уже на княжеском Городище. Подъехав ко княжескому двору, заметил, что остуда его собирается ехать куда-то, видимо по делам, ибо были уже готовы и сани. Горислав не подал виду, оставаясь в стороне, заговорил с одним из знакомых гридей, но коня не расседлал. Через десять минут, сани выехали со двора, а он, как будто по своим делам минут через пять поехал следом. Проехав ворота

городищенского града, увидел, что сани пошли одесную к берегу Волхова, и он, неторопливо, направил коня туда же. Через десять минут сани сошли на заснеженный лед реки, и Горислав понял, что его ненаглядная держит путь в сторону Юрьева монастыря.

И действительно, не прошло и двадцати минут, как сани въехали в монастырские ворота, а еще через пять минут вслед за ними прорысил Горислав. Он заметил, что Неле и ее прислужница уже оставили сани и вошли в Георгиевский собор. Он, не торопясь, сошел с коня, привязав его за узду у монастырской коновязи, снял шапку, перекрестился на кресты храма и медленно последовал туда же. В полутемном соборе негромко читали «часы», неярко горели свечи и лампады. Горислав быстро отыскал глазами фигуру желанной женщины и стал следить за ней. Голова ее была покрыта большим черным платом. Она взяла свечи и какое-то время говорила с монахом, что-то выспрашивала у него. Тот указал ей перстом одесную на юго-западную часть храма, женщина благодарно кивнула головой и пошла в указанном направлении. Горислав медленно последовал за ней. Остановившись на почтительном расстоянии за столпом, он видел, как Неле подошла к небольшой нише в стене храма, зажгла и поставила у чьей-то каменной гробницы свечи. Затем опустилась на колени и прильнула челом к холодному камню. Тем временем два монашеских гласа стали служить заупокойный молебен на клиросе, и Горислав увидел, что тело женщины сотрясли беззвучные рыдания. Долго стояла и молилась она на коленях перед чьим-то каменным гробом и лишь спустя час отошла на другое место. Бывший княжий детский подошел к гробнице и с интересом посмотрел на надгробную плиту. Свечи догорали. В их неярком свете он прочел, что под каменной плитой вечным сном спит раб Божий князь Великого Новгорода Феодор Ярославич...

* * *

Вновь на землю пришла весна. И это означало, что 6748 год от Сотворения мира (1240 год от Р. Х.) уже окончательно вступил в свои права. Волхов унес в Ладожское озеро и в Неву мутные талые воды, подсохли поля, луга и опушки лесов, пробилась зеленая травка, а деревья оделись желтоватым, красновато-зеленым пухом первых побегов. В воздухе запахло дымами дальних костров, прелой травой, листвой и каким-то непонятным запахом свежести и обновления жизни. Радостно и торопливо защебетали, запели птицы в рощах и лесах. Как-то особенно, светом бесконечной синевы засияло небо.

Неле уже не раз побывала в храме святого Георгия у могилы князя Феодора, где выплакала немало слез, прося прощения у покойного. Но жизнь продолжалась, брала свое, и боль, вызванная смертью давно любимого человека, стала уходить, а на ее место пришла тихая печаль об утраченном и светлая память. Она отправила письмо отцу и сестре в Ригу с одним из немецких купцов, но сама в Ливонию не торопилась. Слишком жива еще была память об Иоганне, которого она отчаялась отыскать, и воспоминания о котором приносили ей новую боль. Ее дела в княжеском хозяйстве на Городище шли хорошо, и она имела немало свободного времени. И вот как-то ранним майским утром Неле вышла на гульбище княжеского терема и с его высоты всмотрелась на восток. Ей было видно, что за верхами двускатной крыши, коей была крыта бревенчатая стена княжеского городка, вдали синел и начинал зеленеть еще полупрозрачный лес. Там она когда-то собирала чернику и познакомилась с Феодором. Ей захотелось сходить туда и погулять по весеннему лесу, подышать запахами молодой листвы, сосновой смолы, мха и прели, захотелось увидеть тот черничник, где она собирала ягоду. Неле решилась идти одна. Обула мягкие сапожки, одела русский летник, сказала служанке-девушке, что вернется часа через три, вышла из ворот Городища и пошла к лесу.

Она не знала и не видела, что следом за ней через четверть часа из ворот выехал всадник и направил коня в ту же сторону, куда пошла она. Стояло буднее майское утро, все были заняты своими делами, и лишь дозорный с верхов воротной вежи заметил, что Гориславпогнал коня по дороге к лесу вслед княжеской ключнице. Дул легкий ветерок, пригревало солнышко. Мирно кудахтали куры и пели петухи. Изредка лаяли псы, ржали и фыркали проголодавшиеся жеребцы на конюшне. Население Городища проснулось и занялось своими заботами и трудами. Усталый после бессонной ночи дозорный стоял на верху воротной вежи и зевал. Сон смежил ему очи, и он, прислонясь спиной к заборолам, забылся легкой дремой в полутени шатрового верха ворот.

Неле бодро шла по дороге, прошла мост над Волховцем, затем свернула на тропинку и через двадцать минут, после того, как оставила Городище, вошла в лес. Прохладная и светлая сень его, аромат свежей листвы, шорох ветвей под ветром, птичий гомон, приняли молодую женщину в свои объятья и окружили ее. Какое-то время она ходила близ опушки, пытаясь узнать место и отыскать черничник. Еще через четверть часа, послушная какому-то внутреннему чувству, она набрела на то самое место, где когда-то познакомилась с Феодором. Тихо шумели золотистые сосны под ветром, поскрипывала какая-то старая ветвь да в отдалении постукивал дятел. Неле увидела, что сильно разросшийся за эти годы черничник уже оделся листочками. Казалось, вокруг не было ни души, и чувство великого умиротворения, покоя и печали охватило ее. Неле подошла к одной из сосен, обхватила руками ее смолистый ствол и прильнула щекой к ее прохладной ароматной коре. Слезы навернулись ей на глаза. Так простояла она какое-то время, совершенно отрешившись от всего мира и, обратясь к Творцу с вопросом, почему он лишил ее любимого человека. С другим же, который любил ее, Бог не позволил обрести всего того, что имеет на земле почти каждая женщина.

Вдруг услышанное ею какое-то легкое движение на поляне заставило ее сердце сжаться от испуга. Неле резко обернулась, опершись спиной на ствол сосны. Но в следующий миг испуг отступил, ибо она увидела на другом краю поляны знакомого ей княжеского рыцаря с Городища, того самого, который уже давно, как она заметила, высматривал ее и следил за ней. Приглядевшись, она узрела, что тот недвижим и уже, верно, давно здесь. Так простояли они минуту или две, не двигаясь с места. Затем он поклонился ей и медленно пошел навстречу, ведя коня за повод. Подойдя и остановившись в нескольких шагах от нее, посмотрел ей в очи. Неле заметила, что в его глазах нет угрозы. Печаль, тоска и затаенная страсть светились в них. Косой шрам, пересекавший его лицо, слегка порозовел. Он снял шапку, обнажая лысеющий лоб, буйные пряди русых волос с сединой, и молвил:

— Не имамь живота без ти ясноокая.

Конь фыркнул и тихо заржал, нарушая тишину леса. Она подошла и провела пальцами и ладонью по его волосам. Он склонил голову и со всей силой руками обхватил ее, прижимая к себе. А она, слабея всем телом, щекой ощутила его страстные нежные губы и щекочаще-колючий плен бороды и усов.

* * *

Весна миновала, и на смену ей пришло нежаркое северное лето. Стоял яркий июльский день. Куры кудахтали и гребли лапками землю, склевывая мелкие камешки и семена растений. Громко гоготали гуси у Волховца. В лугах у речки пасся княжеский табун. На берегу Волхова ходило стадо городищенских коров, быков и овец. Спокойно и, казалось, мирно текла жизнь Великого Новгорода.

К полудню к полуоткрытым воротам княжеского городка прискакало шесть всадников. Трое из них были вятшие новгородские мужи — Судимир со Славны, Гавриил Алексич и Збыслав Якунович. Сторожа беспрепятственно пропустила их в городок, и через пять минут новгородцы уже стояли

перед князем Александром на дворе княжьего терема. Князь, оповещенный отроком, оторвавшись от чтения «Иудейской войны», оставив и поцеловав слушавшую его со вниманием Александру, быстро надел сапоги и вышел во двор. Спускаясь по ступеням высокого гульбища, увидел новгородцев. Те кланялись и приветствовали князя. Он отвечал и, подойдя ближе, по их встревоженным лицам сразу понял, что в Новгороде случилось что-то.

От лица всех заговорил Судимир. Новгородцы просили князя неотложно быть на Ярославле дворе. Там собирался совет вятших новгородских мужей и господы во главе с самим владыкой Спиридонием. В Новгород прибыло посольство от свейского короля Эрика Картавого. И, судя по всему, известия, которые собиралось довести посольство, были нерадостные. Папа римский уже год назад объявил крестовый поход против Руси. На этом Судимир замолчал, но продолжил Гавриил Алексич. Он напомнил, что свеи уже третий год успешно воюют землю суми и еми и обращают язычников в латинскую веру. В землях еми свеи построили сильный град-замок Тавэстхюс (Тавэстборг). Сейчас их рати уже приблизились к новгородским землям, населенным корелой. Но, крещенные еще Ярославом Всеволодовичем, корелы римлян к себе не пустят, да и новгородцам свои земли отдавать не следует. Значит, не иначе, как быть войне. Князь Александр, уже неоднократно слышавший эти известия, лишь молча и в знак согласия несколько раз кивнул головой, тяжело вздохнул и перекрестился. После этих слов и этого вздоха все помрачнели ликами и, творя крестное знамение, переглянулись. Александр велел немедля седлать коней и собирать малую дружину, а сам пошел по ступеням крыльца вверх, чтобы одеться для приема свейских посылов.

В большой палате княжеского терема, что на Ярославле дворе в Новгороде, было людно, жарко и тесно. Все оконца

и двери были отворены. В поставцах и подсвечниках горело множество свечей. Князь в окружении малой дружины восседал на небольшом столе близ стены противоположной центральному входу. Недалеко от него на таком же столе восседал владыка Спиридон в окружении своего клира. Все новгородские мужи, одетые в дорогие сряды, в окружении доспешных и оборуженных воев стояли плотным и тесным полукольцом напротив центрального входа. Напротив них, почти у самого входа, величественно и гордо подняв головы, стояли свеи и мурмане, облитые кольчугами, одетые в кольчужные хауберги* и чешуйчатые панцири без рукавов. На ногах у большинства были кольчужные чулки и кожаные черевики со шпорами. Из-под доспехов почти до щиколоток ног у многих свисали полы ярких шелковых кафтанов. Не один не снял с головы тяжелого шелома. У иных стальные личины шеломов и кольчужные бармицы закрывали не только нос, но даже ланиты, уста и подбородки. Только глаза, сиявшие в глубине шеломной брони, презрительно и вызывающе глядели на русичей, их конунга* и их пастыря.

Посылов было двадцать один человек — малая дружина, а не посольство. Все были препоясаны мечами, секирами и малыми мечами. Только щиты да копья оставили притороченными у седел. С того момента как посольство, бряцая доспехами и оружием, вошло в палату княжьего терема, здесь воцарилось полное молчание. Латиняне и русичи пристально и в полной тишине разглядывали друг друга в течение нескольких минут. Главным среди посылов по виду был воин в чешуйчатом доспехе, на груди которого красовался большой золотой крест латинского образца. Именно к нему и обратился князь Александр, нарушив общее молчание. Переводил русский купец, не раз бывавший в полуночных странах и знавший свейскую и мурманскую речь. Через него князь Александр и спросил, от кого прибыло посольство и что хочет сообщить.

Один из свейских воинов, стоявший одесную того, что был с золотым крестом на груди, перевел вторично слова князя Александра. Выслушав его и кивнув головой, посол с золотым крестом отвечал князю низким хрипловатым голосом. Свейский толмач молчал. Переводил новгородец. С его слов стало ясно, что посольство действительно пришло от свейского короля Эрика. Король сообщал, что по благословению римского апостолика — наместника престола святого Петра свейское войско идет в Гардарику* крестить язычников (корелу, ижору) и обратить схизматиков (русских) в истинную веру. К воинам Креста присоединились воины норвежского конунга Хакона, коих русские называют мурманами. С ними идут и принявшие святое крещение кнехты из народа суми и тавэстов (еми). Ведет христианское войско сам ярл* Ульф Фасси. Корабли свеев уже прибыли в русскую землю и скоро будут у Хольмгарда*.

— Аще можеши противитися, то се, есмь уже зде, крещу и пленю землю твою, — закончил переводить толмач.

Свейский воин, переводивший ранее, сказал что-то главному послу и утвердительно склонил голову. Тот, слегка кивнув в ответ, рывком сорвал с десницы кольчужную рукавицу, и швырнул ее под ноги князю Александру. Рукавица с глухим стуком и звоном железа ударилась о дубовый пол и развернулась кверху стороной длани. Вспыхнув всем ликом, князь Александр поднялся со стола, грозно посмотрел в глаза послу и твердой десницей, неторопливо вытянул меч из ножен, притороченных ошую у пояса. Не отрывая глаз от лица свея и не мигая, поцеловал холодное, отливавшее синевой лезвие клинка, и перекрестился. Гробовое молчание воцарилось в палате. Главный посол развернулся спиной и, не склонив головы, звеня сталью доспехов пошел к выходу. За ним, бряцая железом, последовало все его сопровождение.

Когда посольство вышло, владыка Спиридон встал со стола и подойдя, ко князю Александру, благословил его.

* * *

Ладьи и насады уже третьи сутки на веслах и под всеми парусами бежали по Волхову к Ладоге. Збыслав Якунович торопил гребцов. Они шли уже третий день без останову на ночлег или отдых и уже недалече была Ладога. Юго-восточный ветер второй день дул в десное плечо и наполнял паруса, гоня корабли на север. Горислав сидел у ошего борта насада и работал веслом, как и все, кто был в этом походе. Гребли попеременно, по два часа, потом отдыхали. Корабли шли быстро. Давно не брался Горислав за весло. Плечи и руки болели. Но он был рад и ощущал прежнюю полноту жизни от этого тяжелого, но дружного мужского труда. Все напоминало ему годы молодости, когда он семнадцать лет назад с козельским полком был в днепровском походе. Тогда они шли на веслах и под парусами вверх по Днепру к острову Хортице. Сейчас Горислав с удовольствие вдыхал речные запахи, растревоженные и оживленные порывами южного ветра. Весла дружно ударяли о воду, мачты скрипели, паруса хлопали. Гребцы слаженно пели, что-то новгородское об «остуде-девице». И тут он вспомнил свой утренний сон в Киеве, когда проснулся в постели у Соломеи. Тогда приснилось или привиделось ему, что гребет он веслом в насаде на Днепровском лимане вместе со всей их дружиной и ощущает прелесть и полноту жизни. А ведь просто все было — любила его эта загадочная женщина. А потом был Козельск и татары. Томительно и нехорошо становилось ему, когда вспоминал он о Козельске. Думали они тогда с Путятой, что не выберутся живыми из родного города. Вот ведь как, сколь ни мыслит человек о смерти, жизнь-то не закончена. И жить надо уметь, и растить детей надо, и любить на до ти. А умирать, как бы научиться, хоть и умирал уже, казалось, раз пять или шесть. Но любить, прежде всего... Он оглянулся назад и увидел ближе к носу насада Путяту, который подпевал гребцам-новгородцам. Они весело перемигнулись и улыбнулись друг другу. Веселое

предстояло дело... Давно, уж скоро полтора года, как не зрели они живого ворога в лицо.

Горислав вспомнил, как встревоженный военной грозой всколыхнулся Новгород Великий, как в сумятице двух дней после объявления войны Александр Ярославич собирал княжеский и новгородский полки. Вспомнил, как новгородские купцы отдали князю свои ладьи, ушкуи и насады. Князь торопился. Полностью собрал лишь свой полк да большую часть новгородского полка. Архиепископ Спиридон благословил владычный двор принять участие в походе. Однако выручил черный новгородский люд: плотники, каменотесы, гончары, кузнецы, оружейники, кадаши, серебряники, солевары — все, кто взял копье, секиру, кистень, щит и вступил доброй волей в пешее ополчение. Таковых набралось до полутысячи. Князь Александр оценил, поклонился простому люду. Затем разделил войско на две части. Пешцев и двести комонных из новгородского и своего полка посадил в насады и в ушкуи. Во главе их поставил Збыслава Якуновича и велел немедля день и ночь идти к Ладоге за подмогой. Если же случится, что свеи встретятся им на пути, то срочно посылать весть к нему и стоять насмерть на реке, не пуская ворога к Новгороду. Остальная часть войска, около восьмисот комонных, пошла с князем вниз по Волхову вслед ладьям и насадам. Выступили пятнадцатого июля (по старому стилю). Но уже к исходу второго дня после выступления конные полки ушли западнее реки, и пропали из виду.

Вечерело. Новгородцы все чаще всматривались вперед по течению реки. Вскоре вдали прямо по курсу новгородских насадов и ушкуев замаячили светло-серые стены каменного града Ладоги и серебристо-серый купол храма. У города бросили якорь. Пополнили запас хлеба и соленой рыбы. В Ладоге к новгородским ладьям и ушкуям присовокупилось еще шесть насадов с комонными и пешими ладожанами — сотни две с половиной воев — не более. Как стемнело, выставили сторожу

на кораблях и на берегу реки. Збыслав Якунович велел всем отдыхать до рассвета. Усталые вои первый раз за трое суток смогли заснуть крепким сном.

Утром корабли вышли в Ладожское озеро, и тут Гориславу увидел бескрайний водный простор. Вспомнилась ему дымка дальних берегов Днепровского лимана и горячее дыхание серебристо-черного марева Русского моря. Волны ходили по водам озера и бились в борта кораблей. Ладьи и насады стало качать. Палуба как будто уходила из-под ног, а потом сама возвращалась назад и даже слегка подбрасывала людей ходивших во время качки по кораблю. Плески волн, крики чаек над водой будили в душе воина чувства величия, умиротворения и сожаления об утраченной юности. Он стал замечать, что все же здесь была другая природа. Каменистые, порой скалистые берега, поросшие соснами и темными елями, тускло-серебристо-голубые, прохладные волны озерной воды, все говорило о суровой северной жизни этих мест. Гориславу размеренно, упрямо и с упоением работал веслом. Нужно ли еще что-то для счастья человеку? Вот синее небо, солнце и белые чайки, что с криками кружат над водой. А завтра будет, что Бог пошлет... Под плеск волн он задумался о своей необычной сердечной остуде. Вспомнил, как она провожала его в поход, вспомнил их первую, по сути, встречу зимой в Софийском соборе. Затем встречу в весеннем лесу, когда они долго гуляли по лесу и рассказывали друг другу о себе. Затем он посадил ее на коня, а сам повел его в поводу. Потом они остановились на одной из лесных полян, он принял на руки желанную женщину, ссаживая ее с седла, прижал к себе и поцеловал в уста. Она не сопротивлялась. Тогда впервые он овладел ей. С той поры они уже не раз были близки...

Мысли Гориславу нарушил громкий глас кормщика. Менялись гребцы. Весь день они под парусами и на веслах быстро шли в версте от берега на северо-запад. К вечеру обогнули какой-то мыс и оставили с десной руки группу небольших ка-

менистых островов. Берег стал уходить на юг, а новгородские ладьи и ушкуи пошли западнее — туда, где далекой дымкой в лучах уходившего солнца терялся противоположный берег озера. Никаких других кораблей, ни дальних парусов по всему горизонту видно не было. Прохладный ветерок и сиренево-розоватый закат сменили теплый солнечный день. Новгородцы убрали весла. Пошли под парусами. Опытные кормщики вели ладьи и ушкуи. Люди отдыхали.

Утром корабли резко повернули на юго-запад. Берег был уже совсем близко — верстах в двух. Вои опять взялись за весла. Вскоре на юге новгородцы увидели небольшую ладью, быстро шедшую к ним навстречу под парусом. Ладья подошла к головному насаду, на которой находился Збыслав Якунович. Там велись переговоры. Флотилия замедлила ход. Вскоре узнали, что князь Александр подал весть о себе. Конные русские полки поджидали корабли верстах в десяти от этих мест у истока Невы, одесную Орехова острова. О свейской рати пока никаких известий не было.

* * *

На второй день поздно вечером после встречи русских полков на Неве, к русскому стану подошли и причалили две небольшие ладьи. Из одной на берег выбросили сходни, по которым сошло пятеро вооруженных копьями и секирами человек. Это были ижоряне. Новгородская сторожа встретила их и повела к походному шатру князя Александра. Как узнали потом, одним из пятерых оказался ижорский старейшина и глава морской сторожи — Пелгуй, уже давно принявший в крещении имя Филиппа. Князь встретил ижорян в шатре. Пелгуй был уже немолодым степенным мужем с седой бородой. Он был высок, крепок на вид. Властные и благородные черты лица, тяжелый романский меч на поясе, добротная, длинная, почти до колен кольчуга, русский шелом на голове свидетельствовали о его знатном происхождении. Воины, сопровождавшие его, вообще не имели доспехов. Проница-

тельные голубые глаза, благообразный вид, строгий, но дорогой охабень* темно-синего цвета, надетый поверх кольчуги, большой православный наперсный крест, свидетельствовали о добропорядочности и набожности Пелгуя-Филиппа. Войдя в шатер, он снял шелом, обнажив гриву русых седеющих волос, а все его сопровождение сняло шапки. Все склонились в поясном поклоне, приветствуя князя на своем языке. Александр Ярославич и все его окружение кланялись в ответ.

Сразу перешли к делу. Видно было, что глава морской стражи торопится сообщить что-то. По-русски говорил он хорошо, почти без акцента, хотя соплеменники, окружавшие его, во время разговора, что-то добавляли к его рассказу на своем языке. Согласно кивая головой, Пелгуй переводил. Уже с первых слов князь Александр понял, что ижорский старейшина принес ему важные вести. По его словам, свейская рать пришла из Варяжского моря в Неву уже двенадцать дней назад. Около шестидесяти свейских шнеков* пристали к берегу Невы, около устья реки Ижоры. Свеи высадились и заняли высокий береговой мыс, образуемый слиянием рек. Там сейчас и стоял их лагерь, защищенный с севера и запада реками. С южной и восточной сторон лагерь был защищен яругами, поросшими кустарником. По дну яругов протекали многочисленные ручьи. Лишь в одном месте между оврагами пролегал узкий перешеек, соединявший мыс с берегом. По всему было видно, что свеи собирались строить в этом месте свой град-замок.

Пелгуй на некоторое время прервал рассказ, видя, что князь задумался. Но уже через минуту Александр Ярославич спросил, какова численность свейской рати. Ижорский старейшина перемолвился несколькими словами со своими людьми и уже по-русски отвечал, что у свеев не менее двух с половиной тысяч человек. Однако, помолчав еще немного, добавил, что добрых воинов в хороших доспехах поболее тысячи. Остальные — емь с копьями, секирами, луками и

щитами. После этого наступило вновь некоторое молчание. Александр благодарил ижорян и велел одарить их серебром и оружием. Те благодарно кланялись. Князь уже было отпустил морскую сторожу, но Пелгуй-Филипп попросил разрешения остаться в шатре, сказав, что хочет сообщить ему еще какие-то сведения без свидетелей. Александр кивнул головой, все ижоряне кроме их старейшины и несколько русичей вышли из шатра. Велено было остаться только Ратмиру, Гавриле Алексичу, Збыславу Якуновичу и Судимиру со Славны. Слегка прокашлявшись в кулак и перекрестясь, Пелгуй начал рассказывать о странном событии, виденном им в ночь тринадцать дней тому назад:

— Стоящу же азъ при краи моря и стрежаше обою пути, и пребысть всю нощь в бдении. И мрак бысть надъ моремъ. И яко же нача въсходити солнце, слыша шюмъ страшенъ и виде насадъ единъ гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Борисъ и Глебъ в одеждахъ червленыхъ, и беста рукы держаща на рамехъ. Гребци же седяху, акы мглою одеяни. Рече Борисъ: «Брате Глебе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру». Видевъ же таковое видение и слышавъ таковый гласъ от мученику, стояше азъ трепетенъ, дондеже насадъ отъиде от очию моихъ, — закончил ижорский старейшина.

В шатре воцарилась полная тишина. Слышно было лишь как снаружи негромко говорили люди и фыркали кони. Александр Ярославич задумчиво глядел куда-то выше головы Филиппа. Затем словно опомнился, еще раз поблагодарил рассказчика и, отпуская от себя, молвил:

— Сего не рци никому же.

* * *

Утро двадцать пятого июля (по старому стилю) 6748 года выдалось ярким, но прохладным. С северо-востока дул холодный ветер и гнал белые облака по небу. Сосны и березы шумели под ветром. Русские конные полки в полной тишине

прошли лесом, и вышли к опушке рано утром. Далее начинались яруги. Русичи не показывали себя, никто не выехал из леса. Вои завязали храпы коням тряпками, чтобы не ржали. Князь Александр был здесь же. На опушке леса под его рукой было сейчас около тысячи ста конных воинов. Александр внимательно всматривался на другую сторону оврага, оценивая силы противника. За оврагами располагался ратный свейский стан. Отсюда с опушки леса, до перешейка, разделявшего овраги, было саженей пятьдесят. Сам перешеек протянулся саженей на двадцать пять. Далее располагалась немалая свейская сторожа с копьями, стоявшая у бревенчатых надолбов, преграждавших прямой проход во вражеский стан. Похоже было, что свеи ничего не знали о приближении русских полков. В стане мирно расхаживали почти не одетые в доспехи вои. Горели костры, варилась пища в котлах. У отдельных шатров свеи, собравшиеся группами, творили молитву, имея во главе своих пастырей.

Тем временем около шестисот пеших воев — новгородцев и ладожан с секирами и ножами, двигаясь одесную леса, спустились по береговому откосу, поросшему кустарником, к Неве и незаметно пересекли овраг. Там они затаились в прибрежном кустарнике, саженях в сорока от свейской сторожи, охранявшей шнеки, стоявшие у берега. Вел отряд опытный и ушлый плотник-новгородец Меша.

Князь уже полчаса внимательно рассматривал вражеский стан. Рядом были Збыслав Якунович и Судимир со Славны. Тихо, почти шепотом, Збыслав высказал мнение, что наперед надо «снять» свейскую сторожу, которой было человек пятьдесят ратных. Князь согласно кивнул головой. Решили спешить человек до ста молоди с луками и мечами и незаметно послать их в обход по оврагу к перешейку. Еще через час этот отряд незаметно подкрался к краю яруга и приготовился к стрельбе. Русичей почти не видно было со стороны опушки леса. Свеям же они вовсе были не видны. Княжий отрок, взобравшийся на

ветви высокой сосны, с четырехсаженной высоты наблюдал, что происходит у перешейка с противоположной стороны яруга. Александр Ярославич прочел молитву Святому Духу и перекрестился. По слову князя отрок махнул несколько раз белой рубахой. Русские лучники быстро поднялись на кромку и, встав во весь рост, пустили в ворога поток стрел. Крики убитых и раненых были почти не слышны русичам у опушки. Видно было, что лучники успели еще раз пустить по стреле. Вражеская сторожа почти вся легла под этими стрелами, так и не успев оказать сопротивления или предупредить об опасности свою рать. Александр Ярославич велел трубить. Не успели пропеть рога, призывая русичей к бою, как вои, вонзая шпоры в конские бока, хлеща плетьми и разгоняя коней, вырвались из леса и понеслись к перешейку.

Тем временем пешие новгородцы и ладожане добежали до шнеков и стали сносить секирами головы и руки свейской сторожи у кораблей. Пешую емь с копьями смяли сразу. Тем, кто упорно сопротивлялся, подсекли ноги. Ни одна стрела не достала новгородцев. Когда же стали забираться по сходням, столкнулись со свейскими кормщиками и воями. С этими пришлось немного помучиться. А дальше пошли крушить секирами корабельную снасть и шпангоут.

Князь остановил коня у основания перешейка за оврагом. Там было повыше, чем в других местах, и можно был обозреть место развернувшейся сечи. Свеи не ожидали нападения и побежали. Александр видел, как Збыслав Якунович, увлекший за собой новгородцев, обошел надолбы и крушил свеев, пытавшихся организовать отпор, на ошеем плече русского войска. Сам Збыслав уже обломал копье и бился секирой. Княжеский полк обошел надолбы одесную. Здесь вперед вырвался Яковполочанин, легко игравший тяжелым мечом и ссекавший вражеские головы. Тем временем кто-то из молодшей дружины, успевший всесть на коня, верхи въехал в высокий шатер свейского князя и подсек его центральную опору. На глазах

сражавшихся шатер и стяг, поднятый над ним, обрушились вниз. Крики радости и задора, исторгнутые русскими воями перекрыли крики отчаяния и ненависти свеев и мурман.

Горислав и Путята дрались недалеко от Якова-полочанина. Горислав видел, как опытные свейские вои отчаянно пытались оказать сопротивление. Но успех и неожиданность были на стороне русичей. Правда, некоторые свеи успели заседлать коней и сесть в седло. Многие из них даже успели как-то вздеть доспехи. С этими русичам пришлось тяжелее. Видно было, что среди доспешных свеев находится и предводитель их войска. Первоначально и Судимир и Путята покололи копьями нескольких пеших ратников без доспехов. Но здесь, правее надолбов русичи столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Горислав схватился с рослым свеем в чешуйчатом доспехе и куполообразном шеломе с наносьем. Тот защищался треугольным щитом. Они ударили друг друга копьями, но удары пришлись в щиты. Со второго удара копья затрещали и надломились. Успев отбросить копье, бывший детский выхватил меч и скрестил его со свеем. Под Путятой тем временем закололи коня. Конь стал заваливаться, Путята не смог освободить стопы из стремян и спрыгнуть. Жеребец рухнул и придавил хозяину ошую ногу. Увидав краем глаза, что друг в беде, Горислав изо всех сил нанес тяжелый удар свею по голове и, видимо, ошеломил его. Оставив противника, он направил коня к Путяте, на которого уже напал пеший доспешный ратник с секирой. Путята, придавленный бьющимся в конвульсиях конем, неловко отбивался. Издав раздирающий душу крик, Горислав набросился на свея с секирой и отвлек его от лежавшего на земле Путяты. Свей дрался отчаянно, но после нескольких ударов меча в десное плечо бывший детский выбил из его рук оружие и ударом по шелому повалил наземь. Быстро оставив седло, Горислав помог другу вытащить ногу из-под павшего жеребца. И в этот момент свеи ответили дружным ударом. Несколько русичей

пали от их тяжелых копий. Во главе доспешных свейских воев был предводитель их рати. Спешенные Горислав и Путята укрывшись, круглыми щитами и отбиваясь один копьем, другой мечом стали подаваться назад.

Князь Александ видел, как Збыслав с новгородцами уже погнали свеев по склону холма к реке. Но одесную в рядах его полка произошло замешательство, и князь ринулся туда со своим ближним окружением. Через пять минут он уже был в гуще сечи. Каким-то внутренним чувством угадал, кто среди вражеских воинов предводитель их рати. Перед ним саженях в десяти был могучий верховой воин в кольчуге, поверх которой был надет чешуйчатый доспех без рукавов. Тяжелое копье и щит были в его руках. На мгновение князь остановился, казалось, оценивая противника. Именно тогда перед очами Александра Ярославича из дымки иного мира явился златокудрый воин с глазами, сиявшими мужеством и огнем. Заглянув в очи Александра он указал перстом на предводителя свеев. Более Александр не колебался. Зажав тяжелое копье между боком и предплечьем, он ударил коня шпорами и пустил его на того, кто был указан ему. Свей тоже заметил русского князя и направил коня ему навстречу. И минуты не прошло, как оба, издав громогласный боевой клич, ударили друг друга копьями на всем скаку. Щит Александра был расколот ударом сверху до основания. Однако многолетняя выучка помогла ошеломленному князю удержаться в седле. Свей же, выронив обломившееся копье и сраженный русским рожном в десное ланито, стал заваливаться на оший бок. Кровь залила ему доспехи. Верные слуги и вои успели окружить своего предводителя и уберечь от русских мечей и копий. Следом они пустили коней по спуску к реке, дабы укрыться со своим господином на корабле.

Новый боевой клич восторга и близкой победы прокатился по рядам русских воев. Русичи вновь перешли в соступ. С яростью бросились на врага Горислав и Путята. Но в этот момент

мало кто заметил, что Ратмир, защищавший князя с десной руки, потерял коня. Верные отроки окружили ошеломленного князя, но тот, быстро приходя в себя, выхватил меч и указал им на врага. Ратмир успел соскочить с падавшего коня, но потерял щит. Увидав, что князь указал острием меча на ворога, он ринулся вперед, но оказался один в гуще пеших вражеских воев, вооруженных секирами и копьями. Первого, что был с копьем и щитом, он обезоружил ударом меча, а другим ударом в незащищенный щитом бок свалил на землю. Второй пал от клинка меченоши с третьего удара в голову. Но далее Ратмир почувствовал, что ранен копьем в разрез кольчуги в ошее бедро. Он не увидел, кто просек его ноговицу, и нанес удар наотмашь. Но тут же получил тяжелый удар секиры в десный бок. Пешие вои врага обступили его и наносили удары со всех сторон. Ратмир, обхватив рукоять меча обеими дланями, истекая кровью, отбивался, как мог, вращал мечом над головой и обрушивал его на врагов. Посмотрев под ноги, чтобы не споткнуться, он увидел, что подол его белой поддоспешной рубахи стал заплывать алыми кровоподтеками. Последнее, что запомнилось или привиделось ему, это то, как он дерется с рыжим тиуновым сыновцом под холмом у Перынского скита. С верхов же холма золоченый крест над храмом сияет ему своим неугасимым светом закатного солнца.

Горислав и Путята видели, что князь Александр сразил вражеского предводителя ударом копья. Как и многие другие русичи они было ринулись вперед. Но тут Горислав остановил Путяту и указал ему, что недаяеко одесную их княжий меченоша дерется один против пятерых свеев и еми. Не раздумывая, друзья бросились на подмогу. Однако дорогу им перекрыли два пеших ратника с секирами. Пока русичи разделались с ними, Ратмир уже пал, истекая кровью. Свеи тем временем отхлынули и стали отходить вниз по спуску к реке. Русские конные вои преследовали отступавших, не давая им опомниться и сплотиться для отпора. Горислав подбежав к

Ратмиру, позвал его, но тот лишь глухо застонал. Он наклонил ухо к устам меченоши. Булькающее, тяжелое дыхание воина, подсказало Гориславу, что дело плохо. Оставив обессилевшего Путяту постеречь Ратмира, Горислав бросился искать коня, чтобы доскакать до князя Александра и сообщить ему о его меченоше и друге.

Уже наступал завершающий этап Невской битвы. Как раз тогда Гаврило Олексич увидел, как в окружении слуг и нескольких воев, с трудом поддерживаемый ими, поднимался по сходням на борт своего шнека предводитель свейской рати. Не сходя с коня, Гаврило ринулся верхи на сходни и свалил мечом одного из свейских воев. Тот с шумом упал в воду, подняв брызги и издав предсмертный вопль. Однако через несколько секунд свеи выставили копья и, ранив коня храброго русича, сбросили его вместе с конем в воду. К тому времени новгородские плотники и ладожане прорубили борта трем свейским кораблям и посекли снасти еще на двух. Все свейские вои и кормщики были перебиты там. Озверело отбиваясь от пеших русичей, свеи, мурмане и емь потоком валили с холма к своим шнекам, заполняли их, брались за весла и ставили паруса. Здесь у шнеков и у воды ожесточение и сопротивление свеев выросло. Пришельцы отчаянно отбивались, сталкивая русичей копьями и шестами с бортов кораблей, сбрасывая в воду или поспешно втаскивая сходни. Даже потоки стрел не помешали им отчалить от берега. Борта, мачты и весла кораблей усеяли сотни русских стрел. В ответ на русские стрелы со шнеков полетели свейские. Понеся потери, русичи укрылись щитами и немного отступили вверх по подъему холма. Преследовать ворога, уходившего к Варяжскому морю, без насадов и ушкуев, оставленных верстах в семи выше по реке, уже не было смысла.

А на верху холма рядом с шатрами, брошенными врагом, над умирающим Ратмиром, встав на колени, склонился князь Александр. Он снял с его головы островерхий шелом и под-

шеломник, отер дланью десницы струйку крови, бежавшую из его уст. Легко тряся голову друга, просил отозваться и беспрестанно целовал его мокрое и холодеющее чело. Неутешные слезы текли из глаз князя. Все не веря в то, что случилось, Александр звал, умолял Ратмира очнуться. Звал, словно стараясь пробудить его от крепкого, хмельного сна или забытья. Но тот лишь на одно мгновение открыл потухающие очи и, уходя, прошептал господину и другу:

— Прости мя…

Александр зарыдал, не стесняясь собравшихся и окруживших его воев. Он рыдал второй раз в жизни, как после смерти брата, потеряв любимого друга. Кричал от душевной боли, размазывая его кровь, смешанную со своими слезами по челу. Звал, потому что знал, вместе с Ратмиром порвалась та самая последняя ниточка, связывавшая его с первой любовью. Стонал, потому что чувствовал, вместе с Ратмиром невозвратно уходила его юность.

Глава XV

Безвременье

Июль заканчивался, и близился август. Неле не находила себе места и ловила себя на том, что с каждым днем все более и более беспокоится за Гориславa, хотя вначале, когда он уходил в поход, не хотела признаться себе в своих чувствах. Да, она провожала его и просила беречь себя, но все равно боялась привязаться к нему, а потом потерять, как это было с Иоганном. Несмотря на врожденный темперамент, жизнь учила ее не горячиться, не принимать поспешных решений и не торопиться делать выводы. Однако сердце ее страдало от нарастающего одиночества и тоски по этому, еще не совсем понятному ей, но уже такому близкому человеку. Она стала усердно молиться, и это временно помогало, но через вскоре тоска возвращалась вновь с прежней силой.

Как же было велико у нее чувство радости, когда в Новгород Великий пришло известие, что русские полки одержали победу над ворогом. Неле узнала, что потери русичей невелики, и это внушило ей надежду. Новгородцы ликовали и поздравляли друг друга, а вместе со всеми радовалась и она. Спустя несколько дней, после того, как пришло известие, Неле первый раз подошла к воротам городищенского града и попросила у сторожи разрешения подняться на верха вежи, чтобы посмотреть вдаль во все стороны. Вои с удивлением выслушали женщину, но без препятствий и с улыбками

пропустили ее. По ступеням, засиженным голубями, она поднялась на третий — самый верхний ярус и всмотрелась на дорогу, ведущую на север к Новгороду. Отсюда было хорошо видно, но окна бойниц, не давали ей увидеть всю перспективу. Неле осмотрелась и увидела, что под четырехскатную крышу вежи, почти по самому центру ведет еще одна узкая лестница. Она смело полезла по ней и через несколько секунд оказалась над деревянной кровлей вежи на смотровой вышке, огражденной перильцами и накрытой небольшим навесом. Здесь дул холодный ветер, у нее закружилась голова, но она не ушла вниз. Отсюда можно было обозреть всю округу. Городище лежало внизу перед ней. Почти как на ладони был виден Юрьев монастырь на противоположном берегу Волхова. Неле перекрестилась, вспомнив о Феодоре. Затем с душевным ликованием оглядела бескрайние просторы Ильмень-озера. Следом повернулась на север и всмотрелась на дорогу. Там не было никакого движения. Вдали по обоим берегам могучей реки раскинулся красивый, богатый и почти сказочный город. И она, осматривая его с расстояния почти в десять верст с высоты птичьего полета, еще раз поняла, зачем Бог привел ее сюда. Поняла и призналась сама себе в любви.

В ожиданиях прошла еще седмица. За эти дни Неле несколько раз поднималась на воротную вежу и смотрела вдаль на дорогу. Однако никакого движения там не было. Дни проходили за днями, одну бессонную ночь сменяла другая. Чтобы убить время, она с упоением занялась делами, и не могла не заметить, что тем временем в княжеских закромах закончилась мука. В тот день она была слишком занята, потому что ей надо было с утра проследить за погрузкой мешков с зерном и отправить их на мельницу, что стояла на речке Левошне почти в трех верстах от Городища. Пока привели лошадей, отобрали возы, да подмазали колеса, да запрягали, пока закончили с погрузкой, наступил полдень. На Городище готовились к обеду, и вдруг на звоннице у храма

Благовещения ударили в било. Народ всполошился. Неле в тот момент ходила между возов и считала мешки, что отправляли на мельницу. Со стороны ворот прискакал и птицей слетел с коня отрок. Он истошно, словно оповещая о пожаре, закричал, что по дороге от Новгорода идет княжеский полк. Сам же бросился в покои сообщить радостную весть княгине-матери и молодой княгине-жене. У Неле ходуном заходило сердце. Она ойкнула от неожиданности и дланью закрыла свои уста, боясь выдать себя. Но этого никто не заметил, потому что все люди княжеского двора, предвкушая шумное торжество, радостную встречу и пир, заорали благим матом и ринулись к воротам Городища, встречать князя и его удалых воев. Вся работа была тут же оставлена на месте, и никто — ни тиун, ни огнещане, ни дворский, ни Неле уже не могли, да и не хотели заставить людей работать в этот час. Этим Русь всегда удивляла княжескую ключницу. Ведь сколько ей приходилось видеть, никогда, ни один работник ни в Риге, ни в Оденпе, ни в Дерпте или каком-другом ливонском городе не имел права *оставить работу без разрешения хозяина или приказчика*. Слегка улыбнувшись и сопереживая то, что происходило в княжеском городке, молодая ключница отряхнула руки от пыли и неспеша пошла к городищенским воротам. Вскоре она увидела, как народ шумом и криками встретил молодого князя-победителя, кланялся ему, а князь отвечал тем же. Священник вышел из храма с клиром, хоругвями и иконами, чествуя князя, благославляя его и весь народ. Александр Ярославич коленопреклоненно целовал образ Знаменья Пресвятой Богородицы. Затем обнимал радостных княгинь — мать и жену, а уж потом двинулся с ними в свои покои. Князь улыбался всем, но Неле по его лицу заметила, что он сильно опечален чем-то. Подумав о том, в чем причина этой печали, она заметила, что рядом с Александром не было его верного Ратмира.

Когда и как Горислав проехал ворота, она увидеть не успела. Но когда весь княжеский двор и все пространство

близ него наполнилось доспешным и вооруженным людом, когда все — и дворовые и вои, женщины и мужчины, дети и старики перемешались, обнимая и целуя друг друга, плача от радости, крича, уже крестясь и поднося к устам чарку, вот тут Неле увидела его. Он стоял и улыбался, поглаживая храпы двух коней, что держал под узду, оживленно разговаривал со своим другом-земляком из Козельска и, казалось, искал кого-то глазами, а его друг, уже приняв ковш медовухи, обнимал какую-то малознакомую новгородскую молодку из ближней слободы и смеялся. Неле, стоя у воза, внимательно и долго смотрела на него. И, наконец, он заметил ее, глаза его загорелись, он вспыхнул ликом и низко поклонился ей. Она отвечала.

На дворе готовился пир. Неле и дворскому с большим трудом удалось заставить княжеских людей вывести возы со двора и отправить нескольких молодых работников на мельницу. Но они знали, что, как только зерно будет отвезено туда, возчики тут же возвратятся, оставив все без присмотра. И потому Неле стала сама собираться в путь, что бы присмотреть за всем, пока зерно не смолотят в муку. Она понимала, что ей придется, наверное, заночевать там и хотела взять с собой девушку-прислужницу. Но тут в общей сумятице к ней почти незаметно подошел Горислав, и вновь поклонившись, спросил, где они могут встретиться. Еле удержавшись от того, чтобы не броситься к нему на шею, не расцеловать его и не разрыдаться, она, побледнев, отвечала, что всю ночь будет ждать его на мельнице, у речки Левошни.

Августовская ночь покрыла землю. Гудела и гуляла вся округа. По множеству огней в окнах, костров, зажженных молодью близ княжеского Городища, на околицах слобод по приглушенным крикам и песням, доносившимся издалека, было видно и слышно, что народ пьет и ликует. Еще когда было светло, возницы по настоянию подоспевшей вслед

ключницы выпрягли лошадей, и все как один, не спросясь, оставили мельницу, пешком отправившись гулять на княжеский двор. Старый мельник ускакал на своем мерине вслед за ними, «аки за помочью», и тоже пропал. Смеркалось. Молодой сын мельника, засыпав ток зерном до верха, долго и беспокойно ходил кругами, словно поджидая отца. Затем негромко выматерившись, отвязал от коновязи одну из лошадей княжеского обоза и как был, без седла ускакал «сыскати отьца». Мельница и мельничный двор обезлюдели. Только фыркали лошади у коновязи, перетирая зубами сено, где-то побрехивала собака, на курятнике кудахтали куры, да воды речки с журчанием крутили, поскрипывавшее колесо мельницы. Близилась полночь. Неле становилось страшно одной. Но тут послышался стук копыт. Женщина вышла на крылечко дома и увидела, как верховой сошел с коня, звеня доспехом. На поясе его был длинный воинский меч. Она поняла, что приехал ее желанный. С криком радости бросилась к нему и прыгнула на руки кошкой. Он подхватил ее под бедра, слегка уколов усами, расцеловал устами пахнущими медом, ибо уже успел испить крепкого с содругами. Закрутил, сдавив всю в своих объятиях, так, что чуть не остановилось дыхание, понес в опустевший полутемный дом…

Яркие звезды высеребрили и наполнили жизнью небосвод. Луна пролила свой волшебный свет на озера, реки, поля и луга Русской земли. И наступила теплая, чудная августовская ночь, наполненная радостью встречи после томительных ожиданий. Мельники так и не возвратились. Через час он и она поднялись со сдвинутых лавок, и, обнявшись, пошли на мельницу. Он, увидев, что дело стало, вновь засыпал жерлину тока до верха. Затем лопатой, наполнил четыре пустых мешка мукой и поставил их у стены. Отряхнув длани рук от муки, опять обнял ее. Целуя, повалил на мешки с зерном, задрал летник и рубаху на бедрах. Они вновь отдались друг другу. Так прошла та теплая и такая желанная для них обоих ночь.

А утром, с рассветом, Горислав, заседлав коня, велел Неле запереться в доме и поспать, а сам ускакал, обещая, что не менее, чем через час мельники и возничие будут здесь живыми или мертвыми. И действительно. не прошло и часу, как Неле, пробудившись на мгновение, услыхала пьяные голоса старого мельника и работников, принявшихся за дело, и вновь уснула крепким сном.

* * *

Образ уходящего Ратмира не оставлял думы его друга и господина князя Александра. Князь все корил себя и просил у покойного друга прощенья за то, что не заметил, в каком положении оказался тот в невской сече, когда был окружен со всех сторон свеями и дрался насмерть, прощаясь с жизнью. Правда, и сам князь был оглушен тогда в схватке с предводителем свеев, и все мысли его были только о том, как сокрушить врага. Но все же он чувствовал себя виноватым перед Ратмиром и упрекал себя за то, что когда-то, после бегства Елены в Медвежью Голову, был холоден к нему. Покойного Ратмира привезли, отпели и положили рядом с храмом Спаса на Нередице.

Родных у покойного в Новгороде было немного, но княжеского меченошу хоронила почти вся дружина. Русичей, погибших в стремительной и отчаянной невской сече, было немного — двадцать пять воев, из которых семеро были ладожане. Из вятших новгородцев же пали: Константин Луготинич, Юрята Пищинич, Наместа, Дручила Нездылович сын кожевника. Князь Александр велел Збыславу Якуновичу составить точный список павших с их христианскими именами, затем самолично вписал туда имя раба Божиего Михаила-Ратмира. Сам отвез владыке Спиридонию и передал для записи список этих имен в синодик на вечное поминовение в церквах и монастырях Новгородской земли. С той поры на протяжении веков стала звучать в новгородских храмах поминальная молитва:

— Покой, Господи, избиеныхъ на Неве от немець при великомъ князе Александре Ярославиче: и княжихъ воеводъ, и новгородскихъ воеводъ, и всехъ избиеныхъ братии нашей...

Что же касается поверженного ворога, то здесь князь Александр поступил благородно и справедливо. После сечи отвел полки от берега и, укрепившись на высоком мысу, позволил свеям собрать всех своих покойников. Свеи, емь и мурмане на лодках свозили убиенных к трем своим шнекам, на которых Меша с новгородскими плотниками посек все снасти и мачты. Как подсчитали русичи, вороги тогда погрузили на корабли поболее чем триста погибших воев и вятших мужей. Всех же остальных, видимо трупия побитой еми, «бесщисла» закопали у берега и на склоне холма, лишь обозначив места захоронений деревянными крестами. Как сообщила потом морская сторожа Пелгуя, латиняне довели три свои шнека с покойниками до моря, и там, где начались глубины, просекли борта кораблей и потопили их. Остальные свейские шнеки ушли на запад в море, и более их не видели.

Очередная напасть отступила. Казалось, можно было теперь всецело заняться семейной жизнью, хоть на какое-то время забыться, отдохнуть и отвлечься от дел. Но уже тревожные известия слали с псковского рубежа, где опять стали творить воропы* на порубежные новгородские земли люди Твердилы Иванковича и немцы с чудью. Псковичи, страдавшие от Твердилы и немцев, бежали в Новгородскую землю. Князь обратился к владыке, вятшим мужам и новгородскому вече, чтобы собраться и решать дело. Но новгородские мужи пока оставили Александра Ярославича без ответа. Между тем пришла осень и принесла с собой продолжение великой трагедии, разворачивавшейся уже в южных землях Руси.

* * *

Пятого сентября 6748 года от Сотворения мира (1240 года от Р. Х.) шестидесятитысячная рать под рукой самого Батыя подошла к Киеву, перешла Днепр и обступила его со всех

сторон. Ростислав Смоленский уже месяца два как оставил киевский великий стол и бежал от полков князя Даниила Романовича Галицкого. Но и Даниил бросил древнюю столицу накануне прихода татарских ратей и уехал в Галичину. Оборона города была поручена им воеводе Дмитру.

Под рукой Батыя были опытные темники и воеводы, уже прославившиеся победоносными сражениями с хинами, хорезмийцами, грузинами, булгарами, русскими, половцами и другими народами Евразии. Братья Бату — Хорду и Байдар, его сродники — Бури, Кадаган, Бучек, Менгу и Гуюк все были здесь. Но самым дорогим и надежным соратником оставался для Бату неотлучный от него Субутдай-багатур. Правой же рукой и глазами Субутдая был Бурундай-батыр, выполнявший самые ответственные его поручения. Рать царя Батыя значительно пополнилась за счет полутора десятка тысяч всадников, пришедших из Великой Степи ему в помощь. Его ордой были покорены и дали ему воинов многие народы: башкиры, булгары, мордва, буртасы, ясы, касоги, отдельные кочевья кыпчаков. Словом, он имел под своей рукой давно не виданную в Европе силу. Колесный скрип телег и возов, говор и крики разноязыкой орды завоевателей, ржание коней, рев множества верблюдов в войске Батыя заглушали голоса киевлян в городе. Это гул и рев гремел и разливался по окрестным горам и над широким Днепром.

Киевляне видели со стен, как загорелся княжеский двор на Берестове, затем задымился и вспыхнул Кловский монастырь. Следом дым и пожар объяли селение на Кирилловских горах. Тысячные отряды комонных татар разъезжали по долине рек Крещатика и Клова. Татары поили коней, разбивали свои круглые степные шатры, сгоняли на строительные работы русских полонянников. Целую неделю они грабили окрестности и свозили строительный лес к столице. Пространство от Золотых ворот до ворот Лядских укрепили тыном на расстоянии полета стрелы от стены города. К середине сентября уже тридцать

пороков было установлено здесь и подготовлено к обстрелу Киева. Десятки тысяч больших и малых камней были свезены и сложены в огромные кучи. На сотнях костров в котлах, курясь зловонием, варилась и готовилась зажигательная смесь, которую разливали в круглые глиняные горшки. Ранним, осенним утром на исходе сентября десятки камней со свистом и треском обрушились на стены столицы, а тысячи стрел, пущенных татарскими лучниками, «омрачиша свет» над Киевом.

* * *

Известия об осаде Киева и боях за древнюю столицу с татарами, долетавшие до Новгорода, вызвали у Гориславa новые чувства отчаяния, горечи и желание писать. С тревогой подумал он тогда о Соломее. Вспомнил и увидел, как стояли они на верху стены у заборол города князя Изяслава, что построен на кручах над Днепром. Оба смотрели на юго-восток за реку, и он что-то рассказывал ей из своих воспоминаний о походе за Словутич. Представил, как она и сейчас смотрит с верха стены куда-то вдаль, думая о нем, ожидая помощи и причитая. От этого у него заныло на сердце. Вновь достал Горислав свои записи, уединился в оружной палате и стал писать: «Ярославна рано плачетъ в Путивле на забрале, аркучи: «О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши! Чему мычеши татарьскыя стрелкы на свою нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горе под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылю развея?»

Написав, перечел и задумался над словами «мычеши татарьскыя стрелкы» (мчишь татарских лучников). Текст уже подсох и он, соскоблив слово «татарьскыя», написал вместо него «хиновьскыя» (китайские).

Воспоминание о Соломее и ее рассказах натолкнуло Гориславa на мысль о том, что одна из ее повестей о сказителе Бояне может стать хорошим и красивым началом его записей. Взяв новый лист пергамена, он продолжил писать: «Не лепо

ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню! Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию по древу, серымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ под облакы...»

Вспоминая прошлое и поход за Днепр, с восторгом стал писать он о том, как русичи шли в Поле навстречу врагу, порой не понимая, как погибельно и далеко оторвались от родной земли: «Игорь к Дону вои ведетъ. Уже бо беды его пасетъ птиць по дубию; волци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клекотомъ на кости зверя зовутъ; лисици брешуть на черленыя щиты. О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!»

Вспомнилось, как накануне сечи на Калке нахмурилось небо, и подул сильный степной ветер с юго-востока. «Се ветри, Стрибожи внуци, веютъ с Дону стрелами на храбрыя полкы Игореви. Земля тутнетъ, рекы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ — половци идуть от Дона и от моря...» — записал Горислав. Затем подумал над словами «веютъ с Дону», представил себе, что Каяла ведь несравненно дальше от Сурожского моря, чем Калка. Дальше, пожалуй, верст на четыреста. Тогда соскреб с листа слова: «с Дону», и написал: «веютъ с моря».

Далее писалось легко. Но писал он не один день. Обдумывал каждое слово, каждое выражение. Поздней осенью служба отнимала не много времени у воев княжеского двора. Часто, когда Горислав возвращался из сторожи или с дозора, то встречался с Неле. Если же она была занята, то, несмотря на усталость, брал с собой листы пергамена, перья, чернила и уходил в оружную палату. Через две-три седмицы писать стало его потребностью так же, как есть, или пить. Затем наступила пора, когда он уже не мог не писать более. Новый день приносил новые воспоминания, рождение новой мысли, новую легкость пера.

* * *

Великой тревогой и тяжелыми мыслями были полны душа и голова новгородского князя. Уже не первый месяц, как не было покоя Александру Ярославичу от известий, что приходили с псковского и ливонского рубежа. Никакие уговоры владыки Спиридония уже не удерживали псковского посадника Твердилу и его сторонников от грабежей и насилий на рубежных новгородских землях. Ливонские немцы и чудь также не раз переходили Нарову и грабили новгородские веси и русский люд — смердов и купцов. Князь неоднократно обращался к новгородским мужам, пытался созвать вече, чтобы как-то решить дело. Но все его устремления оставались без ответа. Александр отписал батюшке Ярославу Всеволодовичу во Владимир. Тот ответил не сразу, ибо грамотьца пришла на Городище только в ноябре. Ответ великого князя был категоричен и суров. Терпеть насилие латинян — немцев и чуди, псковичей и других русских переветников, мириться с вседозволенностью новгородцев для великого князя Ярослава Всеволодовича было бесчестьем. В письме он напоминал сыну, как двенадцать лет назад он оставил их малолетних — его и Феодора с дядькой во враждебном ему Новгороде. Тогда дела были еще хуже. Сам же с семьей уехал в Переславль-Залесский. Однако Господь, проведя народ через муки и страдания, выправил все, и Правда Божия устояла. Великий голод и смута посетили тогда Новгородскую землю. Десятки тысяч жизней положены были на алтарь, но князья владимиро-суздальской земли все одно приняли новгородский стол. Он же — Александр теперь первый из них. Господь днесь даровал ему победу над римлянами. И сейчас, когда сомневаться нельзя, он — новгородский князь, уже народом прозванный Невским, усомнился в своей правоте. Великий князь-батюшка требовал «не медлити». Ежели новугородцы не пойдут на ливонских немцев и псковичей, то князю Александру уходить всем двором в Переславль. «Тою же зимою отъеха князь Александръ

из Новагорода к отцю в Переяславль с материю и с женою и со всемъ дворомъ своимъ, расорившися с новогородци», — записал летописец Юрьева монастыря.

На Городище под Новгородом Великим князь оставил лишь тех, кто доброй волей согласился и мог оборонить княжий город, сохранить княжеское добро. Таковых оказалось восемьдесят человек. Во главе их князь поставил опытного воя Гориславa-козлянина, назначив его детским. Многие новгородцы и женки из княжьего двора согласились по-прежнему служить на Городище. Здесь оставлены были большие запасы ржи, пшеницы, муки, сала, крупы, сена. Рядом пасся табун лошадей в пятьсот голов, ходило большое коровье стадо, сотни овец и свиней, гуляли стаи гусей и уток. Опытный тиун и огнищане следили за княжеским хозяйством: мельницами, ригами, амбарами, клетями. Счет всей прибыли и растратам княжеского добра вела зоркая и дотошная ключница.

* * *

Стрелы затмили свет над Киевом. Сначала в стены города било около тридцати пороков. Но в октябре число их увеличилось до пятидесяти. Первое время татары громили град лишь днем. Чтобы сбить русских воев со стен, пускали сотни стрел и зажигательные снаряды. Однако киевляне дружно и мужественно оборонялись. Вели с татарами бой из луков, тушили многочисленные пожары, что загорались то на стенах у заборол, то на кровле Лядских ворот, то на кровлях ближайших городских построек или во дворах, куда падали огненные смерчи, перелетавшие через стену града Ярослава. С каждым днем напряжение нарастало все сильнее. На место сраженных или раненых мужчин вставали юноши, старики и даже женщины. И все реже летели со стен стрелы русичей. Люди изнемогали от усталости, жажды и ранений. Воды не хватало, так как колодцы были вычерпаны до жидкой грязи на дне.

В ноябре реки обмелели и стали покрываться льдом. Тогда татары установили пороки со стороны Оболони и реки Почай-

ны и начали бить град Подола. Это отвлекло силы защитников от Лядских ворот и ослабило там сопротивление. Тогда же в ноябре татары стали громить стены Киева и днем и ночью. Прислуга камнеметов менялась в течение суток два раза. Но защитникам Киева смены не было. Вот тогда многие киевляне поняли, что наступают последние дни обороны столицы. Плач, вой и стоны стояли над древним городом. Ни помощи, ни спасения ждать было неоткуда. Воевода-тысяцкий Дмитр поддерживал защитников как мог. Днями и ночами появлялся он то на стенах града, то в храмах среди молящихся, то разъезжал по улицам, озаряемым заревом пожаров, и собирал людей для борьбы с огнем или для очередного отпора врагу. Так наступил декабрь. К началу декабря врагу удалось выжечь почти четверть городских построек. Все, что ранее стояло близ стен, было уничтожено пожарами. Людям не было где укрыться от холода и стрел. За два с половиной месяца осады пороками была разрушена большая часть стены от Лядских до Золотых ворот. Прясла полностью обвалились здесь в восьми местах. Было видно, что татары готовят общий приступ города.

Шестого декабря, на Николин день, плотные ряды монголо-татарских воинов тысячами двинулись к разбитым стенам Киева. Потоки стрел не давали защитникам собраться у проломов для отпора. Однако, когда татары сотворили примет и ворвались в проломы, то здесь они встретили дружное сопротивление киевлян. С уцелевших верхов стены на них обрушились камни и бревна. Первые ряды татар, выдавленные в проломах напором тысяч ратных, двигавшихся позади, просто напоролись на сотни русских рогатин и копий и, поколотые, повисли на них. Копья с треском ломались и русичи, укрываясь щитами, приняли сабельный смерч следующих рядов. «И ту беаше ломъ копеиныи и щитъ скыпание»,— писал летописец об этих событиях. Ряды защитников неумолимо таяли, а напор наступавших все нарастал. Там у разбитых стен был ранен воевода Дмитр, и оборона града Ярослава рухнула.

Киевляне стали откатываться в глубь города. Кто-то прокричал, что татары разбили стену и ворвались на Подол. Однако утомленные приступом и не рискнувшие сразу броситься разорять и громить многолюдную и вооруженную столицу, татары остановились на линии стен и стали подтягивать подкрепления. Близился вечер. Еще какое-то время летели стрелы с обеих сторон, но ночь временно остановила сечу.

За ночь вооруженный народ собрался в городе Владимира у Софийских и Михайловских ворот. Решили оказать сопротивление татарам сначала здесь. Но для полной обороны этой древней части Киева сил все же не хватало. Потому вокруг храма Богородицы Десятинной стали класть новую стену. Для этого разбирали и рушили городские постройки. За ночь в сполохах горевшего города вокруг храма был построен новый небольшой бревенчатый городок. Часть киевлян с Подола укрылась на Замковой горе — в древнем Боричеве.

Утром тысячи татар вошли внутрь города и ринулись на приступ Софийских и Михайловских ворот. Под градом стрел и камней таранами вышибли воротные створы. Киевляне отхлынули к церкви Богородицы Десятинной. И здесь начался последний акт киевской трагедии. Враги подтащили тараны и начали крушить церковные стены. Те медленно подавались. Сотни последних защитников столицы поднялись на верха, на закомары храма и били врага копьями, стрелами и камнями. Среди них было множество женщин, выбравших смерть, но не пожелавших быть поруганными врагом и уведенными в полон. Здесь в числе последних защитников столицы с копьем в руках дралась и Соломея Ярославна. Дралась с остервенением, отталкивая лестницы врага от стен храма, колола копьем татар, уже было забравшихся наверх. Рядом с ней падали вниз русичи, сраженные стрелами. Вот татарская стрела вошла и ей чуть ниже левой груди. Падая навзничь от удара, Соломея закрыла глаза, крича от жгучей боли. Понимая, что это конец, корчась в конвульсиях и захлебываясь

кровью, она шептала покаянную молитву. И в тот момент, когда сознание оставило ее, страшный грохот, крики и вопли взорвали аэру и эхом раскатились над Киевом. Верха храма Богородицы Десятинной не выдержали всей людской тяжести и рухнули вниз, погребая под собой последних защитников древней столицы. Следом за верхами повалились церковные стены, рассыпаясь и громя татар, приступавших ко храму. Казалось, что теперь и недвижимые ранее камни сражались с врагом и мстили ему.

Еще какое-то время держался древний Боричев. Но к вечеру все очаги сопротивления в городе были подавлены. Прекрасный город, строившаяся веками столица Древней Руси была превращена завоевателями в руины и пепелище. Тысячи киевлян погибли, другие изранены, добиты или пленены. Но храбрый защитник и воевода Дмитр, изнемогший от ран и взятый татарами в полон, был пощажен Батыем.

Когда все эти известия докатились до Новгорода Великого, то Гориславъ, смахну горькую слезу, с болью осмысливая произошедшее, сидя при свечах за столом, дописывал последние строки своей повести: «Солнце светится на небесе — Игорь князь в Руской земли. Девици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева. Игорь едетъ по Боричеву к Святей Богородици Пирогощей...»

* * *

Тем временем огромная монголо-татарская рать уже оставила испепеленный Киев и двинулась на запад. До Батыя дошли известия, что князь Даниил Галицкий бежал к уграм за помощью, оставив свою землю. По велению царя его войска разделились на две части и двинулись на Владимир-Волынский и Галич. Рать, возглавляемая Батыем, подошла к хорошо укрепленному городу Колодяжню, окружила его и установила пороки. Затем начался обстрел. Однако стены града поставлены были на высоком холме, и оказалось, что

камнеметы и стрелы здесь бессильны. Тогда Батый повел переговоры с горожанами, обещая им свою милость, если откроют ворота. Те поверили и впустили татар. В тот же день в течение нескольких часов большая часть населения города была перебита, остальные полонены. Следом ордынская рать почти без боя овладела городами Кобрином и Каменцом.

Однако рати татар, ушедшие южнее, встретили сильное сопротивление в Луцком княжестве и в Галицкой земле. Там на высотах Прикарпатья стояли города Данилов и Кременец. Как и под Колодяжнем, здесь бессильны были татарские пороки, стрелы и тараны. Поняв, что эти грады не взять, татары откатились и ушли на Галич. Война все далее уходила из сердца Руси к ее западным рубежам.

* * *

Беда пришла, однако, не только на юго-запад Руси. На ее северо-западе разворачивалась очередная трагедия. Ливонцы открыто выступили против Новгорода Великого. Войско, собранное из немцев и эстов, вошло в землю народа вожан, что жили по берегам Финского залива между реками Наровой и Невой. Они перебили немногочисленное пешее ополчение, принялись громить водские селения, где силой, а где и уговорами обращая в латинство уже крещенную в православие водь. Вожан обложили данью. Всех сопротивлявшихся секли плетьми, увечили или вешали. В двенадцати верстах от морского побережья на месте захваченного новгородского погоста крестоносцы заложили град-замок Копорье. Вожан согнали на его строительство. Рубленые стены замка вознесены были на вершину высокой известняковой скалы в долине реки Копорки. Со всех сторон скала та окружена природными оврагами. Особенно крут и обрывист ее юго-западный склон. Верхняя площадка скалы, на которой начали класть стены, возвышалась более чем на двадцать пять саженей (более 50 метров) над уровнем дна яруга. Только узкий перешеек соединял скалу с напольной стороной. Здесь был вырыт ров

и поставлена мощная воротная система. Водская земля была полностью покорена ливонцами.

Тогда же поздней осенью был изгоном взят и новгородский городок Тесов. Оттуда немецкие вои и эсты двинулись южнее, громя новгородские поселения по реке Луге и до Сабли. Русские купцы и промысловый люд, избиваемые немцами, бежали в Новгород. Конные разъезды немецких воев появлялись уже в тридцати верстах от города. Сюда на берега Волхова западным ветром уже доносило гарь и дымы сожженных русских селений. В сам Новгород вскоре возвратились и наехали «погостить» многие русские из Оденпе. Новгородцы стали вдруг встречать и узнавать на торгу, в храмах и на улицах своих старых знакомцев и соседей, кто оставил Новгород десять-двенадцать лет назад, убежав от князя Ярослава Всеволодовича вместе с посадником Внездом Водовиком. Те везде чувствовали себя уверенно, вели разговоры с новгородским людом о порядках в Оденпе и во Пскове, подбивали новгородцев не принимать к себе суздальских князей, а принять оденпского князя Ярослава Владимировича. Кто-то соглашался с ними, кто-то спорил до хрипоты, а то и вступал в драку. Образовались враждебные партии, что стали сходиться на кулаках на Великом мосту, на торгу и у Святой Софии. Многие уже готовились взять в руки мечи и секиры. В Новгороде Великом опять вспыхнули которы, наступило время давно забытых распрей и смут. Так заканчивался 6748 год от Сотворения мира.

* * *

А у самых западных рубежей Руси полыхала война с монголо-татарскими ратями. Уже был взят копьем* Владимир — столица Волыни, а население его перебито или полонено. Следом Батый пришел к Галичу и овладел им. В боях за город погибло до двенадцати тысяч русичей. Но все же большая часть населения Галицкой и Волынской земель укрылась в труднопроходимых лесах и в предгорьях Карпат. Никакой помощи от князя Даниила Романовича галицкие

русичи так и не получили. Подогреваемый советами пленного киевского воеводы Дмитра о том, что в землях угров собираются большие, сильные рати и о том, что татары надолго задержались на Руси, давая своим врагам собраться и объединиться, Батый решил начать поход в страны Европы, подвластные римскому престолу.

Монголо-татары вторглись в земли Центральной Европы на пространстве от Восточных Карпат и Буковины до среднего течения Западного Буга. Монгольское войско разделилось на четыре больших рати. Первая — под рукой Субутдая-багатура и Кадана ушла на юг от Галича и, разорив земли Понизья, вторглась в Венгрию через Яблоницкий перевал. Вторая во главе с самим Батыем, прошла двумя потоками через Верховинский хребет по Торунскому и Среднему Верецкому перевалам (через Нижние Ворота) и вышла на простор в долину реки Тисы. Третья, огибая Карпаты, ушла на Волынь и, взяв град Люблин, вторглась в Польшу. Четвертая рать во главе с Хорду — родным братом Батыя, прошла долиной Буга к Висле и стала громить польскую Мазовию. Тевтонские рыцари и воины из Хельмно, Торуни и Мариенбурга двинулись на помощь польскому князю Конраду Мазовецкому. Все это обеспокоило ливонских немцев. Копыта степных коней уже гулко стучали по дорогам и полям латинских королевств — Венгрии и Польши. В апреле 6749 года (1241 г. от Р. Х.) Батый и Субутдай разгромили венгерско-хорватское войско при Шайо и у Буда-Пешта. В сражениях с монголо-татарами погиб венгерский король Бела. Татарские рати подступили к Эстергому — столице Венгрии. В Малой Польше монголы нанесли сокрушительное поражение польским ратям под Сандомиром и Хмельником, а оттуда вышли к Кракову и Калишу. Тевтонский орден, Чешское королевство, маркграфство Моравия, герцогства Австрия и Штирия, земли Каринтии, Зальцбурга и Фриуля, да вся Священная Римская империя германской нации были в полной панике и растерянности.

Глава XVI

Врата, ведущие в каменный храм

Мальчик рос безотцовщиной. Рос так, как растет полынь за двором смерда на околице сельца. С младенческих лет не чувствовал он на своей голове теплой и большой отцовской длани, готовой оборонить его от несправедливых придирок старших. Дядья, когда обращались к нему, то называли его каким-то обидным прозвищем Нечай. Родной дед, часто с укором глядя на его шалости, брался за кнут и, качая седой головой, укоряя внука, с горечью говорил:

— Э-эх! Вот ужо задам ти, выблядок!

И действительно, ему часто попадало от деда. Мальчишка не понимал, почему мужчины, да и ребята постарше, так жестоко относятся к нему, называя его какими-то непонятными ему прозвищами и надсмехаясь над ним. Но со слов матери он хорошо запомнил свое христианское имя и старался не откликаться на обидные слова. Он прощал в душе всем им, кто с детских лет обижал его. Он научился прощать так, как их учил мних в монастрыской школе, что была устроена при ближайшей к сельцу обители у святого Никиты. Он уже знал, что умеют прощать ближних своих истинно только христиане. Мних-наставник учил их грамоте, и мальчик умел, в отличие от многих своих сверстников и даже старших товарищей, читать и начинал писать. В школу отдала его мать. Он был умен, и, читая книги в школе, многое стал понимать в жизни, хотя скоро ему должно было исполниться лишь десять лет.

Несмотря на оскорбления и непонятную ему злость старших, он рос веселым и шаловливым мальчишкой, не переставая чувствовать радость и прелесть жизни, постоянно открывая для себя что-то новое в ней. Хватало ему и ласки, которую, правда, дарили ему только бабушка и мать. Мальчик, оставаясь наедине с матерью, несколько раз подходил к ней с вопросом об отце. Но та первое время отнекивалась, и лишь однажды, сказала ему, что его отец уже давно умер. Когда же он подрастет, она многое расскажет ему о нем. Одно еще после этого спросил ребенок у матери: хороший ли был его отец. Мать, кивнув головой, и утирая слезы, навернувшиеся ей на глаза, отвечала, что отец его был совсем не такой, каковы все окружавшие их мужи, кмети и смерды. Понимая, что своими вопросами он расстраивает самого родного и любимого ему человека, мальчик более не спрашивал у матери ничего, хотя очень захотел узнать, где могила его батюшки. Понимая, что он еще мал и что жизнь его еще впереди, он отложил это дело до будущих времен и продолжал учиться и шалить.

Жили они бедно, он часто недоедал. Бывало так, что дядья или их жены попрекали его куском хлеба. Он донашивал старые, дырявые и великие ему дедовы порты и драную рубаху, но не отчаивался, ибо матушка обещала пошить ему этим летом новые порты и рубаху. В этих старых портах, что приходилось все время подтягивать и подвязывать, ему неудобно было бегать. А бегать он любил, как любит это делать большинство шаловливых мальчишек. Вот вчерась они, он и его двоюродный брат, убежали под гору к Плещееву озеру и начали гонять там соседских гусей. Вот было удовольствие видеть, как шипели гусаки, вытягивая свои длинные шеи и нападая на них. А они с братом, то убегали от гусаков, то гнали стаю, и стая, гогоча, теряя перья, разбегалась у берега и мелководья, звонко хлопая крыльями, поднималась в воздух и, кружа над озерной гладью воды, поднималась все выше вверх. Правда, зоркие старческие глаза деда заметили их с береговой

кручи. Ребята слишком увлеклись, поднимая другие соседские стаи в воздух, когда дед неожиданно подкрался с длинным пастушеским кнутом и так звонко, с оттягом, хлестанул за спинами ребят, что они перепугались и дали ходу во все ноги вдоль по берегу озера. Дед не мог бегать быстро, но вдогон добавил им длинным кнутом так, что достал по задницам и босым пяткам. Только вечером в темноте вернулись они домой. Бабушка дала им крынку с квасом и хлеба и уложила почивать во дворе на сеновале, укрыв попоной.

Утром они проснулись и начали вновь шалить, роясь в сене, разбрасывая его и сталкивая друг друга с копны вниз на землю. Вот тут их уже застал кнут дядьки — братнина отца. Дядька стащил обоих мальчишек вниз и перепоясал несколько раз по спине так, что обожгло. Затем ухватил своего сына за шиворот и поволок в избу, сыновцу же дал пинка под зад и обругал матерно. Мальчик со всех ног бросился со двора, не умывшись и ничего не поев. Глотая слезы от обиды и боли, побежал вниз под гору к озеру. Там разнагишался, разбежался и прыгнул в воду. Вода была прохладной и отсудила его обиду. Он вылез на берег, дрожа от холода, понял, что уже не хочет топиться, а хочет есть, и решил сбегать к матери на княжеское Клещино Городище. Матушка служила там. Он повернулся на северо-запад, увидел, что ворота княжеского града открыты. Быстро оделся, подвязал порты, и побежал туда по дороге, что шла вдоль берега, а затем поднималась в гору к воротам.

Знакомые гриди, что стояли с копьями у ворот, пропустили мальчишку на княжий двор. Он быстро нашел мать. Та, увидав его, поцеловала и обняла, пожалела и покормила, чем Бог послал. Затем перекрестила и отправила домой. Когда он выбежал из поварни, то увидел, что двор полон народу. То все были княжеские гриди и отроки с оружием и многие доспешные. Они выводили коней из конюшни и заседлывали их. Мальчик понял, что князь собирается ехать куда-то,

и решил еще раз поглядеть на него. Уж очень нравился ему этот высокий, сильный и красивый человек в дорогих одеждах. Он тайком видел его уже несколько раз. У князя было благородное и властное лицо, смелые голубые глаза и русые волосы с усами и бородой. Князь казался ему строгим, но добрым. Мальчишка подошел ближе к воротам, затаился за бревенчатым выступом и стал ждать.

В то субботнее утро князь Александр намеревался ехать в Переславль и отстоять обедню в Спасо-Преображенском соборе. Настроение у него было с утра хорошее, но немного тревожное. Известия и мысли о Новгороде Великом и о тамошних делах не давали покоя. Князь спустился с женой по ступеням с высокого крыльца, усадил ее в возок и отправил в сопровождении десяти уже севших в седло гридей вперед себя. Затем сам легко сел в седло на подведенного ему жеребца и тронул его со двора. Возок уже проехал ворота. Князь, пришпоривая и разгоняя коня, ехал следом. Вдруг уже у самых ворот конь остановился, поднялся на задние ноги и развернулся, делая круг. Что-то словно испугало его. Александр остановил жеребца, погладил его по холке, шее и храпу, пытаясь успокоить. Затем вновь тронул шпорами, но конь не пошел. Князь внимательно стал осматриваться вокруг, пытаясь понять, в чем же дело. Отроки и гриди также остановили коней. Все, казалось, было как всегда. Александр еще раз осмотрелся…

Тут взгляд его упал на паренька, стоявшего близ ворот, и, видать, прятавшегося от его взгляда. Что-то далекое, родное до боли, как безвозвратно ушедшее детство, ударило князя в самое сердце. Александр напряг свои зоркие глаза, пристально глядя на мальчишку, и остолбенел. Перед ним стоял его родной старший брат, такой, каким он навсегда запомнил его в детские годы, в годы самых своих первых впечатлений и воспоминаний. Князь тряхнул головой, пытаясь отогнать

наваждение, перекрестился дрогнувшей рукой. Но мальчишка не пропадал, а стоял в жалких лохмотьях у ворот града и смотрел на Александра родными и испуганными глазами. Князь медленно тронул коня в его сторону. Жеребец благодарно кивнул головой и послушно ступил вперед по велению князя. Александр, осторожно приблизившись к испугавшемуся ребенку, спросил у него, чей он и откуда. Мальчик хоть и был напуган, но уверенно отвечал, что он из соседнего сельца, и что матушка его здесь на Городище у князя во дворе послугой. Затем последовал новый вопрос, как же зовут его.

— Феодоре, — прозвучало и, словно, колокольным звоном отозвалось в голове Александра. Перед духовным зрением князя явился незримый никем воин, сияющий вечным, неземным светом очей, улыбнулся, легко усмехнулся и кивнул ему златокудрой главой.

Начиная понимать, что произошло, угадывая шестым чувством, кто перед ним, князь еще раз тряхнул головой, словно отгоняя сон. Оставил седло, подошел к мальчику, положил свои длани ему на плечи, заглянул в глаза и дрогнувшим голосом спросил, хочет ли он поехать с ним верхи в Переславль, чтобы помолиться в храме Господу. Маленький, воскресший Феодор кивнул головой и, сияя глазами, спросил, на какого коня велит сесть ему князь. Александр указал на своего жеребца, и тот мигом влетел в княжеское седло, ибо с детских лет даже и без седла уже умел скакать верхи. Александр улыбнулся, вспомнив старшего брата Федю. На глаза князя навернулись крутые слезы горя и радости от встречи с таким дорогим, но теперь воскресшим, хотя и давно забытым прошлым. Подойдя к коню, он пересадил Федю на загривок, вспорхнул в седло, ровно было ему самому восемь лет, и тронул коня, уезжая в Переславль, чтобы помолиться в храме Преображения Господня.

Всю дорогу до Переславля они разговаривали. Князь расспрашивал Федю о том, как жилось ему. Тот охотно отвечал,

рассказал, как досталось ему от деда и от дядьки. Рассказал он и о том, что знает грамоте и уже умеет писать немного. После чего князь погладил его по голове и спросил, пойдет ли он к нему служить «во отроки». При этих словах сердце у Феди подпрыгнуло вверх от счастья. Он залился румянцем и тут же согласился. Они договорились, что жить он будет теперь на княжеском дворе, что князь даст ему коня и сряду, что он будет учиться ратному делу и письму. По приезду в Переславль князь велел переодеть мальчика, а его лохмотья сжечь. Потом отвел его к какому-то старому боярину, кого звали Феодор Данилович. Князь что-то тихо рассказал ему, указывая на мальчика. И боярин потом долго всматривался в лицо Феди, крестился старой трясущейся рукой, гладил Федю по голове и со слезами в голосе говорил, что будет учить его ратному делу. Князь же Александр подарил после этого Феде спокойного и смирного коня.

После того, как вся княжеская семья отстояла литургию в соборе, князь упросил матушку поехать с ним в Клещин городок. Уже там по приезду он привел к ней своего нового «отрока» и что-то тихо стал рассказывать, чего Федя не услышал. Княгиня Феодосья была тяжела уж в который раз. Послушав сына, она почему-то заохала и стала утирать платком глаза, которые наполнились слезами. Потом попросила Федю привести к ней его мать. Мальчик побежал за ней. Нежданa очень удивилась, увидев сына, одетого в добротный кафтанчик и хорошие порты, заправленные в сапожки. Федя быстро рассказал ей, что князь Александр взял его на службу к себе «во отроци» и передал, что старшая княгиня ждет ее у себя в палатах. Нежданa ойкнула, закрывая уста ладошкой, побелела ликом, но, через несколько минут, придя в себя, взяла Федю за руку и пошла с ним к Феодосье. Та уже ждала их. Когда Федя и Нежданa вошли, княгиня погладила мальчика по голове и попросила пойти погулять во дворе, но далеко не уходить, дождаться матери. Федя послушно вышел и сидел около

часа на ступеньках высокого гульбища. Федина мама вышла от княгини совершенно заплаканная, с раскрасневшимся лицом, но счастливыми глазами и, поцеловав сына, сказала, что отныне они уже больше никогда не возвратятся в их сельцо к деду, а будут жить на княжеском дворе в Переславле под присмотром княгини Феодосьи. Более ничего примечательного в тот день не произошло. А то, что произошло с маленьким Федей и его матерью, почти никто в большом многолюдном княжеском дворе и не заметил.

* * *

Еще одним летним днем того же 6749 года (1241 г. от Р. Х.) большое новгородское посольство, возглавляемое самим владыкой Спиридоном, принимал у себя в Детинце великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович. Новгородские мужи были одеты в самые дорогие и лучшие сряды. Волосы на головах у посылов были подрезаны и уложены, бороды и усы расчесаны. Сами стояли улыбались князю и его людям на все стороны, хотя видно было, что чувствуют себя виноватыми и печет их великая забота. Не улыбался лишь владыка. Он был строг и серьезен.

Сам Великий князь Ярослав восседал на резном княжеском столе в окружении ближних бояр и дружины в заново отстроенном княжеском тереме. Он заметно постарел за эти годы. Голубые глаза его потускнели, голова полысела, греческий нос чуть-чуть заострился, усы повисли подковой ниже краев уст. Видно было, что нелегко далась ему великокняжеская власть, унаследованная от старшего брата в тяжелейшую для Северной Руси годину.

С князем говорил владыка. Он благодарил Ярослава Всеволодовича за то, что тот услышал глас Великого Новгорода и не оставляет новгородцев в беде, посылая к ним сына своего князя Андрея. Однако новгородцы, зная милость Великого князя Владимирского, хотели бы по старине видеть у себя князем Александра Ярославича. Тот водил новгородцев в сечи,

строил грады, обороняя Новгород, прославил себя и землю свою победой на Неве. Судил же новгородцев по справедливости и по Божьим заповедям, никого не обижал зря. Теперь же волость Новгородскую разоряют не только немцы и чудь, но с юга напала литва. По Луге и по всей Лужской сотне чудь и немцы угнали всех коней и скот в Ливонскую землю. Весной нельзя было пахать из-за грабежа и войны, да и не на чем.

Ярослав Всеволодович внимательно слушал владыку, и после того, как он закончил, тихо заговорил с Борисом Творимиричем, стоявшим одесную его. Тот что-то неслышно отвечал. Тем временем, обращаясь ко князю, заговорил Гаврила Олексич:

— Яко же не правы нувогородцы, сотворив крамолу велию и размолвише с сыномъ твоимъ, с княземъ Александромъ, и в томъ бы, княже, ти, еси нелюбие Великому Новгороду отдалъ во славу Божию, а сына своего князя Александра опять далъ княжити.

Ярослав Всеволодович еще раз тихо заговорил с Борисом Творимиричем. Затем, немного помедлив, согласно кивнул головой и молвил, что быть по сему. После этих слов заулыбались не только новгородцы, но и весь княжий двор. Улыбнулся и владыка Спиридон, читая благодарственную молитву.

* * *

В конце лета трехтысячное войско князя Александра Ярославича подошло к Новгороду Великому, а затем расположилось на Городище и близ него. Кроме небольшого переславского полка, здесь собраны были отряды русичей из Дмитрова, Вышгорода, Звенигорода, Ламского Волока, Микулина, Твери, Ростова Великого, Углича, то есть из всех северо-западных городов Владимиро-Суздальской земли, что не были сожжены или сильно разорены татарами, и население которых успело укрыться два года тому назад в лесах Северной Руси. Князь Александр хорошо был осведомлен о том, что в Новгороде зрела смута. Люди с Городища донесли князю обо

всем. Призвав к себе своих новгородских сторонников числом до пятисот воев и поставив во главе их посадника Степана Твердиславича, воевод: Збыслава Якуновича, Гаврилу Олексича, Судимира со Славны и Косту Вячеславича, он вверил им до трехсот воев своего полка во главе с детскими — Гориславом и Яковом-полочанином. Получив благословение от владыки, князь велел им войти в Новгород, выявить и схватить всех переветников из Медвежьей Головы, Пскова и их сподвижников. Веление князя было исполнено в течение дня. Княжеские люди с Городища и его сторонники-новгородцы хорошо знали, кого надо ять и вязать.

Многие русские оденпцы и псковичи — люди Твердилы уже бежали из Новгорода, как только узнали о приближении низовских полков. Почти никакого сопротивления сторонникам князя Александра и его людям оказано не было. Произошло лишь несколько незначительных вооруженных стычек. Более двухсот человек явных переветников были приведены на Городище и предстали пред очами князя Александра. Затем последовал княжеский суд в присутствии владыки Спиридона. Владыка просил князя о милосердии, и более половины переветников были прощены с условием выплаты виры* в княжескую казну. Тех же, что оказали сопротивление или упорствовали, князь осудил на виселицу. В один из августовских дней, когда новгородцы собирались в поход на Копорье, близ ворот окольного города Торговой стороны осужденные были преданы смерти. Несмотря на всю жестокость и беспощадность этих мер, все новгородцы молчали и приняли княжеский суд со смирением. Через день князь разрешил снять повешенных. Лишь сродники оплакивали, а затем хоронили казненных. Новгородские летописцы умолчали об этом событии. Но слух об этой казни дошел до Залесской Руси. И один из авторов Никоновской летописи спустя некоторое время записал, что князь Александр, возвратясь в Новгород «многих крамольников перевешал».

* * *

Уже через два дня после казни был собран новгородский полк. Послали за подмогой в Ладогу, к кореле, к ижорянам. На третий день с утра русские полки выступили к реке Луге. До Луги шли два с половиной дня. Затем перешли реку, и двинулись ее ошиим берегом. Все окрестные сельца и погосты были сожжены или разорены чудью и немцами. Когда прошли по Луге еще верст около семидесяти, то стали подходить отряды ижоры. Затем войска вновь перешли реку и на ее десном берегу соединились с большим отрядом корелы. Редко встречались в этих местах небольшие водские селения, почти обезлюдевшие. Все вожане попрятались по лесам. Русичей вообще не было видно. Далее продвигались скрытно окольными и лесными дорогами. Лишь верстах в двадцати трех от Копорья подошел отряд конных и пеших ладожан. Решено было остановиться в лесу до темноты, а к городу двинуться ночью и брать его изгоном или копьем на рассвете.

В лесу отыскали пятерых молодых вожан, что строили Копорье, а потом сбежали от немцев. Те рассказали князю и его воеводам, как устроен замок, и обещали провести к нему потаенной дорогой. По словам води, в замке было около пятидесяти комонных и ста пеших немецких воев. Там же стояло до трехсот эстов лучников и копейщиков. Костров велено было не разжигать. Готовили длинные лестницы, бревна для перемета через ров, крючья с длинными канатами и другой осадный наряд. Темнело и становилось прохладно. В эту вечернюю мглу русские полки в полной тишине двинулись к Копорью по лесной дороге.

К замку подошли еще до рассвета. Пешие новгородцы, ижоряне и корелы числом до двух тысяч воев спустились в овраг с северной стороны от града. Здесь подъем к крепости был не столь крут. Еще около двух тысяч новгородцев, ладожан и княжеских воев из низовской земли скрытно подъехали и

остановились в кустах саженях в двухстах от ворот. Первыми с осадными лестницами и крюками бросились к замку новгородцы, корела и ижора. Сторожа града явно проспала самый важный момент, ибо нападавших уже нельзя было накрыть стрелами. Сполох был поднят лишь тогда, когда новгородцы и их союзники, преодолели подъем и начали поднимать и устанавливать лестницы у основания стены. Но сотни русских стрел были пущены и обрушились на верхний боевой ход града. Десятки крюков с канатами впились в заборола. А по канатам полезли вверх отчаянные, ловкие и молодые новгородцы и ижоряне. Еще через несколько минут на заборола упали и намертво впились в них крюками десятки лестниц, по которым осаждавшие стремительно полезли вверх. Боевые ходы стены быстро заполнялись проснувшимися и схватившимися за оружие эстами. Те пытались оттолкнуть тяжелые лестницы. Но по ним поднимались уже десятки воинов, и это оказалось не под силу защитникам. Кто-то пытался бросать камни и сталкивать бревна вниз, но все это вершилось недружно и в полном замешательстве. Осаждавшие почти не понесли у подошвы стены никакого урона. Немцы зазвонили в сполошный колокол, и в замке усилились шум и суматоха. Еще через минуту несколько десятков русичей и ижорян уже вскарабкались по канатам на верхний боевой ход и начали схватку. Следом через заборола с лестниц полезли новгородцы и корела. В северо-восточной части замка на стенах завязалась кровавая сеча. Осаждавшие все лезли и лезли на стены, и эсты стали подаваться на юго-запад и юго-восток. Их секли, кололи и сбрасывали со стены вниз.

Рассвело. В замке поднялся общий сполох, ибо с юго-востока в ворота ударил русский таран. Немцы ответили градом стрел, но русичи укрылись сотнями щитов и легких заборол, сшитых из тонкого кругляка. Широкий перемет из тяжелых лестниц и бревен был уже настелен надо рвом. Около полутораста новгородцев и ладожан, дружно раскачивая таран, высе-

ченный из цельного векового дуба и подвешенный на ремнях к огромным козлам, били в створы ворот. Немецкие стрелы разили и ранили русичей, но павших сменяли их товарищи. С пятнадцатого удара массивные створы ворот подались. А с семнадцатого десная створа сорвалась с петель и с грохотом обрушилась внутрь града. Русские вои хлынули в пролом.

Когда Горислав и Путята вместе со всем княжеским полком ворвались в город верхи с копьями наперевес, там, на стенах и на площади, еще кипела яростная сеча. Чудь уже бросала оружие, но немцы упорно дрались. Ближе к рубленой стене замка, укрывшись большим щитом и отмахиваясь длинным мечом, дрался рослый пеший немец в кольчуге и кольчужном капюшоне. Он не прятался и не бежал и уже, видимо, свалил мечом двоих русичей или ижорян. К нему присоединился еще один пеший воин с секирой, но пал на одно колено от русской стрелы, ударившей его в бедро. Козляне переглянулись и направили коней к тому, что упорно отбивался у стены. Они одновременно ударили его копьями в оший и одесный бок и повалили наземь. Но тут камень, пущенный откуда-то с верха стены, тяжело приложил Путяту по шелому и оглушил его. Горислав заметил, что друг припал к шее коня и медленно вываливается из седла. Еще один камень со свистом пропел в пяди от лика детского и грузно шмякнулся в сырую землю. Почти машинально детский развернул коня и одновременно вытянул лук из налучья. Еще через секунду он уже оттягивал тетиву, держа перстами оперенный конец стрелы. Его глаз четко определил на стене молодого и высокого чудина, метавшего камни в русичей с высоты. С предельным напряжением, выбрав всю силу лука, Горислав, шипя сквозь зубы матерное ругательство, отпустил конец стрелы. Секунда, и эст прянул, согнулся пополам, качнулся вперед, оступился и полетел головой вниз со стены. Горислав выругался еще раз и сплюнул. Через несколько секунд он уже стаскивал с седла раненого друга и укладывал его на чей-то брошенный потник.

Схватка за город завершалась. Тех, кто еще сопротивлялся на стенах, добивали стрелами и кололи копьями. С тех, кто сдался, срывали доспехи и сряду. Оружие врага скидывали в кучу. Град Копорье был взят. В приступе русичи и их союзники потеряли более полутораста убитых, девяносто шесть воев было ранено. Немцев взяли в полон человек семьдесят, чуди человек двести. Остальные были посечены насмерть. Предстояло решить, что делать с пленными. К вечеру вокруг Копорья собралась большая толпа вожан, что сбежались на шум сражения и звон сполошного колокола со всех окрестных весей и лесов. Они просили князя Александра и его воевод отдать им пленников. Князь понимал, что вожане хотят мстить захватчикам за своих ближних, убитых или искалеченных. В ответ он велел привести к нему переветников, поклонившихся немцам и латинскому кресту и вместе с чудью грабивших своих же соплеменников. Старейшины вожан обещали князю исполнить его волю.

Через три дня над немцами и чудью был устроен суд. Старейшины от лица своего народа требовали смерти всем полонянникам и переветникам. Особую ненависть, как поняли русичи, у води вызывали пленники из чуди. Тогда князь приказал строить виселицы на дне яруга. К полудню вожане поставили их десятка три с длинными перекладинами между столбов, врытых в землю.

Здесь на дне яруга у Копорского града и по опушкам окрестного леса на ветвях старых сосен вожане и русичи предали смерти через повешенье около двухсот пятидесяти пленников и переветников. Велено было не снимать казненных до зимы. Немцев же князь велел пощадить. Простых кнехтов из молоди и бедноты отпустили восвояси. Рыцарей и знатных воинов числом до двадцати человек князь приказал увести в Новгород. Их предстояло обменять в Ливонии на пленных русичей.

* * *

Наступила хмурая, холодная осень. Прошли дожди. Раскисли дороги. Опала листва. Затем ударили ноябрьские морозы и сковали землю. Горислав и Путята в составе малой дружины вместе со своим князем Александром скакали из Новгорода Великого в стольный Владимир, что на Клязьме. Путники миновали Торжок, и близка была уже Тверь. Друзья с интересом осматривали окрестности, так как никогда не видели Тверской земли. Еще тринадцать лет назад, когда черниговский князь Михаил пришел в Торжок, чтобы оборонить Новгородскую землю от низовских полков князя Ярослава Всеволодовича, они бывали в стороже у рубежей Владимиро-Суздальского княжества, но ближе к Твери не подходили. Они с трудом узнали Торжок, что выжгли и разорили татары два с половиной года назад, но город теперь быстро строился новгородцами. Видно было, что большинство сел и погостов вдоль дороги на Тверь также отстроено заново. Смерды со своими семьями, мужи и гражане уже второй год, как пришли на родные пепелища из северных лесов и новгородской волости, стали отстраиваться, пахать землю, разводить скот, налаживать ремесло и торговлю. Лихая година Батыева нахождения безвозвратно уходила в прошлое. Там же, куда не возвратились люди, лишь стояли высохшие от мороза заросли бурьяна, чертополоха и репейника.

Путята вспоминал родной Козельск и, тоскуя по родному краю, пытался представить, как там сейчас живут люди, что построили, и кто вообще остался жив. Горислав же думал о Новгороде. Перед отъездом в Низовскую Русь он побывал у тестя дома и повидался с детьми, расцеловав их и одарив подарками. Он видел слезы страдания и раскаяния на глазах Антонины, но понимал, что повернуть уже не может ничего. Она вышла во двор проводить его, стояла рядом, дрожа, пытаясь прильнуть к нему всем телом, держала перстами ошеей длани узду коня. Он же положил ей на длань десницы небольшую калиту серебра, ласково поцеловал ее в десное

ланито, вскочил в седло и ускакал. Воспоминание об этом сильно томило его сердце.

Но еще тяжелее для него была память о последней встрече с Неле. Они расстались в сильной ссоре. Та немилосердно корила его за то, что он невнимателен к ней, озабочен лишь своими делами и своей службой. Чувствовалось, что она ревновала его, когда он уезжал проведать детей. Говорила, что ей порой совсем одиноко, а его нет рядом. Упрекала, что он часто проводит свободное время с воями княжеской дружины, пьет хмельное, не зная меры, ругается и сквернословит. Ей бывало стыдно за него. А ведь он получил от князя место детского и мог бы вести себя более достойно. Осмысливая сказанное ею, он понимал, что она права, знал, что она верна ему, как не была верна ни одна женщина. Однако, осознавая все это, он видел, что не может переломить ход своей жизни, во всяком случае, сейчас.

Падали и кружились в стылом воздухе редкие снежинки. Опустелые, тихие леса и поля лежали вдоль дороги. Тусклое солнце высвечивало на сером небосводе. Вдали под его слабыми лучами заиграло серебро большой реки, и путники увидели Волгу. На высотах ее противоположного берега высились стены и постройки града Твери.

* * *

Еще через две недели, уже темным декабрьским вечером князь Александр сидел с батюшкой в теремных палатах в окружении ближнего круга бояр. Ярко горели свечи и лампады. От печных дымоходов шло благоуханное тепло. Пили красное, густое, крепкое фряжское вино. Говорил Борис Творимирич. Александр понимал, что многое излагается боярином уже не в первый раз и специально для него. Творимирич с легкой улыбкой на устах рассказывал, что в Святой Земле крестоносцы-латиняне понесли ряд поражений от египтян и по настоянию «бедных рыцарей-храмовников»* (тамплиеров) вступили в союз с сильным мусульманским князем Исмаилом Дамасским.

Тот обещал им уступить часть земель в Палестине. Но египетский кесарь Ассали Эйюб разгромил латинян и дамасского князя при Аскалоне. Теперь между латинянами — рыцарями-храмовниками и рыцарями-иоаннитами идет котора, винят друг друга в поражении и делят шкуру неубитого медведя. А король Наваррский и князь Бургундский собираются плыть домой из Святой Земли. Папа же зовет и тех и других помочь цареградским франкам и фрягам. Тут лицо боярина посуровело, и он заговорил с осторожностью.

Уже прошед не один год, как кесарь латинский Бодуэн бежал из Цареграда к франкскому королю Людвику Святому. Никейские греки и болгары долго держали Цареград в осаде. Король послал в помощь латинянам отряд рыцарей, что прошли через болгарскую землю, а болгары не воспрепятствовали им. Да, сей год плохи стали дела в Болгарии. Прошедшая ранее чума унесла много жизней. Латиняне же заключили союз с половцами, бежавшими от татар, и всячески вредили никейским грекам. Правда, которы, бывшие ранее между никейцами и болгарами, забылись. Беда в том, что умер болгарский царь Иоанн Асень II. Его малолетний сын и наследник Коломан Асень подтвердил мир с никейским базилевсом Иоанном. Но при дворе Коломана кипели смуты. Теперь Болгарии угрожали и татары. Благо никейский базилевс использовал которы, что царили среди эпирских греков, и повел переговоры с эпирским князем Феодором Ангелом. Похоже, что никейские греки снаряжают корабли для похода на Солунь. Есть известие, что никейский базилевс Иоанн Ватац ведет переговоры и с царем Батыем, благо татарские рати уже стоят на берегах Дуная. Что касается татар, то Батый уже разгромил и угров и ляхов. Теперь же против него собираются кесарские немцы и чехи. Творимирич замолчал, посмотрел на Ярослав Всеволодовича и слегка склонил голову. Наступила общая тишина.

Князь Александр слушал предельно внимательно и напряженно. Он не все сразу понял из того, о чем рассказывал

боярин, но последнее было уже хорошо известно и понятно ему. Он посмотрел на отца. Великий князь-батюшка тоже смотрел на сына. Затем отец заговорил. Спросил у Творимирича, какие подарки могли бы понравиться татарскому царю. Боярин отвечал, что царь очень ценит мех песца, добрые мечи и доспехи. Как бы невзначай Ярослав Всеволодович спросил, известно ли, где стоит станом царь Батый. Борис Творимирич отвечал, что верно где-то у Эстергома на Дунае. Но есть известия с Поля, что очень плох великий хан Угедей, того гляди помрет. Случись такое, Батый повернет рати назад. Потому надо торопиться. Ярослав Всеволодович поднял длань вверх и этим жестом закрыл уста боярину. Тот склонил голову и замолчал.

Слова отца пронзали, как гвозди, били, как кузнечный молот. Великий князь промолвил, что пришла пора брать Псков и громить ливонских немцев. Не время мешкать и ждать, что решат новгородцы. Господь дарует Руси возможность выбора. Если промедлить, татары возвратятся в Поле. Сейчас царев брат Хорду уже разгромил ляхов и стоит у рубежей Тевтонского ордена. И перед тем, как начать войну с Орденом за Псков, его сыну — новгородскому князю Александру следует немедля ехать к царю, просить его помощи и благословения. Теперь у Орды и Северной Руси один враг — немцы и латиняне.

* * *

В конце декабря большой санный караван в сопровождении комонной дружины вышел из Владимира-на-Клязьме и отправился в сторону Москвы. Сани были крыты, и видно было, что в них сидели люди и наложено много добра. Все верховые были «о дву конь». За каждой санной повозкой в поводу шло по две свободных лошади. Снег уже лег прочно, но был еще неглубок. Кони шли быстро, легко несли сани и потому путники были в Москве уже к середине третьего дня пути. Москва быстро отстраивалась после татарского нахождения. Врата бревенчатого Кремника уже были выложены

заново, и внутри его стен поднимались постройки новых клетей, теремов, и храмов. На посаде также строились споро. Обновлены были все окрестные монастыри. Торг близ стен града кипел мастеровым и ремесленным людом, торговцами, предлагавшими разный товар, смердами из окрестных сел, охотниками, бортниками, рыболовами из мещеры и мерян, женками, покупавшими снедь, паволоки и дерюги. Удивительно было путникам, откуда стекалось в Москву столько народа. Последний год во Владимире на торгу было немногим более. Растущая среди лесов, рек и холмов Москва радовала глаз и сердце своей неувядающей молодостью, непосредственностью и деловитостью москвичей.

Далее караван с сопровождением двинулся на юго-запад к реке Протве. За Протвой пошли к низовьям Угры. А оттуда вышли на Оку. По Оке дошли до Жиздры и двинулись «Жиздринским путем». В начале января ближе к вечеру караван остановился у Козельска. Видно было, что город понемногу отстраивался. Рвы, валы и стены Крома были уже восстановлены. В самом Кроме стояло десятка четыре недавно построенных домов. Но посада еще не было. Горислав и Путята уже на подъезде к городу расспрашивали встречавшихся по дороге земляков о том, кто возвратился на родное пепелище, и узнали, что родные Горислава и Путяты уже года три как пришли из дальних лесов и живут в городе. Вои подъехали к воротам града и просили пропустить караван и дружину для ночлега. Горислава и Путяту признали и пропустили. Посольство разместилось в домах побогаче. Детский и его друг не узнавали своего родного града, но быстро нашли своих родных. Вот радости было, когда старушка мать со слезами обняла чудом выжившего сына, которого считала погибшим. Правда, не стало отца, тот не пережил потерю двоих сыновей, и многих родственников. Ведь не знал, что младший сын жив. Плакали и целовались со всей родней. Сели за стол, выпили и помянули всех погибших за эти страшные годы. Затем

пришел подвыпивший Путята, расцеловал всех на радостях, заплакал и рассказал, что его батюшка тоже верно погиб. Да и о старшем брате Гориславе ничего не было известно. Ибо когда народ стал возвращаться на родные пепелища, от покойников на месте последней схватки с татарами остались одни костяки. Матушка и родные рассказывали, как тяжело жилось последние годы, как трудно восстанавливалось хозяйство. Затем вои еще выпили и стали укладываться спать. С зарею нужно было трогаться в путь.

Через два дня князь Александр и его люди были уже в Дебрянске. Оттуда двинулись вниз по замерзшему руслу Десны и добрались до Чернигова. Уже южнее Дебрянска путники увидели, как страшно разорены и как обезлюдели земли Черниговщины. Вместо городов и сел они встречали лишь обгорелые развалины, пустоши и заросли сухого бурьяна. Люди навсегда покинули эти места. Там, где раньше был красавец-Чернигов, высились лишь остовы обгорелых построек. Одиноко стояли с почернелыми, закопченными стенами опустевшие храмы, редко пробегали одичавшие собаки или кошки. Князь Александр был молчалив и насторожен. Он с любопытством оглядывал эти места, так как никогда не был здесь. Однако общее разорение окрест лежащей земли омрачало его душу.

Еще через два дня путники достигли того места, что раньше называлось Киевом. От города остались лишь порушенные, обгорелые стены, несколько десятков домов, разбросанных на большом расстоянии друг от друга, и несколько храмов. Все остальное было в руинах. Костяки тысяч покойников и павших лошадей лежали неубранными под снегом. С большим трудом можно было догадаться, что здесь еще немногим более года назад была древняя столица Руси. Дружина и бояре заметили, что Александр Ярославич стал замкнут, молчалив и потому сами старались не говорить много, не болтать лишнего. Да и увиденное не давало повода к веселым разговорам.

А князь ехал, взирал на разоренную Русскую землю и мыслил. Вспоминались ему слова Евангелия от Марка: «И аще царство на ся разделится, не может стати царство то...» («Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то...») Теперь перед глазами князя наяву совершались слова Евангелия, и вся земля, населенная христианскими народами, была этим царством, разделившимся в себе. Чем дальше убегал их санный караван от родной Северной Руси, тем чудовищнее и невероятнее казалась ему мысль о том, что можно договориться с татарами и о чем-то просить царя Батыя. И тогда он спрашивал себя, ради чего он и окружавшие его люди идут на это испытание и возможные муки. И тогда перед его глазами появлялись виселицы с повешенными переветниками-новгородцами, чудинами и вожанами. А может быть, правы те, кто хочет объединиться с немцами, датчанами, свеями, мурманами, уграми, ляхами и прочими западными народами против татар. Ведь единый христианский мир возможно и сумеет противостоять татарам. Тогда почему уже тридцать пять лет против латинян так упорно воюют никейские, эпирские греки и болгары. Творимирич говорил, что богомилы-боснийцы дерутся насмерть против латинян-угров. Почему ижоряне, корела и вожане пришли на помощь новгородцам, когда он бил свеев на Неве, когда брал Копорье.

Тут вспомнил слова Творимирича о том, что и среди татар очень много христиан, но несторианского учения. А чем несториане хуже латинян? Несториане — суть азиаты — кочевники, скотоводы, охотники и воины. Их быт, язык и образ мыслей очень далеки от того, чем живут потомки Иафета. У великого монгольского хана, что правит в Каракоруме под рукой много племен и народов. Одни верят в Спасителя, другие поклоняются Будде, третьи почитают Магомета. Сами монголы чтут Небо и Землю. Но они не насилуют душу человека, а лишь заставляют уважать свою власть и силу.

Латиняне же иафетиты, но лишь на словах хотят обращения восточных христиан в латинство. Им бы урвать кусок. Для них только люди римского вероисповедания являются богоизбранным народом, все остальные — еретики и враги. Но и среди них нет единомыслия и братской любви, ибо во главу угла поставлена личная выгода. Сторонники верховной власти римского папы — гиббелины, режутся с гвельфами — теми, кто поддерживает верховную власть римского кесаря. Все же вместе присели перед Господом и мнят себя Господами. Все — с низу до верху. Даже смерды и холопы хвастают тем, что они внебрачные потомки господ и князей. Но даже не это главное.

Князь вспомнил, что когда еще он был совсем юн, его батюшка писал в Переславль, как крестил корелу. Александр слышал и рассказы о том. Отец пришел в корельскую землю, построил несколько храмов, поставил там священников и проповедников, привез книги и иконы. Никого насильно к Кресту не приводили. Крестились многие из корелы, но не все. Остались и язычники, не сменившие веру дедов и отцов. Никто их не тронул. А ранее ведь среди чуди и летьголы были православные, но немцы силой меча всех обратили в латинство. Было и так, что в самом Новгороде Великом както сожгли волхвов. Но сожгли потому, что смущали народ и подбивали его против Церкви. Князь вспомнил охоту в лесах за Плещеевым озером и языческую требу мерян. Задумался и в синем просверке озарения вдруг понял, для того, чтобы люди приняли Христа, нужны десятилетия и столетия проповедничества, подвижничества и самопожертвования. Крестить людей под угрозой смерти, с мечом в руке, укрывшись щитами, шеломами и доспехами, дело, не угодное Богу. Творец наделил человека правом выбора и свободной волей. Насильственное установление истины есть нарушение самой истины и воли Божьей о человеке. Да и удержать разве силой меча в латинстве всех их: русичей, корелу, ижорян, весь, ме-

рян, мурому, мещеру, булгар, мордву? Нет, все передерутся. Даже если Пскову и Новгороду против татар окажут помощь латиняне, дружбы и любви между русскими и латинянами все равно не будет.

Татары, конечно, навесили тяжелое ярмо на выю русичей, и все подданные им народы. Но православные сохраняют свою веру и свою душу, сохраняют и дают жить другим так, как они того желают. Ведь сколько булгар-магометан бежало на Русь от татарского нахождения. Пришли, сели и стали жить рядом. И никто не погнал их далее с Русской земли. Сколь народов в грядущем также придет сюда и всех укроет и примет православная Русь...

* * *

Мало кто из новгородцев, переславцев, суздальцев, владимирцев и других северных русичей когда либо видел горы. Смотрели и дивились они высотам Карпат, за вершины которых цеплялись облака. Зимние леса, убранные инеем и пушистым снегом, спокойно и привольно спали на склонах гор. Разоренные земли Южной Руси остались позади. Здесь же было мирно и тихо, не верилось, что неподалеку полыхает пожар войны. Борис Творимирич с усмешкой посматривал на тех, кто удивлялся и восхищался сказочными горными красотами. Говорил, что у греков горы выше в два, а то и в три раза. Люди смотрели на огромные скальные утесы, поднятые Творцом на сотни саженей над бездной пропастей, по дну которых бежали и ревели потоки ледяных рек, восклицали, слушая многократное и раскатистое горное эхо, улыбались, пожимали плечами, крутили головами, с трудом веря старому боярину. Здесь в горах снега было много. Пройдя же Торуньским перевалом, через три дня посольство вышло в Закарпатье, оставило сани и пересело на крытые возы. Перед русичами были берега реки Тисы. Южнее лежала Паннонская равнина — последний кусок Великой Степи. Но путь посольства пролегал далее на Запад — к берегам Дуная. Снега здесь почти не было.

Страшное тогда творилось на берегах Тисы, Дуная и озера Балатон. Вся угорская земля была выжжена и разорена. Той же участи подверглись Хорватия, Польша, Силезия. Основные военные силы этих земель уже были разгромлены завоевателями или отступили к западным границам. Их предводители теперь ожидали помощи со стороны императора и знати Священной Римской империи. Большинство городов и замков было взято и разграблено. Лишь отдельные твердыни, что стояли в высоких горах, среди густых лесов и болот не были взяты татарами. Завоеватели подошли к восточным владениям чешских королей — Моравии. Их отряды неслись по дорогам и полям Центральной Европы, уже почти не встречая сопротивления. Один из таких отрядов встретил русское посольство на полпути между Тисой и Дунаем. Около пятисот верховых воинов окружили русичей. Достав луки, татары готовы были в любой миг накрыть их стрелами. Борис Творимирич вовремя выехал с толмачами вперед и разъяснил одному из татарских сотников, кто они и куда направляются. Затем подарил сотнику богатую соболью шубу. Тот принял «бакшиш»*, приставил к посольству конных воинов для сопровождения, и русичи продолжили свой путь.

С ужасом взирали посылы на то, что творилось вокруг. Даже Горислав и Путята, видавшие татар и знавшие, как те могут вести войну, удивлялись столь невероятной их жестокости. Ожесточенное сопротивление латинян и огромные потери в ратях заставили монголо-татар предпринять карательные меры и вести тактику «выжженной земли». С тех далеких времен до наших дней дошли свидетельства очевидцев этих событий. Одно из них принадлежит архидиакону Фоме Сплитскому, ставшему очевидцем завоевания монголами Венгрии и Хорватии в 1242—1243 годах от Р. Х.: «...Татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели,

что те (венгры) уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех... Если кто и смог выбраться из этого омута, не имел никакой надежды избежать смерти от меча, потому что вся земля, как от саранчи, кишела вражескими полчищами, которым было чуждо всякое чувство милосердия, чтобы пощадить поверженных, пожалеть пленных, отпустить изнемогших, но которые, как дикие звери, жаждали человеческой крови. Тогда все дороги, все тропинки были завалены трупами...

Более того, татарские женщины, вооруженные на мужской манер, как мужчины, отважно бросались в бой, причем с особой жестокостью они издевались над пленными женщинами. Если они замечали женщин с более привлекательными лицами, которые хоть в какой-то мере могли вызвать у них чувство ревности, они немедленно умерщвляли их ударом меча, если же они видели пригодных к рабскому труду, то отрезали им носы и с обезображенными лицами отдавали исполнять обязанности рабынь. Даже пленных детей они подзывали к себе и устраивали такую забаву: сначала они заставляли их усесться в ряд, а затем, подозвав своих детей, давали каждому по увесистой дубинке и приказывали бить ими по головам несчастных малышей, а сами сидели и безжалостно наблюдали, громко смеясь и хваля того, кто был более меток и кто одним ударом мог разбить череп и убить ребенка», — писал архидиакон.

В хронике известного западноевропейского автора середины XIII века Матвея Парижского также сохранился целый ряд свидетельств, отразивших переполох, панику, а порой и ужас католического мира перед неизвестными, жестокими и неукротимыми завоевателями.

Вот фрагмент письма графа Лотарингского Генриха, написанного в 1241 году своему тестю герцогу Брабантскому:

«Несчастья, предсказанные в Писании издревле, не иссякли и теперь и в наказание за наши грехи появляются отовсюду. На самом деле, народ кровожадный и бесчисленный, племя неистовое и беззаконное вторглось и заняло соседние нам страны. Они достигли даже Польши, ограбив предварительно другие страны и истребив их народы. По этому случаю я получил уведомление и просьбу, как от частных лиц, так и от нашего любезного брата, короля Богемии (Чехии), поспешно вооружиться и придти на помощь и защиту верных. Действительно, теперь уже нет никакого сомнения, что эта татарская нация намерена через неделю после Пасхи кровожадно ворваться в Богемию и опустошить ее, если королю не будет оказана заблаговременная помощь... Мы просим со слезами помощи и совета у Бога и у своих соседей, наших братьев, во имя кафолической* Церкви. Всякое промедление будет опасно, и мы молим вас настойчиво спешить, как можно скорее, нам на помощь, ибо дело идет столько же о вашем избавлении, сколько и о нашем; соберите многочисленную конницу, храбрую и отважную: ваши вассалы поставят вам ее; держите ее всегда наготове, в ожидании, когда мы пошлем вторично дать знать. А мы через содействие своих прелатов и братьев проповедников и миноритов* объявим повсюду крестовый поход... Заметим при этом, что значительная часть этой проклятой нации с другой армией, соединенной с ними, опустошает Венгрию с неслыханным варварством... Одним словом, Церковь и население северных стран угнетены и подавлены бедствиями всякого рода до того, что еще никогда от начала мира эти земли не претерпевали столь великих зол.

Дано в год благодати 1241-й, в день, когда поют: «Возрадуйся, Иерусалиме!»»

А вот письмо, которое принадлежит перу самого германского императора (римского кесаря) Фридриха II, интересное своими известиями о том, что знали в католической Европе

о событиях на Руси: «Фридрих, император римлян и Август и проч., королю Англии привет!

В настоящее время происходят события, которые занимают столько же Римскую империю, ... столько и остальные государства вселенной, исповедующие христианскую веру; как ни поздно пришли к нам известия о том, но мы не можем не сообщить их вам... Какой-то народ, вышедший уже давно из последних пределов земли, прибыл из южных стран... Не щадя ни возраста, ни пола, ни достоинства, они стремятся к уничтожению всего рода человеческого; уверенные в своем могуществе и надеясь на свою многочисленность, татары желают одни господствовать над всей землей. Предав грабежу и смерти все страны, которые они могли только завидеть, оставив позади себя бесконечные пустыни, они прибыли в землю густо населенную куманами (половцами). Там татары... рассеяли тот народ и покорили его; меч татар обагрился в крови тех, которые не успели убежать. Но такое соседство не могло внушить более благоразумия и осторожности русским; враг был вовсе не так далеко, чтобы они, не видав прежде никогда такого народа, не пришли в ужас от приближающегося пожара и не приняли мер против набега татар, или вообще не подумали бы о своем спасении. Между тем варвары явились внезапно с целью грабить и истреблять. Когда этот неистовый народ ... напал на них, город Киев, один из самых больших городов этой страны, был уже осажден и взят приступом, и все то знаменитое государство, жители которого были перерезаны, было предано грабежу и опустошению. Такая участь должна была бы заставить венгров, соседних им, подумать о мерах предосторожности; но венгры по своей небрежности, не подумали о защите...

Теперь ужас и страх, внушаемый неистовством этих завоевателей, должен овладеть сердцем каждого; подавляющая нас необходимость, близко угрожающая опасность заставляют подумать о мерах к отражению врага. Всеобщее

истребление мира и в особенности христианства требует поспешной помощи, ибо эта свирепая и беззаконная нация не знает человеколюбия».

Уже на берегах Дуная русское посольство узнало, что под польским городом Лигницей татары встретили и нанесли поражение большому соединенному немецо-польско-чешскому войску. Стан царя Батыя был уже недалеко.

* * *

Батый принимал владимиро-суздальских русичей у себя в большом круглом шатре, недалеко от стен разгромленного Эстергома. Когда русское посольство, осторожно ступая через порог по татарскому обычаю, вошло в огромную юрту полную приближенных и воинов, сидевших и стоявших вокруг царя, наступила загадочная тишина. Русичи, все как один, сняв шапки и шеломы, поклонились царю земным поклоном. Татары все остались в шапках. В юрте ярко горели почти бездымные светильники и курились какие-то восточные фимиамы. Царь сидел в некотором отдалении от входа на подушках из дорогих тканей, скрестив ноги по-восточному. Его узкие раскосые глаза были сощурены и немного прикрыты веками. Тонкие губы были плотно сжаты и уголки их опущены подковой вместе с тонкой ниткой усов. Батый слегка теребил перстами редкую, узкую бородку. Было видно, что он немало озабочен чем-то, хотя и внимательно разглядывал послов.

Первым заговорил Борис Творимирич, что выступил вперед и еще раз низко поклонился царю. Толмач быстро и, судя по всему, толково переводил. Боярин молвил, что посольство пришло от слуги царя Батыя князя Ярослава из Залесской Руси и из Новгорода. Что посольство возглавляет сын Ярослава новгородский князь Александр. С этим Творимирич указал на Ярославича, а тот также низко поклонился Батыю. Слова эти, похоже, вызвали у Батыя некоторое удивление и одобрение. Вскинув бровь ошеего глаза, царь одобрительно

кивнул несколько раз головой, и что-то тихо сказал старому и седому соратнику, сидевшему одесную. Затем боярин просил простить его, за то, что первый начал вести речь от имени посольства и тут напомнил царю о первой встрече с ним под Новгородом Великим, случившейся почти три года назад. Эти слова вызвали у Батыя добрую усмешку и он, опять одобрительно кивнув головой, стал справляться о здоровье и делах старого доброго княжеского слуги. Потом сказал, что хорошо помнит его рассказ и советы, теперь же рад увидеть вновь его живым и здравым.

Обстановка в большом царском шатре явно потеплела. Не тратя времени, Творимирич просил царя принять подарки князя Ярослава, а потом выслушать князя Александра. Не успел Батый сказать что-то в ответ, как русичи вынесли из своей толпы и выложили небольшой горкой перед царем связку серебристо-белого, голубоватого меха песца. Затем положили к его ногам чешуйчатый доспех, крытый позолотой, дорогой шелом с бармицей, круглый щит с узорной восьмиконечной звездой, обоюдоострый меч, булаву с вкрапленными в рукоять драгоценными каменьями, конское седло, стремена, узду, крытые серебром и конскую ортму дорогой работы. Затем по мановению княжеской длани детский Гориславл вышел, поклонился царю до земли и поставил перед ним увесистый ларец, наполненный золотыми арабскими дирхемами. Другой — с серебряными новгородскими гривнами вынес и с поклоном поставил Путята. Люди из окружения царя о чем-то взволнованно и довольно громко заговорили на своем языке, глядя на дары раскосыми горящими глазами.

Батый явно совсем потеплел и велел всем молчать. Теперь он обратился к самому князю Александру. В начале спросил князя о том, правда ли что тот уже прославился своими победами над ратями римских стран и их воеводами. Александр подтвердил это и кратко рассказал о победах русичей: битве на Амовже, Невской сече и взятии Копорья. Видя, что

Александр немногословен, Батый похвалил его, сказав, что воина украшают не слова, а дела. Следом, принимая дары, отпустил русское посольство и молвил, что только князю и его боярину назначает личную встречу завтра в вечеру. Кланяясь и уходя, Александр Ярославич заметил, что на него внимательно смотрит пара умных глаз молодого татарина, сидевшего позади и одесную Батыя. Уже выйдя из шатра, князь спросил Творимирича, знает ли он, кто этот молодой человек, сидевший позади царя. В ответ услышал, что это сын Батыя Сартак.

На следующий день только пятеро человек сидело на подушках в огромной юрте Батыя и вело негромкий разговор. Это были сам царь, его сын и верный, мудрый полководец Субутдай. Напротив них сидели новгородский князь Александр и его боярин Борис Творимирич. Только два толмача стоя переводили разговор. Снаружи юрта охранялась десятком нукеров, но никто не слышал ни слова из того, о чем говорил царь и его окружение. Батый угощал русичей вином из подземных погребов Эстергома и кумысом. Творимирич, понемногу отпивая кумыс, долго рассказывал Батыю о делах в греческой земле и в Святом Граде Иерусалиме. Царь и его окружение внимательно слушали.

Затем Батый стал расспрашивать князя о делах в Новгородской земле, о силе орденских немцев и свеев. Александр подробно отвечал. Рассказал, как немцы взяли Псков, как полонили Новгородскую землю и построили град Копорье. Следом уже подробнее рассказал, как брал его. Тут последовал вопрос Субутдая, что думает князь делать далее. Глаза Батыя при этом стали хищными, как у волка, брови сошлись к переносице. Александр Ярославич, помолчав немного и, внимательно глядя в очи царю, отвечал, что думает немедля брать Псков, а затем идти в землю ливонских немцев, жечь ее и громить их порубежные города особенно Юрьев и...

Медвежью Голову. Для того прибыл сюда и просит теперь у царя благословения и помощи. Глаза Батыя потеплели. Он поинтересовался, велик ли и крепок град Псков. Александр отвечал, что Псков велик, крепок и богат. Тогда последовал новый вопрос, будут ли Псков и Новгород платить царский «выход»*. Подумав немного, представив себе это, Ярославич утвердительно махнул головой и отвечал, что сможет сделать так. Тогда Батый задал последний вопрос, станет ли Александр верным слугой и помощником царю, каким является его отец князь Владимиро-Суздальский. Александр отвечал утвердительно. После его слов разговор ненадолго прервался.

Помедлив немного, Батый вновь заговорил. Его ратям пришлось очень тяжело в этом походе. Все латиняне объединились против него. Многие доблестные воины пали в сечах и при взятии городов. Он знает, что сильные русские князья Михаил Черниговский и Даниил Галицкий со своими дружинами ушли на Запад и сейчас просят помощи у латинских князей, у их кесаря и их первосвященника. Но пока Небо помогает ему. Он уже нанес кесарским немцам и ляхам тяжелое поражение под Лигницей. Он знает и о том, что орденские немцы — главный враг князя Александра и его отца Ярослава. И потому он пошлет к своему брату Хорду и велит тому усилить натиск вверенной ему рати на землю тевтонов. Князю же Александру необходимо немедля возвратиться к отцу и передать, что царь велит помочь сыну — новгородскому князю взять Псков и разгромить немцев. Но важно торопиться, ибо за промедление Небо может отвернуться от них и ему — царю, нужно будет уводить войска в Поле и ехать в Каракорум.

— Не умедли, княже! — перевел толмач последние слова Батыя. С этим царь вздохнул, потер виски перстами десницы и прикрыл глаза. Дал понять этим, что отпускает русских послов.

Уходя, князь и боярин кланялись и благодарили царя за угощение. Затем уже было пошли к выходу. Но тут Алек-

сандра нагнал Сартак, с уважением тронул его дланями за плечи, затем хлопнул в ладоши. В юрту вошел нукер. Царев сын что-то молвил тому на татарском. Нукер поклонился и стремглав растаял. Через минуту он явился с каким-то большим свертком из парчи и вновь склонился, подавая его господину. Сартак принял на руки сверток, раскинул ткань. Князь увидел изящные ножны с рукоятью клинка. Сартак с благодарностью протянул оружие Александру и просил принять его. Толмач перевел, что клинок очень редкой работы, что изготовлен сарацинскими мастерами в городе Дамаске. Ярославич склонился в поклоне, благодарил царевича, целуя оружие. С этим распрощались.

Уже будучи у себя в шатре, Александр обнажил клинок. При свете факелов и светильников его серо-голубая сталь брызнула и заиграла светом серебра и золота. Изящные формы и голомени* с бороздами кровостоков, травами (узорами), и какими-то надписями то ли на греческом, то ли на сарацинском языке вызывали немое восхищение. У самой рукояти мастером был искусно насечен Крест с четырьмя равнозначными ветвями, раскрытыми в Бесконечность. Ярославич охватил рукоять десницей, вытянул руку, рассматривая оружие в льющемся, играющем свете. И тут из глубин памяти, словно во сне, явилось перед ним то, как он мальчишкой принимает от златокудрого воина этот самый голубовато-золотистый, искусно извитой клинок в свою десницу…

Глава XVII

«И не бе видети леду, покрыло бо се все кровью»

Шел февраль. Русское посольство уже давно миновало карпатские перевалы. Вновь пересело на сани в заснеженном, наполовину опустевшем Галиче и теперь неслось во весь опор мимо разоренных Киева и Чернигова к Дебрянску. Далее на пути возвращавшихся посылов лежали: Козельск, Москва, Владимир.

В конце февраля конные отряды из Городца, Юрьевца, Нижнего Новгорода под рукой Андрея Ярославича — брата князя Александра, двинулись в сторону Переславля-Залесского. Среди них было несколько сотен воинов-булгар, бежавших, в свое время от татар на Русь. В Переславле войска остановились на день. Здесь численность конного полка князя Андрея была доведена до тысячи воев. Следом войска двинулись к Твери, а затем к Торжку. Уже в начале марта в Торжке князей Александра и Андрея встречали полки Низовской земли, что еще осенью брали Копорье.

Ближе к середине марта войска владимиро-суздальской земли вошли в Новгород Великий. Здесь их ожидали уже готовые к походу новгородцы. Теперь под рукой Александра Ярославича было около трех тысяч конницы и четырех тысяч пешего ополчения. Тем временем из Пскова пришли известия, что немалое войско ливонских немцев двинулось на запад в

помощь ляхам и братьям-тевтонам. Те уже дрались против татар. Дав отдых войскам на два дня, князь Александр выступил на Псков. Так начинался 6750 год от Сотворения мира (1242 г. от Р. Х.).

* * *

Разные ходили слухи в Новгороде о том, куда и зачем неожиданно уехал князь Александр осеннею порою. Казалось, надо было боронить рубежи от немцев и псковичей Твердилы, но князь вдруг оставил Новгородскую волость после тайного совета с владыкой и вятшими мужами. Следом за ним по дороге на Торжок ушла большая часть низовских полков. Разное глаголали люди. Одни говорили, что Александр Ярославич пошел к батюшке — великому князю за помощью, другие, что собирает воев по Новгородской и Ростовской землям, третьи, что ушел от новгородцев по обиде. Но народ успокаивали владыка и посадник, обещая, что князь возвратится вскоре. С этими слухами прожили зиму и дождались весны. И новый год принес радостную весть: князь Александр спешно шел с низовскими полками в Новгород.

Неле истомилась от слухов и ожидания. Когда же мартовским днем по дороге на Городище со стороны Новгорода показались многочисленные верховые вои, она, как и все городищенские женки, бросилась стремглав к раскрытым воротам града и стала всматриваться вдаль. Она сразу определила Гориславa среди двух десятков передних воев, окружавших князя. Рядом был его друг и земляк Путята. Через десять минут верховые во главе с князем, почти не останавливаясь, на рысях стали въезжать в ворота града. Прислуга ключницы, к ее удивлению. махнула рукой и прокричала что-то малознакомому молодому конному воину. А Неле успела заметить, что Александр Ярославич был озабочен и суров ликом. Заметила она и то, что тот, кого она так ждала все эти месяцы, несмотря на ссору, случившеюся меж ними при расставании, тоже увидел и легким наклоном головы приветствовал ее.

Жеребец пронес его мимо. Но она не обиделась, понимая, что он не мог придержать коня, ибо должен был следовать за князем. Да и задние ряды всадников шли плотным потоком, все въезжали в ворота и потому задерживаться на проезде у ворот было нельзя. Когда последний из трех с половиной сот вершников, гремя подковами копыт о бревенчатый настил, оставил позади воротный проем, весь дворовый люд, встречавший князя, побежал вслед.

Княжеская ключница одной из первых прибежала на площадь перед городищенским храмом Благовещения и стала высматривать знакомых верховых воев. Все уже почти сошли с коней и снимали шапки и шеломы. Князь, стоявший близ паперти принимал благословение священника. И тут Неле увидела недалеко от князя светловолосого юношу в кольчуге, видимо нового отрока, державшего за повод княжеского жеребца. Чем-то он показался ей до боли знаком. Она не поняла сразу, что произошло с ней. Не отдавая себе отчета, подошла как можно ближе ко княжескому окружению и стала всматриваться. Уже увидев близко его лицо, она минуты три глядела на отрока во все глаза. Звучала молитва, читаемая священником.

Вдруг за рекой в Юрьевом монастыре ударил колокол. Звон словно пронзил все ее существо и прошел в сердце дивной, неземной вибрацией, рождая в нем восхищение и трепет. Ей уже ничего не нужно было объяснять. Не веря себе самой, она смотрела во все глаза на свою юность, а слезы текли у нее по ланитам…

Минут через пять она узрела Гориславa и Путяту, которые, уже какой раз махали ей рукой, но видели, что Неле плачет и не замечает их. Наконец женщина стала вытирать слезы краем плата, улыбнулась воям и поклонилась им.

Спустя час люди княжеского двора и вои разошлись кто на поварню, кто на конюшню, кто в баню, кто в гридницу, кто в оружную палату. Княжеская ключница пришла в себя, отос-

лала свою прислугу к Гориславу и велела передать, что ждет его, как стемнеет, в избе на мельнице у речки Левошни.

Неле остановила сани у мельницы и сошла с них. Гориславов опередил и уже ждал ее. Она поняла это, ибо увидела у коновязи его уже остывшего и покрытого легким инеем коня. Мельника и его сына уже не было дома. Ее милый вышел ей навстречу, подхватил на руки и стал целовать. Она отвечала ему нежно и трепетно. Они почти ничего не сказали друг другу, хотя не виделись более четырех месяцев. Затем он опустил ее на снег и отправил в избу. Сам же выпряг и отвел обоих коней на конюшню.

Тем временем женщина вошла в дом. В избе было хорошо натоплено, царил полумрак, ибо горела лишь лампада перед образами, да две свечи на столе, видимо принесенные им. Там же стояли большая крынка, две деревянных кружки, мед в туеске, лежали каравай свежего хлеба и две деревянные ложки. Она поняла, что все это купил и привез он. Осмотревшись, Неле перекрестилась на образа, стала снимать шубку. Тут вошел Гориславов. Они опять бросились в объятья друг другу. Она заметила, что он вымылся и выпарился в бане, что оделся во все чистое и от него не пахло хмельным. Заметила потому, что когда уезжала с Городища, почти все дворовые и вои уже были хмельны. Потом он отпустил ее из своих объятий, прочел молитву, налил им обоим медовухи и они выпили. Весь тот вечер они долго говорили о своих чувствах, просили друг у друга прощения за былые обиды и радовались встрече. Но она уже знала, что через день они расстанутся вновь. И эта нынешняя встреча могла быть для них последней.

Когда они уже лежали в постели, застеленной на лавках овчинами и холщовой полстью, она, гладя его перстами по груди, и, узнав от него, куда он уходит, стала умолять его поберечь себя. Она хорошо представляла, с кем ему скоро предстоит драться, и потому сейчас в его объятиях трепетала

от ужаса и скорби. Он излил на нее поток страсти, нежности, и она ненадолго успокоилась. Когда страсть миновала и они, покрытые мелким бисером пота, откинулись на постель навзничь, Неле попросила Гориславa выслушать ее. Он молча посмотрел ей в очи. Она рассказывала ему о своей юности, о той войне, когда ее и сестру изнасиловали и полонили, о своей нелегкой жизни здесь на Руси и в Ливонии. Он внимательно слушал и не перебивал, как случалось, хотя многое уже слышал от нее. Когда во время рассказа она заплакала, он стал успокаивать и целовать ее, а потом просил у нее прощения за тех людей, что когда-то сделали ей больно, и за себя; за свое пьянство, за грубость и невольные обиды. Она успокоилась, продолжала говорить и, наконец, дошла до самого главного, того, о чем сегодня ей хотелось сказать. Она просила Гориславa не проливать невинной крови в этой войне, щадить обессилевших, раненых и безоружных, просила его поцеловать на этом крест. И он, немного помолчав, обещал ей и сделал так, как она хотела.

* * *

Псков брали изгоном на рассвете. Сторожу у новгородской дороги сняли ножами без единого крика. Русская конница ворвалась в Запсковье еще когда сиреневые мартовские сумерки только-только стали рассеивать мрак ночи. Город спал. Кованые копыта коней загремели по бревенчатой мостовой. С ходу новгородцы ворвались на мост через Пскову у храма Козьмы и Домиана. Одновременно конница пошла по льду у храма Богоявления в Запсковье и у Гремячей горы. Немцы и их сторонники не ожидали нападения. Но на мосту и у ошего берега на льду завязалась ожесточенная схватка. Здесь немецкие и псковские лучники пустили в нападавших сотни стрел, и это ослабило натиск новгородцев. Князь Александр был здесь же и лично возглавил второй натиск на оший берег Псковы. Новгородцы и суздальцы, опустив копья, тронули коней в соступ и сломали сопротивление лучников у берега.

Те отступили к Городцу. Когда княжеские войска овладели берегом, в Кроме ударили в било, призывая защитников града к сполоху. Тем временем русская конница и пешцы, перейдя речной лед, уже ворвались в Окольный город. Там сопротивления практически не было.

Уже совсем рассвело, когда княжеские войска стеклись к стенам Городца. Бой шел на улицах. Загорелись первые постройки. Немцы пытались перекрыть вход в укрепление. Но отступавшие все прибывали, не давая закрыть ворота. Русичи уже думали подводить таран, но оборонявшиеся не успели закрыть и укрепить запором воротные створы. Князь велел немедля крушить ворота. Пешие новгородцы с рогатинами, снося все перед собой тяжелыми секирами, успели продеть между закрывавшихся створ несколько ослопов и бревен. Немцы пытались выбить бревна и сдвинуть створы. Тяжелые дубовые ворота скрипели и не подавались ни в одну, ни в другую сторону. Петли готовы были сорваться. К воротам сбежалось уже более сотни воинов. Надавливая бревнами как рычагами, новгородцы через пять минут, все же отворили ошую створу и рванулись вперед. Но тут их ожидали стрелы и копья врага. Здесь погибло и было ранено более двадцати человек. И все же русичи ворвались в Городец. Тогда-то и началась решающая сеча. Немцы дрались не на жизнь, а на смерть. Многие, запершись в домах, били из окон стрелами, другие, укрываясь щитами и собравшись в кучи, отбивались копьями и мечами на улицах, перекрестках, у храмов. Новгородцы рассекали двери домов, вламывались внутрь и били сопротивлявшихся без пощады. Там, где это не удавалось, зажигали дома, выкуривая сопротивлявшихся. Тех, что оборонялись на улицах, засыпали стрелами. Через два часа после начала приступа все было кончено. Псков был в полной власти новгородцев и их князя.

В Кроме немцев не было. Там засели сторонники Твердилы. С ними повели переговоры, обещая им жизнь, если

они сдадут град. В случае приступа и захвата Крома силой князь Александр пообещал всем переветникам, оставшимся в живых, виселицу. Через полчаса после этого послания в Кроме открыли ворота и подняли руки вверх. На милость победителя сдались и оба немецких фогта с их окружением. Этих Александр Ярославич отправил в Новгород. Псковских же переветников велел сажать в поруб и обещал псковичам и новгородцам, что те будут судить их по окончанию войны.

* * *

Через два дня княжеские войска вошли в полуразоренный и сильно обезлюдевший Изборск. Многие изборцы, давно оставившие град и разошедшиеся по окрестным весям, быстро собирались в городе. Князь Александр призвал изборских мужей совокупить свои силы с русским войском, и несколько сот человек изборцев встало под знамя псковского полка. Всем остальным князь велел крепить град и готовиться к обороне в случае нового прихода немцев и их сторонников. Затем русские полки оставили Псковскую землю и пошли на Запад. Чудская земля встретила их последним снегопадом и сильной оттепелью. Начался паводок, и войска остановились на несколько дней в небольших чудских весях верстах в тридцати от рубежей Русской земли. Далее идти было невозможно. Реки вышли из берегов и подтопили лед. Снег стаял весь, дороги раскисли и представляли из себя месиво, по которому и кони шли с большим трудом. Следом бурное половодье унесло талые воды в реки и низины.

Князь Александр не находил себе места. Он прекрасно понимал, что немцы и его противники сейчас, споро как никогда, собирают силы. Из Медвежьей Головы в русский стан явился русский перебежчик-пскович. Тот сообщил, что на помощь орденским немцам пришел отряд датского короля около трехсот пятидесяти конных и пеших доспешных воев. Юрьевский же бискуп призвал всех латинян и их союзников вступать в ополчение. Юрьевцы уже собрали рать и двинулись

на юг в сторону Медвежьей Головы. Это известие вывело из себя и взбеленило князя Александра. С трудом удержав себя в узде, он уединился и предался молитве.

В ту же ночь на 27 марта ударил сильный мороз. Воды рек, вышедшие из-под зимнего ледяного панциря, вновь сковало льдом. Наутро поля и дороги подмерзли, подсохли и стали проходимы. Утром 27 марта на военном совете решали, куда теперь нанести главный удар. Князь Андрей и большинство воевод думали, что надо брать Юрьев. Однако князь Александр настоял на своем, и решено было идти на Медвежью Голову. По его велению к городу отправили конный полк числом до тысячи воинов под рукой «посаднича брата» Дамаша Твердиславлича и сотского Кербета. Главной их целью было попытаться взять город изгоном, если же не получится, то окружить его и готовить осаду. Пешие полки двинулись вслед Дамашу, а вся остальная конница была отправлена в «зажитье». Велено было не жалеть ни немцев, ни чуди. Дымами бесчисленных пожаров закурилась Чудская земля. Их огненное, зловещее зарево позволяло порой ночами видеть как днем. Отряды русской конницы начали опустошать землю чуди — Унгаунию.

Вечером 29 марта передовой русский полк под рукою воеводы Дамаша Твердиславлича подошел к мосту через реку Ахью. До Медвежьей Головы оставалось верст двадцать. Дамаш остановил воев, прикрыв дланью десницы глаза и, взирая из-под руки туда, где заходит солнце, осмотрел опушку весеннего полупрозрачного леса за рекой и дорогу, уходящую в лес. Округа, казалось, была безлюдна и тиха. Воевода хотел привести полк к городу в ночь. Но перед ним была река. Выводить конницу на зыбкий речной лед он боялся. Но и ослушаться княжеского веления не мог. Ночь была близко, и надо было решаться на что-то. И Твердиславлич решил идти по мосту. Перед тем выслал сторожу к лесу. Через пять минут конские

копыта застучали по дощатому настилу моста. Когда половина полка была уже за рекой, где-то в лесу затрубили рога.

Дамаш, находясь уже за мостом, вновь остановил полк. Но его сторожа и головной разъезд уже были у леса. Воевода немедля послал Кербета в первые ряды с приказом повернуть коней и собраться у моста. Но было уже проздно. На кромку лесной опушки выехали сотни всадников и выбежали сотни лучников. Русичи только начали поворачивать коней, как в воздух вспорхнули стаи стрел. И тут же немецкая конница пошла в соступ, опустив копья. Дамаш увидел, что его полк охватывает подкова немецкой рати, что немцы хотят прижать русичей к реке и потопить на весеннем льду. Он понял: чтобы прорваться, его передовым воям нужно завязать бой с врагом, а остальным сойти на лед и попытаться перейти реку. Сторожа и передовой разъезд русского полка уже вступил в схватку. Дамаш выпростал тяжелый меч из ножен, а своему отроку велел выехать на лед реки и попробовать добраться до другого берега. Сам он уже не видел, как отрок, исполняя волю господина, проскакал по льду на другой берег и увлек за собой сотни две русских конных воев. Эти люди вырвались из железных объятий немецкой рати. Только под немногими лед обломился у берега. Но вои, искупавшиеся в ледяной воде с лошадьми, выбрались с мелководья на ледяной панцирь и бежали на другой берег, ведя коней в поводу. Немцы не рискнули спуститься на лед и осыпали русских стрелами. Сам же Дамаш Твердиславлич и еще около полутораста воев его полка полчаса отбивали немцев от моста сначала в копейной сшибке, затем, когда обломились копья, дрались мечами, саблями и булавами. Когда же чудь стрелами побила под ними коней и когда их осталось десятка три, не более, русичи встали спинами друг к другу и бились секирами и ножами. Последних, израненых и изнемогших от потери крови и усталости, вязали и брали в полон. Но среди них уже не было в живых ни геройски погибшего Дамаша, ни павшего в самом начале

схватки Кербета. А сильно поредевший передовой конный полк на следующий день вечером достиг русского войска и соединился с ним.

Узнав о поражении сторожевого полка у моста через реку Ахью, князь Александр понял, что ему не дано взять и даже увидеть Медвежью Голову — города, которым он хотел овладеть уже несколько лет кряду. Словно само Провидение, закрыло ему дорогу туда, силой природы сделав непроходимыми дороги. Но что удивляло князя Александра, так это то, что немцы смогли за короткий срок в распутицу собрать рать для отпора русичам. Ведь было известно, что многие немецкие вои ушли в землю Тевтонского ордена драться против татар.

Быстро созвав совет, русские князья и воеводы решили немедля возвратить всех воев из «зажитья» и отходить на северо-восток к Чудскому озеру, чтобы оставить с десного плеча немецкой рати вооружившиеся и готовые к обороне Изборск и Псков. В ночь с 3 на 4 апреля русское войско ступило на озерный лед и двинулось по Узмени к восточному берегу по наезженной зимой, но теперь оледенелой санной дороге. Когда пошли по льду, войска повели проводники из псковичей. В эту пору дорога на озере становилась опасной. Проводники говорили, что и в сильные морозы у западных берегов, там, где подо льдом пролегало русло реки Великой, сильное течение не давало водам застыть. В этих местах стояли полыньи, которые прозывали «сиговицами», ибо там и в морозы, не делая проруби, можно было ловить рыбку сиг. В этом месте Чудское озеро называли Теплым.

К утру русские полки прошли по льду около восьми верст, и когда рассвело, где-то в версте от них, южнее, был виден восточный берег. Князья и воеводы решили остановить войска на берегу острова, называемого Вороний Камень. Остров закрывал ледяную дорогу, ведущую к устью реки Желчи. Здесь возвышалась скала, а берега его были сравнительно высоки.

Восточнее лежал большой остров Городец с низким и топким западным берегом. По сухим зарослям осоки и камыша видно было, что между островами, скрытая льдом, лежит песчаная коса. В нескольких стах саженях севернее лежал большой, но невысокий остров Озолица.

С утра вои развели костры на берегах островов и стали готовить кашу. Князья и воеводы осторожно объезжали Вороний Камень, ибо прибрежный лед был тонок, трещал и грозил обломиться под копытами коней. Основной частью острова была невысокая гряда, завершавшаяся массивной скалой из рыхлого камня-песчаника. Подъем на скалу с запада был полог, с востока — крут. Но вдоль кромки западного берега протянулся небольшой каменистый уступ до полутора сажени высотой. На берегу было много камня-дикаря. Берега Вороньего острова и мелководье покрывали прошлогодние сухие заросли камыша, тростника, осоки, стрелолиста и других прибрежных трав. После объезда стало ясно, что для обороны места лучшего, чем Вороний Камень, окрест нет. По велению князей пешие вои-новгородцы и псковичи стали собирать камень-дикарь вдоль берега и складывать его в кучи. Остальным было велено готовиться к бою. Воеводы расставляли полки.

К вечеру все пешее ополчение построили по западному берегу Вороньего Камня. Более двух тысяч копейщиков и лучников поставили на каменистом уступе. Перед ним на берегу и на льду выставили около полутора тысяч лучников. За ними на пологом подъеме у скалы было поставлено до восьмисот конных воев суздальско-городецкого полка князя Андрея Ярославича. Севернее в прибрежном кустарнике и тростнике острова Озолицы встал полк князя Александра Ярославича. Новгородский и псковский конные полки поставили восточнее Вороньего Камня — на берегу Городца. Там же разместили и обоз.

Яркий красно-розовый закат пролил свой чудный свет на серо-голубоватый лед Чудского озера. Почти бездымно и ярко горели костры русского стана. Звонкая вечерняя тишина повисла над ледяным простором, и люди говорили мало, негромко, слушая эту первозданную тишину и не желая нарушать ее звучания. Даже лошади ржали изредка и приглушенно. Конная сторожа тихо ушла к западному берегу озера. Холодный восточный ветерок доносил с русского берега запахи весны и пробуждения природы, запах талой воды и земли, за день нагретых апрельским солнцем, запах просыпающегося леса и дальний птичий гомон. Таким был вечер в пятницу 4 апреля 6750 года от Сотворения мира (1242 г. от Р. Х.). Священники начали богослужение в полках, ибо наступил праздник Похвалы Пресвятой Богородицы и день святого мученика Клавдия. Вои одели новое и чистое платье. Многие исповедывались. Заканчивалась пятая седмица Великого поста…

* * *

Еще только забрезжил рассвет, как в русском войске протрубили рога, и вои вздели доспехи, оседлали коней и взялись за оружие. Просветлело и порозовело на востоке. Наступило раннее субботнее утро. Сторожа принесла весть, что немцы еще ночью сошли на лед и теперь строем «в силе тяжце» идут в сторону Вороньего Камня. Не прошло четверти часа, как ряды русских воев, стоявшие на подъеме у скалы, увидели, как вдали, отделившись от почти невидимой, теряющейся в дымке береговой линии, на светлом льду показались многочисленные, плотные массы людей. Прошло еще четверть часа и стало заметно, что ворог довольно быстро приближается к русским полкам.

Солнечные лучи заскользили по ледяному простору. В этих лучах уже совсем хорошо стала видна большая немецкая рать, построенная свиньей* (клином) и двигавшаяся к острову. Сколько шло немцев, определить было непросто. Но опытные вои и без счета видели, что ворога было до пяти

тысяч. Явно было и то, что доспешный немецкий клин был нацелен протаранить, затем смять русские полки у Вороньего Камня и выйти на восточный берег Чудского озера. С обеих сторон протрубили рога и трубы. Не дойдя ста саженей до острова, немецкая рать остановилась. Воины перехватывали и опускали копья, подтягивали подпруги коней, прилаживали удобнее доспехи и щиты, оправлялись. Как перед ураганом наступили минуты великой тишины и молитвы. Над немецкой ратью были подняты стяги с латинскими крестами. На одежде и щитах многих ливонских воев были такие же красные кресты. Но и над русскими полками под легким восточным ветерком реяли крещатые стяги с изображением Креста и Голгофы. На щитах и шеломах русичей сияли кресты и образы святых. В русских полках молились негромко. Солнце играло и, отражаясь от стали, сияло на красивых островерхих шеломах, слепило латинянам очи.

Многие зрели в те минуты князя Александра Ярославича. Гориславъ и Путята были недалеко, видели и слышали, как князь, розовея ликом, сняв шелом с чела, покрытого бисером пота, вздев руки к небу, истово молился пред всем полком:

— Суди, Боже! И рассуди прю мою. От языка велеричива помози, Господи! Яко же древле Моисееви на Амалика, а прадеду моему князю Ярославу на Окаянного Святополка! Помози, Господи, праведники! Указуй, Господи, переветникъ и отступникъ твоихъ...

Вои, бывшие верхи рядом с князем, как и Гориславъ с Путятой, поддерживая своего господина, кричали ему:

— Княже наш, честныи и драгии ныне приспе время, положити главы свои за тя!

Следом русичи услышали громкое пение молитвы на латыни, что пели в немецком войске:

— Ave, Maria gratia plena, Dominus tekum,
benedikta tu in mulieribus, et benedictus
fructus ventris tui, Iesus.

(Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с тобою, благословенна ты между женами, и благословен плод чрева Твоего, Иисус).

В русских полках, стоявших на береговой кромке острова, вои передних рядов сомкнули щиты, направляя копья на врага, и кто-то негромко, но стройно запел, а остальные дружно подхватили:

— Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его, и да бежатъ отъ лица Его ненавидящии Его…

Тяжелый железный клин немецкой рати, способный, казалось, сокрушить все на своем пути, неумолимо катился на строй русских полков к берегу Вороньего Камня.

— Sancta Maria, Mater Dei

ora pro nobis peccatoribus; nunc et in hora mortis nostrae. Amen.

(Святая Мария, Матерь Божия,

молись за нас грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь), — еще пели латиняне, когда тысячи русских стрел вспорхнули в воздух и обрушились на них. Сотни конных и пеших ливонцев, были ранены или убиты сразу и пали на лед, окрасившийся первой кровью. Крики, вопли, ржание коней, громкое молитвенное пение, боевые возгласы и призывы слились воедино и на десяток верст окрест огласили Чудское озеро на Узмени. Ряды русских лучников успели пустить еще несколько сотен стрел, но это не остановило стремительного натиска кованой немецкой рати. Еще через минуту клин вонзился в ощетинившийся строй русских полков, ломая копья, тараня щиты и сминая лучников. Пешие псковичи и новгородцы, стоявшие на льду, под напором конницы подались к каменистому уступу и приняли смертный бой. Вслед за передними рядами конницы в схватку с русичами вступили пешие кнехты, ливь, летьгола и эсты, вооруженные копьями, секирами и луками. Многие новгородцы и псковичи были посечены и раздавлены на прибрежном льду, у берега, но те,

что остались в живых и успели взобраться выше, дрались с нарастающим упорством. Стрелы летели роями с той и с другой стороны, раня и выбивая из рядов десятки воинов. Новгородцы и псковичи осыпали немецких воев градом камней. Звон мечей перекрывал крики людей и ржание лошадей. Тяжелые немецкие клинки рассекали щиты и шеломы. Русичи умело кололи немецких коней, подсекали им ноги, стаскивали и сталкивали конных воев на землю, забивали их насмерть клевцами и палицами.

Наконец немцы поняли, что взять каменный уступ в лоб ни в пешем, ни тем более в конном строю им не дадут. Клин начал распадаться. Воины десного плеча немецкой рати двинулись правее по берегу и ударили в ошее плечо русской пехоты. Полк суздальско-городецких воинов князя Андрея тронул коней и через несколько минут южный берег острова превратился в место кровавого побоища. Сеча развернулась в сухих зарослях тростника и осоки. Конные и пешие вои: русичи, булгары, меряне, вожане, ижоряне, немцы, датчане, эсты, ливы, латгалы секлись мечами, топорами, саблями, кололи друг друга рогатинами, сулицами, били наотмашь палицами, булавами, кистенями. Люди кружились, пятились, подпрыгивали, напирали, увертывались, бросались вперед, танцуя в сумасшедшем танце смерти и жизни. Ругань, мат, истошные вопли на разных языках вспыхивали и гасли в водовороте этой жестокой сечи. Кони вставали на дыбы, бились грудью о грудь, били задними копытами, валились на бок от тяжелых ударов, припадали на передние ноги. Лошади и люди сминали, ломали и секли прибрежные заросли сухого тростника и камыша. Задние ряды немцев продолжали напирать, но немецкая рать прочно увязла в схватке с русскими полками у берега Вороньего острова.

Горислав и Путята хорошо видели, что творилось саженях в четырех ста южнее их. Солнце взошло и ярко осветило ледяной простор озера и место сечи. Вдруг по рядам княжеского

полка прошли какое-то волнение и шум. Детский услышал, как юный княжеский отрок по имени Феодор поднял десницу и, громко крича что-то, указал перстом на восток. Горислав обернулся и увидел, что одесную слепящего солнечного диска в сиренево-зеленом сиянии по небосводу движутся конные полки, направляемые на запад. Он хорошо различил коней, воев в седлах, их серебристые доспехи, мечи и копья. Не веря глазам своим, дотянулся до плеча Путяты и толкнул его. Но Путята уже и без Гориславa во все глаза смотрел на то, что происходило в аэре. В те минуты движение небесных полков видели все русичи, стоявшие у острова Озолицы. Но особенно остро видел это князь Александр. Он узрел, как златокудрый воин доскакал до скалы Вороньего Камня и протрубил там рог. Затем видение исчезло. Князь велел немедля трубить, поднял десницу, указуя воям на ворога, опустил копье и тронул коня. Гремя доспехами и коваными копытами коней, княжеский полк ринулся в соступ.

Стефан Твердиславлич, Збыслав Якунович, Гаврила Алексич, Коста Вячеславич, Судимир со Славны и другие новгородские мужи уже полчаса смотрели на то, как на южном берегу Вороньего Камня бьется насмерть в пешем строю их братия и конный полк низовских русичей во главе с князем Андреем. Конные новгородцы и псковичи числом до семисот человек стояли позади их на берегу острова Городец близ обоза. Новгородские мужи видели и слышали, что вои волнуются и рвутся в бой. Но повести людей в сечу самовольно без веления князя они не могли. Княжеский полк был ближе к месту схватки, но его было почти не видно за поворотом озерной косы и прибрежных зарослей, потому новгородцы ждали четырехкратного сигнала княжеского рога. Они видели, что ожесточение сечи нарастает, понимали, что там, у Вороньего Камня немцы берут верх. Но надо было ждать. Солнце уже ярко освещало место сечи. Но вот над островом Городец в это ясное, безоблачное утро сгустилась и прошла

какая-то сень, словно сиреневое облако, гонимое восточным ветром. Послышался какой-то шум, ржание и топот коней, пение молитв. Люди поднимали головы, смотрели вверх, не понимая, откуда в безоблачном апрельском небе вдруг взялось это. Шум сечи и крики сражавшихся усилились и отвлекли внимание людей. Видимо немцам еще раз удалось потеснить русичей у Вороньего Камня. Новгородцы и псковичи вновь заволновались, выкрикивая разное в сторону воевод и требуя вести их в бой. Гаврила Алексич заерзал в седле, привстал на стременах, всматриваясь на запад, выругался матерно и громко. И тут с Озолицы прозвучал четырехкратный призыв рога. Воеводы увидели, что оттуда, с севера, как будто серебристо-стальная молния сверкнула на глади озерного льда под лучами солнца и заскользила в сторону Вороньего острова. Степан Твердиславлич повернулся всем корпусом к воям, что стояли на берегу, махнул рукой и указал им на запад.

Горислав плохо запомнил момент, когда их полк вошел в соступ с ворогом. Казалось, что воздух сотрясается от ударов и ломления копий, от звона мечей, а замерзшее озеро двинулось, скрежеща льдом о камни. Он почти оглох от этого гула, гремевшего вокруг, и был словно пьяный. Усилием воли напряг свои силы и разум. Одно было ясно ему, немцы не ждали их удара в плечо. Но и он не ожидал, что враг столь многочислен и упорен. Княжий детский, Путята и еще двое гридей столкнулись с пешими воями немецкой рати, видимо чудью, вооруженной копьями и секирами. Чудь дралась стойко. С трудом русичи положили троих и ранили одного молодого воина, бросившего секиру и поднявшего руки. Это спасло ему жизнь. Но через несколько мгновений из задних рядов немецкой рати на княжеских гридей налетели верховые в островерхих шеломах с мечами и булавами. Один из них, в чешуйчатом доспехе, призывая своих соратников и круто матерясь, бил наотмашь тяжелой булавой. И Горислав понял, что это верно русские из Медвежьей Головы или псковичи — сторонники Твердилы.

От удара переветника один из княжеских гридей вылетел из седла. Горислав тронул коня и скрестил с ним свой меч. Тот, свирепо вращая очами, ударил детского в круглый щит и Горислав почувствовал силу его могучей десницы. Однако пока ворог размахивался для нового удара, детский изловчился и саданул переветника по ошеей стороне шелома. Шелом и подшеломник слетели с головы воя. Горислав увидел копну рыжих волос и потускневшие зелено-желтые глаза врага, наполненные ненавистью. По этим глазам детский понял, что сильно ошеломил недруга. Внутренне чувство и память подсказали, с кем довелось ему встретиться в битве. Но тут все качнулось перед очами, он почувствовал, что конь его упал на передние ноги, потом стал заваливаться. Наверное, кто-то из чуди сразил коня. Падая плашмя, грудью и головой вперед, Горислав успел выдернуть ноги из стремян. Удар о лед принял щитом. Десница не выпустила меча. Удар был сильный, в глазах потемнело, но через несколько мгновений детский уже был готов подняться на ноги. Когда он открыл очи, то не увидел льда. Перед глазами были лишь лошадиные копыта и ноги людей, по щиколотку утопавшие в кровавой расплывшейся жиже. Кровь, не впитываемая льдом, парила и издавала тошнотворный, сладковато-острый запах. Горислав быстро поднялся на ноги, мгновенно осмотрелся. Рыжеволосого уже не было рядом. Вал сражавшихся сместился в сторону от него на несколько саженей. Среди жуткого воя, звона железа, детский все же услышал, что его окликнули. Повернулся и увидел Путяту, ведущего к нему на поводе коня сраженного гридя.

Удар княжеского полка в ошее плечо вражеской рати обескуражил немцев. Напор их на пешие русские полки у берега стал ослабевать. Русские лучники продолжали гвоздить немцев стрелами с каменного уступа, а копейщики оставляли уступ и выдавливали немцев с берега на лед. Солнце уверенно шло к зениту, и распаленным воям становилось жарко. Многие скидывали полушубки и оставались в одних доспехах.

Прошло всего десять-пятнадцать минут с того момента, как княжеский полк вступил в сечу. И тогда новгородский и псковский конные полки ударили немцам в десное плечо. Теперь перевес сил был явно на стороне русских. Но ожесточение, с которым дрались немцы, нарастало.

Лед начал обламываться у самого берега — там, где был тоньше всего. Первыми у острова провалились несколько немецких верховых. Вода в тех местах достала брюха лошадей. Вои оставляли коней и, выбираясь на лед, вытаскивали их за узду. Ливонцы отхлынули от берега на твердый и прочный лед. Центр сечи стал смещаться западнее. Вскоре у берега стали проваливаться и пешие русичи. Искупавшись в ледяной воде по пояс, многие выбирались на твердь и тут же вступали в схватку. Но и там лед трещал и прогибался под ногами и коваными копытами коней. В нескольких местах вода стала выходить из берегов и подтапливать лед, смывая кровь.

Новгородцы и псковичи соступились с врагом и сразу понесли большие потери. Вражеская рать умело перестраивалась, и из ее задних рядов вперед выступили свежие силы — русские воины из Оденпе, возглавляемые князем Ярославом-Герпольтом и Твердилой Иванковичем. Вот тут и встретились лицом к лицу старые враги и бывшие соотечественники. Русские, дравшиеся за немцев, умело сомкнув строй, отразили удар своих земляков щитами и копьями. В этой копейной сшибке погибли многие новгородские мужи. Смертельно раненые пали на лед Судимир со Славны и Коста Вячеславич. Тяжело раненый Гаврила Алексич сполз с коня и упал на бок, обливаясь кровью из колотой раны в грудь. Ранен был, но остался в седле новгородский посадник Стефан Твердиславлич. Однако остановить напор русских полков, видимо, стало невозможно. Тысячи людей с обеих сторон уже были убиты или ранены. Остервенение сражавшихся нарастало. И тут по немецкой рати ударила перестроившая ряды и переведшая дух дружина князя Андрея. Под напором русских

ливонцы медленно, но неумолимо начали откатываться все далее на запад от берега Вороньего Камня.

Горислав на коне своего погибшего сотоварища вновь дрался в первых рядах княжеского полка. Весь его дощатый доспех и руки в кольчужных рукавицах с того момента, как он упал на окровавленный лед, были забрызганы кровью. Он уже обломил меч, откинул изрубленный щит и дрался секирой, обжимая обеими дланями ее рукоять. Сразил в схватке какого-то доброго немецкого воя с красным крестом на серой рубахе, одетой поверх кольчуги. Тот выпал из седла под ноги коня и более Горислав не видел его. Теперь детский и Путята бились против двух пеших кнехтов, что умело дрались копьями. Вдруг краем десного глаза Горислав увидел рыжеволосого. Забрызганный кровью от пят до волос, тот был страшен. Рыжая грива его была всклочена и растрепана, лицо искажено дикой, полубезумной улыбкой. Перекрикивая шум схватки, Горислав проорал Путяте, что надо оставить кнехтов и настичь переветника. Содруги вместе повернули коней. Кнехты быстро попятились назад, отступая в глубь строя своей рати и ругаясь на своем непонятном русичам языке. В этот момент затрубили рога и немецкое войско, смыкая ряды, медленно, но слаженно и дружно двинулось по льду на северо-запад от Вороньего Камня. Русские лучники сошли на лед и осыпали стрелами отступавшую вражескую рать. Конница русичей вновь ринулась в соступ.

Князь Александр понимал, дать немцам уйти, сохранив строй их войска, значило затянуть войну и потерять время. Отпускать немцев с Чудского озера было нельзя. Он сам возглавил воев в том соступе. Когда ломали строй отходившей немецкой рати, несколько княжеских гридей и отроков пали от стрел и ударов копий. Силы оставляли князя, хотя он умело сразил мечом рослого вражеского кнехта с тяжелым копьем и щитом. И тут вслед за Александром в строй немецкой рати вклинились детский Горислав и еще какие-то вои его полка.

Размахивая мечом, обескровленными губами князь горячо молился Спасителю и святому Христофору. С благодарностью вспомнил, что старый дядька Феодор Данилович удержал за узду коня юного сыновца Феди, не пустив его в сечу. Они остались там, у берега Озолицы. Но то, что сыновец смело рванулся в соступ наравне со взрослыми гридями и кметями, польстило князю. Александр вновь мысленно обратился к Создателю с благодарственной молитвой и почувствовал прилив сил в плечах и руках.

Не прошло пяти минут, как строй вражеской рати стал ломаться под ударами его воев. Немецкое войско дрогнуло, в его рядах, как спасительный призыв, громко зазвучала какая-то латинская молитва. Но было видно, что немцы держатся из последних сил. Полдень уже давно миновал, солнце играло на оружие и доспехах, слепило глаза, нагревало и топило лед Чудского озера. Страшно хотелось пить. И в этот момент обескровленные и измотанные схваткой на берегу Вороньего Камня вновь бросились на врага пешие вои новгородцы и псковичи. Они ломали строй вражеской рати, круша врага секирами и булавами. Минут пять пешие кнехты, чудь и ливь еще сопротивлялись, но вдруг стали бросать оружие, пятиться и бежать. Дольше других сопротивлялись немецкие и датские конные вои. Но их валили на землю и сминали. Через четверть часа рыцари повернули коней и начали выходить из битвы.

Вскоре все немецкое войско быстро покатилось на северо-запад от озерных островов. Русская конница стремительно преследовала бегущих. Чудь, ливь и летьгола бросали оружие, вставали на колени и поднимали руки вверх, но их мало кто щадил. Конные немцы пытались оторваться от врага, но сделать этого не могли. Горислав и Путята преследовали бегущих, как и сотни других русичей. Разгоряченный Путята, опуская саблю на спины врага, на скаку бешено орал Гориславу:

— Даша ратнии плещи свои! Гориславе! Язви таку их мать!

Но Горислав почти не слышал его. Он все время пристально следил и старался не упустить рыжеволосого, уходившего на запад от преследования на сильном вороном коне.

Пешие новгородцы и псковичи уже остались далеко позади и прекратили преследовать бегущих. А русская конница в красно-розовых лучах вечернего апрельского солнца во весь опор неслась к западному Суболическому берегу Чудского озера по ровной ледяной глади, крушила и крошила остатки немецкой рати. Ровная серебристо-синяя поверхность озера покрывалась кроваво-темными пятнами павших. Почти через час отступления пеших воев уже не осталось. Близко уже был западный берег. Вдруг русичи увидели, что бегство немцев замедлилось. Они стали собираться в кучи и осторожно продвигаться вперед. С громом налетели передние ряды русских на замедливших ход немцев. Те пытались обороняться. Крики отчаяния, боли и гнева вновь охватили сражавшихся. Раздался гулкий удар, это ломился лед. В пылу преследования русичи пригнали остатки немецкой рати к сиговицам. Лед у их краев подтаял. Это были самые глубокие места — стремнина реки Великой, несущей свои воды по дну озера. Основная часть немецкой рати оказалась зажатой между двух больших полыней. Только узкая полоска льда — шириной саженей в пять лежала меж ними. И тут у кромки полыньи первые немецкие всадники стали проваливаться в воду и тонуть вместе с лошадьми. Доспехи не позволяли долго держаться на поверхности ледяной воды. Те, что были смелей и отчаянней других, рискнули направить коней к спасительной перемычке. Остальные приняли бой у кромки льда или попытались прорваться южнее. Нескольким сотням немецких воинов удалось проскакать по перемычке или обойти полыньи. Остальные приняли смерть в последней схватке близ западного берега. Лед ломался, крошился, и льдины переворачивались вместе с людьми. В пылу схватки их сотоварищи не могли помочь тонущим. Несколько десятков русичей с ходу подлетело к полыньям и,

проваливаясь под лед, стало тонуть. Многим из них успели подать копья, бросить поводья. Эти выбирались на твердь и вытягивали своих коней. Другим помочь не успели. Ледяная крошка и льдины плавали в воде, а между ними поднимались и бурлили на поверхности большие пузыри. Крики отчаяния и дикое ржание разносились над полыньями просыпающегося апрельского озера.

Гориславу наконец-то настиг рыжеволосого. Матерясь, они со звоном вновь скрестили оружие. Здесь им уже никто не мешал. Переветник махнул булавой, но детский увернулся от удара. Затем секира и булава вновь с лязгом ударились друг о друга. Ловким движением с пятого удара Горислав выбил булаву из десницы врага. Та отлетела, покатилась и ушла под лед. Рыжеволосый успел повернуть коня и тронуть его туда, где была ледяная перемычка. Здесь проскакал уже не один десяток отступавших. Горислав было погнался, но вовремя осадил коня. Новый гулкий удар раздался над озерной гладью. Перемычка треснула, и трещина прошла между полыньями. Рыжеволосый, как был с конем, так и ухнул в ледяную воду, подняв фонтан брызг. Тяжелые доспехи не дали ему долго оставаться над водой. Вода бурлила, принимая в свои темные глубины еще несколько воинов. Никто не спасал их...

Рыцарь Иоганн уже не гнал уставшего и запаленного коня. Конь, сбавляя ход, сам перешел на шаг. За полыньями русские прекратили погоню. Западный берег был уже почти под копытами коня. Иоганн осмотрелся. У берега съезжались конные воины из Оденпе, Дерпта и братья-рыцари. Их было не более пятисот человек. Из них многие раненые с трудом держались в седлах. Он развернулся и посмотрел назад, туда, где в лучах закатного солнца у полыньи еще во множестве маячили черные фигурки русских верховых воинов. Рыцарь утер пот, снял иссеченную рукавицу и осмотрел правую руку. Вся ладонь и кисть были в крови, что текла из-под кольчуги. Меч он сохранил. Рука болела в предплечье, но он остался

жив, слава Господу Иисусу Христу! Иоганн перекрестился дрожащей, окровавленной рукой и стал читать молитвы. Он думал о Неле и надеялся, что отыщет ее...

Тем временем Горислав, подав копье другу, вытащил Путяту из полыньи. Потом они вдвоем за повод вытянули на лед испуганного и дрожавшего коня. Путята, остудивший свой пыл ледяной купелью, дрожал, стягивая кольчугу, и криво улыбался, что-то рассказывая. Горислав молчал, пытался заставить себя слушать, но это у него с трудом получалось. Заметив, что друг безмолвен, замолк и Путята. Затем, испив крепкого меда из фляги, поданной Гориславом, спросил, что с другом, не ранен ли он. Поглаживая по храпу своего жеребца, и успокаивая его, Горислав посмотрел на свои дрожавшие персты, на доспех, обрызганный засохшей кровью, с трудом улыбнулся и молвил:

— У Ворниа Камени не бе видети леду. Покрыло бо се все кровию.

Путята сглотнул комок, образовавшийся у него в горле, и перекрестился перстами дрожавшей десницы...

Князь Александр Ярославич, подъехав к полыньям, остановил коня и долго смотрел на алый бархатный закат на далеком западном горизонте. Там за лесами и полями, юго-западнее Чудского озера стоял город, который отнял у него прошлое и надежды, который не один год он вожделел узреть, поять и выжечь, как сжигал в своем сердце все эти годы самое святое чувство, дарованное Господом человеку... Господь не привел. Князь снял шелом, подшеломник с головы, стянул кольчужную рукавицу и утер остывающее чело. Стер чужую, уже засохшую кровь с края уст и щеки, сплюнул, увидев ее, отирая длань и персты десницы. Перекрестился, озирая округу и осознавая, какой дорогой ценой досталась ему эта победа. Затем велел трубить в рога и собирать войска для отхода. Следом развернул коня и неторопливо тронул его на восток в сторону Вороньего Камня.

Послесловие

Историки и общественное мнение разных стран, народов (чьи предки скрестили некогда мечи в Ледовой сече), наверное, никогда не смогут прийти к единому мнению, оценивая итоги и значение событий, произошедших 5 апреля 1242 года на Чудском озере. И это вполне закономерно, приемлемо и оправдано. Человечеству не надо навязывать свою правду, если оно ищет Истину. Если же кто-то, как Понтий Пилат, цинично спросит: «Что есть Истина?» — тот обречен на ошибку и покаяние. Беда в том, что большинство представителей рода человеческого вообще не вспоминает об этих проблемах. Оно предпочитает жить в своих собственных иллюзиях или довольствуется тем, что ему преподносят в виде готового, удобоваримого блюда сильные мира сего. Но если бы в этом мире господствовали только мертвая буква закона и ложь, человечество давно стало бы явлением прошлого. Стремление восстановить былую реальность и понять, в чем было дело, есть стремление благое и имеющее отношение к Истине.

С той далекой эпохи до нас дошло довольно много исторических свидетельств отечественного и западноевропейского происхождения. Самое больное место для любого народа — его поражение и потери. Но их надо постараться принять и оценить так, чтобы потомки не упрекали своих предшественников в грядущих неудачах. Для этого и существует историческая наука.

Итак, о поражении и потерях. В большинстве русских летописей под 6750 годом от Сотворения мира (1242 от Рождества Христова), где сообщается о Ледовом побоище, определена цифра потерь немецких (а также и датских) воинов. За малыми исключениями она колеблется от 400 до 500 человек. Причем, везде настойчиво повторяется, что 50 «нарочитых мужей-воевод» было взято в плен. Что же касается пеших эстов, ливи и летьголы, то их потери просто не считаны победителями. Про эти потери летописцами сказано, что «чуди пало бесчисленное множество». И это понятно. Изначально невысокие социальная и военная организация, плохие доспехи и устаревшее вооружение балтов здесь были главной причиной. Если все же попытаться посчитать эти потери, то возможно применить определенный метод исчисления, характерный для рамок средневековой эпохи. Каждый немецкий или датский воин был профессионально подготовлен и опытен. Немцы составляли ядро ливонской рати. Следовательно, каждый воин (конный или пеший) мог организовать, подготовить и вывести в поле трех — четырех пеших ополченцев из среды ливи, латгалов или эстов. Эта статистика выглядит примерно одинаково для всех европейских стран и народов Средневековья. В то же время мы знаем, что часть немецких воинов утонула в полыньях и, естественно, выпала из числа тех, которых сочли убитыми на льду или на берегу Вороньего Камня. Другая же часть вырвалась из боя и отступила в сторону Дерпта. Следовательно, мы не знаем достоверно, каково было по численности ядро ливонского войска. Однако, исходя из потерь, зафиксированных русскими летописцами, можем утверждать, что изначально она была в два раза больше. Заметим при этом, что и немецкие хронисты и русские летописцы отмечали ожесточенность и продолжительность битвы на льду, когда потери могли быть очень значительны.

Итак, если взять за основу свидетельства русских летописей, то можно утверждать, что профессиональное ядро войска Ливонского ордена, принявшего участие в Ледовой сече, минимально исчислялось в 800—1000 профессиональных пеших и конных воинов. Следовательно, в его составе могло находиться от трех до четырех тысяч эстов и ливов. Это вполне приемлемая цифра, если учесть, что часть немецких воинов из Ливонии дралась в тот год в землях Тевтонского ордена и в Северо-Восточной Польше против монголо-татар. Необходимо вспомнить, что в предшествующие годы орденский хронист Генрих Латвийский неоднократно называл численность орденских войск. Так, в 1212 году Орден начал войну с эстами. В орденском войске было «четыре тысячи тевтонов и столько же ливов и леттов», т. е. восемь тысяч воинов. В 1223 г. меченосцы смогли собрать вновь восемь тысяч бойцов для взятия восставшего эстонского города Вилиендэ. И те успешно справились с поставленной задачей. В январе-феврале 1227 г. в поход на остров Эзель против восставших эстов двинулось войско, набранное из «ливонцев, рижан и ливи» численностью в двадцать тысяч воинов. Конечно, 1242 год был не лучшим годом для Ливонского ордена. Но насколько он был лучшим для Руси, пережившей монголо-татарское нашествие?

Если обратиться к западноевропейским источникам, то из переведенных и известных российскому автору и читателю свидетельств о тех событиях можно выделить «Старшую Ливонскую рифмованную хронику», «Хронику Тевтонского ордена», «Хронику Ливонии Бальтазара Руссова». Первый из названных источников свидетельствует о сильнейшем ожесточении в битве на Чудском озере, что вполне закономерно. Но там же сказано: «Русские имели такую рать, что каждого немца атаковало, пожалуй, шестьдесят человек». Здесь налицо явное преувеличение, ибо надо было оправдать поражение. А ответ все тот же: где было столько взять на Руси после монголо-татарского нашествия?

В то же время два первых источника умалчивают об участии, численности и потерях других немецких воинов, а также балтов в Чудской битве. Приводятся лишь потери «братьев рыцарей», то есть только членов Ордена. Опущены потери и численность всего ливонского войска. А оно набиралось также из мелких ленников Ордена (зависимых феодалов-дворян), рыцарей-паломников и добровольных наемников (кого могли называть «пилигримами»), воинов рижского епископа (хороших стрелков из арбалета), немецкого купечества (имевшего неплохие доспехи и оружие, боевой опыт и желание поживиться грабежом), пеших наемников-кнехтов, немецких колонистов, добровольцев и мобилизованных ливов, латгалов, эстов. Нельзя забывать, что в битве на озере вместе с немцами против своих земляков дрались многочисленные сторонники Твердилы Иванковича и оденпского князя-герпольта Владимира. Новгородская и псковская оппозиция владимиро-суздальским князьям еще была жива, сильна и могла выставить несколько сот профессиональных конных воинов. ***Но об этом тенденциозно умалчивают русские летописи.***

Итак, «Старшая Ливонская рифмованная хроника» свидетельствует, что в битве «было убито двадцать братьев рыцарей, а шесть было взято в плен». В более объективной и отстраненной от событий «Хронике Тевтонского ордена» говорится о гибели семидесяти орденских рыцарей. «Хроника Ливонии Бальтазара Руссова» представляет еще более объективные свидетельства, сообщая, что в битве на озере «было убито семьдесят орденских рыцарей ***с многими из немецкого войска,*** а шесть братьев-рыцарей попали в плен и были замучены до смерти». Что ж, гибель семидесяти профессионально подготовленных братьев-рыцарей потеря очень большая. Возможно, она неточна и немного завышена. Но если Истина где-то посредине между двадцатью шестью и семьюдесятью шестью, то это все равно очень немалая цифра для войн эпохи Средневековья. Ясно со всей очевидностью и

то, что многочисленная пешая ливонская рать, преследуемая русской конницей, не смогла добежать до западного Суболического берега семь верст. Она вся легла (что, скорее всего, произошло, учитывая ожесточение битвы) на льду в смертном бою и во время бегства. Какая-то часть ее бросила оружие и сдалась. Этих пощадили. Пощадили, верно, и рыцарей, взятых в плен. Ведь отпустил же князь Александр многих пленных немцев после взятия Копорья. Во всяком случае, свидетельства новгородских и псковских летописей о том, что в 1242 г. после заключения мира русские и немцы «головами разменишася», то есть обменялись пленными, вполне правдоподобно. Кроме того, отпущены были в Ливонию и псковские заложники — сторонники посадника Твердилы.

Возникает вопрос, каким же по численности было русское войско в той битве и каковы его потери. Не приводя утомляющих свидетельств и подсчетов, можно утверждать, что к началу битвы на льду у русских было около тысячи — полутора тысяч конных воинов. С ними было около трех — трех с половиной тысяч неплохо вооруженного и подготовленного пешего ополчения, набранного из новгородцев и псковичей. Причем надо учесть, что перед этим русский передовой полк Дамаша Твердиславича понес поражение от ливонцев. То есть, перед вступлением в Ливонию русское войско было большим по численности.

Ну а потери? Потери русского войска, возможно, были такими же, как и у ливонцев. Но скорее, меньшими. Ведь вторую половину битвы русские преследовали отступавших. Так или иначе, но «малой кровью» завершить эту войну князю Александру Ярославичу не удалось.

С 6750 года от Сотворения мира в синодики новгородских храмов монахи и священники внесли дополнения и, в поминальных молитвах о своих земляках пели с тех пор: «Покой, Господи, избиеных на Неве от немец при князе Александре Ярославиче: и княжих воевод, и новгородских воевод. И всех

избиеных братии нашей... И на Ледом избиеных от немец братии нашей...»

А оставшиеся в живых победители и побежденные заключили очередной мирный договор. Немцы прислали ко князю Александру послов с поклоном и со словами: «Что заняли мы силою без князя Водь, Лугу, Псков, Латыголу — от того всего отступаемся. А что мужей ваших в плен захватили — готовы тех обменять: мы ваших отпустим, а вы наших пустите».

В Центральной Европе война с монголо-татарами закончилась не сразу. Уже после принятия русского посольства к царю Батыю пришло известие из Каракорума о том, что умер великий хан Угедей. Батый приказал монгольским темникам свернуть фронт наступления на Запад, а сам срочно уехал в Каракорум. Большинство монгольских войск двинулось в Чехию. Там под городом Оломоуцем их рать встретилась с объединенным чешско-немецким войском. В апреле 1242 г. в ожесточенном сражении с большим пешим ополчением чехов, возглавляемых воеводой Ярославом, татары были отброшены и понесли большие потери. Татарские темники намеревались прорваться в Австрию, но были остановлены чешскими и австрийскими полками под руководством чешского короля Вячеслава. Затем основное войско монголо-татар повернуло на юг и через Венгрию и Хорватию вышло к побережью Адриатического моря в районе городов Сплита и Клиса. Далее оно прошло побережьем к городу Котору и через Сербию и Болгарию вышло к Дунаю. Сербию монголы практически не тронули. Сербские войска и горы не позволили им сделать этого. Но Болгария была разорена и покорена ими. Болгарский царь был вынужден платить им дань. Отдельные отряды монголов еще и в 1243 г. продолжали разорять Венгрию и Хорватию. Но основная их рать из низовьев Дуная двинулась в низовья Волги. Туда же возвратился из Каракорума Батый. Ставка Батыя постепенно превратилась в полукочевой, глинобитный город Сарай-Бату, ставший центром огромного,

нового евроазиатского государства Золотая Орда. Это государство тогда считалось самым западным улусом Великой Монгольской империи, раскинувшейся от берегов Тихого океана до берегов Черного моря и Дуная.

На исходе 1242 года Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович был вызван в Сарай-Бату. Сын же его Константин Ярославич с большими подарками отбыл в Каракорум. По сообщениям летописей, царь Батый почтил князя Ярослава и мужей его великою честью. А, отпуская от себя, сказал: «Ярослав, будешь ты старейшим среди всех русских князей в русском языке». Видимо, Ярослав Всеволодович первым получил ярлык (грамоту, удостоверяющую права) на Великое княжение. Так были оформлены вассальные отношения русских князей и ханов Золотой Орды. Весной 1243 г. Ярослав Всеволодович возвратился на Русь в стольный Владимир «с великой честью».

* * *

Судьба Руси решалась теперь на востоке. Ни Михаил Черниговский, ни Даниил Галицкий, пресмыкавшиеся перед папой и монархами Европы, никакой помощи от них не получили. Уже вскоре эта политика Михаила Черниговского окончилась трагедией для него самого и его окружения. Однако, разоренные татарами, католические королевства Венгрия и Польша более не имели сил вмешиваться в дела своих восточных православных соседей. Это позволило Даниилу Романовичу установить свою власть над Юго-Западной Русью и создать там довольно сильное государство. Он даже получил королевский венец из рук папы римского и стал официально именоваться королем Малой Руси («Dux totins Russiae Minoris»). Правда, немногим позднее и он был вынужден признать власть татарского царя, стать его вассалом. Юго-Западная Русь или «Малая Русь», зажатая между Золотой Ордой и Западным миром, смогла самостоятельно продержаться где-то немногим менее ста лет.

К началу 1240-х годов окончательно переломилась ситуация на Балканах и в Малой Азии, где господствующее положение в борьбе с католической агрессией заняла Никейская империя. Несмотря на то, что Болгария была разгромлена татарами, в борьбе православных государств и народов против католиков-крестоносцев наступил перелом в пользу первых. Начался завершающий этап противостояния и борьбы за Константинополь.

С той давней поры христианский мир европейских народов окончательно и бесповоротно разделился на западный и восточный. Конечно, граница установилась сначала в умах, сердцах и душах людей. А в XIII веке политические и конфессиональные рубежи между православным и католическим миром на севере Европы протянулись почти на тысячу верст. Не очень явственно, но местами определенно их можно провести по западным землям корелов и восточным землям еми (финнов). От северо-западных притоков и западных берегов Ладожского озера эта граница пробежала по волнам восточной акватории Финского залива. Затем четко прошла по реке Нарове. Разделила почти пополам воды Чудского и Теплого озер. Прошла западнее Изборска. Обогнула восточнее Латгальскую возвышенность, а далее уперлась в земли Белой Руси, не тронутой монголо-татарским нашествием. События 1242 года поставили последнюю точку в определении этих рубежей. С небольшими конфессиональными изменениями в пользу православия они существуют и в наше время. Что касается Белой и Юго-Западной (Малой) Руси, то и там конфессиональная граница прослеживается нечетко и чересполосно. Древнерусские и славянские корни католиков и православных мешают этому разграничению. Но южнее Карпат и на Балканах это разграничение чувствуется острее. И причины этого противостояния коренятся в трагедии 1204 года.

История Древней Киевской Руси завершилась трагически, но героически — в жестоких битвах с завоевателями Востока

и Запада. В 1235—1243 гг. стране был нанесен сокрушающий удар, от которого она не оправилась. Однако история уже неоднократно доказывала, что потомки древнерусского народа часто вспоминали и вспоминают о своем изначальном единстве. И еще, вероятно, события, происходившие в то трагическое время на ее северо-западных рубежах, не выглядели столь масштабно, как на востоке, юге или западе. Однако они имели самые важные последствия для народов всей Восточной Европы вообще и великорусского народа в особенности.

Конец

Словарь специальных терминов и слов древнерусского языка:

1. Относительно даты рождения Александра Ярославича, второго сына переславского князя Ярослава Всеволодовича, предположения историков значительно расходятся. Автор придерживается мнения наиболее авторитетного историка XVIII в. В. Н. Татищева, пользовавшегося в свое время не сохранившимися до нашего времени летописными источниками, и определенно указавшего, что князь Александр родился 30 мая 1219 г. (Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 423.).
2. **Аланы** — предки осетин.
3. **Бакшиш** (татарск.) — подарок.
4. **Бармицы** — кольчужный доспех, прикреплявшийся к основанию шелома, защищавший лицо, шею и плечи воина.
5. **Берковец** — мера веса, равная 10 пудам.
6. **Берма** — пространство между рвом и валом.
7. **Большой город Торопец** — большинство историков связывает это место со столицей славянского племени кривичей — Кривитеском (Кривит, Кривеч).
8. **Брать копьем** — штурмом, приступом.
9. **Бродники** — потомки крещеных хазар, степные разбойники, предки казаков.
10. **Булгары** — средневековый тюркоязычный народ, образовавший свое государство в низовьях Камы и на среднем течении Волги и принявший ислам.

11. **Бунчук** — татарское знамя.
12. **Варяжское море** — средневековое название Балтийского моря.
13. **Владыка** — представитель высшей церковной иерархии (митрополит, архиепископ, епископ).
14. **Велес** (Волос) — древнерусский языческий бог, покровитель скота.
15. **Воропы** — налеты, набеги.
16. **Воротная вежа** — проездная башня с воротной системой.
17. **Выход** — дань.
18. **Выя** — шея.
19. **Вятшие мужи** — представители древней, родовитой знати; лучшие, зажиточные люди.
20. **Гардарика** (шведск.) — Русь.
21. **Голомень** — плоская сторона клинка.
22. **Голядь** — балтское племя, населявшее бассейн реки Протвы.
23. **Гридь** — профессиональный воин младшей дружины из двора князя.
24. **Гюргий** — один из средневековых вариантов имени Юрий, Георгий.
25. **Гульбище** — высокое крыльцо, открытая терраса.
26. **Дворский** — управляющий хозяйством усадьбы.
27. **Детинец** — кремль с ближайшими постройками под защитой единой оборонительной системы.
28. **Детский** — дружинный военачальник среднего ранга.
29. **Длань** — кисть руки.
30. **Дощатый доспех** — доспехи из стальных, прямоугольных, выпуклых пластин, тесно стянутых друг с другом кожаными ремешками. Другое название доспеха — «бронь дощатая», «панцирь».
31. **Дрягва** — болото.
32. **Емь** — средневековый этнос, предки финнов.

33. **«Еж»** — инженерное сооружение, применяемое для штурма крепостей, видимо, подобие строительных лесов.
34. **Ерсике** (Герцике) — удельное княжество Полоцкой земли в среднем течении Западной Двины начала XIII века. Было захвачено Орденом в 1214 г.
35. **Жертвенник** — северная часть алтарной апсиды храма.
36. **Заборола** — защитные деревянные конструкции, устраиваемые по верхнему боевому ходу оборонительной стены или же сами бревенчатые конструкции стены в виде срубов.
37. **Залозный путь** — путь от Среднего Поднепровья к устью Дона. Назван так потому, что начинался на левом, низком берегу Днепра, поросшем в Средние века ивовой лозой.
38. **Замятня** — междоусобица.
39. **Захаб** — въезд в крепость, расположенный между двух оборонительных стен.
40. **Ижора** — финно-угорское племя, жившее в средневековую эпоху на берегах Невы и ее притоке реке Ижоре.
41. **Изгоном взять** — захватить неожиданно, ворваться на плечах противника.
42. **Калита** — сумка для монет.
43. **Кафолическая** (греч.) — вселенская.
44. **Керамиды** — черепица.
45. **Клави** (греч.) — плащ-накидка, застегиваемая на плече.
46. **Клевец** — рубящее оружие, разновидность металлического молота, заостренного со стороны обуха.
47. **Кметь** — профессиональный, конный воин, не состоявший в ближней княжеской дружине.
48. **Кнехт** (нем.) — профессиональный пеший воин, копейщик.
49. **Конунг** (шведск.) — король, князь.
50. **Комонный** — конный воин.
51. **Концы** — окраинные кварталы Новгорода Великого.

52. **«Копье»** — небольшой, самостоятельный отряд конницы или подразделение в составе конного полка числом от нескольких десятков до ста или двухсот всадников. В составе полка «копья» объединялись в более крупные отряды — «стяги».
53. **Корзн** — княжеский плащ, одеваемый внакидку, застегиваемый на плече.
54. **Котт** — кроеная одежда, появившаяся в Европе в XIII в. и напоминавшая длинную куртку.
55. **Котора (пря)** — вражда, распря.
56. **Кош** — главная сила татарского войска, где находилась ставка хана или полководца.
57. **Кром** — кремль, крепость, цитадель.
58. **Куртина** — западноевропейское название прясла стены.
59. **Куна** — серебряная новгородская монета.
60. **Лава** — развернутый по фронту строй атакующей конницы.
61. **Латинская империя (Романия)** — государство, образованное западноевропейскими завоевателями-крестоносцами на берегах Мраморного моря, после захвата Константинополя в 1204 г. Романия существовала до 1261 г.
62. **Латыняне (латиняне)** — католики.
63. **Ливь, летты (летьгола)** — средневековые предки латышей.
64. **Липецкая сеча** — произошла 21 апреля 1216 г. близ реки Липицы у г. Юрьева-Польского во Владимиро-Суздальской земле.
65. **Личина** — железная маска, забрало, закрывавшее лицо воина в бою. Личины имели прорези для глаз и носовые отверстия. Личины надевали на подшеломник и носили с бармицей.
66. **Мафорий** — покрывало.
67. **Меченоша** — личный, часто родовитый и почетный слуга князя, оруженосец.

68. **Молодшая дружина** — рядовые воины княжеской дружины: гриди, отроки, паробки, милостники и др.
69. **Мещера, мурома** — финно-угорские племена, жившие в эпоху Средневековья в бассейне нижнего течения Оки.
70. **Милостники** — воины младшей дружины, близкие к дворянам, возможно, люди, близкие князю («любимцы»).
71. **Минориты** (лат.) — монахи францисканцы.
72. **Мурмане** — средневековое, русское название норвежцев.
73. **Неделя** — воскресенье.
74. **Несторианская конфессия (несториане)** — одна из древнейших восточнохристианских конфессий, сложившихся в Ромейской (Византийской) империи в первой половине V в. по Р. Х. Суть богословского учения несториан сводится к тому, что они проводят глубокую грань между божественной и человеческой природой Христа, подчеркивая их «неслиянность». Исходя из этого, несториане не почитают Святую Деву Марию как Богородицу-Богоматерь, признавая ее только Христородицей, Богоприимецей. Уже в V в. несториане были изгнаны за пределы Империи ромеев и создали свою церковную организацию в Мессопотамии и Центральной Азии. В Средние века их учение широко распространилось среди кочевых народов Великой Степи.
75. **Неф** (архитект.) — часть здания между стеной храма и ближайшим рядом колонн или между двумя соседними рядами колонн.
76. **Неф** (морск.) — тип средневекового западноевропейского корабля больших размеров.
77. **Низ** — земли, расположенные ниже верховьев Волги и озера Селигер. Низовская земля — Владимиро-Суздальская земля.
78. **Николи** — никогда.
79. **Новгородская господа** — новгородское боярство.

80. **Обезы, касоги** — северокавказские племена эпохи Средневековья.
81. **Огнищанин** — член младшей княжеской дружины, ответственный за княжеское или дружинное хозяйство.
82. **Орденский мейстер** — магистр рыцарского ордена.
83. **Ортма** — нарядная попона.
84. **Отрок** — воин-слуга в дружине и домашний слуга князя.
85. **Отчина** — княжество, земельное владение, передаваемое по наследству.
86. **Охабень** — кафтан с прорезями для рук, и свисающими длинными узкими рукавами, служившими украшением.
87. **Паникадило** — центральный подсвечник храма, подвешиваемый к куполу.
88. **Паробок** — мелкий, неродовитый княжеский или боярский слуга из ближайшего окружения, член младшей дружины.
89. **Переветник** — переметнувшийся, предатель.
90. **Перси града** — грудь крепости, оборонительные сооружения с напольной стороны.
91. **Пилигримы** — рыцари-крестоносцы, паломники.
92. **Полон** — плен.
93. **Полонины** — альпийские луга.
94. **Полуночные страны** — Скандинавия.
95. **Понявица** — саван.
96. **Пополох** — переполох.
97. **Поприще** — расстояние равное версте.
98. **Пороки** — средневековое русское название камнеметов.
99. **Поруб** — тюрьма.
100. **Пригороды Новгорода** — малые города Новгородской земли.
101. **Примет** — технические средства, применяемые при штурмах оборонительных сооружений для преодоления рва, вала и стен.

102. **Прясло стены** — оборонительные сооружения, расположенные между башен или других инженерных узлов крепости.
103. **Пяток** — пятница.
104. **Распустить в загон** — разорять и грабить окрестности.
105. **Римляне** — католики.
106. **Ромеи** — (римляне) самоназвание греков-византийцев.
107. **Ромейские царства XIII в.**: Никейская империя, Эпирское царство, Трапезундская империя, возникшие в начале XIII в. на развалинах Ромейской (Византийской) империи.
108. **Русское море** — средневековое название Черного моря.
109. **Ряд и купа** — договор и долг.
110. **Самовидец** — очевидец.
111. **«Свинья»** — таран, клин.
112. **Свояк** — муж сестры.
113. **«Севера»** — название коренного населения черниговосеверской земли в эпоху раннего и развитого Средневековья.
114. **Сенник** — холодная горенка против терема через сени.
115. **Снем** — съезд.
116. **Скудельница** — общая, братская могила.
117. **Славна** — южный сектор Торговой стороны Новгорода Великого.
118. **«Совь» (совня)** — подобие рогатины с широким колюще-рубящим лезвием.
119. **Солея** — ступенчатый выступ перед алтарной преградой в христианском храме.
120. **Соступ** — атака, сшибка, рукопашная схватка.
121. **Сполох** — военная угроза, тревога.
122. **Старшая дружина** — бояре, мужи.
123. **Стол (княжеский)** — престол.
124. **Столп с бойницами** — чаще всего круглая (не воротная) башня, используемая для стрельбы по осаждашим.

Первые «столпы» в Восточной Европе появляются ближе к середине XIII в.

125. **Стихарь** — священническое одеяние. Длинная одежда без разреза спереди и сзади, с отверстием для головы и с широкими рукавами.
126. **Сторожа** — разведка, авангард войска.
127. **Стяг** — крупное подразделение, отряд числом до нескольких сотен всадников в составе конного полка.
128. **Сулица** — короткое копье, копье для метания или ближнего рукопашного боя.
129. **Сумь** — средневековый этнос Западной Финляндии — предки финнов.
130. **Сурожское море** — средневековое название Азовского моря.
131. **Сыновец** — племянник.
132. **Сюрко** — длинная накладная рубаха, без рукавов, прямого свободного покроя. Западноевропейские рыцари одевали сюрко поверх кольчуги или других доспехов.
133. **Тать** — разбойник.
134. **Тиун** — управляющий делами в княжеском хозяйстве.
135. **Толмач** — переводчик.
136. **Торока** — дорожные сумки для верховой езды.
137. **Третьяк** — часть черниговского средневекового окольного града, укрепленного острогом, располагавшегося близ Детинца.
138. **Тул** — колчан для стрел.
139. **Тумен** — десять тысяч воинов — соединение монголо-татарского войска.
140. **Убрус** — полотенце.
141. **Фогт** — областной правитель в системе военно-административного управления Ордена меченосцев и Ливонского ордена.
142. **Фряги** — средневековое название итальянцев.
143. **Харалуг** — меч особой закалки.

144. **Хауберг** (шведск.) — кожаная рубаха, обшитая плотными рядами железных колец.
145. **Хины** — средневековое название китайцев.
146. **Хиновское царство** — средневековое название Китая.
147. **Хольмгард** (шведск.) — Новгород Великий.
148. **Хоры** (архитект.) — место под сводом храма, своего рода балкон, где располагались певчие и стояли службу представители знати. Хоры находятся, как правило, под сводом центрального нефа. Проход на хоры вел через пристроенную к зданию храма лествичную башню или располагался в кладке каменных стен храма.
149. **Хоругвь** (польск.) — полк, отряд, ополчение какой-то волости или региона.
150. **Цареград** — славянское название Константинополя.
151. **Царские врата** — центральный вход в алтарь храма, через двустворчатые ворота, устроенные в иконостасе.
152. **Чадь** — простолюдины, неродовитые люди, младшие в роду.
153. **Чешуйчатая бронь** — доспехи из металлических пластин округлой формы, прикрепленных к кожаной основе с наружной стороны и закрепленных изнутри.
154. **Чжурчжени** — предки маньчжур в эпоху Средних веков.
155. **Чингизиды** — династия Чингисхана.
156. **Шнек** — небольшой парусный корабль Средневековья.
157. **Шуряк** — шурин.
158. **Эрзя** — финно-угорский народ, часть мордовского этноса.
159. **Яик** — средневековое название реки Урал.
160. **Яловец** — острие конического шелома, флажок или иной знак, прикрепленный на нем.
161. **Ярл** (шведск.) — представитель высшей знати, глава правительства в Швеции.
162. **Яруг** — овраг.

Содержание

ОРДЫНСКАЯ БРОНЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Часть первая. «Сокровенное» 5

Глава I. На берегах Словутича 8
Глава II. Наследники «Большого Гнезда» 27
Глава III. За Днепром 39
Глава IV. Большое гнездо 65
Глава V. Чудская земля 77
Глава VI. Наука отрочества 101
Глава VII. Погоня 157
Глава VIII. Галицкий стол 181
Глава IX. Охота 194
Глава X. «Яко же еси зовут тя?» 208
Глава XI. Возвращенный град 247
Глава XII. Черниговские вои 259
Глава XIII. Княжеский съезд 274
Глава XIV. Князь Даниил Волынский 285
Глава XV. «Крепка как смерть любовь» 305
Глава XVI. «Виждь, яко есть лепо место сие» 315
Глава XVII. Сокровенное, или Храм над каменными вратами 328

«Сокровенные рубежи Руси» 370

Часть вторая. «Откровение» 370

Глава I. Княжеская охота на волков, или Две стрелы из одного тула 372
Глава II. У северо-западного рубежа Руси 390
Глава III. Светлая седмица 407
Глава IV. В Оденпе и под Дерптом 419
Глава V. Обет любви 447
Глава VI. Накануне 456
Глава VII. Прощание 488
Глава VIII. Посольство 495
Глава IX. Нашествие 506
Глава X. Козельск 566
Глава XI. Разлука 583
Глава XII. Суженая 605
Глава XIII. Псков 613
Глава XIV. Во откровение 627
Глава XV. Безвременье 659
Глава XVI. Врата, ведущие в каменный храм 677
Глава XVII. «И не бе видети леду, покрыло бо се все кровью» 708

Послесловие 732

Словарь специальных терминов и слов древнерусского языка 741

Абрамов Дмитрий Михайлович

ОРДЫНСКАЯ БРОНЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Редактор *В. Манягин*
Художественный редактор *А. Новиков*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02, 733-97-89
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89

«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Подписано в печать 22.08.2006.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 39,48 .
Тираж 4 000 экз. Заказ № 4148.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

Дмитрий
АБРАМОВ

Ордынская броня Александра Невского

интернет-магазин
OZON.ru
24606001

Имя национального русского героя и святого князя Александра Ярославовича Невского известно всем. Однако знания о нем чаще всего ограничены блистательной победой над псами-рыцарями на льду Чудского озера. А как жил Александр до этого подвига? Как прошло его детство и отрочество? Об этом рассказывает увлекательная книга Дмитрия Абрамова. Автор отличается глубокими познаниями исторических реалий того времени. В книге подробно описывается воинское снаряжение, тактика военных действий средневекового русского воина. Широк и географический диапазон событий, описанных в книге, — от монгольских степей до византийской столицы. Политические интриги, война, юношеская любовь молодого княжича и его боевые подвиги — все это не оставит равнодушным никого из любителей русской истории.

ISBN 5-9265-0278-0
9 785926 502784